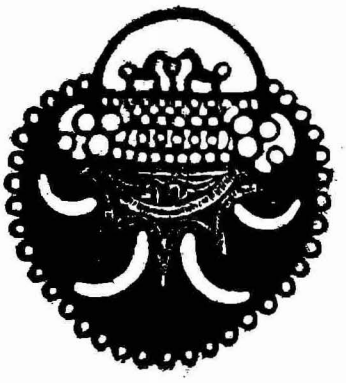
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ТЕМАТИКА ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ АСПИРАНТОВ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

В целях координации научно-исследовательских работ и избежания дублирования Институт археологии АН СССР сообщает темы диссертационных работ аспирантов Института.

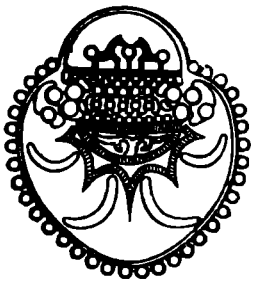
1. Андроновские племена (Зотова С. В., 1964 г.) [1].
2. Неолит Костромского и Ярославского течения Волги (Гаврилова И. В., 1964 г.).
3. Неолит Башкирии (Матюшин Г. Н., 1964 г.).
4. Горное дело в древней Туве (Сунчугашев Я. И., 1964 г.).
5. Денежное обращение в Бухарском ханстве с середины XVIII до конца XIX в. (Бурнашева Р. З., 1964 г.).
6. Каменные изваяния Минусинской котловины эпохи бронзы (Вадецкая Э. Б., 1964 г.).
7. Гончарное производство и керамика Молдавии в XIV в. (Полевой Л. Л., 1964 г.).
8. Поморская культура (Никитина В. Б., 1964 г.).
9. Ранний палеолит нижнего Дона и северо-восточного Приазовья (Праслов Н. Д., 1965 г.).
10. Племена Среднего Енисея в раннем железном веке (Дэвлет М. А., 1965 г.)
11. Племена Прионежья в конце II — начале I тысячелетия до н. э. (Ошибкина С. В., 1965 г.).
12. Древнейшая культура Абхазии (Бжания В. В., 1965 г.).
13. Культура Кипра раннего железного века (XII—IV вв. до н. э.) (Савельев Ю. А., 1965 г.).
14. Этнокультурные области верхнепалеолитического и мезолитического времени в восточном Средиземноморье (Бадер Н. О., 1965 г.).
15. Неолит Западной Африки (Никитин А. Л., 1965 г.).
16. Экономика городов Северной Африки в римское время (I—III вв. н. э.) (Шургая И. Г., 1965 г.).
17. Древние цивилизации Центральной Америки (развитие и взаимные связи древних культур Мексики, Гватемалы, Гондураса во второй половине I тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э. по археологическим данным) (Гуляев В. И., 1965 г.).
18. Древние цивилизации Андийской области (Боливия и Перу во второй половине I тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э.) (Башилов В. А., 1965 г.).
19. Энеолит Центральной Индии (Щетенко А. Я., 1965 г.).
20. Ранние верхнепалеолитические культуры Южной Азии в связи с началом верхнего палеолита в Центральной и Юго-Восточной Европе (Григорьев Г. П., 1965 г.).
21. Города и оседлые поселения Семиречья и Таласской долины в XIII—IV вв. (Ерзакович Л. Б., 1965 г.).

---

[1] В скобках указаны исполнитель и год окончания работы.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19, тел. В 6-94-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-08909 Подписано к печати 26/VI-1963 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,0
Печ. л. 27,40 + 2 вкл. Уч.-изд. л. 31,3 Тираж 1965 экз. Заказ 2123

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

В КОМИТЕТЕ ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся работы в области науки и техники.

Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники постановил:

1

Присудить Ленинские премии 1963 года за наиболее выдающиеся работы в области науки:

6. ***Крупнову Евгению Игнатьевичу***, *доктору исторических наук, старшему научному сотруднику Института археологии Академии наук СССР — за научный труд «Древняя история Северного Кавказа», опубликованный в 1960 г.*

К 60-ЛЕТИЮ ТАТЬЯНЫ СЕРГЕЕВНЫ ПАССЕК

В 1963 г. археологическая общественность отмечает 60-летие одного из крупнейших специалистов в области истории первобытного общества — Татьяны Сергеевны Пассек.

Т. С. Пассек родилась 15 августа 1903 г. в Ленинграде. Прабабушка ее — Татьяна Петровна Пассек, известный автор воспоминаний «Из дальних лет», та «корчевская кузина», о которой пишет А. И. Герцен. Вадим Васильевич Пассек, археолог и этнограф — прадед Татьяны Сергеевны. Бабушка ее со стороны матери — Александра Николаевна Пешкова-Толиверова — известна своим участием в гарибальдийском движении.

В 1924 г. Татьяна Сергеевна окончила факультет общественных наук Ленинградского государственного университета по отделению археологии и истории искусств. Была оставлена при университете и закончила аспирантуру в 1930 г. В том же году переехала в Москву, где сначала работала в секторе археологии ГАИС, с 1932 г. — в МОГАИМК АН СССР, а с 1937 г. и до настоящего времени работает в ИА АН СССР.

Из-под пера Т. С. Пассек вышло более 80 научных работ. Первые работы Татьяны Сергеевны, за исключением нескольких этнографических статей, посвящены бронзовому веку Кавказа — теме, к которой Татьяна Сергеевна неоднократно возвращается и впоследствии. Привлекали ее внимание и племена, населявшие в бронзовом веке лесостепную полосу Европейской части СССР. В 1935—1936 гг. круг интересов Татьяны Сергеевны расширяется в связи с работой на новостройках: на канале Москва — Волга и на строительстве Московского метрополитена. Вместе с тем с первых лет аспирантуры Татьяну Сергеевну увлекают проблемы трипольской культуры. Об этом красноречиво свидетельствуют тезисы доклада «Трипольская культура», представленные ею в 1926 г. на Всесоюзное археологическое совещание в г. Керчь. В этих тезисах уже нашли

свое место некоторые положения ее будущих исследований по периодизации памятников трипольской культуры. С этого времени изучение трипольской культуры становится делом всей жизни Татьяны Сергеевны.

Последующая работа в этом направлении позволила Татьяне Сергеевне систематизировать и классифицировать огромное количество трипольской керамики, накопившейся к тому времени в музеях Украины. Результаты исследования были опубликованы в 1935 г. в монографии «La céramique tripolienne», в которой намечалась новая периодизация трипольских памятников.

Применявшаяся до тех пор методика раскопок траншеями и небольшими площадями не давала возможности изучить целиком трипольское поселение и даже жилище. Ставя перед собой задачу всестороннего исследования трипольской культуры, Татьяна Сергеевна пришла к выводу о необходимости вскрытия широких площадей, открывающих все поселение в целом, в результате чего можно было с наибольшей полнотой проследить жилищные комплексы, их сочетание и общую планировку поселения. Вот почему уже в 30-х годах Татьяна Сергеевна меняет методику полевого исследования. Выработанная в процессе работ Трипольской экспедиции новая методика позволила, наконец, правильно интерпретировать трипольские площадки, как остатки больших домов, а не погребальных сооружений. Удалось реконструировать некоторые жилища. После первого, раскопанного по новому методу поселения Коломийщина 1, этот метод широко внедряется в практику исследования трипольских поселений. Он позволил выявить не только отдельные комплексы жилищ, но и определить хронологическую последовательность сооружения отдельных построек, например во Владимировке. Многолетними работами Трипольской экспедиции, руководимой Т. С. Пассек, во Владимировке выявлены остатки свыше 200 жилищ, расположенных, как и в Коломийщине, в несколько рядов по кругу. Было установлено, что поселок существовал длительный отрезок времени, вследствие чего и разросся до больших размеров.

Полное исследование жилищ различных трипольских поселений и тщательное изучение всего комплекса находок дало возможность наметить их периодизацию.

Неиссякаемая энергия в поисках нового заставляет Татьяну Сергеевну все время совершенствовать методику раскопок. Для непосредственного ознакомления с методами работы к Татьяне Сергеевне на раскопки постоянно приезжают как советские, так и зарубежные ученые.

В результате многолетних работ Трипольской экспедиции Татьяной Сергеевной была создана «Периодизация трипольских поселений» (1949 г.). В этом монументальном исследовании обобщены все данные по трипольской культуре, накопленные советскими и зарубежными исследователями. Создание периодизации усложнялось тем, что поселения со стратиграфически последовательным залеганием комплексов были известны в очень небольшом числе и только на территории Румынии. К тому же они не содержали достаточных данных для установления относительной периодизации поселений. Поэтому Татьяне Сергеевне пришлось провести колоссальную работу по изучению и классификации огромного керамического материала. Лишь скрупулезное изучение комплексов вещей и тщательная классификация их позволили Т. С. Пассек убедительно обосновать относительную периодизацию трипольских поселений и установить абсолютные даты для каждого из выделенных этапов. Кроме того, на большом фактическом материале она смогла показать генетическую связь всех этапов друг с другом. Особенно трудно было сделать это в отношении позднего этапа, выделяемого некоторыми исследователями в особую городско-усатовскую культуру. Но Татьяна Сергеевна сумела проследить связь позднетрипольских поселений с более ранними на ряде переходных типов и явлений в материальной культуре и хозяйстве. В на-

стоящее время этот взгляд разделяет большинство ученых. Доказав принадлежность памятников городско-усатовского типа к трипольской культуре, Татьяна Сергеевна ставит вопрос о связи позднетрипольских племен с племенами эпохи бронзы, существовавшими позднее трипольских на той же самой территории. В этой работе Татьяна Сергеевна сумела выделить локальные варианты трипольской культуры и проследить расселение трипольских племен. Таким образом во многом по-новому была освещена история земледельческих племен, населявших в III—II тысячелетиях до н. э. территорию правобережной Украины и Молдавии.

В 1947 г. работа «Периодизация трипольских поселений» была защищена Т. С. Пассек в качестве докторской диссертации. После опубликования работы Татьяне Сергеевне в 1950 г. была присуждена за нее Государственная премия.

Пытливый ум исследователя не успокоился на достигнутом, так как для более полного представления об истории трипольских племен недоставало сведений с обширной территории Поднестровья и Молдавии. Поэтому, начиная с 1947 г., в план работы экспедиции Татьяна Сергеевна включает обследование правобережья Днестра и отдельных районов МССР. С этого времени начинается тесная связь с археологами Молдавии. В результате Татьяна Сергеевна принимает деятельное участие в разработке проблем первобытной археологии, которыми занимается институт истории АН МССР.

Где бы ни работала Татьяна Сергеевна у нее обязательно появляются ученики, имеются они теперь и в Молдавии. Это объясняется многими весьма ценными чертами ее характера: огромной эрудицией, целеустремленностью, неиссякаемой энергией и исключительной работоспособностью. Всякий, обращающийся к Татьяне Сергеевне за советом и помощью, всегда встречает дружескую поддержку и участие. В обсуждение любого вопроса она обязательно вносит творческое начало и, увлекаясь сама, увлекает других. Своим страстным отношением к любимому делу она зажигает и своих учеников. Под руководством Татьяны Сергеевны совместные усилия их направлены на изучение истории племен, населявших юго-запад нашей Родины в эпоху неолита и бронзы.

По мере открытия новых и новых поселений этих эпох на территории Молдавии белых пятен на археологической карте становится все меньше. Наряду с трипольскими поселениями на ней появляются пункты с находками ранее не известных на этой территории культур: боян, гумельницы, линейно-ленточной керамики, буго-днестровского неолита. Перед Татьяной Сергеевной встает вопрос: какова же была история древних земледельческих племен, населявших территорию между Днестром и Дунаем? Эта сложная проблема на несколько лет целиком поглощает внимание Татьяны Сергеевны. В 1961 г. появляется новая монография «Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья». В этом исследовании периодизация памятников трипольской культуры нашла себе новое подтверждение в материалах с многослойных поселений. Наблюдения над стратиграфией поселений свидетельствовали о длительном существовании трипольского населения в Поднестровье. На основании новых данных Татьяна Сергеевна определяет территорию, заселенную трипольскими племенами на различных этапах развития культуры; устанавливает тип поселения, занятия населения, эволюцию общественного строя трипольцев. Наиболее интересные материалы были получены Татьяной Сергеевной при раскопках многослойного поселения Поливанов-Яр, где впервые для трипольской культуры возле жилищ были обнаружены остатки мастерских по производству изделий из кремня. В них наряду с законченными орудиями и заготовками были найдены инструменты для обработки кремня и отходы производства. Коллекция кремневых инструментов и заготовок орудий, собранная на месте поселения еще в 1948 г., была настолько выразительна, что Татьяна Сергеевна,

опубликовав ее, поставила вопрос о передатировке подобных изделий, ранее относимых к периоду неолита. В Поливановом-Яру обследован оборонительный ров, отделявший поселение на мысу от напольной части. До этого открытия искусственные оборонительные сооружения в трипольских поселках Поднестровья не были известны.

Стараясь выделить черты, характерные для памятников позднетрипольского времени в бассейне Днестра, Татьяна Сергеевна обследует целый ряд выявленных экспедицией поселений и выделяет признаки, связывающие их с поселениями предшествующего периода. В это же время Татьяна Сергеевна осуществляет свою давнюю мечту — раскопать могильник трипольского времени. И вот в течение нескольких лет ведутся исследования позднетрипольского родового могильника у с. Выхватинцы. Они позволили уточнить многие характерные черты погребального обряда, в частности наметить различия в инвентаре в зависимости от пола и возраста погребенного. Помимо интересного инвентаря и наблюдений над погребальным обрядом оказалось возможным получить и антропологический материал. Установление антропологического типа трипольцев увлекало Татьяну Сергеевну давно. Не располагая еще остеологическим материалом, она ставила вопрос о трактовке человеческого типа, изображенного в известных трипольских статуэтках, как арменоидного.

Антропологический материал из погребений в целом не подтвердил этого взгляда; тип, представленный в Выхватинском могильнике, оказался европеоидным, лишь одно позднее погребение в Незвиско дало арменоидный тип трипольца.

Изучая трипольские племена Поднестровья, Татьяна Сергеевна рассматривает историю их во взаимосвязи с другими неолитическими и энеолитическими племенами Днестровско-Дунайского бассейна. Татьяна Сергеевна использует результаты исследований, полученные румынскими археологами, но в основу своей работы, как всегда, кладет новый фактический материал, добытый советскими учеными. В последнее время коллективом специалистов под руководством Татьяны Сергеевны на территории Молдавии стали изучаться поселения древних земледельческих племен V — III тысячелетий до н. э., стала раскрываться их история. Исследованию этих племен, основное развитие которых проходило за пределами территории Советского Союза, очень способствовали научные командировки за границу. Т. С. Пассек побывала в Польше, Румынии, Болгарии, Чехословакии, участвовала в симпозиуме по неолиту Европы в Праге (1959 г.), принимала участие в организации и проведении Советско-Румынского и Румыно-Советского семинара по первобытной археологии (1958 и 1962 гг.), на которых проходило деловое обсуждение новых данных по истории племен, населявших Подунавье и прилегающие к нему районы.

Дальнейшее развитие этой темы изложено в ее докладе «Взаимоотношения между Западной и Восточной Европой в эпоху неолита» на VI Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Риме в 1962 г. Татьяна Сергеевна охарактеризовала древнейшие культуры, существовавшие между Днепром и Дунаем, показала территорию их размещения и предложила новую синхронистическую таблицу культур V—III тысячелетий до н. э. Опираясь на материалы с поселений, имеющих стратиграфию, и на абсолютные даты, полученные радиокарбонным методом, Т. С. Пассек значительно удревняет трипольскую культуру и соответственно целый ряд других культур.

В последнее время Татьяной Сергеевной написан ряд работ, в которых дается характеристика древних земледельческих культур, ранее не изучавшихся на территории Советского Союза, и делается попытка установить их место среди других энеолитических культур. Но центральное место в этих построениях Татьяны Сергеевны продолжают занимать наиболее систематизированные памятники трипольской культуры. Можно

смело сказать, что в настоящее время нет ни одной археологической культуры энеолитического времени на территории нашей страны, которая была бы изучена с такой полнотой, как трипольская. В этом — огромная заслуга Т. С. Пассек, занимающейся ее исследованием около 40 лет. Однако никакой срок не помог бы достигнуть таких успехов, если бы не огромное трудолюбие и целеустремленность в работе, не творческая мысль, все время стремящаяся вперед и ставящая перед исследователем все новые и новые задачи. Это неутомимое стремление к более глубокому познанию древней истории давно сделало Т. С. Пассек одним из видных специалистов в области первобытной археологии.

Благодаря ее трудам племена трипольской культуры заняли почетное место на страницах книг археологов и историков всего мира. Плодотворная научная работа Т. С. Пассек была дважды отмечена высокой наградой: орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Нельзя говорить о Татьяне Сергеевне как об ученом, не сказав о ней как о человеке. В Татьяне Сергеевне соединяется пытливый ум исследователя с чисто женским обаянием. В ее внешнем облике и сейчас много молодости, мягкости, женственности. Где бы ни была Татьяна Сергеевна — в рабочем кабинете, в экспедиции, в командировке,— она всюду окружена молодежью. Это объясняется многими привлекательными чертами ее натуры: живым складом ума, большой душевной чистотой, способностью радоваться каждой находке и каждому успеху товарищей, сильно развитым чувством коллектива. Каждое дело, за которое берется Татьяна Сергеевна, она выполняет с исключительной тщательностью — это хорошо знают те, кто близко соприкасался с Татьяной Сергеевной по работе. Татьяне Сергеевне присуще высокоразвитое чувство долга и ответственности за порученное дело и она всегда успешно совмещает с научной административную и общественную работу: в 1941—1945 гг. и в 1948—1951 гг. она — ученый секретарь ИИМК АН СССР; в 1945 г.— член комиссии по определению ущерба, нанесенного СССР войной; с 1946 г.— член редколлегии, а с 1958 г. по настоящий момент — ответственный редактор КСИА АН СССР; член редколлегии журнала «Советская археология». Татьяна Сергеевна — член Общества Советско-Румынской дружбы.

Немало времени и сил отдает Татьяна Сергеевна выращиванию молодых специалистов в области первобытной археологии.

В настоящее время Татьяна Сергеевна полна творческих сил и активно продолжает работу над историей древнеземледельческих племен и уточнением относительной и абсолютной их хронологии; планирует и руководит работами Молдавской экспедиции; готовит к печати монографию о результатах изучения многослойного поселения во Флорештах, занимается сложнейшей проблемой взаимоотношения различных племен V—III тысячелетий до н. э. на территории юго-запада Восточной Европы.

Пожелаем Татьяне Сергеевне дальнейших творческих успехов в деле развития советской археологической науки.

Е. К. Черныш

К. Х. КУШНАРЕВА, Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Последнее десятилетие ознаменовалось открытием большого числа новых памятников III тысячелетия до н. э. как на Кавказе, так и в прилежащих к нему с юга областях; значительно продвинулось также и изучение их в культурно-историческом плане. Известная до недавнего времени в нашей отечественной литературе культура «куро-аракского энеолита», ограниченная уже самим названием рамками Южного Кавказа, судя по новейшим данным, вырисовывается в настоящее время в новом аспекте.

Изучением этой культуры занимались многие советские и зарубежные ученые. Не претендуя на полноту списка, укажем лишь основных ее исследователей, из которых первым необходимо назвать Б. А. Куфтина, осмыслившего эту культуру в широком плане. Большой вклад в изучение древнейших исторических периодов Кавказа внесли видные советские ученые Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен и Е. И. Крупнов. В работах Д. Л. Коридзе, О. М. Джапаридзе, О. А. Абибуллаева, Р. М. Мунчаева, Л. И. Глонти и А. И. Джавахишвили, Т. Н. Чубинишвили проблемы «куро-аракской» культуры, обогащенные новым археологическим материалом, получили дальнейшее развитие. Интенсивные археологические раскопки памятников III тысячелетия в областях южнее Кавказа нашли свое отражение в работах таких зарубежных исследователей, как Р. Брейдвуд, Г. Барней, С. Худ, Б. Браун, Х. Кошай, В. Лемб, Р. Амиран, А. Гётце и др.

Следует отметить определенное различие в направленности полевого изучения и интерпретации материалов у советских и зарубежных исследователей. Раскапывая, как правило, памятники небольшими площадями и обращая главным образом внимание на стратиграфические колонки многослойных поселений, зарубежные археологи свои исследования ограничивают сопоставлением синхронных слоев, детальными статистическими подсчетами керамики и выявлением ее стилей, оставляя часто в тени такие вопросы, как история самих поселений, хозяйства, культуры, а также социально-экономических отношений населения, создавшего эти памятники. В противоположность сказанному советские археологи, ведущие раскопки широкими площадями, стремятся к изучению характера и планировки поселений в целом, развития материальной и духовной культуры, а также общественных отношений древнего населения.

Ведущим признаком «куро-аракской» культуры является своеобразная, лощеная иногда до металлического блеска лепная посуда, имеющая вариации как в формах, так и в орнаментации в зависимости от хронологической или территориальной ее принадлежности[1]. Северной гра-

[1] В Закавказье эта керамика носит название «куро-аракской», а на территории Сирии и Палестины — «кирбет-керакской» (Khirbet Kerak ware), по месту ее первоначального обнаружения в с. Кирбет-Керак (Бет-Иерах) [1].

ницей распространения этой культуры является территория Кавказа, причем проникновение ее прослеживается и по ту сторону Большого Кавказского хребта (Дагестан, Чечено-Ингушетия). Южнее Закавказья она охватывает восточную часть Малой Азии, северо-западный Иран и распространяется к югу, на территорию северной Сирии и отчасти Палестины (см. рис. 1).

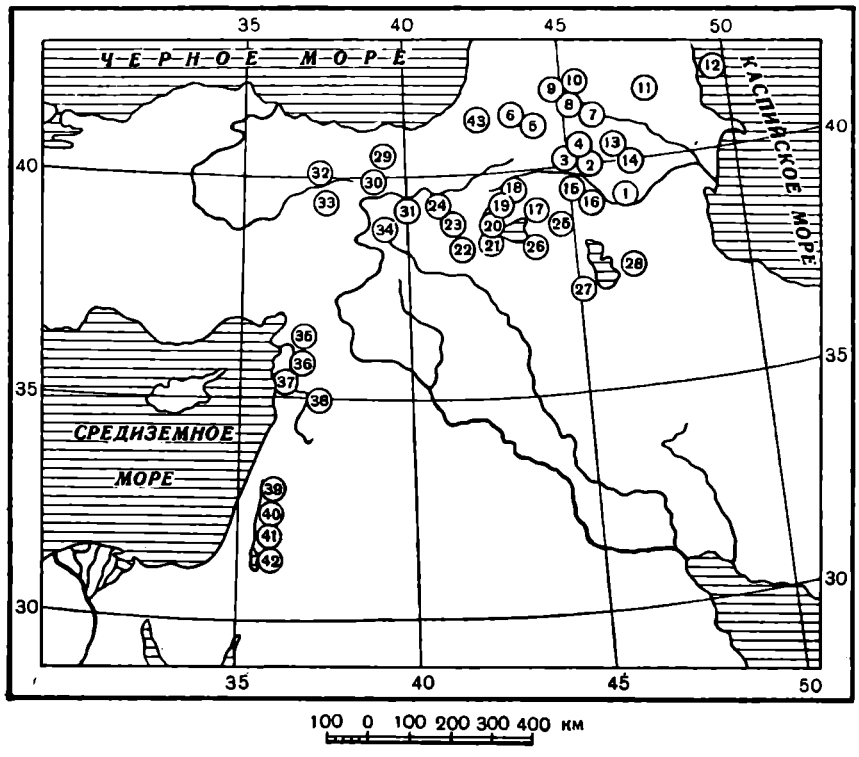


Рис. 1. Карта: Основные памятники III тысячелетия до н. э. с керамикой «куро-аракского» и «кирбет-кераксого» типа

1 — Кюль-Тепе; *2* — Шенгавит; *3* — Гарни; *4* — Эйлар; *5* — Кулбакеби; *6* — Сачхере; *7* — Кикети; *8* — Бешташени; *9* — Квацхелеби; 10 — Хизанаант-гора; *11* — Луговое; *12* — Каякент; *13* — Баба-Дервиш; *14* — Тойре-Тепе; *15* — Игдыр; *16* — Яйчи; *17* — Эрнис; *18* — Мусури; *19* — Игни-Тепе; *20* — Буланик; *21* — Адиль; *22* — Согком-Тепеси; *23* — Караз; *24* — Пулур; *25* — Иремир; *26* — Зюльфубулак; *27* — Геой-Тепе; *28* — Яник-Тепе; *29* — Хорнавил; *30* — Феро; *31* — Хенкенды; *32* — Хазар-Тепе; *33* — Арслан-Тепе; *34* — Хинзор; *35* — Амук; *36* — Табара-эль-Акрад; *37* — Рас-Шамра; *38* — Хама; *39* — Кирбет-Керак; *40* — Бет-Шан; *41* — Бет-Иерах; *42* — Иерихон; *43* — Амиранис-гора

Отметим некоторую специфику залегания археологических пластов этой культуры. В Закавказье, по имеющимся в литературе сведениям, слои III тысячелетия до н. э., за исключением нахичеванского Кюль-Тепе и нескольких поселений у Казаха [2], не перекрывают более древние напластования; они либо представлены поселениями, целиком относящимися к различным периодам этой культуры (Шенгавит, Шреш-Блур и др.), либо перекрыты слоями позднейших эпох (Квацхелеби, Гудабердха, Гарни и др.). На территории переднеазиатского мира, являющегося древнейшим очагом земледельческо-скотоводческой культуры, слои этого периода обнаружены в серии многослойных поселений и покрывают собой ряд более ранних напластований, отражающих в материальной культуре длительное предшествующее историческое развитие (Геой-Тепе, Яник-Тепе, Амук, Бетшан и др.). Таким образом, в результате новых интенсивных исследований памятников III тысячелетия до н. э. значение рассматриваемой культуры представляется далеко выходящим за пределы Кавказа. Кавказ уже в этот отдаленный период

надо рассматривать как часть древнейшего культурного очага — Передней Азии.

По вопросам происхождения, исторического значения, а также границ распространения этой культуры высказано немало точек зрения в зарубежной литературе. Последний год ознаменовался выходом двух монографий советских исследователей, в которых впервые «куро-аракская» культура рассматривается с учетом зарубежных материалов [3, 4]. Однако до настоящего времени многое представляется еще нерешенным.

Одним из таких спорных вопросов остается вопрос терминологии в периодизации памятников III тысячелетия до н. э., которые на территории Турции, Ирана, Сирии и Палестины, ввиду наличия там предшествующего «халколитического» периода, относятся исследователями к эпохе «ранней бронзы», а в Закавказье — к периоду энеолита.

В настоящей статье мы ограничиваем себя одной задачей — проследить по ряду важных признаков уровень развития материальной культуры Кавказа в период III тысячелетия до н. э. и внести некоторые поправки в вопросы периодизации культуры этого времени, по поводу которой у советских и зарубежных ученых не выработалось еще единого мнения. При построении работы мы использовали как чисто археологические приемы анализа (стратиграфия, сравнительно-типологический метод), так и данные радиоуглеродного метода (C_{14}), примененного пока еще только к двум памятникам Кавказа. Конечно, эти первые даты могут служить лишь для начальной ориентировки и должны быть подтверждены в будущем серией новых анализов.

Мы не будем здесь касаться истории исследования памятников Кавказа III тысячелетия до н. э., а отошлем читателя к сводкам по этому вопросу в уже упоминавшихся работах Р. М. Мунчаева [3, стр. 9—19] и О. М. Джапаридзе [4, стр. 5—18]. Коснемся лишь самой «проблемы энеолита» Южного Кавказа, поставленной впервые в 1940 г. Ее история крайне любопытна с точки зрения методологической. Как уже было сказано, возникновение этой проблемы связано с именем Б. А. Куфтина. В бассейне р. Храми Б. А. Куфтин открыл большую группу курганов, по богатству и своеобразию инвентаря отличающихся от всех известных до того времени материалов эпохи поздней бронзы Кавказа. Характерным для этих курганов являлось полное отсутствие каких бы то ни было признаков железа и наличие расписной керамики [5]. Культура курганов, отнесенная к эпохе средней бронзы, была датирована Б. А. Куфтиным серединой II тысячелетия до н. э. Внезапное появление такой цветущей культуры должно было быть исторически оправдано. Отправляясь от даты памятников Триалети, Б. А. Куфтин наметил схему единого и непрерывного развития материальной культуры поселений с архаической чернолощеной керамикой, названной им энеолитической и уходящей своими корнями в местный неолит [6, 7]. Выявленный самый древний пласт, являвшийся, по мнению автора, «наиболее загадочной страницей археологии Триалети», как оказалось, имел поразительное сходство с рядом находок из различных частей куро-аракского двуречья, которые до этого времени не были правильно поняты [5, стр. 106]. В этот начальный период развития «проблемы энеолита» [8], скромно названный Б. А. Куфтиным «периодом первого накопления фактов», был установлен ряд существенных положений, оставшихся неоспоримыми до настоящего времени. Выявлены «руководящие формы» этой культуры, главным образом по своеобразной чернолощеной посуде; на основании этих форм установлена однородность (в общих чертах) древнейшего пласта на территории всего куро-аракского двуречья. Подчеркнуто, что при некотором сходстве с переднеазиатскими культурами открытая в Закавказье культура энеолита в области керамики пошла не по линии красочной росписи, а по линии развития более ранних тради-

ций «древнего монохромного рода» Сирии, а также орнаментальных геометрических мотивов Малой Азии и отчасти Средиземноморья.

Намечая перспективы «проблемы энеолита», Б. А. Куфтин полагал, что дальнейшие исследования должны развиваться по линии изучения стратифицированных поселений, которые дадут безусловную возможность выделения хронологических и территориальных вариантов этой культуры [8, стр. 124, 126]. Вместе с тем на первом этапе изучения этой проблемы в ряде вопросов Б. А. Куфтин оказался не всегда правым. Неверным, например, было его мнение об энеолите Закавказья как о культуре, которая представлена главным образом керамикой и сопровождается «поразительно бедным некерамическим инвентарем» [5, стр. 106].

В послевоенные годы работы Б. А. Куфтина были направлены на пополнение конкретным содержанием выявленной им культуры. Он восстанавливает ее как культуру оседло-земледельческих поселений с подсобной охотой и рыболовством, ручным керамическим производством, круглыми домами, культом домашнего очага и ярко выраженными малоазиатскими связями. В этот период намечается первое хронологическое деление отдельных групп памятников: так, открытая в сел. Озни (Триалети) группа погребений со значительным количеством металлических предметов была отнесена Б. А. Куфтиным к эпохе позднего энеолита [9], когда не исключается уже возможность наличия письменности иероглифического характера [10]. Б. А. Куфтин считал, что население куро-аракского двуречья в этот период находилось лишь на раннем этапе средней ступени варварства, «когда накопление новых средств производства (домашний скот, хлебные злаки, ткацкий станок, сырцовый кирпич, металл и проч.) подготовило условия для перехода от материнского рода к отцовскому» [9]. В эти же годы Б. А. Куфтин впервые счел возможным отнести время бытования открытой им древнейшей оседло-земледельческой культуры Закавказья к эпохе первого знакомства с металлом (медью) и датировать ее началом III тысячелетия до н. э. [10, стр. 16—17].

Последующие раскопки многослойных поселений и могильников Кавказа не нарушили общей концепции Б. А. Куфтина, а лишь значительно обогатили и расширили ее новыми материалами. Все исследователи относят эту культуру к эпохе энеолита. Однако в датировке ее есть некоторые расхождения: одни считают возможным отнести эту культуру к концу IV тысячелетия до н. э. [11], а другие — к началу [4, стр. 3; 12] или же ко второй половине III тысячелетия до н. э. [13]. Посмотрим, что же представляет собой этот период с точки зрения развития человеческого общества — его производительных сил и производственных отношений? В процессе добычи камня для изготовления орудий первобытный человек постепенно научился определять и распознавать отдельные свойства различных горных пород и минералов. Открыв эмпирическим путем самородную медь и ее основное свойство — ковкость, первобытный человек с помощью имевшихся у него к тому времени богатых навыков обработки камня (отбивка молотом, шлифовка) начал изготовлять из самородной меди путем холодной ее ковки первые металлические предметы [14, 15]. Помимо техники, из камня в металл были перенесены также и формы орудий — первые медные предметы (проколки, шилья, крючки, наконечники стрел), найденные в странах Старого Света, копируют аналогичные каменные и костяные предметы. Незначительное количество сырья, а также ограниченность возможностей самой техники позволили человеку на этом этапе изготовлять минимальное число примитивных орудий. Этот этап металлургии соответствует периоду энеолита.

Возникновение настоящей металлургии характеризуется открытием выплавки металла из окисленных руд путем нагревания их с древес-

ным углем и литья уже готовой металлургической меди [16, 17]. Предпосылкой для возникновения настоящей металлургии явился многолетний опыт, приобретенный человеком при использовании огня во время ряда производственных процессов — в первую очередь во время обжига керамики, а также при изготовлении некоторых искусственных материалов (кирпич, штукатурка, фаянс и др.) [18].

Если ковкость меди могла быть открыта одновременно в нескольких местах, где встречается самородная медь, то настоящая металлургия, связанная со сложными процессами выплавки и отливки в формах, возникла, по-видимому, где-то в одном месте Старого Света, возможно в области к востоку от Тигра, где «сознательная» металлургия была развита значительно раньше 3000 г. до н. э. [16, стр. 64]. Толчком к развитию настоящей металлургии могла явиться сравнительная редкость самородной меди в Старом Свете; для широкого употребления металл мог быть получен только путем выплавки [14, стр. 68; 16, стр. 63].

Именно этот этап в истории человеческого общества, характеризующийся открытием способа выплавки металла из руды и применением искусственных сплавов, является началом бронзового века [16, стр. 63, 65] [2].

Однако для некоторых территорий (Индия, Малая Азия, Кавказ) этот первый период настоящей металлургии характеризуется медно-мышьяковистым составом предметов [15, стр. 36; 19], а собственно бронза — сплав меди с оловом — появляется на Кавказе, например, только с начала II тысячелетия до н. э.

Металлургическая медь, выплавленная из окисленных медно-мышьяковистых руд или полученная путем совместной плавки медной и мышьяковой руды, имеет по сравнению с «чистой» медью ряд преимуществ, так как она своими свойствами (низкая температура плавления, способность медленно охлаждаться и легче заполнять форму, приобретать твердость при горячей ковке, незначительная линейная усадка и пр.) приближается к собственно бронзе. На этом историческом этапе металлургия уже выделяется в самостоятельную производственную отрасль, внутри которой имеется деление на добывающую и обрабатывающую ветви, существующие, по-видимому, раздельно [16, стр. 57].

Обратимся теперь к Закавказью в период энеолита и посмотрим, каков был уровень развития местных племен в III тысячелетии до н. э. Приведем краткое описание тех ведущих поселений, которые были открыты в течение последнего десятилетия [3] и которые, следовательно, не имелись в распоряжении Б. А. Куфтина при построении им его концепции.

Поселение Кюль-Тепе (Нахичеванская АССР) [20—25] представляет собой искусственно образовавшийся холм высотой более 21 *м*. Выявлено четыре слоя. Самый древний (I) мощностью 8,3 *м* содержит остатки круглых и прямоугольных помещений с сырцовыми и каменными стенами и глиняными печами, свыше 60 погребений. Керамика лепная, сделанная из грубой глины с примесью соломы; преобладают баночные формы; отдельные фрагменты имеют красную и коричневую роспись по светлому ангобу. В верхней части этого слоя найдено несколько предметов, изготовленных из чистой меди. Автор раскопок относит этот слой к концу неолита — началу энеолита. Во втором снизу слое (II) мощностью 8 *м* также открыты остатки круглых и прямоугольных помещений. Между I и II слоями имеется стерильная прослойка 20—40 *см*. Керамика тщательно вылеплена из тонкой глины, имеет характерную серую и

---

[2] Мы исходим из концепции, что термин «бронзовый век» определяет применение любой лигирующей примеси к меди — олова, мышьяка и, может быть, никеля.

[3] Описание начато с поселений, лучше изученных стратиграфически и содержащих наиболее ранние памятники металлургии.

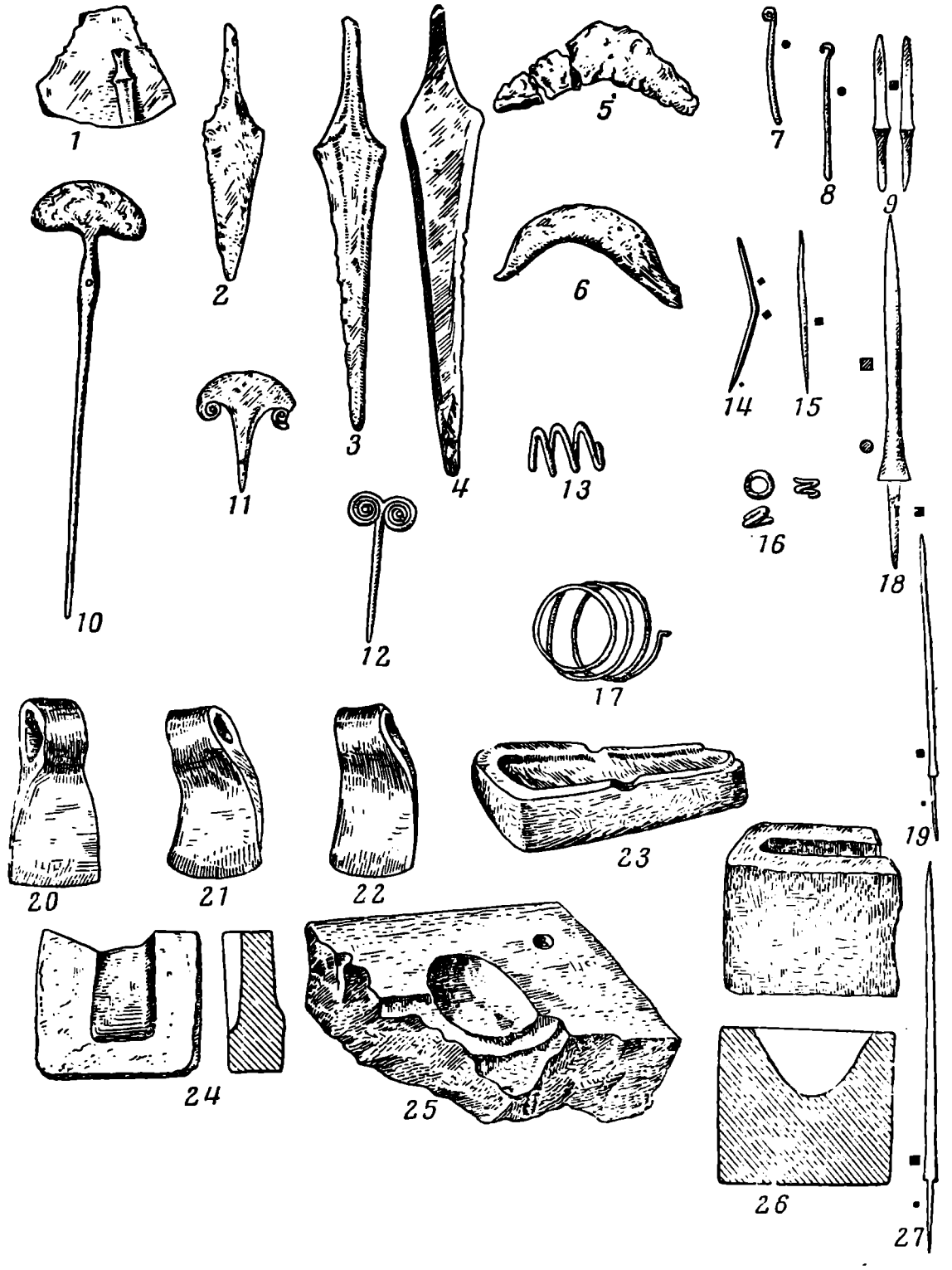


Рис. 2. Металлические предметы, изображения их на сосуде и литейные формы с памятников «куро-аракской» культуры

1, 19, 23 — рельефное изображение кинжала на сосуде, медный наконечник копья и глиняная литейная форма из Квацхелеби; *2, 3, 6, 9, 10, 14, 15, 16* — медные предметы из Ахалцихского могильника Амиранис-го́ра; *4, 5, 7, 8, 18, 25, 26* — медные предметы и глиняные литейные формы из Нахичеванского Кюль-Тепе; *11, 17* —медная булавка с волютами и медный браслет из могильника Дзагина; *2* — медная булавка из Бешташенского нижнего культурного слоя; *13* — свинцовая спираль из могильника Амиранис-го́ра; *20, 21, 22* — проушные медные топоры из разных районов Грузии; *24* — каменная литейная форма для проушного топора из Шенгавита; *27* — наконечник копья из Сачхери

черную лощеную поверхность и светлую «подкладку». Формы сосудов крайне разнообразны. Найдены также глиняные крышки, подковообразные очажные подставки, глиняная двустворчатая форма для отливки проушного топора, формы для отливки заготовок металлических предметов. Найденные здесь булавки, шилья, ножи, копье и пр. изготов-

лены из мышьяковистой меди (рис. 2). Предложенная автором раскопок датировка II слоя второй половиной III тысячелетия в свете новых стратифицированных данных кажется несколько поздней. Анализ угля из II слоя, взятого на глубине 8,3 *м* по методу радиоуглерода (C_{14}), показал дату 4880±90 лет до наших дней, т. е. 2920±90 до н. э. [26]. Если учесть, что ниже взятого образца толща второго слоя составляет еще 4 *м*, то начало образования этого слоя можно отнести к первой половине III тысячелетия, а может быть, к концу IV тысячелетия до н. э.

Поселение Квацхелеби (ГрузССР) [27] расположено на невысоком холме. Древнейшие напластования делятся на два уровня (В — верхний, С — нижний), отделенных друг от друга горелой прослойкой, образовавшейся в результате сильного пожара. Постройки этого горизонта двухкамерные, прямоугольной формы, с вмазанными в пол фигурными очагами. Стены сооружены либо из деревянного каркаса и плетенки, обмазанных глиной, либо из сырцового кирпича. На территории поселения и за его пределами открыты могильники (девять погребений), синхронные поселению. Крайне важны следующие стратиграфические наблюдения: группа могил находилась ниже слоя C_1[4]; две из них располагались одна под другой, причем нижняя, т. е. более древняя, содержала значительное число медных предметов, в том числе и булавку с двумя волютами.

Керамика из поселения и погребений лепная, изящная, с черной лощеной поверхностью. В верхних слоях качество керамики улучшается, формы совершенствуются, появляется усложненный резной орнамент. В могильнике много металлических предметов, большинство из которых изготовлено из мышьяковистой меди. Это — диадема, браслет, кинжальные клинки, булавки, наконечники копий, шилья, височные подвески, бусы. Есть украшения из сурьмы и золота. В слое C_1 найдена глиняная форма для отливки плоского топора (рис. 2, *23*).

Датировка Квацхелеби обосновывается, в первую очередь, рядом аналогий с такими хорошо стратифицированными памятниками, как Кюль-Тепе в Закавказье, Геой-Тепе в Иране. На основании сравнительного метода поселение Квацхелеби было датировано авторами концом IV — серединой III тысячелетия до н. э. Полученная дата по методу радиоуглерода (в результате анализа обугленных злаков из слоя C_1) — 4760±90 лет до наших дней, т. е. 2800±90 лет до н. э., подтвердила археологическую датировку памятника [26, стр. 11].

Шенгавитское поселение (АрмССР) [28—31] относится к тому же типу поселений, что и Квацхелеби. На поселении располагались круглые жилища; стены выложены из крупного и мелкого булыжника или сырцового кирпича. К круглым помещениям примыкали прямоугольные помещения хозяйственного характера. Поселение огибала мощная крепостная стена из каменных глыб. Раскопками установлено три строительных периода общей мощностью 4 *м*. Однако в находках из разных слоев значительной разницы не наблюдается. Керамика чернолощеная, иногда светлая внутри, с врезным или выемчатым орнаментом. Из медных предметов (анализы не производились) обнаружены булавки, шилья, проколки. В верхнем слое — обломок каменной формы для отливки архаичного проушного топора (рис. 2, *24*). Шенгавитское поселение, не имеющее точных стратиграфических данных, ориентировочно датируется нами серединой III тысячелетия до н. э.

Поселение Амиранис-гóра (ГрузССР) [32—35] расположено на южном склоне одноименной горы и спускается террасами к ее подножью. На вершине горы имеются сильно разрушенные помещения (жертвенники). На территории поселения открыт могильник (55 погребений), относящийся к той же исторической эпохе. Материалы из поселения и

[4] Слои C_1, C_2 и C_3 являются последовательными (сверху вниз) напластованиями уровня С.

могильника представляют собой единый комплекс, хотя эволюция могильника позволяет установить хронологические различия вещей. Поселение и могильник характеризуются чернолощеной лепной посудой с розовой внутренней поверхностью, а также глиняными подковообразными очажными подставками с антропоморфными головками, скульптурами животных. Найден обломок от глиняной литейной формы, по-видимому, для отливки небольшого наконечника копья. Металлических предметов много; они найдены главным образом в погребениях и изготовлены из мышьяковистой меди; это кинжальные клинки, булавка с полукруглой дисковидной головкой, наконечник копья, серп, шилья, иглы, височные кольца, бусы. Обнаружены также височные кольца из свинца и серебра (рис. 2, *13, 16, 17*).

Датировка Амиранис-го́ра обосновывается тождеством материалов из древней группы погребений с точно датированным (2800±90) слоем C_1 Квацхелеби и подстилающих его погребений. Таким образом, время жизни поселения Амиранис-го́ра относится к первой половине III тысячелетия до н. э. Выделенная поздняя группа погребений может быть датирована второй половиной этого тысячелетия.

Если четыре указанных поселения, расположенные в пределах «куро-аракской» культуры, позволяют установить ряд крайне важных стратиграфических наблюдений, то такие поселения, как Геой-Тепе, Караз, Амук, Табара-эль-Акрад и др., раздвигают границы распространения этой или сходной культуры за установленные Б. А. Куфтиным территориальные границы [8, рис. 79].

Поселение Геой-Тепе (Иран) [36] по своему характеру напоминает поселение Кюль-Тепе. Это высокий эллипсовидный искусственный холм с диаметрами 450 и 270 *м*[2]. На поселении выявлено шесть культурных слоев. Второй снизу слой М мощностью 0,95 *м* содержал остатки каменных сооружений, светло-ангобированную керамику с большим содержанием соломы и коричневой росписью, поделки из камня и кости. Здесь встречены три предмета из чистой меди. Выше лежал слой К мощностью 6,65 *м* и разделенный условно на три хронологических горизонта (снизу вверх) — $К_1$, $К_2$ и $К_3$. Обнаружены каменные фундаменты круглых и прямоугольных домов. Керамика резко отличается от керамики слоя М, имеет характерную чернолощеную поверхность и светлую подкладку. Формы весьма разнообразны. Помимо керамики здесь встречены также глиняные фигурки животных, модели колес. Металлические предметы сделаны из мышьяковистой меди; это наконечник копья, височные кольца, ракетовидная булавка.

Слой М Геой-Тепе по сходству керамики соответствует по времени I (нижнему) слою Кюль-Тепе, а слой К соответствует по своей мощности и содержанию слою II Кюль-Тепе, так как для обоих характерна чернолощеная посуда «куро-аракского» типа. Датировка Геой-Тепе обосновывается автором раскопок находкой в слое $К_3$ медной ракетовидной булавки, сходной с золотыми булавками из царских погребений в Уре, датированных 2500 г. до н. э. На этом основании Б. Браун слой К относит к 3100—2500, а нижележащий слой М — к 3300—3100 гг. до н. э. Датировка слоя К, близкого слою II Кюль-Тепе, подтверждается новой радиокарбонной датой последнего (2920±90 лет до н. э.).

Поселение Караз (Турция) [37][5] относится по своему типу к этой же группе и представляет собой искусственный холм высотой 16 *м* и диаметром 200 *м*. Обнаружены фундаменты прямоугольных построек, расположенных террасообразно по склону холма. Выявлены два древних уровня, нижний — «халколитический», и верхний — эпохи бронзы. В помещениях последнего находятся массивные круглые глиняные очаги с возвышающимися выступами в виде стилизованных голов баранов.

[5] Отчет написан очень суммарно; характер стратиграфии выявлен очень слабо.

Характерна прекрасная чернолощеная керамика разнообразных форм, украшенная нередко выпукло-вогнутым или рельефным орнаментом. К сожалению, керамика стратиграфически не дифференцирована. Найдены также глиняные плоские крышки, очажные подставки, металлические предметы (булавка со сферической головкой, проколки). Авторы раскопок не указывают дату поселения, однако аналогии с такими памятниками как Геой-Тепе, Кюль-Тепе и др., позволяют отнести слой с чернолощеной посудой Караза к первой половине III тысячелетия до н. э.

Мы уже отмечали, что культура чернолощеной керамики зафиксирована на территории Сирии и Палестины, где слои с этой керамикой, носящей название «кирбет-керакской», внезапно прерывают развитие местных культур с их своеобразными керамическими традициями. Имея общий облик с «энеолитической» керамикой Кавказа, «кирбет-керакская» посуда южных областей несет на себе ряд специфических особенностей, проявляющихся в архитектонике форм, деталях орнаментации сосудов (рифление и пр.). Внезапное появление этой керамики отмечено в ряде поселений, таких, как Мерсин, Табара-эль-Акрад, Хама, Бет-Шан, Бет-Иерах и др. Наиболее южной точкой находок «кирбет-керакской» керамики является поселение Иерихон, где зафиксировано всего несколько ее сосудов.

Интереснейшими памятниками этой культуры является серия поселений около оз. Амук (северная Сирия, соврем. Турция) [38—40]. (Амук — фазы A, B, C, D и т. д.). К III тысячелетию относятся фазы H и I, установленные по раскопкам поселений Чатал-Эйюк, Джудейде и Таинат. В этих слоях обнаружены прямоугольные дома со стенами из сырцового кирпича. Наряду с местной посудой в фазе H впервые появляется черно-красная, лощенная до металлического блеска так называемая «кирбет-керакская» посуда (52—55% от общего количества керамики). Она продолжает существовать также и в фазе I (35—40%), а затем в последующих фазах бесследно исчезает. Формы сосудов крайне разнообразны. Вместе с этой керамикой встречены полукруглые очажные подставки с антропоморфными изображениями, фигурки животных. К фазе H относится 42 медных предмета (плоский топор, массивные наконечники копий, круглый прут, булавки, шилья, проколки).

Н. Г. Франкфорт, на основании находок месопотамских цилиндрических печатей, относит фазу H к периоду Джемдет-Наср, т. е. к началу III тысячелетия до н. э. Р. Брейдвуд этот же период датирует 2800—2500 гг. до н. э. К последующим столетиям он относит фазу I, перекрывающую фазу H. В. Либби датирует радиоуглеродным методом фазу I 2531±150 лет до н. э. [41]. М. Ханфман, отождествляющий фазу I с периодом J Хама (Палестина), датированного радиоуглеродным методом 2300—2200 годами, относит фазу I Амука к этому же времени [42].

Мы привели здесь краткое описание лишь наиболее значительных памятников, исследуемых советскими и зарубежными археологами. Работы интенсивно продолжаются. Они ведуется на ряде других объектов, таких, как Гарнийское поселение и Эйларский могильник в Армении [43, 44], поселение и могильник Хизанаант-гóра и Гудабердха в Грузии, поселения Яник-Тепе в Иране [45, 46], Алтын-Тепе и Пулур в Турции [47] и др.

В свете новых раскопок «куро-аракская» культура, охарактеризованная в свое время Б. А. Куфтиным как «чрезвычайно бедная некерамическим инвентарем», теперь вырисовывается совершенно по-иному. Уже на раннем ее этапе на Кавказе встречаются различные категории медных предметов, свидетельствующих о высоком уровне металлургического производства. Древнейшие из них — иглы, шилья, рыболовные крючки, формы которых заимствованы из каменных и костяных орудий предшествующего периода. Для этой категории вещей требовалось не-

большое количество металла, которое обеспечивалось, быть может, и самородной медью.

В это же время появляется новая категория вещей (полутораспиральные височные завитки, бусы, плоские и граненые браслеты, ленточные диадемы, булавки с двумя волютами и спирально закрученной верхней частью), известных по таким памятникам, как Тквиави, Квацхелеби, Урбниси, Амиранис-го́ра и др. Эти предметы также изготовлялись методом холодной ковки, однако уже из меди, полученной путем выплавки из руды. Эта категория вещей характеризует этап «сознательной» металлургии, при которой древний человек уже научился выплавлять медь из окисленных полиметаллических руд.

Для установления наивысшего уровня развития металлопроизводства в начале III тысячелетия до н. э. решающую роль играет третья категория вещей, изготовление которых основано на знании человеком свойства расплавленного металла застывать постепенно в форме. По-видимому, первоначально это были открытые глиняные формы для заготовок; путем расковки последним придавалась определенная конфигурация и нужная твердость. Формы для заготовок известны по ранним памятникам Закавказья (рис. 2, *23—26*) [20, табл. 34]. Из заготовок выделывалась часть кинжальных клинков, очень распространенных в этот период. Не исключена возможность, что таким же способом были откованы и серпы, которые наряду с вкладышевыми серпами входят в употребление к началу III тысячелетия до н. э. Один из таких серпов был найден на поселении Кюль-Тепе на глубине 10, 75 *м*, два других — в Гарни [43, стр. 25, рис. 12] и Амиранис-го́ра. К сожалению, орудия этого типа не подвергались технологическому анализу. Можно предполагать, что они были отлиты в специальных формах, а потом дополнительно подправлены [23, стр. 441].

Одновременно с формами для заготовок появились двустворчатые глиняные разъемные формы. Древнейшими из них можно считать формы для отливки топоров. Найденные формы указывают на бытование в начале III тысячелетия до н. э. двух типов топоров: небольшого плоского (Квацхелеби, слой C^1 [27]) и более массивного проушного (Кюль-Тепе, глубина 12,5 *м;* Шенгавит, верхний слой; каменная форма; Гарни) [3, стр. 57; 48, 44].

То обстоятельство, что шенгавитская форма для отливки топора сделана не из глины, а из камня, может свидетельствовать об определенной серийности производства этой формы орудия уже на сравнительно раннем этапе металлургии Кавказа. Это обстоятельство, равно как и находки литейных форм на поселениях в различных пунктах Закавказья, указывает на то, что производство этого орудия стало уже традицией. Последнее может быть подтверждено находками, часто вне комплексов, архаичных кавказских топоров проушного типа, которые теперь после появления самих форм для их отливки в строго стратифицированных условиях приобретают прочное хронологическое место. На определенную традиционность изготовления этого вида оружия указывают также их находки не только в одном микрорайоне (например. Ялбузи, Цхинвали) [49, 50], но и сравнительно далеко друг от друга (например, Игдыр, Ленинакан) [8, табл. XIX, *8*; 48, рис. 2].

Все сказанное свидетельствует о широком внедрении литейного дела и интенсивном его использовании, а также о значительных запасах руды, обеспечивавших металлопроизводство Закавказья уже в начале III тысячелетия до н. э. Необходимо подчеркнуть, что все упомянутые выше металлические предметы были найдены либо в датированных радиоуглеродным методом слоях поселений Квацхелеби и Кюль-Тепе, либо в еще более древних слоях. Напомним, что в слое C_1 Квацхелеби была найдена литейная форма для плоского топора, а в погребениях, подстилающих этот слой,— кинжальный клинок, диадема, наконечник копья,

браслеты, височные кольца, а также булавка с двумя волютами (рис. 2, *12*). На поселениях Кюль-Тепе, ниже датированного уровня, обнаружена литейная форма для проушного топора, форма для заготовки, наконечник копья, серп и булавки. Таким образом, все эти предметы, относящиеся к начальному этапу возникновения «куро-аракского энеолита», бесспорно датируются первой половиной III тысячелетия до н. э. Установление дат ряда металлических предметов открывает широкие возможности для выявления путем типологического сравнения хронологического места некоторых комплексов, а также ряда случайных находок Кавказа.

Определенному переосмыслению поддается группа архаичных проушных топоров Закавказья, которую первоначально выделил Б. А. Куфтин, а за ним и другие. Это топоры из Земо-Авчала [6, стр. 298], Брадзори [51], Кулбакеби [50], Ялбузи [49], Меджврис-Хеви [5, рис. 16], Ленинакана [48] и Игдыра [8, табл. XX, *8*]. Большинство топоров найдено вне комплексов. Б. А. Куфтин датировал их второй половиной III тысячелетия до н. э., Д. Л. Коридзе и О. М. Джапаридзе — серединой III тысячелетия до н. э. Находка литейной формы для проушного топора в датированном физическими методами слое Кюль-Тепе позволяет отнести наиболее архаичные из них к первой половине III тысячелетия до н. э.

Мы имеем некоторые основания полагать, что в этот период изготовлялись также массивные наконечники копий. Интересна совместная находка в Земо-Авчалах архаичного проушного топора и копья «в одной местности» с энеолитической керамикой. Земоавчальский наконечник копья, отнесенный, как и другие аналогичные наконечники копий, Б. А. Куфтиным к середине III тысячелетия до н. э. [6, стр. 298], теперь, по-видимому, должен датироваться началом или первой половиной этого тысячелетия. Под этим углом зрения могут быть пересмотрены и другие архаичные наконечники копий Кавказа, находимые обычно случайно. Часть из них должна быть типологически выделена в более раннюю группу.

Находка в 1961 г. в одном из погребений Квацхелеби, под слоем C_1 медной булавки с двумя волютами [27] ставит на прочное место украшения этого типа. Подобные булавки бытовали на широкой территории, о чем говорят экземпляры из Тепе-Гиссара, Трои, Амука [39, рис. 324; 6, табл. 53]. В Закавказье они известны из Бешташени и из восточного комплекса могильника Дзагина [8, рис. 70; 4, рис. 44, 8]. Дзагинская булавка в сочетании со спиралевидными браслетами, также находимыми в древних квацхельских погребениях, и с архаичной «энеолитической» керамикой может служить опорой для перенесения дзагинского комплекса из второй половины III тысячелетия до н. э. (Б. А. Куфтин, О. М. Джапаридзе) в первую.

В свете сказанного некоторые погребения разновременных Сачхерских могильников могут быть также пересмотрены. Однако для этого нужен тщательный и всесторонний просмотр всех комплексов. Особое внимание привлекает в этом плане находка в Царцис-горе штыковидного оружия, являвшегося опорой для датировки Сачхерских могильников второй половиной III тысячелетия до н. э. [49, стр. 72, табл. IX, *2*: 4, рис. 33, *1*]. Два других экземпляра аналогичного типа, найденных в датированных слоях Кюль-Тепе и Квацхелеби, относятся к началу III тысячелетия до н. э. Возможно, что и сачхерский экземпляр следует отнести к этому же времени.

Металлические предметы Кавказа стали за последние годы объектом изучения химиков, технологов и металлургов, что позволило ввести в круг археологических вопросов данные точных наук. Установлено, например, что серебряные предметы из могильника Амиранис-гóра[6],

[6] Анализы производила Н. Двали (Гос. исторический музей Грузии им. С. Н. Джанашия).

подобно переднеазиатским предметам из свинца и серебра [16, стр. 66], изготовлялись путем выплавки этих металлов из закавказских полиметаллических руд. Известно, что на Южном Кавказе (Грузия, Армения), так же как в Анатолии и Иране, эти руды широко распространены [18, стр. 383].

Химический состав многочисленной группы предметов первой половины III тысячелетия до н. э. указывает на изготовление их из мышьяковистой меди. Однако вопрос о способе получения этого металла остается до настоящего времени дискуссионным. Одни исследователи, считая первую половину III тысячелетия до н. э. еще эпохой энеолита, относят к этому времени лишь предметы, изготовленные холодной ковкой из самородной меди [15; 52]; по их мнению, предметы из металла, выплавленного из поверхностных медно-мышьяковистых окисленных руд, относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э., т. е. к эпохе ранней бронзы [52]. Однако все приведенные нами выше данные указывают на развитие «сознательной» металлургии (т. е. литейного дела) на Кавказе уже в первую половину III тысячелетия до н. э. Другие, базируясь на анализах самородной меди Кавказа, содержащей ничтожное количество мышьяка, полагают, что предметы со значительным содержанием мышьяка не могли быть изготовлены из самородной меди. Медно-мышьяковистые сплавы с содержанием до 4% мышьяка, по мнению этих авторов, получались либо выплавкой из медно-мышьяковистых руд, либо совместной плавкой медных и мышьяковистых руд [19, стр. 159].

Не рассматривая по существу эту сторону вопроса, которая может быть решена только на основе новых химико-технологических исследований, мы еще раз обращаем внимание на большое количество мышьяковистой меди, имевшейся в распоряжении человека для изготовления крупных предметов, частично сделанных при помощи литейных форм. Этот металл мы с полным основанием можем назвать мышьяковистой бронзой.

Судя по всем приведенным данным, в том числе и по химическому составу древнейших предметов с примесью мышьяка иногда до 10%, на Кавказе в первой половине III тысячелетия до н. э. широко использовалась медь, характеризующаяся рядом высоких качеств (легкоплавкость, твердость и др.). Эти хорошо известные древним металлургам Кавказа свойства мышьяковистой бронзы способствовали развитию мастерства в изготовлении металлических предметов.

Однако не только металлопроизводство, но и весь уровень материальной культуры Кавказа в этот период был достаточно высоким. Хозяйственной основой поселений было сочетание земледелия и скотоводства. Земледелие характеризуется зерновыми и садовыми культурами, смешанными посевами. Находки металлических и каменных серпов и зернотерок свидетельствуют о развитом характере земледелия. Особенно быстро развивается скотоводство — отрасль хозяйства, дающая наибольшее количество прибавочного продукта. Скотоводство этого времени документируется обилием костей домашних животных, а также некоторыми явлениями надстроечного порядка, нашедшими отражение в культе животных (жертвоприношения, статуэтки животных и др.). Характерным признаком рассматриваемой культуры являются поселения с развитой архитектурой. В качестве строительного материала употреблялся камень, дерево и камыш, сырцовый кирпич или их сочетание. Исключительно высокого мастерства достигло гончарное дело. Развитым, по-видимому, было ткачество и ряд других отраслей хозяйства.

В этот период Кавказ уже не являлся замкнутой территорией, а представлял собой часть большого переднеазиатского культурного мира, отдельные области которого имели, однако, свои специфические

особенности. С изучением памятников Старого Света все ярче вырисовываются связи, существовавшие в древности между различными его частями. Связи эти выражались как в широком торговом обмене, так и в восприятии культурных и технических достижений, что могло происходить только в странах, близких друг к другу по общему уровню своего развития.

В археологической литературе имеется определенная тенденция сводить многие культурные достижения Кавказа к влиянию соседних переднеазиатских стран. Нет сомнения в том, что соседство древнейших цивилизаций Востока с их высокой культурой и классовой организацией не могло не оказывать влияния на области Кавказа. Это влияние сказалось, например, в проникновении на Кавказ некоторых архитектурно-строительных особенностей (круглые дома, применение сырцового кирпича), а также отдельных элементов материальной культуры (биконические кубки, сосуды с поддонами и пр.). Однако уровень материальной культуры Кавказа был настолько высок, что и сам он в свою очередь не мог не оказывать влияния на соседние страны. Это влияние мы уже проследили по распространению в Сирии и Палестине чернолощеной керамики, родиной которой, по мнению большинства ученых, являлась территория Южного Кавказа.

Известно, что Кавказ чрезвычайно богат залежами металла [15, 19, 53]. Об использовании его в древности говорят различные письменные источники и легенды [53, стр. 8]. Зафиксированы также и горные выработки, самые древние из которых, по последним данным, относятся к середине II тысячелетия до н. э. [53, стр. 35; 54]. Богатый залежами металла, с достаточно высоким уровнем металлопроизводства, Кавказ уже в начале III тысячелетия до н. э. мог являться очагом распространения как металлургического сырья (слитки металла) и готовой продукции, так и определенных металлургических традиций. В этом плане работа по сопоставлению древних кавказских металлических предметов с аналогичными предметами из соседних областей может принести весьма интересные результаты.

Развитие материальной культуры теснейшим образом связано с теми социальными сдвигами, которые имели место в интересующий нас период. Высокий уровень хозяйства указывает на становление в этот период патриархальных отношений. Подтверждается это и рядом явлений надстроечного порядка (находки мужских статуэток и антропоморфных мужских изображений на очажных подставках, а также жертвенных животных в мужских погребениях).

Высокое развитие культуры в целом, а также уровень металлопроизводства (мышьяковистая бронза, литье и пр.), который принято считать основой археологической периодизации, позволяет вновь поставить вопрос об отнесении культуры Кавказа начала III тысячелетия до н. э. не к эпохе энеолита, а к эпохе ранней бронзы [33, стр. 16; 55]. Отметим, что и зарубежные археологи относят синхронную культуру с чернолощеной керамикой на территории Турции и Ирана также к эпохе ранней бронзы [56, 57]. Однако зарубежные исследователи, базируясь на детальной стратиграфии и дробной хронологии, не видят подчас за этим исторической картины в целом. Поэтому при решении вопроса о синхронизации соседних культур, в частности культуры Южного Кавказа, с культурами Ирана и Турции следует учитывать специфику развития Кавказа в этот период.

Отнесение памятников Южного Кавказа первой половины III тысячелетия до н. э. к эпохе ранней бронзы и установление, таким образом, единой периодизации для большой культурной области обосновано также открытием мощных напластований, лежащих ниже «энеолитических» слоев на поселениях Кюль-Тепе и Баба-Дервиш в Азербайджане. Материалы их указывают на существование оседло-земледель-

ческой культуры и начавшееся освоение металла (семь предметов из чистой меди в нижнем (I) слое Кюль-Тепе) задолго до III тысячелетия до н. э. Относя памятники первой половины III тысячелетия до н. э. к эпохе ранней бронзы, мы считаем возможным нижние слои указанных выше поселений отнести к периоду энеолита. В северо-западном Иране этому времени соответствует слой М Геой-Тепе и частично Пиждели-Тепе [58], в северо-восточной Турции — Тильки-Тепе II—III [56, стр. 160; 59].

Мы пытались проследить уровень культуры Южного Кавказа, касаясь, главным образом, лишь одной стороны вопроса — характера его металлургии. Однако при этом необходимо учитывать, что металлические изделия имеют свою специфику — они живут подчас длительное время, не претерпевая каких-либо изменений формы. Поэтому проделанная работа является лишь одним из этапов в изучении проблемы периодизации закавказских памятников III тысячелетия до н. э. Более дробная периодизация должна быть установлена при исследовании эволюции керамики, столь характерной для местной материальной культуры и в значительно большей степени, нежели металл, поддающейся различным изменениям во времени. Дальнейшие усилия должны быть направлены на решение этого вопроса.

Литература

1. B. Maisler, M. Stekelis, M. Avilonach. The Excavation at Beth-Lerach (Khirbet el Kerak), 1944—1946. Israel Explorat. J., II, 1952, стр. 116.
2. И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ г. Казаха. СА, 1962, 4.
3. Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961.
4. О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
5. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
6. Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, XII-B. Тбилиси, 1944.
7. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949.
8. Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XII, 1944.
9. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Цалкинском р-не в 1947. Тбилиси, 1948.
10. Б. А. Куфтин. К вопросу о выявлении памятников культуры шумерской и протохеттской эпохи на территории Грузии. «Научные сессии Отделения обществ. наук АН ГрузССР. Тезисы докладов». Тбилиси, 1947.
11. Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, 1, 1955 (на груз. яз.), стр. 66.
12. Т. Н. Чубинишвили. Основные итоги полевых работ в 1960 г. в Месхет-Джавахетской археологической экспедиции. Итоги полевых исследований на территории Грузии в 1960. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
13. О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-Тепе близ Нахичевани в 1955 г. МИА, 67, 1959, стр. 81.
14. Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 67.
15. Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.
16. Г. Чайлд. Археологические документы по предыстории науки. ВИМК, 1957, 2, стр. 57.
17. Forbes. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950.
18. А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 105, 147, 254.
19. И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.
20. О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1955 (на азерб. яз.).
21. О. А. Абибуллаев. К изучению холма Кюль-Тепе. ТИИФ, IX, 1956.
22. О. А. Абибуллаев. Первые итоги раскопок холма Кюль-Тепе. Тр. Музея истории Азербайджана, II, Баку, 1957.
23. О. А. Абибуллаев. Раскопки на холме Кюль-Тепе. КСИИМК, 51, 1953.
24. О. А. Абибуллаев. Энеолитическая культура Азербайджана (По материалам Кюль-Тепе). Материалы по археологии Дагестана, II, Махачкала, 1961.

25. О. А. Абибуллаев. Раскопки на поселении Кюль-Тепе. Тезисы доклада, прочитанного на археологической сессии ИА АН СССР в марте 1962 г.
26. В. А. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C_{14}). СА, 1961, 2, стр. 11.
27. А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси. I. Археологические раскопки, произведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твелепия-кохи). Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
28. Е. А. Байбуртян. Последовательность древнейших культур АрмССР на основании археологического материала. Рукопись (Архив Института археологии и этнографии АН АрмССР, № 90, 148).
29. Е. А. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения в 1936—1937 гг. ВДИ, 1938, 4.
30. Е. А. Байбуртян. Орудия труда в древней Армении (на арм. яз.). Вестн. Института истории и литературы Армении, 1938.
31. Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949.
32. Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Таташвили, О. С. Гамбашидзе. Археологические разведки в южных районах Грузии (Месхети-Джавахети) в 1935—1955 гг. СА, 1957, 4.
33. Т. Н. Чубинишвили. Основные итоги работ за 1959 г. Ахалцихской археологической экспедиции (аннотации к докладу на сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в 1959 г.). Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
34. Т. Н. Чубинишвили. Отчет Ахалцихской археологической экспедиции за 1958 г. (аннотация к докладу на сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в 1958 г.). Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
35. Т. Н. Чубинишвили. Амиранис-гора. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавахети. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
36. Burton Brown, Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1951.
37. H. Kosay, K. Turfan. Erzerum-Karaz Kazisi raporu. «Türk tarih kurumi Belleten», XXIII, 1959, 91 (на турецк. яз.), стр. 349—413.
38. R. Braidwood. Mounds in the Plain of Antioch. Chicago, 1937.
39. R. Braidwood, L. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch. Chicago, 1961.
40. В. Массон. R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch, OIP, LXI, Chicago, 1960. «Вопросы истории», 1961, 8.
41. W. F. Libby. Radiacarbon dating. Chicago, 1955, стр. 83.
42. M. A. Hanfman. Excavations in the Plain of Antioch, by R. Braidwood and L. Braidwood. AJA, 65, 2, 1961, стр. 198.
43. Б. Н. Аракелян. Гарни I. Ереван, 1951, стр. 22.
44. Б. Н. Аракелян. Новые материалы из раскопок Гарнийской археологической экспедиции (Тезисы доклада на археологической сессии ИА АН СССР в марте 1962 г.). Архив ИА АН СССР, Р-3.
45. Ch. Burney. Cirkular Buildings Found at Janik-Tepe, in North-West Iran. «Antiquity», XXXV, 139, 1961.
46. Ch. Burney. Excavations at Janik-Tepe, North-West Iran. «Iraq», XXIII, ч. 2, 1961, стр. 138.
47. Summary of Archaeological Research in Turkey in 1960. «Anatolian Studies», XI, 1961, стр. 19, 20.
48. А. А. Мартиросян. К предыстории древнейших этапов культуры Армении. «Историко-филологический журнал», I, Ереван, 1960.
49. Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
50. В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинири (Юго-Осетия). КСИИМК, 60, 1955, рис. 15.
51. Д. Л. Коридзе. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. СА, 1958, I, стр. 135, рис. 1.
52. В. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Н. Двали, О. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии Грузии. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.), стр. 95.
53. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, стр. 28.
54. Г. Ф. Гобеджишвили. Остатки древнегрузинских горных и металлургических разработок в сел. Геби. ВАН ГрузССР, XIII, 3, 1952, стр. 188.
55. А. А. Иессен. Тезисы доклада на археологической сессии в Дагестане в мае 1959 г. Махачкала, 1959.
56. Gh. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolitic and Early Bronze Age, «Anatolian Studies», VIII, 1958, стр. 164.
57. R. Erich. Relative chronologie Chicago, 1954.
58. R. Dyson, T. Joung. The Solduz Valley, Iran; Pisdeli-Tepe, «Antiquity», 1960, 133, стр. 19.
59. А. А. Иессен. Азербайджанская экспедиция в 1956 г. КСИИМК, 73, 1959, стр. 83, примеч. 8.

П. М. КОЖИН

ХРОНОЛОГИЯ ШАРОВИДНЫХ АМФОР ФАТЬЯНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Современные представления о фатьяновской культуре сформулированы О. А. Кривцовой-Граковой [1]. По материалам раскопанных могильников[1] она очертила общий ареал культуры, а памятники отчетливо распределила по трем обособленным территориальным группам. Однако в московской группе не была заметна та резкая разнородность, которая наблюдается теперь после новых раскопок. Общая схема была настолько проста, что не возникало необходимости в специальном определении понятия «группа». О. А. Кривцова-Гракова свое исследование строила на ряде постулатов. К фатьяновской культуре относились могильники, имеющие сосуды бомбовидной формы и расположенные в междуречье Оки и Волги, в долинах этих рек, а также на средней Волге. Разумелось, что эволюция форм посуды, топоров, элементов орнамента и их сочетаний идет от простых форм к сложным. Признавалось, что возникновение новых форм сосудов и орнаментов находится в прямой связи с относительной хронологией памятников. Единичные предметы, происхождение которых может быть связано с иными культурами эпохи бронзы, принимались как абсолютно датирующие не только памятники, но и группы в целом. На основании трех последних тезисов возникла схема движения фатьяновских племен с территории современной Московской области на верхнюю, а затем на среднюю Волгу.

Дальнейшая работа по интерпретации фатьяновской культуры велась в двух направлениях. На основании сходства форм отдельных сосудов, а главным образом близости между некоторыми элементами орнамента московской группы фатьяновской культуры и среднеднепровской культуры, была выдвинута гипотеза о происхождении фатьяновской культуры из среднеднепровской [2]. С другой стороны, на основании резких различий в керамике между московской и чувашской (восточной) группами фатьяновской культуры высказано предположение о принадлежности их к различным культурам с разным генезисом — балановской и фатьяновской [3, 4]. Впрочем, эти точки зрения несколько сближаются благодаря конструированию на среднем Днепре общей прародины для обеих культур — и фатьяновской и балановской [5].

Однако существование двух столь глубоко противоположных гипотез вынуждает вновь и с иной точки зрения пересмотреть материалы памятников, обычно относимых к фатьяновской культуре.

[1] Случайные находки топоров не рассматривались, возможно, из-за отсутствия твердых признаков, которыми можно было бы обосновать их принадлежность к фатьяновской культуре.

Основное внимание в настоящей статье отводится анализу материала внутри могильников, ибо могильник может считаться единым комплексом лишь условно. Определенно единым комплексом является лишь ненарушенная могила. Ввиду того что погребальный инвентарь фатьяновских могил состоит преимущественно из глиняной посуды, приходится вводить понятие керамического комплекса могилы, под которым разумеется совокупность всех сосудов в могиле. В керамике очень резко выражаются не только хронологические, но и локальные различия, поэтому хронологические признаки нужно искать на материале одного памятника, так как при работе над разными памятниками имеется опасность принять локальные различия за хронологические.

При изучении материала выяснилось, что не существует достаточных оснований для исключения Балановского могильника из числа фатьяновских памятников Поволжья. Поэтому данный могильник как самый крупный и наиболее богатый материалом стал основным объектом исследования. На материале этого могильника вырабатывались принципы хронологии и типологической классификации. Балановский могильник имеет площадь относительно небольшую. Могилы расположены густо, на первый взгляд бессистемно, однако редко перекрывают друг друга. Очевидно, устраивая следующую могилу, люди знали расположение предыдущих. Это возможно лишь при непрерывном функционировании кладбища. Устройство новых могил в засыпке старых в ряде случаев свидетельствует о длительном хронологическом разрыве между соответствующими погребениями. Так, в могиле 41 ко времени устройства верхнего погребения 72 сгнила деревянная конструкция нижнего погребения 73; оно заполнилось землею, которая уже настолько слежалась, что костяк верхнего погребения не подвергся смещению, так как дно верхней могилы не проседало. Это свидетельствует о длительности промежутка времени между обоими захоронениями. Кроме того, стратиграфию дают могилы 59 и 60 [7] и предположительно могилы 46 (погр. 79 и 80) [6] и 7 (1936 г.) [8].

Различия между керамическими комплексами отдельных погребений бывают очень значительны [2]. В большинстве могил преобладают сосуды с высоким шаровидным туловом и относительно низкой шейкой (рис. 1, 2). Орнамент выполнен нарезкой, крупным зубчатым штампом и мелкими ямками. Он делится по вертикали на две или три зоны. Одна зона расположена на шейке, другие — на плечах и боках. Основными элементами орнамента являются решетки из пересекающихся наклонных линий и горизонтальной зигзаг из параллельных линий. В третьей зоне обычно располагаются метопы. Зоны разделяются либо метопами, либо горизонтальными линиями, либо рядом коротких наклонных или вертикальных линий. Только в комплексах с подобной посудой встречаются сосуды типа шаровидных амфор. Это первый тип керамических комплексов.

В нескольких могилах найдена посуда иного облика. Это — сосуды с низким широким туловом и высокой шейкой. Для них характерно особенно хорошее лощение. Основными элементами орнамента являются двойной горизонтальный зигзаг с поперечной штриховкой, заштрихованные треугольники, ромбы, группы из нескольких параллельных оттисков штампа, размещенные под углом друг к другу. Обрамление узоров и разделения зон обычно сделано резными линиями, а внутренняя штриховка — мелким зубчатым штампом (рис. 3).

Близкое сходство эта посуда имеет с сосудами из курганов с погребениями на древней почве в Атли-Касинском [9], Синцовском [10],

---

[2] Керамика из раскопок 1936—1937 гг. хранится в ГИМ и Гос. Эрмитаже, из раскопок 1940 г.— в Институте антропологии при МГУ.

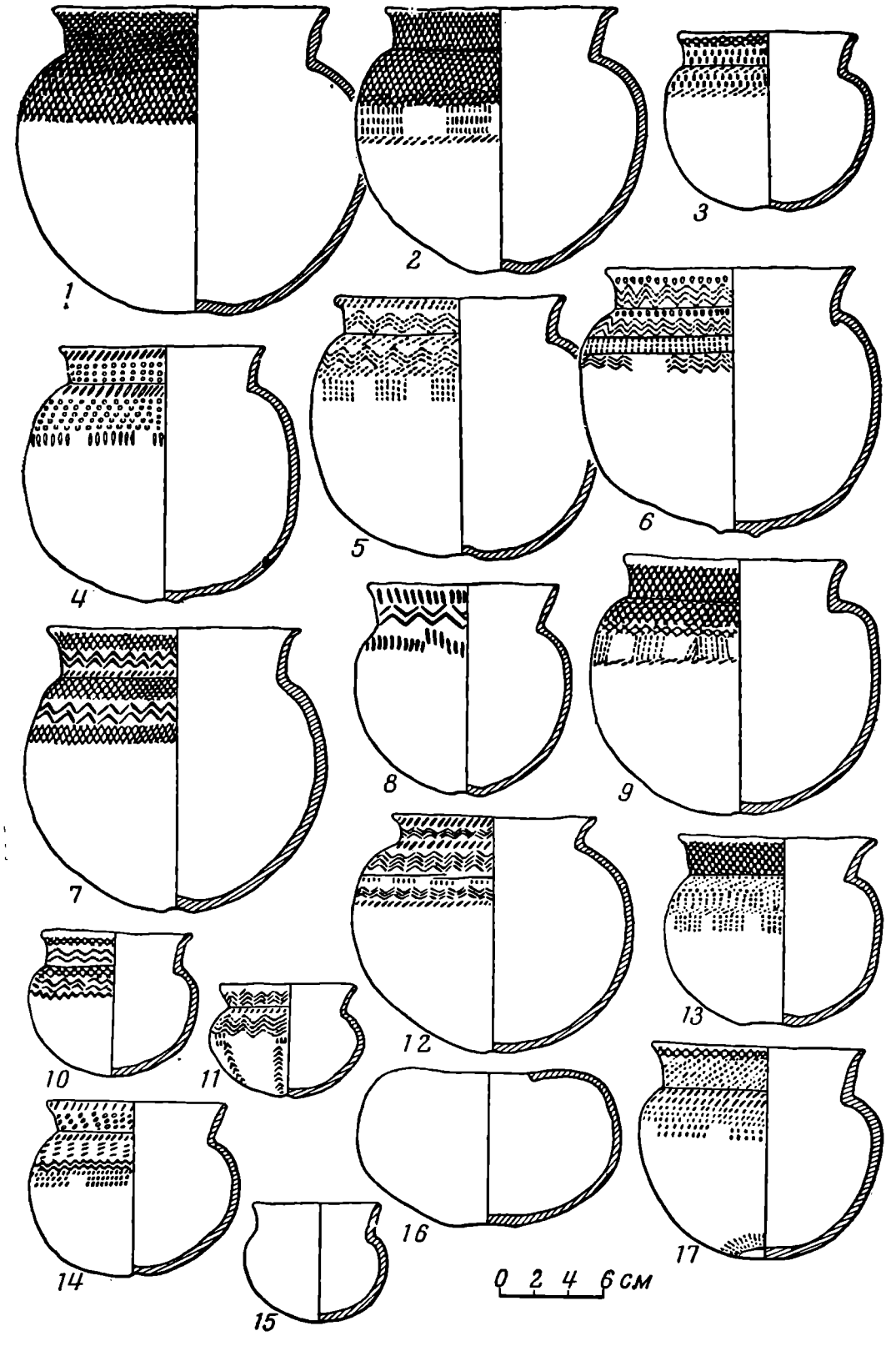


Рис. 1. Керамические комплексы первого типа. Балановский могильник

1, 2, 4 — мог. 62; *3, 6* — мог. 41, погр. 73; *5, 8* — мог. 41, погр. 72; *7, 10* — мог. 24; *9, 13* — мог. 25; *11—12* — мог. 65; *14—17* — мог. 60

Таутовском [11], Раскильдинском [8], Теньгушовском [12] [3], Кумак-Касинском [13] могильниках. В этих курганах других типов керамики не найдено. В Баланове в подобных комплексах встречаются низкие, как бы приплюснутые сосуды без шейки. Орнамент их также включает метопы и горизонтальный зигзаг. Встречаются сосуды без орнамента и со-

[3] Аргументация в пользу наличия кургана, данная Е. И. Горюновой, вполне убедительна.

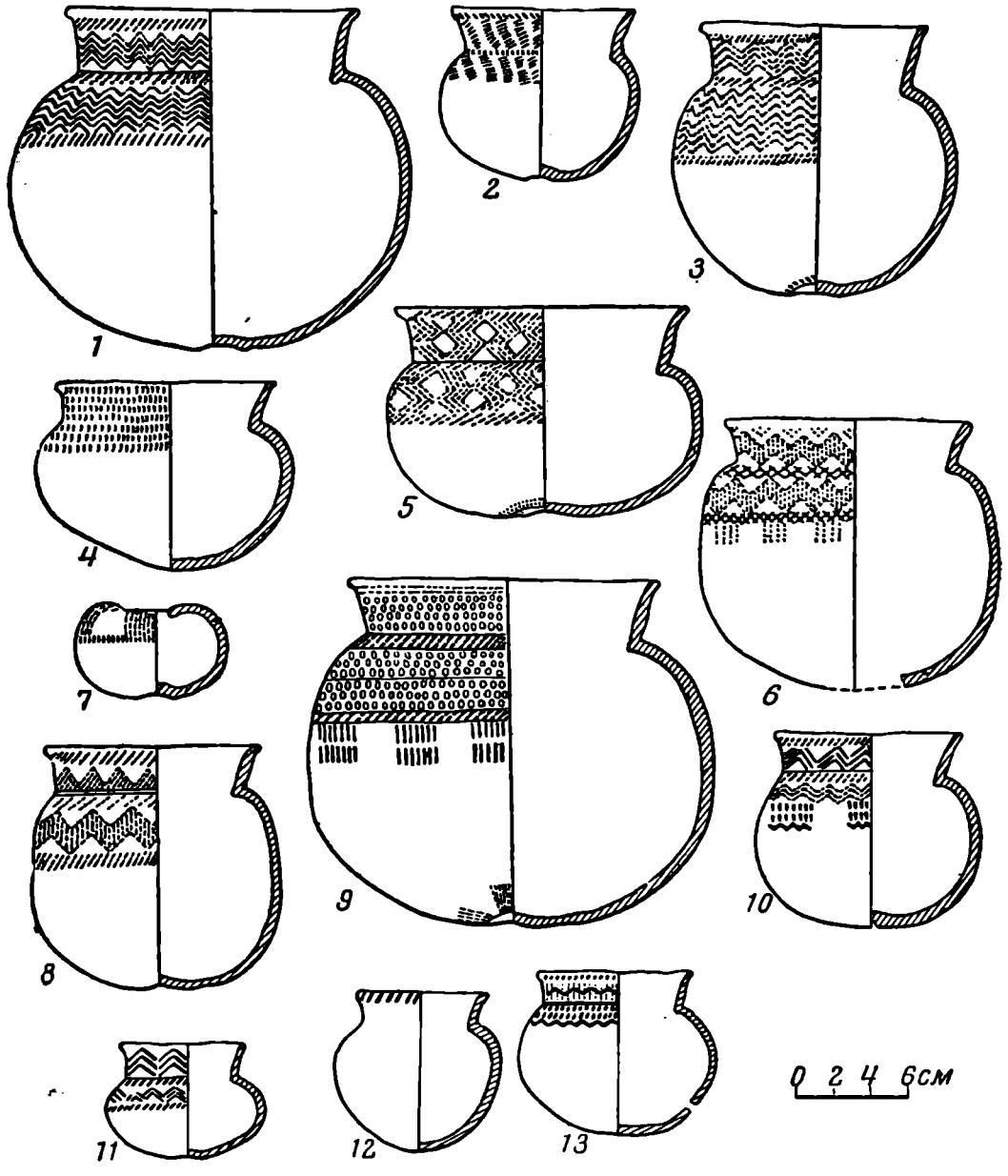


Рис. 2. Керамические комплексы первого типа. Балановский могильник

1—3, 5 — мог. 48; *4, 7* — мог. 32; *6, 10* — мог. 66; *8, 9* — мог. 46, погр. 80; *11* — мог. 46, погр. 79; *12, 13* — мог. 59

суды, аналогичные по форме посуде из комплексов первого типа, но техника изготовления и орнаментация их грубее. Посуда из некоторых могил занимает промежуточное место между двумя основными типами керамических комплексов. Различия комплексов могут объясняться двумя причинами: либо один тип комплексов трансформируется в другой, либо объединяются два первоначально самостоятельных типа. Решение зависит от определения относительной хронологии и степени типологической близости комплексов.

Рассмотрим комплексы первого типа. Посуда стратиграфически поздних комплексов (мог. 41, погр. 72; мог. 59; мог. 46, погр. 79) отличается от ранних разнородностью форм, меньшей четкостью профилировки, более грубой выделкой, обеднением орнаментальных схем, уменьшением орнаментального поля на тулове сосуда. В верхнем погребении 79 могилы 46, например, представлен низкий сосуд, а в нижнем погребении 80 — оба сосуда высокие (рис. 1, *5*, *8*; 2, *11*, *12*, *13*). В засыпке могилы 7 (1936 г.) обнаружены два неорнаментированных сосуда, тогда как все сосуды в погребении имеют богатую орнаментацию. Возможно, что в засыпке было более позднее погребение. Таково первое объективное основание типологии и хронологии.

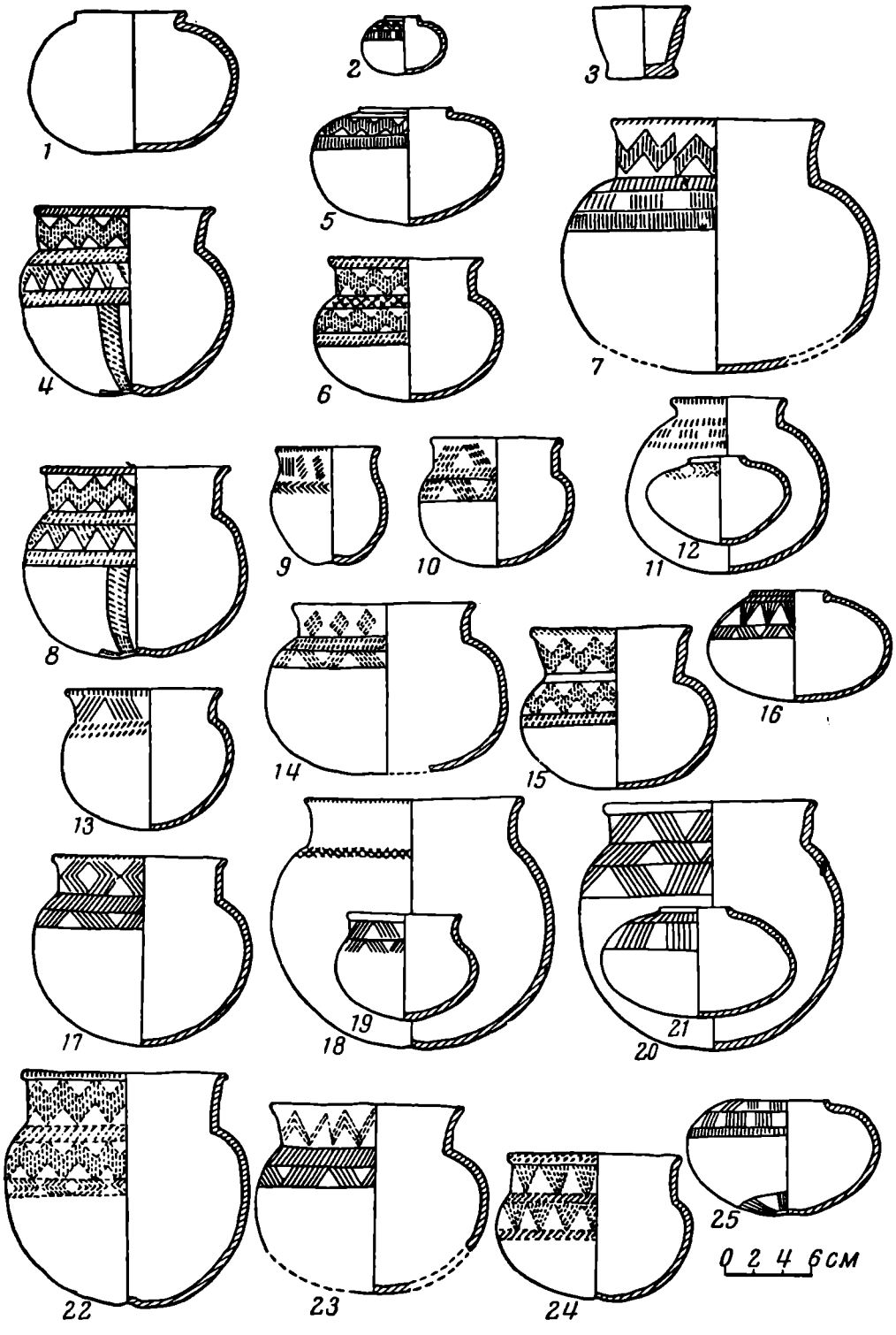


Рис. 3. Керамические комплексы второго типа. Балановский могильник
1—7 — мог. 61; *8—12* — мог. 31; *13—21* — мог. 26; *22—25* — мог. 28

Второе основание получено при исследовании шаровидных амфор. Они представляют собой крупные сосуды с низкой шейкой и сравнительно узким горлом. Для этих сосудов типичны большие размеры, ручки для подвешивания или имитирующие их выступы, валики, желобок или орнаментальная полоса, проходящие горизонтально на уровне ручек, и орнамент из четырех (иногда меньше) вертикальных полос, спускающихся от шейки до уровня ручек (рис. 4).

Амфора из могилы 62 (рис. 4, *А*) на высоте наибольшего диаметра опоясана двумя близко расположенными валиками. На противоположных сторонах сосуда валики соединяются, образуя массивные ручки. Каждая ручка укреплена несколькими короткими вертикальными вали-

ками. Благодаря этому ручки имеют ребристую поверхность и определенно могут выдерживать большую нагрузку[4]. Горизонтальные валики до обжига сосуда предохраняли от деформации его более тяжелую верхнюю часть. При подвешивании сосуда над очагом валики уменьшали нагрузку на ручки. Размещение «конструкции» на высоте наибольшего диаметра, совпадающей с серединой высоты сосуда, практически осмысленно: если поместить ее ниже, подвешенный сосуд легко бы опрокидывался, если выше, то увеличивается нагрузка на ручки.

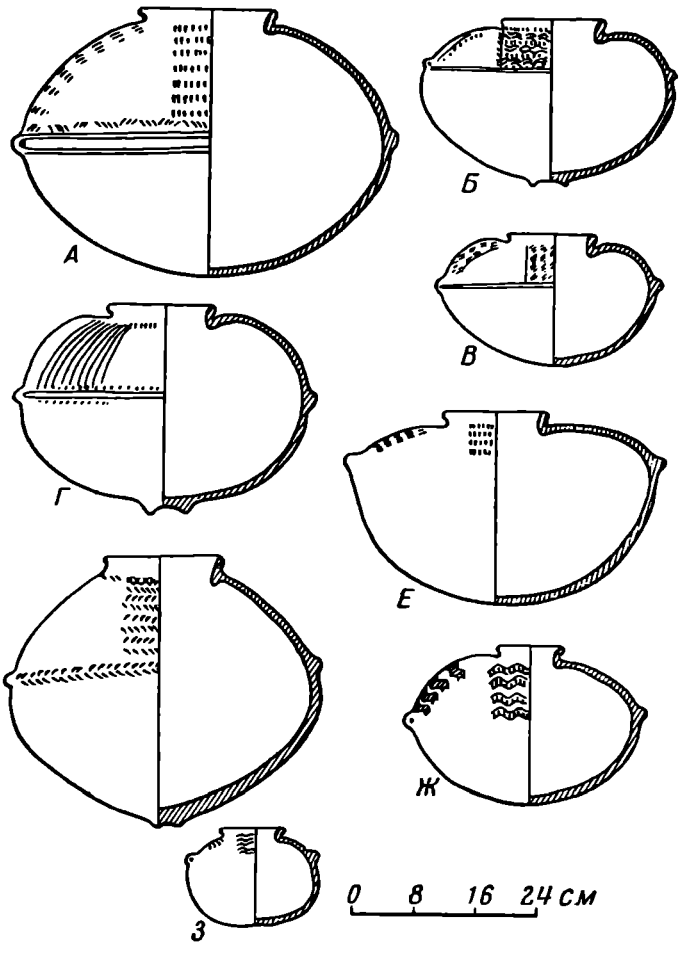


Рис. 4. Сосуды типа шаровидных амфор

А — мог. 62; *Б* — мог. 41, погр. 73; *В* — мог. 25; *Г* — мог. 24; *Д* — мог. 65; *Е* — мог. 60; *Ж* — мог. 48; *З* — мог. 32

Остальные пять амфор[5] показывают различные стадии вырождения «конструкции», связанные, очевидно, с изменением способа помещения сосуда над огнем. «Конструкция» превращается в орнаментальную композицию.

Амфора из могилы 41 (погр. 73, рис. 4, *Б*), несколько меньшего размера. Ручки сильно ослаблены, но со сквозными отверстиями. Несколькими короткими вертикальными надрезами создается ребристость ручек. Здесь этот прием конструктивно не осмыслен. Вместо горизонтальных валиков сделан желобок, воспроизводящий углубление между валиками, которые имеются на амфоре из могилы 62. Снизу желобок подчеркивается рядом коротких наклонных оттисков гребенчатого штампа. Таким же штампом сделан орнамент на четырех вертикальных лентах. На дне прилеплен кольцевой валик. Нижняя часть сосуда закопчена, причем закопченная часть имеет четкую границу, выше которой поверхность сосуда ровного серовато-коричневого цвета. Это возможно только в том случае, если сосуд ставился на подставку, внутри которой (или под нею) разводился огонь. Возможно, что с новым способом установки сосудов этого типа связано появление кольцевых валиков на дне.

Амфора из могилы 25 (рис. 4, *В*) на тулове имеет желобок с выступающими краями. Нижний край желобка рассечен рядом наклонных надрезов. Ручки в виде овальных высоких налепов с гладкой поверхностью; отверстия в них не сквозные, а наколотые с обеих сторон каждой ручки. Вертикальных полос орнамента четыре. Ручки расположены не под полосами, а в промежутках между ними.

[4] Вся система, связанная с валиками, желобками и ручками, в дальнейшем будет обозначаться термином «конструкция».

[5] Амфора из могилы 7 (раскопки 1936 г.) не сохранилась в балановской коллекции, но она видна на фотографии погребения в отчете о раскопках. Детали и степень вырождения «конструкции» не ясны.

Амфора из могилы 24 (рис. 4, *Г*) относительно грубой выделки. Четко выделены оба валика в верхней трети сосуда. Точно скопирована «конструкция» амфоры из могилы 62. Ручки выглядят массивными, но не имеют ребер и отверстий. Орнамент предварительно грубо размечен вертикальными резными линиями. Две полосы располагаются точно над ручками. Их заполнение состоит из 5—6 горизонтальных рядов мелких ромбиков, образованных примыкающими друг к другу оттисками короткого двузубого штампа. Дно слегка уплощено. В середине дна мало заметная ямка неправильной формы.

Амфора из могилы 65 (рис. 4, *Д*) имеет на боках овальные гладкие выступы больших размеров. Между ними расположена горизонтальная полоса орнамента. Вертикальных полос орнамента только три: одна над ручкой. Вторая ручка находится в промежутке между двумя другими полосами. На дне вместо кольца имеется грубый круглый налеп с вмятиной посередине.

Амфора из могилы 60 (рис. 4, *Е*) очень крупная с одним увеличенным валиком. Валик необходим конструктивно, так как предохранял сосуд от деформации до обжига. С обеих сторон на нем имеются крупные выступы, рассеченные вертикальными надрезами. Замена двух валиков одним свидетельствует о полном забвении основного назначения «конструкции» — укреплять, поддерживать ручки. Несмотря на массивность валика, перемещение наибольшего диаметра кверху значительно ослабило сосуд, и горло его слегка запало внутрь. Орнамент нанесен в виде четырех полос. У амфоры резко нарушены пропорции в размещении «конструкции». Детали «конструкции» бессмысленно увеличены. Эта амфора завершает типологический ряд [6].

Малочисленность серии мешает проследить все мелкие детали эволюции сосудов этого типа. Однако общая линия изменений идет в следующем направлении. У наиболее ранних амфор ручки составляют основную деталь «конструкции» (например, в мог. 62), которой подчинены все остальные детали. Позднее в связи с переходом к новому способу установки сосуда над огнем ручки превращаются в орнаментальную деталь, воспроизводимую обязательно по традиции. При изготовлении амфор из могил 41 и 25 первоначальное значение ручек не было еще забыто и в них есть тонкие сквозные или несквозные отверстия. В последующее время вся «конструкция» превращается в традиционный орнамент, непонятный для исполнителя, механически воспроизводящийся по более ранним образцам с разнообразными неосмысленными вариациями. О значении валиков, впрочем, помнят дольше, ибо они связаны с технологией изготовления этих сосудов (как это имеет место у амфоры из могилы 60). Орнамент в виде четырех вертикальных полос крайне характерен для посуды культур шаровидных амфор в целом. В некоторых культурах он связан с конструкцией из четырех ручек. Каждая ручка расположена под вертикальной полосой (например тюрингские и ютландские амфоры). Такое устойчивое соотношение позволяет предполагать в этом орнаменте какое-то первоначальное конструктивное значение. В ранних амфорах Баланова он по традиции, вероятно уже бессознательной, воспроизводится точно. Далее начинаются уклонения от этой традиции.

К серии амфор близки небольшие сосуды из могил 48 и 32. Сосуд из могилы 48 (рис. 4, *Ж*) имеет маленькие гладкие сквозные ручки. По типу ручек он близок к амфоре из могилы 25. Однако полное отсутствие следов «конструкции» и меньшие размеры позволяют датировать этот сосуд сравнительно поздним временем. Орнамент вертикальных полос состоит из нескольких рядов двойного горизонтального зигзага с поперечной штриховкой, что характерно для второго типа комплексов

[6] М. С. Акимова опубликовала только верхнюю часть сосуда [7, рис. 39, *10*].

Миниатюрный сосуд грубой выделки из могилы 32 (рис. 4, *З*) имеет такие же ручки. На уровне ручек горизонтальная прочерченная линия. Нарезкой же сделана разметка вертикальных полос (как на амфоре из могилы 24). Однако горизонтальную линию можно признать реликтом «конструкции», так как в этом же комплексе обнаружен грубый сосудик без шейки с орнаментом из вертикальных полос (рис. 2, *7*). Композиция на нем завершается рядом коротких вертикальных оттисков и в общем напоминает орнаментацию амфор. Этот сосуд близок к небольшой серии грубых сосудов без шейки и часто без орнамента, происходящих из ряда комплексов. Вероятно, в этой керамике проявляется одна из линий вырождения амфор. Вполне возможно, что особенная грубость и миниатюрность размеров керамики могилы 32 связана с тем, что погребение детское. Здесь обнаружена погремушка, также с двумя ручками.

Третье объективное обоснование типологии дают комплексы керамики, включающие амфоры. Эти комплексы следующие:

1. Сосуды из могил 62, 41 (погр. 73) и 25 почти одинаковы по формам, технике изготовления, элементам и композиции орнаментов (рис. 1, *1—4*, *6*, *9*, *13*).

2. Комплекс из могилы 24, аналогичный посуде верхнего погребения 72 могилы 41 (рис. 1, *5*, *7*, *8*, *10*).

Все указанные комплексы содержат только сосуды высоких форм с однообразными орнаментальными композициями. В них четко прослеживается единая линия развития.

3. Комплекс из могилы 48, разнородный по формам сосудов (рис. 2, *1—3*, *5*). В этом комплексе появляются орнаменты, не свойственные предыдущим комплексам (рис. 4, *Ж*). Эти сосуды отличает так же хорошее зеркальное лощение внешней поверхности. В керамическом тесте сосудов этого комплекса имеется мельчайшая примесь шамота. Близок ему комплекс из могилы 65 (рис. 1, *11*, *12*), в котором на меньшем сосуде помимо завершающих композицию метоп ко дну спускаются четыре вертикальных полосы. С композицией они плохо вяжутся. Вертикальные тяжи характерны для комплексов второго типа. К комплексу из могилы 32 относится только один грубый низкий сосуд[7] (рис. 2, *4*).

4. В комплексе из могилы 60 все сосуды приземистые, два из них не орнаментированы. Один из последних низкий, без шейки и напоминает деградированную амфору (рис. 1, *14—17*).

5. Самый поздний комплекс представлен посудой из могилы 59, стратиграфически следующей за могилой 60 с поздней амфорой (рис. 2, *12*, *13*).

На основании относительной хронологии комплексов с амфорами, можно большую часть балановских комплексов первого типа распределить по периодам (см. таблицу; детские могилы исключены).

Периоды	Определяющие комплексы	Определяемые комплексы (без амфор)
	Номера могил	
I	62, 41 (погр. 73), 25	37
II	24, 41 (погр. 72)	39, 23, 27 (?)
III	48, 65, 32	46 (погр. 80) 42, 47, 34, 30, 35, 50, 54, 64, 66.
IV	60	1,3,5,6,7,43, 46 (погр. 79).
V	59	

Начиная с комплексов III периода появляется в керамике ряд особенностей: зеркальное лощение, низкие формы сосудов, крупные отчет-

[7] Другой сосуд в коллекции ГИМ и Эрмитажа не обнаружен.

ливые кресты на днищах. В некоторых комплексах первого типа появляется орнаментация, обыкновенно не свойственная этой посуде (могилы 46, 48, 66), но характерная для комплексов второго типа (рис. 2, *1—3, 5, 6, 8—10*). Одновременно появляется шамот в керамическом тесте. Итак, для комплексов первого типа характерны высокие формы сосудов, шаровидные амфоры, специфические элементы орнамента и единообразие композиции.

Черты сходства с посудой комплексов второго типа появляются лишь эпизодически и непоследовательно начиная с III периода. Их можно обнаружить то в большей приземистости форм, то в характерной для комплексов второго типа орнаментальной композиции, то в лучшем лощении. При этом композиции комплексов второго типа переносятся целиком на керамику первого, но исполняются в другой манере. Резко заметна дробность узоров, какая-то несмелость в их нанесении (рис. 2, *6, 8*). Видно, что узоры механически воспроизведены с готовых эталонов.

Все это не свидетельствует о первоначальной генетической связи комплексов обоих типов. Этими фактами такая связь ставится под сомнение. Окончательно отрицать ее можно на основании находок в курганах типа Атли-Каси только тех сосудов, которые не свойственны комплексам первого типа балановского могильника.

Документированных комплексов второго типа всего девять[8]. В каждом из них содержится от 4 до 10 сосудов. Могилы обычно коллективные, но в отчетах не указано, к каким костякам относятся те или иные сосуды. Это вынуждает рассматривать комплекс каждой могилы как единый, хотя из описи могилы 61 ясно, что разные костяки сопровождались неодинаковой посудой (рис. 3, *1—7*)[9].

Основные элементы орнаментов сосудов из комплексов второго типа показаны на рис. 3. Сопровождающие сосуды, по формам соответствующие посуде комплексов первого типа, почти лишены орнамента, что позволяет связывать их типологически с керамикой IV и V периодов. Мелкие сосуды, сходные с выродившимися амфорами, либо совсем не орнаментированы, что также характерно для IV и V периодов, либо орнаментированы в обычной манере комплексов второго типа. В могиле 4 (раскопки 1933 г.) обнаружен крупный сосуд[10], формой и орнаментом напоминающий шаровидные амфоры. Ручек на нем нет. Орнамент лишь на плечиках. Следы «конструкции» сохранились в орнаменте, завершающем композицию. Типологически сосуд может относиться к IV периоду.

Посуда из раскопок 1933 г. однородна и характерна для комплексов второго типа. Поэтому хотя и нельзя определить, из каких могил происходят остальные сосуды, можно датировать всю эту группу могил по амфорам. Сосуд 1 из могилы 28 (рис. 3, *22*) очень близок по форме и орнаменту сосудам из могил 46 и 66 (рис. 2, *6, 8*). Орнамент на нем обычный для комплексов второго типа, но сделан в манере комплексов первого типа. Возможно, что эта могила относится по аналогии с могилами 46 и 66 к III периоду (рис. 3, *22—25*). У двух сосудов из могил 31 и 61 с боков к дну спускаются по четыре вертикальных ленты с поперечной штриховкой. Этот элемент орнамента является типичным для посуды из курганов (рис. 3, *4, 8*). В нижней части каждой ленты поперечная штриховка сменяется вертикальной, благодаря чему на дне получается крест. Второй крест образован короткими отрезками лент,

[8] Из раскопок 1936 г.— мог. 2; 1937 г.— могилы 26, 28, 31, 33, 36, 38, 40; 1940 г.— мог. 61. Раскопки 1933 г. дали комплексы второго типа (могилы 1, 4, 5, 6), но как распределяются сосуды по могилам — неизвестно [14].

[9] Значение различий инвентаря коллективных могил в связи с различиями представленных в них антропологических типов отмечает М. М. Герасимов [5].

[10] Происхождение данного сосуда именно из этой могилы устанавливается сопоставлением его рисунка с планом могилы [14].

отходящими от дна в промежутках между основными лентами. В комплексах первого типа четкие кресты на дне появляются в III периоде. В комплексе могилы 61 обнаружен маленький плоскодонный сосудик (рис. 3, *3*), который признается одним из позднейших в балановской керамической серии (1, *3*, *7*).

Итак, комплексы второго типа появляются в Балановском могильнике не ранее III периода. Основная часть их относится к позднему времени (рис. 3, *1—21*). Сосуды более разнородны, чем в комплексах

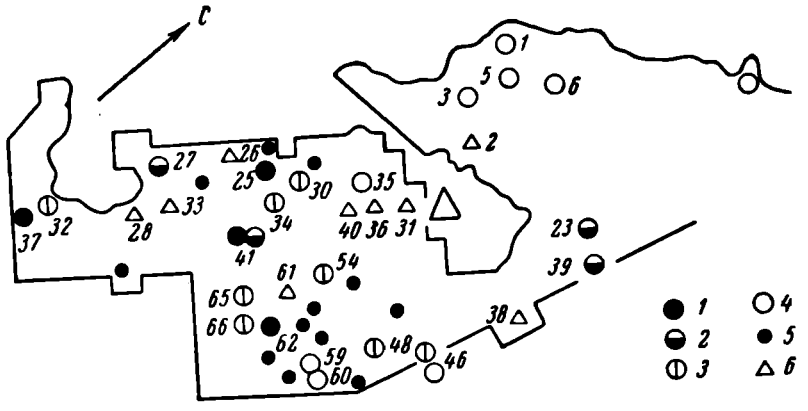


Рис. 5. Топография могил Балановского могильника

1—4 — могилы с керамическими комплексами первого типа (*1* — первый период, 2 — второй период, 3 — третий период, *4* — четвертый период); *5*— детские и неопределимые могилы; *6*—могилы с керамическими комплексами второго типа. Большой треугольник отличает место раскопок 1933 г.

первого типа. Однако преобладают формы и орнаменты, известные по керамике курганов типа Атли-Касы. Немногие сосуды сделаны в традициях комплексов первого типа.

Комплексы первого типа являются основными и первоначальными в могильнике. Только их можно назвать балановским типом, а группу могил, в которых они встречаются,— балановской. Комплексы второго типа, как и соответствующая группа могил, могут быть названы атликасинскими.

Характеристику основных групп уточняют черты погребального обряда и топография могильника (рис. 5). Сгусток атли-касинских погребений расположен в северо-западной части могильника (раскопки 1933 г.). К нему тяготеют все остальные могилы этой группы. Они вклиниваются в погребальное поле балановской группы двумя параллельными, не вполне правильными рядами. Глубина могил этой группы не превышает 1,4 *м* при средней глубине 1,2 *м*. В одной могиле обычно захоронены несколько взрослых (до четырех), причем кости часто расположены беспорядочно. Одной лишь деятельностью роющих животных этот факт объяснить нельзя, так как в одиночных могилах балановской группы анатомический порядок костей не нарушается. Для могил обоих групп характерны воронки провалов, образовавшиеся после естественного разрушения деревянного перекрытия и заполнения внутримогильной пустоты землей [4]. Таким образом, условия для деятельности грызунов в одиночных и коллективных могилах были одинаковыми. Нарушения анатомического порядка скелетов можно объяснить тем, что могильная яма использовалась для погребения несколько раз [11].

[11] В. С. Сорокин [15] предполагает, что яму вновь раскапывали, чтобы уложить в нее следующего умершего. Однако как этнографические, так и археологические факты свидетельствуют о том, что покойника не засыпали землей, а устраивали над ним какое-либо перекрытие, на которое уже сыпали землю. Конструкция этого перекрытия могла быть различной в могилах, предназначенных для одиночных и многократных захоронений.

При последующих захоронениях кости предыдущих смещались. Могилы атли-касинской группы ориентированы длинной осью по линии северо-запад — юго-восток и юго-запад — северо-восток с небольшими отклонениями.

Могилы балановской группы, посуда которых имеет атли-касинские элементы орнаментации (66, 46 и 48), располагаются вблизи могил с типичным атли-касинским комплексом. Балановские комплексы юго-западной и северной окраины могильника относятся не ранее как к III периоду. При этом на сосудах северных могил 1, 3, 5, 6, 7 определенно сказалось влияние атли-касинских комплексов, а на сосудах могил юго-западных оно не проявилось. Все ранние могилы сосредоточены в центральном большом раскопе [12]. Могилы балановской группы ориентированы обычно по линии север — юг или запад — восток. Глубина их значительно превышает глубину могил атли-касинской группы. Средняя глубина для могил взрослых 1,5 *м*. Длительность периода бытования кладбища в абсолютных цифрах по имеющемуся материалу не определяется.

Итак, в настоящей статье устанавливаются признаки, по которым можно определить относительную хронологию керамических комплексов балановской группы. Устанавливается, что атли-касинские комплексы сравнительно поздно появились на могильнике, но в то же время были непосредственно связаны с балановской группой, т. е. появление атли-касинских комплексов не нарушило единства могильника, хотя и привело к изменению некоторых черт культуры.

Балановский могильник пока единственный фатьяновский памятник, в котором выделяется несколько хронологических периодов. Однако он не может быть уникальным. Переоценивать его значение не следует. Не надо также забывать, что это памятник не исходный для культуры в целом и что не все варианты и возможные направления типологических изменений в нем представлены. Однако сопоставлением балановских материалов с фатьяновскими комплексами Верхнего Поволжья решаются некоторые вопросы, связанные с расселением фатьяновских племен.

Все материалы раскопок могильников ярославской группы опубликованы [13], кроме раскопок 1958—1962 гг., о которых имеется только краткое сообщение Д. А. Крайнова [23]. Формы ярославской посуды представлены в сводной таблице О. А. Кривцовой-Граковой [1]. Орнаменты довольно однообразны, преобладают композиции из мелких ромбов, сделанных частыми параллельными оттисками гребенчатого штампа; иногда имеется горизонтальный зигзаг в несколько рядов, встречаются метопы. Все орнаменты сделаны относительно крупным зубчатым штампом. В качестве разделителей зон орнамента применяются типичные для балановской посуды оттиски штампа, образующие решетки, иногда грубые и неправильные. Особенно характерны решетчатые узоры для Вауловского могильника. Здесь из них строятся сложные композиции. Формы и орнаменты сосудов ярославской группы аналогичны керамике комплексов первого типа Балановского могильника. В Вауловском, Горкинском, Великосельском, Фатьяновском, Юрьевецком и Мытищинском могильниках встречаются сосуды, по форме, размерам и орнаментации аналогичные шаровидным амфорам Баланова [14].

[12] Судя по густоте расположения могил и их разнообразию, здесь, вероятно, находилась центральная часть могильника. Впрочем, можно предполагать, что он простирается много дальше на запад и юго-запад.

[13] В ярославскую группу входят следующие могильники: Фатьяновский [16], Великосельский [17], Горкинский [18], Мытищинский [19], Говядиновский [20], Змеевский [21], Вауловский [22] и др.

[14] В Фатьяновском, Вауловском и Великосельском могильниках обнаружены, как и в Баланове, мелкие сосуды, напоминающие выродившиеся амфоры. Один такой сосуд из Вауловского могильника не орнаментирован, как и аналогичные ему по формам позднебалановские.

Ярославские сосуды типа шаровидных амфор не имеют ручек. У большинства из них сохраняются следы «конструкции» в виде двух валиков. Вауловская амфора из могилы 6 (рис. 6, *1*) в желобке между валиками, которые очень слабо выражены, имеет на противоположных сторонах два вертикальных валика-перемычки [15]. Подобный, но меньшего размера, сосуд из могилы 7 имеет два отчетливых валика. Вертикальный орнамент состоит из четырех полос. На амфоре из могилы 6 две полосы располагаются над реликтовыми ручками. Сосуд из могилы 10 (рис. 6, *2*) Горкинского могильника также с двумя валиками [16].

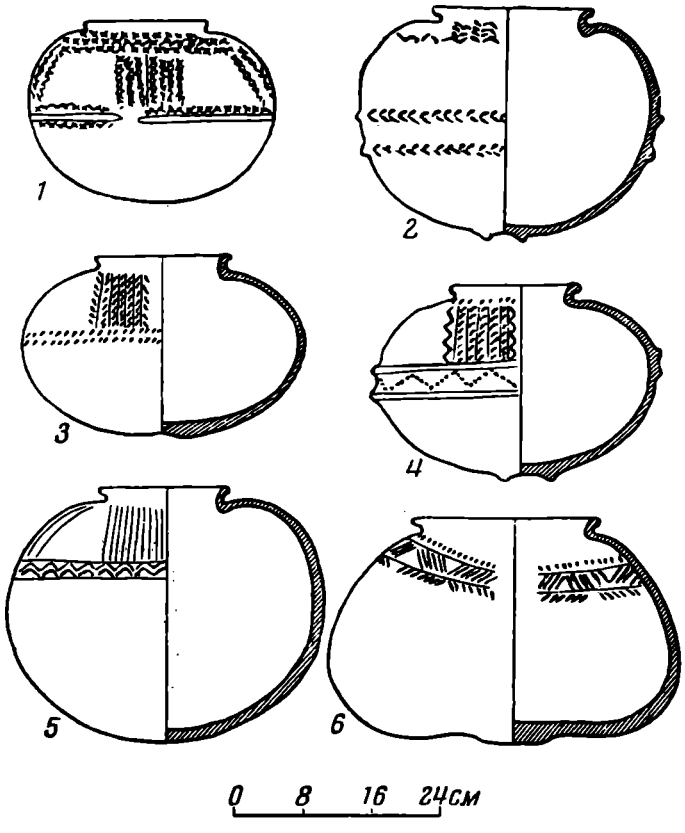


Рис. 6. Сосуды типа шаровидных амфор. Могильники Верхнего Поволжья

1 —Вауловский, мог. 6; *2* — Горкинский, мог. 10; *3* —*4* — Фатьяновский; *5* — Юрьевецкий; *6* — Кузьминский, мог. 34

На амфорах фатьяновского могильника (рис. 6, *3*, *4*) пространство между валиками заполняется горизонтальным зигзаговым орнаментом, что свидетельствует о полном забвении конструктивного значения композиции. Окончательное вырождение «конструкции» наблюдается в юрьевецкой амфоре (рис. 6, *5*), где горизонтальный зигзаг в средней части тулова подчеркнут сверху и снизу тонкими резными линиями.

Примером окончательного вырождения амфор как особого типа керамики служит сосуд из могилы 3 Кузьминского могильника (рис.6, *6*). Вертикальная композиция у него отсутствует. Полоса орнамента, являющегося реликтом «конструкции» (горизонтальный зигзаг со сложным обрамлением), переносится на плечики. На противоположных сторонах сосуда она разрывается, как бы оставляя место для несохранившихся (даже в виде орнамента) ручек. На дне сосуда имеется грубый налеп со вмятиной посередине. Это — реликт кольцевого валика на дне, широко применяемого на ярославских амфорах.

В данной статье мы не задавались целью построить относительную хронологию фатьяновских могил и могильников ярославской группы, потому что на имеющемся материале это сделать невозможно. Можно лишь уверенно говорить, что по степени вырождения «конструкции» ярославские амфоры нельзя связывать с материалами более ранними, чем материалы III периода Балановского могильника. Остальные керамические изделия ярославского варианта также близки комплексам посуды первого типа балановского могильника, относящейся к III периоду. Однако этим сопоставлением не устанавливается синхронность

---

[15] В коллекции ГИМ этот сосуд не сохранился. Его изображение см. у Д. А. Крайнова [22, стр. 131, табл. IX, *5* и VII, *5*].

[16] На фотографии сосуда в промежутке между валиками в одном месте видно несколько вертикальных насечек. Вполне возможно, что они также могут рассматриваться как реликты ручек. Проверить предположение невозможно: в коллекции ГИМ сосуд не сохранился [18, стр. 65, табл. V, *3*].

III периода Балановa с ярославской группой. Сопоставление выясняет лишь место ярославской группы в типологической шкале Балановского могильника, а тем самым и время отделения ярославского варианта фатьяновской культуры от средневолжского.

Полное отсутствие в орнаментации и формах сосудов, а также в погребальном обряде ярославского варианта атли-касинских элементов еще более ограничивает период, в который произошло отделение. Ярославский вариант выделился раньше, чем возник тесный контакт между балановской и атли-касинской группами. Допустимо предположение, что давлением атли-касинской группы вызвано передвижение части фатьяновцев на Верхнюю Волгу. Оставшиеся вступили в контакт с атли-касинской группой. В результате этого контакта появились те смешанные балановско-атли-касинские комплексы, которые характерны для большинства могильников фатьяновской культуры бассейнов Оки и Клязьмы (Чуркинского, Быстринского, Буньковского, Истринского, Верейского, Бужаровского, Олочинского и Буланинского). Остальные окско-клязьминские фатьяновские памятники свидетельствуют о контакте смешанного атли-касинско-балановского населения с культурами иного происхождения, вероятнее всего, с разными вариантами среднеднепровской культуры, для которой характерна шнуровая орнаментация.

Литература

1. О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1948.
2. М. Е. Фосс. Неолит Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 183—187.
3. О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, I.
4. О. Н. Бадер. Балановская культура. СА, 1961, 4.
5. М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М. 1955, рис. 193; стр. 506.
6. О. Н. Бадер. Отчет о раскопках Балановского могильника в 1937 г. Архив ЛОИА, № 194.
7. М. С. Акимова. Балановский могильник. КСИИМК, XVI, 1948.
8. О. Н. Бадер. Отчет о раскопках Балановского могильника в 1936 г. Архив ЛОИА, № 239.
9. П. Н. Третьяков. Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК. СГАИМК, 3, 1931, стр. 14, 15.
10. А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. Марийской археологической экспедиции. I, Йошкар-Ола, 1960, стр. 77—80, рис. 37.
11. Н. В. Трубникова. Отчет Чувашской экспедиции за 1956 г. Архив ИА, № 1259, стр. 63, 64, рис. 93, 95.
12. Е. И. Горюнова. Теньгушевское городище. Уч. зап. Мордовского НИИ, 9, Саранск, 1947.
13. В. Ф. Каховский. Раскопки кургана у д. Кумак-Касы, Ядринского р-на Чувашской АССР Уч. зап. Чувашского НИИ, XIX, Чебоксары, 1960 г.
14. О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940.
15. В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, 4.
16. А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. I, М., 1881, стр. 395—405.
17. А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗРАО, V, 1, СПб., 1903.
18. О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. «Тр. ГИМ», VIII, 1941.
19. О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСИА, АН СССР, 75, 1959.
20. В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, VIII, 1946.
21. А. Ф. Дубынин. Шуйский и Комсольский р-ны. Суздаль. Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 87—89.
22. Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, XII, 1941.
23. Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры, КСИА, АН СССР, 84, 1961.

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В КРЫМУ

Существенным пробелом в изучении племен, населявших южные районы Европейской части СССР в эпоху раннего металла, является почти полное отсутствие работ, посвященных их искусству. Объясняется это, во-первых, малочисленностью самих памятников искусства и, во-вторых, теми затруднениями, которые возникают при датировке и увязке имеющихся произведений искусства с той или иной культурой. Спорными по дате и культурной принадлежности являются очень интересные комплексы петроглифов Каменной могилы в Приазовье, а также ряд отдельных памятников юга Украины, хотя отдельные виды их, как, например, Усатовские стелы, плиты из кургана у с. Вербовка [1] и некоторые антропоморфные стелы [2], имеют довольно твердую дату. Примерно так же обстоит дело с памятниками искусства III—II тысячелетий до н. э. на Кавказе (дольмены с резным орнаментом, наскальные изображения и др.), которым посвящены работы Е. Д. Фелицына, В. М. Сысоева, Е. И. Крупнова, А. П. Круглова, В. И. Марковина и др.

В связи с этим значительный научный интерес представляет Крым, дающий ряд своеобразных, иногда хорошо датирующихся памятников первобытного искусства.

Многими из этих памятников в разное время и в разной степени занимались П. Н. Шульц [3], Д. А. Крайнов [4], А. А. Формозов [5]. Раскопки последних лет значительно увеличили число подобных находок, что позволяет уточнить их хронологию и культурную принадлежность. Данная работа является попыткой подвести некоторые итоги изучения этих памятников в Крыму.

Известно, что в Крыму, как и в соседних с ним областях Северного Причерноморья, эпоха раннего металла представлена ямной, катакомбной и срубной культурами [3, стр. 3].

Памятники этих культур в основном располагаются в степном Крыму, а также на Керченском и Тарханкутском полуостровах и лишь частично заходят в предгорный Крым.

Кроме того, в предгорном и горном Крыму четко выделяется группа очень своеобразных курганных погребений в каменных и деревянных ящиках, а также хорошо связывающихся с ними по времени и материалу поселений.

По ряду существенных признаков (погребальному обряду, инвентарю поселений и могильников и пр.) эти памятники резко отличаются от памятников других культур III—II тысячелетий до н. э., известных в Северном Причерноморье и на Кавказе. В инвентаре этой группы памятников обильно представлены кремневые изделия, в которых еще сохраняются микролитические традиции (трапеции, проколки, скребки, миниатюрные ножевидные пластинки, двусторонне обработанные наконечники стрел и копий и т. д.), а также изделия из диорита (шлифованные молотки).

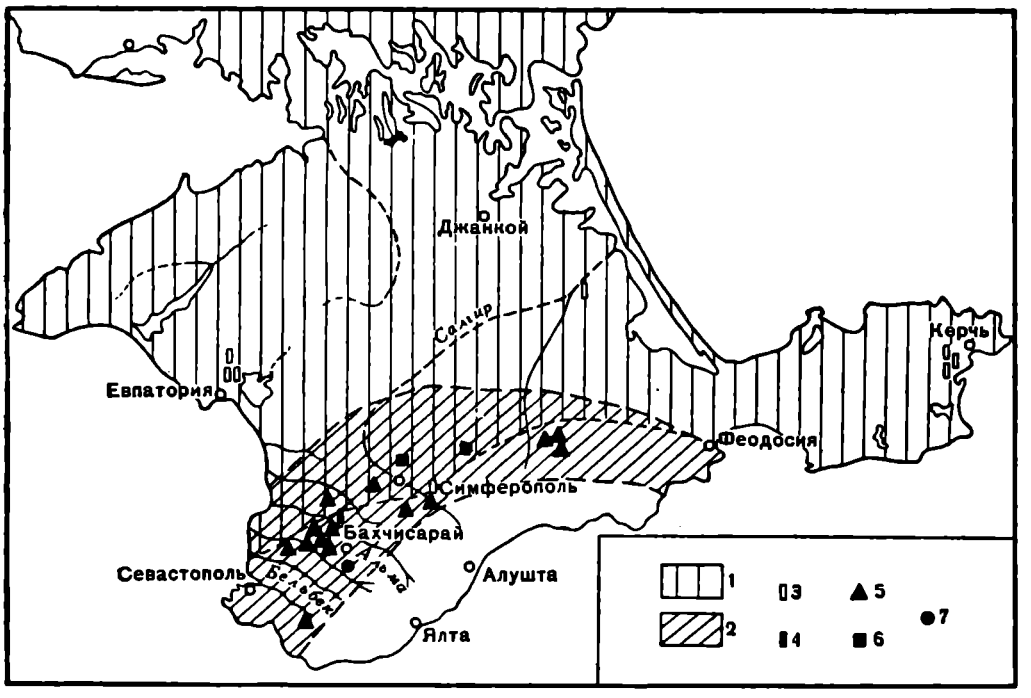


Рис. 1. Ямная и кеми-обинская культуры Крыма и связанные с ними памятники искусства

1 — территория, занятая племенами ямной культуры; *2* — территория, занятая кеми-обинской культурой; *3* — антропоморфные стелы, относящиеся к ямной культуре; *4* — антропоморфные стелы, относящиеся к кеми-обинской культуре; *5* — каменные и деревянные ящики с росписью; *6* — стела из Бахчи-Эли; *7* — роспись Таш-Аира

Лепная посуда сравнительно тонкостенна, часто с лощеной или хорошо заглаженной коричневато-серой поверхностью. Среди медных и бронзовых изделий имеются небольшие плоские ножи копьеобразной формы и четырехгранные шилья [6]. С этими же памятниками связаны находки зернотерок, вкладышей серпов и довольно значительного количества костей домашних животных — лошади, крупного и мелкого рогатого скота, что свидетельствует о занятиях земледелием и скотоводством.

Погребения в каменных и деревянных ящиках в большинстве случаев совершались скорченно, на боку или спине, часто на галечной подсыпке. Отмечаются случаи обильного посыпания покойника охрой. В одном случае захоронение в каменном ящике предшествовало погребению ямной культуры [7]. Чаще же каменные или деревянные ящики являются в курганах основными погребальными сооружениями или впущенными в курганы древнеямной культуры. В свою очередь, курганы с каменными или деревянными ящиками часто прорезаны впускными погребениями катакомбной культуры, но ни разу не наблюдалось обратного явления. Таким образом, характер изделий из камня и меди (или бронзы), а также стратиграфия курганов позволяют выделить их в особую группу памятников III — первой половины II тысячелетия до н. э. Распространение этих памятников ограничивается горным, предгорным и частично степным Крымом [1] (рис. 1); за его пределами они пока неизвестны.

Обращаясь к произведениям искусства III—II тысячелетий до н. э. в Крыму, мы убеждаемся в том, что они распадаются на две группы, связанные с двумя территориально и культурно различными областями. Одна из них, тяготеющая преимущественно к степному Крыму, относит-

[1] Подробная характеристика памятников этой группы и их место среди других культур Крыма изложена автором в докладе «Курган Кеми-Оба и круг родственных ему памятников в Крыму» на секции энеолита и бронзы пленума, посвященного итогам полевых исследований ИА АН СССР в 1959 г., и в докладе «Исследования памятников эпохи бронзы в Крыму в 1955—1959 гг.» на объединенной сессии Отделений: исторических наук АН СССР и общественных наук АН УССР в Киеве в 1960 г. [8, 9].

ся к ямной культуре. Вторая совпадает с выделенной нами группой археологических памятников горного и предгорного Крыма.

Особенно четко такое деление наметилось в результате раскопок кургана Кеми-Оба у Белогорска [10]. Поэтому в дальнейшем произведения искусства, связанные с этой яркой группой памятников, мы позволим себе именовать кеми-обинскими.

Рассматриваемые нами памятники искусства можно в основном разделить на 1) каменные и деревянные погребальные ящики с росписью; 2) монументальные антропоморфные и другие стелы; 3) камни с разнообразными примитивными рельефными изображениями. Упомянем также наскальную роспись Таш-Аира I, «Чурингу» из Качи-Кальена, фалическое изваяние из кургана у с. Зольное и другие отдельные находки.

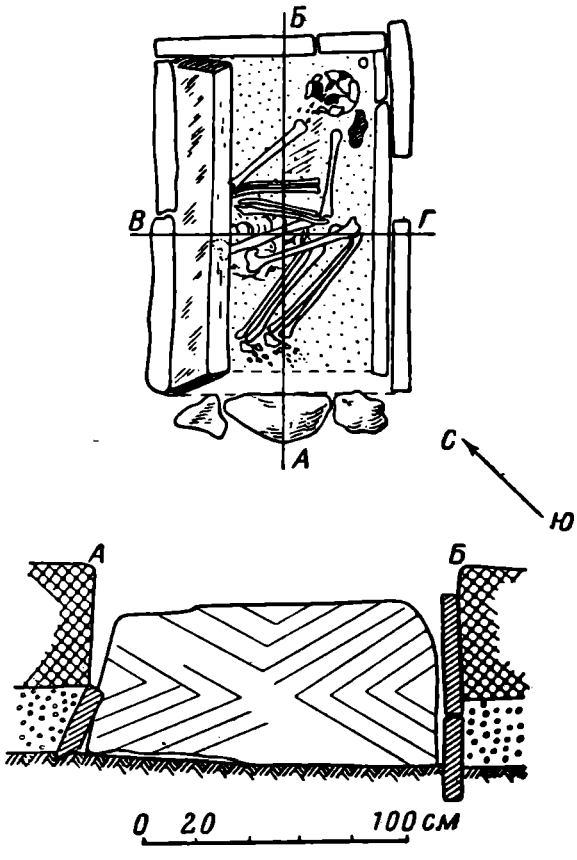


Рис. 2. Каменный ящик с росписью из кургана у пос. Украинка

Мы начнем свой обзор с территории кеми-обинской группы памятников. Наиболее своеобразными произведениями искусства являются несомненно каменные и деревянные ящики с росписью. Первое упоминание о них относится к концу прошлого столетия [11—14].

Ю. А. Кулаковский, основываясь на инвентаре и характере погребального обряда, предполагал, что каменные ящики одновременны захоронениям в ямах и принадлежат одному и тому же населению [14, стр. 159—169], т. е. населению ямной культуры.

Благодаря раскопкам последних лет число подобных погребальных сооружений, и в том числе с росписью, значительно возросло. Кроме того, к ним прибавилась группа деревянных ящиков, часть которых также с росписью. Роспись этих ящиков в основном имеет линейно-геометрический характер, нанесена она, как правило, на внутренних стенках. Преобладают две краски — черная и красная, иногда к ней добавляется белая. В росписи чаще всего применяется орнамент из чередующихся черных и красных полос, идущих от краев плит углами, вершины которых направлены к центру. Такой рисунок, судя по скупым описаниям, был на стенках ящиков из кургана Азиз-Оба, близ с. Дуванкой [14, стр. 160], и кургана между реками Альма и Кача [13, стр. 17, 118]. Такая же роспись прослежена в ящике кургана, раскопанного у пос. Украинка Симферопольского района[2] (рис. 2). По-видимому, аналогичный рисунок был нанесен и на стенках деревянного ящика № 3 из кургана Кеми-Оба у Белогорска [10]. Подобная же роспись имелась на стенках каменного ящика, исследованного автором в 1961 г. в Чокурчинском кургане.

В 1891 г. Н. И. Веселовский раскопал близ Симферополя курган с каменным ящиком, расписанным косыми черными полосами, образующими углы. Между черными полосами имелись красные пятна (рис. 3) [1, стр. 75]. Роспись ящика из кургана у с. Кояш состояла из больших ром-

[2] Раскопки автора в 1959 г.

бов, нанесенных чередующимися красными и черными полосами; по сторонам ромбов были нарисованы треугольники и волнистые линии. Оси ромбов прорезала широкая красная полоса с черными пятнами по краям. Между ромбами и внутри их неправильные концентрические круги, также из чередующихся красных и черных линий [12, рис. 6]. Роспись второго ящика, раскопанного в кургане у Симферополя, представляла собой белые и красные полосы в косую клетку [3] на черном фоне [13, стр. 9—10]. Ящик у Ново-Софиевки был украшен двумя перекрещивающимися красными и черными полосами, расположенными по диагоналям плит (рис. 4, 17) [15]. Интересные ящичные плиты из кургана, исследованного на р. Каче близ Бахчисарая в 1952 г., хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом музее [16]. Роспись их состояла из нанесенных красной краской ромбов, внутри которых были вписаны черные ромбы с красными пятнами в середине. В 1954 г. в этом же районе Е. В. Веймарн исследовал второй каменный ящик, на одной хорошо сохранившейся стенке которого по черному фону нанесены белые полосы, образующие квадраты, вписанные один в другой. Эти полосы попарно соединены короткими белыми линиями, в клетках между которыми заключены продолговатые косые пятна оранжево-красного цвета. Такие же красные и белые точки чередуются в промежутках между квадратами (рис. 4, *16*) [17] [4].

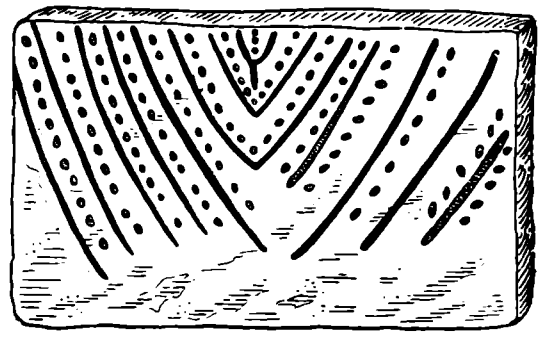


Рис. 3. Роспись внутренней стороны каменного ящика из кургана близ Симферополя. Раскопки Н. И. Веселовского

На стенке каменного ящика из кургана у с. Долинное имелось изображение круга с перекрестием (солярный знак), нанесенный красной краской (рис. 4, *19*) [6, стр. 227, рис. 1, *1*]. В кургане Кеми-Оба у Белогорска на стенке каменного ящика такой же красной охрой нанесены три перекрещивающиеся в центре линии с точками между ними (рис. 4, *18*). По словам Н. И. Репникова, все четыре стенки каменного ящика в кургане у с. Скеля были расписаны черной краской в елочку [18].

Все эти ящики встречены в предгорном и частично степном и горном Крыму. За пределами Крыма подобных расписных каменных и деревянных ящиков эпохи раннего металла мы не знаем. По-видимому, они характерны только для определенной группы памятников типа Кеми-Оба.

К этой же группе памятников относится и уникальная антропоморфная стела из Казанков (рис. 4, *12*) [2, рис. 3, 4]. Это большая диоритовая плита, увенчанная выступом, которому придана форма головы с хорошо проработанными плечами и спиной. Рельефом выделено лицо (нос и брови), имеющие «совиный облик», и сложенные на груди руки. В нижней части плиты, под пояском — две рельефные человеческие фигурки (рис. 4, *12*). Подобных человеческих изображений на других антропоморфных стелах этого времени неизвестно. По проработке отдельных деталей и тщательности отделки ближайшими ее аналогиями являются стелы из Новочеркасска [19], Натальевки [20], Белогрудовки и Гамангии [21]. Не исключено, что все эти стелы, как и стела из Казанков, связываются не с ямной или катакомбной, а с какими-то другими культурами эпохи раннего металла.

---

[3] Акварель росписи ящика имеется при отчете Н. И. Веселовского в архиве ЛОИА АН СССР, д. № 93/1895, л. 49.

[4] Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Е. В. Веймарну, разрешившему опубликовать этот памятник.

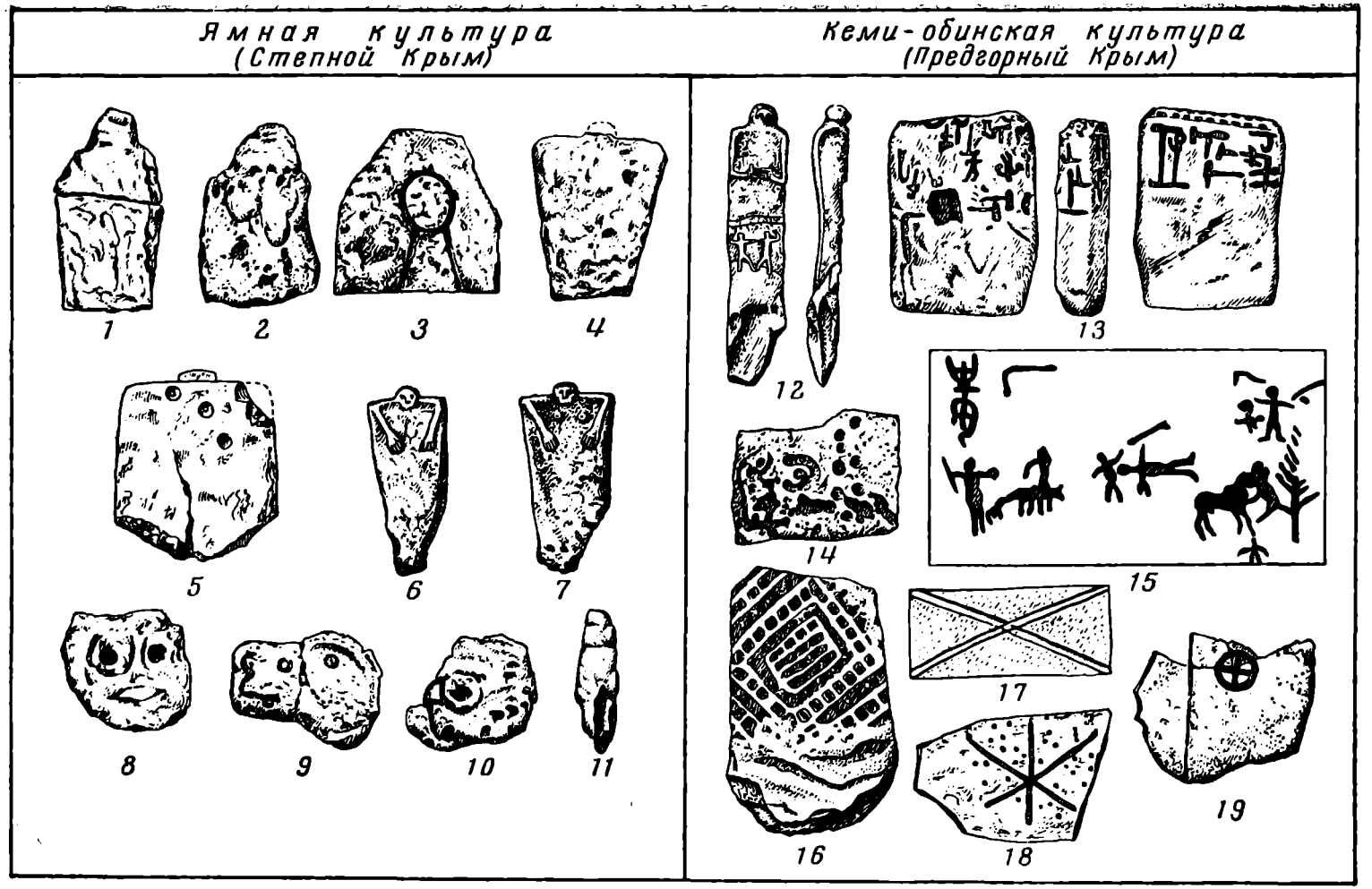


Рис. 4. Классификация памятников искусства эпохи раннего металла в Крыму

1—3 — антропоморфные стелы из курганов, раскопанных у Евпатории; *4* — антропоморфная стела из Ново-Емельяновки; *5* — антропоморфная стела из Чокурчинского кургана; *6—7* — тиритакские антропоморфные стелы; *8* — камень с изображением человеческого лица из кургана у Евпатории; *9—10* — камни с чашечными и другими изображениями из кург. № 2 у Евпатории; *11* — фалическое изображение из кург. № 2 у с. Зольное; *12* — антропоморфная стела из Казанков; *13* — стела из Бахчи-Эли; *14* — плита с чашечными и другими изображениями из кург. № 1 у с. Зольное; *15* — фрагмент росписи Таш-Аира; *16* — роспись каменного ящика из кургана у Бахчисарая; *17* — роспись каменного ящика из кургана у Ново-Софиевки; *18* — роспись каменного ящика из кургана Кеми-Оба; *19* — роспись каменного ящика из с. Долинное

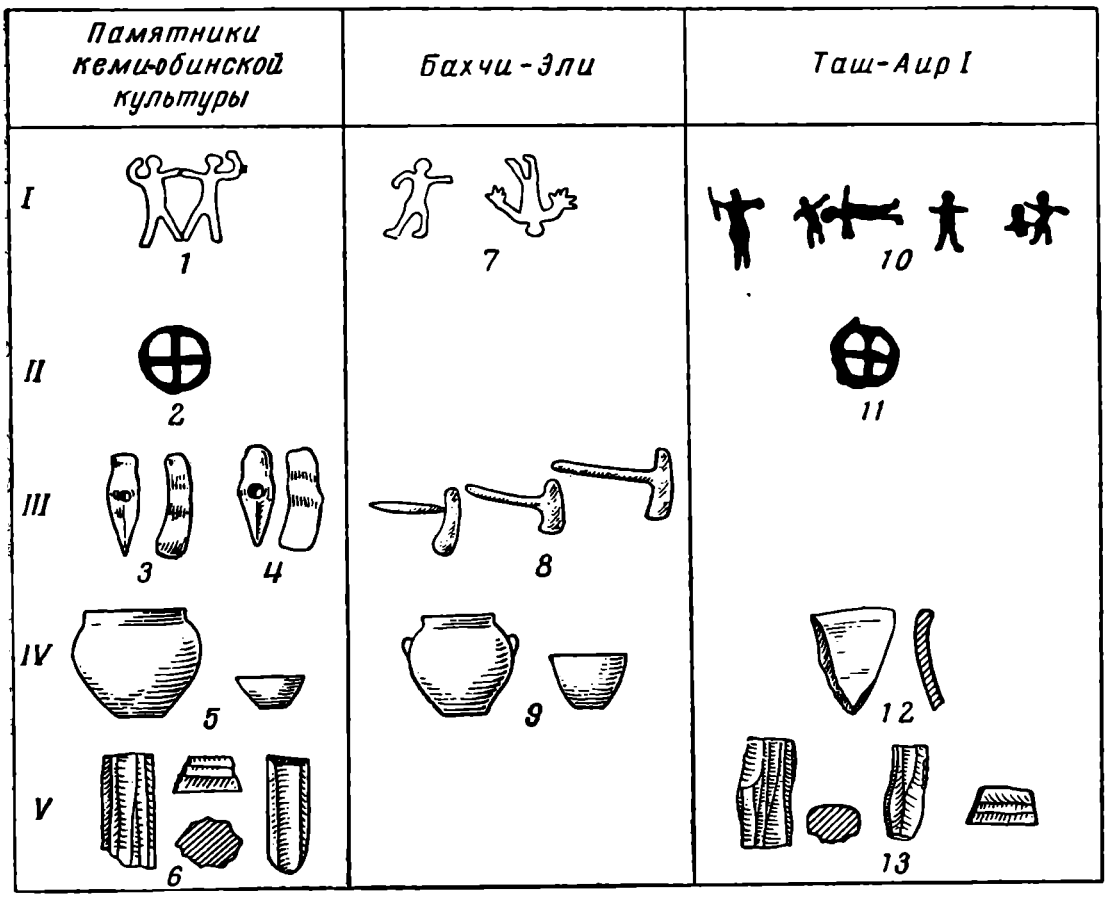


Рис. 5. Сопоставление изображений и предметов из Бахчи-Эли и Таш-Аира I с памятникам типа Кеми-Оба

I — изображения людей: *1* — на стеле из Казанков, *7* — на стеле из Бахчи-Эли, *10* — в росписи Таш-Аира; *II* — солярные знаки: *2* — на стенке каменного ящика из с. Долинное, *11* — в росписи Таш-Аира; *III* — каменные молотки: *3* — из деревянного ящика в кургане у с. Казанки, *4* — из деревянного ящика Абдольского кургана, *8* — изображения молотков на стеле кургана Бахчи-Эли; *IV* — лепная посуда: *5* — из деревянных и каменных ящиков кургана Кеми-Оба, *9* — из ямы под стелой в кургане Бахчи-Эли, *12* — обломок венчика сосуда из слоя Таш-Аира *I*; *V* — кремневые изделия: *6* — из каменных и деревянных ящиков кеми-обинской культуры, *13* — из слоя Таш-Аира

Курган, на вершине которого стояла стела из Казанков, содержал захоронение в деревянном ящике. Здесь же находился шлифованный диоритовый молоток, относящийся ко времени не позже середины II тысячелетия до н. э. (рис. 5, *3*) [22]. Аналогичный молоток найден и в деревянном ящике под курганом в урочище Абдал (рис. 5, *4*) [23].

Близкие по форме изображения молотков имеются и на большой известняковой плите из кургана, раскопанного в урочище Бахчи-Эли у Симферополя (рис. 4, *13*) [24]. Эту стелу принято относить к ямно-катакомбному времени [5, стр. 137—139, рис. 1]. Кроме топоров, на ней имеются изображения человеческих фигурок и орудий, напоминающих мотыги, посохи и пр. На верхней грани плиты — чашевидные углубления, указывающие на ее ритуальный характер. В комплексе все эти изображения носят характер повествования. Стилистически человеческие фигурки на плите из Бахчи-Эли перекликаются с такими же фигурками на стеле из Казанков (рис. 5, *1*). В яме, перекрытой этой плитой, стояло два лепных сосуда, близких по форме и характеру отделки сосудам из каменных и деревянных ящиков.

Все это не дает нам оснований связывать плиту из Бахчи-Эли с ямной, катакомбной или срубной культурами, для которых памятники такого рода не характерны.

В долине р. Качи у с. Предущельного на стенке скалистого навеса Таш-Аир I имеются единственные для Крыма наскальные рисунки, выполненные красно-бурой краской. Здесь изображены люди, лошадь, змея, дерево, солярный знак и т. д. (рис. 4, *15*) [4, рис. 15]. Все эти рисун-

ки Д. А. Крайнов считает не только одновременными, но и объединенными общей композицией и содержанием. По его мнению, они являются как бы записью военных столкновений между местными и пришлыми племенами. Д. А. Крайнов убедительно показал, что эта роспись относится не к эпохе железа, как предполагал П. Н. Шульц [25], а к энеолиту или бронзе [4, стр 121]. Такая датировка подтверждается не только находками в культурных слоях находящейся здесь стоянки, но и характером изображений, имеющих ряд аналогий в памятниках энеолита и бронзы как в СССР, так и за его пределами [4, стр. 121]. Не противоречит такой датировке и изображение верховой лошади, так как известно, что ее приручение в ряде мест приходится на конец неолита или энеолит [4, стр. 120—122].

Любопытно, что человеческим фигуркам и солярному знаку таш-аирской росписи имеются ближайшие аналогии в таких памятниках первой половины II тысячелетия до н. э., как роспись каменного ящика из с. Долинное и рельефные изображения человеческих фигурок на стелах из Казанков и Бахчи-Эли (рис. 5). О том, что роспись Таш-Аира принадлежит к этой же группе памятников, свидетельствуют и связанные с ней находки из культурного слоя (горизонт V в.) этого навеса (кремневые изделия и лепная лощеная керамика), которые, с одной стороны, очень схожи с кеми-обинскими (рис. 5, *6, 13*), а с другой — отличаются от ямной, катакомбной и других культур Крыма.

Особую, резко отличимую группу памятников первобытного искусства дает степной Крым, где в III — первой половине II тысячелетия до н. э. обитали племена ямной культуры.

В 1960 г. близ Евпатории у пос. Мамай автором было исследовано два кургана, давших серию погребений древнеямной культуры [26]. Особого внимания заслуживает могила № 7 в кург. № 1, перекрытая двумя большими (2 × 1,1 и 1,20 × 0,85 *м*) плитами, на одном конце которых закругленными выступами изображены как бы головы (рис. 4, *1*). Поверх этих плит лежал плоский камень размером 0,4 × 0,35 *м*, на нижней стороне которого высечено схематическое изображение человеческого лица, глаза, нос, рот (рис. 4, *8*). В могиле под этими плитами находился скелет человека, погребенного на спине с поджатыми ногами, головой на СВ. Кости и дно могилы были обильно посыпаны охрой. Все эти признаки характерны для древнеямной культуры Крыма. Что же касается камня с человеческим лицом, то, насколько нам известно, подобная находка для ямной культуры отмечается впервые.

Большая плита (1,6 × 0,8 *м*) с одним выступающим концом перекрывала и аналогичную могилу № 10 в Мамакском кург. № 2. В ее верхней закругленной части высечен круг диаметром 0,28—0,33 *м*, от которого вниз опускаются две несколько расходящиеся полосы длиной по 0,4 *м* (рис. 4, *3*). В целом этот рисунок напоминает погрудное изображение человеческой фигуры. В круге («голове»?) имеется ряд углублений, в расположении которых можно усмотреть как бы черты лица с глазами, носом и ртом.

Другая могила (№ 5, детская) в этом же кургане была перекрыта двумя небольшими уплощенными плитами (0,7 × 0,4 и 0,8 × 0,5 *м*) которые лежали рядом поперек могилы. На плоской стороне одной из этих плит высечено два одинаковых кружка диаметром 7,5—8 *см*, а по краям, как бы обрамляя край плиты,— желоб.

Несколько другого типа вторая плита, один выступающий конец которой напоминает человеческую голову, а ниже, на «туловище» двумя крупными, но сглаженными выступами как бы изображена «женская грудь» (рис. 4, *2*). В данном случае мы, вероятно, имеем дело с естественным камнем, края и рельеф которого были лишь слегка подработаны. В могиле под этой плитой находился скелет ребенка в возрасте не более двух лет, а при нем лепной сосуд с вытянутым закругленным дном.

В насыпи этого же кургана был найден обломок плиты с высеченными на ней кругом (диаметром 0,2 *м*) и чашевидным углублением в центре. Второе такое же углубление находилось за пределами круга (рис. 4, *10*).

Таким образом, в комплексе евпаторийских находок выделяется два изобразительных приема: плоский рельеф и примитивная объемная скульптура, где камню подходящей формы незначительной обработкой придавалось некоторое сходство с фигурой человека. По-видимому, в отмеченных изображениях древнеямной культуры можно видеть простейшую форму антропоморфных стел или, вернее, их прототипы.

В том же 1960 г. в Нижнегорском районе у с. Емельяновка на распаханном кургане найдена антропоморфная стела высотой 1 *м*, шириной в нижней части 0,47 *м* и в верхней 0,82 *м*. Голова передана небольшим выступом (рис. 4, *4*). Эта стела аналогична одной из Белозерских стел на Херсонщине [27] и особенно близка Ново-Филиповской у Мелитополя [28].

Близкая к ним по типу антропоморфная стела из нумулитового известняка была обнаружена в 1961 г. и в Чокурчинском кургане близ Симферополя. Стела размером 0,95 × 0,9 × 0,28 *м* перекрывала могилу, в которой находился скелет ребенка, погребенного по древнеямному обычаю. Два лепных сосуда, найденных при скелете, также характерны для этой культуры. На одной плоскости стелы три чашевидных углубления. Голова показана небольшим, но хорошо проработанным выступом (рис. 4, *5*) [29].

Упомянутые раскопки евпаторийских и чокурчинского курганов еще раз подтвердили, что примитивные антропоморфные надгробия древнеямной культуры являлись перекрытиями могил. Это отмечено еще Г. А. Скадовским [27, стр. 75—160], а затем А. И. Тереножкиным [30].

В свое время автором была сделана попытка расчленить древнейшие антропоморфные стелы Северного Причерноморья на две группы [2, стр. 145]. К первой, более ранней, были отнесены стелы, перекрывавшие могилы древнеямного времени. Кроме туловища, у них небольшим выступом показана голова (стелы типа белозерских). Ко второй, более поздней группе относятся стелы, которые устанавливались на вершинах курганов. У них, как правило, изображены руки, лицо и пр. (стелы из селений Капустино, Белогрудовки и др.). Новые стелы из с. Емельяновки и Чокурчи по всем признакам можно отнести к первой, более древней группе.

В Крыму ко второй группе относятся хорошо известные Тиритакские стелы, у которых на несколько расширяющемся кверху туловище намечены голова (с глазами, носом и ртом) и руки, а на женской стеле и грудь (рис. 4, *6—7*).

Учитывая, что ни одна из обнаруженных стел эпохи бронзы не связывается с погребениями катакомбной культуры, мы допускаем, что тиритакские стелы относятся к позднеямной культуре, т. е. являются дальнейшим развитием стел древнеямной культуры. По-видимому, для катакомбной культуры антропоморфные стелы не характерны.

Значительную группу памятников искусства в Крыму составляют камни и плиты с чашевидными углублениями, солярными и другими знаками. В 1960 г. в кургане у пос. Марьино близ Симферополя обнаружена плита (1,4 × 0,85 *м*), на обеих плоскостях которой высечены изображения человеческих стоп; на одной из них имелось чашевидное углубление. На двух гранях плиты также виден ряд чашечных углублений, соединенных между собой желобками. Подобные же углубления есть на антропоморфной стеле древнеямного времени из с. Чокурчи (рис. 4, *5*).

В Крыму изображения стоп отмечаются впервые, но за его пределами они хорошо известны в памятниках эпохи раннего металла. Так, изображения стоп имеются на одной из антропоморфных стел из Белогру-

довки, на стеле из Гамангии [21] и Новочеркасска [19, табл. VII, *3*]. Целый комплекс изображений человеческих стоп, правда, несколько другого характера, дают петроглифы Каменной могилы [31].

Нельзя обойти молчанием и небольшой плоский обломок камня из кургана у с. Денисовка Симферопольского района [32]. На его лицевой стороне высечен ряд горизонтальных и вертикальных линий (рис. 6). По характеру рисунка и технике нанесения он очень напоминает некоторые изображения Каменной могилы.

Уникальным памятником ямной культуры является и культовое каменное изображение фала из кург. № 2, раскопанного в 1959 г. у с. Зольное Симферопольского района (рис. 4, *11*) [33].

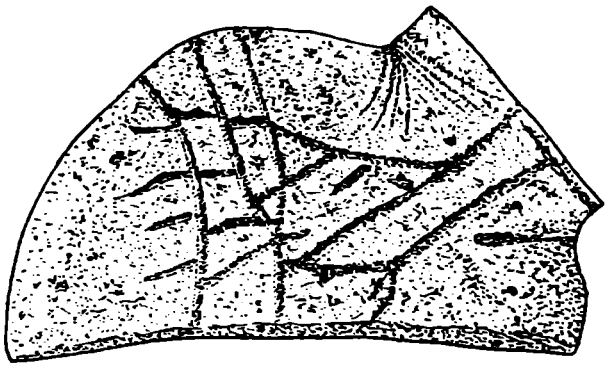


Рис. 6 . Плита с резным рисунком из кургана у с. Денисовки

Наконец, к памятникам искусства II тысячелетия до н. э. надо отнести каменное навершие булавы в виде головы быка из кург. № 9, раскопанного в зоне Симферопольского водохранилища в 1954 г. [7, рис. 15, *2*; 34].

Очень интересна и небольшая (4,3×2,4 *см*) «чуринга», на одной стороне которой изображены трое животных: самец, самка, детеныш, а на другой — прямоугольник с перекрещивающимися линиями. Найдена она в долине р. Качи близ с. Кудрино. Д. А. Крайнов считает возможным отнести ее к ямно-катакомбному времени [4, рис. 17—19].

Итак, в Крыму в III — первой половине II тысячелетия до н. э. выделяются две основные группы своеобразных как по сюжету, так и по стилю памятников искусства. Первая наиболее примитивная группа памятников связывается с ямной культурой. Для нее характерна схематичность и в то же время известная монументальность. Изображение человека дается здесь в виде примитивного объемного изваяния, реже носит плоскостной характер. Находки памятников искусства ямной культуры не ограничиваются только Крымом, а встречаются на всей обширной территории, занятой племенами этой культуры.

Роспись, а также рельефные изображения людей, орудий (топоров) и пр. для ямной культуры, так же как, по-видимому, и для катакомбной и срубной, не характерны (рис. 4, *1—11*).

Совсем иной характер носят памятники искусства второй группы, которые связываются нами с кеми-обинской культурой. Обработка каменных антропоморфных и других стел здесь значительно лучше, на них наносятся дополнительные детали и изображения. Внутренние поверхности каменных и деревянных ящиков часто расписаны красками. По-видимому, геометрическая, декоративная роспись этих погребальных сооружений является особенностью данной культуры, так как за пределами Крыма она пока нигде не встречена. Роспись ящиков дополняется уникальной наскальной росписью Таш-Аира I. Как и рельефные изображения на плите из Бахчи-Эли и стеле из Казанков, они являются образным воспроизведением каких-то общественных явлений.

Сюжетность изображений — яркая черта памятников искусства этой группы. Она приоткрывает новую страницу в жизни человека эпохи раннего металла на юге СССР.

Для обеих культур характерны своеобразные стиль и техника воспроизведения того или иного изображения, разное их смысловое значение. Это естественно, если вспомнить, что одни из этих племен — степняки, а другие — обитатели предгорий и гор.

Литература

1. А. А. Формозов. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки. КСИА, 5, 1955, стр. 71—74.
2. А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, 2, стр. 143—148.
3. П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь, 1952.
4. Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послелепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, стр. 108—122.
5. А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР, СА, 1958, 2, стр. 137—142.
6. А. А. Щепинский. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма. СА, 1961, 2, стр. 227—228, рис. 2.
7. П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, 71, 1958, рис. 13, *11—12*. Курган № 4.
8. Р. М. Мунчаев, Г. А. Федоров-Давыдов. Сессия Отделения исторических наук пленума ИИМК АН СССР. СА, 1959, 3, стр. 274.
9. Е. В. Максимов. Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР, СА, 1961, 1, стр. 309.
10. А. А. Щепинский. Отчет о раскопках длинного кургана Кеми-Оба у Белогорска в 1957 г. Архив ИА АН УССР.
11. ОАК за 1891 г., стр. 475.
12. Н. Романченко. Раскопка кургана в д. Кояш Симферопольского уезда Таврической губ. ИТУАК, 13, 1891, стр. 62—74.
13. ОАК за 1895 г., стр. 8—9, 17—18, 118—119.
14. ОАК за 1896 г., стр. 160.
15. Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии. ИТУАК, 49, 1913, стр. 253—255.
16. Е. В. Веймарн, Х. И. Крис. Новые археологические находки, «Крымская правда» от 18 апреля 1952 г.
17. Е. В. Веймарн. Отчет об эпизодических арехологических работах Бахчисарайской историко-археологической станции. Архив ОАСА ИА АН УССР, инв. № А—11.
18. Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году. ИАК, 30, 1909, стр. 119—122.
19. A. Häusler. Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila bei Melitopol und die megalithischen Einflüsse in Südrussland. Wiss. Z. Halle, VII, тетр. 2, 1958, стр. 506, табл. IV, *5*.
20. В. М. Даниленко. До киммерійськоі проблеми. Археологія. V, 1951, стр. 218—225, рис. 3.
21. A. M. Tallagren. Sur les monuments mégalithriques du Caucase occidental. ESA, IX, 1934, стр. 41, рис. 33.
22. А. А. Щепинский. Отчет о раскопках курганов у с. Казанки Бахчисарайского района в 1958 г. Архив ОАСА. ИА АН УССР.
23. Л. Н. Соловьев. Отчет об охранных раскопках курганов в урочище Абдал у Симферополя в 1956 г. Архив ОАСА ИА АН УССР.
24. Н. Л. Эрнст. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930). ИТОИАЭ, IV, 1930, стр. 7, 11.
25. П. Н. Шульц. Работы тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.) «Памятники искусства», 2, 1947, стр. 29.
26. А. А. Щепинский. Отчет о раскопках памятников эпохи энеолита и бронзы в Крыму в 1960 г. Архив ОАСА ИА АН УССР.
27. Г. А. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Тр. VIII АС, III, 1897, стр. 75—92; табл. VII, *2* и табл. VIII, с левой стороны стела, перевернутая вниз головой.
28. М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Є. Ф. Покровська, О. И. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки I радгоспу «Аккермень». АП УРСР, VIII, 1960, стр. 36—39, рис. 18.
29. А. А. Щепинский. Отчет о раскопках памятников энеолита и бронзы в Симферопольском районе в 1961 г. Архив ОАСА.
30. А. И. Тереножкин. Курганы бронзового века на р. Молочной. КСИА, 2, 1953, стр. 88.
31. М. Я. Рудинский. Каменная могила. КСИА, 1, 1952, стр. 26—27. рис. 7, 8.
32. А. А. Щепинский. Камень с резными изображениями из с. Денисовки Симферопольского района. Изв. Крымск. отд. Геогр. о-ва СССР, 6, 1960, стр. 211—213, рис. 1.
33. А. А. Щепинский. Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы в Крыму в 1959 г. Архив ОАСА.
34. А. А. Щепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму. КСИА, 9. 1960, стр. 70—72, рис. 5, *1*.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО КАРАСУК-ТАГАРСКОГО ВРЕМЕНИ В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Вопрос о происхождении тагарской культуры, об ее истоках чрезвычайно важен, но почти не разрабатывался в археологической литературе. Один из путей к его решению — изучение переходных по времени от карасукской к тагарской эпохе памятников, которые сочетают в себе черты как карасукской, так и тагарской культур. Такие памятники пробовали выделить многие исследователи ([1—8] и список могильников переходного карасук-тагарского времени, составленный Г. П. Сосновским и хранящийся в архиве ЛОИА, д. № 246, л. 97—99). Авторы перечисленных работ либо не ставят в связи с этими памятниками никаких вопросов (Г. Мергарт, Г. П. Сосновский), либо исходят из того, что сочетание в памятниках карасукских и тагарских элементов свидетельствует о генетической связи между карасукской и тагарской культурами (С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, М. П. Грязнов).

Между тем, само по себе наличие таких памятников еще не указывает на перерастание карасукской культуры в тагарскую. В самом деле, наличие карасукских и тагарских черт в одном и том же памятнике может быть сочетанием либо разнородных элементов, не имеющих друг с другом ничего общего, либо таких элементов, между которыми существует генетическая связь. Требуется выяснить, имеются ли переходные формы от карасукской культуры к тагарской в керамике, украшениях, орудиях и оружии, обряде погребения и физическом типе населения. Но и в случае положительного ответа на эти вопросы, полученного на материале одних только памятников переходного времени, еще нет оснований утверждать, что тагарская культура произошла от карасукской. Когда одна культура сменяет другую на какой-либо территории, то лишь в исключительно редких случаях при этом происходит полная смена населения. В большинстве же случаев хотя бы часть населения остается на месте и смешивается с пришлым населением. Отражением этого в материальной культуре и будут такие «переходные» памятники, сочетающие в себе элементы культуры местного населения и пришлого. Но при этом материальная культура аборигенного населения может очень резко отличаться от культуры пришлого населения, и в дальнейшем одна из этих культур может не оставить в другой почти никаких следов. Всегда следует сравнивать между собой основные элементы исходных культур, и если и они также показывают преемственность, то в этом случае можно говорить о генетической связи этих двух культур.

Что касается карасукской и тагарской культур, то следует с самого начала иметь в виду различия в антропологическом типе носителей этих культур, установленные еще в 30-х годах [9, 10]. Различия эти исключают возможность того, чтобы носители карасукской культуры были предками носителей тагарской культуры. Следовательно, не исключена возможность, что тагарская культура не является преемницей карасукской.

Подходя к вопросу таким образом, рассмотрим известные в настоящее время 35 могильников и 8 стоянок переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. Они охватывают довольно значительное время и могут быть разбиты на ряд последовательных хронологических групп с помощью корреляционной таблицы, построенной по тому же принципу, который применялся П. П. Ефименко [11], П. Н. Третьяковым [12], А. П. Окладниковым [13] и В. В. Седовым [14] для классификации могильных комплексов и М. П. Грязновым для классификации случайных находок (бронзовых кельтов Минусинского края) [15]. За единицу в одних случаях принималась могила (П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков), в других — целый могильник (В. В. Седов) и даже группа могильников (А. П. Окладников). В нашем случае, ввиду сравнительной бедности могильников инвентарем, за единицу принимался весь могильник, причем предполагалось, что все могилы этого могильника приблизительно одновременны (в тех пределах, в каких это может выявить могильный инвентарь). Если могилы оказывались неодновременными, то это тотчас же сказывалось на таблице: могильник не укладывался в хронологическую шкалу. Так, например, было с могильником Гришкин лог, который первоначально не нашел себе определенного места на таблице ввиду того, что в нем оказались разновременные вещи, и который необходимо было разбить на две части: более ранний комплекс Гришкин лог 15—17 и более поздний — Гришкин лог 18—22. Место того или иного могильника в таблице определяется степенью близости его инвентаря к карасукскому или к тагарскому: чем больше в инвентаре могильника карасукских черт, тем он старше, чем больше тагарских черт — тем он моложе.

Вещи из могильных комплексов разделены в табл. 1 на четыре раздела: ножи, шилья, украшения и керамика. Остальной инвентарь ввиду единичности находок в таблицу не включен, но принимался во внимание при изучении каждого этапа. Таблица вещей из памятников всех этапов переходного карасук-тагарского времени опубликована в моей работе «Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири» в сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961. Поэтому редакция считает не нужным вторичное опубликование этой таблицы. Ссылки на рисунки вещей из этой таблицы будут даны под знаком ОВ, а дальше — порядковый номер рисунка на опубликованной таблице.

I, Лугавский этап включает 11 могильников и 8 стоянок. Могильник Аскыз 1950, поминальные сооружения Солонечный лог и Барсучиный лог и шесть стоянок содержат только обломки керамики и не включены поэтому в корреляционную таблицу. Они включены в Лугавский этап на основании однотипности этой керамики с керамикой Лугавского этапа. Стоянки Лугавская и Ярки содержат бронзовые вещи — ножи, шилья и украшения.

В памятниках Лугавского этапа встречены ножи еще типичных карасукских форм — ложносоставные коленчатые или хвостатые, иногда ручка их имеет различный орнамент на разных сторонах и заканчивается шляпкой (ОВ, *1*, *2*, *4*). Все это типичные карасукские признаки. Миниатюрные ножи также встречены в Лугавском этапе, они известны в карасукских памятниках. Второй тип ножей Лугавского этапа — пластинчатый нож, т. е. нож без выделенной ручки, употреблявшийся с деревянной рукояткой (ОВ, *6*, *7*). Пластинчатые ножи в карасукской культуре Минусинской котловины неизвестны. Они широко распространены в лесной и лесостепной полосе Сибири: Лысая гора на р. Яе, Томский могильник — Малый и Большой мыс, Калбинский хребет, с. Кулундинское, стоянка Ирмень, городище Большой Лог, Долгое озеро в окрестностях Канска, оз. Косогол [16—19]. Ирмень, Большой Лог и Томский могильник — Малый мыс относятся к карасукской эпохе.

Украшения в могильниках Лугавского этапа все карасукские: лапчатые привески, бронзовые обоймочки, перстень с двумя выпуклостями, треугольные бляшки с орнаментом из выпуклых точек, литые полушаровидные бляшки, височные кольца (табл. 1).

Керамика Лугавского этапа разнообразна по форме и богато орнаментирована. Две формы сосудов — бомбовидный круглодонный сосуд и бомбовидный сосуд на поддоне — близки к карасукским (ОВ, *20*, *21*). Наряду с ними существуют яйцевидные и параболоидные сосуды с круглым или плоским дном (ОВ, *22—24*), совершенно не встречающиеся в карасукской культуре. Форма эта характерна для неолитических культур от Финляндии до Байкала. Наиболее близкими территориально к лугавским сосудам будут неолитические сосуды из района Красноярска (Афонтова гора, Узенькая улица). А. П. Окладников убедительно доказал их большую близость к керамике Урала [20—21]. По форме уральская керамика почти тождественна лугавской. Особенно близки по форме к лугавским сосуды с Аннина о-ва, с 6-го разреза Горбуновского торфяника, из неолитической землянки на Нижней Макуше (середина III тыс. до н. э.), со стоянки Верхней Макуши (эпоха бронзы, середина II тыс. до н. э.) на Урале и с неолитических стоянок Чэс-тый-яг и Сортынья 1 (середина и вторая половина III тыс. до н. э.) в Западной Сибири [22—24].

Для керамики лугавского типа характерны следующие орнаментальные композиции: сочетание узких (2—3 *мм*) желобков с сильно наклоненными оттисками узкой четырехгранной палочки (иногда с гребенчатой нарезкой). Эти оттиски образуют или «сетку», которая помещается всегда близ верхнего края сосуда, или вертикальные зигзаги, или «елочку»; иногда они опускаются вниз, образуя узкие ленты или тяжи, порой сгруппированные по два-три (ОВ, *21—24*). Ни одна из этих композиций не характерна для карасукской керамики. Штамп — четырехгранная палочка — также не встречается на керамике классических карасукских могильников. Для керамики лугавского типа характерны также определенные профили верхнего края сосуда — прямо срезанный край и различной формы наплывы на внутренней стороне стенки сосуда (рис. 1, *10*, *13*), также не встречающиеся на карасукской керамике.

Погребальные сооружения Лугавского этапа довольно разнообразны. Характерные для карасукской культуры примыкающие друг к другу четырехугольные оградки встречены только один раз (табл. 2). Чаще встречаются одиночные четырехугольные оградки. Наряду с ними встречены сооружения, совершенно отличные от карасукских — четырехугольные котлованы, стенки которых укреплены кладкой из лежащих горизонтально, в несколько рядов, плит, а середина заполнена мелкими камнями; насыпь имеет вид плоского четырехугольного или овального холмика. Этот тип сооружений скорее всего может быть сопоставлен с афанасьевскими вымостками (Афанасьева гора). Могила представляет собой прямоугольный каменный ящик, характерный для афанасьевской, андроновской и карасукской культур; встречаются и трапециевидные ящики, расширяющиеся в головах, характерные для карасукской культуры; реже простые грунтовые ямы. Решительно господствует юго-западная и западная ориентировка погребенных (табл. 2), характерная для афанасьевской и андроновской культур. Характерная для карасукской культуры северо-восточная ориентировка встречена единственный раз в могильнике Ярки. Положение скелета — вытянутое на спине, иногда с поднятыми вверх коленями. Следует отметить употребление наката из тонких стволов лиственницы, подстилку из коры лиственницы в могильнике улус Федоров, что никогда не встречается в карасукских могилах.

Дата памятников I, Лугавского этапа — карасукское время. Это определяется в первую очередь наличием в их инвентаре типичных кара-

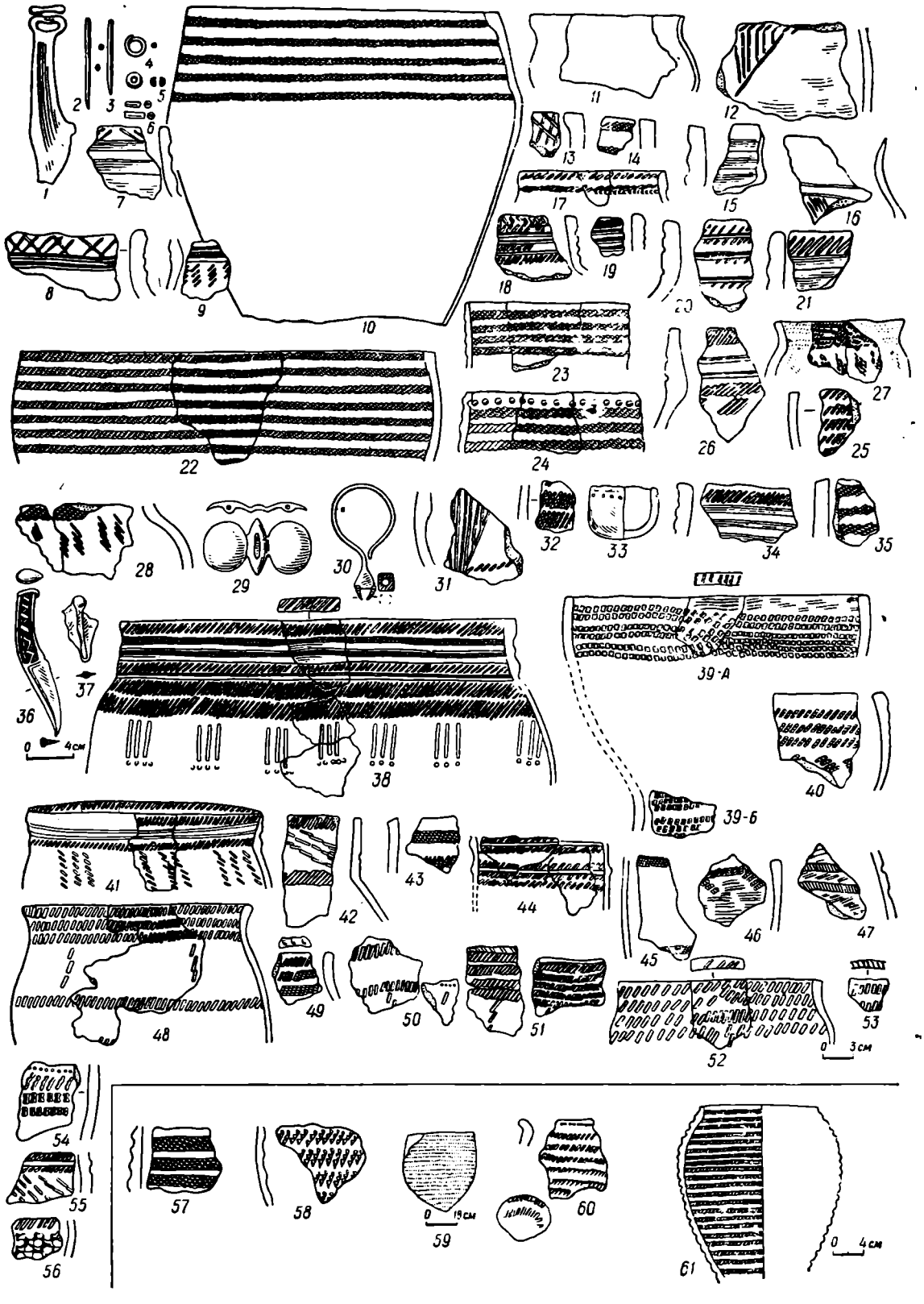


Рис. 1. Керамика лугавского типа на территории Средней и Восточной Сибири

1—35 — стоянки Минусинской котловины: *1—21*—Лугавская; *22—25*—с. Означенное; *26—28, 31, 32, 34* — Ярки, раскопки; *29, 30, 33* — Ярки, сборы; *35* — Полосатая гора

36—42—стоянки района Красноярска: *36—38* — Монастырь (Усть-Собакинская); *39* (А и Б) — с.Няша; *40* — «Между с. Березовским и д. Есауловой»; *41—42* — «Берег Енисея в районе Красноярска».

43—44—стоянки окрестностей Канска: *43*— Долгое озеро; *44* —«Между с. Анцырским и д. Барнаульской».

45—47—стоянка Патроны в 18 *км* выше Иркутска, слой 2. Раскопки А. П. Окладникова, 1951.

48—53 — стоянки на Лене: *48—50* — устье р. Куллаты; *51* — г. Якутск, Облбольница; *52* — р. Ююкэ; *53* — Кестримрюнгкя — мыс Обух.

54—56 — стоянки района Томска: *54—55* — Басандайка; *56* — Тоянов городок.

57—61— неолитическая и афанасьевская керамика: *57* — Ладейки; *58* — Усть-Собакинская; *59* — Красноярск; *60* — Афанасьева гора, мог. IX; *61* — Тесь, кург. 14, погр. 2

сукских ножей, а также карасукскими украшениями, карасукским сосудом в одном из погребений, карасукским устройством ряда оградок и могил.

Среди ножей Лугавского этапа есть ложносоставной [1]. Как показала в недавней работе М. Д. Хлобыстина, эти ножи являются древнейшими среди карасукских ножей, более древними, чем типы, найденные в Аньяне [25]. Ранние слои Аньяна, где найдены ножи, близкие к карасукским, относятся к XIII в. до н. э. [26—27]. Таким образом, Лугавский этап может начинаться еще несколько раньше XIII в. до н. э. Эта же дата подтверждается и бронзовым копьем зажимного типа с двумя опускающимися книзу длинными лопастями [2], найденным экспедицией М. П. Грязнова в 1962 году в землянке с керамикой лугавского типа. Б. Г. Тихонов, специально изучавший копья бронзового века, показал, что это копье является прямым предком вильчатого копья сейминского типа [29]. Сейминские копья также датируются временем около XIII в. до н. э. и, таким образом, зажимное копье должно быть раньше этой даты. Следовательно, Лугавский этап синхронен самому началу карасукской эпохи.

Керамика, чрезвычайно близкая к лугавской, широко распространена в лесной полосе Средней и Восточной Сибири: на южной границе Минусинской котловины (рис. 1, *22—25*), в районе Красноярска (рис. 1, *36—42*), в районе Канска (рис. 1, *43, 44*), на Ангаре (рис. 1, *45—47*), на Средней и Нижней Лене (рис. 1, *48—53*) [30, 31]. Многие из стоянок, где найдена близкая к лугавской керамика, бесспорно датируются бронзовым веком, а некоторые даже точнее — карасукским временем. Стоянка Монастырь датируется бронзовым карасукским ножом (рис. 1, *36*), на стоянке между с. Анцырским и дер. Барнаульской найден кусочек меди; керамика лугавского типа со стоянки Патроны найдена выше основного серовско-китойского слоя, А. П. Окладников датирует ее бронзовым веком. На стоянке Куллаты найдена льячка, на стоянке у Облбольницы — остатки плавильных горнов, льячка, сердечник и обломок литейной формы для шестигранного кельта, украшенного выпуклой полоской с рельефными круглыми бугорками на ней. Эти кельты датируются карасукским временем по находке в карасукском погребении на Ладейском поле под Красноярском [32]. В то же время примесь карасукских элементов орнамента едва заметна на керамике стоянок в окрестностях Красноярска, а на Кане, Ангаре и Лене совершенно отсутствует. Это позволяет говорить о близости культуры карасукского времени Красноярского района к культуре того же времени на Лене и резком отличии ее от карасукской культуры Минусинских степей. О том же говорят и одинакового типа кельты, найденные под Красноярском и в Якутске. Весьма возможно, что и знаменитый вилюйский меч [33, 34] связан с этой культурой. К западу от Минусинской котловины лугавская керамика мало распространена. Несколько черепков лугавского типа найдено в нижних слоях Басандайки и Тоянова городка близ Томска.

Лугавская керамика самой Минусинской котловины найдена вблизи современных или древних лесных массивов — частично на боровых песках, где еще недавно были сосновые боры (рис. 2). Сосновые боры прежде были гораздо шире распространены в Минусинской котловине, чем теперь, на что обращают внимание все географы и почвоведы. Таким образом, лугавские памятники Минусинской котловины представляют собой памятники культуры местного лесного населения, широко распространенного по таежной зоне Сибири.

Насколько древен этот лугавский комплекс? Выше уже говорилось о сходстве форм лугавских сосудов с неолитическими Западной и Средней Сибири, в том числе и района Красноярска. На некоторых стоян-

[1] Улус Федоров, мог. № 7.

[2] Копья такого типа см., например, в книге [28].

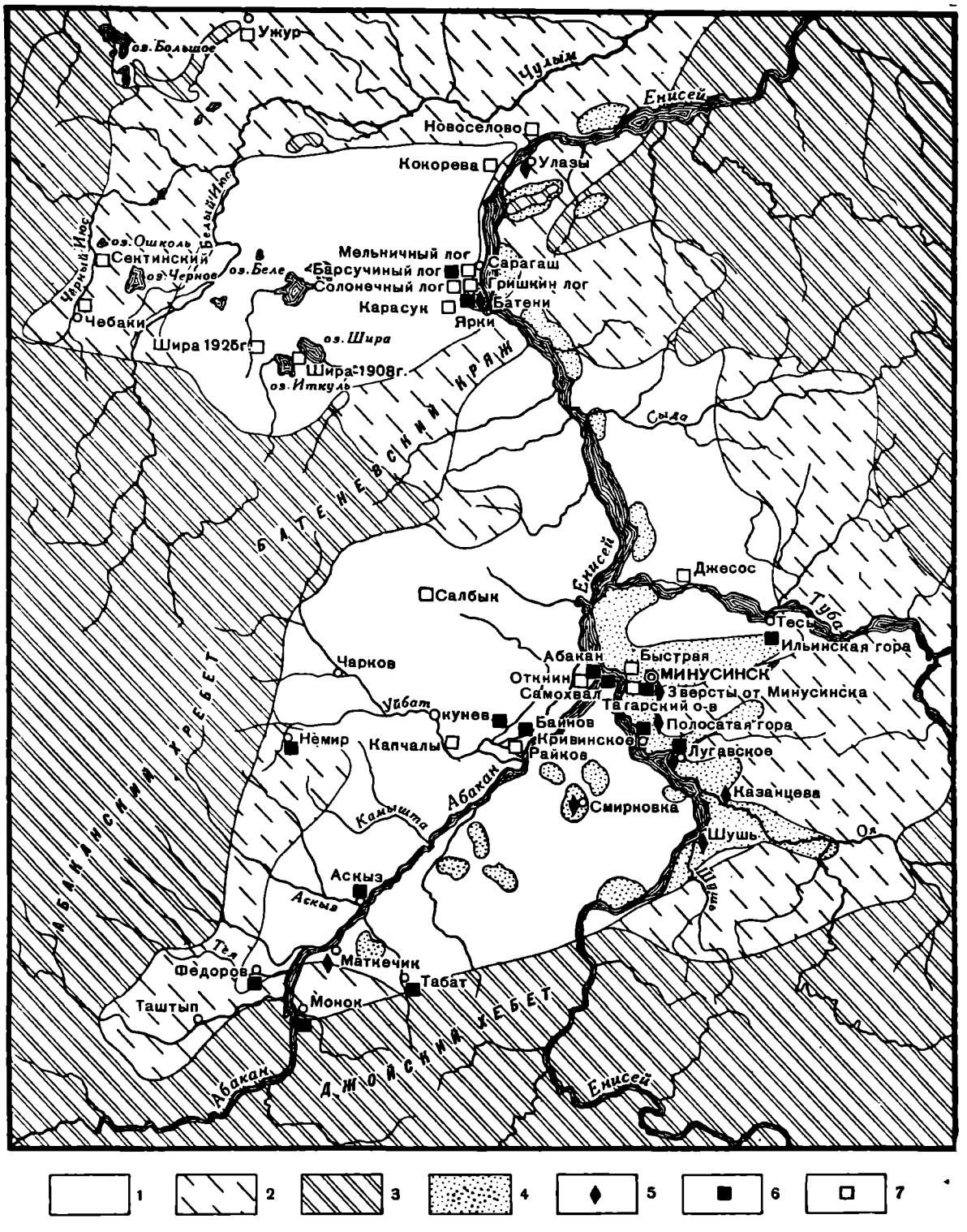


Рис. 2. Карта распространения памятников переходного карасук-тагарского времени

1—степь; *2* — лесостепь; *3* — тайга; *4* — боровые пески; *5* — стоянки с лугавскими чертами; *6* — могильники с лугавскими чертами; *7* — могильники степного типа

ках под Красноярском (Усть-Собакинская, Ладейки) известна неолитическая керамика с орнаментом, почти тождественным лугавскому, но более грубая. Наплывы на внутренней части венчика также типичны для неолитической керамики Средней и Западной Сибири. В самой Минусинской котловине сходная с лугавской орнаментация встречена на некоторых афанасьевских сосудах [6, 35][3]. Обрез края этих сосудов горизонтальный, как у лугавских, что редко встречается на афанасьевских сосудах.

[3] Дневник С. А. Теплоухова за 1921 г. (книга 49) хранится в Гос. музее этнографии народов СССР; Гос. Эрмитаж, инв. № 263—19.

Таким образом, можно поставить вопрос о начале процесса смешения лесных племен (керамика которых была близка к более поздней лугавской) со степными племенами еще в афанасьевскую эпоху. Неолитическая культура Минусинских степей и лесов пока неизвестна.

Антропологический материал, относящийся к I (Лугавскому) этапу, невелик. По заключению Г. Ф. Дебеца, написанному для данной статьи, черепа из Лугавского и из кургана 44 Тагарского о-ва характеризуются всеми признаками долихокранного европеоидного типа, распространенного в Минусинском крае в тагарское время. Если бы краниологические материалы, относящиеся к карасукской культуре, ограничивались этими черепами, то вопрос об отличиях антропологических особенностей «карасукцев» и «тагарцев» даже и не ставился бы. В противоположность этому, небольшая серия из улуса Федорова может считаться весьма характерной для карасукской культуры. Здесь преобладают брахикранные черепа, в общем относящиеся к европеоидной расе, но на некоторых из них заметно несколько большее, чем это обычно бывает у типичных европеоидов, выступание скул и несколько меньшее выступание носа. Эти особенности могут свидетельствовать о небольшой примеси монголоидного элемента, более точное определение которого встречает затруднения.

В. П. Алексеев пишет о физическом типе людей, похороненных в могильнике у ул. Федорова: «Отдельные черепа из могильника у улуса Федорова... характеризуются комплексом признаков, сходным с типом черепов афанасьевского времени из могильников Аскизского, Бельтырского и Тас-хазаа» [36].

С другой стороны, еще в 1932 г. Г. Ф. Дебец отмечал близость черепов из Лугавского к афанасьевскому типу: «Несколько более низкий черепной указатель группы из Лугавского, а также двух детских черепов из Кокорева указывает, как будто, на локализацию несколько более долихоцефального типа, вероятно, близкого к афанасьевскому». И далее: «В эпоху тагарской культуры мы видим смешанное население из элементов, близких к афанасьевскому и карасукскому. Встает вопрос, где же был афанасьевский тип в эпоху карасукской и андроновской культур? Не вернулся же он обратно из тайги, притом в чистой форме, без следов смешения с монголоидным палеосибирским типом. По отношению к карасукской стадии мы уже отмечали вероятность его сохранения в могильниках у Лугавского и Кокоревой» [9].

Таким образом, может быть прослежена прямая линия развития населения Минусинской котловины от афанасьевского через лугавский к тагарскому типу. Этот вывод для вопроса о происхождении племен тагарской культуры имеет самое существенное значение.

II, Баиновский этап[4] включает три могильника (табл. 1). В этой группе уже нет карасукских ножей. Продолжают употребляться пластинчатые ножи, появившиеся еще на Лугавском этапе, и появляются ножи с полукольцом или «аркой на кронштейне» (ОВ, *26—28*). Такие ножи известны в довольно большом количестве в Минусинской котловине (42 экз.), в районе Красноярска, в Саянах, в Монголии, в Ордосе, в Прибайкалье, в Томском могильнике (большереченская культура), на Алтае и в Восточном Казахстане. Происхождение их от карасукских не вызывает сомнения — многие из них имеют «хвостатые» или коленчатые лезвия, а ордосские экземпляры и один из монгольских орнаментированы и относятся, может быть, к карасукскому времени. От этих ножей происходит, в свою очередь, очень немногочисленная серия тагарских ножей

[4] Назван по имени могильника у Баинова ул., раскопанного в 1930 г. В. Г. Карцовым. Термином «Баиновский этап» я обозначаю лишь II этап рассматриваемых здесь памятников, в отличие от М. П. Грязнова, обозначающего названием «Баиновский этап» все четыре этапа рассматриваемых здесь памятников. Он считает Баиновский этап первым этапом минусинской курганной (т. е. тагарской.— *Н. Ч.*) культуры, генетически связанным с карасукской культурой.

(всего 6 экз.), следовательно, большого следа в тагарской культуре эта форма не оставила. На этом же этапе появляются ножи с выпуклым спиральным орнаментом, как бы обвивающим ручку (ОВ, *27*). Подобный спиральный орнамент известен уже на карасукских ножах.

Украшения в могильниках Баиновского этапа еще все карасукские: лапчатые привески, длинные подвески, аналогичные найденным в Ордосе и Маньчжурии [37], перстни с двумя выпуклостями, бронзовые обоймочки, бляшки-пуговицы и височные кольца (ОВ, *32—37*). Украшений тагарского типа еще нет.

Наряду с параболоидными сосудами (ОВ, *38*, *39*), характерными для предыдущего этапа, на Баиновском этапе появляется баночная керамика типа $D>h$ (диаметр верхнего края больше высоты) и даже $D\approx h$ (диаметр верхнего края примерно равен высоте) — этот тип наиболее характерен для тагарской культуры (ОВ, *42*, *43*, *45*). Эта баночная керамика еще отличается от тагарской и серым цветом, и формой (стенки очень округлы) и главное орнаментом. Внезапное изменение формы дна требует объяснения. Баночная керамика в бронзовом и раннем железном веке характерна для культур срубно-андроновского круга. Весьма вероятно, что появление уплощенного дна и образование параболоидных сосудов с плоским дном следует рассматривать как результат взаимодействия лугавской и андроновской культур. Вторая форма керамики этого этапа — сосуды с округлым туловом. плоским дном и высокой шейкой (ОВ, *41*, *44*) — вероятно должна быть выведена из карасукских форм сосудов с высокой шейкой и круглым дном из Минусинской котловины и Алтая.

Орнаментальные композиции на керамике Баиновского этапа еще очень близки к лугавским и еще очень богаты, в то время как тагарская керамика бедна орнаментом. Однако, здесь уже появляются черные баночные неорнаментированнные сосуды (Баинов ул.) и баночные сосуды, орнаментированные только рядом выпуклостей, выдавленных изнутри («жемчужником»), уже неотличимые от тагарских (ОВ, *45*). «Жемчужник» в более раннее время (на Лугавском этапе) сочетается с другими лугавскими орнаментами (рис. 1, *24*). Для степных культур эпохи бронзы и раннего железа этот орнамент не характерен. В лесных и лесостепных культурах, «жемчужник» появляется еще в неолите и энеолите (Прибайкалье, окрестности Канска, обский неолит) и продолжает существовать в бронзовом и раннем железном веке (лесной Алтай, ирменская культура западносибирской лесостепи). Ввиду всего этого лесное и лесостепное происхождение «жемчужника» вполне вероятно.

Некоторые вещи Баиновского этапа ввиду их единичности не включены в таблицу. Это маленькие круглые зеркала-бляхи диаметром 4—5 *см*, с петелькой на обратной стороне (ОВ, *31*). Такие зеркала появляются еще в андроновских погребениях [8], найдены и в карасукских. Далее, в одной из могил этого этапа найден бронзовый коромыслообразный «предмет неизвестного назначения» (ОВ, *30*). Происхождение этих предметов от карасукских не подлежит сомнению. В Минусинской котловине известно несколько таких предметов из случайных находок, все они датируются характерным карасукским орнаментом из выпуклых четырехугольников. В 1957 г. А. Н. Липским найден такой предмет в могиле с типичным карасукским инвентарем. В литературе высказывались самые различные мнения о назначении этих предметов. Мне кажется наиболее вероятным, что эти предметы служили навершьями шаманских посохов, изображающих коня, на котором шаман совершает свои путешествия. Это доказывается сравнением этих бронзовых предметов с изображениями на шаманских бубнах.

Шилья Баиновского этапа гвоздевидные, четырехгранные, с круглой шляпкой (ОВ, *29*). Они распространены на Алтае в большереченской культуре, в Кемеровской обл., в Восточном Казахстане примерно в то

же время. В Иране они появляются раньше (Тепе Сиалк, некрополь В, 1000—800 гг. до н. э. [38], а в Средней Азии еще раньше — в Чимбайлыкском кладе в верховьях р. Чирчик, датирующемся, видимо первой четвертью II тыс. до н. э. [39]. Не исключено, что эти шилья проникли в Сибирь из Средней Азии.

Погребальные сооружения этой группы — одиночные оградки, иногда с невысокой насыпью. В Аскызе 1914 впервые появляются стоячие камни по углам ограды, столь характерные для тагарской культуры. Могилы — либо прямоугольные каменные ящики, либо грунтовые ямы. В одном случае встречен сруб (Баинов ул.) — для этого времени еще редкость. Ориентировка погребенных — и СВ и ЮЗ (малое число случаев не позволяет сказать, которая из них преобладает). В одном случае обнаружено сожжение и в четырех случаях — сидячее погребение, что очень редко встречается в Минусинской котловине.

Итак, на II, Баиновском этапе число карасукских черт в инвентаре резко убывает и появляются черты, свойственные тагарской культуре.

III, Ильинский этап включает 16 могильников, расположенных как на границе лесных районов, так и в степи (табл. 1).

На этом этапе пластинчатые ножи исчезают, они встречены только в двух могильниках. Наиболее характерны ножи «с аркой на кронштейне», появившиеся еще на предыдущем этапе.

Набор украшений резко отличается от набора предыдущего этапа: исчезает большинство карасукских украшений. Из последних остаются только полушаровидные литые бляшки с петельками и височные кольца (ОВ, *58—60*). Одно из височных колец изготовлено не из проволоки, а из бронзового листка, обернутого вокруг какой-то основы (ОВ, *70*) — так изготовлялись только андроновские височные кольца [4, 40]. Появляются новые украшения, свойственные уже тагарской культуре: тонкие полушаровидные бляшки, штампованные из бронзового листка, иногда с выпуклыми точками по краю и отверстием в центре; они нашиваются на головной убор, на лоб (ОВ, *66*, *67*). В карасукских могилах таких бляшек нет, но они есть в андроновских [41, 42] (рис. 3, *28—31*). Андроновское происхождение тагарских полушаровидных бляшек не вызывает сомнения. В могильнике Шира 1925 найден обломок серьги с конусом — обычного раннетагарского украшения (ОВ, *69*). Подобная серьга есть и в большереченской культуре; для более раннего времени они неизвестны. Найдены литая бронзовая буса (ОВ, *61*) и подвеска из клыка кабарги (ОВ, *68*). Ни в одном карасукском погребении их нет, как нет вообще подвесок из зубов животных. Кабарга водится исключительно в горно-таежных районах, поэтому подвески из ее клыков не могут быть характерны для степных культур. В Минусинской котловине подвески из клыков кабарги известны в афанасьевское время [5] и характерны для погребений окуневского типа; в андроновских могилах их нет. Таким образом, они восходят к культуре лесного населения по крайней мере с афанасьевской эпохи.

В керамике этого этапа преобладает уже баночная форма (31 сосуд из 46), но еще очень велик процент низких и широких банок (35,8% всех банок), тогда как для тагарской культуры характерны более вытянутые формы.

Орнамент на этом этапе беднеет и приобретает уже тот вид, в котором продолжает существовать в тагарской культуре (ОВ, *71*, *72*, *74*, *76*). Для этого времени можно выделить две территориальных группы орнаментов. Первая группа (Монок, Абакан-церковь, Окунев ул., Ильинская гора) встречается на старой лугавской территории и состоит из старых лугавских элементов (ОВ, *71—73*). Вторая группа (Кара-Сук, Шира, Капчалы, Откнин ул.) расположена в степи по Левобережью. Для нее

[5] Афанасьева гора, мог. V — та самая могила, где был найден сосуд с лугавским орнаментом.

характерны узкие, а чаще широкие (около 1 *см*) желобки числом от одного до шести. Как известно, это характернейший орнамент раннетагарской керамики. Он происходит от андроновской керамики. Серая или черная лощеная баночная керамика с такими желобками очень широко распространена в андроновской культуре: в Зауралье [40, 43] (Замараево, Сухомесово, Алексеевка, Садчиковка), Зап. Казахстане (Урал-сай, Актюбинская обл.) [41], в Ср. Приобье (Шляпова) [6], в Таджикистане (Кайрак-Кумы) [7] и в особенности в Центральном Казахстане (Былкылдак I и II, Кара-Сай I, Сангуыр II [8]). В некоторых могильниках Центрального Казахстана процент такой желобчатой керамики достигает 16,6% и даже 20%. Центральноказахстанскую андроновскую керамику почти невозможно отличить от тагарской (ср. на рис. 3, *14, 15* с *16—19*).

Орнамент из узких желобков (Кара-Сук) также широко распространен в андроновской культуре: в Зауралье (Замараево, Кинзерский, Садчиковка) [43], в Сев. Казахстане (Боровое, Ефимовка) [42], в Центр. Казахстане (Былкылдак, Алеп-аул) (рис. 3, *22*). Третий вид орнамента этой группы — вертикальные нарезные зигзаги по краю банки (Кара-Сук, рис. 3, *24*). Это один из самых излюбленных орнаментов андроновской культуры, и примеров здесь можно не приводить.

Здесь же, в степном Левобережье Енисея найдены и другие формы сосудов — горшок (Салбык, рис. 3, *1*) совершенно андроновской формы, чаши с округлыми стенками и плоским дном (Салбык, рис. 3, *11*), характерные для поздней стадии андроновской культуры (Алакуль, Замараево, Атасу) (рис. 3, *12, 13*). Таким образом, на этом этапе в степном Левобережье замечается сильное влияние андроновской культуры. Вспомним, что все андроновские могильники расположены именно в этой части Минусинской котловины (Орак, Андроново, Новоселово, Батени, Усть-Ерба, Подкунинский). Многие керамические и вещевые аналогии ведут в Казахстан. Очень вероятно, что в формировании тагарской культуры принимали участие и андроновские племена Казахстана.

Сказанное здесь не противоречит данным палеоантропологии. Еще в 1932 г. Г. Ф. Дебец в работе «Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя» считал возможным сохранение части андроновского населения в Минусинской котловине в карасукскую эпоху и приводил в пример череп из карасукского могильника в Усть-Ербе, имеющий ряд андроновских черт, а также два тагарских черепа из ул. Орак с андроновскими чертами. Позже В. П. Алексеев считал людей андроновской культуры, наряду с людьми афанасьевской культуры, предками тагарского населения [36, 44]. Наконец, М. М. Герасимов на черепе из Б. Салбыкского кургана, относящегося ко второй половине тагарской эпохи, также обнаружил ряд андроновских признаков.

Некоторые сосуды Ильинского этапа имеют карасукское происхождение: стаканчик, суживающийся кверху [9] (ОВ, *81*), сферический сосуд, также суживающийся кверху (ОВ, *89*), и сосуды на четырех ножках (ОВ, *83*). Последний тип близок к триподам Маньчжурии [37, 46] и формам, распространенным на Ближнем и Среднем Востоке. Очень близка к нашей форма трипода из некрополя В Тепе Сиалка [38]. В конечном счете все эти сосуды восходят, по всей вероятности, к сосудам из коровьего вымени, сохранявшимся до недавнего времени у скотоводческих народов, в частности у алтайцев [47]. В этой группе впервые появляются плошки, сделанные из нижней части баночного сосуда, очень характерные для тагарской керамики. В других культурах они не встречаются.

---

[6] Раскопки М. П. Грязнова, 1952 Гос. Эрмитаж шифр. Ш $\frac{\text{II}-6}{2}$ и Ш $\frac{\text{II}-3}{3}$.

[7] Пос. № 6, сборы Б. А. Литвинского, 1957.

[8] Раскопки А. Х. Маргулана, 1951 и 1955.

[9] Аналогичен сосуду из кург. № 21 в Абакане [45].

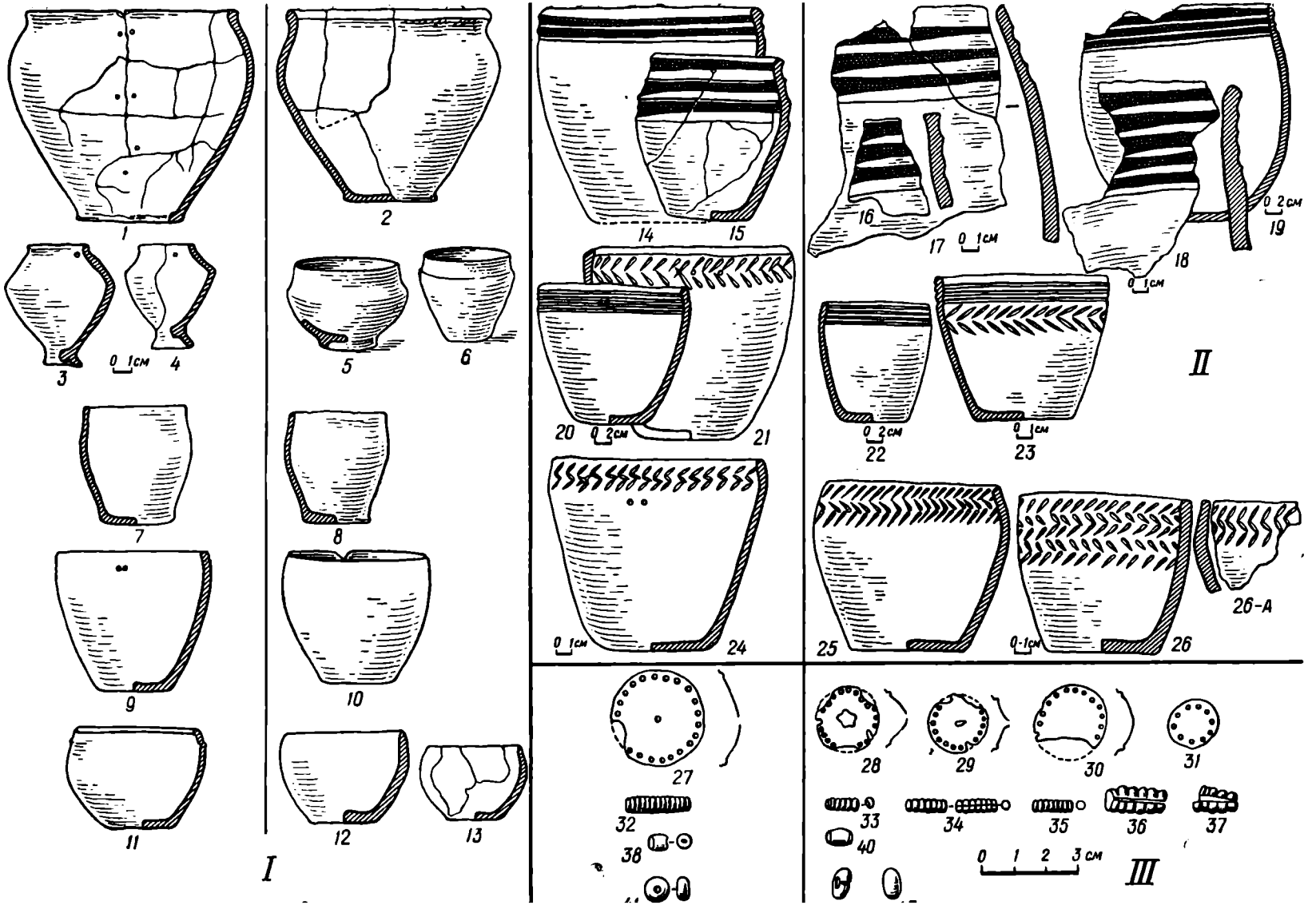


Рис. 3. Сравнительная таблица андроновской и переходной карасук-тагарской посуды и украшений

I. Формы сосудов. Слева переходные карасук-тагарские, справа андроновские сосуды (орнамент не изображен). *1* — Салбык, огр. 4; *2* — Сынгуыр (Центр. Казахстан); *3* — Подгорное оз.; *4* — Страшной лог, огр. 2; *5*, *6* — Алексеевское поселение; *7* — Ярки, 38; *8* — Новоселово; *9* — Карасук, мог. 24; *10* — Алексеевское поселение; *11* — Салбык, огр. 4; *12* — Орак; *13* — Замараево.

II. Орнаменты на сосудах. Слева переходная карасук-тагарская, справа андроновская керамика. *4* — Страшной лог, огр. 2; *15* — Джесос; *16* — Садчиковское поселение; *17* — Карасай, кам. круг № 1 (Центр. Казахстан); *18* — Былкылдак, I, кам. круг № 1 (Центр. Казахстан); *19* — Былкылдак огр. 9; *20* — Карасук, мог. 24; *21* — Мельничный лог; *22* — Алеп-аул (Центр. Казахстан); *23* — Ближние Елбаны XIV, мог. 13; *24* — Карасук, мог. 24; *25* — Новоселово; *26* — ул. Орак, Красная гора, мог. 12; *26-А* — Садчиковское поселение, землянка 1.

III. Украшения. Слева — переходные карасук-тагарские, справа — андроновские. *27* — Шира, 1925; *28* — Орак, мог. 32; *29* — Боровое, огр. 3; *30* — Боровое, огр. 5; *31* — Малый Койтас, мог. 3; *32* — Джесос, кур. 14; *33* — Урал-сай; *34*, *35* — Алексеевское поселение; *36*, *37* — Былкылдак, мог. 14; *38* — Гришкин лог, мог. 22; *39* — Урал-сай, мог. 9; *40* — Гришкин лог; *41* — Бугылы I, огр. 3 (Центр. Казахстан); *42* — Былкылдак, мог. 13. *27—37*, *40—42* — бронза; *38* — белая паста; *39* — кость

Итак, в керамике Ильинского этапа почти совершенно исчезают следы карасукской культуры. На этом этапе наблюдается как бы сосуществование двух типов керамики — лесного и андроновского происхождения. Но начинается и взаимное влияние двух указанных типов керамики — выработка формы баночного сосуда тагарского типа, основной формы тагарского сосуда.

Шилья этого этапа гвоздевидные, как и на предыдущем этапе (ОВ, *52, 53*). Одно шило с простым округленным верхним концом [10]. Найден каменный фалловидный пест из серого диорита (ОВ, *54*). Эти предметы имеют чрезвычайно широкое распространение — Индия, Китай, Зап. и Сред. Сибирь, Казахстан, Киргизия и датируются от IV тыс. до н. э. (Мохенджо-Даро) до современности [48—50, 30]. Распространение этих пестов в Сибири вернее всего следует связывать с карасукской культурой.

Зеркала этого этапа не отличаются от зеркал предыдущих этапов.

В двух могильниках найдены дугообразные застежки с желобком посредине, бронзовая и гипсовая (ОВ, *65, 64*). Они близки к карасукским [11] и к застежкам из некрополя В Тепе Сиалк в Иране (также бронзовым и из белого камня) [38]. Таким образом, эти застежки являются датирующими и позволяют относить III, Ильинский этап ко времени не позже начала VIII в. до н. э. Гвоздевидные шилья, сходной формы трипод, упомянутые застежки, наличие в инвентаре некрополя В Тепе Сиалка полушаровидных бляшек с петельками и бронзовых литых бус позволяют считать целый комплекс некрополя В сходным с комплексом Ильинского этапа, что значительно укрепляет эту дату.

Найден также костяной гребешок в форме полукруга и костяные головные ножички (ОВ, *55—57*) — эти предметы характерны для тагарской культуры.

В обряде погребения на этом этапе еще много карасукских черт: надмогильные сооружения во многих случаях представлены примыкающими друг к другу оградками карасукского типа и даже кольцевыми оградками (табл. 2). Могилы часто представляют собой каменный ящик, расширяющийся в головах — это характерно только для карасукской культуры. Очень часта СВ ориентировка покойника, также характерная только для карасукской культуры. Продолжают существовать и лесные, лугавские черты: бревенчатый накат над могилой, подстилка из коры. Продолжают существовать срубы.

Итак, Ильинский этап может быть охарактеризован как период массового появления тагарских черт в инвентаре и обряде погребения. Они сочетаются с карасукскими чертами. Собственно переходных форм от карасукских к тагарским вещам чрезвычайно мало: это только ножи «с аркой на кронштейне» и две близкие друг к другу формы круглодонных сосудов (типы №№ 6 и 23 по табл. 1). Украшения совершенно не дают переходных форм, а представляют собой механическое смешение карасукских и тагарских вещей. Последние, как было показано, в большинстве своем имеют андроновское происхождение.

Новые формы керамики, появляющиеся на этом этапе в большом количестве — баночные сосуды,— никак не связываются с карасукской керамикой, а представляют собой результат взаимодействия андроновских баночных сосудов с параболоидными сосудами лугавского типа. Карасукские орнаменты исчезают, их место занимают желобчатая керамика андроновского происхождения и несколько обедненные лугавские орнаменты.

В обряде погребения также наблюдается смешение старых карасук-

---

[10] Такие шилья характерны для эпохи бронзы, но встречаются иногда и в тагарской культуре (например, ул. Маткечик, раскопки А. Н. Липского, 1951).

[11] «Могильник по дороге из совхоза в Сарагаш», мог. 5, раскопки С. А. Теплоухова 1926.

ских и лугавских черт и первое появление тагарских. Следует отметить, что погребальный обряд оказывается самым консервативным элементом в переходных карасук-тагарских памятниках: в инвентаре этого этапа тагарские черты составляют уже очень важную долю, а обряд погребения остается почти полностью прежним, карасукским и лугавским. Наиболее подвержены изменению ножи, за ними следует керамика, затем украшения, и лишь в последнюю очередь меняется обряд погребения. Тот же порядок сохраняется и на следующих этапах (табл. 1 и 2). Вот почему строить хронологическую таблицу вслед за С. А. Теплоуховым, исходя из изменений погребального обряда, менее всего подверженного изменению, было бы методической ошибкой. Изменение обряда погребения переходных карасук-тагарских памятников настолько отстает от изменения инвентаря, что пришлось выделить обряд погребения в особую таблицу (табл. 2).

IV, Кокоревский этап включает четыре могильника (табл. 1). На этом этапе встречаются ножи с «обвитой» ручкой (появляющиеся еще на втором, Баиновском этапе — в III этапе они отсутствуют, по-видимому, случайно), трехглавые ножи (ОВ, *86*, *87*), впервые появляющиеся на этом этапе и, по-видимому, состоящие в близком родстве с двуглавыми или двукольчатыми ножами Минусинской котловины, Монголии и Ордоса [51—54]. В тагарскую эпоху ножи с «обвитой» ручкой и трехглавые исчезают, имеется лишь несколько дериватов таких ножей. Последний тип ножей этого этапа — с рубчатым валиком (ОВ, *88*) известен мне в единственном экземпляре. Этот тип навершия продолжает бытовать в тагарской культуре на ножах и кинжалах. Происхождение его неизвестно.

На Кокоревском этапе наряду со старыми гвоздевидными шильями встречаются и четырехгранные шилья с круглой в сечении шейкой и шляпкой (ОВ, *93*). Это основной тип шильев в раннетагарской культуре. Происхождение этой формы от гвоздевидной очевидно. В Иране встречается и эта разновидность шильев [38]. Найдены также зеркало обычного тагарского типа (с петелькой на обороте) и костяной черешковый наконечник стрелы (ОВ, *89*).

Украшения этого этапа все либо тагарские (клык кабарги, полушаровидные бляшки из листка с точками по краю (ОВ, *96*, *97*, *101*), бронзовые литые бусины), либо встречающиеся и в тагарской и в карасукской культурах (бронзовые пронизки из листка (ОВ, *99*), бусы из белой пасты). К карасукским по происхождению следует отнести литые воронковидные бляшки с петелькой внутри (ОВ, *96*). В карасукских памятниках их нет, но они близки к литым полушаровидным бляшкам. В тагарской культуре они исчезают. В Причерноморье воронковидные бляшки датируются VIII—VII вв. до н. э. [55].

На Кокоревском этапе впервые появляется рубчатая пронизка из бронзового листка, обернутая золотой фольгой (ОВ, *100*),— предмет, обычный для тагарской культуры и встречающийся в андроновской (рис. 3, *33—37*). Золотой фольгой в тагарскую эпоху покрывали иногда и полушаровидные бляшки. Этот прием покрытия бронзовых украшений золотой фольгой, совершенно неизвестный карасукской культуре, хорошо известен в андроновской (серьга, зубчатая привеска, височное кольцо, бронзовые бляшки из Малого Койтаса) [41]. Таким образом, и эта деталь указывает на андроновское происхождение тагарских украшений.

Керамика имеет совершенно тагарский облик: это темные баночные сосуды различных типов, с орнаментом из желобков, «жемчужника» или без орнамента, небольшой розовый боченковидный сосуд (Джесос) (рис. 3, *15*) и три круглодонных низких сосуда со сдавленным верхом (ОВ, *108*, *109*); эта форма продолжает существовать и в начале тагарской культуры. Она сходна с большереченскими сосудами и имеет вероятно карасукское происхождение. Уникальным является округлый со-

сосудик розовато-оранжевого цвета с невысоким поддоном и шейкой, украшенный налепными спиралями (ОВ, *110*). Форма его близка к сосудам Лугавского этапа (ОВ, *21*), вероятно, имеющим карасукское происхождение, как уже было сказано. Есть основания полагать, что орнамент этого сосуда также восходит к орнаментам культур карасукского круга. В тагарской культуре таких сосудов уже нет.

Погребальные сооружения — курганы с оградкой без угловых камней, оградки без насыпи, оградки с угловыми камнями или просто могилы без оградок, огражденные четырьмя вертикальными камнями. Как известно, курган с оградкой и вертикальными камнями по ее углам — это основной тип тагарских погребальных сооружений. Вертикально врытые камни по углам оградок неизвестны ни карасукской, ни какой-нибудь другой культуре, но встречены в андроновском могильнике Сарыколь [56].

Могилы еще часто представляют собой каменный трапециевидный ящик карасукского типа. По-прежнему встречаются срубы; иногда они обложены плитами. В могильнике Тагарский о-в В встречены т. наз. кокошники — полукольца из вертикально врытых плит в изголовье и ногах могилы. СВ ориентировка погребенных в этой группе еще очень часта.

Таким образом, эта группа по инвентарю показывает резкий скачок к тагарской культуре. Что касается погребального обряда, то в нем по-прежнему еще много карасукских черт.

Раннетагарские памятники. Среди большого количества раннетагарских памятников VII—VI вв. до н. э. имеется небольшая группа памятников с отдельными «рецидивами» переходного карасук-тагарского времени, в то время как основной их инвентарь и обряд погребения тагарский (см. табл. 1). Все остальные тагарские памятники VII—VI вв. до н. э. в данной работе не рассматриваются.

Ножи этой группы — тагарские: однодырчатые (ОВ, *114, 117*) и нож с небольшим кольцом (ОВ, *112, 113*). Первая форма очень распространена в раннетагарской культуре, вторая сравнительно редкая, но сочетается с типичными тагарскими ножами. Следовательно, эти ножи были распространены в самом начале тагарской культуры. Наконец, два ножа в этой группе не являются тагарскими: нож «с треугольником на кронштейне» (ОВ, *111*) — пережиток переходного карасук-тагарского времени и типичный карасукский нож из ул. Райкова (ОВ, *116*), найденный в кургане с раннетагарским инвентарем VII—VI вв. до н. э. (ОВ, *117, 121—126*). Последнее погребение является, по-видимому, погребением шамана.

Другим пережитком переходного карасук-тагарского времени в этой группе являются гвоздевидные шилья без шейки (ОВ, *118, 119, 129*), встреченные вместе с обычными тагарскими шильями со шляпкой и шейкой. Остальные вещи — тагарские: дисковидные зеркала, иногда с высоким бортиком по краю (ОВ, *127*), костяной полукруглый гребешок, костяные головные ножички (ОВ, *131—133*). Бронзовые «предметы неизвестного назначения» (ОВ, *125, 130*, навершия шаманского посоха) гораздо менее массивны, чем навершия переходного карасук-тагарского времени. В тагарской культуре таких предметов уже нет.

Пастовая застежка с желобком посредине (ОВ, *124*), напоминающая застежки Ильинского этапа, уже не дугообразная, а прямая. Такие застежки из бронзы и белого камня (аргиллита) найдены в памятниках большереченской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Сходные предметы употреблялись в Ассирии в качестве нагрудных украшений лошади [57, 58]. Они изображены на рельефах Синахериба и Ашурбанипала (VII в. до н. э.), что подтверждает эту дату. Итак, прямые застежки несколько моложе дугообразных.

Украшения этой группы все тагарские. В Ужуре найдена литая полушаровидная бляшка с петелькой, имеющая карасукское происхождение.

Керамика этой группы тагарская, преобладают обычные баночные сосуды (табл. 1). Но в этой группе есть ряд любопытных форм. Это округлые плоскодонные сосуды с невысокой шейкой и желобками в наиболее широкой части тулова (ОВ, *143*). На карасукской керамике такого орнамента и так расположенного никогда не бывает, зато это типично для андроновской керамики как Казахстана, так и Минусинской котловины. На более ранних андроновских сосудах эти желобки сочетаются с другим орнаментом [42], на более поздних андроновских сосудах орнамент беднеет, и остаются только одни желобки поперек тулова [40]. Таким образом, здесь можно проследить прямую преемственность между андроновской и тагарской керамикой. Затем округлый сосуд с налепными подтреугольными ручками с круглым отверстием посредине (ОВ, *142*), характерными для карасукской керамики и керамики культур карасукского круга [59—61]; по-видимому, этот сосуд связан с карасукскими. Баночный сосуд из Новоселова (ОВ, *141*) по профилю напоминает андроновские банки. И, наконец, остроребериый горшковидный сосудик из Страшного лога (ОВ, *145*) [12]. Форма его и наличие поддона не оставляют сомнения в его андроновском происхождении (рис. 3, *3—6*).

Таким образом, керамика этой группы наряду с уже сложившимися тагарскими дает и ряд форм, показывающих несомненное родство с андроновскими. Вероятно, не случайно эти последние формы группируются на севере Минусинской котловины (Ужур, Новоселово, Подгорное оз., Страшной лог) — области, наиболее густо заселенной в свое время андроновскими племенами. По-видимому, это население сохранялось здесь долго, и андроновское воздействие на складывающуюся тагарскую культуру проявлялось особенно сильно в этом районе.

Погребальные сооружения этой группы почти не отличаются от типичных тагарских, за исключением Ужура и Страшного лога, где еще сохраняются примыкающие друг к другу оградки, как в предыдущих этапах.

Итак, известные в настоящее время памятники, связанные генетически с тагарской культурой в Минусинской котловине, относятся ко времени от середины II тыс. до н. э. до начала VII в. до н. э. Два последних этапа благодаря найденным в них вещам можно датировать более точно: Ильинский этап — IX в. до н. э. (до начала VIII в. до н. э.) и Кокоревский — VIII — началом VII вв. до н. э. Поэтому Баиновский этап, по-видимому не очень длительный, можно предположительно датировать X в. до н. э., а Лугавский начинается несколько раньше XIII в. до н. э. (точнее начало его пока не может быть установлено) и продолжается примерно до X в. до н. э.

Как было показано, в рассматриваемых памятниках наблюдаются не только хронологические различия, но и локальные. Памятники, расположенные вблизи лесных массивов, отличаются особенностями, связывающими их с культурами лесной полосы Средней и Восточной Сибири эпохи бронзы, а кое-где и эпохи неолита. Эту культуру мы условились называть лугавской. Лугавские черты сохраняются и в тагарскую эпоху, правда, в ослабленном виде. Вопрос о языковой принадлежности ее носителей сложен. В пределах Минусинской котловины она смешана с карасукской культурой. Не исключено, что носители ее могли быть кетоязычны или самоедоязычны.

Вторым, по-видимому, более значительным компонентом тагарской культуры является андроновская. Пока не может быть дан точный ответ на вопрос, связана ли тагарская культура с андроновской культурой Казахстана или с андроновскими памятниками Минусин-

[12] Такой же сосуд найден в мог. 4/13 у Подгорного оз. близ с. Батени (раскопки С. А. Теплоухова и А. Т. Кузнецовой, 1929, Гос. Эрмитаж, 5137—16) — того же времени или начала тагарской эпохи.

ской котловины, которые продолжали существовать вплоть до переходного карасук-тагарского времени. Казахстанские памятники дают более точные и более многочисленные аналогии. Однако сохранение в северо-западных районах Минусинской котловины специфических андроновских форм и орнаментов керамики вплоть до тагарского времени говорит как будто о том, что некоторая часть андроновского населения продолжала существовать в этих районах, и, по-видимому, через эту территорию осуществлялись в эту эпоху связи Минусинской котловины с более западными областями, вплоть до Казахстана. В настоящее время большинство исследователей считает андроновские племена ираноязычными [62—65]. Учитывая важную роль их в создании тагарской культуры, можно предполагать, что тагарские племена также приняли иранский язык.

Инвентарь рассмотренных памятников показывает, что роль карасукской культуры в формировании тагарской невелика. Количество карасукских элементов в рассматриваемых памятниках резко убывает к тагарскому времени. В керамике, украшениях, обряде погребения,— т. е. в в тех категориях, которыми принято определять этническую принадлежность той или иной культуры,— к началу тагарской эпохи почти не остается карасукских черт. Таким образом, можно сделать вывод, что этнически тагарская культура довольно мало связана с карасукской. Ряд карасукских черт инвентаря был воспринят и переработан лугавским населением и в таком виде вошел в тагарскую культуру.

Все выводы настоящей работы построены на материале памятников переходного карасук-тагарского времени, почти без привлечения материала собственно тагарской культуры. Тагарский материал позволяет рассмотреть и ряд других вопросов происхождения тагарской культуры: происхождения оружия, звериного стиля и пр.

Литература

1. Г. Мергарт. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае Изв. Красноярского отдела РГО, т. III, 1, 1923, стр. 36.
2. G. Merhart. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. SMYA, XXXV, Helsinki, 1926.
3. С. А. Теплоухов. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. Сб «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.». Л., 1926, стр. 90, 94.
4. С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 45, 46, табл. 1, *25*.
5. С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 149, 164, 165.
6. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 110—112.
7. М. П. Грязнов. Восточная Сибирь в I тыс. до н. э. и в начале н. э. «История СССР» (макет), 1939, стр. 413.
8. М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, 48, 1956, стр. 70, 71 табл. XVI, *7*; XVIII, *19, 20, 21, 33*; III, *3*; XIX, *1, 10*; XXI, *6—11*.
9. Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя, АЖ, 2, 1932.
10. Г. Ф. Дебец. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. «Советская Азия», 5-6, 1931.
11. П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III, в. 1, Л., 1926.
12. П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, X, в. 6—7, Л., 1931.
13. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, табл. 6.
14. В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). СА, XVIII, 1953, стр. 218—225.
15. М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Тр. ОИПК ГЭ, 1, Л., 1941.
16. М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, рис. 8, *17, 20, 23*; рис. 21, *1*.
17. С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, табл. XII, *5*.
18. М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, 64, 1956, рис. 14, *1*.
19. Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, рис. 6.

20. А. П. Окладников. Неолитические погребения на Афонтовой горе. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 10, рис. 1, *8*.
21. А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1, стр. 38—43.
22. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, X, 1940, рис. 22, *21*; рис. 14.
23. Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954, стр. 32, 35, 40.
24. В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, табл. V, *8*; II, *5*.
25. М. Д. Хлобыстина. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, стр. 6, 22—27, 31.
26. M. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries. Proceedings of the Prehistoric Society for 1956 (New Series, XXII), Cambridge, 1957, стр. 162.
27. B. Karlgren. Some Weapons and Tools from the Yin Dynasty. BMFEA 17, Stockholm, 1945, стр. 114—121.
28. В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, 15, СПб., 1894, табл. XIX, *7—9*.
29. Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, табл. IV, *1—2*.
30. В. Г. Карцов. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, табл. III, *17*; IV, *12*.
31. А. П. Окладников. Ленские древности. Вып. 1—3, М.— Л., 1950.
32. Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, 60, 1955, рис. 55, *17*.
33. D. Anoutchine. Notice sur quelques épées en bronze trouvées dans la Russie et en Sibérie. Trav. du Congr. de arch. préhist. à Moskou, 1892. M., 1892, стр. 342—345.
34. А. П. Окладников. Археология и основные вопросы древней истории Якутии. КСИИМК, IX, 1941, рис. 9, *1*.
35. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году. Минусинск, 1929, табл. 1, *24*.
36. В. П. Алексеев. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 384.
37. K. Hamada, S. Mizuno. Hung Shan-Hou. Ch'in Fêng. Archaeologia Orientalis. A series, VI, 1938, рис. 24, *4*; 21, *16*; *22*, *12*, tabl. XXI.
38. R. Ghirshman. Fouilles de Sialk prés de Kashan. Paris, 1937, II, табл. LXXV, стр. 917, рис. 50—51; табл. XCIII—g; табл. XXIX, *6*, стр. 59, 95.
39. Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, 59, 1955, рис. 62, *5—7*.
40. О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1947, стр. 115; рис. 57, *40*; 64; 63, *1—3*; 54, *9*.
41. М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане. Сб. «Казаки», вып. 11, Л., 1927, рис 25, *8*; рис. 20, *1*; рис. 25, *2, 4, 6, 7*.
42. А. М. Оразбаев. Сев. Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР V, Алма-Ата, 1958, табл. V, *10—11, 18, 19, 23—28, 31;* VI, *9; 1, 2, 5;* II, *7—15;* III, *6*.
43. К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, рис. 9; рис. 3, *8*; рис. 20.
44. В. П. Алексеев. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. МАЭ, XX, 1961.
45. А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году. КСИИМК, XXV, рис. 27, *4*.
46. Кан Цзя Син. Плитовые могилы и поселения древней культуры в г. Гирине (к северу от реки). КТ, I, 1955, стр. 36, рис. 3.
47. Э. В. Зиберт. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях МАЭ. Сб. МАЭ, XIV, 1953, рис. 6—7 и стр. 94—96.
48. B. Karlgren. Some Ritual Objects of Prehistoric China. BMFEA, 14, 1942.
49. J. Marshall, E. Mackey и др. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. London, 1931.
50. А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, 14, 1950, стр. 100.
51. Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. III, *5*.
52. F. R. Martin. L'âge du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, табл. 13, *12, 14*.
53. I. G. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, 4, табл. I, *2, 7*.
54. N. Egami and S. Mizuno. Inner Mongolia and the Region of the Greit Wall Archaeologia Orientalis, B series, I, 1935, tabl. IV, *2*.
55. И. В. Яценко. Скифия в VII—V вв. до н. э. Тр. ГИМ, 36, 1959, табл. III, *2, 4*.
56. Л. К. Нифонтова. Андроновские погребения в Абаевском районе Семипалатинской области, Изв. АН КазССР, 2, 1949, стр. 143, 146—147.
57. G. Perrot e Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiguite. II, Paris, 1884, рис. 440.
58. E. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1940, рис. 256 (слева).
59. А. Н. Липский. Карасукские погребения в г. Абакане. Краеведческий сборник № 1, Абакан, 1956, табл. 11, *2, 3*.
60. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, вып. II. Л., 1927, табл. XII, *40*.

61. Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, рис. 41, *1*.
62. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 68.
63. Э. Мольнар. Проблемы этногенеза и древняя история венгерского народа. Studia Historica, 13, Budapest, 1955, стр. 64.
64. А. М. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов в Средней Азии в древности. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 19.
65. С. С. Черников. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 31.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сведения о памятниках переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине

I. Могильники

1. Абакан-церковь. Раскопки А. Н. Липского, 1946. Одна могила среди карасукского могильника. Материал в Абаканском Музее.
2. Аскыз, 1914. Раскопки О. Ольсена, 1914, 7 курганов. См. G. G. Giessing. Minussinske oldfunn. Årbok. Helsinki, 1941.
3. Аскыз, 1950. Раскопки А. Н. Липского, 1950. Одно кольцо из каменных плит. Материал в АМ.
4. Баинов улус. Раскопки В. Г. Карцова, 1930, 4 кургана. См. отчет В. Г. Карцова за 1930 г. в ОИПК Гос. Эрмитажа. Вещи там же, инв. № 1250.
5. Барсучиный лог. Раскопки С. А. Теплоухова, 1923, близ д. Сарагаш. Две плоских каменных вымостки — поминальные курганы. Дневник С. А. Теплоухова, 1923, кн. 50, в Музее этнографии народов СССР. Материал в ГЭ, инв. № 4127.
6. Быстрая, 1929. Раскопки С. В. Киселева, 1929. Могила № 2. Минусинский Музей, инв. № 11462—64.
7. Гришкин лог, 15—22. Раскопки С. А. Теплоухова, 1923, близ д. Сарагаш, могилы №№ 15—22 по дневнику (26—33 по отчету). ПИМК, № 7—8, 1933, стр. 46, рис. вверху, левый сосуд и дневник С. А. Теплоухова за 1923 г., ГЭ, инв. № 4128.
8. Джесос. Раскопки А. В. Адрианова, 1894. Восемь курганов (№№ 1, 3, 4, 14, 21, 22, 23 и 25). См. А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924 гг., стр. 41—44; ГИМ, инв. № 34529 и 34992 и в фотоархиве ММ.
9. Ильинская гора. Раскопки С. В. Киселева, 1932. Один курган. Материал в ГИМ.
10. Капчалы. Раскопки В. П. Левашевой, 1935, близ Капчальского баритового рудника, группа III. Два кургана (№№ 1 и 2). СА, 1959, 1. Отчет В. П. Левашевой за 1935, архив ЛОИА, д. 99, л. 1—3 и 23—37. Материал в ММ, инв. № 12291—12306.
11. Карасук. Раскопки С. А. Теплоухова, 1925 (близ с. Батени), пять могил среди Карасукского могильника (№№ 23—25, 28, 29 — по дневнику, 25—27, 30, 31 — по отчету и публикации). МЭ III, вып. II, стр. 94; сб. «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.», Л., 1926; дневник С. А. Теплоухова за 1925 г., Музей этнографии народов СССР.
12. Кокорева. Раскопки Г. П. Сосновского, 1928. Один курган. См. рукопись Г. П. Сосновского «Курганы Минусинской культуры. Кокорева и Черная. Материалы». Архив ЛОИА, ф. 42, д. 119, л. 8—10 и д. № 247, л. 35—38. Материалы в МАЭ, инв. № 3815/53—57, опись вещей.
13. Кривинское. Раскопки С. В. Киселева, 1928. Две могилы среди карасукского могильника (№№ 21 и 22). «Ежегодник Гос. музея им. Мартьянова», т. VI, вып. 2, Минусинск, 1929, стр. 65—66.
14. Лугавское. Раскопки А. Я. Тугаринова, 1913 и А. Я. Тугаринова и Г. Мергарта, 1920. Шесть могил. Отчет А. П. Ермолаева о раскопках А. Я. Тугаринова в 1913 г. Архив Красноярского Музея.
15. Монок. Раскопки И. Аспелина, 1887 г., 4 кургана. H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931.
16. Немир. Раскопки И. П. Кузнецова-Красноярского, 1884. Один курган. И. П. Кузнецов-Красноярский. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907.
17. Новосселово. Размытый курган близ с. Новоселова. Материал в КМ, инв. № 118/250—253.
18. Окунев улус. Раскопки С. А. Теплоухова, 1928, мог. № 12 по дневнику (№ 22 по отчету). Дневник С. А. Теплоухова за 1928, кн. 40, в Музее этнографии народов СССР; материал в ГЭ, инв. № 4836—36.
19. Откнин ул. Раскопки В. Г. Карцова, 1930, два кургана среди раннетагарского могильника. В. Г. Карцов. Дневник раскопок близ Откнина ул., 1930. Архив ОИПК Гос. Эрмитажа, приложение к акту № 6 от 4/XI — 1931, Л., 12—13, 23, 24, 26, 35. Материал в ГЭ, инв. № 1253/1—9 и 1253/13—20.
20. Райков ул. Раскопки А. Н. Липского, 1945. Один курган. Материал в АМ.
21. Салбык. Раскопки С. В. Киселева, 1955, к СВ от Большого Салбыкского кургана.

4 оградки. (Чертежи всех оградок и погребений и дневник раскопок оградки № 4, веденный С. В. Зотовой, как и рисунки вещей, хранящихся в лаборатории ИА, использованы мной с любезного разрешения С. В. Киселева.)

22. Самохвал 9, II. Раскопки А. В. Адрианова, 1898. Могила II, прикрытая насыпью позднетагарского кургана № 9. А. В. Адрианов «Выборки...», стр. 67; Отчет А. В. Адрианова за 1898, архив ЛОИА, л. 39—41, 27; архив Г. П. Сосновского, там же, д. № 246, л. 103—104. Вещи хранятся в ГИМ, инв. № 40211 (нож) и в ММ (сосуд).
23. Самохвал 4, 5. Раскопки А. В. Адрианова, 1896, два кургана (№№ 4 и 5). См. А. В. Адрианов «Выборки...», стр. 64, 66. Материалы в ГИМ, инв. № 40210, 40211.
24. Саргов улус. 7, 10. Раскопки А. В. Адрианова, 1902. Курганы №№ 7, 10. Материалы в ГИМ и КМ. «Сибирская жизнь» за 1903 г., № 249, 254, иллюстрированное приложение.
25. Саргов ул. 12, 3. Там же.
26. Сектинский. Раскопки И. П. Кузнецова-Красноярского, 1910. Отчет И. П. Кузнецова за 1910 г., л. 41 и илл. на л. 47, 48 и 55 (фото № 18) в архиве ЛОИА, материал в ГЭ, инв. № 1661/1—2.
27. Солонечный лог. Раскопки С. А. Теплоухова, 1925, близ с. Батени. Одна оградка. Дневник С. А. Теплоухова за 1925. Материал в ГЭ, инв. 4732—1.
28. Страшной лог. Раскопки М. П. Грязнова, 1955, на правом берегу р. Ербы, СЗ группа курганов, два кургана (9 могил). Отчет М. П. Грязнова за 1955 г., архив ИА, Материал в ГЭ.
29. Табат. «Размытый курган близ с. Табат Бейской волости, Минусинского уезда, 1913». Материал в КМ, 77/1,2.
30. Тагарский о-в, 44. Раскопки А. В. Адрианова, 1894 г., курган № 44 (одна могила). А. В. Адрианов «Выборки из дневников...». Минусинск, 1902—24, стр. 47—49; стр. 137. Материал в ММ, 10537.
31. Тагарский о-в, Д. Раскопки А. В. Адрианова, 1883. Один курган (пять могил). ИЗСОРГО, т. VIII, кн. 2, Омск, 1886, стр. 28—33. Материал в ММ, 9799, 9800, 9802—9806, 10542, 10718.
32. Тагарский о-в, А, В. Раскопки А. В. Адрианова, 1883. Два кургана (семь могил). ИЗСОРГО, стр. 16—22. Материал в ММ, 9783—86, 9791, 9792, 10538, 10540, 10541, 10544, 10582, 10547.
33. Тагарский о-в, 1893. Раскопки Ф. Мартина, 1893, несколько курганов. Материал в ММ.
34. Тагарское озеро, 36. Раскопки А. В. Адрианова, 1894, курган № 36 (одна могила). А. В. Адрианов. Выборки из дневников..., стр. 47. С. А. Теплоухов. Древние погребения..., табл. XII, 6 (сосуд) и табл. XI—18, 19, 21, 27, 28. Материал в ММ (сосуд) и в ГИМ, 34578 (бронзовые вещи).
35. Ужур. Раскопки В. Г. Карцова, 1929, два кургана (шесть могил). В. Г. Карцов. Отчет об археологических работах 1929 г.; книга «Материалы по учету памятников материальной культуры», Ачинский краеведческий музей, арх. № 184. Вещи в КМ, 250 и в Ачинском музее.
36. ул. Федоров. Раскопки А. Н. Липского, 1951—54. Отчет А. Н. Липского за 1951—54 гг. «Раскопки карасукского могильника у ул. Федорова». Архив ИА, ф. 1, д. 1233. Материал в АМ.
37. Чебаки. Раскопки Д. А. Клеменца, 1888. Д. А. Клеменц. Дневник раскопок в окрестностях селения Чебаки, архив ЛОИА, д. № 23 за 1888, л. 68—79, 91, 44.
38. Шира, 1925. Случайные раскопки кургана близ ж.-д. станции Шира, 1925 г. Материал в ГЭ, 4377; опись с кратким описанием условий находки в Музее этнографии народов СССР; ПИМК № 7—8, 1933, 46, рис. вверху, правый сосуд.
39. Ярки, 35—37. Раскопки С. А. Теплоухова, 1924, близ с. Батени, три оградки (три могилы: №№ 35—37 по отчету и публикации, №№ 1—3 по дневнику). МЭ III, вып. 2, на стр. 90 и табл. на стр. 94, рис. 15, стр. 97, табл. XII, 2 и табл. XI, 3, 10, 16, 29, 30, 31; Отчеты С. А. Теплоухова за 1925 г. в архиве ЛОИА (л. 2—3).
40. Ярки, 38. Раскопки С. А. Теплоухова, 1925, недалеко от группы Ярки 35—37. Одна могила (№ 4 по дневнику, № 38 по отчету и публикации). Все сведения там же.

II. Стоянки

1. Лугавская. Раскопки В. П. Левашевой, 1938, близ с. Лугавского. Нижний слой трехслойной стоянки. В. П. Левашева. Отчет о раскопках 1938 г., архив ЛОИА, ф. 35, д. 42. Материал в ММ; сборы сотрудников Минусинского музея — в ММ; сборы сотрудников Красноярского краевого музея, материалы в КМ.
2. Маткечик — сборы Э. Р. Рыгдылона на развеянной стоянке близ ул. Маткечик. Материал в АМ.
3. Полосатая гора. Сборы В. П. Левашевой и Ф. П. Кравченко. ММ, 12388—90.
4. Смирновка. Сборы на развеянной стоянке «Борки» близ д. Смирновка. Музей Истории Материальной Культуры Томского ГУ, 6264.
5. «Три версты от Минусинска по Лугавскому тракту». Сборы сотрудников Красноярского музея. КМ, 131—403.
6. Улазы. Сборы на развеянной стоянке близ с. Улазы. ГЭ, 4110.
7. Шушь. Сборы на развеянной стоянке с. Шушенского. КМ, 122.
8. Ярки. Раскопки С. А. Теплоухова, 1925. Дневник С. А. Теплоухова за 1925 г. Материал в ГЭ, 4340. Сборы С. А. Теплоухова, 1921, там же. МИМК ТГУ, 6261, 6263

Я. РОЗЕН-ПШЕВОРСКАЯ

К ВОПРОСУ О КЕЛЬТО-СКИФСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

А. Бертран в книге «Религия галлов, друиды и друидизм», изданной в 1897 г., обратил внимание на большое сходство в организации кельтских друидов, ламаистических монастырей Тибета и сибирского шаманизма. Он первый опубликовал статуи кельтских богов, сидящих в позе Будды [1]. С тех пор проблему кельто-восточных и в особенности кельто-скифских связей затрагивали многие ученые — П. Беньковский, Ж. Дешелетт, Г. Доттин, П. Рейнеке, П. Госсер, Г. Губерт, М. Ян, М. Енни, П. Якобсталь, Г. Кюн, М. Минз, Г. Прейдель, А. Шахматов, А. Спицын, М. Ростовцев, Ф. Стахелин, К. Шефольд, М. Фасмер и др. В 1930 г. эти вопросы подробно осветила автор данной работы; мною приведена и литература, вышедшая до 1930 г. [2, 3]. Проведенные затем полевые исследования на территории западных областей Украины дали новые материалы, связанные с интересующей нас проблемой (работы М. Ю. Смишко и Т. Сулимирского) [4—9].

В течение последних двух десятилетий в связи с новыми открытиями, сделанными в изучении кельтских и скифских древностей, к этой проблеме вернулись как западные (Р. Жофрей [10], П. Г. Эйду [11], Е. Тевене [12], Т. Г. Е. Поуэл [13], М. Лампрехт), так и советские (М. Смишко [14, 15], Ю. В. Кухаренко [16]), чехословацкие (Я. Филип [17, 18]) и польские ученые (Я. Розен-Пшеворская [19]).

За эти годы увеличилось число скифских находок в Центральной и Западной Европе (Польша, Чехословакия, Германия, Франция). Увеличивается и количество материалов, свидетельствующих об относительно сильном проникновении кельтов на территорию, находящуюся между Одером и Вислой. Начавшееся еще в IV в. до н. э., проникновение это резко усиливается в период II в. до н. э. — II в. н. э. Причины этого явления еще полностью не выяснены.

Проблема кельто-скифских отношений имеет длительную историю. О кельто-скифах упоминают Страбон (I, 2, 27 и XI) и Плутарх (Марий, II, 7), а Валерий Флакк пишет о кельтизированных племенах. У Лукиана, а также и у Артемидора имеются упоминания о том, что у населения Великобритании существовали религиозные церемонии, подобные церемониям фракийского культа Деметры и Персефоны. В средневековом сказании XII или XIII в. «Талесин» находим следующий любопытный отрывок: «После потопа, прибывший с Востока Партдан основал первую колонию, после этого прибыл Немед со своими вооруженными людьми, рожденными в Скифии». И, наконец, в «Leber Fermaige», относящихся к XV в., имеется рассказ о Ёгнусе — сыне Дагды и Боины (святой реки) — и Мананнане, которые привезли из Индии «две коровы с очистительным молоком, поскольку Индия является страной справедливости» [17, стр. 217].

Представления о тесных кельто-скифских и кельто-восточных связях находят все более убедительные подтверждения в археологических материалах. К основным археологическим находкам этого рода относится

так наз. клад из Викс. «Клад» этот хотя и получил в литературе широкую известность, но до сих пор не оценен в достаточной мере [11, стр. 24, 27]. Это обстоятельство побуждает нас остановиться здесь на нем более подробно.

В 1953 г. археолог Р. Жоффрей и рабочий Муасон около деревни Викс, недалеко от Шатильона-на-Сене (Франция, деп. Кот д'Ор), раскопали большой каменный курган, в котором обнаружили «кельтское женское погребение». Курган этот находится вблизи известного кельтского оппидума Латиско, расположенного на перекрестке больших торговых путей, связывавших Галлию с Англией, Испанией и Италией. На расстоянии около двух километров от Викс имеется группа исследованных ранее курганов, известных под названием курганов из Сент-Коломбо, Мусселота или Шап де ля Бютт. Курганы эти, как и курган около дер. Викс, очень богаты, однако не представляют прямой аналогии последнему, а скорее всего свидетельствуют о каких-то иберо-кельтских связях (аналогии известной «даме из Эльха»).

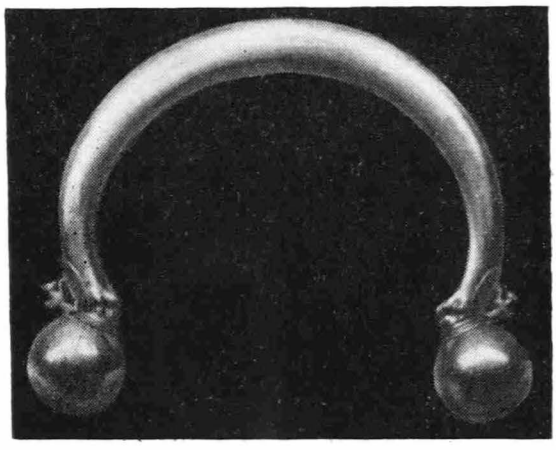


Рис. 1. Золотая диадема из Викс. Франция

Курган около дер. Викс имел диаметр в 42 *м*, высоту — около 6 *м*. Под насыпью кургана находилась четырехугольная деревянная камера площадью около 9 $м^2$. Внутри камеры обнаружены остатки раскрашенной деревянной колесницы, на которой была похоронена женщина в возрасте 30—35 лет. Покойница лежала в вытянутом положении. На голове у нее находилась золотая диадема (рис. 1), на шее — ожерелье из янтарных, диоритовых и серпантиновых бус. На руках было по три сланцевых и по одному бронзовому браслету с нанизанными на них янтарными бусами. На ноги покойницы надеты бронзовые поножи. В области тазовых костей лежал витой бронзовый торквас, связанный ремешком. Возле скелета найдено семь фибул. В углу погребальной камеры справа от покойницы стоял огромный бронзовый кратер (рис. 2), на крышке которого находились серебряная мисочка с позолоченным краем и две глиняные чернофигурные аттические чаши. Около кратера обнаружен бронзовый кувшин с трехлистным отверстием, две бронзовые мисы с ушками и одна большая бронзовая без ушек. Слева от покойницы, у восточной стенки погребальной камеры стояли в ряд четыре колеса с бронзовыми ступицами и лежали бронзовые оковки колесницы (которая в погребении была сложена уже в разобранном виде).

По мнению французских археологов, в кургане у дер. Викс погребена «кельтская жрица или аристократка». Часть погребального инвентаря, как полагает П. Г. Эйду, напоминает скифские изделия, янтарные же поделки он считает прибалтийским импортом. Наметив верное направление поисков связей, западноевропейские археологи, однако, не извлекли из этого всех выводов. Согласно утверждению Р. П. Шарля, скелет покойницы относится к нордическому типу, встречающемуся у аристократического германо-кельтского населения Франции в конце гальштатского периода.

Золотая диадема, найденная in situ на черепе покойницы, свидетельствует о том, что последняя, в отличие от пышных причесок гречанок или иберик, носила гладко причесанные волосы. Это соответствует прическе бронзовой статуэтки женщины, найденной на крышке упомянутого уже большого кратера. Диадема весила 480 *г* и представляла собой

массивный гладкий обруч, концы которого заканчиваются львиными лапами, держащими массивные грушевидные шары. По бокам шаров на особых филигранных подставках помещены фигурки крылатых коней — пегасов. Уже Р. Жоффрей и П. Г. Эйду отметили, что кони эти относятся к породе малых степных лошадей, известных под названием «лошади Пржевальского». Это обстоятельство служит указанием на происхождение диадемы, в которой оба автора видят греко-скифское изделие.

Диадема несколько напоминает пластинчатые опояски котла из Гундеструпа (Дания), происходящего из какого-то кельто-фракийского центра II в. до н. э. Отдельные аналогии диадеме имеются в Ольвии, в Приднепровье, в Тавриде, Новом Быджове (Чехословакия), Леукербаде (Швеция). Почти все они являются более поздними, чем диадема из Викс, если принять датировку последней, предложенную П. Г. Эйду. По моему же мнению, диадема скорее всего является скифо-сарматским изделием IV—III вв. до н. э.

Рис. 2. Бронзовый кратер из Викс

Браслеты были особенно модными в ранний и средний периоды Латена. В Викс найдено шесть браслетов из сланца. Как и янтарные бусы, они, хотя и реже, встречаются также и в позднелатенское время. Не только янтарь, но и сланцевые изделия более всего характерны именно для районов Прибалтики. Согласно Плинию (XXXVII, 11), янтарь обеспечивал плодовитость, и, по-видимому, из-за этого его носили женщины. Ожерелье женщины из Викс состояло из янтарных, диоритовых и серпантиновых бус, что сближает его с сарматскими ожерельями I в. до н. э.

Пять бронзовых и две железные фибулы, украшенные янтарем и кораллами, относятся к так наз. раннелатенскому типу, который, как это недавно доказал Я. Филип, в разных вариантах встречается еще и около II в. до н. э. Бронзовый торквас женщина из Викс, по-видимому, держала в руке, подобно тому, как это мы видим у бога Кернунноса на котле из Гундеструпа. Торквасы в качестве шейных гривен носились женщинами в период раннего латена, позже они стали отличием знатности и носились мужчинами. Однако чаще всего с торквасами изображались боги и герои как в кельтско-галльской, так и в галло-римской иконографии.

Согласно моде, покойница из Викс на ногах имела поножи. Косвенным образом это может свидетельствовать о том, что она носила короткую, открывающую ступни юбку. Если это так, то эта черта отличает женщину из Викс от скифских и сарматских женщин, носивших длинные одежды. В то же время в погребении отсутствуют самые характерные для кельтского комплекса украшений стеклянные браслеты и бусы и браслеты из лигнита (сапропелита), столь типичные как для женщин

Западной Галлии, так и для восточнокельтских женщин. Украшения из Викс состоят как бы из двух составных элементов — скифо-сарматского и кельтского. Правда, кельтские украшения преобладают количественно, однако, они, по-видимому, несколько более древние и не имеют сакрального характера. Датировать их можно раннелатенским временем, хотя они могли встречаться и позже. В то же время золотая диадема и ожерелье, указывающие на высокое общественное положение женщины, определенно происходят из скифо-сарматского мира и датируются концом IV, а скорее всего началом III в. до н. э. Одежда женщины, вероятно, была ритуальной.

Кельтские женщины, выходя замуж, приносили мужу, точнее роду мужа, приданое. Муж же (по крайней мере в средневековье) обязан был отдарить жену вещами, стоящими вдвое больше. Часть этих вещей могла быть наследственным имуществом, что приводило к совместному бытованию различных по времени выделки предметов. Согласно кельтскому праву, женщина с момента замужества переходила в клан мужа, однако ее дети часто оставались в клане матери. По материнской, а не по отцовской линии наследовалась «королевская кровь», знатность рексов. Нам представляется, что женщина из Викс была погребена со всем (или почти со всем) своим приданым, а также с частью имущества, подаренного ей мужем взамен приданого. Принимая во внимание факт наличия в погребении столь ценных вещей, можно предположить, что умершая не имела потомства или же потомки в силу каких-то причин не могли наследовать ее сакральных функций, символами которых являлись великолепная золотая диадема и огромный кратер.

Все вещи из этого погребения представляют собой продуманный и цельный комплекс, элементы которого взаимосвязаны и логично дополняют друг друга. Перед нами сознательно подобранный набор украшений, полностью соответствующий остальной части погребального инвентаря и в деталях отображающий как обстановку, в которой жила покойница, так и роль, какую она играла в обществе. Поэтому приходится отбросить гипотезу о покупке или военном приобретении вещей и предположить, что они принадлежали женщине чуждого происхождения, вышедшей замуж в один из западнокельтских родов. Это не рабыня и не пленница, а особа, игравшая важную роль как в собственном племени, так и в роде мужа. Одним словом, погребение в Викс является своеобразным отображением факта заключения брака между двумя аристократическими родами. Муж женщины должен был быть королем — рексом или даже королем королей (аналогично Верцингеториксу), если мог себе позволить сооружение столь большого кургана. Для этого необходима была помощь не одного клана (tuath) или племени. Великолепие, с которым погребена эта женщина, свидетельствует, что ей старались отдать максимум ритуальных почестей, чрезвычайно важных в обрядовом цикле как кельтов, так скифов и сарматов.

Свидетельством того, что выйдя замуж, женщина из Викс продолжала связи со своей родовой группой, является прежде всего великолепный бронзовый кратер. Это самая красивая вещь среди предметов, положенных в могилу. Вес кратера — 208,6 *кг*, высота — 1,64 *м*, диаметр отверстия — 1,27 *м*, вместимость 1100 *л*. Лишь у Геродота мы находим упоминание о столь большом котле, преподнесенном Крезу лакедемонянами. По утверждению П. Г. Эйду, самые близкие аналогии кратеру имеются в Ольвии у Орхидского озера и в Мюнхене [11, стр. 29]. На шейке кратера имеется рельефный фриз, на котором восьмикратно повторяется мотив двухколесной колесницы с запряженной в нее четверкой лошадей. Лошади, как и пегасы на диадеме, относятся к виду «лошадей Пржевальского» (рис. 3).

В повозки и колесницы кельты чаще всего запрягали одного или пару коней, о чем свидетельствуют многочисленные кельтские монеты, упоми-

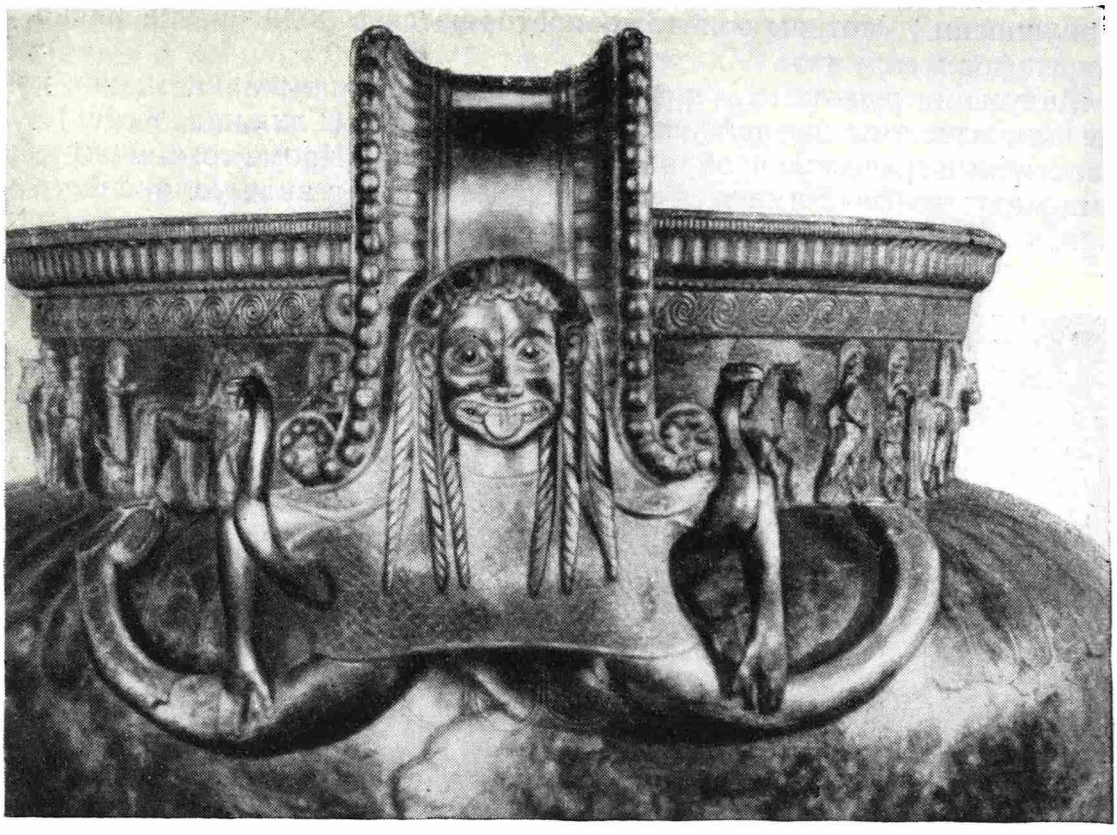


Рис. 3. Фриз на бронзовом кратере из Викс

нания древних и средневековых авторов, а также археологические материалы. Четырехконные же упряжки встречались главным образом у скифов, сарматов и других кочевых племен [20—23] (фреска из Керчи, плитка из слоновой кости из Куль-Обы). Колесница из Викс относится к четырехколесным повозкам, употреблявшимся в Западной и Центральной Европе в позднелатенское время (напр., Граденин около Колина, Чехословакия). Известны также колесницы и в среднелатенский период (Дойбьерг, Дания). Однако всеобщее распространение они имели у скифов, сарматов и других азиатских кочевников [17, стр. 262—270; 11, стр. 13, 24]. Пешие воины, изображенные на фризе кратера рядом с колесницами, несмотря на архаическое греческое вооружение, могут быть скифами, получившими оружие от греков или же служившими у греков. Воины конвоируют восемь четерехконных упряжек. Сцена эта не случайна. Может быть, именно такой кортеж сопровождал женщину в ее далекое путешествие, в страну мужа.

У кратера имеются две массивные ручки, каждая из которых весит по 46 *кг*. Они украшены «жемчугом», «бычьими глазами» и «бегущей спиралью». Со стороны стенки кратера на ручках имеются две искусно исполненные фигурки скачущего льва. Напомним, что львиные лапы имеются также и на диадеме рядом с фигурками коня. Нельзя ли провести здесь аналогию с курганами Пазырыка, где подобные орнаментальные мотивы встречаются на разных предметах из одного кургана, выполняя скорее всего функции герба, чем апотропея [25, 26]. Наружная сторона ручек украшена двумя не совсем идентичными погрудными изображениями медуз. Это пожилые женщины с широко открытыми глазами, оскаленными клыкастыми ртами с высунутым языком (рис. 4). Волосы одной из медуз заплетены в косицы, что очень напоминает подобный же мотив на серебряной сасанидской чаше V в. до н. э. Руки медуз обвивают реалистически трактованные ужи, являющиеся в древней иконографии символом плодовитости. (Имеются они и на упоминавшемся уже котле из Гундеструпа рядом с богом с оленьими рогами — кельтским

Кернунносом.) Мотивы эти часто повторяются в религиозной иконографии скифов и сарматов.

Медузы на ручках кратера из Викс больше напоминают маски, которые нам известны из районов Причерноморья (Глинище, Керчь), чем аналогичные греческие изображения (рис. 5) [27]. Кроме того, между бровями медуз из Викс имеются характерные знаки в виде удлиненного пузыря, что, по моему, мнению, говорит в пользу их восточного происхождения. Подобные знаки имеются, например, на кельтском каменном обелиске из Фальцфельда и на скульптуре из Гейдельберга (Германия), относящихся к среднелатенскому времени, а также на мелких предметах, например на украшениях из Шварценбаха, которые обычно датируются ранним латеном [22, стр. 135, рис. 24, 28].

Рис. 4. Маска на бронзовом кратере из Викс

По мнению П. Г. Эйду, кратер из Викс является архаическим греческим изделием (VI в. до н. э.). Я. Филип также считает его произведением греческих мастеров, но не VI, а V в. до н. э. Ж. Моро полагает, что кратер был сделан этрусками. Основанием для таких суждений являются греческие буквы, скрытые под фигурами фриза. Однако следует помнить, что как эллинизированные скифы, так и некоторые кельтские племена, по свидетельству Цезаря, пользовались греческим алфавитом. В Порте (Швейцария) найден даже кельтский меч с греческой надписью кельтского имени «Корисиос». Следовательно, наличие на кратере из Викс преческих букв само по себе не является достаточным аргументом в пользу его греческого происхождения. Но даже если кратер действительно был сделан в греческих мастерских, он заранее был предназначен для определенного заказчика. В данном конкретном случае содержание рельефных изображений на фризе кратера тесно связано с жизнью женщины из Викс.

Изображения на фризе кратера архаизированы. И фриз, и большие пышно разукрашенные ручки кратера, а также женская фигурка на его крышке, равным образом как и описанные выше золотая диадема и серебряная чаша с позолоченным ободком (а может быть, и сланцевые браслеты), по своему происхождению скорее всего связываются с причерноморским миром. Крышку кратера украшала великолепная женская фигурка, напоминающая изображения женщины на бронзовой пластине колесницы из Монтелеоне ди Сполето (Италия) [29—31] [1]. Фигурка представляет собой молодую женщину, одетую в узкое облегающее платье, перетянутое пояском (рис. 6). Голова с гладко причесанными волосами

[1] На оббивке этой колесницы имеются также горгоны со свисающими языками, пегасы, воины с греческим вооружением, затем такие восточные мотивы, как лев, пожирающий быка, лев, загрызающий оленя, лань и баран, т. е. мотивы не столько этрусские, сколько азиатские. Некоторые из них встречаются далеко на Востоке (Пазырык). Ф. Дун датирует колесницу серединой VI в. до н. э., не говоря ничего определенного о ее происхождении.

покрыта покрывалом, свисающим до колен. Фигурка эта, «несомненно, связывается с женщиной, погребенной в Викс. Об этом свидетельствует форма диадемы, которая предназначена именно для такой гладкой прически. Погребенная из Викс при жизни периодически или постоянно выполняла сакральные функции. После смерти ее могли «обожествить». Символами ее роли в обществе были диадема, кратер и колесница, с которыми она и была похоронена.

Рис. 5. Фрагмент бронзового панциря. Станица Елизаветинская, Кубань

П. Г. Эйду фигурку с кратера называет Артемидой из Сиракуз, покровительницей военных и скаковых лошадей. Однако я полагаю, что в данном случае греческая мифология, в которой кстати было много заимствований (фракийский культ Деметры, тавридский — Артемиды, индийский — Диониса и др.), не поможет полностью решить проблему. Выше мы уже упоминали о привилегированном положении кельтской женщины, что в известном смысле свидетельствует о пережиточных явлениях матриархата. Некоторые пережитки этого строя мы можем проследить и в религиозных представлениях кельтов, в которых далеко не последнюю роль играло женское божество Эпона. Обычно ее изображали в виде женщины, едущей на колеснице. Многочисленные изображения Эпоны находим на кельтских монетах, а также в галло-римской пластике. В. Леонхард не без оснований обращает внимание на связь между гетской богиней-всадницей Хиппой, амазонкой Ипполитой и кельтской Эпоной [30, 32, 33, 1, стр. 297]. Новые работы западноевропейских археологов значительно расширяют эту проблему [34; 35; 13, стр. 121—122; 28, стр. 114; 11, стр. 162, табл. 3а]. Богиню Эпону признают фигурой, адекватной Богине-Матери — матери земли, великой королеве Рхианон, соответствующей фригийской Кибеле и греческой Рее, являющейся одновременно источником жизни и покровительницей умерших. Здесь следует напомнить, что и скифы веровали в Великую Богиню, которую изображали либо едущей на четырехконной колеснице, либо стоящей

рядом с ней (золотая бляшка из Куль-Обы, золотые монеты царя Скилура из Ольвии).

Нам представляется, что в кургане у дер. Викс была погребена особа, имеющая тесную связь с культом Великой Богини. Ведь и на диадеме, и на кратере имеются изображения коней и львов, точнее — львиных лап, а лев, как известно, был также атрибутом этой богини. Женщина из Викс была погребена на четырехколесной, великолепно разукрашенной колеснице, несомненно культового назначения. Эту колесницу везли люди, а не лошади, поскольку в погребении отсутствуют части упряжи. Подобные колесницы, как утверждает П. Г. Эйду, на территории Западной Европы являются редкостью. Более того, я допускаю, что существует тесная связь колесницы с кратером, о котором речь шла выше.

Рис. 6. Фигурка с бронзового кратера. Викс

Страбон (VII, 294) подробно описывает обряд приношения кимврами в жертву пленников, которых добивали на краю большого серебряного котла. В восточнокельтской иконографии подобный обряд изображен на известном посеребренном котле из Гундеструпа (раньше котел ошибочно считали серебряным). Не исключено, что котел этот употреблялся для очищающих омовений. Сходная церемония проводилась у средневековых ирландцев во время посвящения юношей в воины и во время инициаций на ежегодных праздниках Беллейны и Самайна. Описание церемонии сохранилось в средневековых сочинениях, известных под названиями «Манобигион» и «Талесин». Обряд этот напоминает также средневековое крещение погружением в воду, практиковавшееся в свое время на кельтизированных территориях. Над котлом приносили присягу, у котла заключались браки. Котел был атрибутом кельтского бога Дагды, он же являлся символом изобилия. Каждый рекс обязан был иметь котел, из которого угощали всех гостей и приезжих, причем котел должен был быть так велик, чтобы из него можно было накормить целое войско. Напомним еще раз легенду о Егнусе, сыне Дагды, и о молоке священных коров, которое было ритуальным напитком. Можно поэтому предположить, что женщина из Викс была жрицей, руководящей подобными обрядами, связанными с большим кратером на колеснице, т. е. обрядами, практиковавшимися по крайней мере с III в. до н. э. Символика, повторяющаяся на диадеме и кратере (кони и лев), несомненно, связана с культом Великой Богини. Со времнем из

божества с очень многими и разнообразными функциями выделилось отдельное божество — покровительница коней — Эпона, но в IV в. до н. э. она, по-видимому, составляла еще одно целое с Великим Женским Божеством, аналогичным скифской Великой Богине.

Набор, состоящий из бронзового кувшина и трех бронзовых мисок, обнаруженный в погребении у дер. Викс, напоминает подобные наборы сосудов в других погребениях, известных на территории Центральной и Западной Европы начиная с позднего гальштатта вплоть до римского времени. К этому набору следует также причислить серебряную чашу с позолоченным ободком — вещь скифско-сарматскую по происхождению и, следовательно, тесно связанную с диадемой и кратером, и обе аттические мисочки с чернофигурной росписью. На одной из них изображена битва амазонок, т. е. опять-таки причерноморский мотив. По мнению западноевропейских археологов, это самые древние в погребении из Викс вещи, относящиеся к 530—520 гг. до н. э.; они и послужили основанием для датировки кургана. Но ведь обычно археологический комплекс датируется не на основании самых древних предметов, а исходя из времени датировки самых поздних вещей, входящих в его состав. Вещи, обнаруженные в погребении у дер. Викс, хотя и были сложены туда одновременно, но до этого собирались в семье в течение нескольких поколений (от четырех до пяти). Собирались они определенной частью семьи. Самым поздним звеном в развитии такой семьи и была женщина из Викс — жрица, дополняющая функции своего мужа — рекса, который, очевидно, одновременно являлся и жрецом. Учитывая наличие в погребении импортных бронзовых сосудов и аттической керамики и прибавив еще лет 25—30, время погребения в Викс мы определяем концом IV или началом III в. до н. э. Это полностью соответствует стилю большинства обнаруженных в погребении предметов.

Особенности рассматриваемого погребения заставляют предполагать, что женщина из Викс, став женой кельтского рекса, по-прежнему придерживалась восточных обычаев. Не исключено, что у рексов, правивших в Латиско, в полной мере практиковалась экзогамия. Доказательством этого могут быть и соседние курганы у Сент-Коломбо (Мусселот) и Шап-де-ля-Бютт, свидетельствующие о кельто-иберийских связях. Очевидно в Викс была захоронена скифо-сарматская или же кельтско-скифская «княжна», вышедшая замуж за рекса из Западной Галлии. Единственное племя, которое в данном случае можно принимать в расчет,— это тектосаги, точнее их понтийская династия. Кое-какие следы тектосагов прослеживаются и во Франции, в окрестностях Тулузы. Известно также, что тектосаги ограбили храм в Дельфах и часть награбленного привезли именно в район Тулузы. Более того, древние авторы помещают тектосагов вблизи Герцинского леса, т. е. в Центральной Европе.

Крылатые кони на диадеме, кони, изображенные на кратере из Викс, кроме функции атрибута богини могли выполнять одновременно и роль символа реальных богатств, которые иноплеменная княжна принесла своему мужу в качестве приданого. Табуны коней, являвшиеся основным богатством скифов, могли дать кельтскому рексу значительный перевес над своими соплеменниками. Является ли погребение из Викс единичным, обособленным, или же его следует рассматривать в качестве одного из звеньев, соединяющих Восток с Западом? Нам представляется, что это погребение — одно из важнейших в целой серии памятников, появившихся в результате проникновения восточных элементов на территорию Европы. Раньше это обстоятельство обычно объясняли нападениями кочевых племен или же торговыми связями. Теперь значительная часть курганных погребений с деревянными камерами, содержащих захоронения мужчины вместе с женщиной или же лишь одного мужчину или одну женщину, можно сопоставлять с погребением в Викс.

Рис. 7. Горлышко кувшина. Басс-Ютц. Лотарингия. IV — III вв. до н. э.

Рис. 8. Фрагмент бронзового кувшина. Рейнхейм. Германия

Ближе всего к находкам из дер. Викс стоит погребение из Басс-Ютц (быв. Бузовиль, деп. Мозель) в Лотарингии.

Найденный в погребении кувшин украшен рельефом, гравировкой, эмалью и кораллами. У отверстия кувшина имеются фигурки зверей, выполненные в традиционном скифо-сарматском стиле (рис. 7) [36]. Датируется кувшин IV—III вв. до н. э. В 1955 г. в Рейнхейме около Саарбрюкена (Германия) было открыто богатое курганное погребение с захоронением в камере из дубовых досок. В погребении найдены бронзовый кувшин, золотой торквас, большой золотой браслет, перстень и фибулы, украшенные масками людей и животных. Человеческие маски имеют явно монголоидные черты (рис. 8). Датируется это погребение примерно тем же временем, что и предыдущее [28, стр. 124, табл. 38].

Не разбирая здесь конструктивных различий погребальных камер, подчеркнем лишь общую устойчивость традиций в устройстве таких погребальных сооружений начиная от позднего гальштатта и вплоть до римского времени. Отметим, что на территории распространения скифской культуры деревянные погребальные камеры в VII—I вв. до н. э. встречаются от Украины до Алтая. Вполне очевидно, что хотя не все они идентичны, однако везде в какой-то степени являются отражением идеи дома для умершего.

Вернемся, однако, к интересующей нас проблеме кельто-скифских отношений. Упоминавшийся уже нами А. Бертран описал все кельтские статуи, известные к началу XX в. В настоящее время вопрос о кельтских изваяниях поднят заново П. Ламбрехтом; кроме того, в периодическом сборнике «Одат» были опубликованы вновь найденные изображения кельтских богов, сидящих в позе Будды (находки из Парижа, Сента, Бона, Вендоёвр-сюр-

Брена, Диффердanжа, Оксерра, Соммеркура и т. д.). Несколько отличным является каменное изваяние, известное под названием Тараск из Новес (Франция). Это фантастическая химера, опирающаяся на головы умерших людей. Но и здесь явно прослеживается влияние азиатского искусства. Напомню также, что на упомянутых уже изваяниях из Прирейнской области и Вюртемберга имеются буддийские знаки на лбу, т. е. явно восточные отпечатки [1]. Множество таких изваяний и миниатюрных фигурок известно по находкам на территории Франции и Западной Германии, и, следовательно, их нельзя рассматривать как нечто случайное. Мне представляется, что между погребением в Викс и этими изображениями существует определенная связь. Отметим еще несколько обстоятельств. Общепринятым является мнение, что кельты заимствовали у скифов обычай носить брюки. Древние писатели единодушно подчеркивают, что именно эта часть одежды отличала варваров от греков и римлян. Подобное же происхождение приписывается и кельтским торквасам.

Маска, или, точнее, отрубленная человеческая голова, также является мотивом, типичным для кельтских верований, а следовательно, и для их иконографии. Мотив этот встречается как в раннелатенской торевтике (фибула из Парсберга в Вестфалии, украшения из Регёлы и Толны в Венгрии), так и в среднелатенской и галло-римской глиптике. У кельтов был широко распространен обычай собирать головы своих врагов. Отрубленные головы приторачивали как трофей к конской сбруе, затем их складывали в особые ящики и хранили дома или же в священном месте. Маски умерших с закрытыми глазами и застывшей на губах усмешкой встречаются далеко на востоке, например в таштыкской культуре, относящейся к периоду от II в. до н. э. по II в. н. э.

До сих пор погребений друидов мы не знали, вернее не могли выделить их из других археологических материалов. Несмотря на отсутствие сравнений, мы тем не менее полагаем, что погребение у дер. Викс является одним из древнейших следов какой-то религиозной организации, начавшей формироваться в III в. до н. э. Известно, что в 298 г. паннонские кельты, среди которых находились и племена тектосагов, опустошили Дельфы, причем часть этих кельтов образовала в Малой Азии государство Галатию, охватившее и часть Фригии. Собственно говоря, именно этот период кельтской экспансии на юго-восток Европы и в Малую Азию более всего способствовал установлению тесных контактов между кельтами и скифами. Кельтские племена столкнулись на Востоке с религиозными организациями, которых тогда в Азии было великое множество. В то время организации эти соединяли вместе религиозные и чисто коммерческие функции. Эти религиозные конгрегации, особенно процветавшие в Месопотамии, держали в своих руках производственные мастерские и рынки сбыта. Об этом говорится у Аполлония Родосского (Аргонавты, I, 1129) в том месте, где он описывает святилище «Великой Богини» на горе Ида во Фригии. О подобных же тесных связях святилища Кибелы — Реи с ремесленными мастерскими в Каппадокии (Малая Азия) говорит Страбон (XII, 533).

В ассирийских и вавилонских храмах жрецам были подчинены не только металлурги, гончары и стекольщики, но даже пекари и кондитеры. Изделия свои ремесленники производили не только для нужд храма, но и на продажу. Возле храмов находились постоянные рынки. Эти религиозные объединения можно рассматривать как прототипы института кельтского друидизма и позднейшего ирландского filedhów'a, объединявших наряду с многими другими ремесленниками также и кузнецов. В их задачу входило и обучение молодежи. Несмотря на известные различия между этими организациями и друидизмом, между ними имеется и большое организационное сходство, позволяющее предполагать, что корни кельтского друидизма следует искать на Востоке.

Возможно, что женщина, погребенная в кургане у Викс, являлась представительницей рода, который наряду с чисто религиозной деятельностью занимался также и торговлей. Может быть это была торговля лошадьми, разведение которых было основным занятием скифов. Однако я не вполне уверена, можно ли эту женщину назвать кельтской друидкой. Против этого говорит не только характер диадемы, но и серебряная чаша, которая, по-видимому, являлась вещью исключительно для личного пользования.

Мне представляется, что в интересующий нас период торговля с далекими племенами находилась под покровительством религиозных организаций, чем обеспечивалась безопасность купцов.

Погребение у дер. Викс является своеобразным отзвуком тех исторических событий, которые начали разыгрываться в конце IV в. и в результате которых польские земли, находящиеся к северу от Карпат, также попали в орбиту «Восточной Кельтики».

Литература

1. A. Bertrand. La rèligion des Gaulois, les druides et le druidisme. Paris, 1897.
2. J. Rosen-Przeworska. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski, Warszawa. 1930, стр. 132—182.
3. J. Rosen-Przeworska. Problem pobytu Celtów w Małopolsce. AP, I, 1957, стр. 35—81, 40.
4. M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce wschodniej. Lwów, 1932.
5. M. Smiszko. Osada kultury lipickiej. LTP, 1934, 1.
6. M. Smiszko. Stanowisko wczesno-rzymskie w Kołokolinie, pow. Rohatynski. WA. 12, 1935.
7. T. Sulimirski. Trzy chaty przedhistoryczne. Lwów, 1934.
8. T. Sulimirski. Scytowie na Zachodniem Podolu. LTP, 1936, 2, стр. 39.
9. T. Sulimirski, M. Smiszko, K. Myczkowski. Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego. LTP, 1934, 1.
10. R. Joffrey. Le trésor de Vix. Paris, 1954.
11. P. H. Eydoux. Monuments et trésors de la Gaule. Paris, 1958, 1—32.
12. E. Thevenot. Le dieu cavalier Mithra et Apollon, leurs affinités dans les cultes gallo — romaines. «Nouvelle Clio», 10, 1950, стр. 602—633.
13. T. G. E. Powell. The Celts. London, 1959.
14. М. Смішко. Дова полів поховань в західних областях УРСР. Сб. «Археология», II, Київ, 1948, стр. 104.
15. М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, XLIV, 1952.
16. Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1, 1959, стр. 31—51.
17. J. Filip. Keltové ve Střední Evropě. Praha, 1956, стр. 271.
18. J. Filip. Keltska civilisace a jeji dedidotvi. Praha, 1960.
19. Rosen-Przeworska. Z problematyki kontaktów celto-scytyjskich. AP, VI, 1961.
20. E. Šimek. Vělka Germania Klaudia Ptolomaia. Brno, 1953, табл. 83, *6*.
21. J. and Chr. Hawkes. Prehistoric Britain. London, 1959, стр. 145.
22. T. C. F. Powell. The Celts. «Ogam», 5, № 3, 1953.
23. G. B. Kerverzhiou. Lia Fail et la pierre de Scona. «Ogam», 5, № 7, 1953, стр. 126.
24. И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, СПб., 188, стр. 41, рис. 28.
25. А. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953.
26. Jezerine (Jugoslavien), RL, VI, Berlin, 1926, стр. 166—167, табл. 51.
27. В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 32, рис. 16.
28. J. Moreau. Die Welt der Kelten. Stuttgart, 1958, стр. 23—24.
29. W. Tarn. Cywilizacja hellenistyczna. Warszawa, 1957, стр. 10.
30. W. Leonhard. Hettiter und Amasonen. Leipzig, Berlin, 1911, стр. 230—240.
31. RL, VI, табл. 63.
32. RL, II, 1925, стр. 168.
33. W. Jablonski i innj. Religie Wschodu. Warszawa, 1935, стр. 80.
34. Natrovissus. L'Etat Major des Tuatha de Dannann. «Orgam», 21, 1952, стр. 241—270.
35. F. Benoît. L' Ogmios de Lucien, la «Tête Coupée» et le Cycle Mythologique Irlandais et Gallois. «Ogam», 5, № 3, 1953, стр. 36.
36. T. T. Rice. The Scythians. London, 1957, табл. 45.

В. П. ЛЕВЕНОК

ЮХНОВСКАЯ КУЛЬТУРА (ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ)

Древнейшие городища Десны впервые были исследованы у с. Юхново на Черниговщине Д. Я. Самоквасовым еще в семидесятых годах прошлого века. Однако серьезному изучению они подверглись только в результате работ советских археологов [1, 2], особенно в связи с организацией М. В. Воеводским деснинской экспедиции [3, 4]. Материал последней послужил основой для написания М. В. Воеводским первой сводной работы по этим городищам [5]. К юхновской проблеме обращались и другие авторы [6, 7, 8]. Предпринятое за последние годы А. Е. Алиховой изучение юхновских поселений под Курском явилось наиболее значительным исследованием в этом направлении [9, 10].

Приступая к анализу материалов по теме настоящей статьи, следует очертить ареал юхновских городищ. Северная граница их лежит сразу за Брянском, в западном направлении они известны на Судости и Ипути. В южном — идут до устья Сейма, где граничат с поселениями т. н. «зольничной» культуры [11]. К востоку они известны на верхнем Сейме и Верхней Оке. Учитывая сжатый объем статьи, автор не будет давать здесь характеристику памятников изучаемой культуры, тем более что такая работа отчасти уже им выполнена [2]. Целью автора является учесть состояние наших знаний по юхновской культуре в целом, дать новое освещение отдельным фактам, отнюдь не претендуя на окончательное решение проблемы.

1. Происхождение юхновской культуры

Для решения этого сложного вопроса в настоящее время еще нет достаточно твердых данных. Однако наше современное знание юхновских материалов и аналогий к ним, находящихся вне области распространения юхновских поселений, позволяет искать начальные этапы сложения этой культуры не только на территории Подесенья и Посеймья, но и далеко за пределами этой территории.

На пойме Десны, в зоне распространения юхновских городищ до сих пор известны лишь небольшие, бедные инвентарем стоянки[1], которые при ближайшем рассмотрении оказались или остатками поселений эпохи бронзы, или же временными лагерями юхновцев (стоянка Арельск пойменный и др.) [12, 13].

В литературе уже отмечались черты большого сходства юхновской культуры с бондарихинской культурой [14, 15, 16], представляющей со-

[1] На Десне они известны: на устье р. Коломина — в ур. Егоров Рог, в ур. Гуры, в ур. Колесные бугры, в ур. Селецкие дюны (п. 89), в ур. Алешанский уборок, в ур. Жучинский уборок. На Сейме у г. Льгова — в ур. Староверческое кладбище, Городское озеро, у д. Ворониной. На Судости — у с. Синькова, в ур. Евдохин затон, у д. Яковлевичей, в ур. Бугорец. На Нерусе — в ур. Малушково — Телячий стан и др.

бою «...определенный этап в единой линии генетического развития, которую удается проследить от времени ее сложения в раннем бронзовом веке вплоть до начала железного века. Марьяновская, малобудковская, бондарихинская, юхновская культура выступают как разновременные, последовательно сменяющие друг друга звенья этой цепи» [16, стр. 44]. «Исключительная близость керамики бондарихинского типа периода поздней бронзы и юхновской эпохи раннего железа служит указанием на то, что эти культуры генетически связаны между собой и что между ними существовала преемственность» [15, стр. 23].

Однако юхновская культура только частично связана с бондарихинской. Для генезиса юхновской культуры гораздо важнее, по-видимому, линия, связывающая ее с культурами днепровского Правобережья — белогрудовской и чернолесской, хотя в настоящее время звенья этой цепи лишь начинают прослеживаться.

В левобережной части Среднего Поднепровья, имеющего непосредственное отношение к деснинскому бассейну, В. А. Ильинская для времени поздней бронзы и раннего железа устанавливает три этнокультурных общности: 1) бондарихинскую на Ворскле, 2) широко распространившуюся в лесостепной полосе скифскую и 3) юхновскую на Десне [15, стр. 14—27]. Но происхождение этих культур различно. Бондарихинскую культуру создали потомки племен марьяновской культуры [15, стр. 21, 22]. Широкое расселение скифских племен соответствовало исторической трансформации позднесрубных племен. «В конце VIII — начале VII в. до н. э. племена — носители черняховской культуры проникают из области Правобережья на Среднюю Ворсклу» [15, стр. 24; 19, стр. 215; 20, 21], где приходят в соприкосновение с давно уже существовавшими здесь автохтонными племенами бондарихинской культуры. С конца VIII по начало VI в. до н. э., находясь в тесном соседстве с местным населением, пришлые племена чернолесской культуры испытывают влияние автохтонов, но не ассимилируются ими. В начале VI в. до н. э., уступая нажиму скифов, эта часть чернолесских племен отступает на Десну, где начинает строить свои укрепленные городища [15, стр. 25].

Таким образом бондарихинские племена, оказав влияние на формирование юхновской культуры, не были единственным компонентом в образовании последней. Мы вправе ожидать, что на ее облике отразилось влияние не только самой чернолесской культуры, но и тех более западных и древних культур, которые принимали участие в сложении чернолесской культуры. Генетические связи между культурами чернолесской, белогрудовской [22,, 23] и еще более древней, комаровской, ныне считаются доказанными [24, 25, 26]. Если отвлечься от того влияния, которое скифская и бондарихинская культуры оказали на племена юхновской культуры, то окажется, что по ряду существенных признаков в области хозяйства, культуры и быта юхновская культура действительно связывается с культурами Правобережья — чернолесской, белогрудовской и комаровской. Так у культур Правобережья, так же как и у юхновцев, одним из распространенных занятий являлось земледелие. И там и тут применялись одинаковые роговые мотыги (рис. 1, *б*), пряслица, зернотерки. При раскопках обнаружены отпечатки зерен проса на керамике [2]. Скотоводство и у тех, и у других племен играло видную роль. Состав стада для каждой из этих культур оказывается идентичным. У племен комаровской культуры (по костным остаткам в курганах) отмечено наличие быка и свиньи; у белогрудовцев — быка, козы или овцы, свиньи, коня; у чернолесцев — быка, козы или овцы, свиньи, коня [19, стр. 178; 27]. В поселениях юхновцев «...преобладают

---

[2] На Вольжинском городище обнаружено днище горшка с «отпечатками panicum miliaceum с покровными чешуйками, а также с отпечатками просяной метелочки и колоса ржи» (определение В. А. Петрова, ЛОИИМК, 1948).

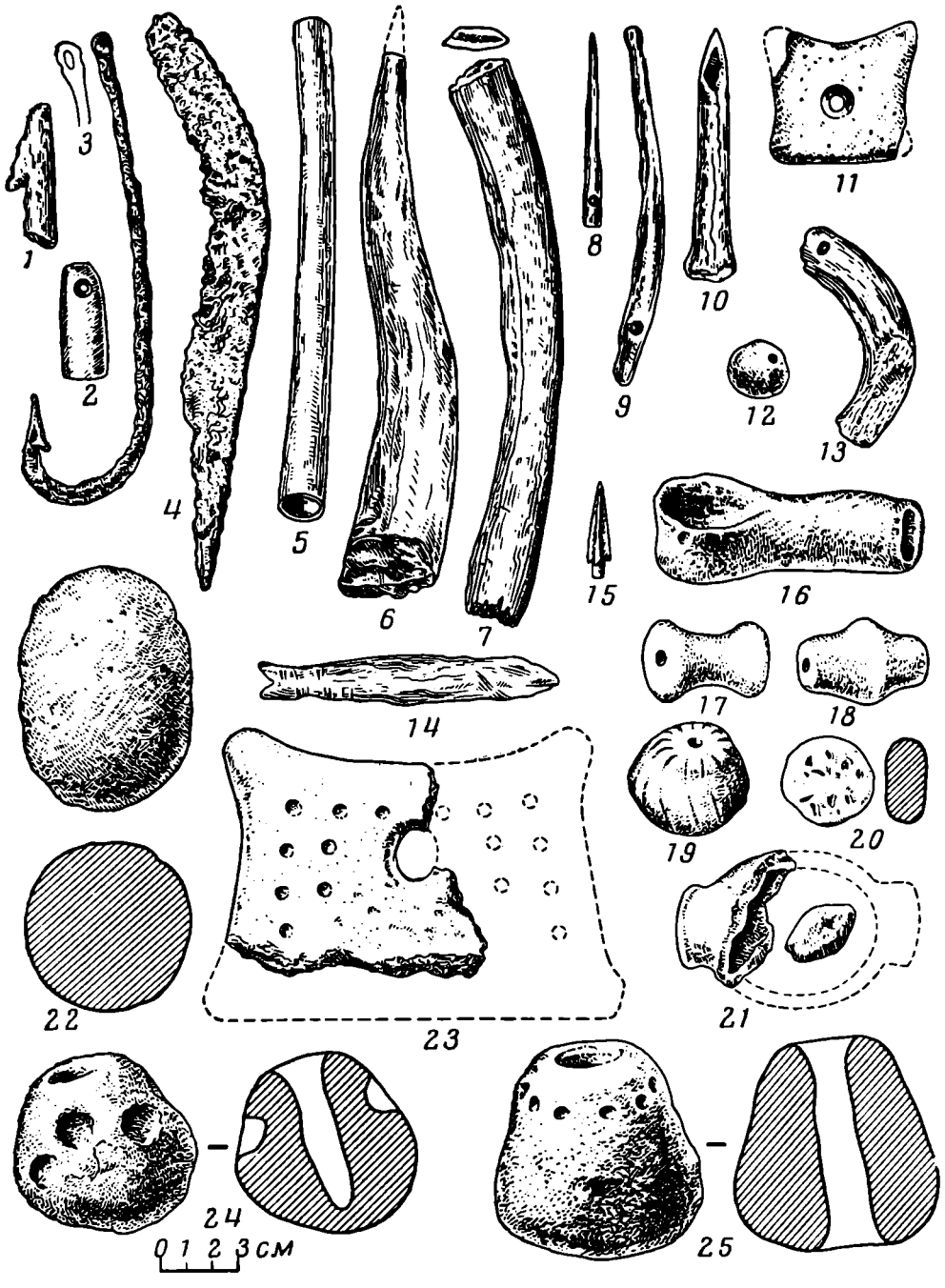


Рис. 1. Инвентарь юхновских городищ:

1 — костяной гарпун; *2* — диоритовая точилка; *3* — рыболовный железный крючок; *4* — железный нож; *5* — трубка костяная; *6* — роговая мотыга; *7*— костяной струг; *8, 9* — костяные иглы; *10* — костяное шило; *11, 23* — «рогатые кирпичи»; *12* — бусина глиняная; *13* — клык кабана (подвеска); *14* — костяная фигурка рыбы; *15* — скифская бронзовая стрела; *16* — льячка; *17—19* — глиняные грузики; *20* — глиняная лепешка; *21* — глиняная погремушка; *22, 24, 25* — крупные глиняные блоки *1, 8* — Юхновское городище; *2, 5—7, 13, 14, 16, 20* — Трубчевское городище; *3, 11* — Кветунское городище; *4* — Селецкая дюнная стоянка; *9—10* — Любожичское городище; *12* — Чубаровское городище; *15, 23* — Теменское городище; *17* — Свенское городище; *18* — Пушкаревское городище; *19* — Кудлаевское городище; *21* — Городецкое городище; *22* — Воробейня; *24* — Селецкое городище; *25* — стоянка Арельск пойменный

кости домашних животных, из которых на первом месте стоит крупный рогатый скот и свинья и в меньшем числе... мелкий рогатый скот и лошадь...» [5, стр. 74].

Так же как и у юхновцев, в хозяйстве белогрудовцев и чернолесцев охота играла вспомогательную роль. У племен Правобережья некоторое значение имело рыболовство, но особого развития оно достигло у племен юхновской культуры, о чем говорит обилие глиняных грузил (рис. 1, *25*), находки гарпунов (рис. 1, *1*), железных крючков (рис. 1,

3) и особенно насыщенность слоя рыбьими костями и чешуей. На Трубчевском городище найдена любопытная фигурка рыбы, вырезанная из кости (рис. 1, *14*).

Черты преемственности прослеживаются также в области домостроительства и сооружения городищ. Еще живя на р. Тясмине, чернолесцы

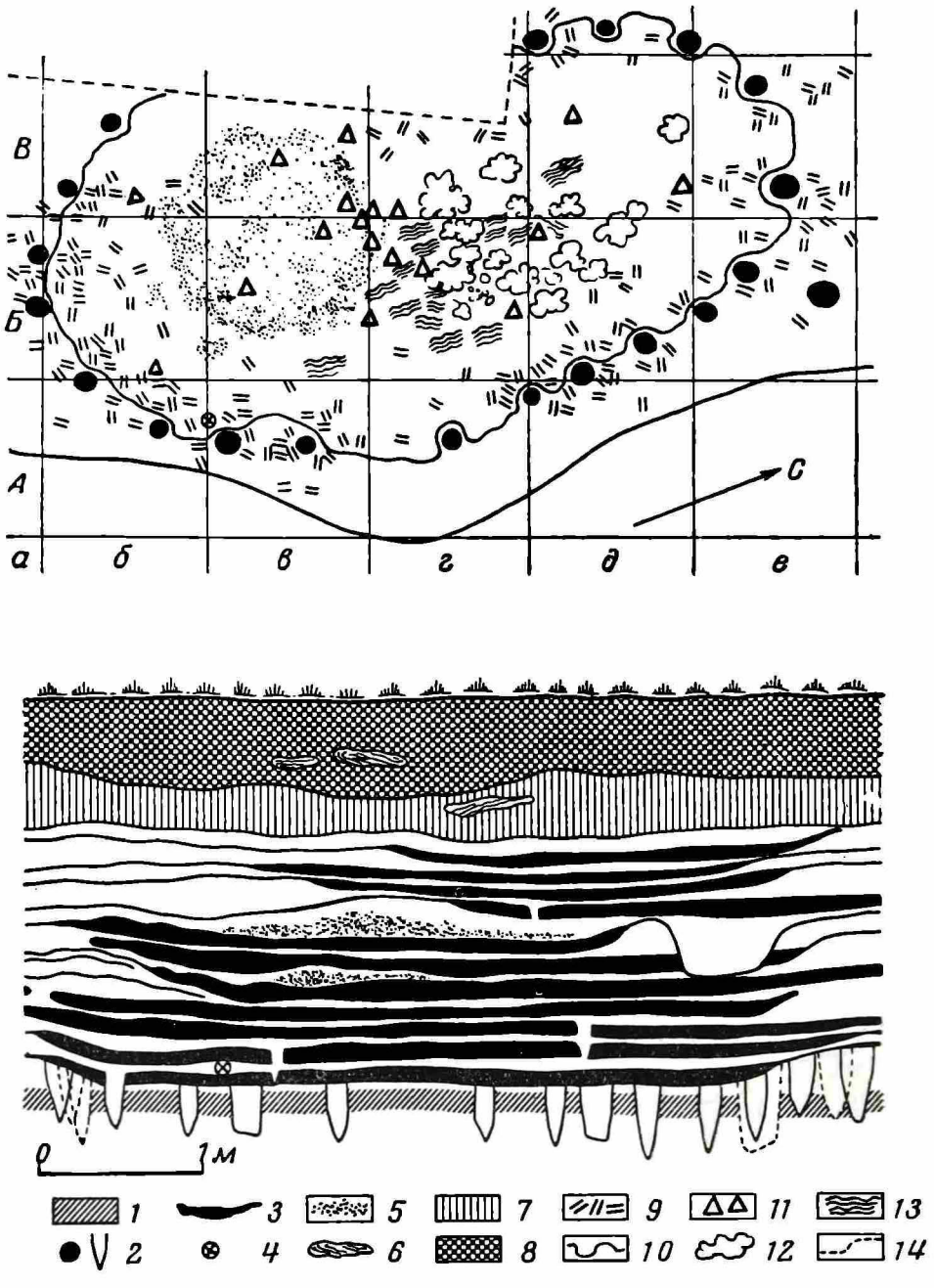


Рис. 2. Жилища раннеюхновского этапа на Трубчевском городище.

Вверху план; внизу разрез; *1* — обожженный лёсс; *2* — ямки от столбов; *3* — глиняные полы жилищ; *4* — диоритовая точилка; *5* — зола очагов; *6* — следы дерева из верхнего горизонта; *7* — слой с роменской керамикой; *8* — слой с гончарной керамикой; *9* — куски глиняной обмазки стен; *10* — граница глиняного пола; *11* — фрагменты керамики; *12* — остатки меловой окраски; *13* — остатки древесины в нижнем жилище; *14* — поздняя яма

строили небольшие городища, для охраны которых использовали метательные камни. Позднее, уже на Десне, их потомки основывают также маленькие городища; не имея под рукой природного камня, они этот пробел восполняют изготовлением метательных ядер из глины (рис. 1, *22, 24*). Жилища у племен комаровской культуры были небольшими, однокамерными, продолговатыми, с глинобитным полом [2; 18, стр. 89,

28, стр. 212]. У белогрудовцев стены жилищ были плетневыми, обмазанными глиной, пол также был глинобитным. Жилище чернолесцев было небольшим, продолговатым, с плетневыми же, обмазанными глиной стенами и глинобитным полом. В некоторых случаях огонь разводился прямо на полу. Как видим, конструкция жилищ у племен Правобережья совпадает с приемами постройки жилищ юхновцами древнейшей поры (рис. 2) [2, стр. 49].

Юхновская керамика в типах горшков преемственно сохраняет формы тюльпановидных сосудов Правобережья (рис. 3). Общими для них являются стройная форма, малое днище, слабо отогнутый венчик (рис. 4). Влияние бондарихинской культуры сказалось на обогащении юхновской керамики ямочными мотивами украшений в виде поясков, групп и треугольников вершинами вниз [30, стр. 31, рис. 8, 7; 16, стр. 28, рис. 1—2; 19, стр. 81, рис. 53, 15]. Однако добондарихинские реминисценции проявляются не только в общих формах юхновских горшков, но и в иногда еще встречающихся на них поясках с защипами (рис. 4, *1*; рис. 5—13).

Так же как и для правобережных культур. для юхновской посуды

Рис. 3

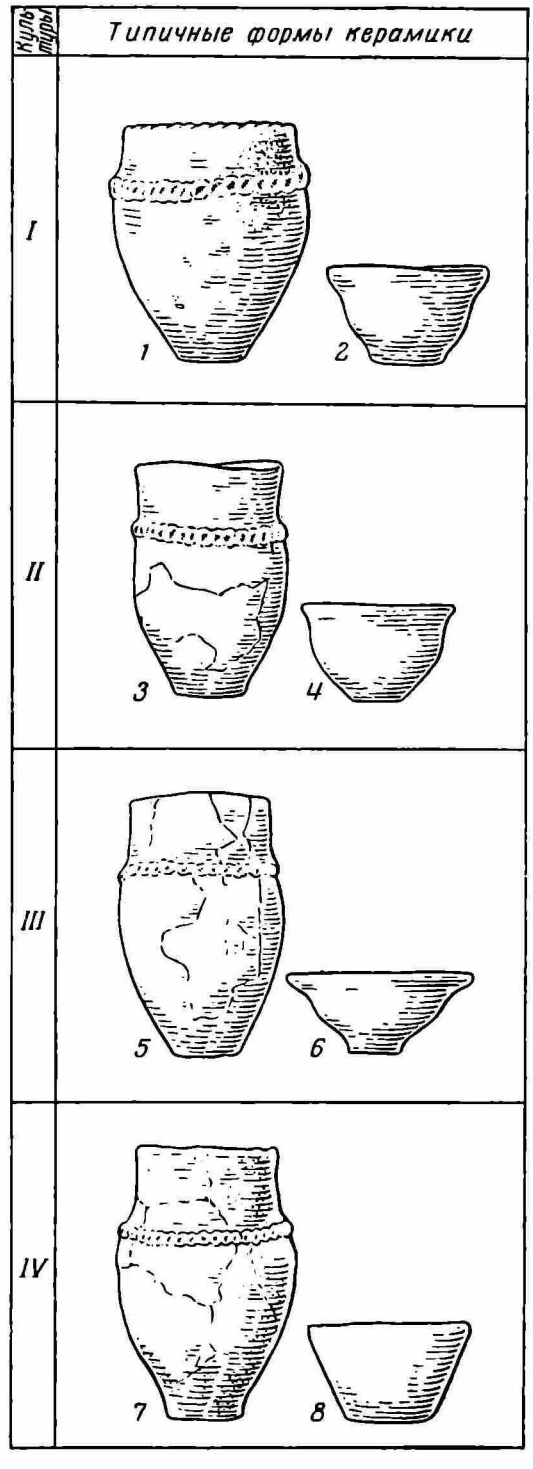


Рис. 4

Рис. 3. Сосуд со стоянки на Селецких дюнах

Рис. 4. Преемственность форм керамики: юхновской и предшествующих ей культур

I — юхновская (VI в. до н. э.— III—IV вв. н. э.); *II* — чернолесская (VIII —перв. пол. VII в. до н. э.); *III* — белогрудовская (XII — XI вв. до н. э.), *IV* — комаровская (XV— XII вв. до н. э.) *1* — Трубчевское городище; *2* — Селецкое городище; *3, 4* — Субботовское городище; *5* — поселение Сандраки; *6* — поселение Собковка; *7, 8* — Войцеховский могильник

характерны миски (рис. 4, *2*). Но черпаки с высокими ручками, являющиеся неотъемлемой частью комаровской и белогрудовской керамики и редко встречающиеся в чернолесской, в юхновской культуре неизвестны.

Такие предметы, как «рогатые кирпичи» (рис. 1, *23;* 6) и небольшие глиняные грузики (рис. 1, *17—19*), обильные в юхновских комплексах

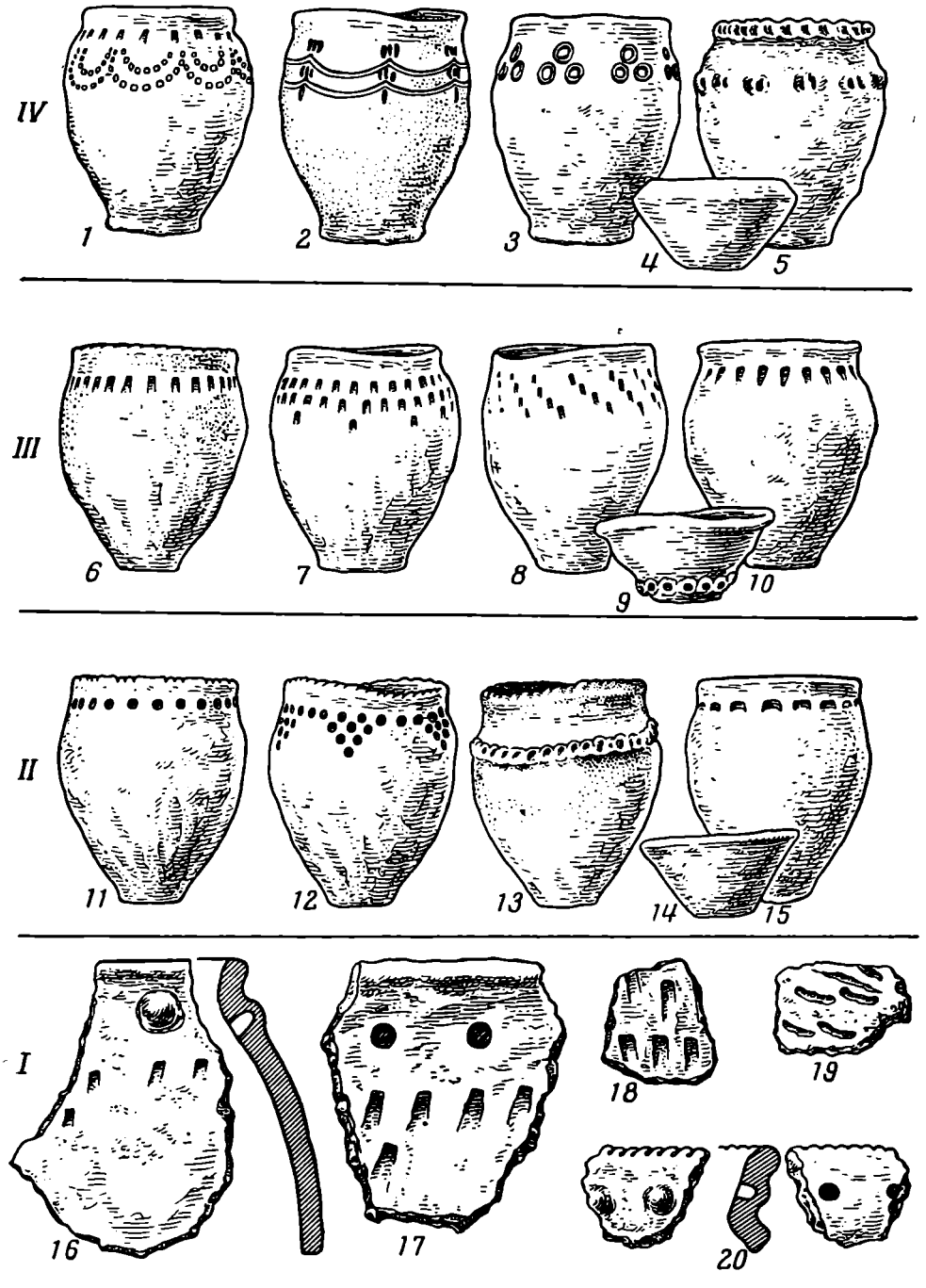


Рис. 5. Керамика юхновской культуры

I — предъюхновский этап; *II* — юхновская ранняя; *III* — юхновская средняя; *IV* — юхновская поздняя
1—15 — деснинские городища; *16* — из погребения близ Масловки; *17—20* — у г. Льгова (ур. Староверческое кладбище); *18* — ур. Селецкие дюны; *19* — ур. Жаденова гора

[1, стр. 98, рис. 35; 5, стр. 71, рис. 17б, 4], известны в дьяковских поселениях [31], но еще шире — среди скифских древностей [32—36]. Датирующие находки — античная керамика [8, стр. 199, рис. 2; 10, стр. 102, рис. 8, 9], скифские стрелы (рис. 1, *15*) [6, стр. 125], морские раковины [6, стр. 127], металлические украшения (рис. 7, *10, 15, 16*) [6, стр. 125, рис. 8, 9, 13] определенно связывают юхновскую культуру с южным Поднепровьем и Причерноморьем.

С культурами Правобережья юхновскую культуру сближают также имеющиеся и здесь и там детские игрушки, миниатюрные сосудики и глиняные лепешки неизвестного назначения (рис. 1, *20*) [37; 2, стр. 50, рис. 1—29; 10, стр. 102, 111, рис. 14, *7*].

В заключение приведенных выше сопоставлений, свидетельствующих, как мне кажется, о генетическом родстве юхновской культуры с более ранними культурами юга и Правобережья, рассмотрим также вопрос

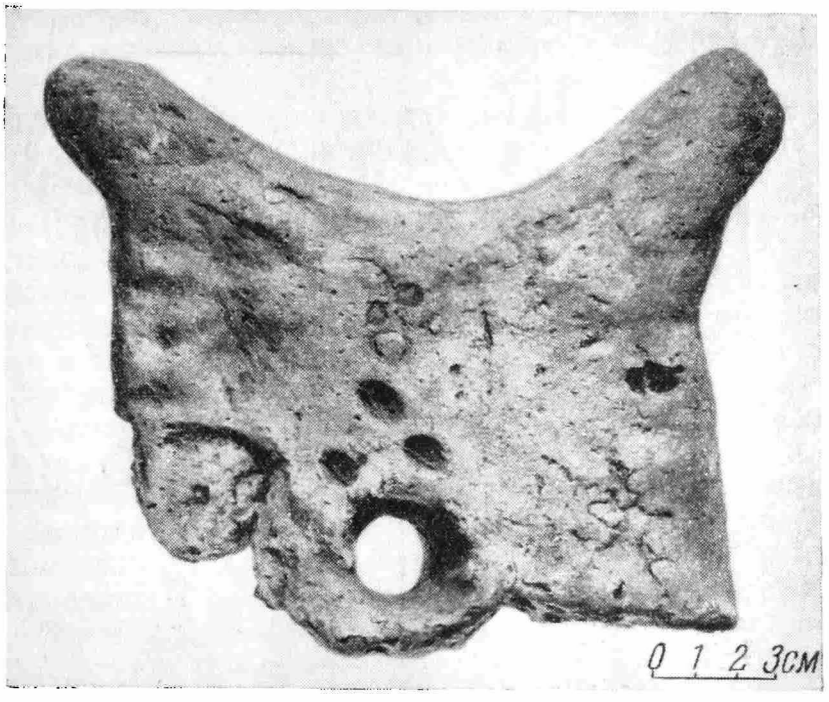


Рис. 6. «Рогатый кирпич» (Селецкое городище)

из области идеологии юхновских племен. Среди украшений последних имеются бронзовые подвески в форме треугольников и трапеций (рис. 7, *10*, *15*, *16*). Мотив своеобразной идеограммы — заштрихованного треугольника (рис. 7, *40*) [38], возникнув в искусстве Кносса, в раннем железном веке проникает в среднюю Европу. Он получает особенно широкое распространение в росписи погребальных урн гальштатских некрополей Силезии (рис. 7, *39*) [39], Венгрии (рис. 7, *30*, *31*, *35—38*) [40; 39, рис. 29, *1, 3, 4, 5*, рис. 30) и Чехословакии (рис. 7, *32—34*) [41]. Мотив треугольников и трапеций, имеющий определенный сакральный смысл, с этого времени получает распространение в форме подвесок-амулетов [39, стр. 66, рис. 27]. Расходясь все шире, эти подвески проникают из области южной и средней Европы в Подунавье, Поднестровье и на территорию Украины. В Поднепровье они найдены в инвентаре чернолесской и юхновской культур (рис. 7, *10*) [19, стр. 170, рис. 112] и среди древностей соседних с юхновскими — подгорцевских племен (рис. 7, *18—21*) [42, 43]. У скифов (рис. 7, *22—29*) [44] и позднее у славян (рис. 7, *1—8*) подобные подвески получили широкое распространение, но со временем первоначальный смысл их был забыт, и они превратились в простые женские украшения.

Символика этих подвесок интересует нас как одна из нитей, связывающих юхновскую культуру с культурами внешнего мира. Первоначальное значение этих фигурок выясняется на основании раскопок гальштатского могильника начала I тысячелетия до н. э. в Эдинбурге в Венгрии. Там были найдены урны, где к традиционно изображенным треугольникам, заполненным мелкими спиралями, были пририсованы руки и ноги. Это были изображения женщин. Фигурки заняты ткацким

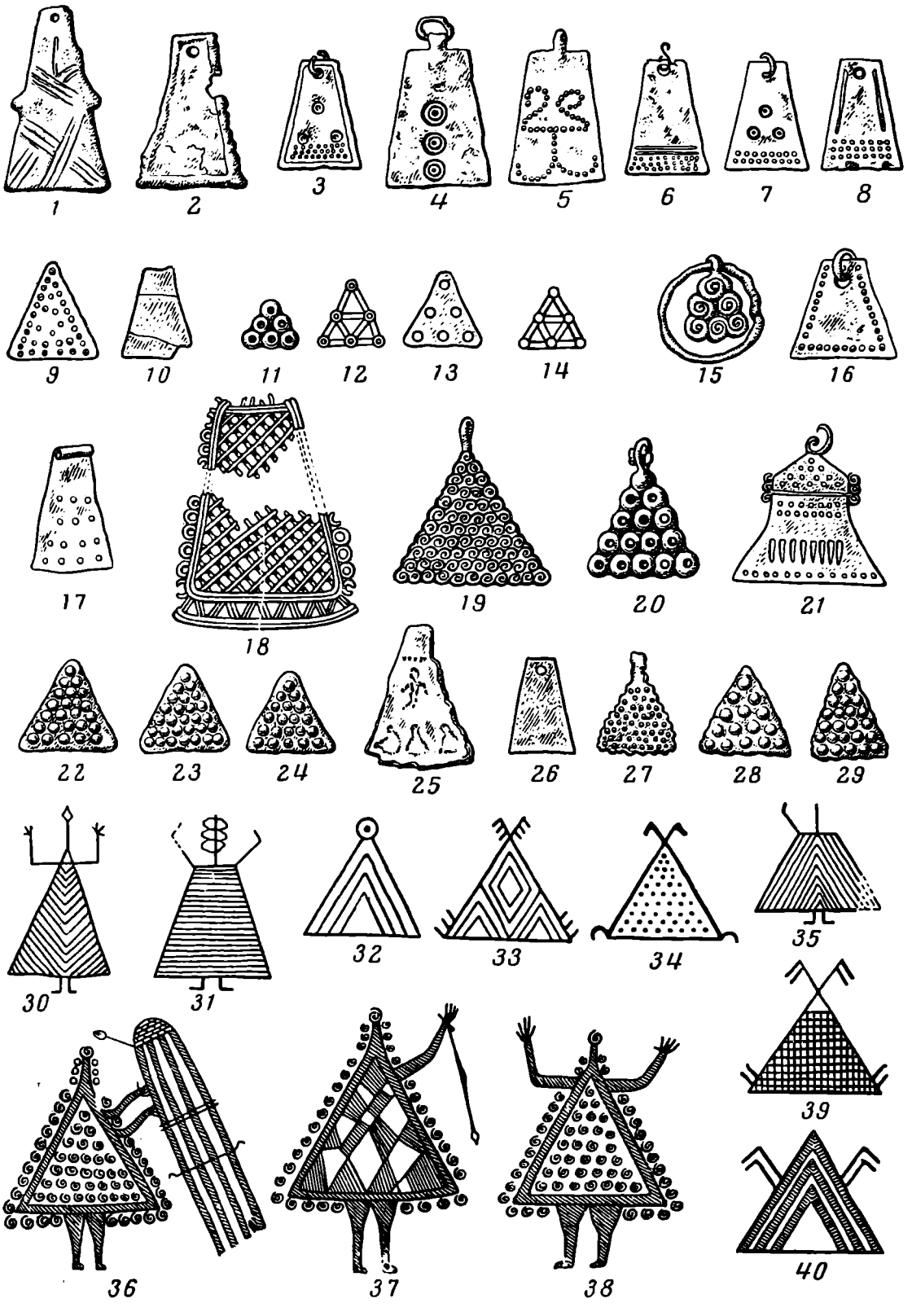


Рис. 7. Изображения на урнах и подвески в форме треугольников и трапеций.

1—8 — славянские подвески (*1* — городище Дуна; *2* — Опсовские курганы; *3* — д. Цурковка; *4, 5* — Мощинский клад; *6* — Ивахники; *7—8* — Смоленские курганы); *9—16* — подвески и литейные формы юхновской культуры (*9*— Моисеевское городище; *10* — Торфель; *11, 12, 14* — Кузина Гора; *13* — Кудеярова Гора; *15* — Теменское городище; *16* — Кветунское городище; *17* — подвеска чернолесской культуры (Среднее Поднепровье); *18—21* — подвески подгорцевской культуры (*18, 19, 21* — Подгорцы; *20* — Рудяки); *22—29* — скифские бляшки и подвески (*22* — Дариевка; *23* — Будки; *24* — Зеньковский у.; *25—27* — Поднепровье; *28—29* — Мелитопольский курган); *30* — *39* — рисунки на урнах гальштатской культуры (*30, 31, 35—38* — Эдинбург (Венгрия); *32—34* — Чехословакия; *39* — Гольшау (Силезия)); *40* — крито-микенская культура (рисунок на урне из Кносса)

делом [45]: одна держала в руке веретено с пряслицем на конце (рис. 7, *37*), вторая находилась у схематизированного ткацкого станка (рис. 7, *36*). Третья и четвертая — стояли с поднятыми руками в позе адорации (рис. 7, *38*). Пятая, сильно отличавшаяся от первых четырех, возможно, изображала служанку, а, может быть, мужчину. На другой урне из Эдинбурга антропоморфные черты были приданы трапециевидным фигуркам (рис. 7, *30, 31, 35*). Еще на одном черепке изображена сцена траурного кортежа, где фигура умершей в виде треугольника помещена на повозке, запряженной тремя лошадьми. Два человека, сопровождающие повозку, также нарисованы в виде треугольников [45, табл. 119].

Эдинбургские изображения дают ключ к расшифровке и других аналогичных изображений, как например — на урне из Гольшау в Силезии (рис. 7, *39*) [39, стр. 52, рис. 1, 16], позднегальштатских рисунков в Чехословакии (рис. 7, *32—34*) [41, стр. 241, рис. 61] и др. Эти находки открыли смысл и других идеограмм подобного типа, в том числе — скифских, юхновских, подгорцевских, древнеславянских подвесок и бляшек, первоначально олицетворявших очевидно образы умерших близких женщин, а затем, по закону развития символики,— образы праматери, девы, женщины — божества и т. п. (сравним также близкие к треугольнику изображения женских фигур на вотивных каменных рельефах из Ольвии) [46].

Проникновение в раннем железном веке в Поднепровье условных образов, сложившихся в гальштатском мире, не должно казаться неожиданным, если вспомнить, что «...в конце эпохи бронзы и начале эпохи железа наблюдается продвижение фракийско-гальштатского элемента на север и если не вытеснение, то значительная колоризация им культуры, сложившейся на среднем Днепре...» [47, 48], на что в свое время указывал еще и Н. Е. Макаренко [49].

2. Развитие юхновской культуры и ее датировка

Скопление костей домашних животных, костей и чешуи рыб, одинаково обильные во всех горизонтах культурного слоя городищ, а также наличие пастушеских и рыболовческих сезонных лагерей на речной пойме, в соседстве с городищами, свидетельствует о большом удельном весе скотоводства и рыболовства в хозяйстве племен юхновской культуры. В древнейший период жизни городищ земледелие еще не имело большого значения, что объясняется обилием в округе лесов и болот. Увеличение числа находок зернотерок и терочников в более поздних слоях городищ доказывает, однако, что значение земледелия к концу существования поселений возрастает.

В самых нижних слоях юхновских городищ неоднократно встречались изделия из камня и кремня — топоры, клинья, точилки, бусы, ножи, скребки, отщепы и пр. [2, стр. 49]. Металлические вещи в большем числе приурочивались к верхним горизонтам. Некоторые городища выделялись своею производственной специализацией, как, например, городище Торфель — металлургией меди и железа [7, стр. 149]. Следует отметить, что уже в раннее юхновское время железный производственный инструментарий в своем составе насчитывал ножи, серпы, тесла, долота, зубила, шилья, иголки и др. [10, стр. 99, 100, 124]. Юхновские же поселения дают древнейшие в лесной полосе железные рабочие топоры [10, стр. 124, рис. 20, *15;* 7, стр. 154, рис. 54, *31*].

Как уже было отмечено, поселения юхновцев известны преимущественно в форме укрепленных городищ, что, возможно, обусловлено межплеменными отношениями, явившимися причиной переселения юхновцев на Десну из других областей. Древнейшие из городищ расположены на небольших (в среднем 75—100 *м*) мысах у слияния речной долины и

впадающей в нее балки. Часто под городище использовался также останец или отрог коренной террасы, связанный с последней естественной перемычкой, которую перегораживали валом и рвом (рис. 8, *1*) [21, стр. 32, рис. 9]. Земляные укрепления древнейшей группы юхновских городищ на Десне невелики, и лишь на поздних стадиях на них возводились мощные насыпи. Неоднократно прослежено, что площадка под

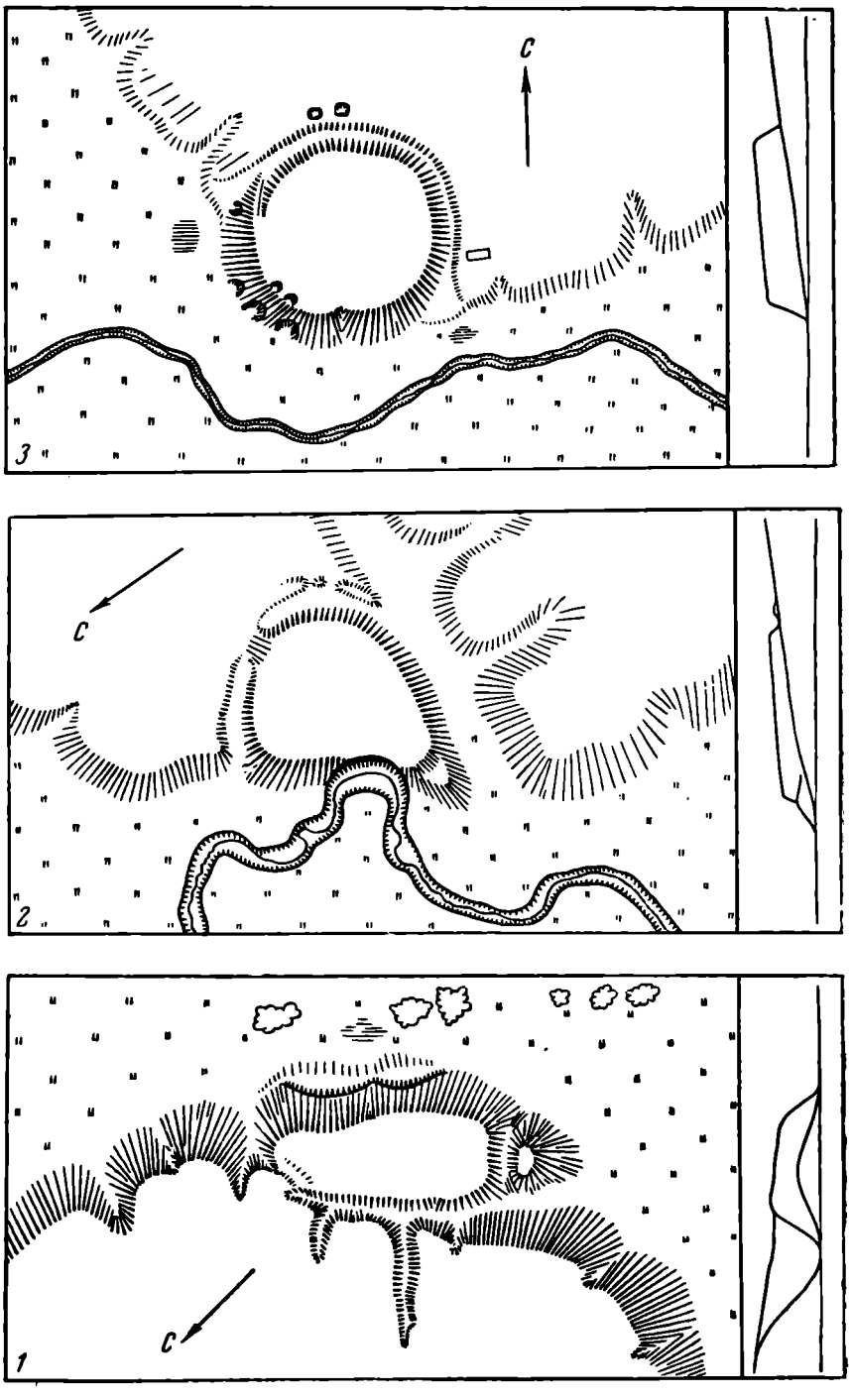


Рис. 8. Типы юхновских городищ.
1—раннее (Чубаров); *2*— среднее (Долботовское Западное городище); *3* — позднее (Воробейня)

поселение предварительно подготавливалась. Снимался дерновый слой, затем земля утрамбовывалась, а края площадки, кромка и верх склонов городища выкладывались толстым (до 0,50 *м*) слоем плотной глины, после чего вся площадка подвергалась сильному обжигу (городища Трубчевское, Любожичское, Теменское и др.). В культурном слое юхновских городищ содержится много золы, отчего поверхность их имеет характерный синеватый оттенок. Древнейшие слои обычно интенсивно насыщены

фрагментами керамики, костями животных, обломками глиняной обмазки. Мощность слоя от 1 до 4 *м*.

Как показали раскопки, древнейшие юхновские жилища представляли собою наземные сооружения овально-удлиненной формы, площадью обычно 5 × 3 *м*, с плетневыми стенами, обмазанными глиной. Полами служили плотно утоптанные глиняные площадки. На Трубчевском городище таких площадок, частично перекрывающих друг друга, вскрыто 11. Пятое и седьмое (считая снизу) жилища имели глиняные очаги; на остальных площадках очаги представляли собою просто кучи золы. Крыши возводились из соломы, сена, камыша; обгоревшие, полуистлевшие остатки их залегают толстым слоем между глиняными площадками (рис. 2).

Вопросы датировки юхновских городищ тесно связаны с общим анализом типов керамики и других материальных остатков. М. В. Воеводский на основании находки на юхновских городищах скифских вещей и позднелатенского браслета суммарно датировал их IV в. до н. э.— первыми веками н. э. [5, стр. 67]. В результате произведенных А. Е. Аликовой больших и тщательных исследований поселений этой культуры на Десне и Сейме, периодизация и относительная хронология юхновской культуры получили твердую основу. На Кузиной Горе к древнейшим предметам, датированным на основании аналогий, относится железное тесло с плечиками VIII в. до н. э. [10, стр. 98, 100, рис. 6, *6*], на Моисеевском городище — плоская бронзовая пуговица VII—VI вв. до н. э. [10, стр. 127]. Кроме того, при раскопках на Кузиной Горе найдено также много различных предметов, датирующихся VI—V вв. до н. э. Это — наконечники стрел, височные подвески, булавки, браслеты, литейные формы, амулеты и проч. [10, стр. 98—112]. Однако к наиболее точно датирующим находкам следует отнести прежде всего фрагменты ионийских амфор VI в. до н. э. и чернофигурного килика конца VI — начала V в. до н. э. [10, стр. 92].

Керамика городищ Плаксинское, Кузина Гора и др. в этих раскопках стратиграфически и на основании датирующих находок делилась на два комплекса. В нижних горизонтах культурного слоя городищ, относящихся к VI—V вв. до н. э., залегали обломки грубых лепных плоскодонных горшков с примесью крупного шамота в керамическом тесте, с шероховатой поверхностью. Эти сосуды орнаментированы насечкой или защипами по обрезу венчика. Найдены черепки со сквозными проколами под венчиком. Для этой керамики характерен орнамент «горошинами», или круглоямочный. Это — керамика древнейшего типа. Она встречена во всех районах Посеймья (рис. 5, *20*) и в древнейших комплексах на Десне (рис. 5, *16*) [1, стр. 98, рис. 35 г, к].

Скифский элемент среди древнейшей керамики на Сейме («горошины» и сквозные проколы), в общем, чувствуется сильнее, чем на Десне. Для сейминской древнейшей керамики характерны примеси шамота, для деснинской — гранитных зерен. Интересна керамика, совмещающая на одном и том же сосуде сразу два элемента орнамента — скифский («горошины») и юхновский (оттиски концом наклонной щепочки). Такая керамика встречена нами на Сейме в урочище «Староверческое кладбище» и в коллекции льговского краеведа О. Н. Андреева (рис. 5, *17*) [50]. В древнейшем комплексе Западного Юхновского городища найдена керамика с «горошинами» и круглыми ямками [21, стр. 37]. Городище датируется IV—III вв. до н. э. [21, стр. 41]. В нижнем горизонте городища Торфель найдены обломки грубой лепной посуды с примесью шамота и следами оструживания сосуда в его нижней части. Горшки с узким дном, слегка вздутым телом, почти без шейки, прямым или слабо отогнутым венчиком. Орнаментальные украшения ограничиваются одним пояском редких ямок ниже венчика и ямками или только насечкой на венчике [7, стр. 150].

В раскопках автора древнейший комплекс материальных остатков характеризовался перечисленными типами керамики (рис. 5, *11—15*). Можно добавить, что обломки сосуда с «горошинами» были встречены и в единственном пока известном погребении юхновского времени близ пос. Малиновка (рис. 5, *16*) [51]. К редкой разновидности древнейшей керамики относятся фрагменты сосудов с орнаментом в виде оттисков наклонно или горизонтально расположенных прямых штампов особого вида. Такая керамика встречена на некоторых стоянках поздней бронзы на Десне (рис. 5, *19*) и в нижнем слое Трубчевского городища.

Средние слои юхновских городищ составляют наиболее мощную свиту культурных остатков. Они характеризуются тем же обилием золы, костей, керамики, обломков грузил и т. д., как и древнейшие. Датирующих находок здесь гораздо больше, чем в древнейших и позднейших горизонтах. К ним относятся скифские стрелы V—III вв. до н. э. (рис. 1, *15*), бронзовые женские украшения того же времени (рис. 7, *10, 15, 16*), некоторые орудия, оружие и др. На основании этих находок средний период может быть датирован V—III вв. до н. э.

Форма городищ среднего периода мало отличается от предыдущего, но земляные работы по приданию городищу большой неприступности в это время играли уже более значительную роль. Валы еще невелики и не охватывают всей площадки вокруг, но уже оформляется специальный въезд на городище, что позволяет предполагать наличие ворот. Склонам городищ придается более крутой наклон. Края площадки поднимаются и заостряются (рис. 8, *2*). На продолговатых городищах процесс постепенной подсыпки площадки на противоположных концах приводил к появлению седлообразных форм (Кветунское и др.). На поздней стадии развития юхновских городищ некоторые из них принимали форму усеченного конуса (Воробейнинское, Ратчинское и др.) (рис. 8, *3*). Судя по раскопкам на Трубчевском городище, форма и конструкция жилища среднего юхновского периода, видимо, не изменились с древнейшего времени (рис. 2).

Керамика среднего этапа юхновской культуры неоднократно описана в литературе; иногда ее называют собственно «юхновской» керамикой [9, стр. 19, рис. 6, *1—4, 6—9*]. Эта керамика представлена главным образом обломками высоких горшков с открытым венчиком, со слабо выраженной шейкой, с прямыми или слегка выпуклыми боками и маленьким днищем (рис. 5, *6—10*). Черепки обычно плотные, довольно тонкие, очень крепкие, хорошо обожженные из жирной глины без примесей или с небольшой примесью (на Десне — зерен гранита, на Сейме — шамота). Низ горшка имеет следы вертикального обстругивания ножом. Украшены они отпечатками конца наклонно поставленной щепочки, в один или несколько рядов (рис. 5, *6—8*). Часто ямки не составляют рядов, а собраны в группы (рис. 5, *8, 3*). Другой разновидностью посуды являются миски (рис. 4, *2*). Иногда они имеют отверстия, как дуршлаги (рис. 5, *9*). Встречены и миниатюрные горшочки.

Прочий инвентарь среднего горизонта, кроме осколков костей, костяной и роговой стружки, обрубков и пр., состоит из костяных заготовок и орудий — мотыг (рис. 1, *6*), кочедыков, шильев (рис. 1, *10*), игл острых для шитья (рис. 1, *8*) и тупых для вязания сетей (рис. 1, *9*), ножей, стругов (рис. 1, *7*), полых трубок из птичьих костей (рис. 1, *5*) и т. д. Здесь же находят обломки «рогатых кирпичей» (рис. 1, *11, 23*; рис. 6) и крупных глиняных блоков яйцевидной формы без отверстий (рис. 1, *22*), округло-биконической или шаровидной формы с глубоким осевым несквозным углублением и орнаментом из отпечатков кончиков пальцев (рис. 1, *24*) [3]. Сюда же относятся глиняные грузики биконической (рис.

[3] П. Н. Третьяков яйцевидные и близкие к ним по форме грузила относит без оснований к предметам культа, ссылаясь при этом на М. В. Воеводского (П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА,

1, *18, 19*) или катушкообразной формы (рис. 1, *17*), льячки (рис. 1, *16*), полые погремушки (рис. 1, *21*) и т. д. Эти же вещи, но миниатюрных форм вероятно следует отнести к числу детских игрушек.

Верхняя граница юхновской культуры определялась Е. И. Горюновой по наконечникам стрел римского типа I в. н. э. [7, стр. 156]. М. В. Воеводский относил поздний этап юхновской культуры к первым векам нашей эры по находке позднелатенского браслета [5, стр. 67]. По словам П. Н. Третьякова, «Верхняя хронологическая граница юхновской культуры была определена М. В. Воеводским как II в. н. э.» [52]. Самая поздняя дата устанавливается находкой браслета аланского типа IV в. н. э.[4], найденного в комплексе с позднеюхновской керамикой и типичными позднеюхновскими глиняными грузилами[5]. Черты позднего этапа юхновской культуры определяются увеличением числа находок костяных и роговых мотыг, каменных зернотерок, обуглившихся зерен проса, ржи и ячменя. Городища в это время приближаются по форме к усеченно-коническим земляным насыпям (рис. 8, *3*). Прежние овально-удлиненные жилища с плетневыми стенами сменяются домами столбовой конструкции. Глинобитные полы становятся тонкими, превращаются в простую подмазку и исчезают, заменяясь земляными. Так, на Радутинском городище[6] был вскрыт почти полностью сохранившийся глинобитный пол жилища, ограниченный остатками сгоревших бревенчатых стен. В углу находился развал глиняного очага. Сохранилось три венца стен трех сторон дома. Тонкие бревна стен положены были без «прирубки в черту» и без зарубки чашек на углах, просто «в накат». Стены с двух сторон были укреплены вбитыми в землю кольями и на высоту трех венцов обмазаны толстым слоем глины, типа завалинки. В заполнении этого жилища, погибшего при пожаре, найдены зернотерка, остатки древесных волокон (доски крыши?), керамика позднеюхновского типа, обломки грузил, просверленный клык кабана, кости животных, зола, уголь и т. д.

Позднеюхновская керамика отличается в ряде случаев более широкими днищами (рис. 5, *3*), хотя общий тип горшка остается старым.

Сильно увеличивается количество примесей шамота, что является одним из характернейших признаков позднеюхновской керамики на Десне. Появляется нарезной орнамент в виде двойных фестонообразных линий (рис. 5, *2*) и, реже,— крупнозубчатый штамп (рис. 5, *1*). Увеличиваются защипы по венчику (рис. 5, *5*). Миски приобретают ребристую форму (рис. 5, *4*), на них появляется лощение. Начинают употребляться сковородки. Особенно част орнамент, наносимый концом полой трубочки (рис. 5, *3*).

Мы говорим о чертах различия в позднем юхновском инвентаре, по сравнению с более ранним, однако по отношению к среднему периоду поздний период юхновской культуры оказывается очень близким и органически связанным. Сходство подтверждается нерасчлененностью поздних горизонтов слоя. Поздний этап, следовательно, неотделим от всего юхновского комплекса в целом. Чтобы отчетливее представить общую картину развития юхновской культуры, мы предлагаем таблицу развития форм юхновской керамики.

Кратко суммируем признаки, придающие юхновской культуре ее специфику. Прежде всего сюда следует отнести типичную «юхновскую» керамику среднего периода, когда она избавляется от элементов скифоидности, но сосуды не теряют еще своей стройной тюльпановидно-ба-

---

1960, 1, стр. 40). Однакс последний грузила к предметам культа никогда не относил и допускал такую возможность только в отношении «рогатых кирпичей» (М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны, стр. 73).

[4] Датировка К. М. Поликарповича.

[5] Раскопки автора на устье р. Вабли 1934, 1947 гг.

[6] Раскопки автора 1934 г.

Периоды	Характерные признаки керамики	Области распространения
Ранний	Тюльпановидно-баночные формы сосудов. Малые днища. Слабо выраженные шейка и плечики. Глина плотная, с небольшой примесью зерен шамота и дресвы. В орнаменте заметно влияние бондарихинской культуры (треугольники, круглые ямки и насечки). Сильны скифские влияния (проколы, «горошины», защипы, наличие шамота в глине).	Преимущественно на Сейме
Средний	Тюльпановидно-баночные формы горшков. Малые днища. Слабо выраженные шейка и плечики. Глина плотная с небольшой примесью зерен гранита. Орнамент в виде рядов или групп оттисков концом наклоненной к низу щепочки.	Преимущественно на Средней Десне и Сейме
Поздний	Керамика более грубая, в тесте появляется шамот. Горшки теряют стройность, днища увеличиваются; выделяются шейка и плечики. Появляется лощение на мисках и подвесных биконических сосудах. Появляются скаоворотки. В орнаменте — нарезные фестоновидные линии, оттиски полой трубки, крупнозубчатого штампа и редко — палочки, обмотанной ниткой в соединении с круглым ямкам и. Появляется защип.	Преимущественно на Средней Десне

ночной формы. К типично юхновским предметам относятся крупные глиняные блоки, со всеми вариантами их формы, кстати не встречающиеся нигде, кроме юхновских городищ; небольшие глиняные грузики биконической и особенно катушковидной формы; «рогатые кирпичи» деснинского типа; ажурные бронзовые навершия булавок; простые булавки с петлевидным концом и т. д. Сюда же можно отнести прием укрепления площадки и склонов городища слоем обожженной глины; глинобитные полы, плетеные обмазанные глиной стены и наземный тип жилища и др.

Одни из перечисленных признаков встречаются только на юхновских городищах, в отношении других известны аналогии в материалах иных культур. Ни один из перечисленных признаков, взятый изолированно, не может определять изучаемую культуру. Только сумма всех признаков может характеризовать эту культуру в целом и то только для определенного исторического отрезка времени.

3. Исчезновение юхновской культуры

Вопрос исчезновения юхновской культуры тесно связан с проблемой появления ранних славян в Подесенье, на Оке и в Верхнем Поволжье, а следовательно, с решением вопроса о роли племен юхновской культуры в образовании тех народов, на основе которых позднее возникла какая-то часть населения древней Руси. Выше приведены были доказательства генетической связи юхновских племен с племенами днепровского Правобережья, в первую очередь — с чернолесской культурой, с бондарихинской и, в меньшей мере, со скифской. Эти культуры предшествовали юхновской культуре по времени[7]. В роли современников последней и ее ближайших западных соседей выступали милоградско-подгорцевские племена (VII—III вв. до н. э.) [43, стр. 197—208; 53; 54; 55]. Восточными соседями юхновцев были племена Верхней Оки, поселения которых весьма близки юхновской культуре. Так же как и у юхновцев, у них достаточно развитым было земледелие [56], хотя ведущее значе-

[7] Даты культур: комаровская — XV—XII вв. до н. э.; белогрудовская — XII—IX вв. до н. э.; чернолесская — VIII — первая половина VII вв. до н. э.; бондарихинская XII—VIII вв. до н. э.

ние имело скотоводство. Состав стада был близким к юхновскому. Дополнением к основному производству являлись древние промыслы — рыболовство и охота. В конце I тысячелетия до н. э.— начале I тысячелетия н. э. городища на Верхней Оке были небольшими, такими же как и у юхновцев. В них (городище Надежда) была повторена даже такая деталь юхновских городищ, как укрепление склонов слоем плотной обожженной глины. Жилища древнейших окских городищ (Николо-Ленивец) представляли собою столбовую конструкцию с бревенчатыми стенами, построенными с закладкой концов бревен в пазы столбов. Иногда стены строились из плетня, обмазанного глиной. Полы были земляными. Т. Н. Никольская датирует эти жилища последними веками I тысячелетия до н. э. [56, стр. 34, 35]. Такая дата, по-видимому, правильна. Описанная конструкция жилища соответствует конструкции позднеюхновских жилищ на Десне примерно этого же времени. В строительных приемах верхнеокских жилищ обращают на себя внимание пережиточно-юхновские традиции [56, стр. 8, 9].

Керамика городищ Верхней Оки во многих случаях повторяет деснинские юхновские образцы [56, стр. 17, рис. 3, *1*, стр. 23, рис. 8, *1*]. Среди инвентаря окских городищ встречено много предметов, аналогичных деснинским юхновским. Это — льячки, глиняные погремушки, крупные глиняные грузила, глиняные грузики биконической и катушкообразной формы, петельчатые и листовидные ажурные булавки, горшки баночных форм. О близости верхнеокских городищ к юхновской культуре свидетельствует и сходство гальштатско-латенского импорта [5, стр. 67; 57]. Культурная близость древнейших верхнеокских городищ, относящихся к концу I тысячелетия до н. э.— первым векам н. э. (Свинухово, Надежда, Николо-Ленивец, Дуна, Гремячево, Мужитино и др.), позднеюхновским городищам Десны [56, стр. 18, 25] прослеживается только на Верхней Оке до г. Калуги и на р. Угре. Ниже начинается область дьяковских городищ с сетчатой керамикой. Т. Н. Никольская вполне обоснованно, по нашему мнению, сближает верхнеокские городища с деснинскими, а не с дьяковскими [56, стр. 35].

На основании приведенных данных видно, что с начала железного века общее движение племен в Среднем Приднепровье и бассейне Десны шло в направлении с юга на север. Доказательством этому служит, в частности, полное отсутствие на Десне и Верхней Оке дьяковской сетчатой керамики. Весьма возможно, что еще во II тысячелетии до н. э. потомки финно-угорских племен неолитической культуры «ямочно-гребенчатой» керамики Волго-Окского бассейна, оставившие на нижнем Сейме т. н. «марьяновские» памятники, явились создателями позднебронзовой бондарихинской культуры [16, стр. 44]. Мы не можем, однако, согласиться с В. А. Ильинской, усматривающей «...культурную, а весьма вероятно и этническую близость племен — носителей юхновской культуры с финно-угорскими племенами Волго-Окского бассейна, создавшими в период раннего железа городища дьяковского типа» [15, стр. 23].

Племена ранних юхновцев, еще до их прихода на Десну, являлись выходцами с днепровского Правобережья. Сперва они продвинулись в днепровское Левобережье, где вошли в тесное соприкосновение с бондарихинцами и лишь затем проникли далее к северу, на Десну и Сейм. В этом движении какая-то часть юхновских племен достигла верховьев Оки, где и основала верхнеокские древнейшие городища, отличные от финно-угорских дьяковских городищ Средней Оки и Верхней Волги. Если бы ранние юхновцы шли с Оки на Десну, а не наоборот, они неминуемо занесли бы на Десну столь многочисленную на Средней и Нижней Оке сетчатую керамику, а на Десне ее нет.

Некоторые авторы склонны считать юхновскую культуру в какой-то мере зависящей от дьяковской культуры. Однако это ложное представление могло возникнуть потому, что памятники дьяковской культуры

были исследованы ранее и полнее, а юхновские — позднее и хуже. В действительности же, в общем потоке расселения чернолесско-милоградско-юхновские племена, двигаясь с юга на север и осваивая новые для них территории, ассимилировали или оттесняли более слабые племена финно-угров-дьяковцев. Датировки городищ свидетельствуют о том, что на Десну юхновцы в своей массе пришли ранее, чем на Оку [56, стр. 8]. Несколько веков спустя юхновское население здесь в такой же последовательности было сменено зарубинецким [52, стр. 43, 44; 58].

Кем же были племена юхновской культуры в этническом отношении и какова их роль в сложении русского народа? В печати имеются утверждения об отсутствии прямой генетической связи между юхновской культурой и культурой ранних славян. Мы не разделяем эту точку зрения, хотя и не считаем возможным при современном уровне знаний доказать наличие прямой генетической связи между поздней юхновской культурой и ранним славянством, несмотря на то, что автору в результате многих лет работы на юхновских поселениях известны многие примеры переживания поздних юхновских культурных традиций в комплексах явно раннеславянских.

На предложенный выше вопрос можно дать кратко такой ответ. В области Верхнего Поволжья и Поднепровья с запада очень рано проникали западнославянские и восточнобалтийские племена, которые явились основой в сложении на этой территории древнего славянства (словен, кривичей). Этническая атрибуция чернолесской культуры в качестве славянской пока еще является спорной. Однако племена чернолесской культуры во всяком случае «...не были скифами-иранцами и фракийцами и не зависели от носителей лужицкой культуры...» (не были они и финно-уграми.— *В. Л.*) [19, стр. 228]. Эти племена двигались к северо-востоку и к началу V в. до н. э. их застает здесь Геродот под названием меланхленов [18, стр. 207]. Чернолесцы-юхновцы вышли из области, где с древнейших времен были распространены гидронимы и этнонимы с корнем слова «рос» или «рус» [59]. Нет ничего невероятного в предположении, что именно они — юхновские племена — явились одним из тех проводников, который нес южную «русскую», этническую струю, давшую в сплаве с западной славянской и местной волго-окской угро-финской тот субстрат, на основе которого позднее возникла славяно-русская народность [8].

Литература

1. В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, X, 1941, стр. 95—99.
2. В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА, 7, 1957, стр. 53.
3. М. В. Воеводский. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, XIII, 1946.
4. М. В. Воеводский. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК, XXI. 1947.
5. М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949.
6. Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Тр. ГИМ, VIII, 1938.
7. Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, XXXI, 1950.
8. А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора. СА, 1958, 3.
9. А. Е. Алихова. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья. КСИИМК, 77, 1959.
10. А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962.
11. И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, 1950, стр. 41—56.
12. В. П. Левенок. Отчет об археологических работах на р. Десне и р. Судости в пределах Брянской области. 1946. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р. 1, № 45 а.
13. А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. СА, 1960, 2, стр. 241—246.
14. В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном Левобережье. КСИА, вып. 4. Киев, 1955, стр. 108.

[8] В этой связи черзвычайно важно отметить факт совпадения территории бытования и расселения чернолесско-юхновских племен с границами «русской земли в узком (первоначальном) смысле слова» [60].

15. В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, 70, 1957, стр. 22, 23.
16. В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 27, 44.
17. А. Ф. Евминова. Поселения поздней бронзы верхнего течения р. Ворсклы. КСИА, 11, 1961, стр. 84—86.
18. А. В. Добровольський, В. І. Канівець. Бронзовий вік. Очерки: «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стр. 96 и карта 7 к стр. 192 (см. ареал распространения чернолесской культуры).
19. А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 215 и рис. 114.
20. Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 80.
21. А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова. КСИИМК, 65, 1956, стр. 40, 41.
22. С. С. Березанська, Г. Т. Тітенко. Нові розкопки памъяток білогрудівського типу. Археологія, IX, Київ, 1954, стр. 128.
23. А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 94.
24. А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955, стр. 22 сл.
25. А. И. Тереножкин. Об этнической принадлежности племен скифского времени в правобережной лесостепи. КСИА, 4, 1955, стр. 77.
26. А. И. Тереножкин. Лужицкая культура и культуры Среднего Поднепровья. КСИИМК, 67, 1957, стр. 7.
27. І. Г. Підоплічко. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. 2, Київ, 1956.
28. В. Д. Рыбалова. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины. Доклады VI научной конф. ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 212.
29. С. С. Березанская, Г. Т. Титенко. Поселения предскифского времени в с. Собковка. КСИА, I, 1952, стр. 78—84.
30. С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма. КСИИМК, 67, 1957, стр. 31, рис. 8—7.
31. В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, М.— Л., 1934, стр. 11, рис. IV, *13*; стр. 13, рис. V, *4, 5, 8, 9*.
32. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. I, СПб., 1887, табл. V, *1—5, 9, 14—26*; т. II, СПб., 1894, табл. II, *11, 13, 16, 22, 23*; т. III, СПб., 1901, табл. IV, *1, 34*.
33. И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 125, рис. 53, *1, 5;* стр. 126, рис. 54, *1, 4*.
34. И. И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, XIX, 1948, стр. 29, рис. 6 (справа); стр. 30, рис 6а (справа); стр. 35, рис. 7а.
35. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 102, табл. X, *1, 5, 8*.
36. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 431, табл. IX, *1, 4*; табл. LX, *4—7, 8, 9*; стр. 481, табл. LXI, *1—4*.
37. О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані. Археологія, V, Київ, 1951, табл. II, *11, 12*.
38. Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 334, рис. 46, *16*.
39. M. Hoernes. Kultur der Urzeit. III, Eisenzeit. Berlin — Leipzig, 1923, стр. 52, рис. 16, *11*.
40. M. Forrer. Reallexicon der prähistorischen, klassischen und frühzeitlichen Altertümer. Berlin, 1907, табл. 69.
41. Jan Filip. Praveke Ceskoslovensko. Praha, 1948, стр. 241, рис. 61.
42. А. П. Савчук. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине. КСИА, I, 1952, стр. 57, рис. 1, *4*.
43. В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части полесья УССР. Доклады VI научн. конф. ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 201, рис. 1б, 1в; 2а; 4.
44. В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. Тр. XIV АС, III, М., 1911, табл. III, *6*.
45. Max Ebert. RL. 3, Berlin, 1925, стр. 318, табл. 120.
46. А. П. Манцевич. Рельеф из городища Скельки близ Ольвии. КСИА, II, 1961, стр. 14, рис. 4; стр. 17, рис. 7.
47. М. И. Артамонов. Этнический состав населения скифов. Доклады VI научн. конф. ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 179 .
48. П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины, СА, 1958, 4, стр. 170—186.
49. N. Makarenko. La civiliastion des Scythes et Hallstatt, ESA, V, 1939, стр. 24—39.

50. В. П. Левенок. Археологический отчет о работе Сейминского отряда ЛОИИМК 1958 г. Архив ОПИ ИА АН СССР.
51. В. П. Левенок. Археологический отчет о работе Деснинского отряда ЛОИИМК 1956 г. Архив ИА АН СССР 1956/1256.
52. П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1, стр. 41.
53. В. М. Даніленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., АП, VI, Київ, 1956.
54. О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1957, стр. 28—39.
55. О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья. КСИА, 7, 1957, стр. 46—48.
56. Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 25; стр. 28, рис. 12, *5—10*.
57. Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.
58. Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 297.
59. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 208.
60. Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 23—104; стр. 38, рис. 4; стр. 103, рис. 27.

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

О ДАТИРОВКЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопросы, связанные с черняховской культурой, очень сложны и в большинстве своем остро дискуссионны. Так, до сих пор в науке не выработано единого мнения по поводу датировок этой культуры, ее этнического определения, отношения к антам византийских источников, ее исторической роли в создании культуры Киевской Руси и т. д. [1]. В настоящей статье мы не будем затрагивать всех этих вопросов, так как каждый из них может быть объектом самостоятельного исследования. Мы рассмотрим только существующие в литературе обоснования датировок черняховской культуры и попытаемся проследить связи ее с последующими археологическими культурами, известными на этой территории.

Существует два мнения по вопросу о времени бытования черняховской культуры. Первооткрыватель памятников черняховского типа В. В. Хвойко на основании находок римских монет определил ее хронологические рамки II—V вв. н. э. Первым высказал в печати мысль о более позднем бытовании черняховской культуры М. Ю. Смишко [2]. Затем обосновать это положение пытались Е. В. Махно [3] и М. Ю. Брайчевский [4]. По мнению этих авторов, черняховская культура не прекращает своего существования в середине I тысячелетия, а продолжает существовать и в последующее время, в VI и VII вв., перерастая в конце концов в культуру Киевской Руси. К такому выводу М. Ю. Смишко привело изучение материалов полей погребений черняховского типа на территории западных областей УССР. Но это положение, судя по совокупности работ, автор не распространял на Поднепровье. Е. В. Махно и М. Ю. Брайчевский пошли в этом вопросе дальше и датируют поздним временем уже всю черняховскую культуру, в том числе и на территории Поднепровья.

Таким образом, сейчас в науке существует две датировки черняховской культуры — II—IV—V и II—VII вв. н. э. Нижняя дата — II вв.— хорошо подтверждена многочисленными находками римских монет, и не вызывает сомнений у исследователей. Споры ведутся вокруг верхней даты, а также по вопросу о роли черняховской культуры в культурно-историческом развитии восточных славян.

Каковы же основания для датировок черняховской культуры временем после V в.?

Прежде всего следует отметить отсутствие специальных работ по вопросам датировки черняховской культуры. Материалы для датировок отдельных памятников или культуры в целом приведены в ряде статей публикационного или исследовательского характера, специально этому вопросу не посвященных. Больше всего статей, касающихся различных аспектов черняховской культуры и очень часто повторяющих одна другую, принадлежит М. Ю. Брайчевскому.

М. Ю. Брайчевский выдвигает два основных тезиса, обосновывающих по его мнению существование черняховской культуры в VI—VII вв. н. э.

1. Наличие памятников черняховского типа, имеющих «твердые датировки», VI—VII вв. н. э.

2. Наличие переходных памятников, т. е. памятников, иллюстрирующих перерастание культуры черняховского типа в культуру Киевской Руси. В обоснование первого тезиса М. Ю. Брайчевский пишет: «...Особое значение приобретают те памятники культуры полей погребений, которые совершенно точно датируются временем после V ст. н. э. Это подкарпатские курганы, Лука Врублевецкая и Ягнятин» [4].

Подкарпатские курганы трактуются этим исследователем как памятники черняховской культуры, имеющие некоторые локальные особенности «...в форме погребального обряда (курганы, главным образом, с сожжениями), а тем более в характере самого инвентаря, для которого характерна, например, полная деградация серолощеной посуды». [4, стр. 42].

Подкарпатские курганы, датируемые II—VI вв., никем, кроме М. Ю. Брайчевского, к памятникам черняховской культуры не относились. Никогда не ставил знак равенства между черняховской культурой и подкарпатскими курганами и исследователь этих памятников М. Ю. Смишко. В одной из своих работ по этому вопросу М. Ю. Смишко пишет следующее: «Керамический материал подкарпатских курганов имеет выразительные связи с провинциальной римской культурой, а раньше — с кельтской и позднефракийской. В меньшем количестве выступают формы культуры полей погребений и эпохи великого переселения народов. Эти слагаемые дают в нашей культуре конгломерат, который в целом отличается от керамики культуры полей погребений и липицкого типа, образуя своеобразную группу» [2, стр. 107] (рис. 1). В этой же рабсте им приводится карта распространения черняховских памятников и совершенно отдельно — подкарпатских курганов. Если к этому добавить, что по мнению того же автора эти памятники оставлены оседлыми скотоводами [5], что у них совершенно иной погребальный обряд и что неизвестны связанные с ними поселения, то станет совершенно очевидным, что относить их к черняховской культуре нельзя.

Эти положения М. Ю. Смишко не пересмотрел и в последующих работах, вышедших из печати позже, где он также выделяет подкарпатские курганы в особую группу памятников, не смешивая их с черняховской культурой [6, 7].

Если же М. Ю. Брайчевский придерживается по этому вопросу иного мнения, то это следовало бы серьезно обосновать, без чего утверждение о том, что датировку подкарпатских курганов правомочно распространять на черняховскую культуру, является голословным.

Поселение в с. Ягнятине исследовалось Е. В. Махно в 1946 г. и в 1947 г. [3, 8]. Вскрыта довольно большая площадь (1350 $м^2$), но раскопы не были доведены до материка. Исследованы развалы наземных сооружений, печей, добыт значительный вещевой и керамический материал. Среди последнего обнаружены обломки амфоры (рис. 2, 7), которые и явились основанием для поздней датировки поселения. По поводу амфоры Е. В. Махно пишет: «И формой, и способом обработки поверхности эта амфора выходит за рамки античных амфор, и, наоборот, очень близко стоит к амфорам византийским, которые известны во время Киевской Руси, и, возможно, является прообразом позднейших корчаг Киевского типа. Кажется ее можно датировать VI—VII вв. [3, стр. 169].

Ягнятинская амфора, как доказательство поздних датировок черняховской культуры фигурирует во многих работах М. Ю. Брайчевского [4, 9, 10, 11]. Но как это ни странно, авторы, придающие амфоре столь важное значение, нигде в своих работах не пытаются найти ей аналогии

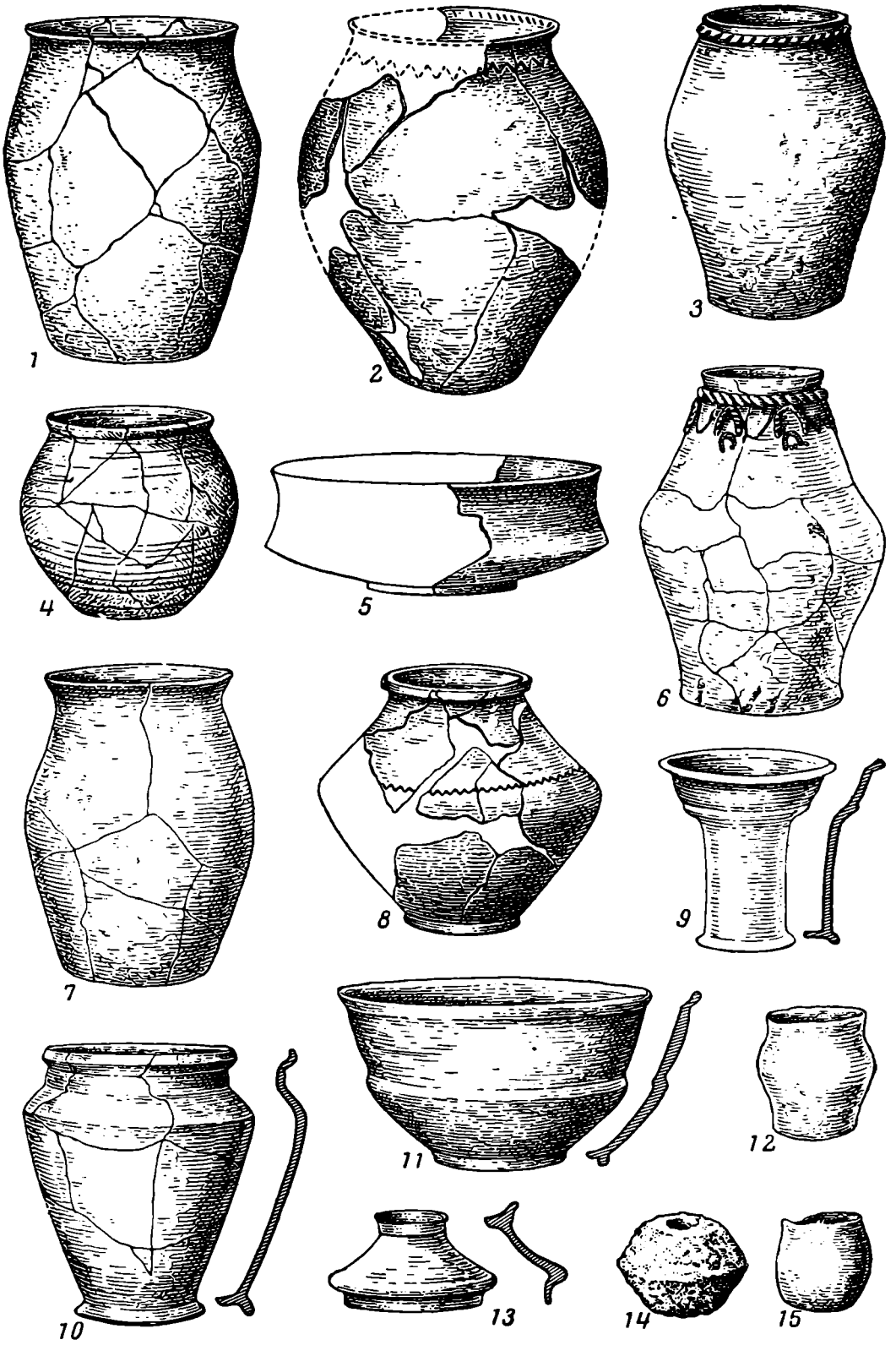


Рис. 1. Керамика подкарпатских курганов (по М. Ю. Смишко)

или определенное место в типологическом ряду и обосновать свои датировки. Поэтому нельзя не согласиться с мнением М. А. Тихановой, высказанным на VI научной конференции Института археологии, которая заявила, что определение даты этой амфоры было сделано по первому взгляду и действительности не соответствует [12].

Ягнятинская амфора является единственной в своем роде, аналогичных ей амфор пока не известно, и уже поэтому она не может служить основанием для датировки всего поселения, тем более, что там же най-

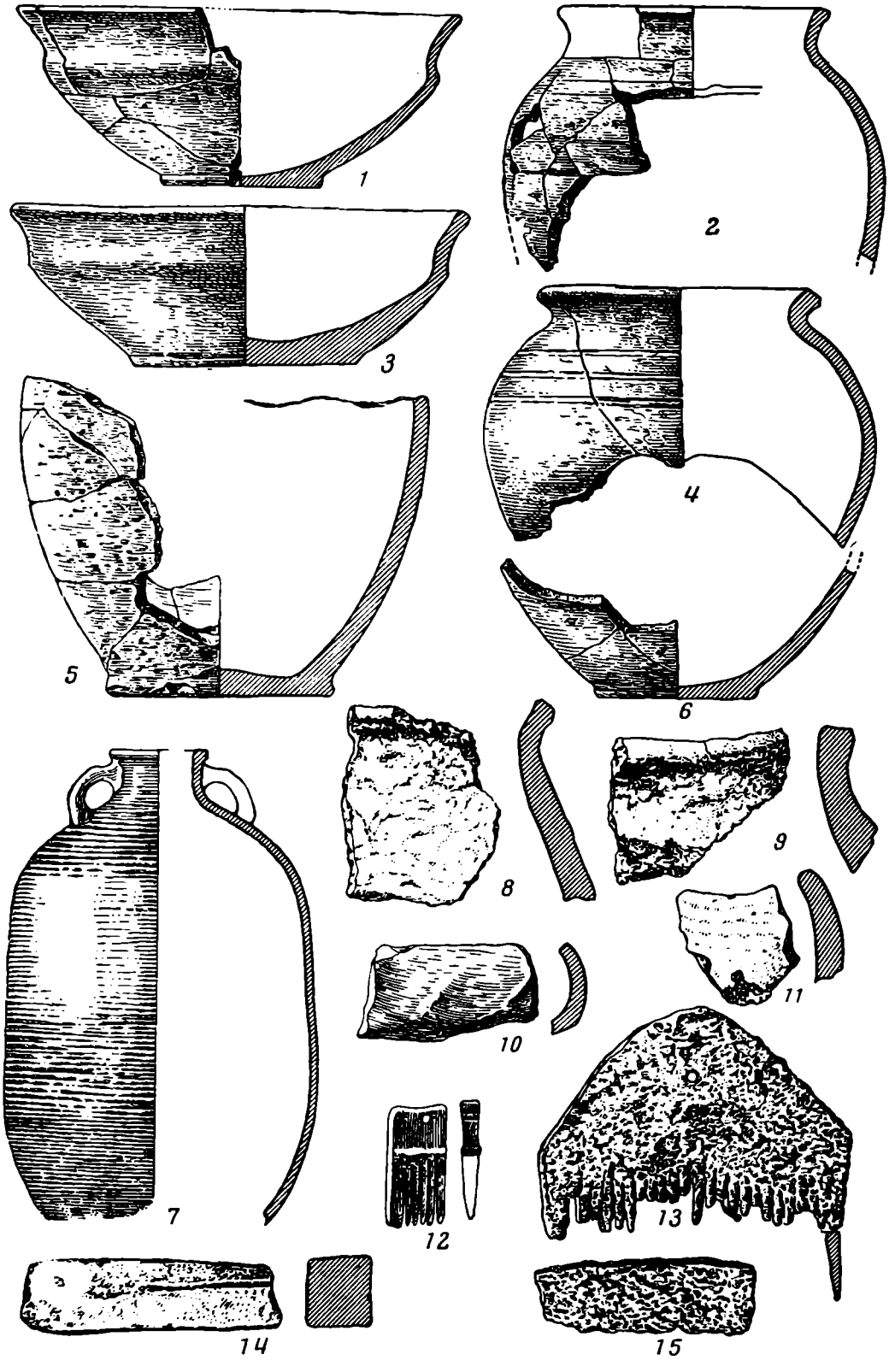


Рис. 2. Керамика из поселения в с. Ягнятин (по Е. В. Махно)

ден целый ряд вещей III—IV вв., обычных для памятников черняховской культуры (монета одного из Антонинов, арбалетные фибулы).

По мнению М. Ю. Брайчевского, о поздней датировке Ягнятинского поселения, кроме амфоры, свидетельствует также и весь керамический комплекс, близкий к комплексам из подкарпатских курганов, для которого характерны «деградация серолощеной посуды, развитие гончарной посуды с грубыми примесями, приближение форм к посуде времен Киевской Руси» [4, стр. 49]. Совершенно непонятно, однако, что следует

понимать под «деградацией» серолощеной посуды и что подразумевается под «приближением форм к посуде времен Киевской Руси».

Сравнения керамики Ягнятинского поселения с керамикой подкарпатских курганов абсолютно необоснованы.

В подкарпатских курганах, по утверждению М. Ю. Смишко, «гончарная посуда изготовляется чаще всего из чистой, отмученной глины; только небольшая часть изготовлялась из глины, перемешанной с мелким песком. Первый вид гончарной посуды имеет гладкую, иногда вылощенную поверхность, а второй — шероховатую, как бы посыпанную сверху песком» [5, стр. 138]. На Ягнятинском поселении, по словам Е. В. Махно, «Гончарная посуда в основном сделана из глины, перемешанной с крупным кварцевым песком». Формы ее, как это ясно из сравнения таблиц № 1 и № 2, также значительно отличаются от керамики подкарпатских курганов (см. рис. 2).

Вопрос о сходстве ягнятинских (и черняховских вообще) горшков с горшками Киевской Руси разбирала Е. В. Махно [8, стр. 158; 1, стр. 276]. Кроме типично черняховских горшков, по мнению Е. В. Махно, на Ягнятинском поселении есть и другие более поздние горшки, которые уже приобрели новые черты, роднящие их с горшками Киевской Руси. Они «не имеют подставной плитки, приобретают желто-коричневый цвет поверхности и в них вместо кварца как примесь употребляется песок. Именно эти признаки общи для них и для горшков Надднепрянщины времен Киевской Руси» [8, стр. 159]. Однако горшки без подставной плитки из Ягнятинского поселения сохраняют все особенности черняховской керамики: округлые формы бочков, характерный профиль венчиков и т. д. К тому же оба типа горшков, относящихся по мнению автора к разным периодам встречены в одном слое, более того, в одной печке, т. е. в хронологически замкнутом комплексе (горшки № 4 и № 5) [8, стр. 161, табл. 1].

На основании всего этого естественно предположить, что оба типа горшков существуют одновременно. Это подтверждается наличием таких же типов посуды в Черняховском и Масловском могильниках. Таким образом, отсутствие подставной плиты не может рассматриваться как хронологический фактор и не является свидетельством позднего существования Ягнятинского поселения. О том же говорит и весь состав находок на Ягнятинском поселении. Он характерен и для всех черняховских памятников, что убедительно показано в таблицах, приложенных к работе Е. В. Махно.

В своем выступлении на совещании 1957 г. в Киеве по проблемам черняховской культуры Е. В. Махно признала также, что в славянских керамических материалах VIII—X вв. ей не удалось найти связующие компоненты и переходные комплексы между черняховской посудой IV в. и славянской посудой XI—XIII вв. [1, стр. 276].

Поселение в Луке Врублевецкой М. Ю. Брайчевский датирует поздним временем на основании найденных здесь фибул особого типа, названных им уткоподобными. Он ссылается при этом на М. Ю. Смишко, указывавшего на аналогичные фибулы из Фрауэнбургского клада VI—VII вв. [11, стр. 16]. (Заметим, что М. Ю. Смишко нигде не называет эти фибулы уткоподобными и определяет их как «...фибулы особого типа, имеющие двухсоставную конструкцию пружинного аппарата, короткую изогнутую дужку, прямую ножку, и, чаще всего, высокий держатель иглы» [31].)

Вопрос о датирующих особенностях этих фибул уже рассматривался Э. А. Сымоновичем [14] и М. А. Тихановой [15], которые на основании убедительных аналогий доказали бытование их на территории УССР в период, предшествующий V в. н. э.

В Фрауэнбургском кладе, который принято считать кладом ремесленника, был целый ряд разновременных вещей, среди которых фибулы

первых вв. н. э., римские монеты и интересующие нас фибулы. Почему же именно эти фибулы должны относиться к VI—VII вв.? Ведь фибулы с высоким иглодержателем найдены и на поселениях, датировать которые VI—VII вв. нет никаких оснований. Очевидно, сами эти фибулы датируются более ранним временем, чем время зарытия Фрауэнбургского клада.

М. Ю. Смишко, а за ним и М. Ю. Брайчевский упоминают в своих работах целый ряд памятников, где были найдены близкие по типу фибулы и на основании этих находок относят их к поздним памятникам черняховской культуры. В частности, М. Ю. Смишко относит к VI—VII вв. поселения у с.с. Жабинцы, Псари, Костянец, Городницу [13]. В Городнице, кроме того, был найден стеклянный кубок, который М. Ю. Брайчевским датирован VI в. [11, стр. 16]. М. С. Клейн разъяснил этот факт как недоразумение, вызванное нечеткостью изображения кубка в публикации, и показал, что на самом деле он датируется не VI, а III в. [12].

В работах М. Ю. Брайчевского приводится еще ряд пунктов, где черняховские памятники будто бы датируются временем VI—VII вв. Это Россава, поселения, на которых якобы найдены Мартыновский и Малоржавецкий клады, Ромашки, Коровинцы, Белосток и др. Посмотрим, насколько обоснована поздняя датировка и этих памятников.

«Клад VI—VII ст., найденный в с. Россаве, находился в характерном сосуде (кувшине) черняховского типа»,— сообщает Ю. М. Брайчевский [11, стр. 17]. Читаем первоисточник, которым является рукопись С. В. Коршенка. «В с. Россаве, Каневского уезда, Киевской губернии, найден был серый глиняный кувшинообразный сосуд с лощеной поверхностью. Ручка несколько выдается над уровнем венчика. Венчик отбит. Высота сосуда 18,5 *см,* диаметр бочка 11,5 *см,* донышко 6 *см.* Сосуд сделан на гончарном круге. Сосуд поступил в Киевский городской музей в июле 1913 г. от Вербицкого, № 16407». Одновременно с этим сосудом из Россавы согласно записи в инвентарной книге музея поступили следующие предметы: «Две серьги из золотой проволоки, украшенные в виде зерни тремя рядами золотых миниатюрных колечек (16402), 9 небольших бусин из цветной массы (16407), 42 золотые бляшки в виде треугольников со следами эмали и цилиндриков (16404), глиняная застежка (? — *Д. Б.*) конусообразной формы (16405), вязка из пяти серебряных колец (16406)» [17].

Вещи и сосуд не сохранились и не опубликованы. Неясно, находились ли вещи в кувшине; был ли кувшин действительно черняховским; к какому времени относятся сами вещи, так как в их описании не содержится ничего характерного, что позволило бы их датировать именно VI—VII вв., а не, скажем, эпохой Киевской Руси?

Мартыновский и Малоржавецкий клады послужили основанием для датировок ряда черняховских поселений. М. Ю. Брайчевский утверждал, что «...в обоих случаях находки кладов увязываются с поселениями черняховского типа, причем, ни непосредственно на этой территории, ни в окрестностях никаких иных памятников, с которыми можно было бы их увязывать, нет» [11, стр 17]. Однако вот что говорит обследовавшая в 1947 г. место находки Мартыновского клада Н. В. Линка: «Правый берег поймы ручья крутой, высокий (около 43—50 *м*) и представляет собой край плато, изрезанного глубокими извилистыми оврагами. Тут находится урочище Злодиевка, на котором, как рассказывают старожилы, были выпаханы все клады, найденные в этом районе, в том числе, судя из описания, и известный Мартыновский клад VI—VII вв.». «Противоположный, левый берег ручейка имеет пологие склоны, на которых нами обнаружено два поселения черняховского типа» [18].

Таким образом, оказывается, что Мартыновский клад найден не на черняховском поселении и никаким образом с такого рода поселениями не увязывается, как не увязывается он, очевидно, и с черняховской куль-

турой в целом. Как известно, на сотнях черняховских поселений и в сотнях раскопанных погребений ничего похожего на вещи Мартыновского клада найдено не было.

Так же обстоит дело с Малоржавецким кладом, на месте находки которого о наличии культурного слоя черняховского времени автор разведки не упоминает [18, стр. 101].

В качестве позднего памятника черняховской культуры М. Ю. Брайчевский неоднократно называет могильник у с. Ромашки. По его словам «С подкурганными погребениями черняховского типа в Ромашках увязана находка характерных фибул с эмалью» [11, стр. 15], относящихся к VI—VII вв.

Утверждение о находках фибул с эмалью в черняховском подкурганном погребении не основано ни на каких фактах. В. Хвойко отмечал, что все находки в Ромашковском могильнике «...как например бронзовые фибулы и сосуды, представляют полную аналогию с содержанием Черняховского могильника» [19]. Поскольку известно, что в черняховском могильнике вещей с эмалями не было, трудно допустить, что в Ромашках они относятся к черняховским погребениям, тем более, что ни одного упоминания о них в печатных и рукописных работах В. В. Хвойко нет.

Из этого положения М. Ю. Брайчевский выходит довольно оригинально. Он считает, что В. В. Хвойко умышленно утаил факт находок в черняховских погребениях вещей с эмалями, так как «... с точки зрения Хвойко связь ромашковских фибул с этой культурой (полей погребений.— *Д. Б.*) казалась сомнительной, поскольку в его время вещи с эмалями приписывали готам, аланам — кому угодно, только не славянам, а факт их находки в Ромашках — случайный, должен был дезориентировать читателя» [4, стр. 48].

Утверждение М. Ю. Брайчевского о наличии в Ромашках черняховских подкурганных погребений является вымыслом. В отчете В. Хвойко о раскопках в с. Ромашки за 1899 г. говорится: «Отправившись на место, я увидел несколько могильных насыпей (около 10) более или менее расползшихся от времени. Прежде всего вскрыты были все находившиеся на площади могильные насыпи, под которыми везде, на глубине от 105—180 *см* на материке лежали вытянутые скелеты, головами на запад, с руками в различных положениях, обложенные полуистлевшим деревом. Так как при этих покойниках не оказалось ни посуды, ни других характерных предметов, находимых прежде жителями (в черняховских погребениях.— *Д. Б.*), то я предпринял раскопку окружающих насыпи ровных мест» [20]. В следующем месте В. В. Хвойко прямо отмечал, что в Ромашковском могильнике «имеются погребения различного типа, а именно: славянского, с погребением в яме под отдельной насыпью, такие же погребения в общей насыпи и под нею, погребения кочевника с конем или его частями и наконец, так называемые поля погребений с погребениями скелетов и его сожжениями, находящиеся в ямах без всякой насыпи» [20, стр. 17].

Поселение у с. Белосток на Волыни М. Ю. Брайчевский относит к поздним черняховским памятникам на основании единственной находки — подвески в форме лунницы со стилизованными изображениями конских головок, «которая может быть отнесена к середине I тысячелетия н. э.» [11, стр. 17; 9, стр. 123]. Находка эта, хранящаяся в Луцком музее, не опубликована, поэтому трудно возражать или соглашаться с предложенной датировкой. Можно лишь заметить, что речь идет о случайной находке, и связь ее с черняховским поселением еще не доказана.

В угоду предвзятым положениям М. Ю. Брайчевский допускает весьма «неточное» изложение фактов и дат, приводимых авторами. Так, он безосновательно приписывает Э. А. Сымоновичу позднюю дату Гавриловского могильника — V—VI вв. [10, стр. 64]. Сам же Э. А. Сымонович, раскопавший этот могильник, относит его к III—IV вв. [21].

Обобщая свои наблюдения над поздними черняховскими памятниками, М. Ю. Брайчевский устанавливает следующие их особенности: «а) заметное ухудшение серолощеной посуды и ее незначительное место в керамическом комплексе; б) упрощение керамических форм, в частности большая редкость днищ на кольцевой ножке и подставной плитке; в) наличие волнистого и линейного орнамента на гончарной керамике, главным образом на горшках; г) появление линейного и волнистого орнамента на лепной посуде; д) появление на горшках срезанного или фигурного венчика, получившего в дальнейшем большое распространение в керамике ранней Киевской Руси; е) появление посуды, внешне более грубой, нежели сероглиняная посуда черняховского типа, с примесями песка и представленной более крупными и соответственно более толстостенными сосудами, часто украшенными линейным и волнистым орнаментом» [10, стр. 124].

Однако автор нигде не указывает определенных памятников, керамические комплексы которых характеризовались бы этими признаками. Мы попытались приложить предложенную схему к Ягнятинскому поселению, но сразу же столкнулись с большими трудностями. В схеме употребляются выражения «больше», «меньше», «лучше», «хуже», т. е. предполагается сравнение чего-то с чем-то, а чего с чем — неизвестно. Утверждается, что серолощеной посуды в поздних памятниках меньше. Но известно, что в черняховской культуре лощеных горшков почти нет, значит, речь может идти только о мисках, вазах, кубках. В Ягнятине серолощеная посуда составила 12,6% из раскопок 1947 г. и 23,6% из раскопок 1946 г. [8]. Много это или мало? Во всяком случае, это не «незначительное количество». В отношении подставных плиток и кольцевых ножек по материалам Ягнятина говорить трудно, так как никто такими подсчетами не занимался, не производил эти подсчеты и М. Ю. Брайчевский. Во всяком случае из 6 опубликованных Е. В. Махно сосудов 5 имеют подставную плиту или кольцевую ножку. Сосуды с линейным и волнистым орнаментом на Ягнятинском поселении нам неизвестны ни в гончарных ни в лепных комплексах. Надо думать, что предложенная М. Ю. Брайчевским схема построена не на фактическом материале, и в археологической практике мы не имеем памятника, который подходил бы под нее.

Нам остается рассмотреть группу памятников так называемого переходного типа, которые, по словам М. Ю. Брайчевского, «...должны занять какое-то промежуточное место между культурой полей погребений и культурой Киевской Руси» [4, стр. 50]. К таким памятникам относятся: Ягнятинский курган, поселение на Пастырском городище, верхний слой поселения в Луке-Врублевецкой и ряд памятников в западных областях УССР, известных по подъемному материалу.

Ягнятинский курган, раскопанный в 1947 г., дал, по словам М. Ю. Брайчевского, очень ценный керамический материал, поскольку «...тут в хронологически замкнутом комплексе встречены, с одной стороны, фрагменты керамики типа позднейших полей погребений (совершенно деградированного), а с другой — обломки горшка... эпохи Киевской Руси» [4, стр. 50—51].

На самом же деле в насыпи кургана без связи с погребением, т. е. вне всякого комплекса были найдены обломки горшка X в., шиферные пряслица, черепки черняховских сосудов, обломки пшеворской керамики, миски с иксообразным ушком и стенки сосуда с меандровым орнаментом. Объяснение всего этого «комплекса» возможно только одно. Этот курган — один из более чем 1000 курганов, располагавшихся на северо-западной окраине с. Ягнятин. В 1887 г. В. В. Антонович раскопал тут 16 типичных древлянских погребений. «При них были железные гвозди, серебряные кольца, бронзовые перстни и золотые серьги» [22]. Поселения черняховской культуры находятся в той же северо-западной

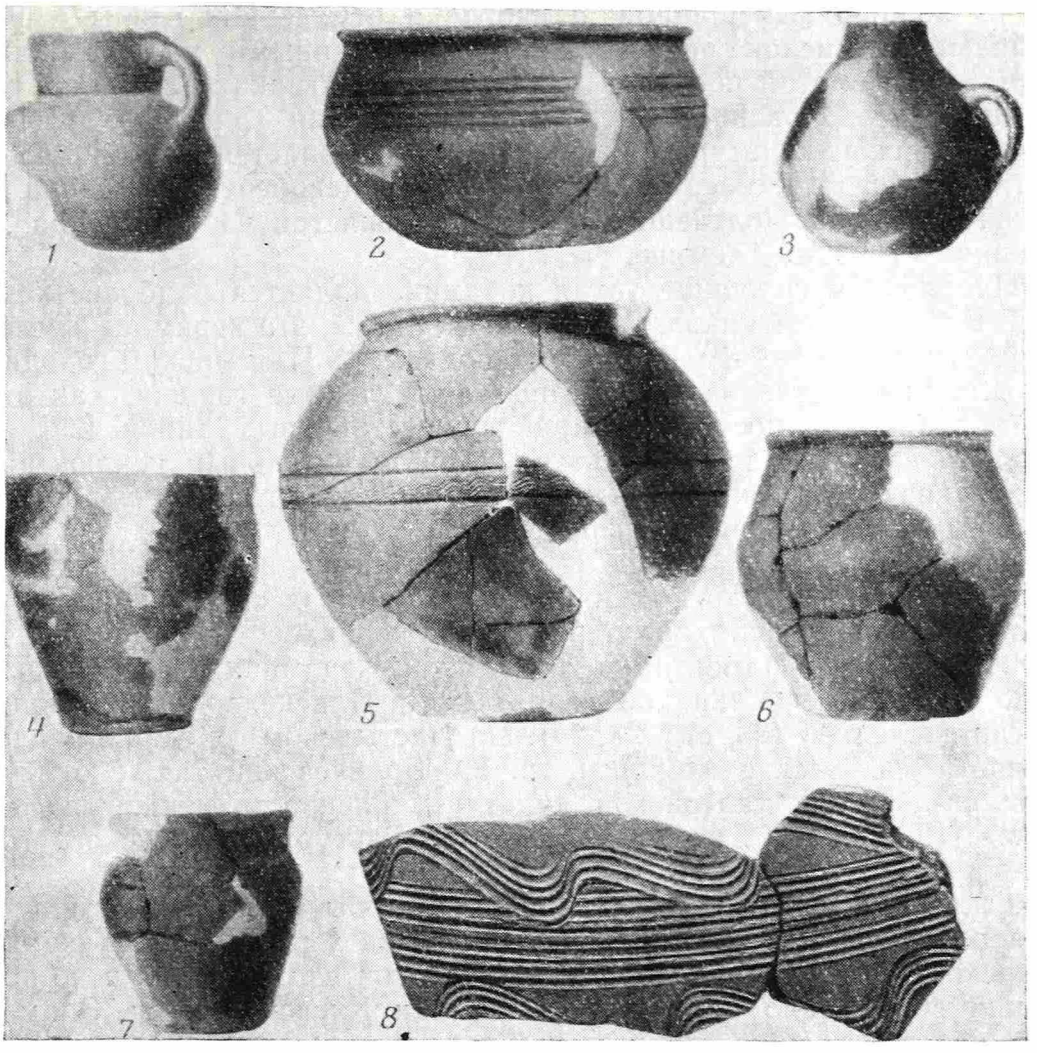


Рис. 3. Керамика Пастерского городища (Раскопки М. Ю. Брайчевского)

части Ягнятина на крестьянских огородах [3, стр. 164]. Очевидно, на черняховском поселении в X в. был насыпан древлянский курган, в насыпь которого попали материалы из культурного слоя довольно раннего поселения. Неудивительно, что в кургане оказались вещи, относящиеся к разным периодам.

Поселение на Пастырском городище относится М. Ю. Брайчевским к памятникам переходного типа, так как в части его керамики обнаруживается много черт якобы «... свидетельствующих о бесспорной генетической связи с культурой полей погребений. Оновременно, в керамике Пастырского городища наблюдается ряд черт, существенно отличных от керамики полей погребений и являющихся признаком более позднего времени. Эти черты находят себе аналогии в других памятниках VII—IX вв. (Волынцево, Плиснеск, Луцк, Гнидава и др.) и, в значительной степени,— в культуре Киевской Руси» [23] (см. рис. 3).

Однако в таблицах керамических комплексов, прилагаемых М. Ю. Брайчевским, трудно усмотреть что-либо похожее на сосуды черняховской культуры. Что же касается лощеной керамики, то некоторое сходство можно усмотреть только в способе обработки поверхности и манере нанесения орнамента из пролощенных полос.

Но и эта керамика, как нам кажется, находит свое объяснение не в генетических связях с черняховской, а в явлениях иного порядка. В VII—VIII вв. н. э. на широкой территории от Волги [24] до современной Болгарии [25] в памятниках самых различных получает распространение характерная серая или коричневая посуда, сделанная на гончарном

круге из хорошо вымешанной, а иногда и отмученной глины с очень своеобразной манерой орнаментации пролощенными и вдавленными линиями. Формы этой посуды в различных памятниках различны. Наиболее широко она распространена на территории Северного Кавказа [26] и салтовской культуры; в последней она является доминирующей. Есть такая посуда в северянских поселениях Левобережья Днепра [27], известна она и на Полтавщине [28], в порожистой части Днепра [1], на поселениях VIII в. на Тясмине.

В Пастырском городище такая керамика является наиболее характерной. Во всех памятниках, где она встречается, эта керамика не является кухонной. Это же явление мы наблюдаем и в Пастырском городище. Здесь для приготовления пищи существуют лепные горшки, как отмечает исследователь поселения, крайне неустойчивых типов [29]. Известно, что в черняховской культуре, за незначительным исключением, кухонной посудой служат не лепные, а гончарные горшки, хорошо выработанных и установившихся форм.

При сравнении керамики из Пастырского городища с черняховской бросается в глаза отсутствие общих форм. Нет здесь и гончарных кухонных горшков, столь характерных для черняховской культуры. По своим формам и орнаментации пастырская керамика очень близка к салтово-маяцкой (еще западнее, например, в Плиске, мы имеем полные аналогии последней (25, стр. 23, 24). На Пастырском городище найдены и типичные салтовские кувшины. М. Ю. Брайчевский также отмечает «следы воздействия салтовской культуры, распространенной на юго-востоке» [10, стр. 126] на материальную культуру Пастырского городища.

Что же касается элементов, роднящих якобы Пастырское городище с Киевской Русью, то их просто нет. Круговая керамика, бытующая на Пастырском поселении, по формам, технологии изготовления и по орнаментации совершенно отлична от керамики Киевской Руси. Знаменательно, что на всех памятниках, где присутствует керамика, подобная пастырской, она не получает дальнейшего развития и исчезает вместе с причинами, вызвавшими ее распространение. Особенно хорошо это видно на памятниках северян. Подобная керамика есть на поселениях Волынцевского типа, но отсутствует на Роменских городищах.

Верхние слои поселения Луки-Врублевецкой характеризуются по мнению М. Ю. Брайчевского тем, что «Материал, происходящий отсюда главным образом керамический, с одной стороны уже целиком модифицирован в сравнении с материалами культуры полей погребений, но в то же время имеет ряд черт, которые связывают его с этой культурой и отличают от материалов Киевской Руси» [4, стр. 50].

Трудно что-либо сказать по поводу такой характеристики «переходного материала», так как непонятно, какую керамику автор имеет в виду, что в ней специфического, каковы ее формы и т. д. Исследователь этого поселения М. А. Тиханова ничего не говорит о переходных керамических формах. По ее данным там есть черняховская посуда, посуда VIII—IX вв. (типа Луки-Райковецкой) и керамика Киевской Руси [30].

В числе «переходных» памятников М. Ю. Брайчевским названы Голиграды, Макаровка, Лука-Марьяновка, Кременец, Шумбар, Матвеевка, Гнидава, Витков, находки на Доминиканской и Квятовской улицах [4, стр. 5] и др. В Институте археологии АН УССР хранятся материалы Дубно-Кременецкой экспедиции, на которые ссылается М. Ю. Брайчевский. Пока они не опубликованы, мы вынуждены ограничиться краткой справкой.

---

[1] Во время работ Днепростроевской экспедиции 1929—1931 гг. около г. Запорожья в балке Канцерке были обнаружены обжигательные печи с большим количеством керамического боя. Посуда — кувшины серые, с орнаментом из пролощенных и вдавленных линий. Хранится в Киевском историческом музее.

Имеющаяся в коллекциях керамика, как правило, представляет собой подъемный материал очень малочисленный (иногда это всего несколько черепков). Исключительно мелкие фрагменты не дают представления о формах сосудов. Среди керамики можно отметить обломки черняховской, киевской посуды XI—XIII вв. и черепки, которые просто трудно определить. Большинство памятников, откуда они происходят, многослойные.

Как «переходный» памятник М. Ю. Брайчевский упоминает и городище Плиснеск [4, стр. 50]. Одним из оснований для этого является находка здесь глубокой мисочки с ушком, которая «снаружи и внутри покрыта коричневым ангобом, а по нему около венчиков снаружи и в середине — широкая беловатая полоса» [32, стр. 80]. Исследователь Плиснеска И. Старчук считал, что «И материал и форма этой мисочки приближаются к изделиям культуры „полей погребений"» [31]. Но в материалах черняховской культуры мы не знаем ни таких форм, ни окраски керамики. Почему же находка этой мисочки может доказывать переходный характер материала из Плиснеского городища?

М. Ю. Брайчевский ссылается также на керамику полуземлянки № 7 из нижнего слоя Плиснеска. «Это — сероглиняная гончарная посуда, сохраняющая черняховские формы (в том числе и такие детали, как днища на подставной плитке), нередко с пролощенным орнаментом» [10, стр. 126]. Автор ссылается на материалы, виденные им в Институте общественных наук во Львове и в Институте археологии в Киеве. Мы просматривали материалы в Институте археологии, и ничего подобного обнаружить не смогли. По материалам Плиснеска М. П. Кучера написал кандидатскую диссертацию и составил большое количество таблиц керамики, в том числе пять таблиц с керамикой из жилища № 7 [32]. На всех этих таблицах изображены высокие толстостенные горшки, покрытые волнистым орнаментом, характерные для ранней гончарной посуды Киевской Руси. Никакой сероглиняной посуды на подставной плитке здесь нет. Ничего не говорится о ее наличии и в тексте диссертации.

По утверждению М. Ю. Брайчевского, поселение в Плиснеске не одиноко. Подобная картина наблюдается на поселении VIII—IX вв. в с. Рыпневе (Львовской области), где раскопан ряд полуземлянок с материалом, очень похожим на плиснеский. В одной из полуземлянок была найдена серия обломков серолощеной посуды черняховского типа [10, стр. 125]. Вывод этот сделан на основании неопубликованного в то время материала, находящегося в Институте общественных наук во Львове. Сейчас материалы из поселения в с. Рипнев опубликованы (33).

По словам В. В. Акулиха большинство находок на поселении — древнерусские. «Реже попадаются обломки сосудов высоцкой культуры, а местами, особенно около колхозного кирпичного завода также обломки посуды позднего этапа культуры полей погребений» [33, стр. 27]. При описании керамических комплексов из жилищ, данном достаточно подробно, о серолощеной посуде черняховского типа не упоминается. Вряд ли исследователь мог бы оставить незамеченным такую посуду, если бы она была найдена в жилище.

Таким образом, даже при беглом рассмотрении приведенных в литературе особенностей поздних датировок отдельных черняховских памятников и культуры в целом совершенно очевидна полная их несостоятельность.

По-видимому, следует признать, что датировка черняховской культуры II—V вв. наиболее правильна. На Поднепровье эта культура исчезает в IV в., в западных областях, вероятно, существует несколько позже — в V в. После этого времени на территории распространения черняховской культуры и за ее пределами, в VI—VIII вв. появляются совершенно другие памятники.

На Левобережье это в настоящее время хорошо известные — роменские и более ранние, волынцевские (VII—VIII вв.) памятники. Первые в своем развитии трансформируются в культуру Киевской Руси. Никакой генетической связи с черняховскими эти памятники не имеют. М. Ю. Брайчевский также согласен с тем, что роменская культура ни в коем случае не может быть генетически выведена из культуры полей погребений.

Так же обстоит дело с памятниками подобного рода и на Правобережье. Еще в конце прошлого столетия С. С. Гамченко по р. Случи и около Житомира раскопал ряд курганов с сожжениями V—VIII вв. [34]. Позже такие же курганы исследовал И. Ф. Левицкий [35]; в литературе они известны как памятники типа Корчак.

В 1946 г. около с. Райки Бердичевского района Житомирской области в урочище Лука было открыто поселение VII—IX вв. н. э. [36]. Около устья р. Тясмина у с. Пеньковки нами исследовались три поселения, хронологически следующие одно за другим. Наиболее раннее из них (Молочарня) датируется зооморфной серебряной фибулой VI—VII вв., самое позднее (Макаров Остров) имеет примитивную гончарную керамику конца VIII — начала IX в. н. э. [37]. Поселения того же времени исследовались у Канева [38, 39, 40], в с. Григоровка, Могилев-Подольского района Винницкой обл., где были раскопаны поселение и ряд железоплавильных горнов [41].

Поселение с очень близким керамическим комплексом известно около г. Днепропетровска в поселке им. 1 Мая (оно же Коммуна и балка Яцева). Там были встречены полуземляночные жилища с печами-каменками [42]. Много поселений этого времени есть и в порожистой части Днепра [43]; известны такие памятники и в западных областях УССР [33, стр. 26—59; 44, 45].

Все они характеризуются толстостенной лепной керамикой с грубыми примесями в глине (рис. 4). Располагаются поселения, как правило, в низких местах, очень часто в пойме на останцах. На всех этих поселениях были полуземляночные жилища с печами-каменками. Особый интерес этих памятников в том, что они дают определенное представление об уровне социального и экономического развития славянского общества на широкой территории во время, непосредственно предшествующее образованию Киевской Руси.

По сравнению с памятниками черняховского типа (как они представляются М. Ю. Брайчевскому), памятники типа Луки Райковецкой, Волынцево, Пеньковки являются как бы шагом назад. Если верно, что носители культуры «полей погребений» во II—III вв. н. э. имели широко развитые товарно-денежные отношения, гончарное ремесло, то материалы памятников VII—VIII вв. говорят об ином, более примитивном обществе.

Если в памятниках культуры «полей погребений» (Ягнятин, Жуковцы) лепная керамика составляет 2%, а круговая достигает большого совершенства, то в VIII в. на всей территории, занятой восточнославянскими племенами, господствует лепная керамика домашнего, а не ремесленного изготовления. Если во время бытования черняховской культуры можно предположить среди населения широкий денежный обмен, то в отношении общества VII в. данных для предположения такого рода нет. Арабские монеты, которые могли бы служить свидетельством наличия денежного обмена, получают широкое распространение на славянских землях только в IX в.; предположение же, что римские монеты I—II вв. выполняли функции денег и в VIII в.— несерьезно (тем более, что мы не знаем кладов, содержавших римские и арабские монеты совместно). Все это значит, что во II и в VIII вв. были различные социально-экономические условия существования общества.

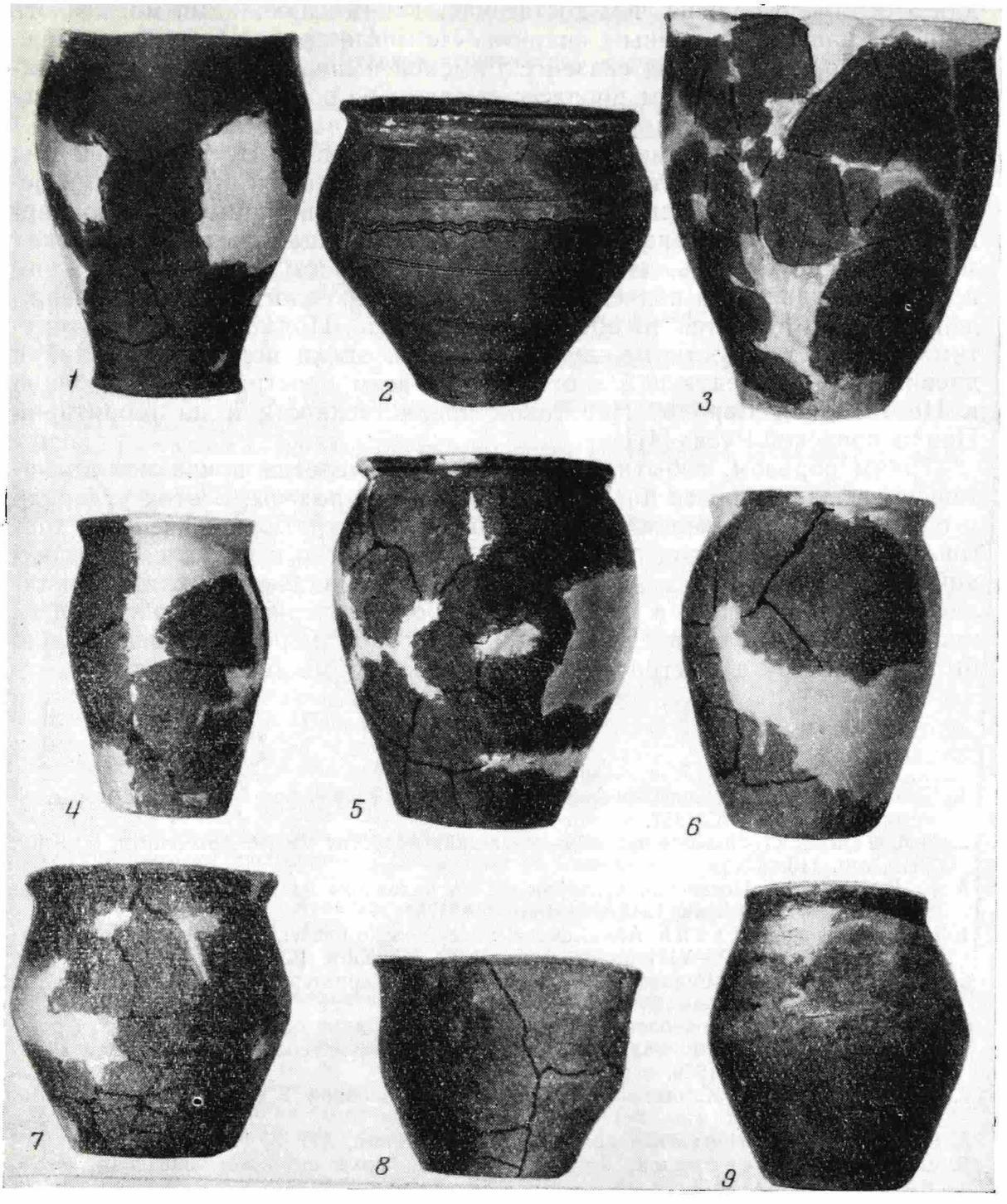


Рис. 4. Славянская керамика VII—VIII вв. н. э. (Правобережье Днепра)
1—3 Лука Райковецкая (раскопки В. К. Гончарова); *4—9* — Пеньковка

Развитие ремесла предполагает наличие внутреннего рынка, наличие обмена, которые обеспечивали бы ремесленнику сбыт его продукции. Эти условия были во II—IV вв., но их не было в VII—VIII вв. Значит, во II в. существовало общество, обеспечивавшее более высокие условия для развития ремесла, чем в VIII в. Если это так, и если считать, что памятники культуры черняховского типа и памятники времени, предшествующего сложению Киевской Руси, оставлены одним и тем же обществом, то, следовательно, надо допустить, что в промежуток времени с V по IX в. это общество не развивалось, а регрессировало.

По-видимому, развитие племен черняховской культуры в силу сложности исторической обстановки середины I тысячелетия было прервано. Общество это распалось, вместе с ним исчезла и его культура. Причин

для этого было больше чем достаточно. Такими причинами могли быть гуннское нашествие, войны с аварами. Не могло пройти бесследно и прекращение экономических связей с Римской империей в III—IV вв. Завершающую роль в этом процессе сыграли балканские войны, вызвавшие значительные передвижения восточнославянского населения.

Говоря об этом времени, Б. А. Рыбаков пишет: «В V в. нашей эры прекращают свое существование „поля погребений"; в это же время исчезают выемчатые эмали, исчезает в Приднепровье применение гончарного круга (возродившись лишь в IX в.), прекращается приток римских монет; можно сказать, что под римским периодом в истории Приднепровского славянства подведена черта» [46]. Археологическим подтверждением этого является то обстоятельство, что «Прямой зрительно-ощутимой преемственности между древностями эпохи полей погребений и древностями последующей эпохи нет на всем пространстве Восточной и Центральной Европы. Нет такой преемственности и на территории Приднепровской Руси» [47].

Таким образом, события середины I тысячелетия привели к значительной разреженности населения лесостепной полосы. В этих условиях у остатков племен черняховской культуры прекратилась внешняя торговля, пришло в упадок ремесленное производство и распался внутренний рынок, а родоплеменные элементы их социального уклада усилились. Продвинувшиеся в Приднепровье более северные славянские племена встретили тут население, в значительной мере утратившее свою былую культуру и быстро воспринявшее их нормы общежития.

Литература

1. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян, СА, 1957, 4.
2. М. Смішко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, II, Київ, 1948. стр. 113.
3. Є. В. Махно. Поселения культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. АП, I, Київ, 1949, стр. 163—164, 175.
4. М. Ю. Брайчевський. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VII—VIII ст. ст. Археологія, IV, Київ, 1950, стр. 46—51.
5. М. Ю. Смішко. Ранньослов'янська культура Карпатського підгір'я, НЗІСН, 1, 1953, стр. 146.
6. М. Ю. Смішко. Археологічні дослідженія в західних областях Україні за роки Радянської влади. Сб. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вып. 2, Київ, 1959, стр. 22.
7. М. Ю. Смішко. Карпатські кургани першої половини І тисячоліття н. е. Київ, 1960, стр. 129.
8. Є. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. АП, 3, 1952.
9. Є. В. Брайчевський. Основні питания археологічного вивчення антів, ВАНУРСР, 1952, № 7.
10. М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 1957, стр. 126.
11. М. Ю. Брайчевський. Про етнічну приналежність черняхівської культури. Археологія, 10, Київ, 1957.
12. Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР, СА, XXI, 1955, стр. 260.
13. М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 79.
14. Э. А. Сымонович. О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, 57, 1955, стр. 28—32.
15. М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 183—184.
16. М. А. Тиханова. Археологические памятники среднего Поднестровья в первой половине I тыс. н. э. КСИА, 2, 1953, стр. 15—19.
17. С. В. Коршенко. Материалы для составления карты распространения культуры полей погребений на территории УССР. Рукопись в архиве Института археологии АН УССР, фонд Н. Р. № 47, листы 83 и 84.
18. Н. В. Линка. Розвідка в Канівському районі. АП, III, Київ, 1952, стр. 101—102.
19. В. В. Хвойко. Поля погребений в среднем Приднепровье, ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, СПб., 1901, стр. 182.

20. В. В. Хвойко. Раскопки в с. Ромашки Васильковского уезда Киевской губ. Рукопись. Архив ЛОИА, дело АК, № 53/1899, стр. 11.
21. Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, СА, XXIV, 1955, стр. 306.
22. В. В. Антонович. Археологическая карта Киевской губ., М., 1895, стр. 59—60.
23. М. Ю. Брайчевский. Пастырское городище в связи с проблемой восточнославянских племен. КСИА, 2, стр. 28.
24. Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г., КСИИМК, 65, 1956, стр. 83.
25. Соня Георгиева. Раскопки на могилы XXXIII и XXXII в Плиска, Известия на археологическия Институт. София, 1955, табл. 18 и 19.
26. Т. Н. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению ставропольского края. Вып. 2—3, Ставрополь, 1953.
27. Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. Археологія, VIII, Київ, 1953, стр. 36—37.
28. Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, 43, 1911, стр. 116.
29. М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастырском городище в 1949 г. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 162.
30. М. А. Тиханова. Поселение культуры полей погребений в Луке-Врублевецкой, Хмельницкой области. КСИА, 4, 1955, стр. 46.
31. І. Старчук. Розкопки на городищі Пліснесько. АП, І, Київ, 1949, стр. 80—81.
32. М. П. Кучера. Древний Плеснеск. Рукопись кандидат. диссерт. Архив Института археологии АН УССР, фонд НР, № 439, табл. 39—43.
33. В. В. Аулих. Основні результати археологічного дослідження древньоруського селища в с. Ріпнів Львівської області. Диссертаційний збірник. Київ, 1958, стр. 26—59.
34. С. С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи (между м. Мирополь и с. Ульха). Тр. XI АС, I, М., 1901, стр. 355—403.
35. Материалы и документы хранятся в Житомирском музее.
36. В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 13 и 117.
37. Д. Т. Березовец. Славянские поселения в устье Тясмина. КСИА, 8, 1959 стр. 37—45.
38. В. А. Богусевич. Канівська археологічна експедиція, АП, III, табл. II.
39. Г. Г. Мезенцева. Канівська експедиція КДУ в 1959 р. Архив ин-та археологии АН УССР, ф. эксп. № 3320—21.
40. Г. Г. Мезенцева. Звіт про роботу загону слав'яно-руської археології Канівської комплексної експедиції. КДУ в 1960 р., архив ин-та археологии АН УССР, ф. эксп. № 3510—11.
41. М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, 59, 1955, стр. 106—111.
42. А. Т. Брайчевская. Изучение славянских памятников Надпорожья, КСИА, 4, 1955, стр. 43, 30—31.
43. А. В. Бодянский. Археологические находки в Днепровском Надпорожье. СА, 1960, 1, стр. 274—277.
44. К. В. Бернякович. Археологічні дослідження в Закарпатській області в 1958 р. АП, IV, Київ, 1952, стр. 80.
45. Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение в с. Незвиско, Станиславской области. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 209—222.
46. Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, № 11—12, 1943, стр. 77.
47. Б. А. Рыбаков. Древние русы, СА, XVII, 1953, стр. 50

В. В. СЕДОВ

ДРЕГОВИЧИ

На первых страницах «Повести временных лет» дреговичи выступают как самостоятельное восточнославянское племя, которое занимает определенную территорию, живет самобытной жизнью и до вхождения в состав Киевской Руси имеет собственную политическую организацию — свое «княжение». Попытка С. М. Середонина вычеркнуть дреговичей из списка древнерусских летописных племен и рассматривать их как разноплеменных по происхождению жителей болотистых местностей Припятского Полесья [1] не встретила поддержки среди историков древней Руси, так как не имеет под собой решительно никаких оснований [2].

Начальная летопись помещает дреговичей между Припятью и Западной Двиной: «а друзии седоша межю Припетью и Двиной и нарекошася дреговичи» [3]. Назвав эти реки, летописец безусловно указал не точные границы земли дреговичей, а лишь место их расселения. Не подлежит сомнению, что бассейн Западной Двины был уже кривичским. Однако летопись не позволяет определить даже приблизительные границы территории расселения дреговичей. Вполне определенно дреговичскими названы лишь города Случеск и Клеческ [4]. Дреговичским городом был также Туров. Хотя в летописях об этом прямо и не сказано, но косвенными путями можно установить, что этот город не только был расположен на земле дреговичей, но и являлся их племенным центром [5—9]. Отнесение к числу дреговичских поселений других городов Полесья не документировано никакими материалами.

Некоторые исследователи пытались определить границы дреговичской территории на основе политической границы Туровской земли. Однако историки Туровского княжества неоднократно отмечали, что хотя основным ядром населения Туровской земли и были дреговичи, границы этой земли в XII в. не могут быть использованы для определения территории расселения дреговичей, так как Туровская земля в ряде мест не охватывала всей дреговичской территории, а в других местах, наоборот, выходила за ее пределы [5, стр. 576—578; 6, стр. 57; 7, стр. 16; 8, стр. 150].

Н. П. Барсов для выявления границ расселения дреговичей использовал географические названия, напоминающие по звучанию имя этого племени [10, 11]. Однако многие из перечисленных этим исследователем географических названий настолько далеки от племенного названия (например, Старые Дороги, Дорошевичи, Дорожки и др.), что вряд ли могут быть связаны с последним, другие же могут быть производными от слова дрягва (дрегва, дрыгва), что по-белорусски, по-украински и по-литовски значит болото. Уже П. Н. Милюков в связи с этим отметил, что Н. П. Барсов «не совсем осторожно пользуется материалом» [12], а Е. Ф. Карский специально подчеркнул спорность и неправомерность

использования подобных географических названий для определения территории расселения дреговичей [13].

Первая попытка археологического исследования дреговичей принадлежит В. З. Завитневичу, раскопавшему в Минской губ. свыше 600 курганов древнерусского времени. Уже в одной из первых археологических работ этот исследователь говорит о том, что для дреговичей в отличие от древлян и полян характерны курганные трупоположения на горизонте [14]. В дальнейших своих трудах В. З. Завитневич настойчиво проводил эту точку зрения и всюду, открывая в процессе новых раскопок курганов погребения в грунтовых ямах, приписывал эти захоронения иноплеменному (не дреговичскому) населению [15, 16][1].

На основании этого заключения В. З. Завитневич ограничивал дреговичскую территорию следующими границами — правым берегом Припяти на юге, а на юго-западе и западе водоразделами Припяти и Немана, с одной стороны, и Западного Буга и Нарева,—с другой. Северную и восточную границы дреговичской территории он выявить не смог, так как положение покойников на горизонте было распространено не только у дреговичей, но также у полочан и радимичей. В связи с этим северная граница дреговичей была проведена им на основе политической границы Туровской и Полоцкой земель, а за восточный рубеж дреговичской территории был взят Днепр. Возможность же использования женских украшений для определения племенной территории дреговичей В. З. Завитневич недооценивал [15, стр. 235].

Выводы В. З. Завитневича были признаны и использованы в исследованиях А. С. Грушевского [7, стр. 10—12], Е. Ф. Карского [13, 63—66] и др. Между тем определение территории отдельных восточнославянских племен по таким деталям погребального обряда, как положение покойника в основании кургана или в могильной яме под курганной насыпью, является несомненно ошибочным. Недавнее исследование древлянских курганов И. П. Русановой показало, что положение покойников в основаниях курганных насыпей преобладает и на территории этого племени в X—XII вв. [18]; таким образом, южная граница дреговичской территории, проведенная В. З. Завитневичем по южному берегу Припяти, потеряла всякое археологическое подтверждение. В большинстве случаев разница в захоронении покойника (в насыпи, под насыпью кургана) объясняется датой захоронения [19—21]. В связи с тем, что переход от обряда трупоположения на горизонте к захоронениям в подкурганных ямах в разных областях древней Руси имеет различную датировку, разные территории имеют неодинаковый процент курганных захоронений на материке и в ямах. В одних областях преобладают трупоположения на материке, в других господствуют захоронения в подкурганных ямах, но ни одному исследователю еще не удалось показать, что границы между такими областями соответствуют племенным границам. Наоборот, археологические материалы лесной полосы Восточной Европы свидетельствуют о том, что племенные границы тут не при чем[2].

В историко-археологическом изучении восточнославянских племен до сих пор большое научное значение имеет работа А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным». Здесь

---

[1] В другой статье [17] В. З. Завитневич высказывал предположение, что обряд погребения в подкурганных ямах был более древней формой трупоположения, но был заменен впоследствии погребением на горизонте, так как оказался непригодным для данной местности.

[2] Так, изучение и картографирование курганов Новгородской земли показало, что переход к погребениям в грунтовой яме под курганной насыпью происходил в разных районах расселения ильменских славян в разное время. В некоторых районах (например, в центре Новгородской земли) такие курганы появляются уже в XI в., поэтому при картографировании обнаруживают большую плотность. Наоборот, на окраинах Новгородской земли обряд трупоположения в основании курганной насыпи задержался до XIV в. [22]).

впервые правильно были подмечены характерные признаки инвентаря дреговичских захоронений — перстнеобразные височные кольца с заходящими концами (так называемые полутораоборотные), крупные зернистые бусы, иначе называемые бусами «минского типа», наличие внутри курганов деревянных срубов или теремков [23].

В последнее время дреговичские курганные древности были предметом исследования А. В. Успенской [21, 24]. Вопросы этнической истории дреговичей остались в этой работе незатронутыми, и характерные признаки дреговичских археологических памятников были выделены только для определения границы расселения дреговичей в XI—XIII вв. Вслед за А. А. Спицыным А. В. Успенская считает характерными для дреговичских курганов крупнозернистые медно-серебряные бусы и полутораоборотные перстнеобразные височные кольца. Наличие домовин в курганных насыпях, как и присутствие под покойниками остатков кострищ, исследователь относит в разряд второстепенных признаков [21 стр. 97—124; 24, стр. 18].

Настоящая статья посвящена вопросам этнической истории дреговичского племени. Для этой темы определение территории расселения дреговичей XI—XII вв. имеет первостепенное значение, поэтому необходимо вновь более детально остановиться на этом вопросе. Произведенные анализ и картографирование вещевого инвентаря и деталей курганного обряда междуречья Припяти и Западной Двины показали, что наиболее надежным этноопределяющим признаком дреговичей XI—XII вв. являются крупные металлические зерненые бусы[3]. Такие бусы в составе ожерелий неизвестны на территориях расселения других восточнославянских племен (рис. 1). Корреляция их с кривичскими, радимичскими и словенскими височными и другими этноопределяющими украшениями отрицательна. Более того, как правило, дреговичские бусы не встречаются в тех курганных группах, где были найдены височные украшения других славянских племен. В пограничных кривичско-дреговичских и дреговичско-радимичских областях курганы с дреговичскими бусами образуют отдельно стоящие группы. Так в курганном могильнике близ Заславля, северо-западнее Минска, наряду с курганами с дреговичскими бусами раскопаны многочисленные кривичские курганные насыпи. Однако дреговичские курганы составляют здесь расположенную отдельно четвертую курганную группу, в то время как другие курганные группы являются кладбищами кривичского населения Заславля [26]. Все это позволяет рассматривать большие зернистые бусы этническиопределяющими украшениями дреговичей и ставить их в один ряд с височными украшениями вятичей, радимичей или кривичей[4].

Полутораоборотные височные кольца малого диаметра обычно встречаются в тех же курганных группах, что и описанные выше бусы, и часто коррелируются с последними. Для дреговичей они характерны не менее, чем крупные зернистые бусы. Однако эти височные украшения не

[3] В археологической литературе принято называть эти украшения бусами «минского типа». Название очень неудачное, ибо эти бусы не связаны ни с Минском, ни с территорией Минского княжества. Б. А. Рыбаков считает эти бусы изделиями городских ремесленников и предполагает, что центром их производства был Туров [25]. Однако называть их туровскими вряд ли можно, так как по территории своего распространения они выходят за пределы Туровской земли. Лучше называть их бусами дреговичского типа или просто дреговичскими бусами.

[4] В древлянских курганах тоже встречаются зерненые бусы, но других типов. В курганах по Тетереву и Раставице найдены маленькие цилиндрические бусы, покрытые тремя-четырьмя рядами зерни, в других местах встречаются эллипсовидные бусы с узорами из мелкой зерни. Наличие зернистых бус своеобразных типов в древлянских курганах, по-видимому, свидетельствует о какой-то близости дреговичей с древлянами, возможно, об их древнем единстве. А. А. Спицын, отмечая близость украшений и погребального обряда этих племен, объединял их в одну юго-западную группу восточного славянства [23, стр. 326—327].

являются специфически дреговичскими и не могут быть причислены к этническиопределяющим украшениям этого племени, так как довольно часто встречаются и в курганах древлян и волынян. Более того, подобные височные кольца найдены в славянских могильниках Подляшья [27]. В связи с этим перстнеобразные височные кольца с заходящими концами (полутораоборотные) могут быть использованы для определения

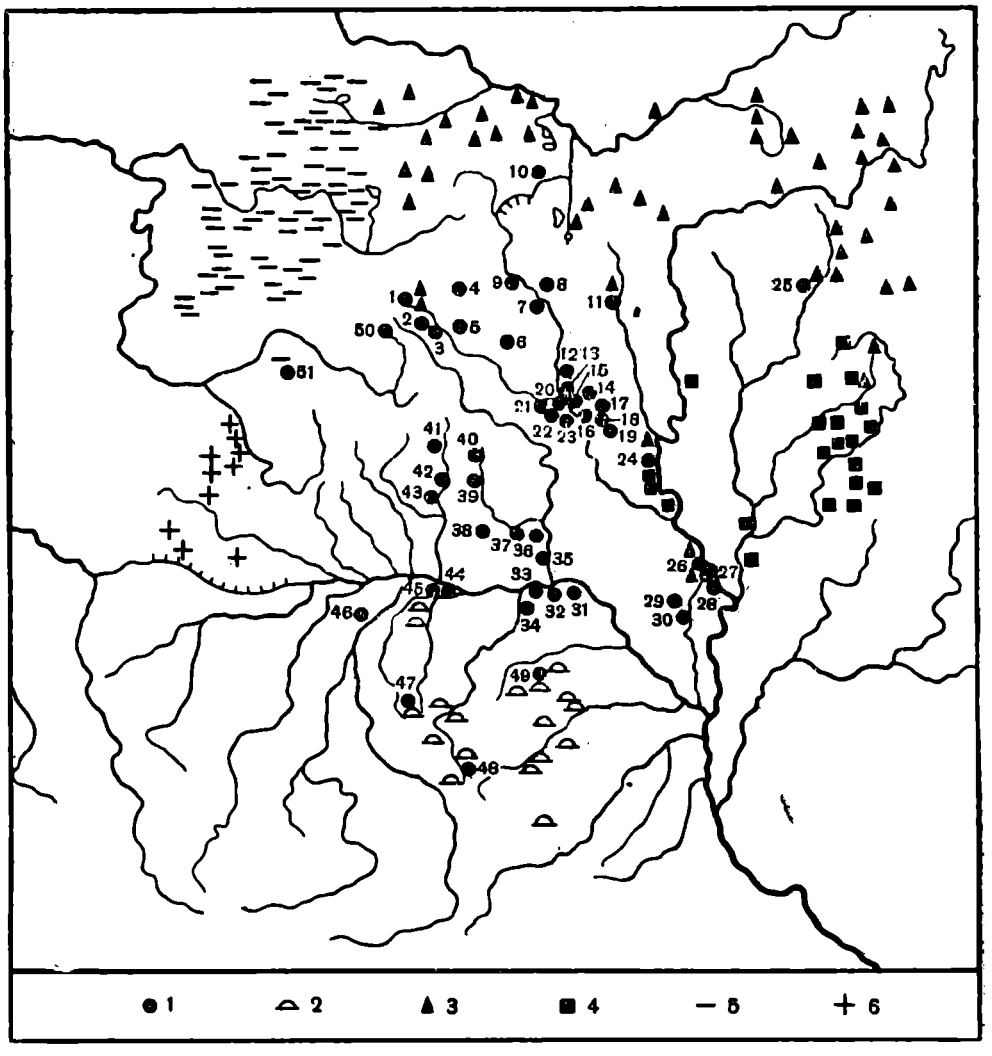


Рис. 1. Дреговичи и их соседи в XI — XII вв.

1 — курганные могильники с находками металлических бус дреговичского типа; 2 — курганные могильники древлян; 3 — курганные могильники с находками кривичских височных колец; 4 — курганные могильники с находками семилучевых височных колец; 5 — восточнолитовские курганы; 6 — каменные курганы Бугско-Неманского междуречья

1 — Заславль; *2* — Петровщина; *3* — Рыловщина; *4* — близ Логойска; *5* — Селище; *6* — раскопки Тышкевича в Игуменском у.; *7* — Побережье Мурава; *8* — Оздятичи; *9* — Борисов; *10* — Матюшина Стена; *11* — Эсьмоны; *12* — Вирков (Семибраты); *13* — Леневка; *14* — Кострицкая Слобода; *15* — Любоничи; *16* — Макаричи; *17* — Пацева Слобода; *18* — Перекаль; *19* — Волосовичи; *20* — Устиж; *21* — Брицаловщина; *22* — Горожа; *23* Ясень (Белая Лужа и Заречье); *24* — Солоное; *25* — Мозык; *26* — Адамовка; *27* — Леваши; *28* — Заужелье; *29* — Горошков; *30* — Пожарки; *31* — Курганы; *32* — Городок (Стригалова Слобода); *33* — Туровское болото; *34* — Глиница; *35* — Гальце; *36* — Ванюжицы; *37* — Комаровичи; *38* — Дьяковичи; *39* — Нежаровские хутора (Княжья Могила); *40* — Языль; *41* — Огородники-Падзеры; *42* — Митяевичи; *43* — Стомогилы; *44* — Рычев; *45* — Хильчицы; *64* — Теребежово; *47* — Ракитино; *48* — Андреевичи; *49* — Довга Нива; — *50* Черниковщина; *51* — Платово

дреговичских памятников в северных и восточных районах расселения дреговичей и совершенно непригодны для установления южного рубежа дреговичской территории.

Среди дреговичских курганов XI—XII вв. встречаются насыпи с погребениями в деревянных домовинах или теремах, представляющих собой сруб из небольшого числа венцов с двухскатной крышей. Количество

таких курганов сравнительно невелико. Рассматривать эту особенность погребального обряда как типично дреговичскую нельзя, так как точно такие же домовины-теремки известны и в волынских курганах [28]. Этот признак опять подчеркивает родственную связь дреговичей с волынянами и выделяет дреговичские погребения среди курганных погребений северных и восточных соседей.

Из числа признаков, характерных для дреговичей (второстепенных, по мнению А. В. Успенской, первостепенных — по И. П. Русановой), нужно исключить наличие под погребенными в основании курганной насыпи остатков кострищ. Эта особенность курганного погребального ритуала известна только на части дреговичской территории, к тому же она в большей степени, чем дреговичам, присуща смоленским и полоцким кривичам и радимичам.

Учитывая вышесказанное, дреговичская территория XI—XIII вв. должна быть определена в следующих пределах (рис. 1). Южная граница дреговичских поселений проходила несколько южнее Припяти, во всяком случае правый берег этой реки был занят поселениями дреговичей. Судя по единичным курганным погребениям с дреговичскими бусами, отдельные поселения дреговичей имелись и южнее Припяти, по Горыни, Льве и Словечне. Но это уже была древлянская территория, о чем свидетельствует основная масса курганов, имеющая типично древлянские признаки. В свою очередь отдельные группы древлян проникли в южные районы дреговичской территории[5]. Такая картина обычна для пограничных районов восточнославянских племен.

Восточной границей дреговичской территории был Днепр. Сам Днепр был основной водной магистралью, связывающей южнорусские земли с северорусскими, и поэтому по его берегам имеются и дреговичские, и радимичские, и кривичские погребения, и курганы других племен. Однако на левый берег поселения дреговичей не заходили. Исключением являются курганы, расположенные у д. Мозык на р. Соже [29]. Северо-восточная граница дреговичей проходила по водоразделу Березины и Друти. На севере дреговичская территория ограничивалась линией, проходящей через Борисов и Заславль, причем с северной части этой области имело место территориальное смешение дреговичей с полочанами.

На западе большое болотистое пространство (так называемое Выговское болото) отделяло поселения дреговичей от Брестского Побужья и Бужско-Неманского междуречья. Последние области некоторые исследователи считали дреговичскими [6, стр. 2; 7, стр. 13; 13, стр. 66]. Однако такое мнение не подтверждается никакими фактами. Население среднего Побужья и Понеманья, судя по археологическим данным, принадлежало совершенно иному племени. Об этом прежде всего свидетельствует наличие здесь своеобразных каменных курганов, неизвестных дреговичскому населению Припятско-Двинского междуречья. Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего каменные курганы западных областей Белоруссии, является самостоятельной темой и здесь не рассматривается. Однако весь инвентарь этих курганов, как и своеобразие в их устройстве, подчеркивает недреговичское происхождение этих памятников. Среди многочисленных курганов верхнего Понеманья только единичные содержат дреговичский инвентарь. Таковы курганы, расположенные близ д. Платово Новогрудского уезда [30][6]. Отнесение

[5] И. П. Русанова, не принимая во внимание распространение предметов женского украшения и исходя лишь из ошибочного предположения, что дреговичские курганы характеризуются остатками кострищ под скелетами в основаниях насыпей, проводит южную границу дреговичей значительно севернее Припяти, а Туров с окрестностями относит к древлянской земле [18, стр. 68, рис. 2]. В связи с этим она говорит о том, что курганы по Припяти не имеют ни древлянских, ни дреговичских характерных признаков и определить их племенную принадлежность нельзя.

[6] Буса дреговичского типа найдена только в одном кургане — № 4 второй группы. Височное кольцо, найденное в кургане № 3, названо дреговичским ошибочно.

других понеманских курганов к дреговичам традиционно, но не имеет под собой решительно никаких оснований [23, стр. 326; 31; 32]. Наличие же в верхнем Понеманье длинных курганов свидетельствует о заселении этого края другой (недреговичской) группой восточного славянства. По всей вероятности, только в сравнительно позднее время сюда проникли отдельные группы дреговичского населения.

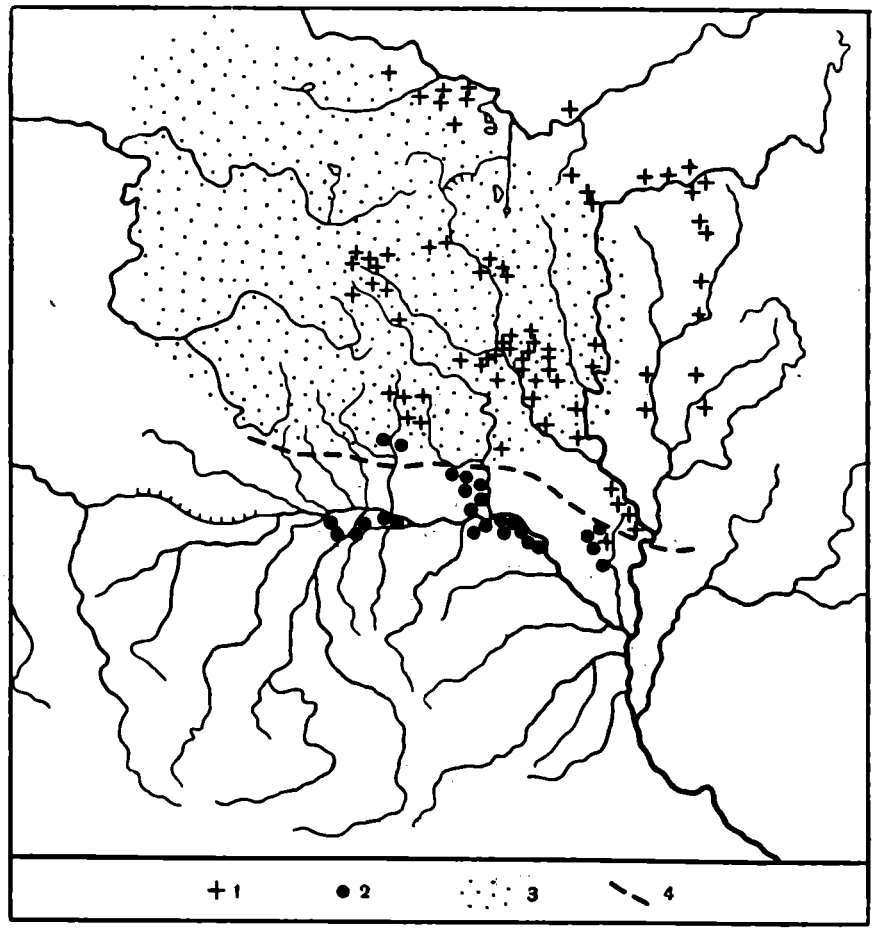


Рис. 2. Локальные группы дреговичей

1 — курганные могильники с наличием в основаниях погребальных насыпей остатков кострищ; *2* — курганные могильники без таких кострищ; *3* — область распространения поселений со штрихованной керамикой; *4* — приблизительная южная граница распространения балтийской гидронимики по данным К. Буги (В северной части дреговичской территории, наряду с курганами, кострищами и зольными прослойками в основании, встречаются и курганные насыпи без таковых, которые не картографированы)

Изучение особенностей погребального обряда дреговичских курганов XI—XII вв. приводит к четкому членению дреговичской территории на две части (рис. 2). Для северной части характерны курганы с остатками кострищ под покойниками в основаниях насыпей. Эта особенность северных дреговичских курганов сближает их с одновременными курганами полочан, смоленских кривичей и радимичей. В южных районах дреговичской территории остатки кострищ под скелетами отсутствуют. Причина такого членения дреговичской территории станет понятной, если обратиться к археологическим данным предшествующего времени и к материалам других наук. Еще А. А. Кочубинский убедительно показал, что в левобережной части Припятского бассейна и в бассейне р. Березины имеется большое количество рек и озер с названиями балтийского происхождения [33]. В дальнейшем в историко-лингвистической литературе положение о том, что правобережье Днепра севернее Припяти до прихода славян было заселено балтийскими племенами, оставившими

значительный слой в гидронимике этой местности, получило широкое признание [34][7].

Материалы гидронимики в данном случае полностью согласуются с археологическими материалами. Культура поселений со штрихованной керамикой, распространенная в Верхнем Поднепровье севернее Припяти, по своей этнической принадлежности является бесспорно балтийской [37, 38]. Наложение карты локального членения дреговичских курганов XI— XII вв. на этно-археологическую карту Верхнего Поднепровья раннего железного века показывает, что вся северная часть дреговичской территории, где курганные насыпи характеризуются наличием остатков кострищ под скелетами, попадает на территорию, которая прежде была занята балтийскими племенами (поселениями со штрихованной керамикой). При этом южная граница распространения древнерусских курганов с остатками кострищ в основании совпадает с южной границей ареала поселений со штрихованной керамикой (рис. 2).

То обстоятельство, что обряд захоронения на кострище встречается не только в курганах северной части земли дреговичей, но и у полочан, смоленских кривичей и радимичей (т. е. на всей территории с значительным слоем балтийской гидронимики), заставляет предположить, не связана ли эта особенность древнерусского погребального обряда с погребальным ритуалом древнего балтийского населения Верхнего Поднепровья и Среднего Подвинья? Не есть ли это отпечаток прежнего (пока нам неизвестного) погребального обряда верхнеднепровских балтийских племен, ассимилированных славянскими племенами? Во всяком случае в тех древнерусских областях, где славяне не соприкасались с балтийским населением, этой детали погребального обряда в древнерусских курганах нет. Граница сплошного распространения древнерусских курганов XI—XII вв. с остатками кострищ под погребениями не выходит за пределы распространения балтийской гидронимики. В курганах древлян, полян, северян и вятичей остатков кострищ под скелетами не наблюдается. О том же свидетельствует четкое членение дреговичской территории. То же самое наблюдается и в области расселения кривичей. Уже длинные курганы кривичей разделяются на две локальные группы. На территории, которая прежде была занята балтийскими племенами, эти памятники имеют остатки кострищ под погребениями и среди вещевого материала обнаруживают украшения явно балтийского происхождения. Псковская же группа кривичей, расселившаяся вне районов древней балтийской территории, оставила длинные курганы без таких кострищ [39]. Такое членение кривичской территории удерживается до XII в. включительно.

О том, что в северной части дреговичской территории славянизация края осуществилась в значительной степени за счет ассимиляции местного (балтийского) населения, довольно ярко свидетельствуют материалы палеоантропологии. В соответствии с отмеченным выше членением дреговичской территории XI—XII вв. дреговичское население этого времени по своему антропологическому строению разделяется на две группы. Дреговичи северной части Припятского бассейна и бассейна Березины принадлежат к европеоидному длинноголовому и сравнитель-

[7] Новейшие гидронимические исследования [35] не только подтвердили наличие балтийского слоя в гидронимике Верхнего Поднепровья, но и выявили сотни новых названий рек несомненно балтийского происхождения. Особенно многочисленны балтийские гидронимы в левобережной части Припятского и в Березинском бассейнах. В связи с этим В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев высказали предположение о наличии здесь балтийского населения вплоть до первых столетий II тысячелетия н. э.

Кроме того, исследователи выявили наличие балтийских гидронимов в правобережной части Припятского бассейна, в его восточных районах. Однако здесь гидронимы балтийского происхождения единичны и нужно предполагать дожили до наших дней с весьма отдаленной эпохи — с I тысячелетия до н. э. Тогда здесь была распространена милоградско-подгорцевская культура, южные пределы которой [36] как раз и соответствуют южной границе балтийской гидронимики.

но широколицему антропологическому типу, имеющему ближайшие аналогии среди краниологического материала ряда грунтовых могильников балтийского населения Прибалтики. В верхнем Поднепровье этот антропологический тип по территории своего распространения соответствует области расселения той части древнего балтийского населения, которое оставило селища со штрихованной керамикой [40]. Для южных же районов земли дреговичей — там, где в I тысячелетии н. э. балтийского населения не было, характерен европеоидный длинноголовый и узколицый антропологический тип, широко распространенный среди других восточнославянских племен курганного времени.

Подобная картина выявляется и при изучении антропологического строения современного населения Припятского бассейна. Антропологическое исследование южнобелорусского населения в 1953 г. позволило В. В. Бунаку высказать предположение, что, как и в древности, южной границей балтийской антропологической зоны в настоящее время является река Припять [41]. Последующие экспедиционные работы подтвердили это положение. Установлено, что население Верхнего Поднепровья севернее Припяти принадлежит к так называемому валдайскому антропологическому типу, распространенному по всей восточной части древней балтийской территории, в том числе в восточных районах современной Литвы и Латвии. Современное же население правобережной части Припятского бассейна принадлежит к полесскому антропологическому типу [42].

До настоящего времени в ряде районов БССР местное население называет древнерусские курганы «копцами» («капцами»). Балтийское происхождение этого слова не вызывает сомнений [8]. Для нашей темы большой интерес представляет картография этого термина. Различные народные названия курганов Белоруссии впервые привлекли внимание Л. В. Алексеева, который высказал предположение, что термин «копцы» характерен для дреговичской территории, в то время как в области расселения полочан древнерусские курганы зовутся современным населением волотовками, а на территории смоленских кривичей и радимичей — просто курганами [44]. Однако изучение распространения народных названий курганных могильников выявило ошибочность такого предположения. Так, волотовками называют курганы не только в области расселения полоцких кривичей, но и во многих районах Смоленщины, частично в Верхнем Поволжье и на радимичской земле. Термин же «концы» известен не только на части дреговичской земли, но и в областях расселения других восточнославянских племен. Иными словами, распространение различных народных названий древнерусских курганных могильников не связано с племенными территориями.

По своему ареалу термин «копцы» («капцы») [9] в области Верхнего Поволжья и Подвинья соответствует области расселения группы балтийских племен, которые оставили городища и поселения со штрихованной керамикой (рис. 3). Таким образом, по названиям курганных кладбищ дреговичская территория разделяется на те же две части, что и по данным археологии и антропологии. В ее северной части, где наряду со славянской колонизацией имела место ассимиляция балтийского населения, курганные могильники местное население называет балтийским словом копцы [10], в южной же части дреговичской территории это слово неизвестно. В связи с этим рассматриваемый термин нужно считать одним из балтицизмов, сохранившимся до наших дней в белорусском

[8] Литовск. kāpas — могила, kapai или kāpines — кладбище; латышск. kapi — кладбище. В восточных районах Латвии местное население называет курганы «кара-корі» [43].

[9] Так как количество мест, где указано местное название курганов, в историко-археологической литературе сравнительно невелико, карта дополнена географическими названиями, производными от этого слова. Оказалось, что они тоже ограничены определенными районами древней балтийской территории.

[10] Кроме этого названия встречается и общераспространенное название — курганы.

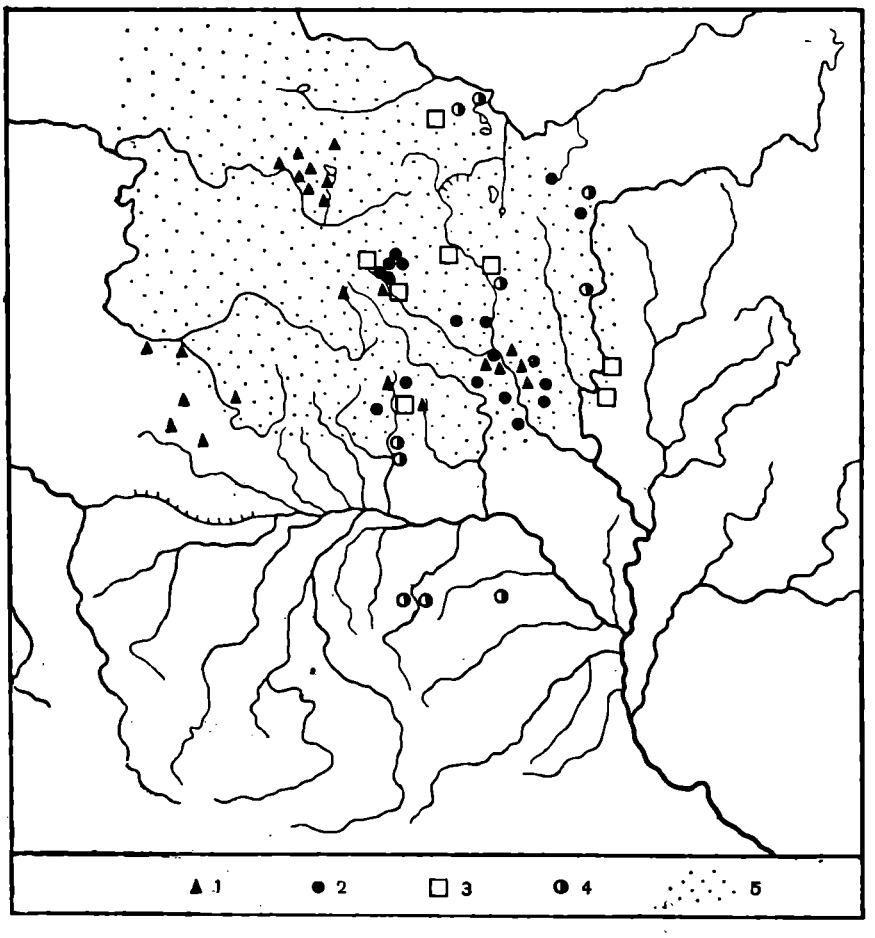


Рис. 3. Некоторые топонимы и антропологические типы

1 — местности, где зарегистрировано распространение термина «капцы» для курганных могильников; *2* — современные топонимы «Копец-Копцы»; *3* — широколицый европеоидный антропологический тип (курганные черепа); *4* — узколицый европеоидный длинноголовый антропологический тип; *5* — область распространения поселений со штрихованной керамикой

языке. В заключение следует добавить, что еще в XIX в. среди местного населения Припятского Полесья существовало деление Полесья, близкое к членению, намечаемому по археолого-антрополого-гидронимическим данным. Северная часть его называлась литовским Полесьем, правобережная — волынским [45].

Древнейшими славянскими памятниками на дреговичской территории являются поселения VI—VIII вв. н. э. с керамикой пражского типа. В советской археологической литературе эта керамика обычно называется сосудами типа корчак или житомирского типа и рассматривается как локальный вариант сосудов пражского типа. [46; 47]. По территории своего распространения памятники этого типа на Волыни и в южном Полесье охватывают области расселения нескольких позднейших летописных племен — волынян, древлян и южной части дреговичей [48]. По-видимому, поселения и погребения с керамикой пражского типа в Поднепровье и нужно считать памятниками одной из групп восточного славянства, из которой впоследствии сложились летописные древляне, волыняне, дреговичи и, может быть, некоторые другие племена. Родственность перечисленных восточнославянских племен была подчеркнута выше при характеристике дреговичских украшений и погребального обряда.

Эволюционная связь керамики пражского типа со славянской керамикой древнерусского времени бесспорна. Она хорошо прослеживается на западнославянских территориях и рассматривается там как исходная форма развития средневековой славянской керамики. Не менее убедительна ее эволюция на территории расселения юго-западной группы

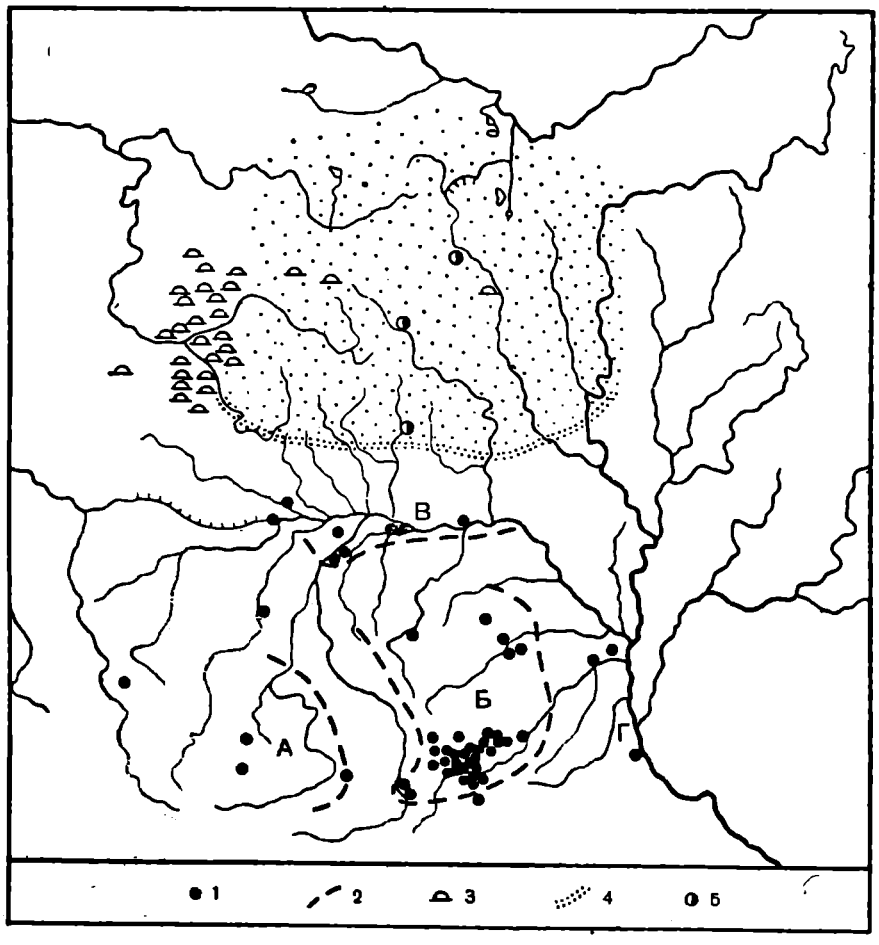


Рис. 4. Юго-западная группа восточного славянства в третьей четверти I тысячелетия н. э.

1 — памятники пражского типа; *2* — приблизительные границы расселения восточнославянских племен по археологическим данным XI — XII вв. (А — волыняне, Б — древляне, В — дреговичи, Г — поляне); *3* — длинные курганы; *4* — область распространения поселений со штрихованной керамикой; *5* — места находок предметов восточнолитовских типов VII — VIII вв.

восточного славянства (см. работы Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой). Наличие в южной части дреговичской территории (Туровщина) отдельной группы памятников пражского типа и эволюционная связь керамики этих памятников с керамикой дреговичских курганов IX—X вв. позволяют предполагать, что именно северная группа населения, оставившая памятники пражского типа в Поднепровье, стала ядром дреговичского племени (рис. 4). Территориальная обособленность этой группы раннего восточнославянского населения (она отделена от других поселений с пражской керамикой значительными болотистыми пространствами), по-видимому, и послужила толчком к образованию самостоятельного восточнославянского племени дреговичей. Археолог не может согласиться с положением, развиваемым М. К. Любавским, о значительной расчлененности древнерусских областей и населения лесами и болотами в эпоху Киевской Руси [49]. Но это положение вполне справедливо для более раннего времени, в частности, для третьей четверти I тысячелетия н. э., когда разобщенность отдельных групп восточнославянского населения приводила к сложению самостоятельных этнических групп — племен, известных по начальной летописи.

Археологические памятники с керамикой пражского типа в Туровском Полесье нужно считать древнейшими памятниками дреговичей. Таким образом, в третьей четверти I тысячелетия н. э. дреговичи занимали сравнительно небольшую часть Припятского бассейна в той его части, где впоследствии был основан племенной центр — г. Туров. Север-

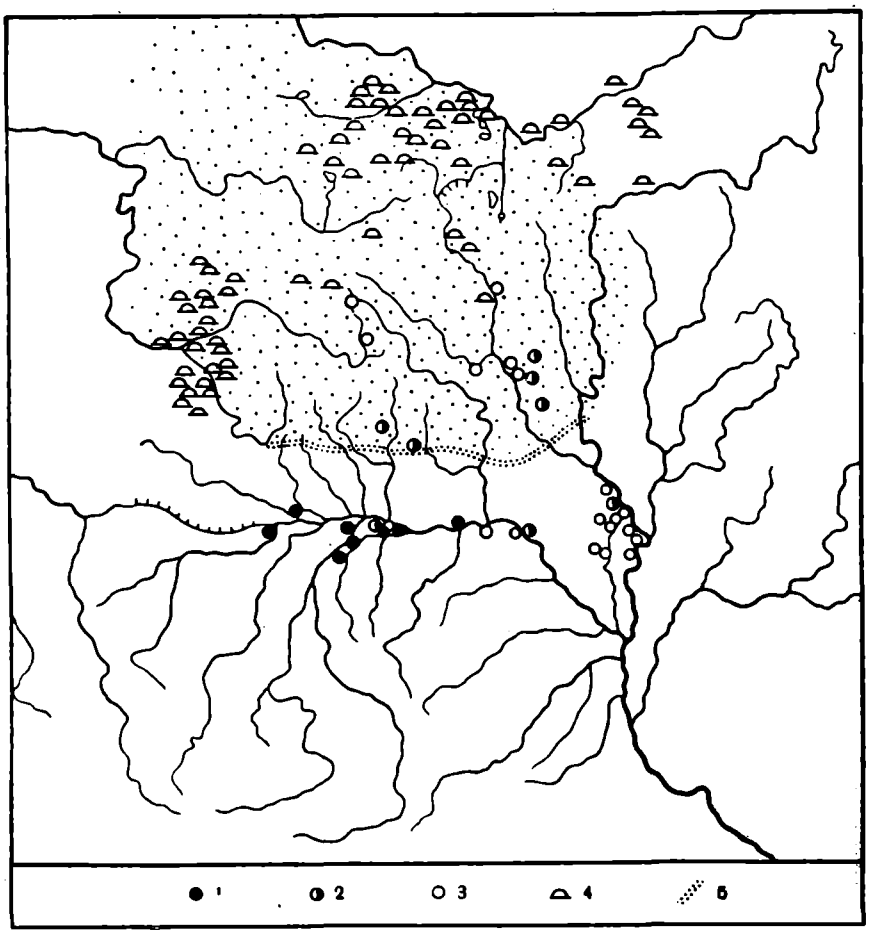


Рис. 5. Дреговичи в IX — X вв.

1 — памятники пражского типа (дреговичская группа); *2* — дреговичские курганы IX в. (с трупосожжением и с лепной керамикой); *3* — дреговичские курганы X в. (с трупосожжением и с гончарной керамикой); *4* — районы кривичской колонизации; *5* — область распространения поселений со штрихованной керамикой

нее Припяти в это время жили еще балтийские племена, а южнее и юго-западнее — другие группы восточнославянского населения, оставившего поселения и погребения с керамикой пражского типа.

Археологические памятники балтийского населения правобережной части Верхнего Поднепровья второй половины I тысячелетия н. э. пока не изучались. Жизнь на городищах со штрихованной керамикой прекратилась около середины I тысячелетия. Как и в других областях Восточной Европы, здесь изменился характер поселений — на смену укрепленным поселениям пришли неукрепленные селища, которые пока не привлекали внимания археологов. О том, что южная граница расселения балтийских племен на правобережной части Верхнего Поднепровья оставалась в третьей четверти I тысячелетия стабильной, свидетельствуют многие материалы и прежде всего уже отмеченные выше данные антропологии, археологии и гидронимики. Отдельные же археологические находки второй половины I тысячелетия непосредственно говорят о присутствии здесь балтийского населения в это время. Таковы типично восточнолитовские предметы, найденные в различных местах БССР,— шейные гривны с седловидными концами, датируемые VII—VIII вв. и найденные в Узлянах к югу от Минска [50], витые шейные гривны с конусовидными концами, найденные в Милькевичах Старобинского района [50, стр. 542 и табл. II, 5] и в Площаницах в бассейне Березины [51].

Начало дреговичской колонизации левобережной части Припятского бассейна датируется IX в. Об этом свидетельствуют курганы с трупосожжениями IX—X вв., содержащие лепные урны. Такие курганы, помимо Припяти, известны на Случи, Днепре и Березине (рис. 5). Одно-

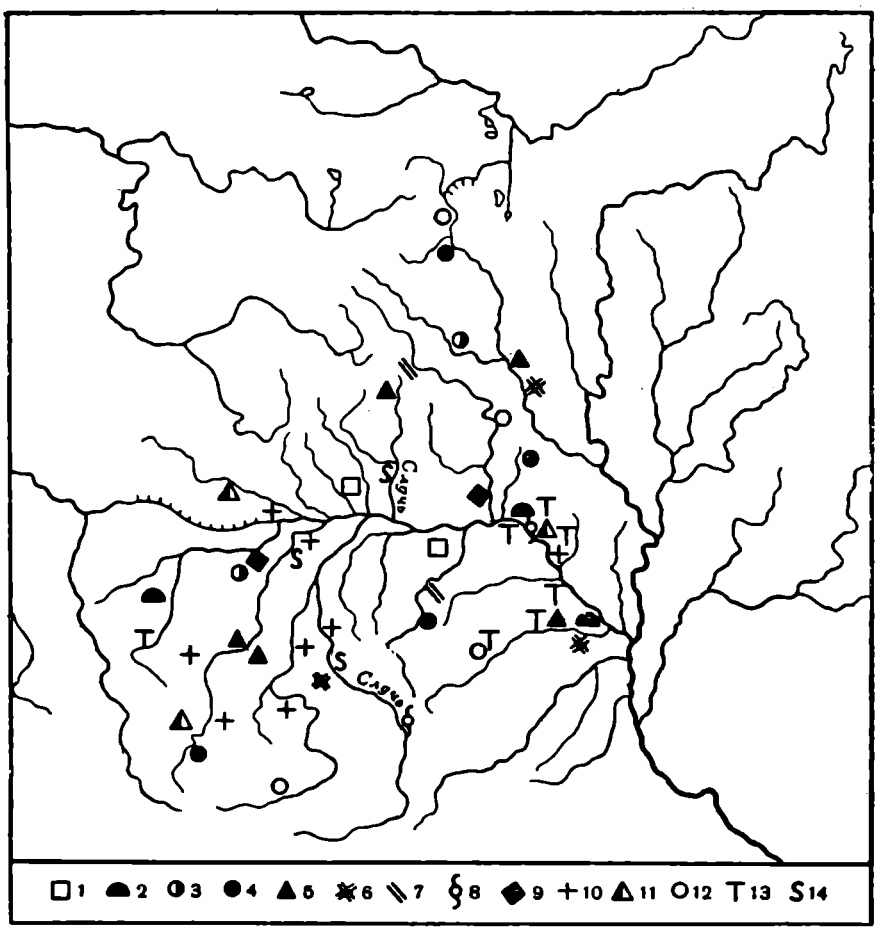


Рис. 6. Некоторые повторяемые гидронимы севернее и южнее Припяти

1 — Бродница; *2* — Глушица; *3* — Гривка; *4* Дубровка; *5* — Железница; *6* — Крапивна; *7* — Криница; *8* — Лубня; *9* — Млинок; *10* — Став-Ставок; *11* — Судиловка; *12* — Тростянец; *13* — Тура-Турья-Турейка; *14* — Черная

временно с севера, со стороны полоцкого течения Западной Двины, Припятско-Двинское междуречье заселяется кривичами. Дальнейший этап расширения дреговичской территории обрисовывают курганы с трупосожжением X в., в которых найдена уже гончарная керамика, и, наконец, последний этап — курганы с трупоположениями XI—XIII вв., с находками дреговичских украшений.

О том, что заселение левобережной части Припятского Полесья и бассейна Березины происходило именно из южной части Припятского бассейна, кроме археологических материалов, свидетельствуют данные гидронимики. Исследователями днепровской гидронимики давно уже было подмечено, что некоторые из названий рек и озер правобережной части Днепра севернее Припяти одинаковы с названиями рек и озер бассейна Немана (таковы Плиса, Уша, Уса, Свислочь, Митава и др.). Все эти гидронимы балтийского происхождения. Славянские же названия рек левобережной части Припятского бассейна и бассейна нижней и средней Березины имеют многочисленные аналогии исключительно в южной (левобережной) части Припятского бассейна [52, 53]. Таковы, прежде всего, р. Случь — правый приток Горыни и р. Случь — левый приток Припяти, р. Гривка в нижнем течении Стохода и р. Гривка в бассейне Березины, реки Дубравки в бассейнах Стыри и Уборти, с одной стороны, и в бассейнах Березины и Ипы,— с другой, две речки Железницы в бассейне Стыри и р. Железница в верховьях левобережной Случи, речки Тростянец и бассейнах Горыни и Ужа, с одной стороны, и в бассейнах Птичи и Березины,— с другой, пять речек с названием Став в правобережной части Припяти (в бассейнах Стыри и Горыни) и р. Став в бассейне левого притока Припяти — Вити и мн. др. Схема расположения

некоторых повторяемых названий рек Припятского и Березинского бассейнов дана на рис. 6.

Повторяемость гидронимов правобережной и левобережной части Припятского бассейна настолько значительна, что вопрос о заселении славянами левобережной Припяти и Березины именно с юга, с правобережья Припяти, может быть решен гидронимическим анализом вполне самостоятельно. Этот анализ вполне подтверждает нарисованную выше по археологическим данным картину расселения славян к северу от Припяти. Более того, изучение повторяемости названий рек Припятско-Березинского бассейнов позволяет полагать, что в процессе заселения славянами левобережной части Припятского Полесья, помимо отлива населения из Туровского Полесья, имел место приток славянского населения из Волыни — из бассейнов Горыни и Стыри.

Литература

1. С. М. Середонин. Историческая география. Птг., 1916, стр. 136—137.
2. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 248—251.
3. Повесть временных лет. ч. I, М.— Л., 1950, стр. 11.
4. Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 203 и 268.
5. В. З. Завитневич. Область дреговичей как предмет археологического исследования. Тр. Киевской Духовной академии, 8, Киев, 1886, стр. 580.
6. М. В. Довнар-Запольский. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891, стр. 59.
7. А. С. Грушевский. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI—XII вв. Киев, 1901, стр. 16.
8. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 150.
9. Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. ВИ, 1960, 9, стр. 24—25.
10. Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 124—126.
11. А. М. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887, стр. 29.
12. П. Н. Милюков. Русская историческая география и атлас проф. Замысловского. «Русская мысль», VIII, М., 1888, стр. 130.
13. Е. Ф. Карский. Белоруссы. 1, Варшава, 1903, стр. 66.
14. В. З. Завитневич. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье. ЧОИДР, IV, Киев, 1890, стр. 22—23.
15. В. З. Завитневич. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии. Тр. IX АС, I, М., 1895, стр. 225.
16. В. З. Завитневич. Археологические розыскания в бассейне реки Березины. ОАК за 1892 г., СПб., 1894, стр. 146—147.
17. В. З. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. ЧОИНЛ, VI, Киев, 1892, стр. 47.
18. И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, 1, стр. 65—66.
19. Б. А. Рыбакоў. Радзімічі. Працы, 3, Менск, 1932.
20. Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 41.
21. А. В. Успенская. Курганы южной Белоруссии. X—XIII вв. Тр. ГИМ, 22, М., 1953, стр. 119—120.
22. В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореф. дисс. М., 1954, стр. 9.
23. А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, VIII, 1899, стр. 325—327.
24. А. В. Успенская. Белорусское Полесье в X—XIII вв. (К истории древнерусской деревни.) Автореф. канд. дисс. М., 1953.
25. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 342.
26. А. Н. Лаўданскі. Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. Працы, I, 1928, стр. 67—68.
27. K. Musianowicz. Przyczynki do esadnictwa Mazowickiego na Podlasiu w XII—XIII wieku. Swiatowit, XXI, Warszawa, 1955.
28. А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, XI, 1—2, СПб., 1899, стр. 283—289.
29. Н. В. Фурсов. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губернии в 1892 г. Тр. IX АС, 1, стр. 240—242.

30. H. Cehak-Hołubowiczowa. Slawiańskie cmentarzysko kurhanowe kolo wsi Platowo w powiecie i województwie nowogródzkiem. Ateneum Wileńskie, XIII, Wilno, 1938, стр. 183—196.
31. Ф. Д. Гуревич. Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, М., 1959, стр. 244.
32. Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии. КСИИМК, 72, 1958, стр. 65.
33. А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы. ЖМНП, CCIX, 1897.
34. K. Buga. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stäme im Lichte der Ortsnamenforschung Streiberg Festrage. Leipzig, 1924, стр. 22—35.
35. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
36. Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 24, 25, рис. 4.
37. П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1, стр. 44—45.
38. Ф. Д. Гуревич. Верхнее Понеманье в I тысячелетии и начале II тысячелетия нашей эры. КСИИМК, 81, 1960, стр. 23.
39. В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, 1, стр. 60—62.
40. В. В. Седов. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, СЭ, 1954, 3.
41. В. В. Бунак. Антропологические исследования в южной Белоруссии. Антропологический сборник, I, М., 1956, стр. 21.
42. В. Д. Дяченко. Наслідки роботи Українськоі антропологічноі експедиції. «Матеріали з антропології України», 1. Київ, 1960, стр. 18—33.
43. П. С. Рыков. Древности Летгалии, 1. Режица, 1917, стр. 22—24.
44. Л. В. Алексеев. Полоцкая земля в IX—XIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1955, стр. 108—117.
45. И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, ч. I, СПб., 1864, стр. 115.
46. Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, 57, 1955, стр. 33—38.
47. И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, 4, стр. 33—37.
48. Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. Slavia antiqua, VII, Warszawa, 1960, стр. 113—115.
49. М. К. Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
50. Працы, II, 1930, стр. 245 и табл. II, 3.
51. А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, стр. 145.
52. П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
53. А. И. Тюльпанов, И. А. Борисов, В. И. Благутин. Краткий справочник рек и водоемов БССР. Минск. 1948.

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

БАЛТИЙСКО-ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ

Значение Балтийского моря и народов, населявших его берега, в торговле со странами Исламского Востока в период раннего средневековья давно привлекает к себе внимание исследователей. В многочисленных работах советских и зарубежных исследователей роль Балтики в общеевропейской торговле VII—XI вв. оценивается различно. Бесспорным является утверждение, что торговые связи прибалтийских народов со странами халифата имели большое значение в социально-экономической жизни этих народов. Поэтому изучение всех вопросов, связанных с развитием торговых отношений Балтики с Востоком, играет далеко не последнюю роль в общем комплексе исследования истории балтийских народов в эпоху начала возникновения феодализма.

Длительное время господствовало убеждение, что основной торговой артерией, связывающей Балтийское море с Востоком, являлся «путь из варяг в греки», который хорошо известен благодаря «Повести временных лет»[1]. Однако уже давно стали раздаваться голоса, сомневающиеся в правильности этого мнения. Находки византийских монет и вещей, не в пример арабским, оказались чрезвычайно редкими на берегах Балтийского моря.

Результаты новейших археологических исследований подкрепили взгляды тех исследователей, кто утверждал, что основную роль в торговле между Западом и Востоком в раннее средневековье играл не «путь из варяг в греки», а Волжский путь, непосредственно соединяющий Балтийское и Каспийское моря [2—7].

О раннем знакомстве славян с Волгой свидетельствует то обстоятельство, что уже в V в. в византийских источниках часть этой реки называлась Русь [8]. Абу Мухаммад Ахмад ибн Асама ал-Куфи, рассказывая об арабо-хазарской войне 737 г., называет Волгу «славянской рекой» [9]. Это название сохраняется и в XII в. Абу Хамид ал-Андалузи ал-Гарнати, проехавший в 1150 г. из Булгар в Киев, пишет, что его путь шел по «славянской реке» [10]. В X в. автор «Книги границ мира от востока на запад» также называет один из участков р. Волги этим именем [11]: Ибн-Хаукаль примерно в это же время называет Волгу «русская река» [12]. Это наименование сохраняется и в более позднее время: в XII в. «Нубийский географ» знает Волгу как «Ross Atel»; Идриси пишет о «русской реке», которую называют еще Атиль [13]; англичанин Дженкинсон, побывавший на Волге в середине XVI в., на своей карте именует участок между Кинешмою и Нижним Новгородом — «Volga-Russ». [14].

---

[1] В представлении летописца не южный путь, а путь по Волге был основным для Руси при торговле с Востоком — «Тем же из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы, и на въсток доити в жребий Симов» [1].

Трудно точно установить время, когда возникли торговые отношения между племенами, жившими на берегах Балтийского моря, и Востоком[2]. Единственным критерием для установления этого времени могут служить клады арабского серебра, в изобилии разбросанные по обоим берегам Балтийского моря и вдоль всего Волжского пути. Клады, открытые на побережье Скандинавии, на о-ве Готланде, на южном берегу Балтики [15], в Эстонии и Латвии [16, 17], а также в северо-западной и северо-восточной Руси, в основном содержат монеты VIII—IX вв., хотя начало прилива восточного серебра отмечается уже в конце VI в. Массовое проникновение дирхемов в Европу через Балтийско-Волжский путь и установление торговых связей между прибалтийскими народами и арабским востоком на основании тщательного анализа всех известных до сего времени кладов можно датировать второй половиной VIII в. [18].

Китайские источники VII в. упоминают об янтаре, который привозили в Китай из Хорезма, куда он, видимо, попадал с берегов Балтийского моря [19]. В арабских трудах древнейшее упоминание об янтаре содержится в сочинении Абу Юсуфа ал-Кинди (первая половина IX в.), известным в передаче аль-Бируни «Янтарь это смола..., происходящая от деревьев, растущих в стране славян, по берегам одной реки. Вся она (смола.— *В. В.*), которая падает с тех деревьев в воду, твердеет (в ней.— *В. В.*) и плывет в море. (Потом.— *В. В.*) волны морские выбрасывают ее на берег [20].

К VIII в. на берегах Балтийского моря процесс разложения родоплеменного общества зашел довольно далеко. Широкое развитие получили внутрибалтийские и западноевропейские торговые связи, на обоих берегах Балтийского моря появились многочисленные торговые и ремесленные центры, через которые и могла осуществляться торговля с далеким и богатым Востоком [21]. Параллельно с развитием восточной торговли ширились также и торговые связи балтийских народов с Западной Европой. В этом важную роль играли фризские купцы (24). Письменные источники и материальные находки свидетельствуют об их постоянном пребывании в Бирке и Хаитхабу [22].

На чем же основывалось предположение, что торговля балтийских племен с Востоком в эту эпоху осуществлялась по знаменитому «пути из варяг в греки»? Несмотря на распространенность мнения о наличии в Приднепровье большого числа арабских монет, в действительности дело обстоит иначе. Ни одного клада куфических монет, который был бы зарыт в VIII в., в среднем Приднепровье нет. На левобережье известно всего 6 кладов IX в., но все они далеко от Днепра и разбросаны на обширной территории. Из числа этих кладов половина, возможно, была зарыта в начале X в. [23, 24]. На правобережье нет ни одного клада IX в.; только в X в. на Днепре начинают в небольшом количестве появляться клады арабского серебра[3]. Единичные находки византийских милиарисиев в кладах, найденных в районе Балтийского моря, также наглядно говорят о том, что регулярного торгового обмена между этими районами и Византийской империей не существовало. Находки византийских монет и кладов IX—X вв. весьма редки даже в среднем Приднепровье, что, видимо, свидетельствует о том, что византийско-русские торговые связи в ту пору были отнюдь не столь значительными, как принято считать [26, 27]. Следует полностью согласиться с Г. Ф. Корзухиной, что никакой арабской торговли с Днепровским районом Руси

---

[2] Есть основания полагать, что Волжский путь возник еще в VIII в. до н. э. в период существования ананьинской культуры. В сасанидское время (III—VII вв.) на берегах Камы находилось много иранского серебра и монет. К этому времени, вероятно, уже был проложен путь от Балтийского до Каспийского моря.

[3] В. Щепкин указывает, что «Малочисленность арабских монет в более южных кладах указывает на то, что они шли не от Черного моря по Дунаю, Пруту, Днепру, Припяти, а через Балтийское море, а сюда Волгой от Каспийского моря» [25].

в VIII—IX вв. не было, поскольку последний лежал в стороне от международных торговых путей [28].

Идя по следам кладов куфического серебра, можно безошибочно установить и те основные балтийские центры, откуда брал свое начало торговый путь на Восток [29]. Это в значительной степени поможет при решении другого весьма важного вопроса истории раннесредневековой балтийской торговли, а именно, кто (т. е. какие народы) по преимуществу занимался этим промыслом, чьи корабли устремлялись вниз по Волге к берегам Кавказа и Ирана?

Клады монет на Балтийском побережье размещаются неравномерно. Из 191 000 монет, найденных в Швеции, 105 000, в том числе 45 000 арабских, обнаружено на о-ве Готланде; на побережье Дании и на о-ве Борнхольме найдено: 3800 арабских, 8900 немецких и 4000 английских монет. Число монет, обнаруженных на Поморье, достигает нескольких десятков тысяч и на $^2/_3$ состоит из дирхемов [30]. Имеются все основания говорить о том, что все восточное серебро попадало в клады балтийского побережья с востока, а не с юга (7, стр. 111—112).

Важнейшими торговыми центрами Балтики, которые в VIII—XI вв. вели восточную торговлю, были города Волин и Бирка, а также торговые центры на о-ве Готланде. Кроме них, в этой торговле принимал участие еще ряд поселений, расположенных, главным образом, на южном берегу Балтийского моря.

В эту эпоху славянские племена Поморья проявляют себя как морской народ, имевший мощный флот, развитую торговлю и ремесло. Скандинавия была основным потребителем сельскохозяйственной продукции Поморья. Взамен этих продуктов ободриты, велеты и поморцы получали из Скандинавии металлические изделия и украшения. Торговые связи Поморья с другими землями Балтийского бассейна приняли особенно большой размах в X в. [31, 32].

О широком развитии торговли в землях балтийских славян свидетельствует большее количество кладов, найденных на их территории. Число кладов, зарытых в IX—X вв., превышает 70. Вес некоторых из них достигает 16 *кг* [33]. По разнородному содержанию кладов можно сделать заключение, что большинство из них было составлено на территории Поморья. Это отражает не единичные случаи торгового обмена, а итог многочисленных мелких сделок. Ни одна территория Поморья не имеет так много кладов, как Волин и его окрестности. В границах города и вблизи него с XVII в. обнаружен 21 клад [34]. Общая численность монет в этих кладах, по ряду причин, к сожалению, не поддается учету. Среди монет, входящих в состав волинских кладов, много арбских дирхемов VII—X вв. [35, 36]. Вблизи Тржебианова был найден клад X в. весом в 2,2 *кг*, среди монет которого находилось 128 дирхемов VIII—X вв., а также, что весьма важно, 2 волжско-булгарские монеты [35, стр. 218; 36, стр. 387]. Кроме того, в других местах близ Волина обнаружен ряд меньших кладов, среди них клад в Любине, состоящий из одних арабских монет [37] и много отдельных дирхемов. В кладах Волина в основном находятся монеты VIII—IX вв., среди них куфические составляют бо́льший процент по сравнению с другими кладами Поморья. На основании этих находок можно говорить, что Волин был важнейшим торговым центром балтийских славян в их торговле с Востоком [38].

Точное время возникновения Волина неизвестно. Раньше его появление относили к X в., однако на основании последних раскопок можно говорить о том, что город существовал уже в IX в., когда он занимал площадь в 50 гектаров (в это время Бирка была расположена на территории всего в 12 гектаров). Исходя из этого, начало Волина, видимо, следует относить по крайней мере к VIII в. [39]. Город сразу же сложился как крупный центр ремесленного производства и торговли [40,

41]. Недаром в XI в. писали, что «Есть он в действительности важнейший город Европы и населен он славянами и другими народами, греками и варварами. Там саксы-пришельцы получают равные права селиться, при условии, что во время своего пребывания они не будут публично исполнять христианские обряды... Город этот есть склад товаров всех северных народов, всех владений, которые радуют редкими товарами» [42]. Волин был одним из наиболее многолюдных городов Северной Европы. По оценке большинства исследователей его население в X в. состояло из 5—10 тыс. человек.

Кроме Волина, в торговле с Востоком активное участие принимали и другие торгово-ремесленные центры Балтийского Поморья: Гданьск, Щецин, Колобжег.

На Скандинавском полуострове важнейшее значение в торговле с арабским халифатом имела Бирка, расположенная на о-ве Бьёркё на озере Меларен. Бирка являлась первым торгово-ремесленным центром Швеции; она была основана в V в. и прекратила свое существование в конце X в. [43]. Богатство жителей Бирки проявляется в обилии найденных украшений и изделий из золота, серебра и бронзы; в тонкости отделки самых обыденных вещей.

О развитой восточной торговле Бирки, помимо дирхемов, наглядно свидетельствуют многочисленные предметы восточного происхождения, обнаруженные в погребениях некрополя и непосредственно на городище.

Наряду с Биркой, как уже говорилось, важнейшим скандинавским центром восточной торговли был о-в Готланд [44].

Находками восточных предметов, а главным образом топографией кладов, можно считать полностью установленными конечные (начальные) северные пункты балтийско-волжского пути VIII—XI вв. Где же начинался (заканчивался?) этот путь на юге, где происходила встреча западнобалтийских и восточных товаров?

Сообщения об этом имеются в записках арабских географов, рассказывавших о народах, населявших Восточную Европу. Так, Ибн-Хордадбех (40-е гг. IX в.) в «Книге путей и государств» говорит, что славянские купцы «если желают, то ездят Танаисом, рекою славян, проходят через Камлидж (Итиль.— *В. В.*), столицу Хазар, там их владетель берет с них десятину. Затем они плавают по морю Джурджана (Каспийское море.— *В. В.*) и выходят в любой берег» [45]. Аль-Масуди (943—947 гг.) в своих «Промывальнях золота» сообщает, что в Итиле имелись специальные славянские колонии [12, стр. 125, 127—138]. Ибн-Хаукаля (976—977 гг.) также подтверждает, что «Прилив же торговли Русов был в Хазране, это не переменилось — там находилась большая часть купцов, мусульман и товаров» [12, стр. 218, 219]. Ибн Русте (начало X в.) дополняет эти сообщения известием о том, что купцы руссов привезли свои товары в Булгар [46]. Из этого видно, что славянские купцы ходили по всему балтийско-волжскому пути, добирались до портов на побережье Каспийского моря. Однако основными центрами, где совершались торговые операции, были Итиль и Булгары, причем главную роль играла хазарская столица. На протяжении всего этого многотысячекилометрового пути от Балтики до Итиля и берегов Каспийского моря должны находиться промежуточные пункты, игравшие большее или меньшее значение в общей системе балтийско-каспийской торговли. Хорошо известна цепь подобных центров, тянувшаяся вдоль южного побережья Балтийского моря. На Восток от Волина эту роль выполняли такие торговые поселения, как Колобжег, Гданьск, Трусо. Далее шли небольшие центры ремесла и торговли (славянские и скандинавские?) на побережье Самбии (Вискиуетен, Норкиттен) и в Куронии (Гробин, Апуоле). Судя по некоторым сведениям, подобные опорные пункты имелись также в землях ливов и эстов. Так, Генрих Латвийский сообщает, что еще в XIII в. в Ливонии сохранялись какие-то остатки венедов, поселившихся здесь

задолго до этого [47]. Есть сведения и о поселениях западных славян в Эстонии [48]. Славянские или скандинавские опорные пункты имелись, видимо, и на о-ве Даго и других островах Моонзундского архипелага, где обнаружены остатки мощных укрепленных городищ [49]. Далее на восток на этом торговом пути стояла Ладога.

С давних пор в исторической литературе бытует мнение, что Ладога якобы возникла на «пути из варяг в греки» [30, стр. 233, 234]; в силу чего вся ее история связывается с развитием этой торговой артерии. Нам это представляется совершенно неверным.

Прежде всего, следует иметь в виду, что Ладога возникла на рубеже VII—VIII вв. [50], т. е. тогда, когда и речи не было о торговом пути вниз по Днепру. Не могла она быть и форпостом Новгорода, поскольку последнего в то время еще не существовало [51]. Следовательно, возникновение Ладоги могло быть связано только с возросшим значением озера Нево (Ладожское), через которое проходил балтийско-волжский путь. Дата возникновения Ладоги точно совпадает со временем, когда этот путь начинает играть важную роль в жизни прибалтийских народов.

Мне могут возразить, что Ладога, находящаяся в настоящее время в 12 *км* от берега Ладожского озера, никак не может считаться лежащей на балтийско-волжском пути, и наоборот, географически полностью совмещается с «путем из варяг в греки».

Однако в рассматриваемую эпоху ширина Невы, соединяющей Финский залив и Ладожское озеро, была в несколько раз большей, нежели в настоящее время. Река Нева возникла на месте ледникового водоема. Дельта ее и острова, лежащие на ней, образовались не в результате наносов р. Невы, а вследствие векового поднятия суши, которое имело место вплоть до середины прошлого века. Можно думать, что Нева сначала была широким проливом, соединявшим Финский залив и Ладожское озеро [52].

Дальнейшее поднятие материка сузило этот пролив, что и послужило началом превращения его в реку [4]. Этот процесс, конечно, в какой-то степени продолжался и в течение VIII—X вв. (56, 57). Недаром древний летописец не знает реки Невы, а пишет, что «потечеть Волхов и вътечеть в озеро великое Нево, и того озеро выидеть устье в море Варяжьское» [1, стр. 11]. Следовательно, в то время озеро Нево (Ладожское) фактически являлось продолжением Финского залива и занимало большую площадь, чем теперь.

Исходя из этого, можно считать, что Ладога лежала у берегов не внутреннего водоема, а вблизи берега открытого водного пространства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ладога возникла не на кромке берега, а в некотором удалении от него (надо полагать, что в ту эпоху это расстояние было меньшим, нежели 12 *км* [55]. Подобное явление характерно для VII—X вв., когда специально строили города на некотором расстоянии от морского берега с целью обезопасить их от нападения со стороны моря [56]. Таким образом, географическое положение Ладоги ни в коей мере не противоречит тому, что ее возникновение непосредственно связано с балтийско-волжским путем. Обнаруженные на городище в большом количестве различные находки и монеты (в том числе арабские монеты VIII в.) [57] убедительно свидетельствуют о том, что с первых дней своего существования Ладога была тесно связана как с западом, так и с востоком. Очень интересно известие арабского географа Масуди (X в.) о торговом значении этого поселения. Он пишет: «Русские состоят из многих народов. Один из них

---

[4] Интересно отметить, что в шведских источниках р. Нева известна как р. «Nv», что означает «Новая». Под этим названием Нева фигурирует и в 1269 г. в грамотах Великого Новгорода и Пскова [53, 54].

называется ладоги, и он самый многочисленный. Они ведут торговлю с Испанией, Римом, Константинополем и Хазарией» [58].

Многие находки: янтарные изделия, костяные орнаментированные гребни и др. свидетельствуют о сильном влиянии, которое имели в Ладоге балтийские славяне [59]. О преимущественно славянском значении этого центра в известной степени говорит и то, что в северных сагах Ладога (Aldeigjuborg) упоминается значительно реже Новгорода, возникшего гораздо позднее [60].

Севернее Ладоги, на обрывистом берегу р. Сяси, имеется поселение IX—X вв. [61], которое, возможно, также было опорным пунктом на балтийско-волжском пути. В XI в. это городище было заброшено.

В X в. крупную роль в транзитной торговле Запада с Востоком по Волжскому пути начинают играть волжские булгары, у которых к этому времени окончательно сложились основы раннефеодального государства. В результате этого часть городищ-убежищ превратилась в ремесленно-торговые города. Таковы: Булгар, Сувар, Биляр, Ошель, Керменчук и другие [62].

Булгары сумели обеспечить безопасность торговых караванов, плывших по Волге. Все источники, археографические и археологические, рисуют их столицу — Булгар как основной центр X в. в транзитной торговле, куда съезжались купцы с Востока, Балтийского моря и Руси. В это время часть восточного серебра через бассейн р. Оки начинает проникать в район Среднего Приднепровья.

Как уже отмечалось, арабские источники свидетельствуют о том, что славянские купцы постоянно бывали в Булгарах, а также в Итиле и в портах Каспийского моря. Нельзя сказать с уверенностью, были ли эти купцы непосредственно из торговых центров Балтики, или же происходили они из Ладоги и иных восточнославянских городов. Можно лишь предполагать, что колоссальный по тем временам объем балтийско-восточной торговли (о чем можно судить по количеству арабского серебра, находимого в кладах) не мог обеспечиваться одними восточнославянскими купцами; вероятно, в этой торговле принимали участие и купцы из торговых центров Балтики. В X в. после известного посольства от халифа Муктадира к булгарскому царю Альмасу (922 г.), результатом которого было принятие булгарами ислама и их формальное подчинение халифату, славянские купцы, видимо, с трудом пропускались в низовья Волги. Поэтому торговые операции стали совершаться в булгарских торговых центрах, где встречались арабские и славянско-балтийские купцы. Арабские купцы, вероятно, очень редко рисковали проникать севернее Булгар, что видно из неоднократных сообщений, встречающихся в восточных источниках: «Они (славяне.— *В. В.*) не допускают, что кто-либо (из иноземцев.— *В. В.*) отправлялся в их страну» [63]. Правда, иногда наиболее решительные из торговцев пускались в это опасное путешествие и появлялись в Балтийском море. Об этом свидетельствует захоронение арабского купца, обнаруженное на Поморье в середине прошлого века [15, стр. 63]. В X в. земли балтийских славян посетил арабский путешественник и купец Ибрагим Ибн Якуб [64]. Некоторые арабские купцы добирались по Волжскому пути до берегов Ледовитого океана [65].

Как полагают некоторые исследователи, каспийский порт, осуществлявший в IX—X вв. основную морскую связь с Поволжьем, был известен еще Птолемею под наименованием Sacanaa [66]. Через Джурджан этот порт (Абаскун) был соединен с важнейшими сухопутными путями, по которым шли караваны через Рей на Багдад и к Средиземному морю: через Балх и Мавераннахр на восток вплоть до Китая. В качестве порта Абаскун считался одним из первоклассных центров морских сообщений на Каспийском море, «местом торга всех, кто ведет торговлю по Хазарскому морю» [67], «самым известным портом на Хазарском море»

[68]. Масуди рассказывает, что между Абаскуном, Гиляном и западным побережьем Каспия было постоянное движение судов с товарами [69].

По Балтийско-Волжскому пути осуществлялись торговые отношения не только со странами арабского мира и приволжскими народами, но и происходила торговля Скандинавии с Византией [70].

Товары, служившие предметом торговли между славянами и Востоком, хорошо известны. На восток везли: мед, меха бобров, выдр, черных соболей, черных лисиц, олово, воск, мечи, янтарь, а также невольников и невольниц. Всеми этими товарами было богато и Поморье, а некоторые из них (янтарь) являлись характерными только для него (клинки для мечей в основном изготовлялись в районе Рейна). По свидетельству арабов, у славян можно было по очень низким ценам покупать также хлеб, продовольствие, кожу, рыбу и коней [71]. В обмен на эти товары славянские купцы вывозили с Востока в первую очередь серебро в виде арабской монеты, драгоценные ткани и предметы роскоши.

Заинтересованность славян в серебре хорошо отражена в арабских сочинениях. «У них нет денег...,— писал в первой половине X в. Ибн Русте.— И право же, белые круглые дирхемы привозятся из областей ислама и они их покупают» [72]. «И вот я желаю,— обращается к идолу „русс",— чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами и чтобы (он.— *В. В.*) купил у меня, как я пожелаю» [73]. Еще более определенно сообщение ал — Гардизи — «Они (купцы.— *В. В.*) те дирхемы отдают русским и славянам, так как те люди не продают товары иначе, как за чеканенные дирхемы» [74].

Вполне закономерным является предположение некоторых исследователей, что часть этих восточных товаров в дальнейшем через торговые рынки Бирки, Готланда, Волина и Хайтхабу переправлялись дальше на запад, и что, следовательно, Балтика была своего рода мостом между Западной Европой и Арабским Востоком. Но этот вопрос выходит за рамки данной работы, и мы не пытаемся дать на него ответ, ограничиваясь лишь гипотетическим предположением.

Интенсивность торговых отношений на всем протяжении Балтийско-Волжского пути не всегда была одинаковой. Отсутствие в западных кладах X в. той исключительности монет X в., которая постоянно наблюдается в кладах древней Руси, может, по-видимому, свидетельствовать о том, что с начала X в. поток восточного серебра, направлявшийся в Западную Балтику через Русь и имевший в IX в. в значительной степени транзитный характер, перестал быть столь интенсивным. Именно с начала X в. усиливается приток восточной монеты на Русь и как раз с этого времени ее отлив за пределы Руси ослабевает. По-видимому, есть все основания говорить, что с начала X в. ввоз восточного серебра в древнюю Русь в первую очередь был связан с потребностями внутреннего рынка, а не с нуждами транзитной торговли [75]. И, следовательно, основная торговая жизнь на Балтийско-Волжском пути в это время концентрируется на отрезке Ладога — Каспий.

Следует отметить, что южная часть Балтийско-Волжского пути играла роль в торговой жизни Восточной Европы еще раньше, нежели начал функционировать весь путь в целом. Восточные связи Булгарии датируются при помощи археологического материала очень ранним временем. Можно смело утверждать, что в V—VI вв. эта территория находилась в постоянном и регулярном сношении с арабским миром. Об этом свидетельствуют клады, состоящие из одних сасанидских монет V—VI вв., найденные в землях волжских булгар и в соседних районах [76].

Справедливость требует отметить, что Балтийско-Волжский путь далеко не всегда был артерией мирных торговых сношений. Довольно часто отряды славян появлялись в водах Каспийского моря с намере-

ниями, не имевшими ничего общего с торговлей. В отдельных случаях эти военные предприятия имели характер хорошо организованных походов, в каждом из которых принимало участие большое количество кораблей и воинов [77].

В конце IX в. отряды «руссов» совершили нападение на Абесгун [66, стр. 3—6]. В X в. количество известий о подобных походах значительно возрастает. В 909 г. «руссы» опять совершили нападение на Абесгун, на следующий — 910 г. они сожгли г. Сари (Мазендеран) и опустошили окрестности Пенджагезара [66, стр. 6]. В 912—913 гг. [78], выйдя в Каспий, «русские суда распространились по этому морю» и начали нападать на прибрежные города. Очередной поход «руссов» на Восток датируется 944 г. и описан многими восточными источниками [19, стр. 34]. Имеются сведения о нападении «руссов» на Дербент в 987 г. [79]. Во всех этих предприятиях участвовали сравнительно крупные отряды «руссов». В «Истории Табаристана» Мухамед-Эль-Хасана пишет, что при нападении на Абесгун в 909 г. флот славян состоял из 16 судов; Масуди в своих «Промывальнях золота» (Золотых лугах), подробно описывая поход 912—913 гг., говорит, что у «руссов» имелось более 500 судов, на каждом из которых якобы находилось по 100 воинов [80]. В 987 г. к Дербенту подошло 18 кораблей, а в 1030 г. «руссы» пришли в Ширван на 38 судах [79].

Хазары стремились не пропускать большие отряды судов через свои владения [81]. Эти действия хазар вызывали ответные меры со стороны славян, стремившихся не только открыть себе свободный доступ в Каспийское море, но и закрепиться на столь важном для них торговом пути. По сообщениям Ибн-Хаукля в 968/9 гг. «руссы» совершили поход на Волгу и разгромили основные центры своих соперников: «В настоящее время не осталось и следа ни от Булгара, ни от Буртаса, ни от Хазара, ибо русы напали на них, отняли у них все эти области и присвоили их себе» (12, стр. 218).

Восточная торговля начинает уменьшаться уже к концу X в. [82], а к концу XI в. и вовсе замирает. Этому прекращению деятельности Балтийско-Волжского пути способствовали многие обстоятельства. Ослабление халифата и нашествие кочевых народов на его восточные окраины поставили под угрозу конечные торговые центры этого пути, расположенные на берегах Каспийского моря. Гибель хазарского каганата под ударами половцев ставила под угрозу всякую торговую деятельность в низовьях Волги. В это же время усилились Булгарское царство и Новгородская Русь, стремившиеся держать в своих руках внешнюю торговлю, и соперничавшие друг с другом. Изменилась ситуация и на южном побережье Балтийского моря, где поморским славянам приходилось больше заботиться о защите своих земель от все усиливающегося натиска немцев, нежели о ведении дальней торговли. Продолжающаяся феодализация Швеции, бесконечные междуусобные войны также не способствовали развитию торговых связей. Все это, вместе взятое, в конечном итоге привело к тому, что Балтийско-Волжский путь окончательно захирел и затем прекратил свое существование.

Литература

1. ПВЛ, I, 1950, стр. 12.
2. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. СПб., 1919.
3. С. В. Бернштейн-Коган. Путь из варяг в греки. «Вопросы географии», 20, 1950.
4. А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 89—91.
5. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
6. T. Arne. Le Suede et l'Orient. Uppsala, 1914.
7. R. Jakimowicz. O pochodzeniu ozbód srebrnych znajdowanych w skarbach wczesnohistorycznych. WA, XII, Warszawa, 1933.
8. В. В. Латышев. Scythika et Caucasica I, вып. 1, СПб., 1893, стр. 238—239.

9. A Zeki Validi (Togan). Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939, стр. 296, 299, 305. 306.
10. Abu Hāmīd el Granadino y su Relación de viaje por tierras Eurasiáticas. Ed César E. Dubler, Madrid, 1953, стр. 61.
11. А. Г. Туманский. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах. ЗВОРАО, X, СПб., 1896, стр. 137.
12. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 221.
13. A. Joubert. Géographie d'Edrisi. II, Paris, 1840, стр. 332.
14. В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1906, II серия, вып. 1, карта V.
15. W. Kowalenko. Piana. Swina i Dziwna jako osadniczo-komynikacyine slowianszczyzny Baltyckiej VIII—XIII ww. «Przeglad Zachodni», 1954, № 1/2, стр. 45—46. 61—63.
16. A. M. Tallgren. Zur Archeologie Eestis. Tartu, 1925, II, стр. 149.
17. F. Balodis. Det āldsta Lettland. Stockholm, 1940, стр. 160—166.
18. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 84.
19. В. В. Бартольд. Арабские известия о Руссах. СВ, I, 1940, стр. 17—18.
20. T. Lewicki. Ze studiów nad źródłami arabskimi. «Slavia Antiqua», III, 1951—1952, стр. 156.
21. H. Lowmianski. Podstawy gospodarcze formowania sil panstw slowianskich. Warszawa, 1953, стр. 226.
22. I. Bjernum. Vikingetidens handel og dens betydning for Nordensfolk. «Aarboger for Nordisk oldkyndighed og historie», 1948, стр. 298.
23. Р. Фасмер. Список монетных находок. СГАИМК, 2, Л., 1929, стр. 289—290.
24. А. К. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, №№ 88, 90, 290, 301 и 29 доп.
25. В. Щепкин. Древнейшие сношения Швеции с Востоком. «Исторические известия». 1917, 1, стр. 23.
26. А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. I, М., 1938, стр. 80.
27. М. К. Каргер. Древний Киев. I, М., 1958, стр. 126.
28. Г. Ф. Корзухина. Русские клады, М., 1954, стр. 34.
29. Chr. M. Frähn. Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabes aus dem XI Jahrhund. über die Stadte Mainz. «Memoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg», 1834, 6, 1, стр. 87.
30. K. Slaski. Udzial slowian w zyciu gospodarczum Baltyku poczatku epoki feudalnej (VII—XII ww.). «Pamietnik slowianski», IV, Wrocław-Poznań, 1955, стр. 250.
31. H. Knorr. Hacksilberfunde Hinterpommerns, der Grenzmark und der Neumark. «Mannus», 28, 1936, стр. 163.
32. H. Arbman. Une route commerciale pendant les X et XI siecles. «Slavia Antiqua», 1, 1948, стр. 438.
33. R. Kiersnowski. Głowne momenty rozwoju środkow wymiany na Pomorzu wczesnofeudalnym. WA, XXIII, 3, 1956, стр. 234.
34. T. i R. Kiersnowski. Wczesnosredniowieczne skarby srebrne z Pomorza. Warszawa — Wroclaw, 1959, стр. 119—123.
35. Kühne. Die in Pommern gemachten römischen, arabischen und christlich-wendischen Münzfunde. «Baltische Studien», 27, 1877, стр. 218, 222.
36. W. Łęga. Kultura Pomorza we wczesnem sredniowieczu na potstawie wikopalisk. Toruń, 1930, стр. 387—388.
37. W. Petzsch. Die vorgeschichtlichen Münzfunde Pommerns. Grufia, 1931, стр. 35, примеч. 22a, 22b.
38. K. Kowalenko. Staroslowianskie grody portowe na Baltyku. «Przeglad Zachodni», 1950, 5/6, стр. 394.
39. K. Wachowski. Slowianszczyzna Zachodnia. Poznan, 1950, стр. 92, 97.
40. W. Fillipowiak. Wolin-najwiekcze miasto Slowianszczyzny zachodniej Pomorza Sredniowieczne. Warszawa, 1958, стр. 49.
41. W. Filipowiak. Badania nad poczatkami panstwa polskiego w r. 1952. «Phzeglad Zachodni», 1953, 1/3, стр. 237—238.
42. Adama Bremensis Gesta Hammaburg «Ecclesiae Pontificum», 1, II, C. XIX.
43. H. Arbman. Birka I Die Gräber. Text. Uppsala — Stockholm, 1943, стр. XVIII.
44. M. Stenberger. Gotlands silverålder, «Gotländckt Arkiv», 1944, стр. 21.
45. М. Грушевский. Виимки з жерел до історії Україні — Руси. Львов, 1895, стр. 19—20.
46. Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста. СПб., 1869.
47. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1938, стр. 106.
48. Ю. Трусман. Русские элементы в Эстляндии. Временник Эстляндской губернии. I, Ревель, 1894, стр. 76 сл.
49. К. Тиандер. Датско-русские исследования. III, Птрг., 1915, стр. 112.
50. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 6.
51. А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 15, 42.

52. А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.; 1882, стр. 239.
53. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949, стр. 58—59, 61.
54. Р. А. Нежиховский. Река Нева. Л., 1957, стр. 26—27.
55. Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 11.
56. W. Kowalenko. Najdowniejszy Kolobrzeg. «Przeglad Zachodni», 7,8, 1951, стр. 540.
57. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. КСИИМК, XI, 1945, стр. 38.
58. Chr. M. Frähn. Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älter Zeit. St.— Petersburg, 1823, стр. 174.
59. В. Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь. «Slavia Occidentalis», 22, Poznan, 1962, стр. 263—265.
60. Е. А. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. КСИИМК, XI, 1945, стр. 52.
61. W. I. Rowdonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebit. Stockholm, 1930, стр. 141.
62. А. П. Смирнов. Очерки из истории древних булгар. Тр. ГИМ, XI, Сб. статей по археологии СССР. М., 1940, стр. 78.
63. А. Я. Гаркави. Древнейшее арабское известие о Киеве. Тр. III АС, I, Киев, 1878, стр. 347.
64. И. Ю. Крачковский. Арабские географы и путешественники. ИВГО, 1937, 69, 5, стр. 756.
65. А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 135, 138, 139, 140.
66. Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 9.
67. «Худад-ал-алам». Рукопись Туманского с введением и указаниями В. Бартольда. Л., 1930, стр. 29 *б*.
68. Bibliotheca geographorum arabicorum, ed. M. J. de Goeja, II, стр. 273.
69. Macodi. Les praires d'or. Texte et tradiuction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Cauteille, Paris, 1861—1877, II стр. 25.
70. A. Szelgowski. Najstarsze drogi z. Polski na Wschod. Krakow, 1909, стр. 95.
71. B. Koetzschke. Allgemein Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters. Jena, 1924, стр. 453.
72. А. П. Ковалевский. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 46.
73. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., 1939, стр. 79—80.
74. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Зап. АН. VIII серия, ист.-филологич. отд., I, № 4, 1897, стр. 121.
75. С. А. Янина. Неревский клад куфических монет X века. МИА, 55, 1956, стр. 182.
76. А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892, стр. 7.
77. См.: W. Wilinbachow. «Opowieśc lat doczesnych» jako źrodlo wojskowo-historyczne, «Slavia Orientalis», 1960, 3, стр. 487—490.
78. В. В. Григорьев. Россия и Азия. СПб., 1876, стр. 13—14.
79. В. Ф. Минорский. Русь и Закавказье «Acta Orientalia», 3, Budapest, 1953, стр. 209.
80. В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859, стр. 102.
81. П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 83, 84, 102.
82. И. П. Козловский. Внешние отношения др. Руси. ЗСКОА, III, 5—6. Ростов-н-Д, 1929—1930, стр. 61.

М. Х. ШМИДЕХЕЛЬМ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

В Эстонии еще до восстановления советского строя в 1940 г. был накоплен довольно большой археологический материал и произведены регистрация, картографирование и описание всех известных к тому времени археологических памятников. Больше всего было исследовано погребений. Начались и раскопки поселений каменного века периода раннего металла, а также нескольких городищ. В археологической литературе помимо публикаций материалов и статей имелись и сводные работы [1]. Буржуазная формалистическая археология почти не затрагивала основных исторических проблем, не обращалась к таким вопросам как закономерности развития производительных сил и социально-экономических отношений, процессы этногенеза и др.

Перестройка археологического изучения территории Эстонии на основе марксистско-ленинской методологии, успешно начатая в 1940 г., была прервана фашистской оккупацией. Новый размах работа получила после окончания Великой Отечественной войны, особенно с основанием Академии наук Эстонской ССР, в состав которой входит Институт истории со специальным сектором археологии и этнографии. Последний и является центральным исследовательским археологическим учреждением республики [1]. Общие обзоры древнейших периодов ее истории опубликованы в однотомнике и трехтомнике истории Эстонской ССР [3, 4]. Изданы два специальных сборника по археологии Эстонии (в 1955 и 1962 гг.) [5, 6]. Значительная часть работ эстонских археологов опубликована и в соответствующих изданиях Академии наук СССР.

Большую помощь в перестройке и развитии археологического изучения Прибалтики оказали центральные научные учреждения Советского Союза, особенно Институт археологии Академии наук СССР. Этому же способствовали сессии по вопросам археологии Прибалтики в 1949 г. в Ленинграде и в 1951 г. в Тарту [7, 8], а также объединенная конференция по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики, имевшая место в 1955 г. в Вильнюсе. На последней была разработана программа Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, созданной под руководством Института археологии и Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР на основе работавшей с 1952 г. Балтийской этнографо-антропологической экспедиции.

Целью экспедиции является изучение этнической истории народов Прибалтики и смежных с ней территорий совместными силами археологов, этнографов, фольклористов и других близких дисциплин. Первые

1. Археологические исследования производятся также Тартуским государственным университетом, а также некоторыми краеведческими музеями.

результаты работы этой экспедиции появились в печати в конце 1959 г. [9, 10].

Вопросы этногенеза древних племен Прибалтики стоят в настоящее время в центре внимания археологической науки в Эстонии [11, 12]. Укажем на сборник статей под редакцией Х. А. Моора (которым написана и сводная статья) и ряд работ Х. А. Моора [13, 14], освещающих вопросы этнической истории эстонского и отчасти других западнофинских народов. В дальнейшем Х. А. Моора распространил свои исследования и на вопросы этнической истории древних балтийских племен [15, 16].

При изучении археологических памятников широко привлекаются палеоантропологические данные. Отметим работы К. Ю. Марк, которая обработала накопившийся с территории республики палеоантропологический материал, в значительной мере пополненный ее собственными раскопками. Привлекая соответствующие материалы с территории Литвы и Латвии, она пришла к весьма важному выводу, что представленные в настоящее время в Прибалтике антропологические группы в основном восходят к двум антропологическим типам, существовавшим здесь уже в эпоху неолита [10, стр. 219; 17, 18, 19, 20, 21].

Мезолит представлен на территории Эстонии культурой Кунда, первые следы которой были обнаружены в 1880-х годах в торфянике (заросшем озере) на северо-восточном побережье Эстонии. Позднее были произведены раскопки мезолитического поселения на бугре «Ламмасмяги» в том числе Кундаском торфянике и обследованы некоторые другие местонахождения мезолитических предметов. В 1961 г. Л. Ю. Янитс возобновил раскопки в Кунда. Ему удалось у подножья бугра Ламмасмяги вскрыть нетронутый мезолитический слой, который радиоуглеродным методом был датирован VII тысячелетием до н. э.[2] Им же исследованное поселение в г. Нарве (см. ниже), где под неолитическими слоями был обнаружен слой позднего мезолита (IV тысячелетия до н. э.), дает возможность увязать культуру Кунда с ранним неолитом Эстонии.

Довольно большой материал, накопленный в довоенное время по эпохе неолита, состоял в подавляющем большинстве из случайных находок. Раскопки, произведенные в Эстонии на некоторых поселениях культуры ямочно-гребенчатой керамики и могильниках культуры боевых топоров, были ограничены по объему.

Ввиду недостаточной изученности памятников эпохи неолита исследование этой эпохи было выдвинуто в качестве одной из основных проблем. Развернулись раскопки неолитических поселений (под руководством Л. Ю. Янитса), были сделаны сводки накопившихся как старых, так и новых материалов [23, 24, 25, 26]. Были продолжены начатые ранее раскопки на поселениях культуры ямочно-гребенчатой керамики Тамула [27, 28] и Акали в юго-восточной Эстонии, и тут же исследованы некоторые вновь открытые (Кулламяги, Вилла, Кяапа). В северо-восточной Эстонии Л. Ю. Янтис исследовал упомянутую выше стоянку раннего неолита в самом г. Нарве, а в связи с постройкой Нарвской ГЭС Ленинградским отделением Института археологии АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной были исследованы три стоянки у дер. Рийгикюла [29]. В Средней Эстонии целиком была вскрыта стоянка Валма (Вильяндиского района) [30], а в последние годы было приступлено и к изучению неолитических поселений на о. Сааремаа. В результате своих исследований Л. Ю. Янитс опубликовал монографию о поселениях Акали и Кулламяги на побережье Чудского озера [31], широко охватывающую материалы неолитических поселений не только всей Эстонии, но

[2] Примерно такую же датировку мезолитических находок из Кунда дали новые пыльцовые диаграммы Кундаского торфяника, произведенные Г. Н. Лисицыной [22].

и смежных территорий, особенно Латвии. На основании стратиграфии залегания керамики и остальных предметов в Акали и Кулламяги Л. Ю. Яннтсу удалось построить хронологическую схему развития материальной культуры населявших территорию Эстонии в эпоху неолита племен и показать беспрерывную заселенность этих поселений вплоть до эпохи раннего металла включительно. Это обстоятельство с своей стороны дало ему возможность сделать некоторые выводы этнического характера, в частности о наличии предков прибалтийских финнов на территории Эстонии уже в III тысячелетии до н. э.

Период раннего металла (конец II тысячелетия и I тысячелетие до н. э.) в буржуазной Эстонии также принадлежал к числу слабо изученных. До некоторой степени были исследованы могильные памятники этого периода, а изучение поселений (городищ Иру и Асва) было только начато.

При недостаточной исследованности поселений скудность могильного инвентаря и редкость металлических изделий истолковывались прежде как признак упадка культурного развития или даже временного опустения территории Прибалтики. На деле период раннего металла в Эстонии, как и в остальной Прибалтике, ознаменовался значительным ростом производительных сил. Основой хозяйства стали скотоводство и первобытное земледелие, усилился обмен, стала известна обработка металлов.

Первой необходимостью для изучения периода раннего металла в Прибалтике явилось поэтому систематическое исследование поселений. Под руководством А. К. Вассара были продолжены раскопки укрепленных поселений Асва (на о. Сааремаа) и Иру под Таллином и начаты раскопки на вновь открытом в 1961 г. поселении в Ридала (также на о. Сааремаа) [32, 33]. Эти поселения бытовали примерно от VIII—VII вв. до н. э. и до начала н. э., городище Иру было обитаемо также и в VI—X вв. н. э.

Обнаруженные здесь виды керамики — штрихованная, текстильная и грубая с ямочным орнаментом — указывают на связи с дьяковской культурой, но встречаются и тонкие гладкостенные сосуды, имеющие параллели в лужицкой культуре западнославянских племен, обитавших в бассейне рр. Вислы и Одры.

В I тысячелетии до н. э. в Прибалтике уже определенно выделяется несколько культурных областей, связанных с этнической группировкой населения. Для территории Эстонии и северной Латвии, где к этому времени консолидировались финно-угорские племена, предшественники эстов и ливов, помимо названных укрепленных поселений характерны каменные курганы с ящиками, из которых также некоторые были исследованы в советское время [23, стр. 14; 34].

Начиная с первых веков н. э. основой экономики племен, населявших территорию Эстонии, стало земледелие, что повлекло за собой ускоренное разложение родовых отношений. Эти изменения отражаются в развитии и распространении могильных памятников и поселений. Инвентарь могильников становится, по сравнению с предшествующим периодом, богатым и разнообразным, что в дореволюционной тенденциозной прибалтийско-немецкой историографии обыкновенно истолковывалось как следствие иммиграции германских (готских) племен в Прибалтику, а археологами буржуазного времени, уже не сомневавшимися в заселенности территории Прибалтики в первой половине I тысячелетия н. э. эсто-ливскими и летто-литовскими племенами, как результат «культурного влияния» тех же готских племен. Переоценка материала с марксистской точки зрения показала, что мы имеем здесь дело с внутренним закономерным развитием производительных сил.

В первой половине I тысячелетия н. э. в Прибалтике значительно отчетливее, чем до этого, обрисовываются не только крупные этнические

группы, но и их более мелкие подразделения, соответствующие, по-видимому, племенным объединениям [35].

Наиболее четко эти племенные группы обрисовываются в северо-восточной части Эстонии. Результаты исследования значительного числа каменных могильников и некоторых городищ (Койла, Клооди, Пуртсе) дали возможность хорошо проследить развитие экономики населения: совершившийся к началу н. э. переход от скотоводства, как ведущей отрасли хозяйства, к земледелию — и связанное с этим постепенное разложение родовых начал.

С привлечением данных лингвистики и древнейших письменных источников была сделана попытка показать, как на основе древнейших племенных объединений сложилось население позднейшей «земли» Вирумаа [34, стр. 166 сл; 223 сл; 36].

А. К. Вассару удалось на основании ранее собранных материалов и произведенных им самим раскопок каменных могильников в Карусте (на о. Сааремаа) и Юлпре (Абьяяского района) выделить две племенные группы. Одна из них охватывает западную часть материковой Эстонии и острова, т. е. территорию, которую вследствие малочисленности находок прежде считали опустевшей в начале I тысячелетия, другая же, занимавшая возвышенную часть юго-западной Эстонии, представляла собой ядро позднейшей «земли» Сакала [37, 38, 39].

Особой южноэстонской племенной группе принадлежали каменные могильники с оградками в юго-восточной Эстонии, инвентарь которых имеет много общих черт с инвентарем северолатвийских могильников того же периода.

Систематическое исследование этих памятников на юго-восточной окраине Эстонии, где они пока были мало изучены, с 1957 г. ведет С. К. Лаул. Она пришла к интересному выводу о существовании здесь двух этнических подгрупп — Выруской на юге и Тартуской севернее, причем ареал распространения последней в основном совпадает с территорией исторической «земли» Уганди [40].

Исконные племенные различия, наблюдаемые по археологическим памятникам на территории Эстонии в начале н. э., сказываются до наших дней в диалектах, фольклоре и этнографическом материале эстонского народа [15, 39, 40, 41].

Совершенно новую оценку получил вопрос о связях эстонских племен в начале н. э. с соседними племенами, в частности с германскими. Х. А. Моора убедительно показал, что отражающиеся в эстонском языке и на археологическом материале связи с германским миром восходят к значительно более раннему периоду (II—I тысячелетиям до н. э.) и относятся не к готским, а к скандинавским племенам [35, стр. 96].

Середина и вторая половина I тысячелетия н. э., точнее период от V—IX вв., являются в известной мере переломными в истории общественно-экономического развития эстонских племен. Этот период ознаменовался разложением родовых отношений, возникновением территориальных общин и усиливающимся обособлением имущей знати. В юго-западной Латвии и в Литве (за исключением ее восточной части) этот процесс стал совершаться уже начиная со II—III вв. На археологических памятниках новый этап развития почти во всей Прибалтике отражается в переходе от погребений коллективного характера к одиночным.

В Эстонии погребения в каменных могильниках большей частью прекратились в IV—V вв. Из последующих столетий (VI—VIII вв.) мы знаем пока погребений очень мало. Это обстоятельство в свое время истолковывалось археологами из прибалтийских немцев как признак перемены в этническом составе населения — будто бы эсты появились здесь только в этот период.

Городища этого периода были исследованы недостаточно, систематически раскопки производились только на двух: в Иру около Таллина, и Пеэду, к югу от г. Тарту.

В 1952—1958 гг. под руководством А. К. Вассара были продолжены раскопки на городище Иру, верхний слой которого дал значительный материал для изучения системы укрепления, жилищ и быта VI—X вв.

В связи с вопросом о славяно-эстонских взаимоотношениях большое внимание было уделено исследованию памятников восточной и юго-восточной Эстонии. Были вскрыты некоторые длинные и круглые курганы, свидетельствующие, возможно, о проникновении на юго-восточную окраину Эстонии в середине I тысячелетия некоторых славянских элементов, что играло немаловажную роль в формировании выруского диалекта эстонского языка [42, 35, стр. 125]. Немного иной характер носят курганы, исследованные в Ксее Йыгеваского района, к востоку от Чудского озера.

В 1951—1959 гг. сначала под руководством Х. А. Моора, с 1953 г. М. Х. Шмидехельм[3], велись раскопки на городище Рыуге, самом юго-восточном в пределах Эстонской ССР, и на примыкающем к нему поселении [43]. Это городище принадлежит к числу типичных для юго-восточной части республики небольших и еще сравнительно слабо укрепленных городищ, возникших около середины I тысячелетия н. э. Довольно мощный культурный слой городища и селища, насыщенный керамикой, свидетельствует о беспрерывной заселенности их до начала XI в.

Наряду с такими небольшими городищами, прекратившими свое существование с зарождением феодальных отношений, в Эстонии во второй половине I тысячелетия имелись и городища крупных размеров (Тарту, Отепя), которые играли важную роль в борьбе с немецкими захватчиками в XIII в.

Конец I и начало II тысячелетия являются в Прибалтике периодом зарождающихся феодальных отношений. По этому периоду уже с конца XIX в. было собрано довольно много материала из могильников, были известны клады монет и серебряных украшений, произведены раскопки и на некоторых городищах. Однако дворянская и буржуазная археология обходила молчанием или представляла в искаженном виде такие основные вопросы, как возникновение классовых отношений, связи населения Прибалтики с древней Русью и пр. Поэтому советские археологи эти вопросы поставили в центр внимания [44].

В этот период для всей Прибалтики характерны сильно укрепленные городища — замки. Х. А. Моора показал, что социально-экономическое развитие в южной части Прибалтики шло быстрее, чем на севере. Так на территории Литвы городища стали укрепляться мощными валами уже в VII—VIII вв., в Латвии — в IX—X вв., а на территории Эстонии — только в XI в.

Типичный раннефеодальный замок конца XII и начала XIII вв. представляет собой городище Лыхавере в западной Эстонии (Вильяндиского района), связанное по свидетельству Ливонской хроники Генриха Латышского с именем эстонского феодального старейшины Лембита. Раскопки, начатые здесь под руководством Х. А. Моора в конце 1930-х годов, были продолжены им в 1941 г. и, прерванные войной, велись снова в течение 1957—1962 гг. Исследованы земляной вал, поддерживавшийся изнутри крепкой бревенчатой стеной и место входа в крепость, бо́льшая часть площадки, содержавшая сравнительно хорошо определимые остатки жилых и хозяйственных помещений, колодец и пр. На принадлежность городища представителю знати указывают между прочим два обнаруженных на городище клада украшений [33, стр. 74].

---

[3] В 1951—1952 гг. раскопки городища велись в сотрудничестве с Институтом археологии АН СССР в рамках руководившейся С. А. Таракановой Псковской экспедицией.

В более ограниченных размерах под руководством Х. А. Моора были произведены раскопки и на другом городище — замке Вильяндиского района, Наану, а также на городище Тоолсе в северо-восточной Эстонии. Расположенное на побережье Финского залива, это городище служило для защиты важной в свое время гавани.

Кроме того, большое число городищ в разных частях республики было охвачено работами разведочного характера. Городища островов Сааремаа и Муху, представляющие собой высокие, кольцевые валы, возведенные на более или менее ровной поверхности, описаны в статье А. Э. Кустин 46. Исследование городищ и других памятников X—XIII вв. привело к выводу, что начавшаяся феодализация населения Эстонии шла неравномерно и в разных частях этой территории имела свои особенности.

Иной характер носят поселения городского типа, изучение которых непосредственно связано с вопросом о возникновении городских центров. Из них в течение с 1950 по 1962 г. под руководством О. В. Саадре велись раскопки городища Отепя («Медвежьей головы» русских летописей) в юго-восточной Эстонии, расположенного на узловом пункте торговых путей, шедших из земли латгалов в северную Эстонию и из Эстонии на восток, во Псков и Новгород. В XIII в. на городище был выстроен епископский каменный замок. Раскопками вскрыт ряд помещений этого замка, часть крепостной стены и вход [4]. Несмотря на то, что более ранние слои городища постройкой замка были разрушены, было выяснено, что поселение появилось здесь уже в I тысячелетии до н. э., а с VI в. н. э. городище было заселено беспрерывно. В начале II тысячелетия оно было укреплено мощным валом, у подножия которого на террасовидном выступе горы простиралось поселение ремесленного характера XI—XIII вв. Для обнаружения остатков каменных стен при содействии Института геологии АН ЭССР впервые в Эстонии был применен электро-магнитометрический метод. Надалеко от городища были вскрыты остатки поселения и могильник XIV в. Инвентарь городища Отепя свидетельствует об оживленных сношениях с русскими городами.

В 1952—1953 гг. при содействии Института археологии АН СССР под руководством С. А. Тараканової с участием О. В. Саадре производились раскопки в г. Таллине — древней Колывани [47, 48, 49]. Раскопки велись на Вышгороде, на месте древнего городища, и на Ратушной площади, исконном торгово-ремесленном центре. Вскрытые и здесь и там слои доходили до X—XI вв., чем совершенно опровергаются измышления прибалтийско-немецких историков об основании Таллина иноземными захватчиками.

В 1956—1960 гг. кафедрой истории СССР Тартуского государственного университета под руководством В. К. Трумваль велись раскопки на месте древнего городища Тарту, вновь выстроенного Ярославом Мудрым в 1030 г. (древний Юрьев), и позже застроенного епископским замком. Материал раскопок имеет много сходства с материалом из Отепя, свидетельствуя о наличии начиная с VI—VII вв. крупного поселения на пути, связывавшем северную Эстонию с южной, а через нее и со Псковом, Новгородом, Киевом и с землями латгалов.

На территории Эстонии были произведены также раскопки ряда могильников. С целью изучения славяно-эстонских связей в 1949—1950 гг. под руководством Х. А. Моора вскрыто 52 кургана новгородско-вотского типа в Йыуга (Йыхвиского района). Как антропологический материал этих курганов, так и их могильный инвентарь свидетельствуют о проникновении на названную территорию в начале II тысячелетия некоторых славяно-вотских этнических элементов [35, стр. 135].

---

[4] Часть стен реставрирована и консервирована Научно-реставрационной мастерской Строительно-архитектурного комитета Совета Министров ЭССР.

Из могильных памятников были исследованы некоторые каменные могильники в разных частях республики и разработаны прежние материалы, особенно с о. Сааремаа [50]. Систематически стали изучаться грунтовые погребения с трупоположениями [51, 52, 53]. Помимо антропологического материала эти могильники дали много материала для изучения социально-экономических отношений в период зарождения феодализма и тех изменений, которые вызвало в обществе проникновение христианского учения. Главным образом с целью получения антропологического материала были раскопаны также некоторые поздние могильники вплоть до XVII—XVIII вв. Сохранившиеся в грунтовых могильниках остатки тканей и принадлежностей одежды указывают на непосредственную связь между археологическим материалом и этнографическим [54].

К весьма существенным результатам по вопросам развития эстонского общества в период зарождения и раннего феодализма пришел Э. Ю. Тыниссон на основании исследования эстонских кладов IX—XIII вв. [55]. Он показал, что взамен кладов IX—XII вв., состоящих по преимуществу из восточных монет, реже из предметов украшения балтийского и русского типов, с конца XII в. появляются клады, в которых преобладают западные монеты и украшения разнообразных типов, свидетельствующие о торговых связях с Новгородом через посредничество Карельской и Ижорской земель. Самый состав кладов говорит о все большем обособлении феодализирующейся знати от широких масс народа, а наличие кладов еще и в XIV—XVI вв.— о том, что и после захвата Прибалтики датско-немецкими феодалами небольшая, по-видимому, часть прежней эстонской знати удержалась в качестве вольных крестьян и мелких вассалов.

В настоящей краткой статье было возможно, конечно, изложить только некоторые важнейшие результаты археологических исследований в советской Эстонии. Эстонские археологи, отказавшись от формалистического подхода к археологическим памятникам, достигли известных успехов в переоценке этих памятников и использовании их как источников для создания древнейшей истории населения своей республики, этим самым внеся свой посильный вклад в археологическое изучение обширной территории Советского Союза.

Литература

1. Х. А. Моора. Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК, X, 1941, стр. 89.
2. Х. А. Моора. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 24 сл.
3. История Эстонской ССР. 1, Таллин, 1961, стр. 7.
4. История Эстонской ССР. Таллин, 1958, стр. 5 сл.
5. Древние поселения и городища, Археологический сборник I. Таллин, 1955 (часть статей на эстонском яз. с русск. резюме, другие на русском яз. с эстонск. резюме).
6. Древние могильники и клады. Археологический сборник II. Таллин, 1962 (большая часть статей на эстонском языке, резюме на русском языке).
7. Г. Б. Федоров. За передовую советскую археологию Прибалтики. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 129 сл.
8. Г. Б. Федоров. Сессия ИИМК АН СССР, посвященная археологии Прибалтики. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 3 сл.
9. Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I, М., 1959.
10. М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология восточной Прибалтики. Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, 2, М., 1959.
11. Х. А. Моора. Вопросы этногенеза народов советской Прибалтики по данным археологии. КСИЭ, XII, 1950, стр. 29 сл.
12. Х. А. Моора. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. СА, XXI, 1954, стр. 95 сл.

13. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956 (на эстонксом языке).
14. H. Moora. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. SMYA, 59, 3, Helsinki, 1958.
15. Х. А. и А. Х. Моора. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. СЭ, 1960, 3, стр. 21 сл.
16. Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 9 сл.
17. К. Ю. Марк. Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР. ТИЭ, XXIII, 1954, стр. 126.
18. К. Ю. Марк. Палеоантропология Эстонской ССР. ТИЭ, XXXII, 1956, стр. 170.
19. К. Ю. Марк. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. Изв. АН ЭССР, V, серия обществ. наук, 1956, 1, стр. 43.
20. К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 219.
21. K. Mark. Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum. SMYA, 59, 4, Helsinki, 1958.
22. Г. Н. Лисицына. К вопросу об аллереде Прибалтики и о возрасте стоянки Кунда. СА, 1958, 3, стр. 90 сл.
23. Х. А. Моора. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 3 сл.
24. Л. Янитс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 53 сл.
25. Л. Ю. Янитс. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК, 54, 1954, стр. 3 сл.
26. Л. Ю. Янитс. Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. Археологический сборник, I, стр. 176 сл.
27. Л. Ю. Янитс. Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, XIX, 1954, стр. 159 и сл.
28 L. Jaanits. Neue Gräberfunde auf spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. SMYA, 58, Helsinki, 1957, стр. 80 сл.
29. Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Археологический сборник, 1, стр. 153 сл.
30. Л. Ю. Янитс. Неолитическое поселение Валма. Вопросы этнической истории народов Прибалтики, 1, стр. 32 сл.
31. Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыгя (Эстонская ССР). Таллин, 1959.
32. А. К. Вассар. Укрепленное поселение Асва на о. Сааремаа. Археологический сборник, I, стр. 113 сл (на эстонском яз., резюме на русск. яз.)
33. Х. А. Моора. О результатах исследования городищ в Эстонской ССР. Археологический сборник, 1, стр. 67 сл.
34. М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, 1955, стр. 18 сл.
35. Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 110 сл.
36. М. Х. Шмидехельм. О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 172 сл.
37. А. К. Вассар. К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 187 сл.
38. А. Х. Моора. Об историко-этнографических областях Эстонии. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 243 сл (на эстонск. яз., резюме на русск. яз.)
39. Х. Т. Тампере. Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 293 сл.
40. С. К. Лаул. Каменный могильник с оградками в Яагупи Эльваского района. Археологический сборник, II, стр. 13 сл.
41. А. Х. Каск. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов. Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 28 сл.
42. Х. А. Моора. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. КСИИМК, 55, 1954, стр. 59 сл.
43. М. Х. Шмидехельм. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. Вопросы этнической истории народов Прибалтики, 1, стр. 154 сл.
44. Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. СА, XVII, 1953, стр. 105 сл.
45. В. Труммал. Славяно-русские элементы в материальной культуре юго-восточной Эстонии (до начала XIII в.). ВИЭстонской ССР. Уч. зап. Тартусского Гос. Университета. Тарту, 1960 (на эстонск. яз., резюме на русск. яз.).
46. А. Э. Кустин. Городища островов Сааремаа и Муху. Изв. АН ЭССР, VIII, серия обществ. наук, 1959, № 1, стр. 57 сл. (на эстонск. яз., резюме на русск. яз.).
47. С. А. Тараканова. Археологические раскопки в Таллине. Изв. АН ЭССР, I, 1952, № 4, стр. 58 сл.
48. Х. А. Моора. О возникновении города Таллина Изв. АН ЭССР, т. II, 1953, № 2, стр. 175.

49. С. А. Тараканова, О. В. Саадре. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине. Археологический сборник, I, стр. 31 сл.
50. А. Э. Кустин. Каменный могильник в Рандвере на острове Сааремаа. Археологический сборник, II, стр. 58 сл. (на эстонск. яз., резюме на русск. яз.).
51. А. Э. Кустин. Могильник XIII—XIV веков в Карья на острове Сааремаа. Изв. АН ЭССР, VII, серия обществ. наук, 1958, 1, стр. 47 сл. (на эстонск. яз., резюме на русск. яз.).
52. Ю. Я. Селиранд. Грунтовой могильник в Каберла (13—17 веков). Археологический сборник, II, стр. 131 сл. (на эстонск. яз., резюме на русск. яз.).
53. К. Ю. Марк. Антропологический материал из могильника Каберла. Археологический сборник, II, стр. 169 сл.
54. Х. А. Моора. Из истории развития эстонской народной одежды. Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960, стр. 7 сл.
55. Э. Ю. Тыниссон. Эстонские клады IX—XIII веков. Археологический сборник, II, стр. 182 сл. (на эстонск. яз., резюме на русск. яз.).

Е. Н. ЧЕРНЫХ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТАВА МЕДНЫХ И БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ МЕТОДОМ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА

30 лет назад немецким исследователем В. Виттером были сделаны первые опыты по спектральному изучению археологического металла. В 1933—1934 гг. подобные же работы проводились в Ленинграде под руководством В. В. Данилевского [1]. Но только в послевоенный период в европейских лабораториях этот метод физического исследования элементарного состава вещества занял ведущее место в историко-металлургических исследованиях [1]. Его преимущества перед химическим анализом, применяющимся в археологии уже более 150 лет, состоят в следующем: 1) универсальность, т. е. возможность сразу из одной пробы металла определить большинство элементов, присутствующих в сплаве; 2) способность удовлетворяться для анализа чрезвычайно малой навеской, порядка нескольких миллиграмм; 3) большинство элементов спектральным анализом определяется в сплаве уже в тысячных и десятитысячных долях процента, при этом точность количественного определения их вполне достаточна для решения археологических задач; 4) дешевизна и большая скорость исследования; 5) простота и разработанность различных методик анализа.

Для организации лаборатории не требуется уникального оборудования. Стандартность выпускаемых приборов позволяет относительно легко добиваться требуемой точности анализа. Без данных спектрального анализа сейчас не мыслится ни одно сколько-нибудь значительное исследование по истории металла.

В большинстве археологических лабораторий при помощи спектрального анализа решаются две основные задачи: 1) история металлов и различных сплавов и 2) происхождение металла, его источники, распространение во времени и пространстве. Из них сложнейшей для исследователя обычно признается вторая. Для полной характеристики метода необходимо кратко охарактеризовать направления и принципы работ западноевропейских лабораторий.

Книгу Г. Отто и В. Виттера [7] следует рассматривать как первый опыт широкого исторического обобщения спектроскопических исследований. 1374 анализа, опубликованных авторами, позволили совершенно по-новому взглянуть на древнейший металл. В. Виттером была сделана попытка привязать все проанализированные ими материалы только к медным месторождениям Германии и отчасти Венгрии. Единственной научной организацией, где на первый план выдвинут историко-технологический вопрос, которому по сравнению с проблемой происхождения

[1] Настоящая статья не ставит задачу ознакомить читателя с сущностью метода. Интересующиеся этим вопросом могут обратиться к многочисленной специальной литературе по спектральному анализу, например [2—6].

металла уделяется гораздо больше внимания, является Комитет по древнему горному делу и металлургии в Лондоне (председатель Г. Коглен). Представляя довольно многочисленные металлографические анализы (Е. Воук) [8], его сотрудники, однако, ограничиваются сравнительно малым количеством спектральных анализов. Изучаются в основном материалы Британских островов. Важное место уделяется роли самородной меди в начальном периоде металлообработки. Комитет опубликовал несколько теоретических работ, характеризующих методы и принципы разрешения этих важнейших проблем [9—12].

В изучении вопросов происхождения металла отмечаются два противоположных направления. Одно представлено работами венской группы (Р. Питтиони, Г. Нейнингер), другое — штутгартской группой (руководитель З. Юнгханс) и Оксфордской лабораторией (А. Е. Блин-Стойл, Е. Е. Ричардс, М. Браун, Д. Бриттон). Р. Питтиони и Г. Нейнингер четко сформулировали основные принципы работ Венской лаборатории [13—16], которые сводятся к следующему: 1) лабораторию интересует только проблема связи готовых изделий с месторождениями; 2) началом разработки этой проблемы может быть лишь повсеместное исследование лабораториями медных месторождений и только впоследствии — медных и бронзовых изделий; 3) достаточно эффективных результатов в решении этих вопросов можно добиться при помощи качественных и полуколичественных анализов, где искомые концентрации определяются в очень грубом приближении символами; 4) руда может быть признана исходной для металла лишь в том случае, если комбинации элементов в них полностью совпадают; 5) математическая обработка результатов анализа отвергается. Венская лаборатория занята в основном изучением медных месторождений Зальцбурга и Тироля. Широких сравнений состава металлов и руд пока не проводилось.

Работа Штутгартской лаборатории строится на очень широкой тематике. Лаборатория занимается выяснением происхождения металла энеолита и бронзового века на территории Западной и Центральной Европы [17—19]. Технологическая часть исследований здесь отступает на второй план. Проблема происхождения металла, по мнению сотрудников лаборатории, должна решаться таким путем: 1) разработку проблемы надо начинать с возможно более широкого анализа древних изделий; 2) выделять из проанализированного металла группы, сходные между собой по происхождению; 3) привязывать выделенные группы металлических изделий к определенным районам производства путем картографирования находок. Для этих целей пригодны только количественные анализы. Объективно выделять группы возможно и даже необходимо при помощи методов математической статистики.

Большой заслугой лаборатории явилось введение в научный оборот статистических методов обработки данных анализа [20]. Благодаря этим методам весь металлический материал бронзовой эпохи с территории Европы (исключая СССР) был разделен на 12 больших групп, металл которых характеризуется отличающимися друг от друга комбинациями элементов, что свидетельствует о их различном происхождении. Сотрудники Штутгартской лаборатории, однако, до сих пор не высказывали мнение о том, что для привязки выделенных ими групп к определенным рудным бассейнам необходимо привлечение аналитических данных по составу руд.

Исследования металла эпохи средней и поздней бронзы Британских островов проводятся Оксфордской лабораторией [21]. Ее сотрудники широко применяют статистические методы, что сближает работу этой лаборатории с работой Штутгартской. Технологической части исследования здесь уделяется значительно большее место.

Первым в послевоенный период в СССР количественный спектральный анализ применил И. Р. Селимханов. Исследования Бакинской ла-

боратории, которой он руководит, проводятся в основном на закавказских материалах энеолита и бронзового века [22]. В лаборатории преобладает разработка методики спектрального анализа; историческая сторона исследований занимает пока еще относительно небольшое место. На основании работ над кавказским материалом И. Р. Селимханов выдвинул гипотезу о существовании на Кавказе медно-мышьякового века, хронологически располагающегося между энеолитом и бронзовым веком и характеризующегося господством изделий из медно-мышьяковистых сплавов.

В 50-е годы в Тбилиси Ф. Н. Тавадзе начал исследования древнего металла при помощи качественных спектральных анализов [23]. Над сибирскими материалами работает лаборатория спектрального анализа Ленинградского отделения Института археологии. Исследования лаборатории кафедры археологии МГУ касаются в основном стеклянных средневековых изделий и бронз этого же времени.

Как видно из сказанного выше, ведущие лаборатории Западной Европы часто исходят из различных принципов при обработке данных спектрального анализа для решения проблемы происхождения металла. Используя наиболее сильные стороны каждого из направлений, а также применяя некоторые новые приемы научных исследований, мы сможем быстрее подойти к решению интересующих нас вопросов.

Чтобы правильно понять цели и возможности метода спектрального анализа, а также применяемую нами методику обработки спектроаналитических данных, необходимо познакомиться с предпосылками, положенными в основу метода. Эти предпосылки стало возможным сформулировать на основании больших исследований, проведенных зарубежными и отечественными лабораториями, а также работ, которые в течение двух с половиной лет ведутся нашей лабораторией. В лаборатории Института археологии АН СССР и в большинстве других лабораторий при помощи спектрального анализа решаются две задачи: 1) происхождение металла в культурах эпохи бронзы Европейской части СССР; 2) история металлов и сплавов.

При разрешении этих вопросов исследователь сталкивается с определенными разделами геологии, металлургии, физики, а иногда и математики. Все эти дисциплины, существенно облегчая решение задач, вносят, однако, в исследование ряд присущих им условностей, которые мы обязаны учитывать очень внимательно.

Геохимическая предпосылка. Известно, что руда любого медного месторождения содержит, кроме меди, определенный набор сопровождающих ее элементов. Некоторые месторождения отличаются друг от друга качественным признаком, т. е. наличием или отсутствием в них того или иного элемента или группы их. Однако другие руды из различных месторождений могут быть качественно неразличимы между собой. К такой разновидности могут принадлежать прежде всего руды генетически родственных месторождений, относящихся к определенному типу оруденения (например, медно-молибденовые и медно-пирротиновые на Кавказе и т. д.). Различать эти руды мы сможем, лишь привлекая количественные характеристики их состава. Обычно для характеристики того или иного элемента употребляются средние значения, основанные на десятках и сотнях анализов. Поэтому при рассмотрении состава руд, пользуясь средними значениями, мы сразу можем определить, что такого-то элемента в первой руде в среднем больше или меньше, чем во второй. Таким образом, при помощи количественных анализов мы можем различать и качественно сходные между собой руды. Однако это не значит, что подобные различия возможно установить по единичным анализам. Рассмотрим для иллюстрации следующий пример.

Предположим, что мы имеем дело с рудами двух месторождений, условно названных *А* и *Б*. В обоих месторождениях присутствует кобальт,

но в разных концентрациях. Допустим, что кобальт в месторождении *А* присутствует в среднем в концентрациях 0,01%, а в месторождении *Б* — 0,3%. Произвольно выбрав из массы руды каждого месторождения по 100 образцов и проанализировав их спектрально, установим, что кобальт присутствует в каждом из них, но в концентрациях, часто значительно отличающихся от среднего. В качестве непременного условия будет отмечено, что бо́льшая часть проб содержит кобальт в концентрациях, близких к среднему значению.

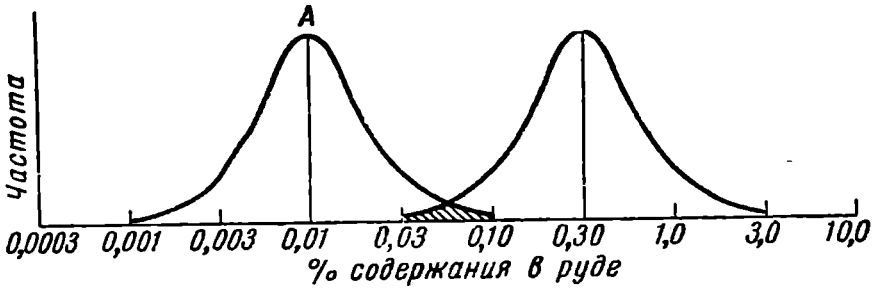


Рис. 1. Возможный случай распределения концентраций примеси в рудах двух месторождений. Заштрихована зона совпадения значений признака (концентрации)

По мере удаления значения признака (концентрации) от среднего вероятность содержания кобальта будет резко уменьшаться. Предположим, что для месторождения *А* кобальт будет встречаться в интервалах содержания от 0,001 до 0,1%, а для месторождения *Б* подобный интервал будет равен 0,03—3%. Из этого ясно, что какая-то часть анализов для обоих месторождений будет совпадать. В математической статистике характер распределения признака часто выражается графически [2]. В идеальном случае распределение концентраций элемента будет иметь вид, изображенный на рис. 1. Результаты анализа, попадающие в интервал 0,03—0,1%, будут общими, а поэтому неразличимыми. Значит, только большое число анализов может нам достаточно четко определить родственные совокупности, а также зоны возможных совпадений. Обычно же в рудах присутствует не одна, а несколько примесей, изучение характера распределения которых в каждом конкретном случае облегчает решение этого вопроса. Очевидно, что проводить сравнение руд лишь по одной примеси будет недостаточно. Здесь мы должны использовать как можно более полную химическую характеристику руды.

Итак, основной вывод: химический состав руд предоставляет нам возможность при помощи массовых анализов достаточно четко определить отличительные черты между наборами примесей различных руд. При этом ясно, что количественные анализы представляются несравненно более перспективными, нежели качественные (рис. 1).

Рассмотрен принципиально возможный и в некотором смысле идеальный случай распределения примеси в руде. На практике же мы почти всегда сталкиваемся со значительными трудностями в четком определении картины химического состава руд. Одной из основных таких трудностей следует считать почти всегда неравномерное распределение элементов в рудной массе. Значительные вариации наблюдаются как по глубине залегания рудного тела, так и по площади его распространения [24]. Кроме того, известно, что месторождения, располагающиеся близко к поверхности или выходящие на нее, имеют в верхней части так называемую «окисленную зону», где соотношение элементов по сравнению с лежащей ниже сульфидной зоной бывает часто сильно

[2] Признаком в данном случае будет являться концентрация элемента.

измененным. Например, свинца в ней всегда больше, а цинка — меньше [25] по сравнению с сульфидной зоной (рис. 2) [26].

Из этого следует, что пропорциональные соотношения в концентрациях элементов иногда представляются изменчивыми и непостоянными. Мы должны постоянно иметь в виду все возможные колебания в составе примесей руд. Это обстоятельство, естественно, должно вносить в наши выводы некоторый элемент условности. Поэтому при отсутствии специальных данных по составу рудоокисленной зоны, с которой чаще всего

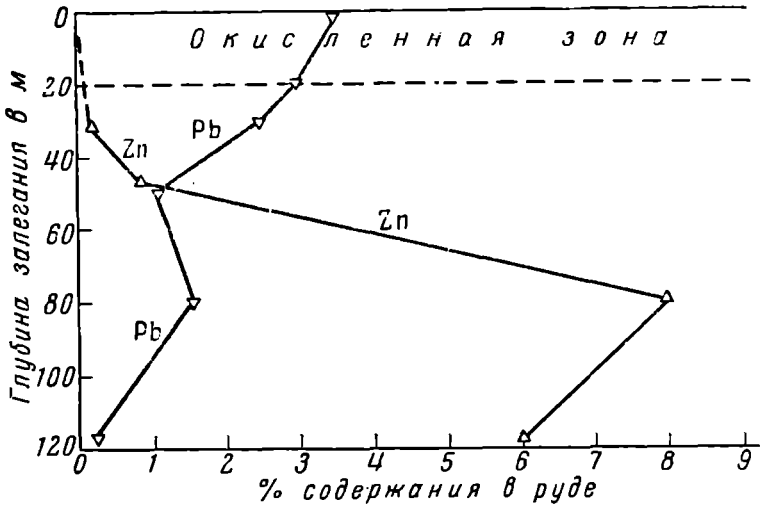


Рис. 2. График содержания свинца и цинка в руде Маднеульского барито-полиметаллического месторождения в зависимости от глубины залегания

имели дело древние металлурги, необходимо ориентироваться на общую геохимическую характеристику месторождения.

Металлургическая предпосылка. Если бы при плавке все примеси переходили из руды в металл без изменения, это в значительной мере облегчило бы установление источника металла. Было бы достаточно сравнить набор примесей металла и руд и на основании этого установить или отвергнуть их тождество. Однако из металлургической практики известно, что каждый отдельный элемент во время плавки ведет себя соответственно своим химическим свойствам. Например, железо, никель, кобальт частично ошлаковываются; мышьяк, сурьма, цинк частично ошлаковываются и улетучиваются; серебро и золото переходят в металл без особых потерь и т. д. Но любая из этих примесей после плавки обязательно проникает в медь в тех или иных концентрациях. Каждому из этих элементов присущ свой коэффициент перехода из руд в металл, шлак, пыль [27, 28]. Следовательно, количественная характеристика набора примесей металла никогда не будет точно отражать количественно состав набора примесей исходной руды. Но те же химические свойства элементов будут обусловливать достаточную близость набора примесей в металле, полученном из одной и той же руды при любом количестве плавок. Это очень важное обстоятельство.

Известно, что разнообразные условия, при которых происходит плавка, способны изменить количество элемента, переходящего из руды в металл: температура плавки, состав шихты, дутье и т. д., т. е. все те данные, которые не могут быть учтены современным исследователем. Основываясь на этом, Ф. Томпсон говорит о крайней трудности или даже невозможности установления исходных руд по примесям в металле [11]. Впрочем, это мнение никем не разделяется. Действительно, эти условия не могут сильно изменить общую закономерность перехода

элементов в металл. Основную роль, определяющую поведение элемента, будут играть опять-таки его химические свойства. Кроме того, каждое из перечисленных случайных условий способно или увеличивать или уменьшать количественно часть элемента, переходящего в сплав. Так как этих условий множество и они действуют в разных направлениях (т. е. в сторону или увеличения примеси или ее уменьшения), то они обнаруживают постоянную тенденцию к взаимному уничтожению. Будет всегда отмечаться определенное стремление к так называемому статистическому равновесию. Именно поэтому и оказывается возможным различать металлы по происхождению.

До сих пор существует очень небольшое число специальных работ, затрагивающих вопросы техники выплавки меди у различных племен бронзового века. В настоящее время изучено слишком мало древних плавилен, чтобы мы могли вводить в наше исследование какую-то определенную поправку на различия в условиях плавки, способные ощутимо изменить характер набора примесей в металле. Впрочем мы и не вправе ожидать того, что действительно существовавшие различия в условиях оказали значительное влияние на набор примесей. Ведь даже такие сильно разнящиеся между собой современные методы получения меди, как плавки руды, с одной стороны, в шахтной печи и, с другой,— в отражательной, не нарушают этой закономерности [27]. Поэтому вероятность возможного влияния на набор примесей, могущего привести нас к ложному выводу, большинством исследователей пока условно не принимается. Однако только широкое применение эксперимента в историко-металлургических изысканиях даст нам окончательный ответ на этот вопрос.

При обработке коллекций древнейшего металла исследователь всегда сталкивается с двумя обстоятельствами, могущими как-то нарушить четкую картину групп металла. Имеется в виду, во-первых, искусственное легирование меди каким-то элементом для улучшения ее технологических свойств и, во-вторых, обязательное присутствие в этих коллекциях некоторого количества вторичного металла (т. е. выплавленного из металлического лома и прошедшего, таким образом, дополнительную температурную обработку).

Первое обстоятельство вносит в исследование две трудности: 1) трудность определения границы между искусственным и естественным легированием меди интересующим нас элементом; 2) возможность введения в сплав вместе с легирующей примесью дополнительных элементов, способных как-то видоизменить первоначальный состав сплава. Последняя трудность признается многими исследователями несущественной на том основании, что концентрация вводимой примеси относительно меди сравнительно мала и дополнительные элементы, которые при этом могут попасть в сплав, не будут играть при этом сколько-нибудь заметной роли. Не оспаривая принципиально подобной трактовки вопроса для примесей, вводимых в металл в малых концентрациях (1—3%), мы обязаны учитывать это обстоятельство для сплавов, где искусственная прибавка достигала значительной величины (10—30%).

Граница между искусственной и естественной легированностью устанавливается труднее. Но чаще всего ее можно определить по наличию в группе металла изделий, заведомо не снабженных этим элементом. Особенно четко это устанавливается при статистической обработке данных анализов (рис. 3).

На приводимой на рис. 3 частотной гистограмме рассматривается характер распределения олова в металле кобанской культуры. Гистограмма составлена на основании 150 анализов, выполненных автором. Вырисовывающиеся здесь две совокупности анализов с границей между ними, проходящей в интервале 0,3—1%, отражают соответственно две группы изделий: первая, где олово присутствует в концентрациях от

0 до 0,3%, и вторая — от 1 до 30%. Несомненно, что в последнюю входят предметы, искусственно легированные оловом, к первой же группе принадлежат изделия, в металл которых олово попало естественным путем из руд (основная часть), а также при переплавке некоторой части изделий, изготовленных из оловянистой бронзы, и при смешении их со свободной от олова медью.

Выделение вторичного металла в группах представляет собой, как правило, значительную трудность в исследовании. Известно, что при

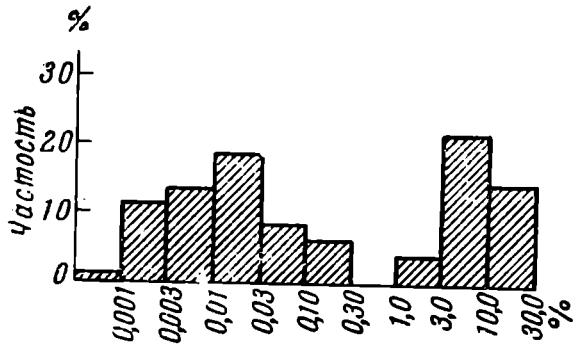


Рис. 3

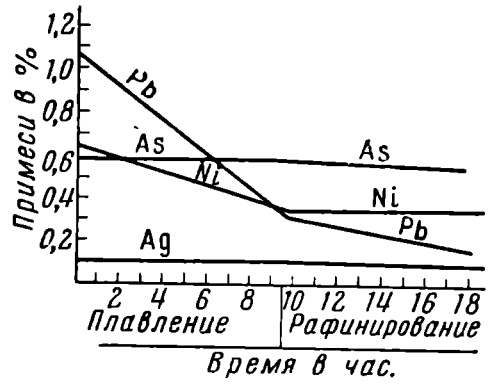


Рис. 4

Рис. 3. Гистограмма распределения олова в единой группе металла кобанской культуры (150 анализов). Отчетливо видны две совокупности с интервалами концентраций 0—0,3% и 1—30%. Последняя совокупность охватывает изделия, в металл которых олово введено намеренно

Рис. 4. Изменения концентраций примесей к меди в результате рафинировки

переплавке металл проходит дополнительную очистку, т. е. после переплавки концентрации некоторых примесей будут несколько пониженными по сравнению с первоначальными. При этом отчасти выход примесей из металла зависит от химического свойства элементов, присутствующих в меди, и их концентрации. Бытует мнение, что переплавка изменяет характер примеси настолько, что вторичный металл способен коренным образом изменить всю картину групп.

Обращаясь к металлургической литературе, мы видим, что даже при современной огненной рафинировке (очистке) меди, отгону подвергается лишь часть примесей, присутствующих при этом в достаточно больших концентрациях [28, стр. 312]. Например, мышьяк и сурьма уже в сотых и даже десятых долях процента практически не изгоняются из металла; серебро, золото вообще не склонны ошлаковываться.

На приведенных здесь диаграммах, заимствованных из книги Г. Гофмана [29], мы видим, что даже длительная рафинировка меди в современных условиях в течение нескольких часов (рис. 4) лишь незначительно изменяет концентрации некоторых примесей. Только специальное окисление меди, применяемое при современном процессе и осуществляемое путем продувания через расплавленную медь кислорода, в заметных количествах снижает содержание примесей.

В условиях древнего, еще несовершенного процесса плавки очистка металла тем более была затруднительной. Из этого следует, что некоторым изменениям при переплавке подвергается металл, содержащий примеси только в достаточно высоких концентрациях (например, в целых процентах); при малых содержаниях элементов-примесей сколько-нибудь существенных изменений не происходит. Следовательно, нельзя ожидать при переплавке каких-то коренных нарушений набора примесей, способных решительно повлиять на ход исследований. Вторичный смешанный металл, т. е. выплавленный из лома металла различных по

происхождению групп, отличается в зависимости от характера примесей в смешиваемом металле.

Какие же элементы для нас имеют важнейшее значение? Теоретически их очень много [30]. В действительности же мы имеем дело в меди, как правило, лишь с примесью олова, свинца, мышьяка, сурьмы, висмута, серебра, золота, кобальта, никеля, цинка, марганца, железа, фосфора. При этом последние два имеют меньшее значение, так как при окислении предмета они могут переходить в металл из почв. Кремний, алюминий, кальций, магний, слагающие почвы, ввиду их постоянного присутствия в меди нами не учитываются. Титан, молибден, ванадий фиксируются пока очень редко и в очень малых концентрациях. Рассеянные и редкоземельные элементы, если даже они и отмечены в рудах, обычно в металле не улавливаются. Это определяется их малыми содержаниями, улетучиванием или выходом их в шлак во время плавки [31]. Селен, теллур, ртуть обычно определяются спектральным анализом с относительно высоких концентраций, что также делает их мало полезными для наших целей.

Статистическая обработка результатов. При массовом анализе древних медных и бронзовых предметов мы имеем дело с весьма пестрой картиной сопутствующих меди примесей. Наиболее сложной и ответственной операцией при обработке аналитических результатов является подразделение металла на группы, связанные общностью своего происхождения. Так как древними металлургами могли использоваться руды как качественно различимые, так и не различимые между собой, то соответственно и металлы будут обладать указанными особенностями, т. е. некоторые группы металла мы будем отличать друг от друга по качественным признакам, другие же группы будут различаться только своими количественными характеристиками. Отсюда следует первый вывод: качественные анализы по сравнению с количественными ограничены в своих возможностях. На практике мы часто имеем дело с материалами, где группировка только по качественному признаку невозможна.

Каким же образом найти границу групп металла, ориентируясь в бесконечном множестве цифр? Каким признаком следует руководствоваться при определении границ групп в металле, качественно не отличимых друг от друга? Обратимся вновь к примеру, приводимому выше (рис. 1). Если бы кобальт, присутствующий в рудах месторождений *А* и *Б*, переходил в металл, не изменяя своих концентраций, то абсолютно ясно, что при достаточно большом числе (например, по сто) образцов металла, выплавленного из руд обоих месторождений, распределение концентраций полностью повторяло бы распределение концентраций образцов руды. Нам бы следовало здесь прежде всего подвергнуть эти 200 условных образцов металла статистическому анализу на частоту признака (концентрации). Анализ [3] показал бы, что мы имеем дело с двумя совокупностями образцов, отличающихся друг от друга с достаточной четкостью, за исключением некоторого количества анализов, значения которых совпадают для сравниваемых месторождений. Однако, как уже было сказано, набор примесей при переходе из руды в металл количественно изменяется, подчиняясь определенным закономерностям. Эти же общие закономерности и позволяют сохранить характер распределения концентраций примесей, благодаря чему имеется возможность подразделять металл на группы. Те же математические законы распределения, которые позволили нам отличать друг от друга руды, будут действовать и применительно к металлу. Подобное распределение концентраций называется нормальным (в данном случае

[3] Здесь нет необходимости останавливаться на описании этого статистического метода. Подробное обоснование его можно найти в работах [32—35].

логарифмически нормальным) и заключается в том, что чем дальше отстоит значение признака от среднего, тем реже оно встречается, и наоборот [4]. Однако следует учесть, что статистический анализ сам по себе еще не способен достаточно четко разделить материал на группы, если мы при этом не будем принимать во внимание все известные нам историко-географические факторы. У математиков это называется: предпосылать количественному статистическому анализу анализ качественный. В данном случае мы предварительно должны сгруппировать анализируемый металл в культурно-географические общности. Всякое пренебрежение археологическими данными чревато ошибками в исследованиях. Иначе говоря, группы металла, выделенные без учета этих данных, могут оказаться нереальными.

Даже при правильном разделении анализируемого металла на группы сам процесс сопоставления этих групп с месторождениями будет достаточно сложным и трудоемким. Например, выделяемые нами группы кавказского металла мы можем пока что относить не к какому-то определенному месторождению, а к группе родственных. При более детальных исследованиях приходится привлекать дополнительные факторы, как-то: наличие выходов руд на поверхность в каждом из месторождений, присутствие следов древних разработок и т. д. Так, почти все открываемые в последние годы при помощи геофизических методов глубинные рудные месторождения, не имеющие в своем большинстве выходов на поверхность, естественно могут нами не учитываться при поисках древних рудных источников.

Математическая статистика должна использоваться нами не только для подразделения металла на группы, связанные общностью происхождения, но также и для «сокращения информации». При анализах мы обычно имеем дело со многими тысячами цифр, правильно разобраться в которых бывает очень трудно, а порой и невозможно. Обилие данных делает крайне условным простое визуальное сравнение химических характеристик металлов различных культурно-географических групп. Необходимо записать эти данные в такой сокращенной и наглядной форме, чтобы подобные сравнения были лишены всяких условностей. Эта информация о химической характеристике групп должна быть практически исчерпывающей. Следует отметить, что применяемая иногда информация, заключающаяся только в интервалах, в которых представлены концентрации различных элементов группы, является недостаточной. Лишь полная характеристика распределения концентраций элемента каждой из групп позволяет делать наиболее уверенные выводы. Подобную сокращенную запись удобнее всего выполнять в виде частотных гистограмм. При помощи графических изображений этого типа очень удобно производить сравнение химической характеристики различных групп металла. Выпрямленные вариационные кривые, применяемые, например, Г. Клейном, для этой цели менее удобны. На рис. 5 и 6 приводятся приемы для сравнения химических характеристик различных групп при помощи гистограмм.

На рис. 5 мы приводим пример сравнения двух групп металла майкопской раннебронзовой культуры III тысячелетия до н. э. (майкопская I группа — 32 анализа, майкопская II группа — 57 анализов; анализы выполнены И. Р. Селимхановым и автором). Записав кратко в виде удобной графической формы данные о характере распределения концентраций серебра, сурьмы, свинца и никеля для этих групп, можно быстро и наглядно сравнить их химические характеристики и убедиться в полном несходстве их по всем сравниваемым параметрам. Рисунок 6 предлагает пример подобного же сравнения сразу четырех групп металла брон-

[4] Нормальным или близким к нему распределением Пуассона и биноминальным характеризуется огромное количество случайных событий, наблюдаемых в жизни.

зовой эпохи Европейской территории СССР на восемь элементов (степная — 100 анализов, кавказская — 270 анализов, кобанская — 150 анализов, киммерийская — 60 анализов). Частотные гистограммы располагаются одна под другой, так что мы можем легко установить близость или различие сравниваемых совокупностей. Так, здесь несомненна большая близость степной и кавказской групп, а также отличие от них и одновременно несходство между собой двух последних.

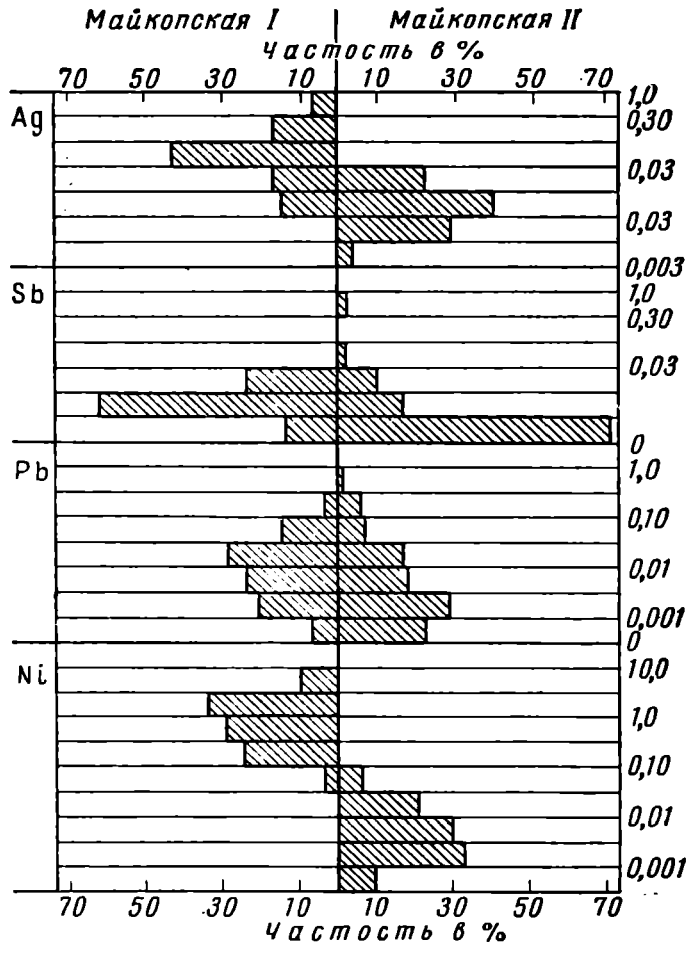


Рис. 5. Способ сравнения химических характеристик двух групп меди. Очевидна их резкая разница

Выбор методов и приемов статистической обработки должен производиться исследователем в каждом конкретном случае. Надо лишь отметить, что наилучшие результаты дает сочетание различных приемов анализа, например одновременное применение метода на частоту признака и корреляционного анализа и сопоставление их результатов.

С чего начинать разработку проблемы происхождения металла? Мне представляется, что правы Г. Отто, В. Виттер, З. Юнгханс, т. е. те, кто начинает работу с анализа готовых изделий. В противном случае, когда будет необходим повсеместный анализ руд всех месторождений, мы окажемся перед необходимостью изучать состав руд даже тех месторождений, которые никогда не разрабатывались в древности. Чтобы составить полное представление о рудах, хотя бы большинства месторождений Советского Союза, нашим археологическим лабораториям пришлось бы потратить на это не один десяток лет. Гораздо разумней обращаться к тем десяткам и сотням тысяч анализов, которые проводятся геологическими учреждениями СССР. По количеству производимых анализов руд археологические лаборатории, конечно, не могут соперничать с геологическими. Появляющиеся в последнее время новейшие специальные геохимические работы о составах руд различных месторождений и их групп представляют очень большие возможности для наших изысканий.

Следует признать также в качестве необходимого дополнения к геохимическим литературным данным и аналитическую работу над рудами, как предлагает Питтиони. Особенно это касается месторождений, безусловно эксплуатировавшихся в древности (например, такие, как южноуральское медно-турмалиновое месторождение Еленовка). Очень важным при этом является анализ древних шлаков с целью изучения поведения различных элементов во время плавки. Как можно шире следует изучать состав самородной меди. Анализ руд прочих месторождений, очевидно, следует производить лишь для уточнения картины набо-

ра примесей. Здесь нет необходимости много говорить о другом аспекте наших работ — истории металлов и сплавов. Он также чрезвычайно важен. При помощи качественных анализов эти вопросы неразрешимы. Абсолютно необходимой частью при разработке историко-технологических вопросов должно быть металлографическое изучение древних изделий, также применяемое нами, но в более ограниченном масштабе [36]. Однако разбор этой части проблемы не входит в тему нашей статьи.

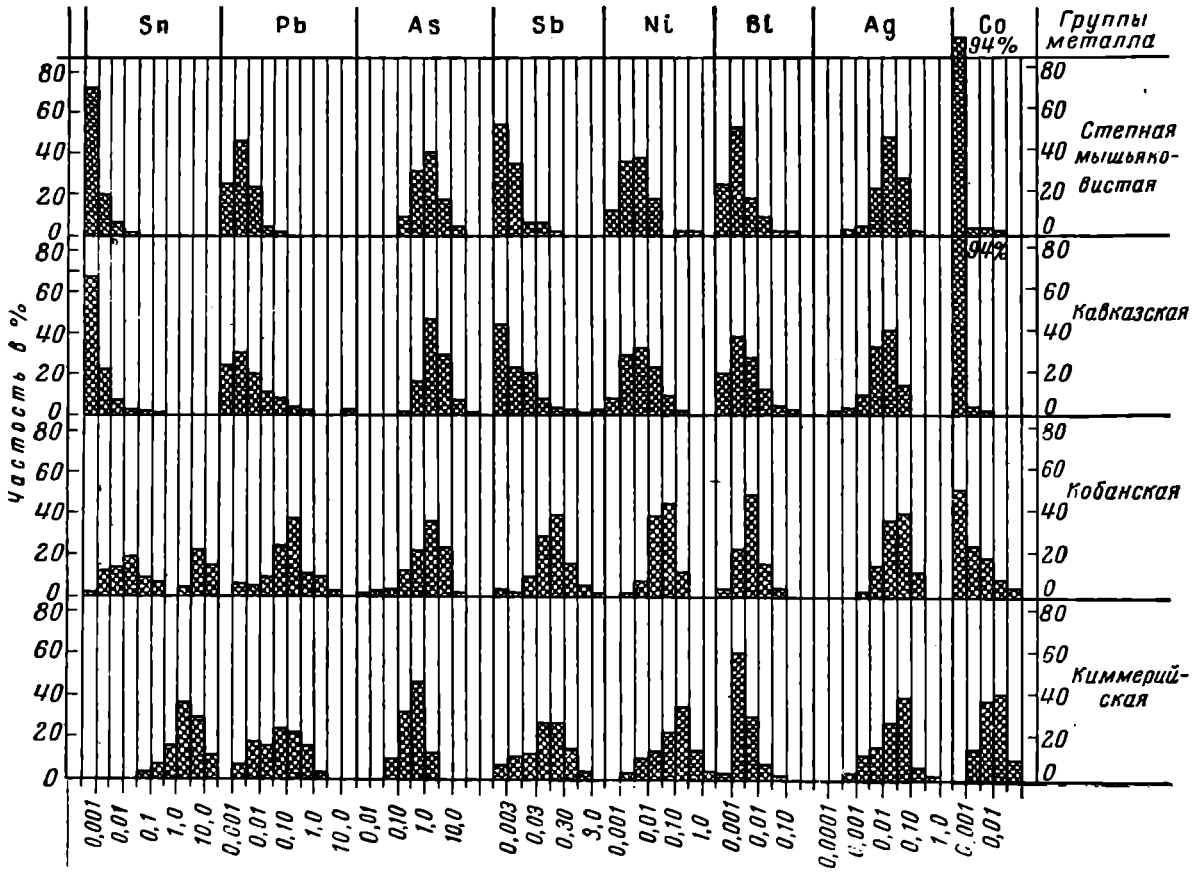


Рис. 6. Способ сравнения химических характеристик нескольких групп металла

Мы рассмотрели вкратце лишь основные, принципиально важные для нас предпосылки исследований по историко-металлургическим изысканиям с применением спектрального анализа. Естественно, здесь нет возможности останавливаться на всех менее значительных трудностях в исследованиях подобного рода. Вопросы происхождения древнейшего металла являются, безусловно, сложнейшей частью большой историко-металлургической проблемы. Настоящая статья, конечно, не претендует на окончательное решение вопроса. Автор сознает, что ряд предложенных им выводов является дискуссионным и потребует дальнейшего обсуждения в печати.

Литература

1. В. В. Данилевский. Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала. ИГАИМК, 110, М.— Л., 1935.
2. В. К. Прокофьев. Фотографические методы количественного анализа металлов и сплавов, ч. 1 и 2, М.— Л., 1951.
3. А. К. Русанов. Спектральный анализ руд и минералов. М., 1948.
4. Л. С. Ломоносова, О. Б. Фалькова. Спектральный анализ. М., 1958.
5. Приближенный количественный анализ минерального сырья. Под ред. М. М. Клера. М., 1959.
6. А. Н. Зайдель, Н. И. Калитеевский, Л. В. Липис, М. П. Чайка. Эмиссионный спектральный анализ атомных материалов. М., 1960.
7. H. Otto, W. Witter. Handbuch der altesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa. Leipzig, 1952.

8. E. Voce, V. G. Childe. Report on Examination of Miscellaneous Copper and Bronze Artifacts. «Man», London, 1951.
9. H. H. Coghlan, V. G. Childe, C. N. Bromehead. Ancient Mining and Metallurgy Groups. «Man», 1948, стр. 5.
10. L. Biek. The Examination of some Copper Ores. «Man», 1957, London, стр. 72—76.
11. F. C. Thompson. The Early Metallurgy of Copper and Bronze. «Man», 1958, стр. 1.
12. H. H. Coghlan, H. Case. Early Metallurgy of Copper in Ireland and Britain. PPS for 1957, XXIII, 1958.
13. R. Pittioni. Metallurgical Analysis of Archaeological Materials. The Application of Quantitative Methods in Archaeology. Chicago, 1960, стр. 21—24.
14. R. Pittioni. Urzeitlicher Bergbau auf Kupfererz und spurenanalyse, «Archaelogia Austriaca», Прилож. 1, Wien, 1957.
15. H. Neininger, R. Pittioni. Die spektrografische Untersuchung der Helmes von Pass Lueg. Jahrsch. des Salzb., Mus., 1958.
16. R. Pittioni. Zweck und Ziel spektralanalytischer Untersuchungen für die Urgeschichte des Kupferbergwesens. «Archaeologia Austrica», 26, 1959, стр. 93—95.
17. S. Junghans, H. Klein, E. Scheufele. Untersuchung zur Kupfer und Frühbronzezeit Süddeutschlands 34, Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1951—1953, Berlin, 1954, стр. 77—114.
18. S. Junghans, E. Sangmeister. Bericht bei Forgang spektralanalytischer Untersuchungen an kupferzeitlichen und frühbronzezeitlichen Bodenfundes Europas. «Germania», 1957, тетр. ½, Berlin.
19. S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder. Metallanalysen kupferzeitlicher und frühbronzezeitlicher Bodenfunde aus Europa. Berlin, 1960.
20. H. Klein. Statistische Auswertung der Analysenergebnisse einer spektralanalytischen Untersuchung vorgeschichtlicher Funde aus Kupfer und Kupferlegierung. 34, Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1951—1953, стр. 103—114.
21. M. A. Brown, A. E. Blin-Stoyle. A sample Analysis of British Middle and Late Bronze Age Material, Using Optical Spectrometry. PPS for 1959, XXV, стр. 188—208.
22. И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960 и другие работы.
23. Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.
24. И. Г. Магакьян. Рудные месторождения. Ереван, 1961, стр. 359.
25. С. С. Смирнов. Зона окисления сульфидных месторождений. М., 1955, стр. 153, 154, 173—176.
26. Ю. И. Назаров, И. В. Аленикова. Сводный отчет о разведке Маднеульского медноколчеданного месторождения. Тбилиси, 1958.
27. Р. Радл. Физическая химия и пирометаллургия меди. М., 1955, стр. 133.
28. В. И. Смирнов. Металлургия меди и никеля. М., 1950, стр. 311.
29. Г. Гофман. Металлургия меди. М., 1934, стр. 313, рис. 211; стр. 307, рис. 210.
30. H. H. Coghlan. Metallurgical Analysis of Archaeological Materials. The Application of Quantitative Methods in Archaeology. Chicago, 1960, стр. 1—13.
31. А. И. Окунев. Поведение некоторых редких и рассеянных элементов в процессах металлургической переработки медных руд и концентратов. М., 1960.
32. Б. Л. Ван-дер-Варден. Математическая статистика. М., 1960, стр. 35—62.
33. Р. А. Фишер. Статистические методы для исследователей. М., 1958, стр. 34—68.
34. В. В. Налимов. Математическая статистика при анализе вещества. М., 1960, стр. 68—158.
35. К. Ф. Шмид. Руководство по графическим изображениям. М., 1960, стр. 114—140.
36. Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения анауской культуры. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 35—37.

Публикации

О. А. АБИБУЛАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ХОЛМА КЮЛЬ-ТЕПЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В последнее время на территории Азербайджана выявлен ряд памятников эпохи раннего металла: холмы Кюль-Тепе I и Кюль-Тепе II в Нахичеванской АССР, Тойре-Тепе, Шому-Тепе, Баба-Дервиш в Казахском районе и др. Это многослойные поселения времени от энеолита (возможно, и конца неолита) до раннего железа. Самым мощным из них по толщине культурных слоев является расположенный в 8 *км* к северу от Нахичевани холм Кюль-Тепе I, на котором толщина культурных напластований достигает почти 22 *м* и составляет четыре культурных слоя. Два верхних слоя незначительны и относятся к эпохам бронзы и раннего железа. Материалы этих слоев нами опубликованы [1—3], поэтому в настоящей статье мы описываем результаты исследований только двух нижних слоев, относящихся к более ранним периодам [1].

Несмотря на то, что это поселение называется Кюль-Тепе, т. е. зольный холм, золы в нем не так уж много. Она встречается в виде отдельных прослоек на небольшой площади или же скоплениями вокруг очагов и печей, а также в помещениях, уничтоженных пожаром, и в мусорных ямах. Основными наслоениями, образующими холм, являются земля, мусор, строительные остатки, обломки керамических и каменных изделий и др.

I, нижний, слой имеет 8,5—9 *м* толщины, а II слой — 8,5—9,5 *м*. Между ними находилась стерильная прослойка толщиной 15—20 *см*, в некоторых местах она доходила до 30—40 *см*. Наибольшее количество керамики и строительных остатков обнаружено во II слое, а каменных изделий — в I слое.

В I слое остатки сооружений незначительны и сильно разрушены, но они дают возможность установить форму и характер построек. В верхних горизонтах слоя выявлены 13 круглых или прямоугольных сооружений. Для строительства использованы камень и глина. Диаметр круглых помещений 6—7,7 *м*. Длина одного прямоугольного помещения 4, ширина 3,3 *м*. Толщина стен различна и доходит до 35—55 *см*, сохранившаяся высота 20—25 *см*. Пол земляной.

Во II слое обнаружены остатки 39 сооружений, круглых и прямоугольных в плане, построенных из булыжника, глины и сырцовых кирпичей. Длина кирпичей 40—42 *см* (иногда 44—50 *см*), ширина 18—22 и 24 *см*, толщина 10—12 *см*. Камни и кирпичи скреплены глиняным

[1] В предыдущих публикациях нумерация слоев дана сверху вниз, а в данной статье эта нумерация идет от основания культурного слоя к лежащим выше слоям.

раствором. Толщина стен различна: 18—20 или 50—70 *см*. Стены с обеих сторон обмазаны слоем глины, толщиной 3—5 *см*. Пол у всех помещений земляной. Размеры построек различны. Диаметр круглых помещений в одном случае 3,5 *м*, в другом около 13 *м*, а у основной массы 4—8,25 *м*. Четырехугольные помещения примыкают к круглым, плохо сохранились, и поэтому определить их размеры трудно, но у одного из них длина доходит до 2,45 *м*, ширина 1,75 *м*, у другого ширина достигает 7,15 *м*. В середине каждого круглого помещения находился один большой плоский камень или же небольшая яма для опорного столба перекрытия.

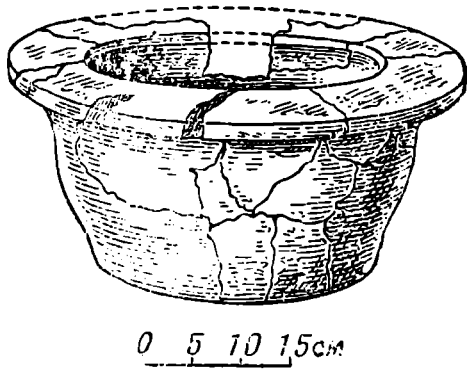


Рис. 1. Глиняная жаровня (мангала)

Помещения отапливались углубленными в пол мангалами (жаровнями) или же печами. Мангалы по своей форме напоминают большие плоскодонные глубокие чаши с плоскими, массивными венчиками (рис. 1). У глиняных печей, примыкающих к стенам помещений, с правой стороны расположена топка. С левой стороны к топке примыкает плоская прямоугольная часть, заполненная гравием, она соединена с топкой отверстием для прохождения жара.

Такие круглые и четырехугольные постройки известны из многих памятников Кавказа и Передней и Малой Азии, синхронных с I и II слоями Кюль-Тепе [4—11]. Круглые постройки из сырцовых кирпичей обнаружены И. Г. Наримановым в Тойре-Тепе и Шому-Тепе в Казахском районе Азербайджана[2]. Форма построек и аналогии показывают, что перекрытия круглых помещений в Кюль-Тепе были коническими. Это подтверждается и наличием в подобных помещениях плоского камня или же ямы для опорного столба перекрытия.

Кроме построек, в I (нижнем) слое обнаружены 73 погребения. Могильные ямы выкопаны в культурном слое между постройками или же под ними. Погребения определенной ориентировки не имеют. Дно могил под погребенными обмазано глиной. Погребенные положены на боку или на спине в скорченном положении. Их руки или приподняты к лицу, или вытянуты вдоль тела, или сложены на груди. Во многих случаях под черепом лежал небольшой камень или фрагмент сосуда. Некоторые скелеты окрашены в красный цвет. В нескольких случаях на скелетах были выявлены остатки циновок, видимо из тростника, возможно, что погребенные были в них завернуты.

При большинстве погребений вещей не было, из 73 только в 25 были найдены главным образом украшения (небольшие бусинки из разных камней, подвески из клыков), обсидиановые и ножевидные пластинки и др. Сосуды, сопровождавшие погребения, грубой лепки, сделаны из глины с примесью соломы. В двух погребениях обнаружены скелеты собак.

В большинстве могил был похоронен один человек, но в некоторых находились два, три или четыре скелета.

Обычай погребения на площади поселения у жителей Кюль-Тепе существовал только в раннем периоде. Подобный обычай имел место у многих древних племен, и погребения на поселениях известны в памятниках Грузии, Туркмении, Украины, а также Ирана и Месопотамии [11—16].

В обоих слоях Кюль-Тепе обнаружен разнообразный материал, наиболее многочисленными находками являются каменные и керами-

[2] Материалы не опубликованы, за сообщение о них приношу И. Г. Наримапову благодарность.

ческие изделия. Для каменных изделий использованы обсидиан, туф, порфир, гранит, галька, изредка кремень и другие породы камня.

В I слое обнаружено много обсидиановых нуклеусов, пластинок и отщепов. Нуклеусы все конусообразной формы различных размеров (рис. 2, *1*). Ударные площадки в основном горизонтальные, ровные, у некоторых имеются следы оживления. Найденные здесь же пластинки сколоты от этих нуклеусов. Очень интересны пластинки, обнаруженные в одной куче — 21 шт.: кроме двух, все они сколоты от одного нуклеуса, и из них восстанавливается часть конусообразного нуклеуса. Пластинки эти вогнутые, с острыми необработанными краями; длина их доходит до 20 *см*.

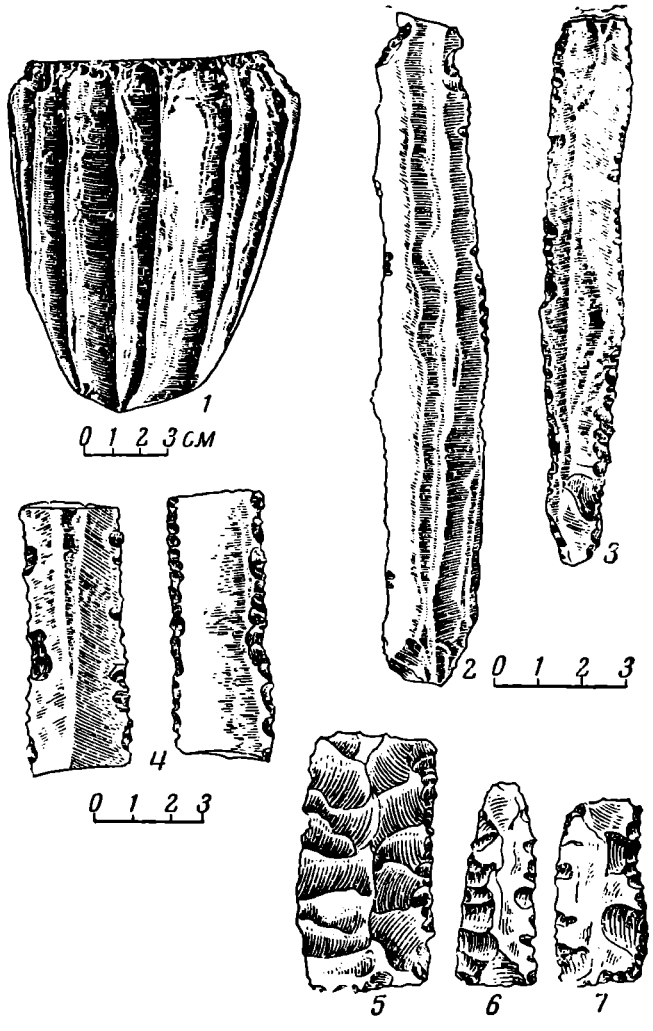


Рис. 2. Обсидиановые и кремневые предметы из I и II слоев

Все обнаруженные в слое пластинки имеют ножевидную форму, они трех- и четырехгранные, призматические. Многие из них достигают 10—15 *см* длины; некоторые не обработаны и не употреблялись в работе (рис. 2, *2*), другие также не обработаны, но в работе использовались, на что указывают выщерблины, затупленность лезвий (рис. 2, *3*). Основная масса пластинок обработана, они имеют одностороннюю или двухстороннюю ретушь (рис. 2, *4*), у некоторых частично, с противоположных концов, ретушированы или оба параллельных края, или часть одного края. Сработанные края всех пластинок в той или иной степени затуплены и отшлифованы. Эти режущие орудия применялись для различных целей. По-видимому, часть из них служила вкладышами для жатвенных серпов (большие вкладыши для цельных, а маленькие для составных).

Во II слое наряду с обсидиановыми ножевидными пластинками обнаружены в незначительном количестве и кремневые. Обсидиановые пластинки по форме и обработке повторяют пластинки I слоя, но они меньшего размера. Кремневые ретушированы с одной стороны и вследствие сработанности затуплены и заполированы до блеска. Другая сторона осталась острой. Это вкладыши составных серпов (рис. 2, *5—7*). Подобные пластинки имеются и среди обсидиановых, у них также ретуширована и сработана одна сторона.

Изделия из обсидиана и кремня, подобные находкам I и II слоев Кюль-Тепе, обнаружены во многих памятниках. В Азербайджане аналогичные нуклеусы имеются из Тойре-Тепе, а пластинки — из Тойре-Тепе, Шому-Тепе и Баба-Дервиш — в Казахском районе [17, 18]. Кремневые нуклеусы из Килликдага имеют другую форму[3]. Ножевидные

[3] Хранятся в Музее истории Азербайджана.

пластинки найдены в Нагорном Карабахе и Килликдаге [19], в Мингечауре (Азербайджан), в Шенгавите, Кюль-Тепе, Шреш-Блуре, Эларе (Армения), в нижнем слое Ахыллара, в Очемчирском поселении и в ряде других мест Грузии [20], а также в Дагестане [21, 22]. В Передней Азии пластинки, вкладыши, а также целые серпы и нуклеусы были обнаружены в Иране, Месопотамии, Сирии, Палестине и в других странах [7, 11, 15, 23].

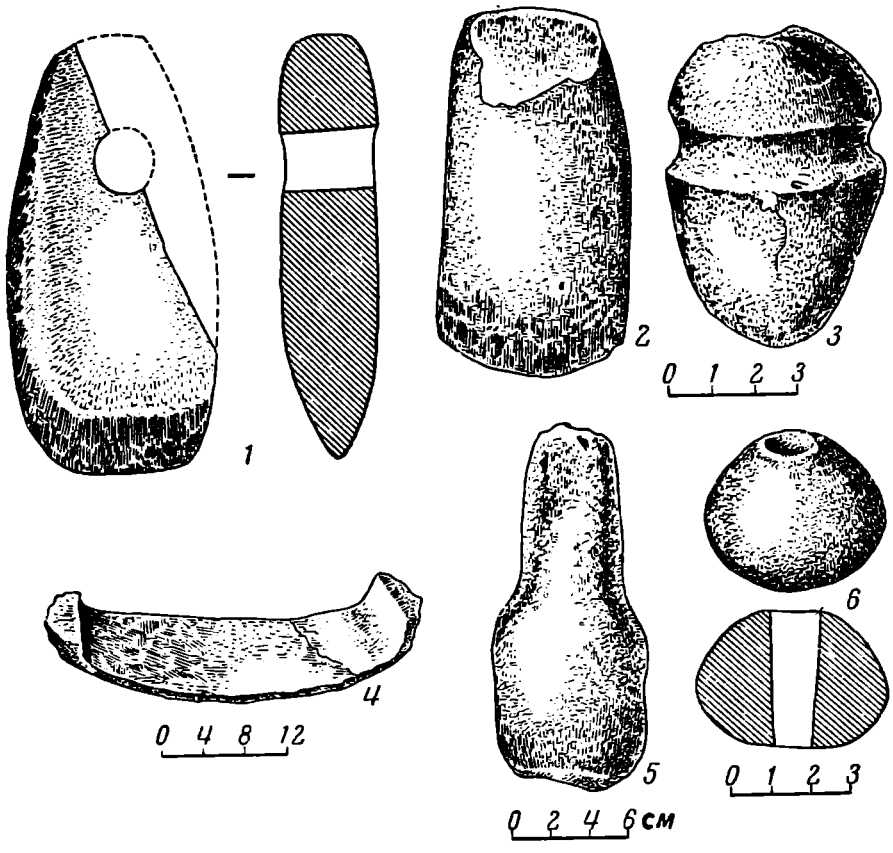


Рис. 3. Каменные предметы

Каменные мотыги на холме Кюль-Тепе были обнаружены только в I слое. Они овальной формы, имеют сквозное отверстие, высверленное с плоской стороны, поперек лезвия. Лезвия заострены двухсторонней обтеской, сработаны и затуплены. Длина их доходит до 15 *см* (рис. 3, *1*). Тесла обнаружены в обоих слоях, они клиновидной формы, с заостренными лезвиями. Обычно эти орудия хорошо обработаны, поверхность полирована, от употребления их в работе у некоторых на лезвиях имеются сколы, образовавшиеся вследствие ударов о твердый материал (рис. 3, *2*).

Молоты в основном обнаружены во II слое, хотя несколько экземпляров имеется и из I слоя. Они удлиненной формы с закругленными концами. Каждый молот имеет шейку для укрепления ручки. На рабочем конце в результате использования в работе образовались небольшие выбоины. Длина молотов доходит до 9,7—19,7 *см* (рис. 3, *3*). Подобные орудия еще в XIX в. были обнаружены в нахичеванском и кульпинском соляных месторождениях [24—26]. Они по форме очень близки к кюль-тепинским, но среди них есть более крупные экземпляры. Такой же молот найден в нижнем слое крепости Гяуркала около Шахтахты [27]. Очень много молотов обнаружено в Килликдаге около Ханлара [28].

В обоих слоях Кюль-Тепе найдены зернотерки (рис. 3, *4*) в большом количестве. Нижние камни зернотерок I слоя по сравнению с таковыми же из II слоя грубы, в основном овальной формы, изредка встречаются

круглые. Во II слое наравне с овальными имеются и ладьевидные. Терочники, т. е. верхние камни зернотерок, по своей форме аналогичны нижним камням и отличаются от них только меньшим размером. На некоторых зернотерках есть следы охры, что указывает на использование их и для размельчения краски. Зернотерки очень распространены почти на всех памятниках, синхронных с Кюль-Тепе, а также в более поздних.

Основная масса каменных ступок и пестов найдена в I слое. Часть ступок хорошо обработана и имеет круглую, иногда чуть сплюснутую форму. Другие ступки, бо́льшие по размерам, почти не обработаны, у них отбиты только выступающие части. Песты из I слоя валикообразны, у некоторых пестов из II слоя один конец обтесан, а другой более массивен (рис. 3, *5*). У валикообразных пестов сработаны оба конца.

Навершия булав шаровидной или грушевидной формы в основном обнаружены в I слое (рис. 3, *6*). У шаровидных булав с одной или с обеих противоположных сторон, а у грушевидных — с заостренной стороны имеются недосверленные отверстия. Одна гематитовая булава, расколотая пополам, найдена в погребении. Незаконченность сверления этих орудий свидетельствует о том, что они местного производства. Аналогичные кюль-тепинским навершия булав известны из многих памятников Азербайджана, они обнаружены в курганах № 2 и 4 на берегу р. Хачанагет в Нагорном Карабахе [29], в могильнике Узун-Тепе в Астраханбазарском районе [30], в Армении в Шенгавите, в Грузии из холма Наохваму в Колхиде [31], в Дагестане из Каякентского и Великентского поселений [21, 32]. В Передней Азии они известны из Тепе Гавра, Шах-Тепе, Тепе Сиалка и др. [11, 15, 33].

Различные костяные изделия найдены в обоих слоях холма Кюль-Тепе. Наиболее многочисленны проколки, изготовленные в основном из трубчатых костей мелкого и крупного рогатого скота, иногда птицы. Некоторые из них имеют форму иголок, иногда с отверстием.

В I слое обнаружены орудия, сделанные из ветвей оленьего рога, рабочий конец их заострен косой обтеской. Другие орудия изготовлены из расколотых трубчатых костей. Они хорошо обработаны, а рабочий конец заострен косым срезом. Для выделки третьих орудий использованы целые трубчатые кости и обтесан только рабочий конец. Нам кажется, что первые два типа орудий могли быть использованы в качестве скребков и лощил для обработки шкур, как это указано и у Г. Кларка [34]. Последние же орудия, как более массивные, пригодны для рыхления земли и выкапывания съедобных корней. Аналогичные орудия Г. Чайлд считает втульчатыми долотами для обработки дерева [35].

Орудия со сквозными отверстиями, изготовленные из коронной части рога оленя, несомненно использовались как мотыги для обработки земли. Такие орудия из трубчатых костей и лопаток крупных животных и оленьего рога в большом количестве обнаружены раскопками И. Г. Нариманова в Шому-Тепе в Казахском районе и подтверждают наше предположение; подобные же орудия известны из трипольских поселений во Владимировке и Т. С. Пассек [36] считает их мотыгами. Во II слое Кюль-Тепе найдены пряслица, сделанные из эпифиза крупных рогатых животных.

В I слое обнаружены семь медных предметов: маленькая четырехгранная проколка со стержнем, наконечник стрелы ромбовидной формы, две небольшие бусинки (рис. 4, *1—4*) и три обломка неопределенных предметов, все они покрыты зеленой патиной. Во II слое найдено 17 медных вещей. Среди них — четырехгранный предмет со стержнем в виде наконечника небольшого копья, четырехгранное шило, четырехгранный предмет с плоскими заостренными концами, часть лезвия ножа и различные булавки и фрагменты других предметов (рис. 4, *5—14*). Найден также один свинцовый предмет (рис. 4, *15*). Вместе

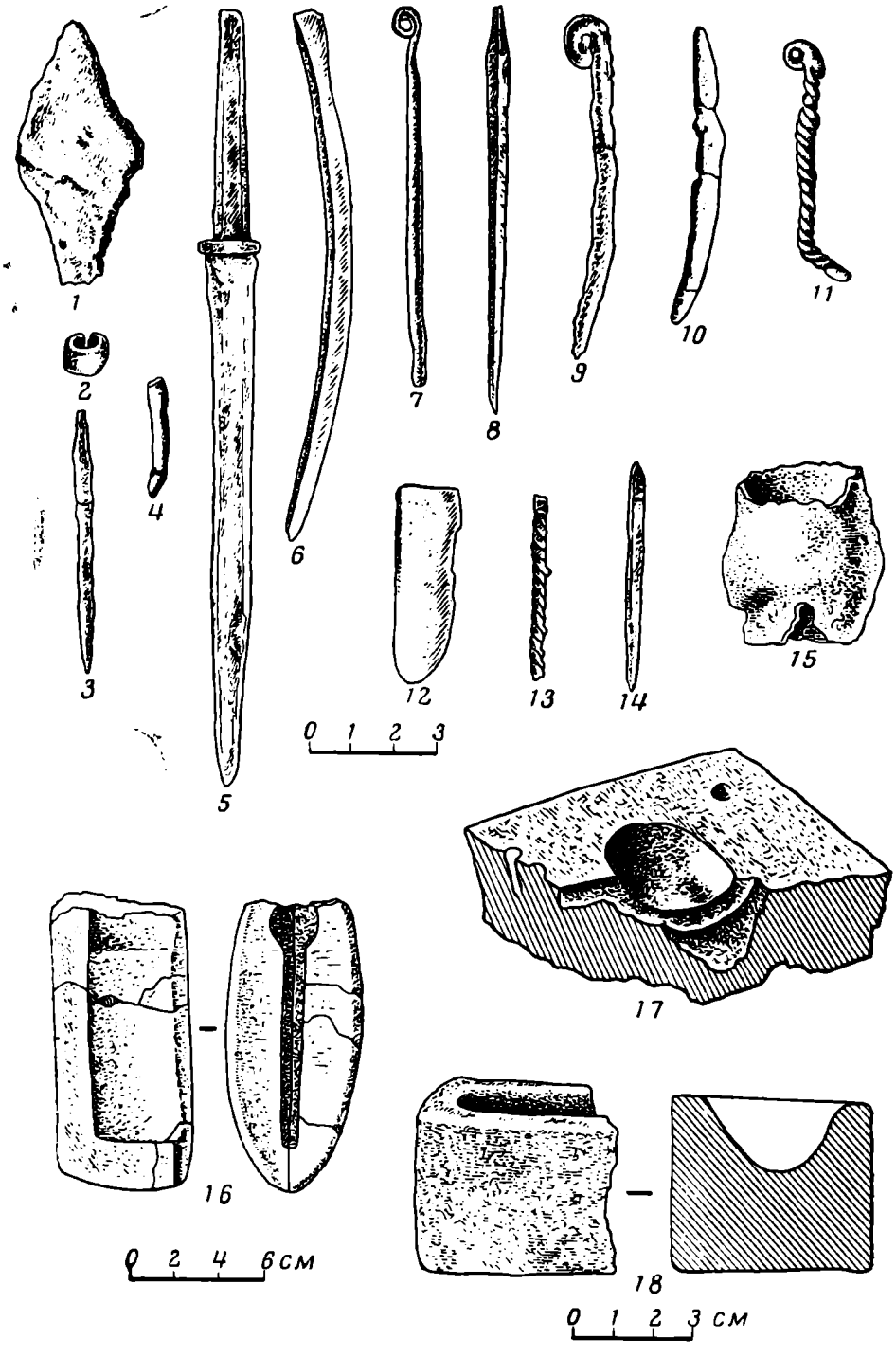


Рис. 4. Медные изделия из I и II слоев и обломки литейных форм из II слоя

с ними обнаружены обломки маленькой чашечки с остатками металла и части трех глиняных литейных форм. Одна из них прямоугольная, с углублением для отливки металла и заготовок (рис. 4, *18*), вторая, четырехугольная (большая часть отломана), является нижней половиной литейной формы (рис. 4, *17*). Третья половинка литейной формы прямоугольная, с округлым основанием, служила для отливки проушного топора (рис. 4, *16*).

Наиболее массовый материал из Кюль-Тепе составляют обломки глиняной посуды, особенно из второго слоя. Посуда I слоя ничего общего не имеет с посудой II слоя. В I слое она очень груба, сосуды вылеплены из глины с примесью соломы. Основная масса их имеет красный цвет с разными оттенками, в редких случаях встречаются бу-

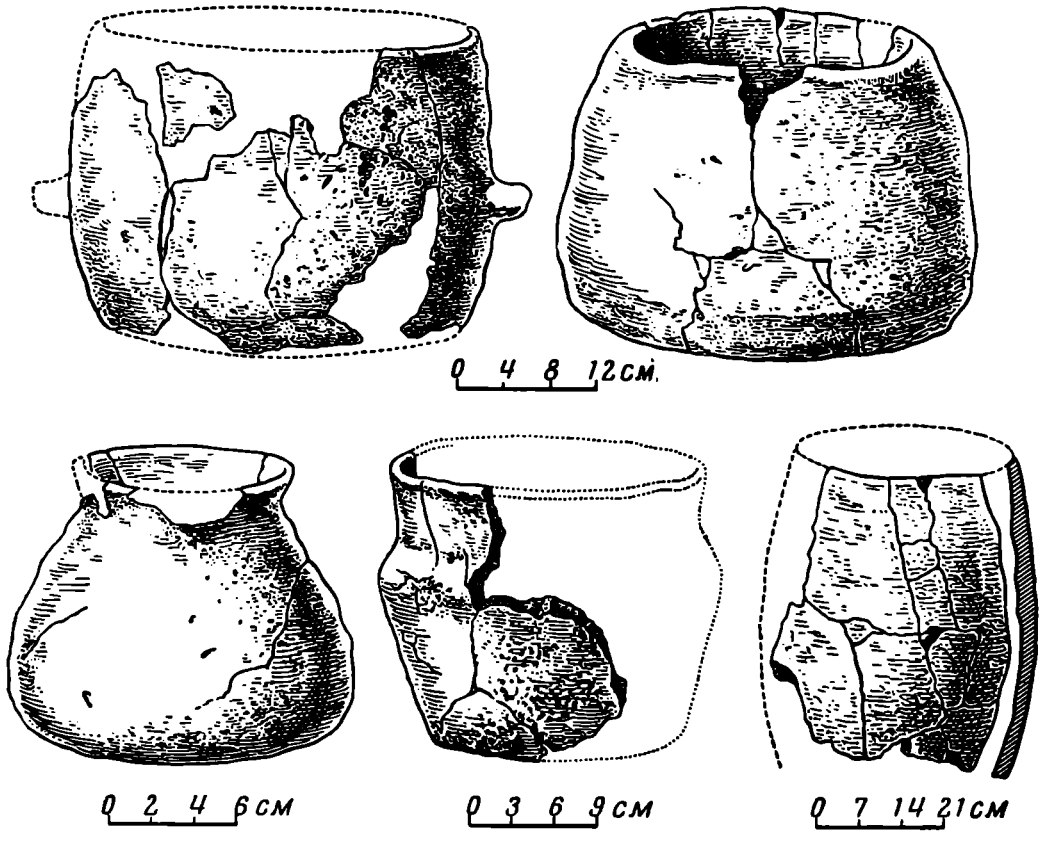


Рис. 5. Керамика I слоя

рые и серые, поверхность их сглажена или же залощена. Несмотря на то, что в основном от сосудов обнаружены фрагменты, по форме можно выделить кувшины, горшки, миски, котлообразные, бочкообразные и банкообразные сосуды. Керамика I слоя представлена на рис. 5 и описана [2, стр. 448—450].

Наравне с простой, в I слое найдена и расписная керамика (всего 14 обломков), которую можно разделить на два типа. Первый тип представляют сосуды, вылепленные очень аккуратно из глины с примесью песка, хорошо обожженные, красного, коричневого, желтого и серого цвета. Тщательно залощенная поверхность орнаментирована довольно сложными геометрическими узорами, нанесенными черной, коричневой и красной красками (рис. 6, *1—5*). Ко второму типу относятся сосуды, изготовленные из глины с примесью соломы (но лучшего качества, чем простые). Обжиг хороший, черепок красного цвета. Поверхность сосудов залощена и черной, красной и желтой красками орнаментирована очень простыми геометрическими узорами (рис. 6, *6—8*).

Расписная посуда первого типа по материалу, лепке и обжигу коренным образом отличается от массовой посуды слоя, на основании этого мы предполагаем, что она не местного происхождения, а привозная. Сосуды второго типа по материалу, лепке и обжигу идентичны с простой керамикой, они изготовлены на месте и в подражание привозным расписаны, но далеко не с тем мастерством, как первые.

Керамика, аналогичная кюль-тепинской из I слоя, только в последнее время обнаружена раскопками И. Г. Нариманова в Казахском районе. Пока в других районах Закавказья такая керамика не найдена, но она известна из многих памятников стран Ближнего и Среднего Востока, как, например, из нижнего слоя Геой-Тепе, Тепе Сиалка, Меримде, Эль-Омари и других (впрочем она только схожа с кюль-тепинской керамикой, но не идентична ей).

Сосуды из II слоя Кюль-Тепе изготовлены без гончарного круга, но очень аккуратно, из глины с примесью песка. Основная масса сосудов —

серого и черного цвета, с залощенной поверхностью, но изредка встречаются и бурые. Характерный тип сосудов — кувшины, горшки и чаши, реже встречаются банкообразные сосуды, «сковородки», крышки и др. (рис. 7 и 8) [2, рис. 8—11].

Во II слое найдено много различных глиняных подставок, пряслиц обычной формы, прямоугольных очажных подставок с рогообразными

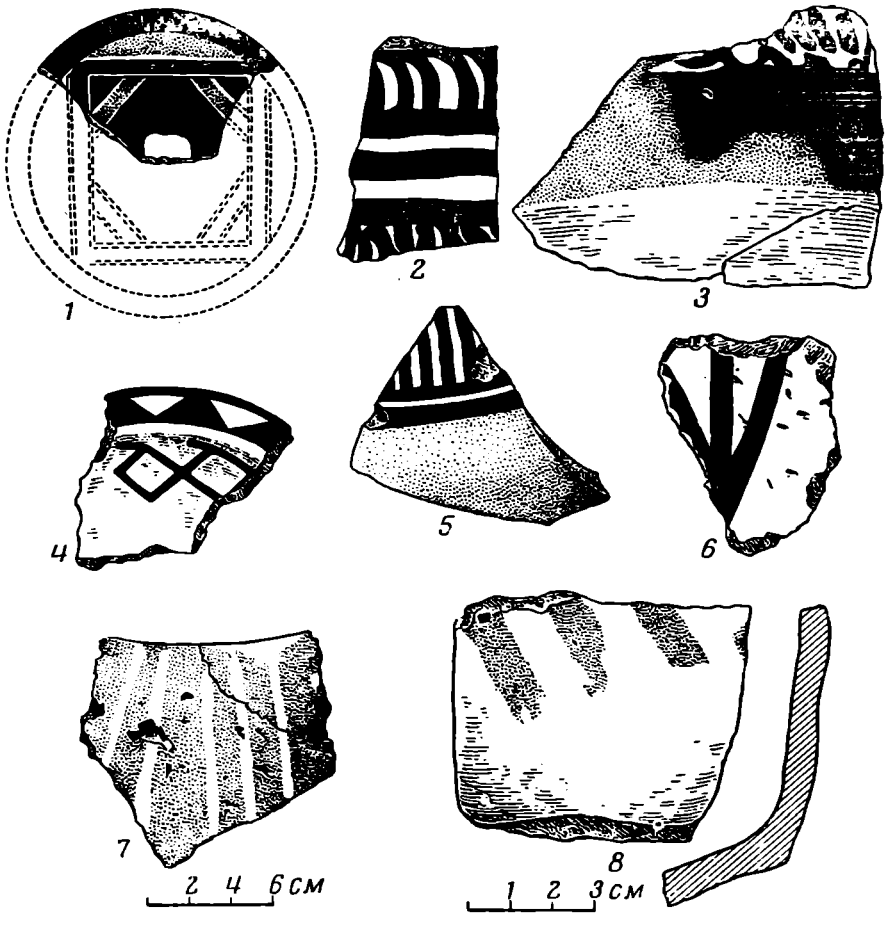


Рис. 6. Расписная керамика I и II слоев

выступами, подковообразных — с тремя выступами (рис. 7, 7), моделей колес и фигурок животных (в основном быков, изредка баранов, козлов и в одном случае, очевидно, собаки).

Сосуды II слоя по своей форме немногочисленны, но характерны. Многие из них имеют аналогии в синхронных памятниках Закавказья. Близкими по форме кувшинам, горшкам и чашам являются сосуды из Баба-Дервиша в Казахском районе[4], Шреш-Блура, Шенгавита, Бешташены [20, табл. CXXIII—CXXV; 37], Дидубе [38] и др. Крышки, аналогичные кюль-тепинским, известны из Элара, Игдыра и Бешташены [37, рис. 37, 38]. Некоторую близость к кюль-тепинским сосудам имеет керамика из слоя К Геой-Тепе [7, табл. III, *30*, VI, 449], но особенно близки кувшины и чаши из Яник-Тепе в Иранском Азербайджане [9, том XXIII, 2, табл. XXI—XXII].

Нужно отметить, что орнамент на кюль-тепинских сосудах из II слоя встречается редко, и он по своему характеру несколько отличается от орнамента на сосудах других синхронных памятников Закавказья. На кюль-тепинских сосудах преобладают налепные украшения, изредка

[4] Раскопки И. Нариманова. Материалы не опубликованы.

встречается резной орнамент. Для керамики же из других синхронных памятников характерным является так называемый резной прямолинейно-геометрический и желобчато-вдавленный орнамент.

Раскопки на Кюль-Тепе еще не закончены, но его материал уже позволяет сделать некоторые заключения.

1. Между I и II слоями имеется стерильная прослойка, указывающая, что на определенное время жизнь здесь прекратилась, поэтому в материале этих слоев, особенно в керамике, прослеживается большое различие.

2. Население Кюль-Тепе жило в круглых домах с примыкающими к ним прямоугольными помещениями. В ранний период дома строились из камня и глины, а затем и из сырцового кирпича. Жилища отапливались печами и мангалами (жаровнями), но, видимо, и простыми очагами.

3. Население вело оседлый образ жизни, занималось земледелием и скотоводством, что подтверждается находками земледельческих орудий, остатков злаков (пшеницы, ячменя и проса) и остеологическими материалами. Население знало обработку камня, кости, гончарное дело, ткачество. Металлургия, возникнув на Кюль-Тепе в ранний период (к которому относится I слой), ко времени отложения II слоя приобретает довольно развитую форму.

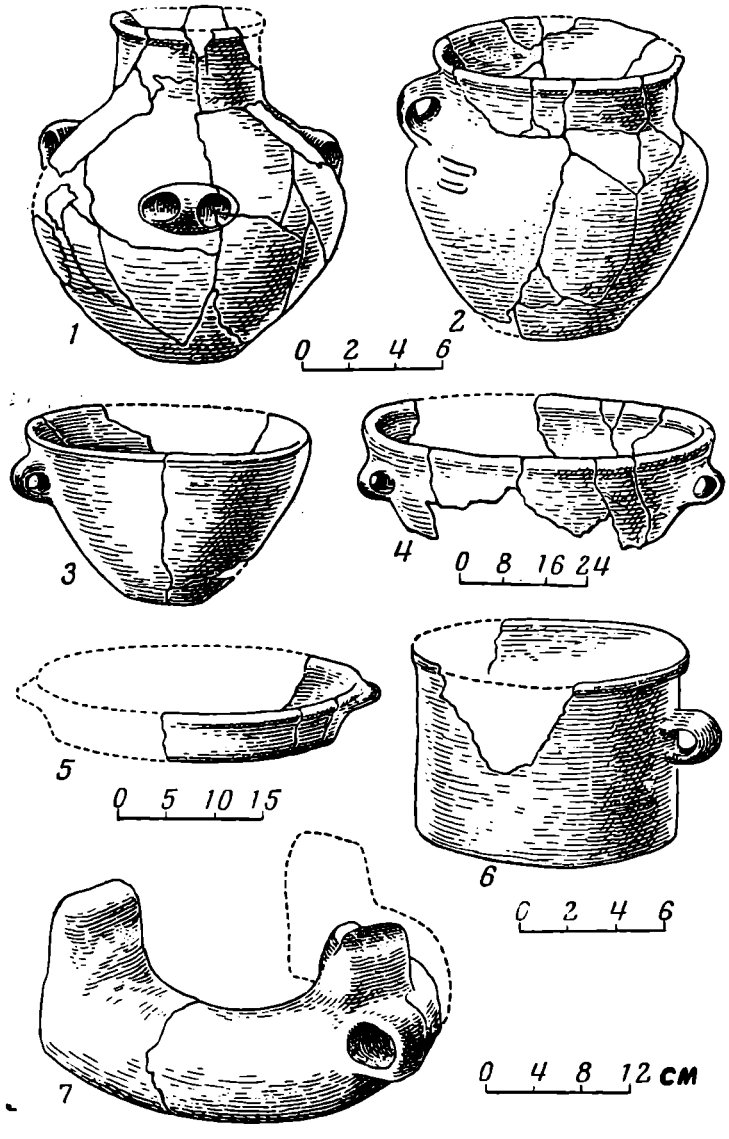


Рис. 7. Керамика II слоя

Одним из основных вопросов является определение времени слоев Кюль-Тепе. До недавнего времени памятники Закавказья с материалами, аналогичными II слою Кюль-Тепе, исследователи относили к энеолиту, но в последнее десятилетие с увеличением фактического археологического материала стало возможным пересмотреть этот вопрос. Для определения энеолитического времени решающее значение имеют металлические изделия. С этой целью металлические изделия из обоих слоев были подвергнуты спектрально-химическому анализу[5]. Анализ семи предметов из I слоя показал, что в составе трех из них имеется в незначительном количестве (0,2; 0,4 и 0,7%) мышьяк, являющийся естественной примесью руды, а в остальных изделиях мышьяк совсем

[5] Анализы были произведены руководителем Лаборатории археологической технологии Института истории АН АзерССР И. Р. Селимхановым.

отсутствует. По составу их видно, что эти предметы изготовлены из чистой меди, без искусственной примеси мышьяка. В это время население Кюль-Тепе усвоило выплавку меди из руды, но еще не умело получать сплавы.

Анализ металлических предметов II слоя показал, что в их составе, кроме меди, в большом количестве имеется мышьяк, составляющий 1,74—6,79%, а в остатках металла из литейных форм он доходит до 2,01—11,94%. Таким образом, выясняется, что эти предметы изготовлены не из чистой меди, а из сплава меди и мышьяка, т. е. это не медные,

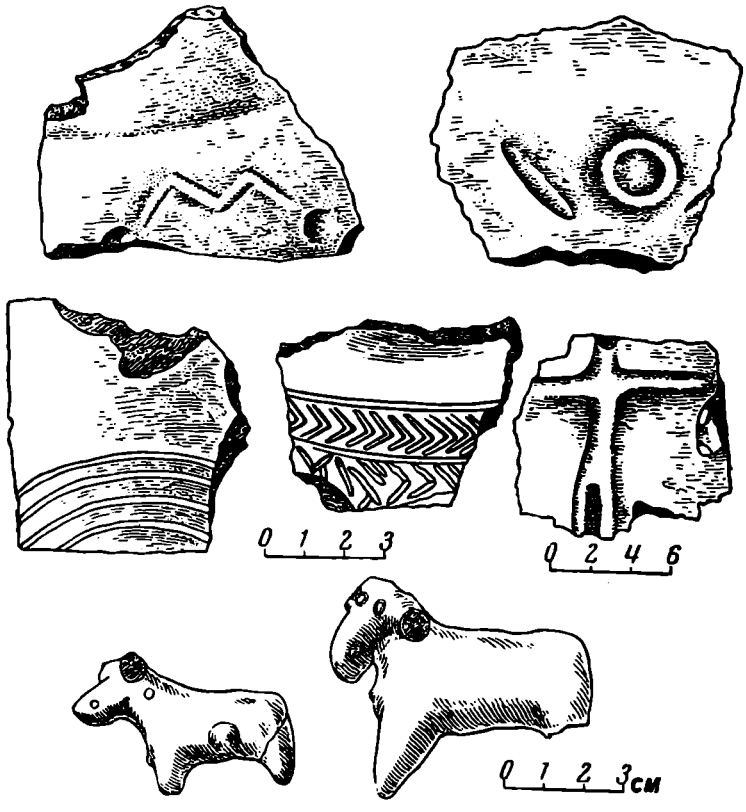


Рис. 8. Керамика II слоя

а бронзовые предметы. Этот факт показывает, что, следовательно, в рассматриваемый период металлургия имела не начальную, а сравнительно развитую форму. Чтобы использовать другие металлы и элементы в качестве присадки для получения сплава, древнее население должно было иметь некоторый опыт в металлообработке, который можно приобрести только в результате длительной практической работы. На сравнительно развитую форму металлургии и наличие литья в этот период указывают и обнаруженные глиняные литейные формы. Более того, в то время, кроме сплава меди и мышьяка, использовался и свинец.

Правда, в Азербайджане имеется месторождение медно-мышьяковой (энаргитовой) руды, в состав которой входит 7,62% мышьяка [39]. При высокой температуре плавки бóльшая часть мышьяка сгорает, поэтому для получения сплава с высоким процентом мышьяка, из которого сделаны предметы II слоя Кюль-Тепе, в составе руды его должно быть гораздо больше, чем в энаргитовой руде. Следовательно, для изготовления данных предметов эта руда не могла быть использована. Это доказывается и тем, что некоторые элементы имеющиеся в руде, в изделиях отсутствуют, и наоборот: элементов, присутствующих в изделиях, в руде нет.

В Азербайджане есть и кобальто-мышьяковая руда (кобальтин), но она также не была использована для изготовления кюль-тепинских предметов, так как в составе металла изделий из Кюль-Тепе отсутствует

кобальт. Кроме того, в близлежащих районах нет самородной меди, содержащей мышьяк в значительных концентрациях [39]. Подобное же явление наблюдается с металлическими изделиями из синхронных памятников Кавказа и за его пределами, где в составе их имеется большой процент мышьяка [39, табл. 10; 40].

Бартон Браун отмечает, что если в составе меди имеется большой процент мышьяка, его нельзя считать естественной примесью, а скорее всего — умышленным сплавом с медью [7, стр. 188]. И. Р. Партингтон считает, что если в древних сплавах содержание мышьяка составляет более 2,8%, то его нужно считать внесенным в медную руду при плавке [41].

Таким образом, исходя из изложенного, мы полагаем, что I слой Кюль-Тепе относится к энеолиту, а II слой, как и одинаковые с ним памятники,— к эпохе ранней бронзы.

Литература

1. О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-Тапа. КСИИМК, 51, 1953.
2. О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-Тепе близ Нахичевани в 1955 г. МИА, 67, 1959.
3. О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959 (на азерб. яз.).
4. Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959.
5. Е. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг. ВДИ, 1938, 4 (5).
6. Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 172.
7. T. Burton-Brown. Excavations in Azarbaijan 1948. London, 1951.
8. C. A. Burney. Circular Buildings found Janik-Tepe in North-west Iran. «Antiquity». 139, 1961, рис. I, табл. XIX.
9. C. A. Burney. Excavations at Janik-Tepe Nirth-west Iran. «Iraq», XXII, 2, 1961, LXVI—LXIX.
10. Г. Чайлд. Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 177.
11. A. I. Tobler. Excavations at Tepe Gawra. II. Philadelphia, 1950, IV, VII.
12. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 42—43.
13. Е. А. Кобранов. Историческое и культурное значение Анау. Асхабад-Полторацк, 1927, стр. 22.
14. С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, 38, 1953, стр. 194.
15. R. Ghirshman. Fouilles de Sialk pres de Kashan. Paris, 1938, стр. 60.
16. G. Contenau et R. Ghirshman. Fouilles de Tepe-Gijan, pres de Nehavend. Paris, 1935, стр. 15, 62.
17. И. Нариманов, Дж. Рустамов. Неолит в Тойре-Тепе. Доклады АН АзССР, XVI, 9, 1960, табл. 1.
18. Г. С. Исмаилов. Новый археологический материал о земледелии в древнем Азербайджане. Доклады АН АзССР, XVIII, 3, 1962, табл. 4—8.
19. Я. И. Гуммель. Археологические раскопки в районах АзССР. Известия Аз ФАН СССР, 3, 1939, стр. 61—62.
20. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941, стр. 101—102.
21. А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958.
22. Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 47—53.
23. Жак де Морган. Доисторическое человечество. М.— Л., 1926, стр. 173.
24. К. А. Никитин. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд. СМОМПК, II, отд. 1. Тифлис, 1882.
25. И. С. Поляков. Дневник археологических работ, веденных в Закавказском крае. Протоколы подготов. Комит. V АС в Тифлисе. М., 1882, стр. 177.
26. П. П. Надеждин. Кавказский край, природа и люди. Тула, 1901, стр. 421.
27. А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, 1937.
28. Я. И. Гуммель. Археологическая разведка на Киллик-даге. Изв. Аз. ФАН СССР, 2, 1938, табл. I, *6—12*, табл. II, *13*, *19*.
29. К. Х. Кушнарева. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, стр. 167.
30. И. М. Джафарзаде. Элементы археологической культуры древней Мугани. Изв. АН Аз. ССР, 9, 1946, стр. 39.

31. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. II. Тбилиси, 1950, табл. 53.
32. В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дегестана. Мат. по археологии Дагестана, I, Махачкала, 1959, стр. 122.
33. T. Arne. Excavations at Shan Tepe, Iran. Stockholm, 1945, рис. 572.
34. Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, рис. 119.
35. Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, рис. 6, 8.
36. Т. С. Пассек. Первые земледельцы. Сб. «По следам древних культур», М., 1951, стр. 56.
37. Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ. XIII-B, Тбилиси, 1944, рис. 34, 35, 55, 61, 71, табл. XVI, XXII.
38. Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси. I, Тбилиси, 1958, табл. I—IX.
39. И. Р. Селимханов. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа. СА, 2, 1960, табл. 9.
40. Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 17.
41. I. K. Portington. Origins and Development of Applied Chemistry. London, 1935, стр. 54.

В. Ф. КАХОВСКИЙ

ЧУРАЧИКСКИЙ КУРГАН В ЧУВАШИИ

Исследованный нами курган расположен в 2,5 *км* восточнее с. Чурачики, в 1 *км* к западу от р. Малый Цивиль (в Цивильском районе), на возвышенности овальной формы (высотой около 19 *м*), господствующей над окружающей местностью (рис. 1). Курган диаметром около 20 *м*, высотой 2 *м* раскопан на снос, круговыми траншеями шириной по 2 *м*, с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок по линиям С — Ю и З — В (рис. 2).

Курган многослойный: 1) в верхних слоях содержались остатки языческих жертвоприношений XVIII—XX вв.; 2) в курганной насыпи открыты погребения ананьинской эпохи; 3) в могильных ямах под насыпью вскрыты погребения эпохи бронзы.

Верхний задернованный плотный чернозем, покрывающий курганную насыпь и всю площадь могильника вокруг кургана, содержит: 1) обломки костей животных; 2) обломки черной посуды печного обжига, относящейся к XVII—XIX вв.; 3) медные монеты чекана 1757—1915 гг. Находки подтверждают сообщения местных жителей о том, что этот холм служил местом общественных жертвоприношений двух соседних селений — Чурачики и Таганы. Обряд жертвоприношения совершался внутри изгороди, остатки которой прослежены на уровне материка в виде полос древесного тлена и столбов в наружных траншеях в секторах А и В (рис. 2).

На южном склоне холма, в 100 *м* от кургана, обследовано место сжигания остатков жертвенных животных, где образовался небольшой холмик диаметром в 5 *м*, высотой около 0,5 *м*. Обожженные кости и скопление золы образовали под луговым дерном слой толщиной около 0,6 *м*. В жертву приносились: лошади, крупный рогатый скот и домашняя птица. Подобные места жертвоприношений — киремети чуваши в прошлом устраивали обычно на возвышенностях и огораживали их [1, 2]. Общественные жертвоприношения совершались перед уборкой, после завершения полевых работ в ноябре (называвшемся у чувашей месяцем жертвоприношения — чук уйахе), а также во время различных бедствий. С военными бедствиями были связаны, по-видимому, найденные монеты чекана 1812 и 1915 гг.

Чурачикский могильник как место общественного жертвоприношения функционировал, судя по монетам, с середины XVIII в. до начала XX в. и является весьма интересным этнографическим памятником, который в Чувашии впервые подвергнут археологическому исследованию. В курганной насыпи, состоящей из чернозема с включениями кусков известняка и прослоек глины (выброса из могильных ям), были найдены кости животных (лошади, коров, овец), обломки лепных сосудов ананьинского типа с заглаженной поверхностью, с примесью дресвы, шамота

и толченой раковины в тесте. Кроме того, на различной глубине в курганной насыпи найдены обломки толстостенных лепных сосудов срубного типа из темно-серой рыхлой глины, кремневые отщепы, остатки тризны в виде скопления углей и золы, предметы украшений (бронзовые пронизки, спиральки, бубенчики и др.), а также отдельные кости человека.

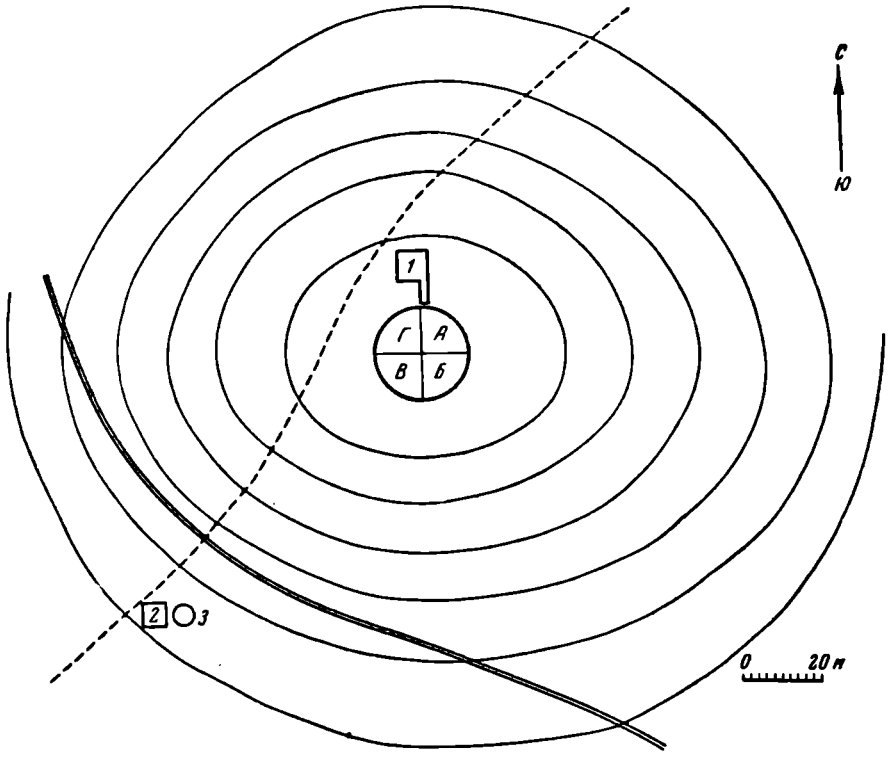


Рис. 1. Общий план могильника близ с. Чурачики

1, 2 — раскопы; *3* — холмик из костей жертвенных животных

В насыпи кургана на различной глубине в секторах А, Б и Г были вскрыты 35 впускных погребений (рис. 2), по инвентарю и обряду захоронения относящиеся к ананьинской культуре. Как известно, ананьинские могильники обычно расположены на высоких берегах рек; погребения залегают неглубоко; покойников клали вытянуто на спине, лицом кверху, реже к востоку или западу; ногами, как правило, покойники лежали к реке; руки у них в большинстве случаев вытянуты вдоль тела, редко — согнуты в локтях [3]. Все эти черты присущи и погребениям Чурачикского могильника. Для захоронения покойников была использована курганная насыпь эпохи бронзы. Погребения залегали в насыпи кургана на глубине 0,2—0,9 *м* от дневной поверхности. Несколько погребений было открыто по краям курганной насыпи в могильных ямах с закругленными углами, что тоже характерно для ананьинских могильников.

В Чурачикском могильнике покойники в большинстве случаев лежали на спине, вытянуто, головой на юго-запад, редко на запад и на северо-запад. Ни одно погребение не было ориентировано головой на север или на восток. Это объясняется обычаем ананьинцев класть покойников ногами к реке. Близ Чурачикского могильника, в 1 *км* восточнее него течет река Малый Цивиль в направлении с юга на север; затем река делает крутой поворот на запад и протекает в 400 *м* севернее могильника. Ориентируясь на направление русла реки, покойников клали: в секторе Б ногами на восток и юго-восток (т. е. головой на запад и северо-запад), в секторе А — ногами на северо-восток и север, а в секторе Г покойники лежали ногами на север или северо-восток. Характерно, что

в секторе В не было обнаружено ни одного погребения. Здесь покойников не хоронили, видимо, потому, что с южной стороны могильника реки не было, а класть покойников ногами к реке, на север было неудобно, так как склон кургана в секторе Г был направлен к югу.

В могильнике встречались также захоронения без черепов, расчлененные погребения, скорченные захоронения, а также отдельные черепа

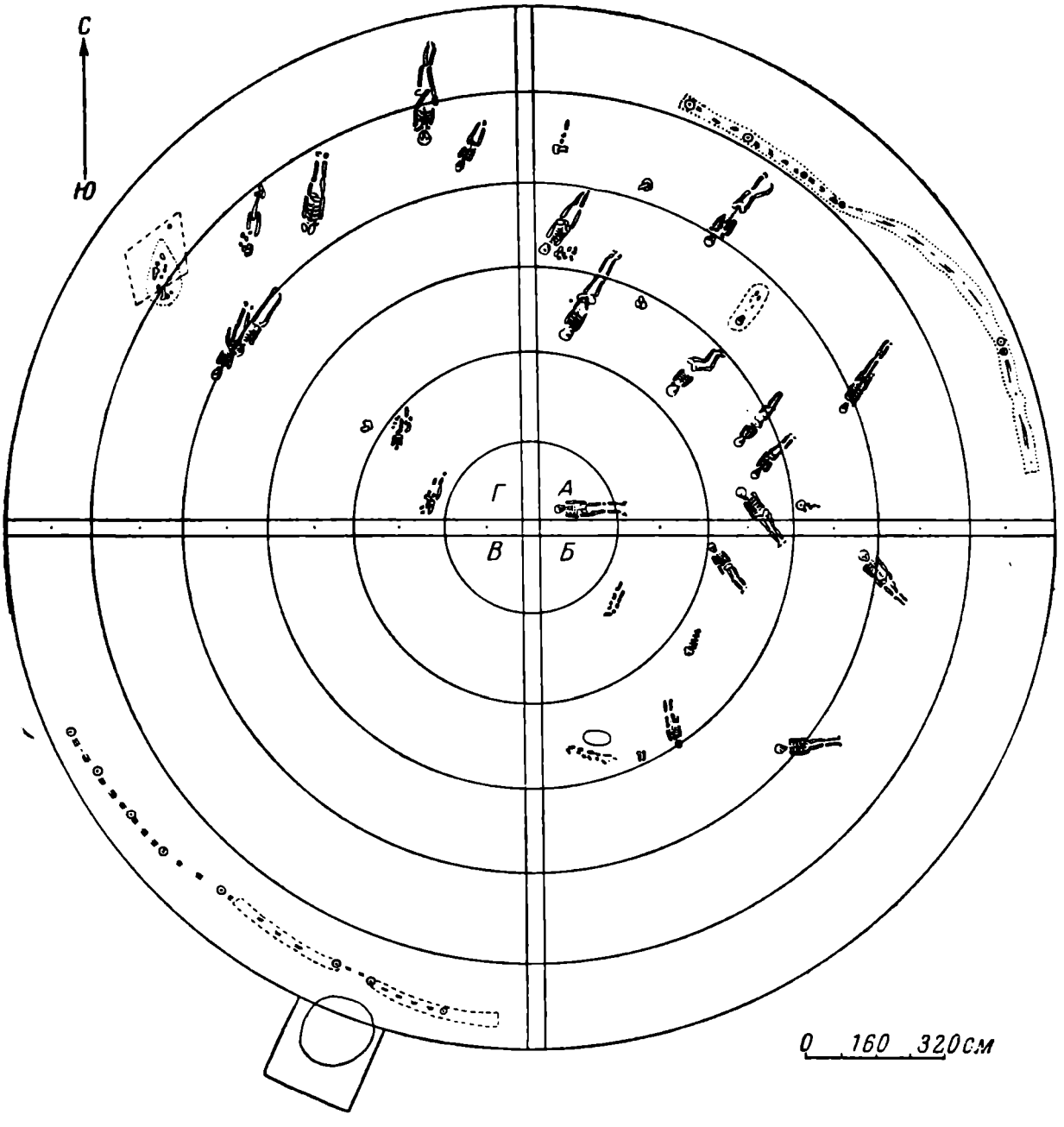


Рис. 2. План кургана близ с. Чурачики

и отдельные кости человека. Захоронения отдельных черепов наблюдались в ананьинских могильниках. А. В. Збруева, исследовавшая могильники ананьинской эпохи в Прикамье, подобные захоронения отдельных черепов или костей без черепов связывает с военными событиями [3]. Вполне вероятно, что расчлененные погребения в Чурачикском могильнике тоже были связаны с военными событиями. Можно также предположить, что эти погребения отражали социальные различия в ананьинском обществе. Характерно, что в подобных погребениях Чурачикского могильника, как правило, вещей нет.

В мужских погребениях наиболее часты находки железных ножей с горбатой спинкой (рис. 3, *15, 16*), которые были найдены во многих

ананьинских могильниках [3, 4]. Ножи в Чурачикском могильнике, как и во многих ананьинских могильниках, были положены у бедра, на тазовых костях, редко под тазом или сбоку, в большинстве случаев — с правой стороны покойника. Впускные погребения Чурачикского кургана имеют аналогии с ананьинскими могильниками и в ряде других деталей. Так, здесь прослежены камни или каменные плиты, выложенные вокруг скелета или под ним.

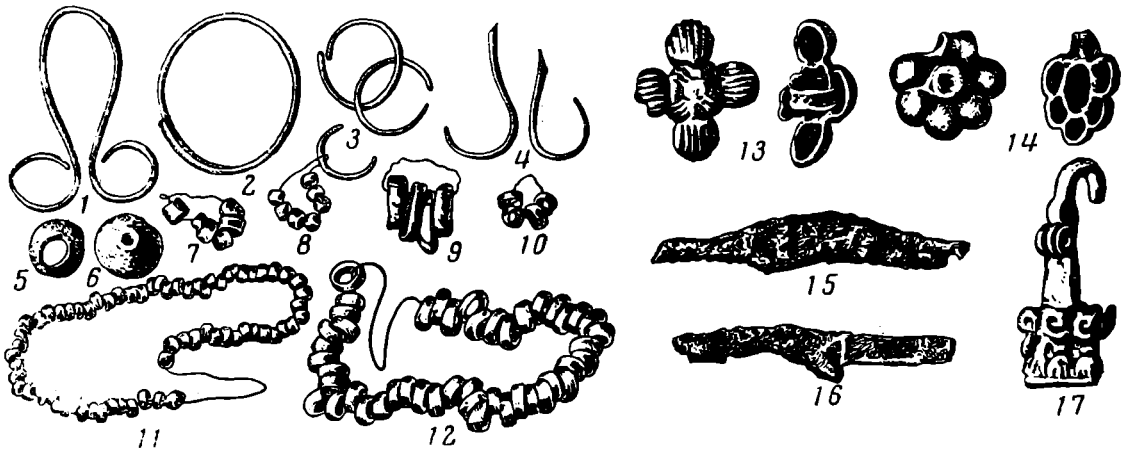


Рис. 3. Вещи из впускных погребений

1—4 — височные кольца; *5, 6* — колокольчики; *7—12* — бронзовые пронизки; *13—14* — бронзовые бляхи; *15—16* — железные ножи с горбатой спинкой; *17* — поясной бронзовый крючок

Предметы женских украшений из впускных погребений (височные кольца, бронзовые пронизки, бусы, трубочки и др.; рис. 3, *1—4*, *7—12*) наиболее близки к находкам из Уфимского могильника, датируемого IV—II вв. до н. э., а также из других могильников ананьинской эпохи. Найденный при погребении один поясной бронзовый крючок в виде стилизованной фигурки животного (рис. 3, *17*) имеет близкую аналогию с предметом из Ананьинского могильника. Подобный поясной крючок ранее был найден в Чувашии под Тоябой [5]. А. П. Смирнов считает, что этот экземпляр по стилю ближе всего стоит к находке из Уфимского могильника, а по трактовке отдельных деталей — к поясным крючкам из Частых курганов Воронежской области. Стилизованные поясные крючки имеют скифское происхождение.

Бронзовые бляхи (рис. 3, *13*, *14*), аналогичные бляхе из Частых курганов, по-видимому, также имеют скифское происхождение. Эти находки убедительно свидетельствуют о том, что племена Чувашского Поволжья в ананьинскую эпоху имели оживленные торговые связи со скифами, с савроматами.

Добытый раскопками материал не позволяет с достаточной полнотой выяснить хозяйство, экономические отношения и другие явления общественной жизни населения края в ананьинскую эпоху. Однако полная тождественность погребального инвентаря впускных погребений Чурачикского могильника с материалами из ананьинских могильников Прикамья дает основание искать в них параллели. Материалы впускных погребений Чурачикского могильника и открытых за последние годы ананьинских памятников в северных районах Чувашии позволяют предположить, что аналогичное хозяйство и общественные отношения сложились, по-видимому, у племен Чувашского Поволжья в ананьинскую эпоху.

Впускные погребения исследованного нами могильника, составлявшие второй компонент этого памятника, могут быть датированы, по сходству с материалом поздних ананьинских могильников, IV—III вв.

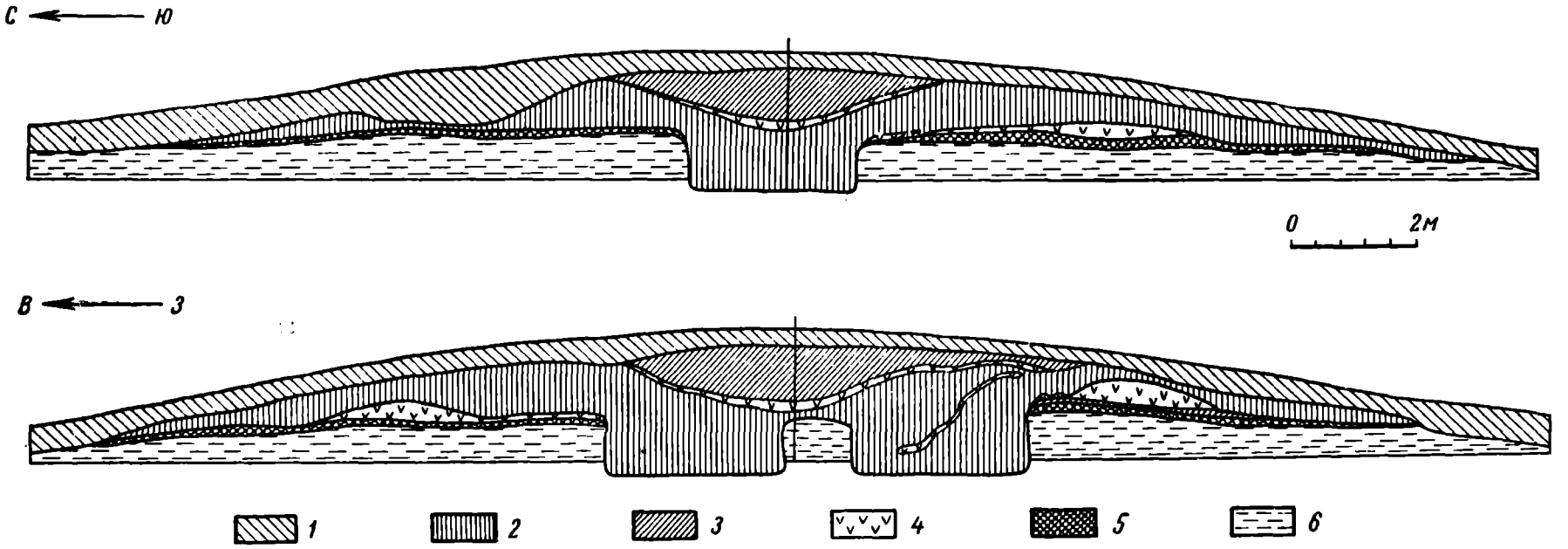


Рис. 4. Профили кургана

1 — современный чернозем; *2* — насыпь кургана; *3* — выброшенный чернозем; *4* — выброс (глина с известняком); *5* — погребенный чернозем; *6* — материк

до н. э. Они убедительно свидетельствуют о том, что ананьинские племена населяли не только северную часть Чувашского Поволжья, но и его центральные районы.

После того, как насыпь кургана была полностью снята, в профилях его выявилась следующая стратиграфия (рис. 4): 1) верхний слой — задернованный чернозем; содержит обломки поздней посуды, медные

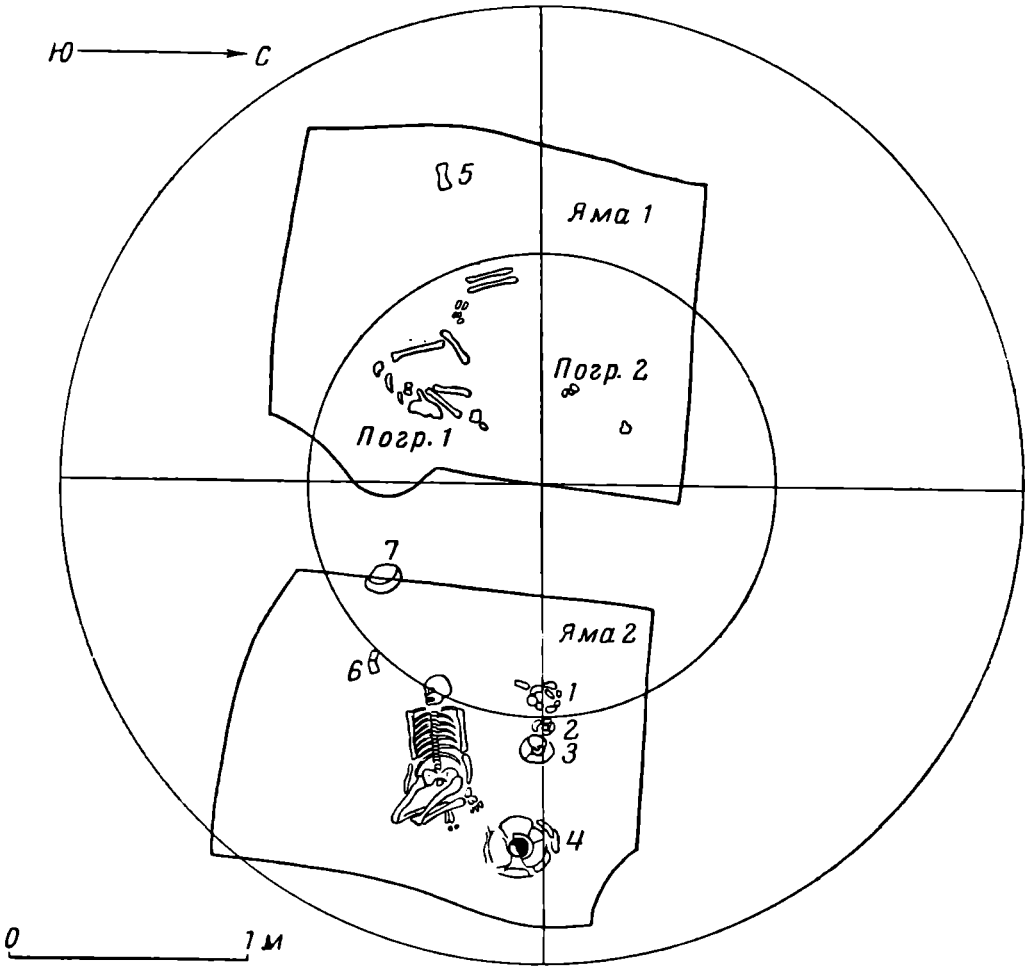


Рис. 5. План курганных ям

1—4 — сосуды; *5, 6* — бронзовые топоры; *7* — каменная зернотерка

монеты, кости жертвенных животных; 2) насыпь кургана (комковатый чернозем); в ней открыты впускные погребения; 3) в насыпи кургана на глубине 108 *см* от дневной поверхности прослойка глины (выброс из курганной могильной ямы), дугообразно углубляющаяся в центре кургана; 4) под глиняной прослойкой плотный слой погребенной почвы сероватого цвета толщиной до 15 *см;* 5) материк — желтая глина.

В центре кургана на уровне материка открылись две могильные ямы прямоугольной формы; между ними находилась перемычка шириной около 0,5 *м* (рис. 5). Судя по характеру залегания выбросов глины вокруг могильных ям и дугообразной глиняной прослойки в насыпи кургана, охватывавшей обе ямы, а также по профилям ям можно заключить, что в обеих ямах погребения совершены одновременно.

Могильная яма № 1 расположена к западу от центра; размер ее 3,2 × 2,7 *м,* глубина — 0,8 *м*. Яма заполнена плотной черной землей с включениями известняка, прослоек и вкраплений материковой глины. В верхних слоях засыпи, в первом-втором штыках были найдены кости животных, обломки стенок и днища толстостенного сосуда с нарезным решетчатым орнаментом. На глубине 38 *см* от подстилающего слоя чернозема открылись остатки погребения в виде груды человеческих костей (обломки черепа, тазовые, ножные кости, большая берцовая) вместе с

трубчатыми костями конечностей лошади. На глубине 73 *см* от уровня погребенного чернозема, у восточного угла ямы лежали два ребра человека.

На дне ямы, на глубине 80 *см* от уровня подстилающего чернозема, вскрыты остатки другого погребения в виде разрозненных костей человека (черепные кости, берцовая кость, кости левой руки и локтевая и лучевая кости правой руки, положенные кистями к черепу). У восточной стенки ямы находились фаланги пальцев ног. Судя по расположению костей, здесь также имело место расчлененное захоронение. У западной стенки ямы лежал медный вислообушный топор со следами дерева в проушине. Расчлененные захоронения в яме № 1 очень схожи с погребениями срубной культуры, обследованными П. П. Ефименко в 1927 г. в курганах у с. Байбатырево (Яльчикский район) [6].

Могильная яма № 2 расположена в 0,5 *м* к востоку от ямы № 1, ориентирована по странам света; ее размеры 3,22 × 2,5 *м*, глубина — 0,8 *м* от уровня подстилающего чернозема. Засыпь ямы такого же состава, как и первой могильной ямы. В верхних слоях засыпи были найдены кости животного и обломок точильного бруска. У западной стенки ямы, в средних слоях ее засыпи, найдена каменная зернотерка с пестом.

На дне ямы, почти в центре, несколько севернее центральной оси лежал на спине скелет взрослого мужчины головой на запад, лицом к югу. Кисти согнутых в локтях рук лежали на тазу; ноги сильно согнуты в коленях, возможно, они были связаны вместе; длина скелета — 196 *см*.

При погребении найдены многочисленные предметы: в центре тазовых костей лежали просверленный клык медведя, два кремневых отщепа (рис. 6, *4*); перед лицом покойника находился вислообушный медный топор (рис. 6, *6*), аналогичный топору из первой могильной ямы; топор был отлит, очевидно, в малой литейной форме, найденной здесь же (рис. 6, *2*). Слева от покойника, вдоль северной стенки могильной ямы, стояли четыре круглодонных сосуда балановского типа; три из них были поставлены рядом друг с другом против головы и туловища покойника, четвертый сосуд большого размера стоял в северо-восточном углу ямы, в ногах покойника.

Сосуд 1 (рис. 7, *1*) — круглодонный, высотой 15 см, шириной тулова 16 *см*, диаметр горла 13,5 *см*, толщина стенки 0,4 *см*. Сосуд хорошей выделки. На дне сосуда имеется ямка диаметром около 3 *см*, по краям которой нанесен гребенчатым штампом лучевидный узор, встречающийся на дне сосудов ярославской и чувашской групп (по классификации О. А. Кривцовой-Граковой [7]).

Сосуд 2 — тонкостенный, хорошей выделки, сильно раздавлен.

Сосуд 3 (рис. 7, *2*) высотой 17 *см*, шириной тулова 17 *см*, диаметр горла 14,5 *см*, толщина стенки 0,4 *см*. На дне имеется ямка диаметром 3 *см*, по краям которой нанесены лучеобразные линии.

Сосуд 4 (рис. 7, *3*) самый большой: высотой 29 *см*, диаметром тулова 38 *см*, диаметр горла 15 *см*, толщина стенок 1 *см*; на дне имеется кольцеобразный валик. Сосуд по своей форме напоминает посуду типа А (по классификации О. А. Кривцовой-Граковой), однако по своим размерам он должен быть отнесен к типу Б — крупным сосудам. Орнамент сосуда трехзонный — по шейке, плечикам и тулову его нанесены узкие полосы решетки; четыре накрест лежащие широкие полосы из вертикальных елок связывают все три полосы в единый комплекс узоров.

В первом сосуде находились две керамические двустворчатые литейные формы, глиняная пробка для формования проушины и одно четырехгранное медное шильце длиной 4,8 *см* (рис. 6, *5*). На обломках второго сосуда лежал клиновидный кремневый топорик (рис. 6, *3*) переходной формы, распространенной как в ярославской, так и чувашской группах фатьяновских памятников.

Глиняные формы для отливки топора из Чурачикского кургана очень

напоминают формы, найденные в срубных курганах [8]. Этот факт говорит о том, что меднолитейное дело находилось в Чувашском Поволжье эпохи бронзы на высоком уровне. Многочисленные находки аналогичных вислообушных топоров в могильниках бронзового века на территории Чувашии (у Цивильска, Ядрина, близ с. Карамышева, у с. Б. Яльчики и Юмралы на р. Була, в Балановском могильнике и др.) [9] также

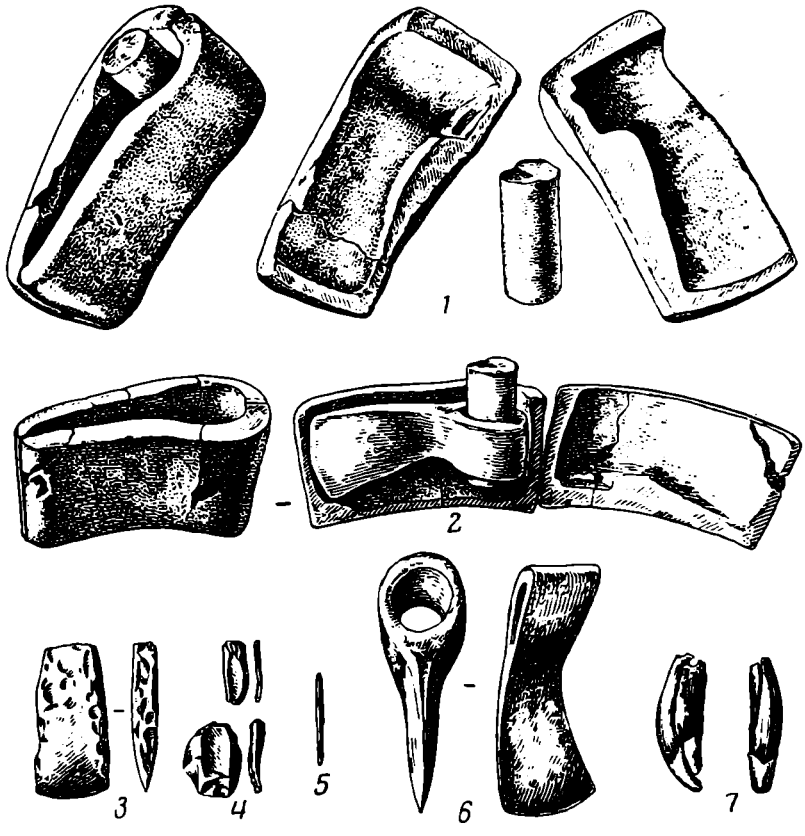


Рис. 6. Вещи из могильной ямы № 2

1 — литейная форма; *2* — литейная форма малого размера с бронзовым топором; *3* — кремневый топорик; *4* — кремневые отщепы; *5* — медное шильце; *6* — медный топор; *7* — просверленный клык медведя; *8* — каменная зернотерка с пестом

свидетельствуют о высокой технике производства бронзовых и медных изделий.

Погребения в могильных ямах под насыпью кургана близ с. Чурачики представляют большой научный интерес и отражают весьма сложное явление в археологии Чувашии: здесь имеют место характерные черты, с одной стороны, фатьяновской культуры (балановские сосуды при погребении в могильной яме № 2), с другой — срубной (расчлененное погребение в яме № 1, литейные формы срубного типа, четырехгранное шильце, обычное для абашевских курганов, и др.). Обряд захоронения покойников в могильных ямах под курганной насыпью сближает Чурачикский могильник и с абашевскими курганами (скорченное захоронение на спине) [10]. Сочетания элементов фатьяновской и срубной культур в одном памятнике могли возникнуть в результате культурной ассимиляции. Результатом процесса взаимовлияния этих культур явилось, по мнению ряда исследователей, формирование абашевской культуры [11—13].

В курганных погребениях близ с. Чурачики черты фатьяновской и срубной культур выступают весьма отчетливо и несколько обособленно, видимо потому, что еще не укрепилось взаимное влияние. Отсюда можно заключить, что Чурачикский курган относится, по всей вероятности, к начальным этапам процесса складывания абашевской культуры. Отдельные элементы, напоминающие черты фатьяновской и абашевской

культур, прослежены в погребальном инвентаре ряда могильников (в Костромской, Владимирской, Ивановской и др. обл.) [7]. В Чурачикском могильнике эти черты выступают более четко.

Материалы раскопок Чурачикского могильника служат убедительным подтверждением правильности теории происхождения абашевской культуры в Чувашском Поволжье в процессе взаимной ассимиляции

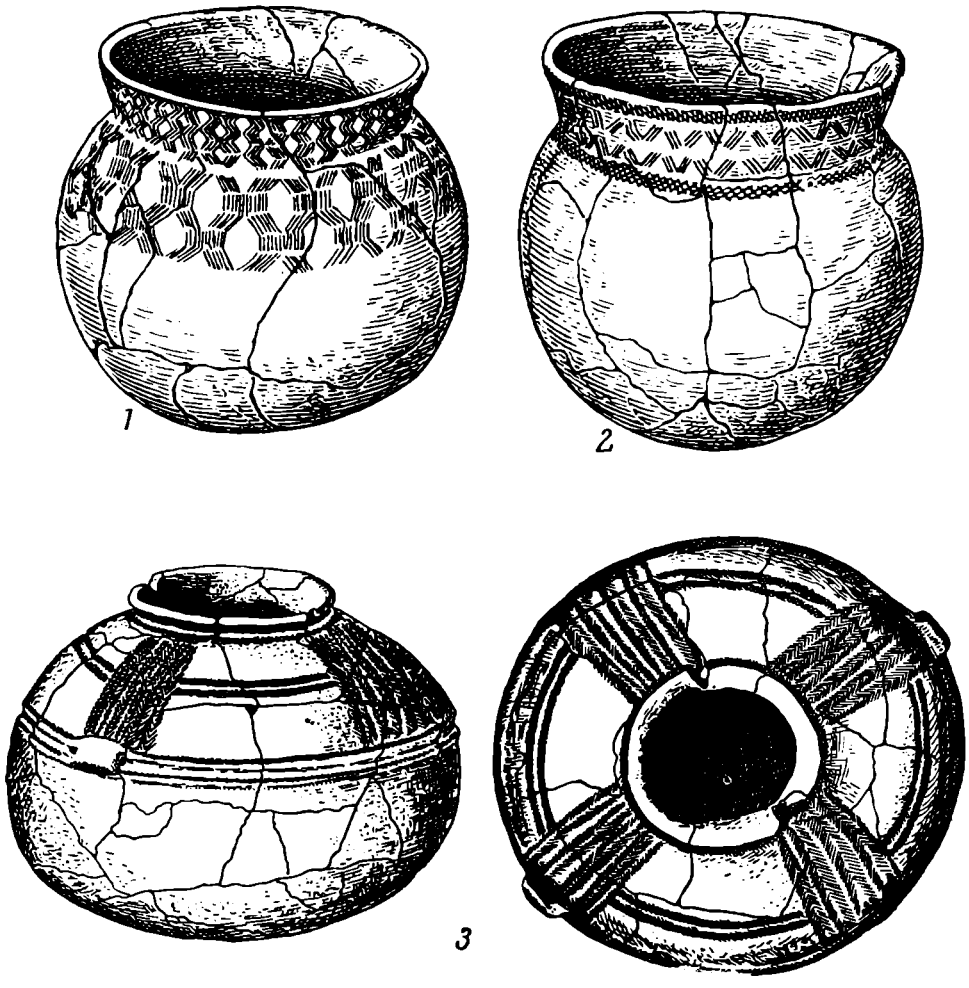


Рис. 7. Сосуды из погребения в яме № 2

племен фатьяновской, местной (неолитической) и срубной культур. Впускные погребения Чурачикского могильника отражают процесс инфильтрации ананьинских племен в правобережье Волги, где они, вероятно, ассимилировали аборигенов края, в том числе потомков абашевских племен.

Литература

1. П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I, СПб., 1809, стр. 140.
2. В. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856.
3. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30. 1952.
4. А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА, 1, 1940.
5. А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961.
6. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961.
7. О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, КСИИМК, XVI, 1947.
8. Е. И. Крупнов. Сталинградская археологическая экспедиция. ВАН СССР, 6 1953.
9. П. Н. Третьяков. Памятники древней истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 40—41.
10. В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928.
11. О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Балановo в Чувашии. СА, VI, 1940.
12. О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, XVII, 1947.
13. А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28 1952.

М. С. АКИМОВА

ЧЕРЕПА ИЗ ЧУРАЧИКСКОГО КУРГАНА В ЧУВАШИИ

При раскопках Чурачикского могильника в насыпи кургана найдено три черепа. Так как с данной территории вообще нет антропологического материала I тысячелетия до н. э., то и эти единичные черепа заслуживают внимания. Авторами раскопок А. П. Смирновым и В. Ф. Каховским обнаруженный материал датируется IV—III вв. до н. э. Из трех черепов только один хорошо сохранился, два других частично разрушены.

Череп из погребения № 17 вероятнее всего женский. Возраст 45—50 лет. На черепе не достает скуловых костей и одной носовой. Имеется небольшая посмертная деформация. Мозговая коробка широкая и низкая, по указателю резко брахикранная. Эти особенности отличают данный череп от двух других. Рельеф на черепе выражен слабо. Лицо высокое и, по-видимому, широкое. Точно измерить ширину лица нельзя из-за отсутствия скуловых дуг. О сравнительно широком лице свидетельствует большая величина широтного размера нижней челюсти. Лицо в горизонтальной плоскости уплощенное. На это указывает большой зигомаксиллярный угол, неглубокая клыковая ямка и очень слабое выступание носа. Следует также отметить высокие орбиты. В целом череп имеет монголоидный облик.

Череп из погребения № 26 хорошей сохранности, принадлежал женщине в возрасте 35—40 лет. Мозговая коробка характеризуется средней длиной, небольшой шириной и значительной высотой. По черепному указателю располагается на границе долихо и мезокранных. Рельеф выражен слабо. Лицо довольно высокое и среднеширокое с ясно выраженной уплощенностью и слабым выступанием носа при высоком переносье. Череп монголоидного типа.

Череп из погребения № 35 мужской. Возраст определяется в 35—40 лет. На черепе разрушены носовые кости и часть верхнечелюстной. Отличительной особенностью этого черепа являются средние размеры продольного и поперечного диаметра и большой размер высотного. По черепному указателю он относится к группе мезокранных. Рельеф за исключением сосцевидных отростков развит слабо. Лицо крупных размеров, ортогнатное, в горизонтальной плоскости умеренно профилированное. Судя по слабой выраженности носового отростка верхней челюсти, выступание носа было не сильное. Клыковая ямка средней глубины. Орбиты высокие.

Из приведенных данных видно, что исследованные черепа характеризуются различным сочетанием основных размеров мозговой коробки, а отсюда и различным черепным указателем (см. табл.). Общим для них является сравнительно высокое лицо и слабо выступающий нос. Последний признак на женских черепах сочетается с заметной уплощенностью лицевого скелета.

Каково же происхождение людей, похороненных во впускных погребениях Чурачикского могильника? Были ли они местными или пришли сюда с востока, из Прикамья? Наличие монголоидных особенностей у населения Поволжья того времени не обязательно должно быть связано с распространением ананьинских племен Прикамья типа, представленного в Луговском могильнике. Имеющийся, хотя и очень незначительный материал дает основание считать, что некоторая монголоидность была свойственна населению лесной полосы Восточной Европы, в том числе и Среднего Поволжья, и в более раннее время. Монголоидные черты отмечены на черепе из Старшего Волосовского могильника [1] и на некоторых других черепах эпохи неолита [2]. Монголоидные особенности прослеживаются на отдельных черепах из Балановского могильника [3]. Во всех перечисленных случаях слабое выступание носа сочетается с большей или меньшей уплощенностью лицевого скелета. Эти данные позволяют считать, что люди, похороненные во впускных погребениях Чурачикского могильника могли быть аборигенами. Правда на более ранних черепах монголоидные особенности встречаются в комплексе с низким и не широким лицом, на исследованных же черепах, как указывалось, высота лица значительная.

С другой стороны, нет достаточных оснований отрицать, что указанные погребения принадлежали пришлым племенам. Сопоставление исследованных черепов с луговскими

Сравнение черепов из Чурачикского и Луговского могильников

Признаки	Чурачики			Луговой	
	погр.35	погр.17	погр.25	—	—
	муж.	жен.	жен.	муж.	жен.
	35—40	45—50	35—40	—	—
1	2	3	4	5	6
1. Продольный диаметр	182	172	173	185,7 (12)	174,8 (5)
8. Поперечный диаметр	144	149	129	146,2 (13)	146,6 (5)
17. Высотный диаметр	143	120	133	135,0 (7)	128,0 (2)
5. Длина основания черепа	108	—	100	100,3 (7)	—
9. Наименьшая ширина лба	104	103	88	94,9 (14)	93,2 (5)
8 : 1 Черепной указатель	79,1	86,6	74,6	78,6 (11)	83,9 (5)
17 : 1 Высотно-продольн. указат.	78,6	69,8	76,9	73,2 (7)	72,7 (2)
17 : 8 Высотно-поперечн. указат.	99,3	80,5	103,1	94,3 (6)	90,5 (5)
9 : 8 Лобно-поперечн. указат.	72,2	69,1	68,2	65,9 (10)	63,6 (5)
40. Длина основания лица	100	—	91?	99,5 (6)	84,0 (1)
45. Скуловой диаметр	137	—	128	137,7 (5)	134,3 (3)
48. Верхняя высота лица	76	74	72	72,0 (13)	67,0 (4)
47. Полная высота лица	126	126	118	—	—
40 : 5 Указатель выступ. лица	92,6	—	97,0	98,9 (6)	89,4 (1)
48 : 45 Верхне-лицевой указат.	55,5	—	57,3	52,6 (5)	48,7 (3)
55 Высота носа	60	55	52	—	—
54 Ширина носа	30,0	23	25	—	—
54 : 55 Носовой указатель	50,0	41,8	48,1	50,1 (12)	50,2 (4)
51. Ширина орбиты от mf	42,7	—	40,4	—	—
52 Высота орбиты	36,5	37,7	33,9	—	—
52 : 51. Орбитный указатель	85,5	—	83,9	—	81,6 (4)
ДС Дакриальная хорда	—	—	23,6	—	—
Д. Дакриальная высота	—	—	13,1	10,4 (8)	—
Симотическая хорда	—	—	9,3	—	—
Симотическая высота	—	—	3,8	—	—
Дакриальный указатель	—	—	55,5	—	—
Симотический указатель	—	—	40,9	—	—
32 Угол лба назион-метопион	85	89	85	77,9 (9)	—
Угол лба глабелла-метопион	80	85	81	—	83,0 (3)
72 Общий угол лица	85	—	87	83,3 (10)	86,3 (3)
73 Угол средней части лица	85	—	90	—	—
74. Угол альвеолярной части лица	84	—	77	—	—
75 (I) Угол носовых костей	—	17	20	18,1 (18)	16,3 (3)
Назомалярный угол	138	138	141	147,3 (14)	—
Зигомаксиллярный угол	133	133	138	129,2 (5)	148,3 (3)
Надпереносье (1—6)	2	1	2	3,8 (18)	2,0 (6)
Надбровные дуги (1—3)	1	1	1	—	—
Клыковая ямка в *мм.*	4,1	3,8	1,7	—	—
Нижний край грушев. отв.	*ant*	*ant*	*ant*	*ant*52,9%	*ant*60,9%
Сосцевидный отросток (1—3)	3	2	1	1	—

с территории Прикамья указывает на некоторые общие черты между ними. Объединяет их прежде всего уплощенность лицевого скелета, слабое выступание носа, значительная ширина лица. Но имеются между ними и различия. Чурачикские черепа отличаются от луговских более высоким и менее уплощенным лицом на уровне назомалярного угла, более прямым лбом и менее развитым надбровьем. Однако, если сопоставить чурачикские черепа по перечисленным признакам с индивидуальными данными луговской серии, то, вероятно, они не будут выходить за пределы индивидуальных вариаций в этой серии.

Таким образом полученные данные не противоречат ни предположению о местном происхождении населения впускных погребений, ни предположению о их пришлом происхождении. Значительная высота лица на чурачикских черепах больше подтверждает второе предположение. Вполне возможно также, что население современной Чувашии в ананьинскую эпоху включало как местные, так и пришлые элементы.

Литература

1. А. А. Тихомиров. О черепе каменного века, найденном при раскопках графом А. С. Уваровым. «Антропологическая выставка», т. III, 1879.
2. М. С. Акимова. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР. КСИЭ, 18, 1953.
3. М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Тр. ИЭ АН СССР, Новая серия, т. I, 1947.

А. Х. ХАЛИКОВ

СТЕЛЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОРУЖИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Осенью 1960 г. житель г. Куйбышева ТатАССР В. А. Шевяков обнаружил на одном из островов Куйбышевского водохранилища по Волге несколько крупных известняковых плит с высеченными на них изображениями (рис. 1). В 1961—1962 гг. мною трижды было обследовано место находки, расположенное в 10 *км* к северо-востоку от г. Куйбышева-Татарского, между тремя островами, на которых до затопления стояло село Ново-Мордово. Бóльшую часть года это место покрыто водой, и и даже в период максимального спада воды весной и осенью площадь, на которой лежали камни, не выступает из-под воды (рис. 2), за исключением более южной площадки. В 10—25 *м* к северу от этой площадки промерами под водой мы обнаружили всхолмление диаметром около 15 *м*. По краям этого курганообразного возвышения, имевшего высоту 70 *см*, сложенного из бурого суглинка, лежали плашмя каменные стелы. Кроме стел, под водой прощупывались отдельные мелкие камни, а между стелами № 1 и № 2 в 1961 г. под водой обнаружены теменная часть человеческого черепа, длинная кость, обломки круглодонных чаш (рис. 3, *3—5*), два медных кельта (рис. 3, *1*, *2*), зубы лошади и клык кабана, а также каменный пест цилиндрической формы. (По словам местных рыбаков, в апреле 1962 г. после таяния льда на этом месте прослеживались крупные пятна гумуса, похожие на очертания могильных ям.)

В октябре 1961 г. на освободившейся от воды площадке к югу от стел были проведены раскопки (рис. 4), охватившие площадь в 334 $м^2$ и вскрывшие лишь перемытый слой темно-серого суглинка без каких-либо следов могильных ям. На поверхности раскопанной площадки в вымытом состоянии было обнаружено значительное число кремней и обломков сосудов эпохи бронзы (срубного типа), пять кремневых наконечников стрел, вероятно этого же времени, несколько фрагментов раннеананьинской керамики (рис. 3, *3—5*), два кабаньих клыка и ряд обломков человеческих костей. В мае 1962 г. в связи с некоторым спадом воды были проведены дополнительные раскопки площади к северо-востоку от раскопа 1961 г. Было вскрыто 252 $м^2$ и обнаружены остатки девяти погребений эпохи бронзы. Место, где залегали каменные стелы, и в это время не выступило из-под воды.

Что же представляет собой этот уникальный памятник? Несмотря на незаконченность исследований, судя по находкам человеческих костей и некоторых предметов (кельты, обломки сосудов), происходящих из погребального инвентаря, нам представляется, что это небольшой, но выдающийся погребальный комплекс, связанный с захоронением знатных лиц, по-видимому, племенных военных вождей. Наибольший инте-

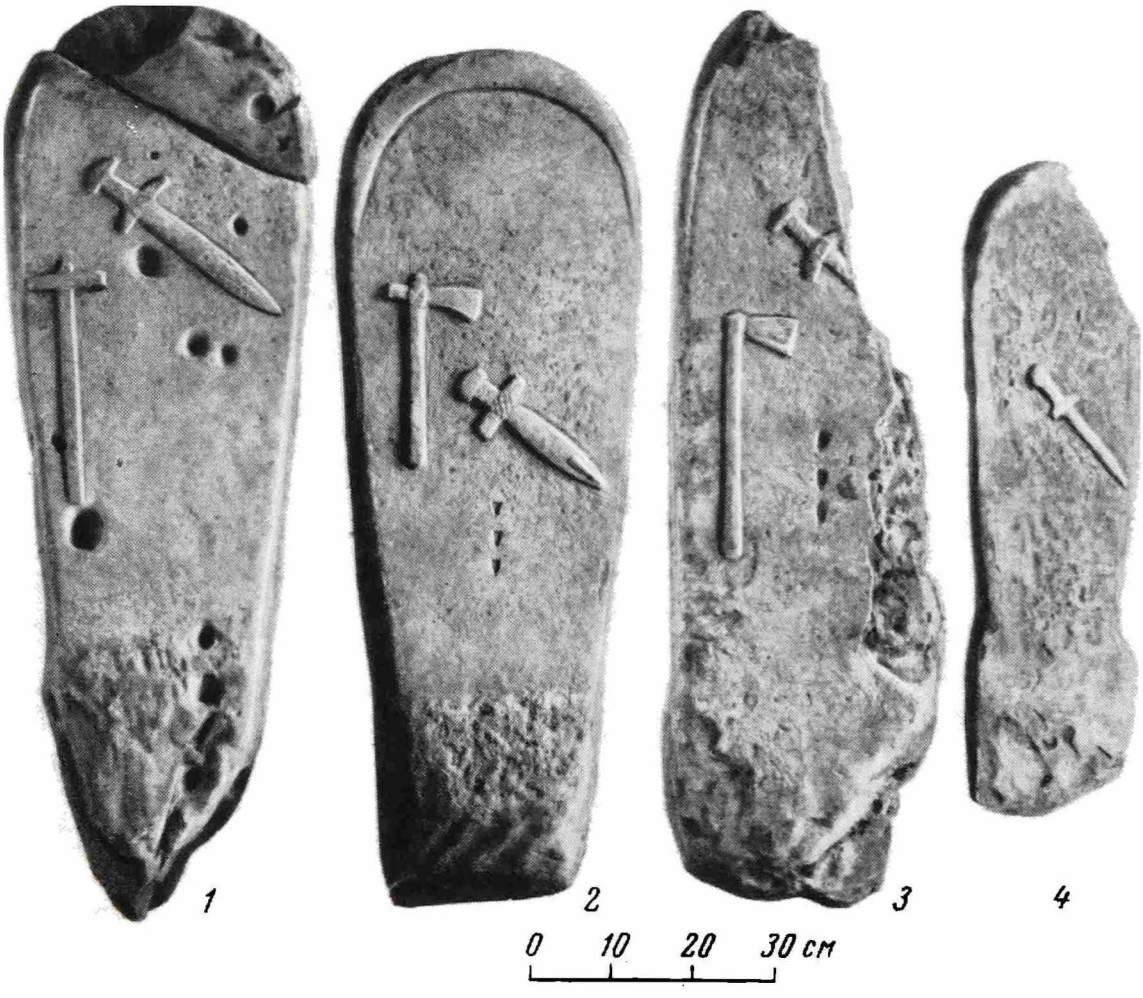


Рис. 1. Новомордовские стелы: *1* — № 4, *2* — № 1, *3* — № 2, *4* — № 6

рес в этом комплексе представляют девять каменных стел, сделанных из крупных целых плит белого известняка, добытых в свое время из отложений меловых пород, выходы которых в этом районе имеются на правом берегу Волги.

Стела № 1 (рис. 1, *2*). Одна из наиболее хорошо сохранившихся. Общая длина — 100 *см*. Лицевая сторона по длине в 78 *см* гладко отшлифована, а задняя сторона грубо обколота. Верх закруглен полуовалом, и по его лицевому краю идет выпуклый бордюр шириной 3—4 и высотой 2,2 *см*. В середине лицевой стороны сохранились рельефные изображения кинжала и топора-секиры. Топор имеет короткую рукоятку длиной 19 *см*, короткий обух и широкое, слегка провислое лезвие; на круглом выступе нащечника втулки вырезан крестообразный знак. На лезвийной части топора и на рукоятке имеются следы орнамента. На конце рукоятки намечена точка. Кинжал короткий (длина 24 *см*), снабжен прямоугольным перекрестьем и полукруглым навершием. В середине перекрестья — прямоугольный выступ с решетчатой нарезкой. Лезвие ближе к острию расширено и по продольной оси в конце имеет выступ, возможно, имитирующий конец ножен. Ниже кинжала, примерно по осевой линии камня, расположен вертикальный ряд из трех высеченных треугольников. В нижней части камня слегка выступает подчетырехугольное основание. Левый бок камня гладкий, правый имеет две круглые каверны, а в верхней части — высеченный косой крест (рис. 5, *12*).

Стела № 2 (рис. 1, *3*). Правая сторона обломана. Общая длина — 100 *см* (вероятно, было 104 *см*). Верх камня, очевидно, был закруглен. Лицевая сторона и бока гладкие, задняя сторона грубо обтесана. По верхнему краю лицевой стороны сохранился выпуклый бордюр шириной около 2 *см*. В средней части помещены выпуклые изображения топора-секиры и кинжала. Топор-секира имеет выступающий прямоугольный обух, слегка провислое расширенное лезвие, завершенное решетчатым изображением. Нащечник втулки, как и у топора первой стелы, имеет круглый выступ с точкой в центре. На конце рукоятки прочерчена горизонтальная линия. У кинжала слабо изогнутые книзу перекрестье и навершье; двулезвийный клинок полностью не сохранился, но, очевидно, расширялся к середине. Рукоятка и перекрестье украшены нарезным орнаментом. По осевой линии камня выбиты три треугольных углубления. Основание камня, несколько расширенное, имеет подчетырехугольный постамент. Обе описанные стелы лежали на восточной стороне курганообразного всхолмления (рис. 4) в 6 *м* друг от друга, и около них были найдены кельты, керамика, пест, клык кабана и человеческие кости. Это обстоятельство, как и сходность изображений на обеих стелах, позволяет предполагать, что они были поставлены над одной могилой. Стелы № 3—7 лежали одной группой в юго-западной стороне курганообразного всхолмления.

Стела № 3 (рис. 6). Одна из самых крупных и массивных. Общая длина — 120 *см*. Верхняя часть обломана, а низ несколько выкрошился. Камень сильно окатан, особенно по лицевой стороне. Верх стелы, очевидно, был закруглен, лицевая сторона гладкая. В середине ее сохранились рельефные изображения кинжала и рукоятка топора. Верхняя часть топора сбита. Здесь же имеются две небольшие выбоины, скорее всего естественного происхождения. Кинжал с двулезвийным клинком завершен полукруглым навершьем, у перекрестья концы опущены книзу. Бока и задняя часть плиты грубо отесаны и изображений не имеют, как и подчетырехугольное, несколько расширенное основание.

Стела № 4 (рис. 1, *1*). Задняя сторона обломана. Общая длина — 105 *см*. Лицевая сторона плоская, тщательно отшлифованная. Верх полуовальный, и по его краю идет бордюрный выступ шириной 2,5—3 *см*. В середине расположены рельефные изображения кинжала и топора.

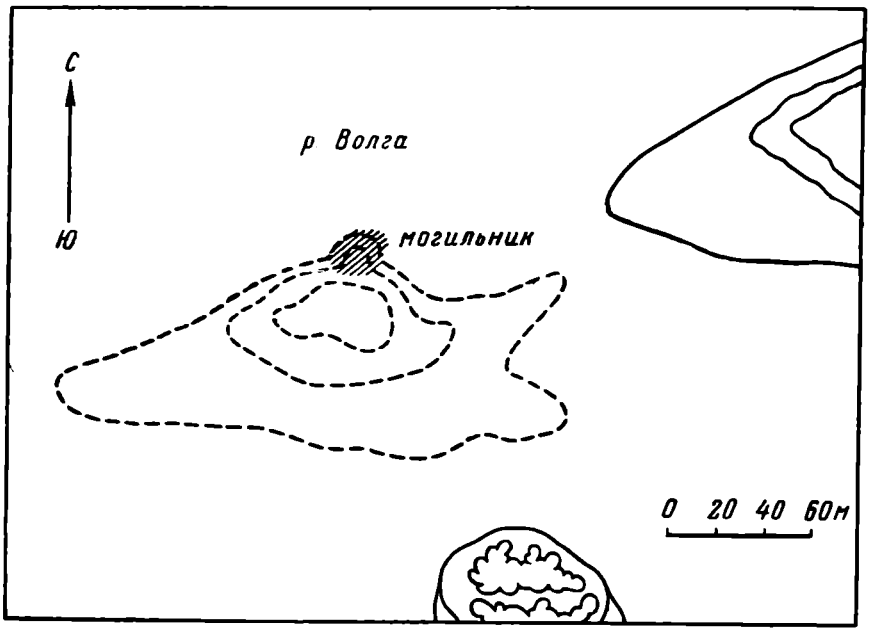


Рис. 2. Местоположение новомордовских стел

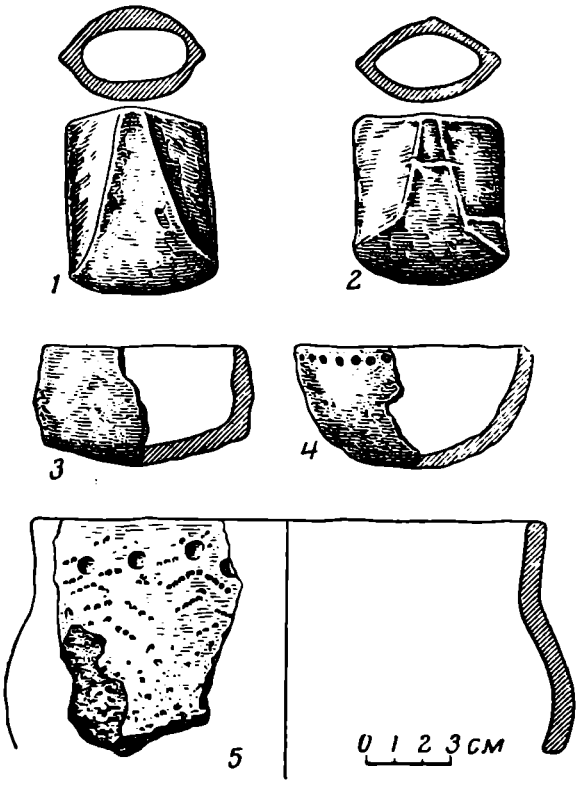


Рис. 3

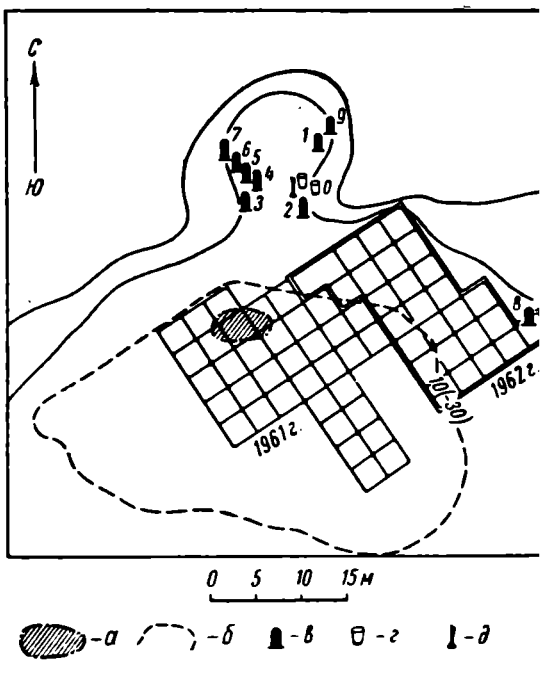


Рис. 4

Рис. 3. Предметы, найденные около стел

1, 2 — медные кельты; *3—5* — обломки круглодонных глиняных сосудов

Рис. 4. План раскопок у места находки новомордовских стел

а — наивысшая точка (август 1961 г.), *б* — площадка, освободившаяся из-под воды в октябре 1961 г.; *в* — стелы; *г* — кельты; *д* — кость человека

Оба изображения самые крупные из всей серии. Длина топора — 28, кинжала — 28,5 *см*. Топор (вероятно, секира) имеет равномерно выступающие обух и лезвие одинаковой ширины. У кинжала с двулезвийным расширяющимся книзу клинком приплюснутое полукруглое навершье и валикообразное перекрестье со слегка опущенными концами. Вся рукоятка, как и конец лезвия, орнаментированы нарезными линия-

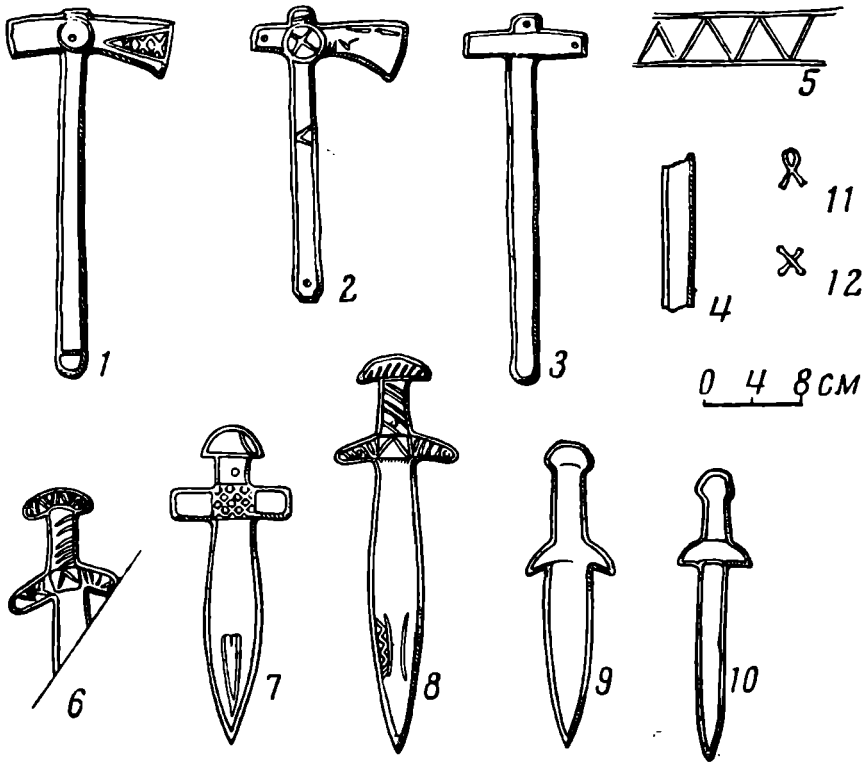


Рис. 5. Прорисовка изображений новомордовских стел

1, 6 — стела № 2; *2, 7, 12* — стела № 1; *3, 8, 11* — стела № 4; *4, 9* — стела № 3; *5* — стела № 5; *10* — стела № 6

ми. На поверхности несколько ямок-каверн естественного происхождения. Основание плиты слегка выпуклое, книзу заострено. В верхней части правого бока высечен знак (рис. 5, *11*).

Стела № 5 (рис. 7). Общая длина — 90 *см*. Лицевая сторона сглажена, по краям облокота; верх, по-видимому, также был закруглен. Несколько выше середины высечен горизонтальный зигзаг, окаймленный двумя параллельными линиями. Переход к основанию выражен выпуклым валиком. Основание внизу несколько закруглено. Боковые стороны гладкие, задняя сторона грубо обколота.

Стела № 6 (рис. 1, *4*). Общая длина — 78 *см*. Верх закруглен, и по краю лицевой стороны сделан уступ. В середине имеется выпуклое изображение кинжала с округлым навершьем и полукруглым перекрестьем (рис. 5, *10*).

Стела № 7. Общая длина — 100 *см*. Лицевая сторона гладкая. Верх полуовальный, по его краю идет выпуклый бордюр. Изображений нет. Основание книзу сужается. Задняя сторона обколота.

Стела № 8. Из коричневого песчаника. Общая длина — 64 *см*. Верх округленный, основание прямоугольное. Лицевая сторона плоская, без изображений, задняя — слегка скошена к краям.

Стела № 9. Обломок самой крупной плиты, найден рядом со стелами № 1 и 2. Общая длина — 86 *см*, изображений нет.

Шесть из описанных стел (№ 1, 4—7, 8) близки по форме — все они ладьевидные, с расширенным верхом и суженным основанием. По верхнему краю пяти плит (№ 1, 2, 4, 6, 7) сделан выпуклый бордюр. Все

стелы имеют основание подчетырехугольной или подтрапециевидной формы, книзу заостренное. Очевидно, этими основаниями стелы были врыты в землю. На лицевой стороне четырех камней сохранились изображения кинжала и топора, на одном — кинжала, на одном орнаментальной полосы. По характеру выделки, по форме и по изображенным на них предметам все стелы относятся к одному времени и, без сомнения, связаны с одним комплексом.

Изображенное на стелах оружие, как и найденные вместе со стелами медные кельты и обломки сосудов раннеананьинского типа, позволяют

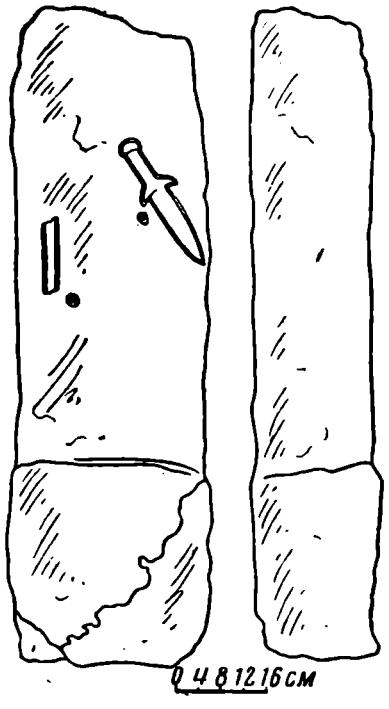


Рис. 6. Новомордовская стела № 3

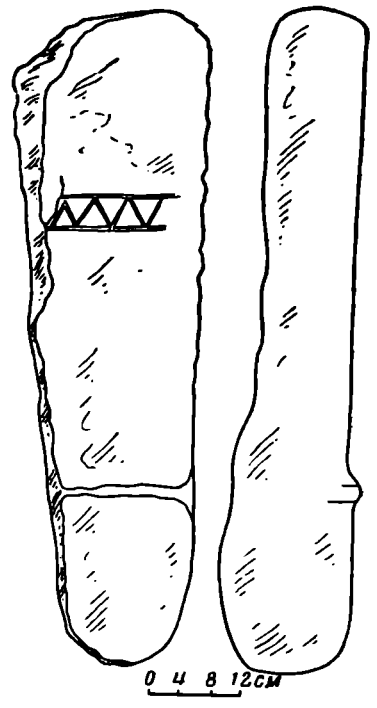


Рис. 7. Новомордовская стела № 5

отнести описанные стелы к раннеананьинскому времени. Прямоугольные кельты с «чечевицевидным» сечением в Прикамье [1] и Среднем Поволжье [2] датируются в основном второй половиной VIII—VII вв. до н. э. Такой же архаичный облик имеет и керамика.

Во многом эту дату уточняет анализ изображенного на стелах № 1, 2 и 4 оружия: боевых топоров двух типов — в виде секиры с относительно коротким обухом (рис. 5, *1*, *2*) и в виде топора-молота с равномерно выступающими лезвием и обухом (рис. 5, *3*). Первый тип, близкий к раннескифским железным секирам-молоткам, датируемым В. А. Ильинской не позднее VI в. до н. э. [3], в дальнейшем продолжает развиваться в ананьинских бронзовых секирах с изображением морд хищных зверей и птиц. Определенное сходство с этим типом имеет и железная боевая секира из Келермесского кургана, датируемая VII в. до н. э. и, по мнению Б. Б. Пиотровского, изготовленная урартийскими мастерами [4] Второй тип сходен с топорами-секирами VI в. до н. э., изображенными на скифских каменных стелах [3]. Наиболее вероятной датой обоих типов секир является VII в. и, может быть, начало VI в. до н. э.

Кинжалы новомордовских стел, близкие друг к другу по форме лезвия, различаются между собой формой навершья и перекрестья; их можно разделить на три типа.

Первый тип — кинжал с полукруглым навершьем и прямоугольным перекрестьем (рис. 5, *7*). Близкие по типу кинжалы цельнобронзовые, или биметаллические, характерны для переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа. Известны они с вариантами в деталях на Север-

ном Кавказе (Каменномостский могильник и р. Березовка) [5, 6], в среднем Поднепровье (Головятино) [7], в Среднем Поволжье (Ахмыловский и II Полянский могильники) [1] и в Венгрии (курганы у Яхабхеги близ г. Печь) [8]. Почти повсеместно они датируются VIII—VII вв. до н. э. и нигде не доживают до VI в. до н. э.

Ко второму типу мы относим два крупных кинжала (стелы № 2, 4 — рис. 5, *6*, *8*) с уплощенно округлым навершьем и слегка провисающим к краям перекрестьем, в середине которого намечен прямоугольный выступ. Эти кинжалы по форме и орнаментации приближаются к известному бронзовому мечу из Минусинской котловины, относимому Н. Л. Членовой к переходному карасук-тагарскому времени и датируемому VIII в. до н. э. [9].

Третий тип — короткие кинжалы (стелы № 3, 6 — рис. 5, *9*, *10*) с полукруглым навершьем и коротким перекрестьем, с опущенными приостренными краями. По форме эти изображения напоминают известные раннеананьинские бронзовые кинжалы, особенно кинжал из Котловского могильника, найденный в коллективном погребении, которое по бронзовому кельту с суженным лезвием и бронзовой гривне [10] скорее всего должно быть датировано VII—VI вв. до н. э. Аналогичные предметы в хорошо датированных комплексах из Акозинского могильника [2] укладывались в этих пределах.

Таким образом, твердой датой новомордовских стел следует считать VII в. до н. э. с возможным переходом в конец VIII в. и в начало VI в. до н. э. Судя по бронзовым кельтам, керамике и некоторым типам оружия, изображенного на стелах, описанные памятники должны быть отнесены к самой ранней фазе ананьинской культуры. Наличие на стелах изображений топора-секиры и кинжала свидетельствует о высоком положении лиц, над могилами которых были поставлены стелы. Как известно, кинжал и топор-секира у многих племен в древности являлись регалиями власти. Так, у скифских племен атрибутами царской власти были плуг, ярмо, секира и чаша, а меч-кинжал подчеркивал военное могущество [11]. Совместное нахождение секиры и кинжала известно лишь в одном погребении ананьинской культуры, а именно — в могиле G Ананьинского могильника [12, 13]. Погребальная яма последнего, будучи самой большой в могильнике, имела курганообразное перекрытие из каменных плит. Наряду с различными вещами при погребенном были найдены клевец с бронзовой втулкой и железным острием и железный кинжал. Некоторые исследователи [13, 14] считают, что известная ананьинская плита с вырезанным изображением мужчины-воина [15] была связана с этой же могилой. Такое выделяющееся положение этого погребения среди всех остальных могил позволило некоторым авторам [16] считать похороненного там человека племенным вождем.

Значительное число стел, размещенных на небольшом участке, позволяет предполагать, что Ново-Мордовский могильник являлся местом погребения нескольких племенных военных вождей, трупы которых, вероятно, привозились из разных мест. Об этом может свидетельствовать и разнотипность изображенного оружия. Например, кинжалы стел № 1, 4, как и топоры-секиры, имеют южные, северокавказские, аналогии, тогда как кинжалы стел № 2, 3, 6 указывают на восточные, южносибирские, связи. В настоящее время в Волго-Камье выделяются две группы раннеананьинских памятников VIII—VII вв. до н. э.— волжская и нижнекамская. Могильники волжской группы (Акозинский [2], Моркваншинский [13], Гулькинский [17], Ахмыловский и II Полянский) свидетельствуют о преобладающем северокавказском влиянии, тогда как могильники нижнекамской группы (Котловский [10], Луговской [18]) дают гораздо больше южносибирских аналогий. Вероятно, Ново-Мор-

[1] Из раскопок автора в 1962 г.

довский могильник, расположенный в центре раннеананьинской территории, служил местом погребения племенных военных вождей обеих групп племен. В связи с этим интересно отметить, что ни в одном из перечисленных могильников (среди которых Акозинский, Ахмыловский, II Полянский и Луговской были подвергнуты исчерпывающим раскопкам) не было обнаружено ни одного погребения, которое можно было бы считать погребением племенного вождя. По-видимому, как и у ряда скифских [19] и горно-алтайских племен, раннеананьинские племена хоронили своих вождей на особом месте, выбранном у впадения Камы в Волгу.

Какие же культурные традиции и общественно-экономические причины вызвали постановку подобных стел над погребениями Ново-Мордовского могильника? Если в Евразии о каменных стелах с изображениями, поставленных в честь умерших, известны довольно широко как их территориальная принадлежность, так и хронологические данные, то в Волго-Камье подобные стелы относились лишь к двум периодам — к эпохе раннего железа (стелы Ананьинского могильника) и к булгаро-татарскому времени (эпиграфические памятники) [20].

Из двух стел Ананьинского могильника первая, обнаруженная К. И. Невоструевым в 1868 г., представляет собой каменную плиту прямоугольной формы с закругленным верхом. На лицевой выглаженной стороне камня вырезана во весь рост фигура ананьинского воина с остроконечной шапкой на голове. На шее изображена пластинчатая гривна с продольными нарезками, а талия подпоясана ремнем, на котором висят справа — кинжал, слева — колчан со стрелами. В правой руке — топор-секира. А. В. Збруева склонна датировать эту стелу VI—V вв. до н. э. Поэтому можно считать, что ананьинская плита с изображением воина, будучи позднее новомордовских, не могла служить для них прототипом, скорее последние явились образцом для первой. Вторая плита резко отличается как от первой, так и от новомордовских бесформенностью очертаний и сильной схематичностью прочерченного на ее поверхности изображения мужчины. При раскопках П. А. Пономаревым Ананьинского могильника было обнаружено еще несколько плит меньших размеров, в том числе одна правильной треугольной формы, лицевая сторона которой была разделена рельефной чертой на две части и в верхней был врезан кружок.

Итак, можно полагать, что обычай постановки каменных стел над могилами знатных лиц в Волго-Камье возникает лишь в эпоху раннего железа и не имеет корней в местных культурах предыдущего времени. Для того чтобы выяснить, какие же традиции побудили постановку такого рода стел над могилами ананьинских воинов-вождей, нам придется проделать экскурс в предшествующее и синхронное время Евразии. Древнейшие стелы с изображениями в Европе относятся к ранней поре металла. Как в Западной, так и в Восточной Европе можно выделить несколько групп стел такого рода.

Наиболее ранняя группа плит, известная под именем антропоморфных стел, по мнению А. И. Тереножкина [21], В. И. Канивца [22], Л. П. Латышевой [23] и др., относится к ямно-катакомбному времени, т. е. хронологически близка к началу II тысячелетия до н. э. Все стелы однотипны. Это простые прямоугольные плиты с выступающей в центре верхней части головой. По характеру оформления выделяется два типа — схематичные стелы, передающие лишь контуры головы и туловища, и стелы с прочерченным рисунком рук, лица и иногда других деталей (грудей, как, например, стелы из Тиритаки). Руки этих стел обычно сложены на груди. Других изображений нет. Л. П. Латышева насчитала 15 антропоморфных стел подобного типа, сосредоточенных преимущественно в Северном Причерноморье. Очевидно, синхронной описанным является так называемая «каменная баба» из Куйбышев-

ской области, которую А. П. Смирнов датировал первыми веками нашей эры [24]. Однако большая близость ее к тиритакским, а также к другим антропоморфным стелам конца III и начала II тысячелетия до н. э. заставляет отнести ее также к этому времени. Все эти антропоморфные стелы, по мнению ряда исследователей, изображают матерь-деву — прародительницу рода и тем самым являются отображением прочной родовой организации.

Ближе к середине II тысячелетия до н. э. в Западной Европе распространяются стелы-менгиры, изображающие богиню погребения с оружием (топором или кинжалом) в руках. Такого типа стелы известны в Южной Франции (Авейрон, Гаре, Эро и др. [25, II, стр. 487—489] — среди памятников Сены, Уазы и Марны [26], а также в центральной Германии — в Дингельштедте [27]. На этих стелах, наряду с врезными или нарисованными изображениями, появляются и рельефные рисунки (выпуклые руки, груди, нос), но оружие всегда врезанное. Закругленный рельеф головы довольно часто сливается с туловищем, образуя монолитную плиту с округлым верхом. Интересным также является размещение изображений оружия, такое же, как и на наших стелах; топор помещается у левого края, а кинжал — у правого края лицевой стороны. Эти стелы, знаменуя определенное изменение общественных отношений, вызванное развитием патриархального рода и начавшимися межплеменными военными столкновениями, представляют дальнейший шаг по пути стилизации и упрощения антропоморфных стел.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в период расцвета эпохи бронзы появляются стелы с изображением оружия независимо от изображения человека. Наиболее ранние стелы подобного рода известны в юго-западной Франции [25, т. II, стр. 490—491], северной Португалии [28, стр. 215] и в Швейцарии [25, т. I, стр. 65]. Особенно примечательной среди них является стела из Дефеса [25, т. II, стр. 208], где изображены кинжал и топор примерно в таком же положении, как и на новомордовских стелах. XIV—XIII веками датируются, судя по изображенным топорам бородинского типа, симферопольская стела [29, 30], плита из дольменов у Манеррека (Франция) [25, т. I, стр. 607] и каменное изваяние из дер. Черли на Нижнем Дунае в Румынии [31]. Во всех случаях, как и на стеле из Кивика в Швеции [28, стр. 239—240], изображенное на стелах оружие выбито или прочерчено.

Таким образом, намечается определенная схема развития надмогильных стел в Европе — от простейших с антропоморфным женским изображением к антропоморфным с оружием и, наконец, к стелам только с изображением оружия. Новомордовские стелы как бы завершают эту линию развития.

Однако уже в VI—V вв. до н. э. в Северном Причерноморье и на Нижней Каме появляются снова антропоморфные стелы, но уже изображающие мужчину-воина с атрибутами власти. В настоящее время в Северном Причерноморье известно 15 подобных стел [11, 32, стр. 293—295]. Большинство исследователей этих памятников склоняются к мысли, что они «изображают умершего царя с регалиями, пожалованными ему божеством в знак царской власти» [11, стр. 195; 32, стр. 299—300; 38]. Почти все эти стелы датируются V—III вв. до н. э., т. е. значительно позднее новомордовских и почти тем же временем, что и ананьинская стела с изображением воина. В то же время по композиции изображений новомордовские стелы близки к скифским, особенно по расположению оружия, которое на новомордовских стелах помещается в определенном порядке: топор-секира в левой стороне стелы вертикально, а кинжал в правой, с наклоном рукоятки влево. Такое же обычно положение оружия и на скифских стелах [11, стр. 191]. Но скифские стелы дают изображение реального лица, а новомордовские — лишь изображение регалий власти. Этот факт, по-видимому, объясня-

ется тем, что скифские стелы помещались над могилами племенных вождей или царей, власть которых была неоспорима, а их царственное положение, будучи наследственным, продолжало сохраняться и в загробном мире. Новомордовские же стелы, вероятно, стояли над могилами военных вождей, которые в условиях еще прочного родового строя были выборными и не могли претендовать на извечность своего положения. Поэтому над могилами последних устанавливались стелы лишь со знаками их выдающегося военного положения, но не с изображением реального лица.

То же можно наблюдать на хронологически близких стелах Сибири. Здесь наиболее ранние памятники подобного типа, датируемые М. П. Грязновым андроново-карасукским временем [39], а С. В. Киселевым, некоторые из них и более ранним временем [40], тоже первоначально изображают антропоморфные, преимущественно женские фигуры, так называемые «каменные бабы» без вещей. М. П. Грязнов также определяет их как стелы, изображающие матерь-деву — прародительницу. К концу карасукского времени эти стелы несколько усложняются и в ряде случаев заменяются изображением животных — в основном бараньих голов, рассматриваемых «как наиболее полное представление образа родового божества предка-покровителя, единого в двух лицах, состоящего из двух начал — мужского (зверя, наверху) и женского (девы, внизу) [39, стр. 155].

Но уже в первой половине I тысячелетия до н. э., в конце эпохи бронзы в Забайкалье, Алтае и Монголии распространяются так называемые оленные камни, где изображаются животные — олени и боевое оружие — топор-секира, кинжал, лук, по мнению А. П. Окладникова, повторяющие «набор вещей, принадлежащих покойнику и сопровождавших его в могилу» [41—43]. Правда, на некоторых плитах уже намечаются отдельные антропоморфные детали (членение на три зоны с выделением головных, шейных и поясных отличий, иногда изображение личины). Это позволило Н. Л. Членовой предполагать, что «олённые камни» «изображали, по крайней мере первоначально, человеческую фигуру». Однако скорее всего появление такого рода камней, вероятно, объяснялось постепенным переходом, как и в скифском мире, к оформлению в камнях уже реальных личностей. В целом же следует полагать, что и в Сибири, где отношения военной демократии еще не выходили за пределы родо-племенных отношений, долгое время в обычае была постановка стел с изображением регалий военных вождей, положение которых было выборным, а не наследственным. Недаром китайские источники даже для второй половины I тысячелетия до н. э., описывая родовые отношения сибирских племен, отмечают: «Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами, наследственного преемствия нет у них» [44].

Но уже среди племен горного Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э., судя по материалам курганов типа пазырыкских, происходит сложение наследственной племенной знати, в том числе и военных вождей [45]. По-видимому, в связи с этим явлением следует рассматривать найденное в Южном Алтае (Чуйская долина) и описанное Н. М. Ядринцевым и Г. М. Потаниным [46, 47] каменное изваяние с реалистичным изображением человеческой фигуры с выразительным лицом. На обратной стороне высечено изображение кинжала, который по тагарским аналогиям может быть датирован V—IV вв. до н. э., и два абриса головы грифа или орла клювом вниз. Как известно, грифова голова как самостоятельный орнаментальный мотив получила в искусстве горного Алтая в скифское время чрезвычайно широкое распространение, что, по-видимому, было связано с тотемистическими представлениями горно-алтайских племен, в районе расселения которых античные авторы помещали племена «стерегущих золото грифов». Поэтому при-

надлежность стелы из Чуйской долины горноалтайским племенам неоспорима.

Итак, можно полагать, что новомордовские стелы занимают промежуточное положение между антропоморфными стелами эпохи бронзы и скифскими стелами с изображениями реального лица. Наши стелы являются свидетелями складывающихся отношений ранней военной демократии, когда происходило выделение племенных военных вождей, власть которых была выборной, а не наследственной, как в скифском мире. Поэтому, очевидно, на них отсутствуют антропоморфные черты и зафиксированы лишь регалии военной власти.

Литература

1. О. Н. Бадер. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры. Уч. зап. Пермск. ун-та, XII, 1, 1960, стр. 144.
2. А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Сб. «Железный век Марийского края». Йошкар-Ола, 1962.
3. В. А. Іллінська. Скіфські сокири. «Археологія», XII, 1961.
4. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 251.
5. А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 75—76.
6. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 201—203.
7. А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 137.
8. Török Guyla. Pecs-Jakabhegyi földvar és tumudo-sok. «Archaeologiaï Ertesito». 77, I, 1950, табл. III—IV.
9. Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины. КСИИМК, 60, 1955, стр. 135—138.
10. Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, проведенных летом 1893 г. МАВГР, III, 1899, стр. 44.
11. Н. Г. Елагина. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. СА, 1959. 2.
12. П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. ИОАИЭ, X, 4, 1892.
13. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 39—40.
14. Н. Ф. Калинин. Древнейшее население на территории Татарии. Матер. по истории Татарии, вып. 1, Казань, 1948, стр. 63.
15. К. И. Невоструев. Ананьинский могильник. Тр. I, АС, II, М., 1871, стр. 626—628.
16. А. П. Смирнов. Прикамье в первом тысячелетии нашей эры. Тр. ГИМ, VIII, 1938, стр. 144.
17. А. В. Збруева. Гулькинский могильник. МИА, 42, 1954.
18. А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, 80, 1960.
19. Геродот. История в девяти книгах. Кн. IV, 7, 72.
20. Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л., 1960.
21. А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, 1, 1952.
22. В. И. Канивец. Курган раннего бронзового века у с. Первомаевки на Херсонщине. КСИА, 5, 1955.
23. Л. П. Латышева. Нова антропоморфна стела епохи бронзи. Тр. ОГУ, 149, 1959.
24. А. П. Смирнов. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, XII, 1946.
25. L. Déchelette, Manuel d'Archéologie préhistorique, Paris, 1910.
26. Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 409.
27. W. Schrickel. Westeuropäische elemente im neolithikum und in die frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. Leipzig, 1957, стр. 54—55.
28. M. Hoernes. Uhrgeschichte der Bildenen Kunst in Europa. Wien, 1925.
29. A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 49.
30. А. А. Формозов. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки. КСИА, 5, стр. 71—72.
31. La Statue — Menhir de Hamandia. Dacia, II, Bucureşti, 1925.
32. T. Passek, B. A. Latynine. Sur la question des «kamennye baby». ESA, IV, 1929.
33. А. А. Спицын. Каменные бабы-стелы. Тр. СА РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 488.
34. А. И. Мелюкова. Каменная фигура скифа-воина. КСИИМК, XLVIII, 1952.
35. Л. П. Латышева. Каменные антропоморфные изображения из Роксолан. МАСП, III, Одесса, 1960.
36. А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, IV, 1925.
37. В. Н. Ястребов. Каменная баба. «Древности», XI, 2, 1866.

38. Б. Н. Граків. Скіфи. Київ, 1947, стр. 83.
39. М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950.
40. С. В. Киселев. К изучению Минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 53 и сл.
41. А. П. Окладников. Оленный камень с реки Иволги. СА, XIX, 1954.
42. И. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, стр. 43—45.
43. Н. Л. Членова. Об оленных камнях Монголии и Сибири. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 27, 33.
44. Н. Я. Бичурин. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950, стр. 142.
45. С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, стр. 259.
46. Н. М. Ядринцев. Описание сибирских курганов и древностей. «Древности», IX, 1883, стр. 195.
47. Г. Н. Потанин. Памятники древности в северо-западной Монголии. «Древности», X, 1885, стр. 53.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

ДРЕВНЕЙШАЯ ОЛЬВИЙСКАЯ ПРОКСЕНИЯ

Во время работ Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1948 г. в Ольвии в Нижнем городе, на участке НГ случайно была найдена фрагментированная надпись [1], представляющая большой интерес.

Надпись (рис. 1 и 2, *1, 2*) высечена на обломке плиты белого мрамора, несколько сужающейся книзу; сверху и снизу камень обломан. Высота обломка — 11, ширина — 12 *см*, толщина плиты — 5 *см*. Лицевая и левая боковая поверхности камня, так же как и задняя сторона, тщательно отполированы. Правая боковая грань обработана менее тщательно — на ней сохранились глубокие следы сглаживающего инструмента.

Лицевая и левая боковая поверхности камня заполнены остатками греческой надписи: на лицевой (текст 2) — пять строк (конец надписи); на боковой (текст 1) — две строки. Величина букв надписи 1—1,2-1,4 *см* (омикрон — 0,8 *см*), расстояние между строками 0,6 *см*; величина букв надписи 2—1-1,1 *см* (омикрон — 0,7 *см*), расстояние между строками 0,4—0,7 *см*.

Обе надписи высечены в манере стойхедон, который строго соблюден в обоих текстах, что облегчает их восстановление. Они высечены идентичным шрифтом, вероятно рукой одного резчика, и в них употреблена одинаковая формулировка. Все это исключает возможность последовательного начертания надписей, а следовательно, и вторичного использования камня. Надписи на обеих гранях плиты одновременны и принадлежат, судя по всему, одному документу.

1

Стойхедон. 22 буквы

[. . . . . [11] . . . . .] δώρο (υ) Ἡρα [κλ -
εώτηι αὐτῶι κ] αὶ χρήμ [ασι] [2].

2

Стойхедон. 7—10 букв

[Ὀλβιοπολί -
ται ἔδωκαν
. . . . [9] . . . .
. . δώρο (υ) Ἡρα -
5. κλεώτηι υυ.
προξενίαν
πολιτείαν
ἀτέλειαν υ.
πάντων χρη -
10. μάτων ὧν ἄν[3]
ἐσάγηι ἢ ἐξ-
άγηι καὶ υυ.]
ἐσπλεῖν υυ.
καὶ ἐκπλε [ῖν]
15. καὶ αὐτὸς υ.
καὶ χρήμα - υ.
τα. υας.

[1] Хранится в ЛОИА АН СССР, инв. № 0/48-43. Выражаю искреннюю благодарность Т. Н. Книпович, предложившей мне опубликовать надпись.

[2] Возможно и иное восстановление: [————] δώρο (υ) Ἡρα | [κλεώτηι αὐτός κ] αὶ ἡ μ [ατα].

[3] Может быть, формула πάντων χρημάτων ὧν ἄν в декрете отсутствовала. В таком случае текст состоял не из 18, а из 14 строк.

Рис. 1. Общий вид камня с надписями

Рис. 2

1 — надпись на боковой поверхности; *2* — надпись на лицевой поверхности

Перевод: 1. (Такому-то, сыну...) дора гераклеоту, самому и его имуществу.

2. [Ольвиополиты дали такому-то, сыну... дора гераклеоту проксению, право гражданства, беспошлинность всех товаров, какие бы ввез или вывез и] (право) входить и выходить (из гавани) и ему самому и имуществу (его).

Судя по сохранившейся части надписи 2, на камне был вырезан декрет о проксении. Предложенное восстановление надписей нельзя, разумеется, считать абсолютно бесспорным во всех деталях, но оно безусловно отражает характер и основное содержание документа. Восстановление начальной части текста 2, как и внешнего вида памятника в целом, основано на чтении сохранившейся части текста 1.

Надпись на левой боковой грани (1) состояла всего из двух строк, что обусловлено толщиной плиты. Буквы ее несколько большего размера, чем буквы текста, заполнявшего лицевую поверхность плиты. Сохранившаяся часть надписи 1 содержит окончание имени отца чествуемого лица (— δώρο(υ)) и начало его этникон (Ἡρα —), а также конец всей формулы предоставленных привилегий, содержащейся в основном тексте (2) — [κ]αὶ χρήμ[ασι]. Все это заставляет высказать предположение, что текст 1 представлял собою заголовок декрета, вынесенный по какой-то причине на боковую грань плиты. Как известно, предварение основного текста декрета заголовками, в которых указавалось имя чествуемого или ссновная суть документа — довольно обычное явление в греческой эпиграфике[4]. Однако в надписях Ольвии эта деталь встречается впервые.

По какой причине заголовок рассматриваемого декрета получил столь необычное и, добавим, весьма неудобное для чтения место, сказать трудно. Возможно, это было обусловлено размерами плиты, не допускавшей размещения на одной стороне всего декрета вместе с заголовком. Пока не представляется возможным высказать какие-либо определенные суждения относительно того, по какой причине начертание заголовка на камне было сочтено необходимым. В наиболее близкой хронологически рассматриваемой надписи ольвийской проксении — декрете в честь месембрийца Херигена [2, 20], датируемом первыми десятилетиями IV в. до н. э., заголовок отсутствует. Нет его и в других ольвийских декретах IV в., равно как и последующего времени. Может быть, практика предварения постановлений народного собрания ольвиополитов соответствующими заголовками была обычной, а возможно и обязательной в предшествующее время. К сожалению, публикуемая надпись является пока единственным ольвийским декретом, который может быть отнесен к этому времени[5], что не позволяет идти дальше предположений.

Восстановление текста 1 позволяет предположительно восстановить высоту и внешний вид стелы, что имеет большое значение для правильной реконструкции текста 2.

Сохранившаяся часть камня составляет, очевидно, приблизительно около трети первоначальной его высоты, которая таким образом, едва ли превышала 35—40 *см*[6]. Скорее всего, стела была лишена каких-либо украшений и представляла собой узкий, гладкий со всех сторон мрамор-

---

[4] Сошлемся для примера хотя бы на широко известный декрет афинского народного собрания 346 г. до н. э. в честь сыновей боспорского архонта-царя Левкона I [1,212], текст которого предварен заголовком: Σπαρτόκωι, Παιρισάδηι, Ἀπολλωνίωι Λεύκωνι παισί. Ср.: Προξενία Τιμαγόρα(ι) Ῥοδ[ίωι] [2,340].

[5] Обоснование датировки надписи см. ниже.

[6] Шесть сохранившихся в строке надписи 1 букв занимают в длину 10 *см*. Спереди восстанавливается 11—12 букв, следовательно, они должны занимать в длину 20 *см;* в конце надписи недостает трех букв, равных 5 *см*. Таким образом, надпись на боковой грани плиты составляла в длину около 35 *см*.

ный столбик, несколько расширяющийся кверху[7]. Тщательная обработка задней поверхности стелы указывает на то, что она была открыта для обозрения со всех сторон.

Публикуемый проксенический декрет — единственная в настоящее время надпись подобного рода из Северного Причерноморья, исполненная стойхедон. Эта манера письма строго соблюдена во всей надписи. Однако число букв в строках колеблется от семи до десяти (текст 1), что было вызвано, очевидно, главным образом эстетическими представлениями резчика (например, три καὶ друг под другом в начале строк 14—16). Стойхедон, как известно, является признаком раннего времени надписей (V—IV вв. до н. э.). В Ольвии, как вообще в Северном Причерноморье, надписи стойхедон единичны; насколько можно судить по сохранившимся обломкам, они относятся к разряду посвятительных надписей [2, 340; 3, рис. 66-67; 4, стр. 170 и рис. 3][8]. По-видимому, датироваться они должны V в. до н. э., поскольку в ольвийских проксениях IV в., в том числе и в тех, которые относятся к началу века, стойхедон уже не применяется. В некоторых случаях, когда в начале декретов (или в начале строк) шрифт приближается к стойхедон, он неизменно затем нарушается. Таким образом, уже сама манера начертания публикуемой надписи приводит к заключению о ее принадлежности скорее всего V в. до н. э.[9]. Об этом же свидетельствуют и другие признаки надписи.

Шрифт надписи строго выдержан. Характерны ранние формы П с укороченной правой вертикальной чертой, составляющей половину левой, Σ и М с раздвинутыми чертами, Е с равными горизонтальными чертами, А и Λ с широко раздвинутыми боковыми чертами и т. д. Однако О, Ω и Х несколько меньших размеров, чем остальные буквы, что заставляет считать надпись несколько более поздней, чем, например, ольвийское посвящение Аполлону Дельфинию [4, рис. 3] и относить ее к концу V в. до н. э.

Такую датировку подкрепляют и грамматические особенности надписи. Обращает на себя внимание краткая форма родительного падежа (---δώρο). Бросается в глаза чрезвычайная краткость формулировки, которая превосходит все известные до сих пор в Северном Причерноморье и за его пределами. В частности, αὐτὸς καὶ χρήματα обычно в декретах связано с ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεὶ [5], в публикуемом же декрете последняя формула опущена и αὐτὸς καὶ χρήματα связано непосредственно с ἐσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν. Что касается этой формулировки, то и она совершенно необычна. Во всех дошедших до нас ольвийских проксениях, как и в проксенических декретах вообще, где упомянуто право беспрепятственного входа и выхода из гавани, это передается именами существительными — εἴσπλους и ἔκπλους («приплытие» и «отплытие», «выход из гавани»). В рассматриваемом же декрете указанная формула передана глагольной формой ἐσπλεῖν (= εἰσπλεῖν) и ἐκπλεῖν «ввозиться водным путем» и «вывозиться водным путем», или «входить (на корабле)» и «выходить (на корабле)»[10]. При этом употреблена

[7] Возможно, что стела увенчивалась скромным карнизом, соответствующим общей строгости памятника.

[8] Близки к стойхедон надписи [2, 164, 208, 219].

[9] Среди ольвийских декретов наиболее близки хронологически публикуемому декрет в честь месембрийца Херигена [2, 20], который датирован В. В. Латышевым началом IV в. до н. э., а также фрагментированный проксенический декрет из недавних раскопок ольвийской агоры [3, рис. 69]. В нем характерны ранние формы букв П, N, А, Σ. По краткости формулировки он близок декрету в честь Херигена. Датировка Е. И. Леви — IV — начало III в. до н. э.,— как нам кажется, нуждается в уточнении. Едва ли имеются основания для датировки надписи III веком, очевидно, речь должна идти безусловно о IV в., возможно даже о первой его половине. Оба указанных выше памятника по всем данным моложе публикуемого.

[10] Указанная глагольная форма в декретах чрезвычайно редка. Она встречается в милетском декрете в честь сардианцев, датируемом временем до 334 г. до н. э. [6, 243] — καὶ ἐσπλέοσι καὶ ἐκπλείοσι; возможно также в афинском декрете в честь ахейца Люкона (419/18 или 413/12); ἐξ̄ē [ναι ἐσπλεῖν αὐ] τ [ῶι] [6, 92] — восстановление Диттенбергера.

краткая, архаическая (староионийская, староаттическая) форма ἐσπλεῖν вместо εἰσπλεῖν, которая применялась почти исключительно в поэзии и в сочинениях Фукидида и, отчасти, Ксенофонта [7].

Все отмеченные выше особенности — палеография документа, необычайная краткость формулировки[11], а также архаические грамматические особенности надписи заставляют датировать ее V в. до н. э. Таким образом, публикуемый документ является древнейшим из известных в настоящее время ольвийских проксенических декретов, что уже само по себе представляет немалый интерес.

Публикуемая надпись, однако, заслуживает особого внимания не только потому, что она является наиболее древней в ряду ольвийских (и вообще северопонтийских) проксенических декретов, не потому, что она является первым подобного рода документом из Северного Причерноморья, написанным в манере стойхедон, а также и необычностью расположения надписи на памятнике, но прежде всего, ввиду того что декрет позволяет, как нам представляется, прийти к важным заключениям об экономических связях Ольвии.

Хотя от этникон чествуемого в декрете лица сохранились лишь начальные буквы (Ἡρα — — — —), в тексте 1, почти бесспорно можно полагать, что восхваляемый был жителем Гераклеи (Ἡρακλεώτης), в которой, с нашей точки зрения, безусловно следует усматривать Понтийскую Гераклею. Это допущение, подкрепляемое и иного рода материалом из Ольвии, дает основание для интересных и важных исторических выводов.

До недавнего времени основным источником для установления существования связей Ольвии с Гераклеей Понтийской в догетский период служили находки остатков керамической тары (амфор) и черепицы с энглифическими клеймами, центр производства которых был установлен Б. Н. Граковым [9]. В 1954 г. при раскопках ольвийской агоры был найден опубликованный Е. И. Леви проксенический декрет в честь гераклеотов Феофана и Ариста, сыновей Феопропа, датируемый второй половиной IV в. до н. э. [10]. Однако керамические находки гераклейского производства из Ольвии указывают на более раннюю, чем отмеченная, дату начала установления торговых связей между названными городами. Особый интерес в этом отношении представляет комплекс остродонных амфор, обнаруженных в открытой раскопками 1947 г. яме-погребе [11]. Комплекс состоит из 59 целых амфор, подавляющее большинство которых принадлежит продукции Гераклеи Понтийской. Остальные — фасосские, относящиеся к начальному периоду фасосского керамического клеймения и датируемые концом V в. до н. э. Изучение указанного комплекса амфор, полная публикация которого подготавливается нами, вероятно, приведет к необходимости пересмотра начальной даты керамического клеймения Гераклеи, за которую в свое время Б. Н. Граковым была принята последняя четверть IV в. до н. э., теперь же принимается середина этого столетия [12, 13][12]. По-видимому, начало импорта в Ольвию гераклейской клейменой керамической тары (а следовательно, клеймение в Гераклее уже практиковалось) относится еще к первой половине IV в. до н. э.[13]. Такая дата теперь, после открытия публикуемого ольвийского проксенического декрета, если признать правомерность предложенных восстановлений, может получить веское подкрепление.

---

[11] А. Вильгельм [8] считает надписи с краткими формулировками краткими извлечениями из постановлений народного собрания, хранившихся в архиве. Вероятно, подобное хранилище постановлений народного собрания было и в Ольвии.

[12] См. также [14], где указывается возможная необходимость перенесения начальной даты гераклейского клеймения к еще более раннему времени — рубежу первой и второй четверти IV в. до н. э.

[13] И. Б. Зеест [15] указывает на то, что еще к первой половине IV в. относится выпуск неклейменых гераклейских амфор.

Археологические материалы из раскопок различных городов Северного Причерноморья в последнее время все более настойчиво указывают на сравнительно раннюю дату установления экономических связей северопонтийских городов с южнопонтийскими центрами. Относительно Синопы это подкрепляется пока лишь керамическими находками: амфор, пифосов, черепиц, архитектурной терракоты. Что касается Гераклеи Понтийской, то ее интерес к северному побережью Черного моря ярко иллюстрируется фактом основания ею там своей колонии — Херсонеса Таврического. Теперь можно считать твердо установленным, что это произошло в конце V в. до н. э. [16]. По-видимому, этому должна была предшествовать определенная подготовительная деятельность, выражавшаяся, очевидно, прежде всего в знакомстве гераклеотов с Северным Причерноморьем путем торгового обмена с различными его местностями. В настоящее время мы можем почти уверенно утверждать, что торговые взаимоотношения гераклеотов с Ольвией берут начало ранее конца V в. до н. э., поскольку ольвийский проксенический декрет в честь одного из них, относящийся к этому времени, предполагает существование уже достаточно прочных и, возможно, довольно длительных связей между обоими городами.

Если признать правомерность предложенных выводов, то они представляют интерес и в другом плане. Как известно, во второй половине V в. до н. э. понтийская торговля находилась под гегемонией Афин, препятствовавших свободному развитию экономических связей причерноморских городов со средиземноморскими центрами. Возможно, что именно те ограничения, которые были введены афинянами, контролировавшими черноморские проливы, в торговле пропонтийских городов со Средиземноморьем и заставили их искать новых торговых контрагентов, что и привело к развитию внутрипонтийской торговли.

Литература

1. IG, II².
2. IOSPE, I².
3. Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, 50, 1956.
4. Т. Н. Книпович. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии. СА, XXVIII, 1958.
5. G. Klaffenbach. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957, стр. 79.
6. SIG³.
7. С. И. Соболевский. Древне-греческий язык. М., 1948, стр. 276, § 1054.
8. A. Wilhelm. Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909, стр. 271 сл.
9. Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор. Тр. ГИМ, 1, 1926, стр. 165 сл.
10. Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, табл. I, *2*.
11. Т. Н. Книпович. Ольвийская экспедиция. КСИИМК, XXXVII, 1949, стр. 21 сл.
12. И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 48 сл.
13. А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки. Автореф. дис., Л., 1951.
14. И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, 2, стр. 302 сл.
15. И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 22.
16. А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, I и II. ВДИ, 1938, 2.

Ю. Г. ЧУЛАНОВ

ГОРОДИЩЕ АХСЫКЕТ

На северном берегу р. Сыр-Дарьи, в 20 *км* к юго-западу от г. Намангана (рядом с современными селениями Гуль-кишлак и Шаханд) лежат величественные руины древнего города, которые в исторической литературе принято отождествлять с Ахсыкетом арабоязычных географов (X—XIII вв.) и городом Ахсы XIV—XVII вв. (рис .1). Письменные сведения об этом крупном городе Ферганы и сами развалины городища издавна привлекали внимание географов, историков, археологов, а также местных жителей, которые занимались кладоискательством.

Первое упоминание об Ахсыкете содержится в работе венгерского этнографа Уйфальви, посетившего Фергану в 1877 г. Он пишет, что в 6—8 *км* к юго-западу от Тюря-кургана находится небольшое селение Ахсы. Недалеко от него лежат древние руины, которые можно отождествить с остатками Ахсыкета Бабура и древних географов [1]. Первые археологические материалы с городища Ахсыкет поступили в 1881 г. В протоколах заседания историко-филологического отделения Академии наук от 13 января 1881 г. отмечено о доставке в Азиатский музей одиннадцати предметов различных древностей из развалин древнего города, так называемого Акси, находящегося вблизи селения Коль-кишлак, Шахандской волости, Чустского уезда [2].

В 1884 г. в газете «Туркестанские ведомости» была опубликована заметка неизвестного автора «Из Намангана» о том, что на городище Ахсы местные жители ведут раскопки и находят ценные предметы. На берегу видны остатки кирпичных стен и других построек, которые свидетельствуют о существовании здесь некогда большого города [3]. Это сообщение привлекло внимание военного губернатора Ферганской области и на место раскопок был отправлен капитан А. И. Брянов, чтобы установить правильность сведений газетной заметки и составить описание данной территории. А. И. Брянов выяснил, что в местности Иски-Ахсы вблизи Шаханда двумя жителями найдены два золотых браслета [3]. Брянову принадлежит первое описание городища. На краю берега Сыр-Дарьи, возвышающемся более 40 *м* над рекой, видна небольшая возвышенная площадка, прилегающая к полям селений Коль-кишлак и Шаханд. Хорошо прослеживаются толстые стены из обожженного и сырцового кирпича. Поверхность площадки имеет промоины и усеяна обломками кирпича и посуды [4].

Все эти сообщения побудили Археологическую комиссию направить в 1885 г. в Фергану профессора Петербургского университета Н. И. Веселовского, который обследовал и Ахсыкет. Он отметил, что обширные развалины города лежат на берегу Сыр-Дарьи и во время разливов берег постепенно смывается водой. Город существовал еще в XV в. [5]. Н. И. Веселовский заложил на городище 15 шурфов, которые дали

обильный материал — глиняную посуду (в том числе поливную), светильники, сфероконусы, стеклянные изделия, железные ножи, монеты и др. Обнаружены были также стены зданий и печь для обжига керамики, где находилось 20 светильников [5].

В 1891 г. П. С. Уварова опубликовала описание золотых вещей — браслетов, серег, перстней из развалин Ахсы, хранившихся в музее

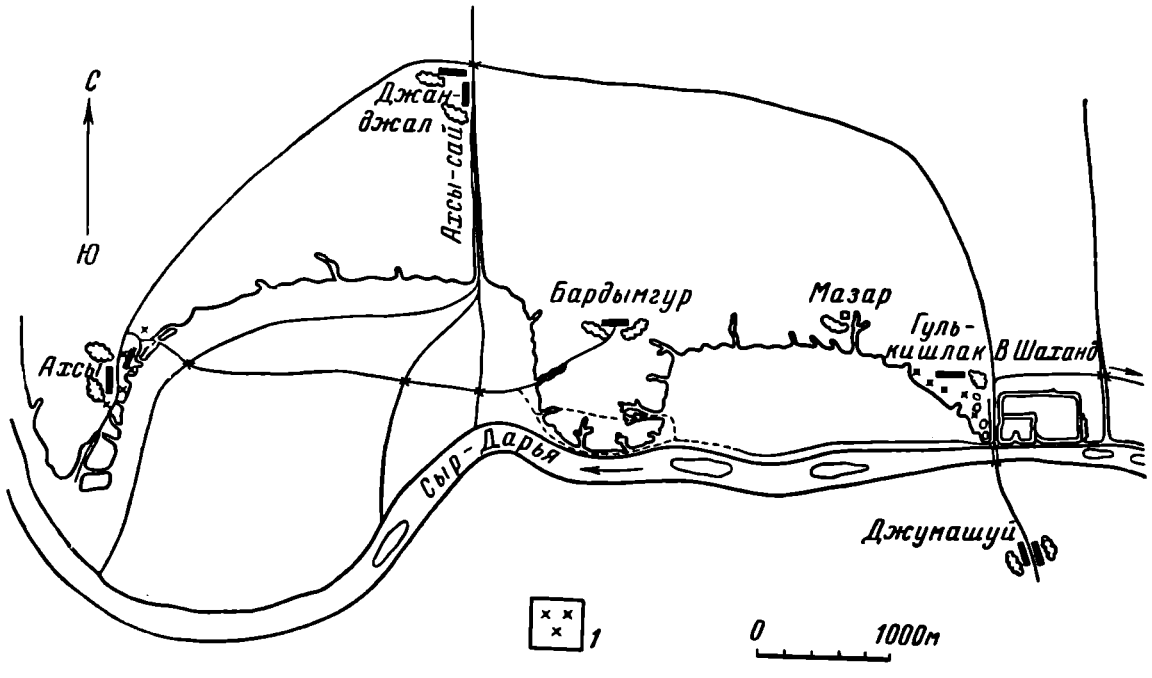


Рис. 1. План расположения городищ Ахсыкет I и Ахсыкет II
1 — культурный слой (Ахсыкет I)

в Ташкенте (они попали туда из рук кладоискателей) [6]. Для изучения Ахсыкета много сделал В. В. Бартольд, который перевел на русский язык сведения об этом городе, сообщенные арабоязычными географами X в. Ибн-Хаукалем и Макдиси. По данным этих авторов, в Ахсыкете имелись цитадель, шахристан, рабад. В цитадели помещались дворец и тюрьма, а в шахристане — соборная мечеть. Город, по Ибн-Хаукалю, простирался на 3 фарсаха (более 20 *км*). С другими городами Ахсыкет был соединен несколькими дорогами. Существовал прямой путь из Коканда в Ахсыкет через степь и пески (7 фарсахов). По этой дороге приходили к «воротам Ахсыкета», потом переправлялись через реку [7, 8]. В другой работе В. В. Бартольд приводит сведения Бабура об этом городе (XV—XVI вв.), как о самой сильной крепости и втором по величине городе Ферганы [9].

В 1913 г. в Ахсыкете произвел небольшие раскопки И. А. Кастанье. Он обнаружил поливную посуду, сфероконусы, монеты. Одна из монет, по определению А. А. Семенова, медный фельс, чеканенный в Ахсыкете при Насре II в 330 г. х. (942 г.), другая — серебряный дирхем 480 г. х. (1087/1088 г.). Осмотрев городище, И. А. Кастанье составил план развалин и дал описание Ахсыкета, не прибавляющее ничего нового к сведениям А. И. Брянова и Н. И. Веселовского [10]. Л. А. Зимин в рецензии показал, что результаты работ И. А. Кастанье на городище были весьма незначительны, что его отчет о поездке имеет мало общего с наукой и ко всему написанному в этом отчете надо относиться с большой осторожностью [3].

В советское время, в период строительства Большого Ферганского канала, в 1939 г. Ахсыкет осмотрел М. Е. Массон, который пришел к следующему заключению: около двух тысяч лет назад здесь был крупный городской центр; на поверхности городища лежит культурный слой

конца XII — начала XIII в. и лишь в цитадели и вблизи нее попадается в небольшом количестве материал XV в. [11].

В 1948 г. городище обследовала Памиро-Ферганская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама; в результате работ этой экспедиции был составлен план городища, дано подробное описание Ахсыкета и определена его датировка на основании найденных материалов. Возникновение города А. Н. Бернштам, как и М. Е. Массон, относит к первым векам до н. э., основные слои городища датирует VI—VIII и IX—XII вв. Отмечает он и немногочисленные фрагменты керамики тимуридского времени (кашинный черепок с поливой кобальтового цвета) [12, 13].

В 1957—1959 гг. изучением Ахсыкета занимались сотрудники Наманганского краеведческого музея [14]. Работы на городище заключались главным образом в его обследовании и сборе подъемного материала. Результаты обследования и данные других исследователей позволяют уточнить историческую топографию Ахсыкета.

Городище расположено на высоком правом берегу Сыр-Дарьи. Центральная часть его (шахристан) представляет собой прямоугольник площадью в 27 *га*, окруженный массивными стенами из сырцового кирпича с многочисленными оплывшими башнями. К западу и к востоку от него вдоль реки на 2—2,5 *км* простирается обширный рабад. Юго-западная часть шахристана с цитаделью (высота около 20 *м*) отгорожена дополнительными стенами из сырцовых блоков, которые, как нам удалось проследить, возведены на культурных слоях IX—X вв.

Некоторыми исследователями эта часть городища площадью в 7,8 *га* была принята за шахристан, а шахристан — за рабад, благодаря чему сложилось неправильное представление об истинных размерах частей средневекового Ахсыкета. Многочисленные находки красноангобированной керамики свидетельствуют, что первоначально здесь находилось городище античного периода, для которого характерна прямоугольная форма. В период средневековья на основе античного города складываются главные элементы города феодального: мощная цитадель, внутренний город (шахристан) и торгово-ремесленное предместье (рабад). На рубеже X—XI вв. часть шахристана отделяется дополнительными стенами, что еще более укрепило город.

Ввиду сильного разрушения городища хозяйственными работами и оврагами культурные слои в разных местах оказались вскрытыми на значительную глубину. Это позволило собрать большой и разнообразный материал на цитадели, в шахристане, рабаде. Во многих местах удалось проследить остатки стен зданий из сырцового и обожженного кирпича (размер 40 × 20 × 6; 27 × 15 × 3; 20 × 16 × 3,5 *см*), сводчатые перекрытия коридоров, печи для обжига керамики, многочисленные водостоки — ташнау с подводящими к ним трубами — кубурами.

Больше всего найдено на городище керамики различных периодов: красноангобированная первых веков до н. э.— первых веков н. э.; затем значительную группу составляет раннесредневековая грубая лепная посуда; к раннему средневековью относятся и образцы ранней поливной посуды, собранные главным образом в разрушенных слоях у основания цитадели; это фрагменты чаш, блюд и кувшинчиков поташной поливы с голубоватой подглазурной росписью, нанесенной по светло-розовому ангобу.

Основная масса керамики относится к IX—XII вв. (рис. 2). Поливная посуда этого времени отличается высоким искусством росписи и техники изготовления. Орнамент линейно-геометрический, роспись подглазурная, нанесена желтой, зеленой, коричневой, черной, красной красками по белому ангобу в различных сочетаниях. Очень часто орнамент исполнен в виде надписей из стилизованных букв, прочесть которые порой бывает невозможно. На некоторых блюдах, тарелках встречаются рисунки птиц, животных и только в одном случае людей [15]. Так, на

одном донышке блюда имеется изображение фазана, исполненное различными красками: тело — зеленой, крыло, клюв и ноги — коричневой; на шее три коричневые полоски (рис. 2, *3*). Изображение фазана на посуде этого времени известно и из материалов других городищ [16, 17].

Среди поливной посуды преобладают такие формы, как блюдо, чаши, сосудики типа пиалы, горшочки с широким горлом. На сосудах имеется небольшой дисковидный поддон, дно плоское или слегка вогнуто внутрь (на сосудах тимуридского времени поддон обычно кольцевой). Собрано много неполивной посуды: это крупные кувшины высотой 42 *см* и небольшие кувшинчики высотой 12, 19, 25 *см*, сосуды в виде кубка, кружки, которые украшены прочерченным волнистым или штампованным орнаментом (рис. 3). Комплекс поливной и неполивной керамики Ахсыкета находит полные аналогии в керамике Папа [1], Узгена [12, 18], Кувы [19] и других городищ Ферганы этого времени.

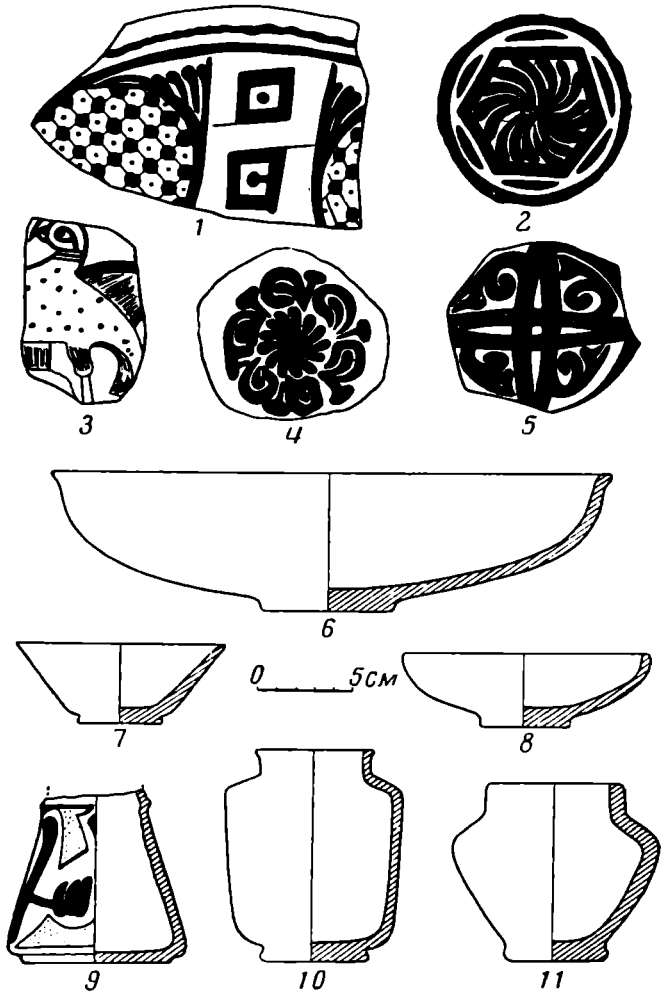


Рис. 2. Ахсыкет I. Поливная керамика IX — XII вв.

Своеобразна керамика с рельефным орнаментом, которая оттискивалась в специальных формочках-калыпах. Орнамент стилизованный растительный и геометрический. Подобная керамика известна в Папе, Афрасиабе [20], Мерве [21].

В большом числе представлены в материале городища светильники-чираги. Часть их, относящаяся к саманидскому времени, покрыта белой глазурью и имеет по бокам резервуарчика надпись черной краской — «барака» (благожелательная надпись) с большим искажением букв (рис. 4, *1*) [22]. Чираги караханидского времени покрыты зеленой поливой, резервуар граненый, над ручкой — пята с растительно-геометрическим орнаментом (рис. 4, 2). Лишь на одной имеется изображение животного (заяц?).

Выявлены на Ахсыкете также следы стекольного производства — толстостенные глиняные тигли цилиндрической формы для плавки стекла, стеклянные шлаки, фрагменты стеклянных изделий. Среди них можно выделить несколько основных форм — графины, кувшинчики, рюмки, флаконы. Стекло изготовлялось прозрачное бесцветное, зеленое, коричневое; некоторые фрагменты имеют рельефный орнамент. Аналогичные стеклянные изделия обнаружены в Узгене [18], Калаи-боло [23], на Афрасиабе [20] и Варахше [24].

---

[1] Материал хранится в фондах Наманганского музея.

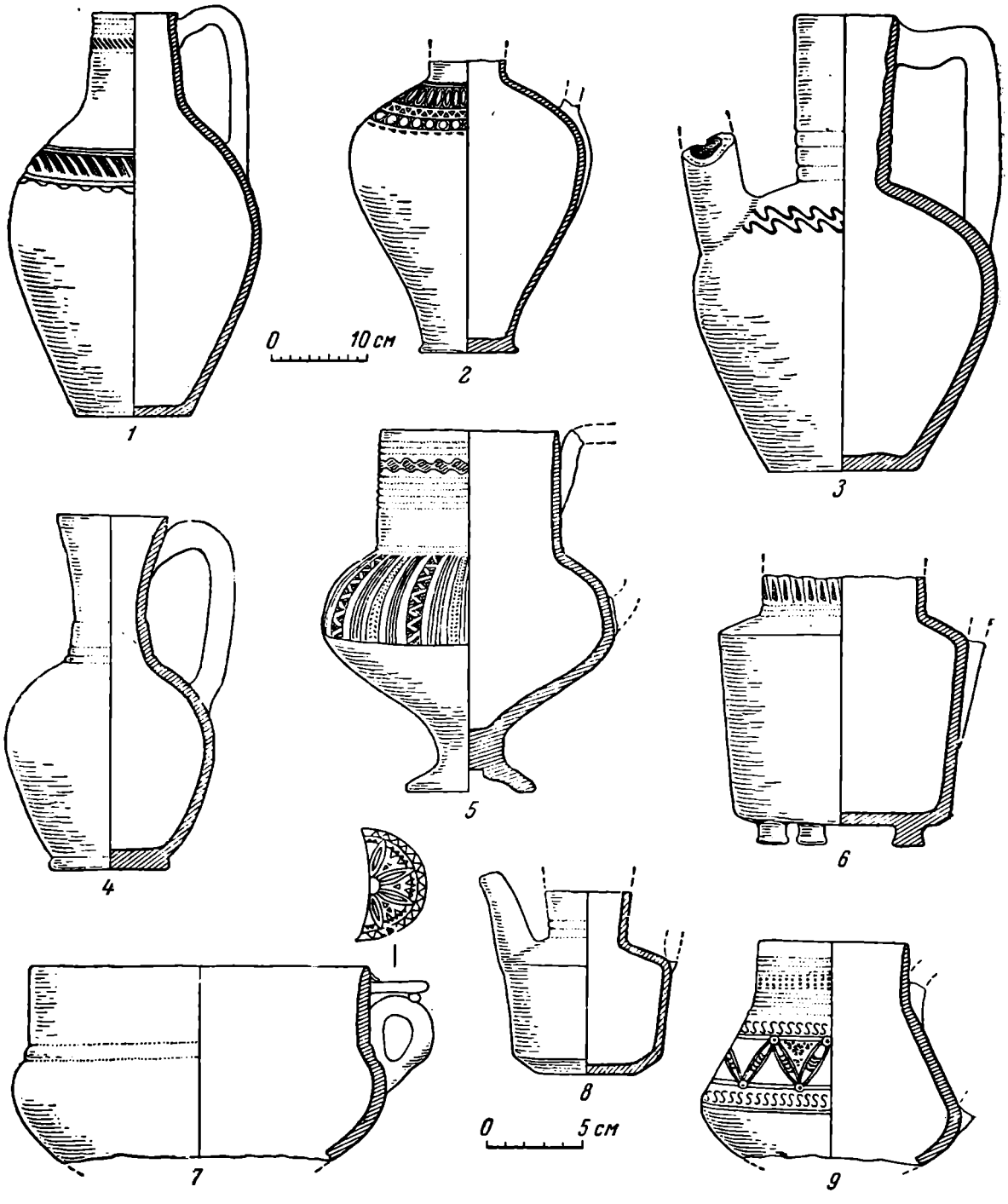


Рис. 3. Ахсыкет I. Неполивная керамика

Среди металлических изделий наибольший интерес представляет часть медной пластины с изображением птицы-женщины (рис. 4, *5*). По краю пластины идет повторяющийся орнаментальный мотив в виде завитков, в центре находится изображение птицы с головой женщины. Все поле вокруг нее заполнено стилизованным растительным орнаментом. Подобные изображения фантастических существ довольно характерны для того времени [25]. Совершенно идентичный рисунок птицы-женщины имеется на блюде из Ферганского музея. Среди других металлических предметов интересны бронзовые чираг (рис. 4, *3*) и орнаментированный крюк (рис. 4, *6*). Из отдельных находок отметим каменный перстень-печать. На печатке арабскими буквами вырезана надпись, очевидно — благопожелание или имя владельца перстня (рис. 4, *4*). Рас-

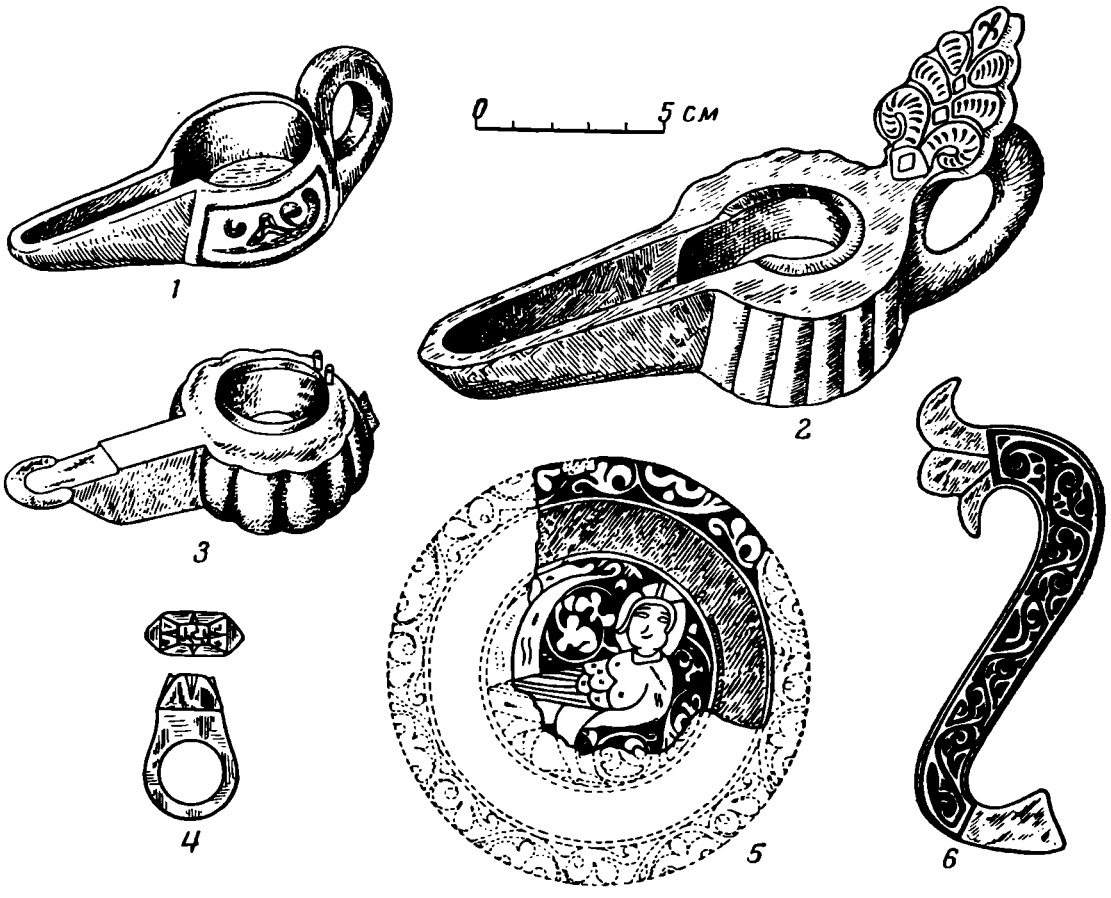


Рис. 4. Отдельные находки с Ахсыкета I.

1—3 — чираги, *4* — каменный перстень-печать, *5* — медная пластина, *6* — бронзовый крюк

смотренный выше материал, по аналогии с другими памятниками средневековья, можно датировать IX—XII вв.— началом XIII в.

Много найдено на поверхности городища медных монет. Из 40 определенных М. Е. Массоном монет все должны быть отнесены к VII—XII вв.; ни одной монеты позднее XII в. не обнаружено. Часть кружков не поддается датировке, но судя по внешнему виду и они относятся к этому же времени. Самые ранние из обнаруженных монет принадлежат чекану VII—VIII вв., одна из них тюрко-согдийская. Больше всего фельсов чекана Саманидов и Илеков, из которых ранним является фельс с именем Ахмеда б. Исмаила (907—914 гг.), а поздним — медный дирхем XII в. Основная масса кружков относится к X—XI вв., часть из них представлена чеканом Ахсыкета. Приводим список монет:

Тюрко-согдийская, VII — начало VIII в.	1 шт.
VIII в.	1 »
Черный дирхем Мусейяби (IX — X вв.)	2 »
Династия Саманидов (фельсы)	
Ахмед б. Исмаил (907—914 гг.)	1 »
Наср б. Ахмед (914—943 гг.), Фергана, 315 г. х.	1 »
Нух б. Наср (943—954 гг.)	3 »
Мансур б. Нух (961—976 гг.), Ахсыкет, 351 г. х.	1 »
Мансур б. Нух, Ахсыкет, 355 г. х., от имени Ахмеда б. Али	1 »
Мансур б. Нух, Ахсыкет, 359 г. х. с чеканами:	
а) его сына Ахмеда	1 »
б) Абу Насра Ахмеда, сына Али	1 »
Мансур б. Нух, Фергана, 359 г. х.	1 »
Мансур б. Нух, Бухара, 364 г. х.	2 »
X в., чекан Саманидов	2 »

Династия Илеков (фельсы)

Наср б. Али (конец X — начало XI в.)	2 шт.
Наср б. Али, Фергана, 398 г. х. (1007—1008 гг.)	1 »
Наср б. Али, Фергана, 401 г. х. (1010—1011 гг.)	1 »
Мухаммед б. Али, 400 г. х. (1009—1010 гг.)	1 »
Ахмед, 40 (2) г. х. (1011—1012 гг.)	1 »
Фельс ранний	1 »
Начало XI в.	3 »
Тангадяс-хакан, середина XI в., чекан Ахсыкета (?)	2 »
Чекан династии Илеков, XI в.	4 »
Медный дирхем, XII в.	1 »[2]

Следовательно, все собранные на городище материалы, в том числе и монеты, показывают, что более поздних, чем XII в., слоев на Ахсыкете нет. Верхние слои городища относятся к XII — началу XIII в., как это отмечали М. Е. Массон и А. Н. Бернштам. Никаких следов культурных слоев XIV—XV вв., а также материалов XVI—XVII вв. нами на городище не обнаружено. Можно, таким образом, сделать вывод, что Ахсыкет в XIII в. прекратил свое существование; по-видимому, это надо связать с событиями начала XIII в.

Это время характеризуется борьбой за Мавераннахр между предводителем кочевых племен Кучлуком (владел Семиречьем и восточной частью Сыр-Дарьинской области) и хорезмшахом Мохаммедом. Будучи не в состоянии противостоять Кучлуку, хорезмшах отдал приказ, по которому жители Исфиджаба, Шаша, Ферганы и Касана должны были переселиться на юго-запад, а эти области были опустошены [7]. В то же время, возможно, и были разграблены и сожжены такие города, как Ахсыкет, Пап, Кува, культурные слои которых не дают материалов позднее XIII в. [26, 11]. Но вполне допустимо, что эти города были разграблены и разрушены монголами, в 1219 г. захватившими Ходжент, хотя письменных данных о дальнейшем продвижении монголов в Фергану после захвата Ходжента не имеется [27].

Таким образом, археологически существование Ахсыкета позднее XIII в. не прослежено, хотя письменные источники упоминают о существовании города Ахсы и в более позднее время [28, 29]. Для конца XV — начала XVI вв. ценные сведения об Ахсыкете содержатся в записках султана Захир-ад-дина Бабура, основателя могущественной империи Моголов в Индии, отец которого Омар шейх-мирза был правителем Ферганы: «Один из городов на северном берегу реки Сейхун-Ахси. В книгах это название пишут Ахсикет. В Фергане после Андижана нет города более этого... Омар шейх-мирза сделал его своей столицей. Река Сейхун течет под крепостью. Крепость стоит на высоком яру. Вместо рва там служат глубокие овраги... В Фергане нет (другой) такой неприступной крепости» [28].

Учитывая эти сведения, необходимо было выяснить, где же находятся руины города Ахсы, о котором сообщают поздние письменные источники. С этой целью нами было проведено обследование правого берега Сыр-Дарьи к востоку и западу от городища Ахсыкет. В результате обследования удалось установить, что в 5—6 *км* к западу от Ахсыкета, рядом с современным селением Ахсы находятся остатки городища, частично скрытые современными постройками и кладбищем. Развалины его лежат на высоком обрывистом берегу Сыр-Дарьи и протянулись вдоль реки на расстояние около 1 *км*. В отличие от первого городища здесь нет мощных сырцовых стен и разграничения города на части. Топографию городища определяют естественные овраги, нарушившие планировку города. Первоначальную форму планировки городища невозможно восстановить также и потому, что часть его занята постройками и кладбищем. Можно лишь предполагать, что центральная часть городища, окруженная со всех сторон оврагами и рекой, могла быть крепостью.

[2] За определение монет выношу М. Е. Массону глубокую благодарность.

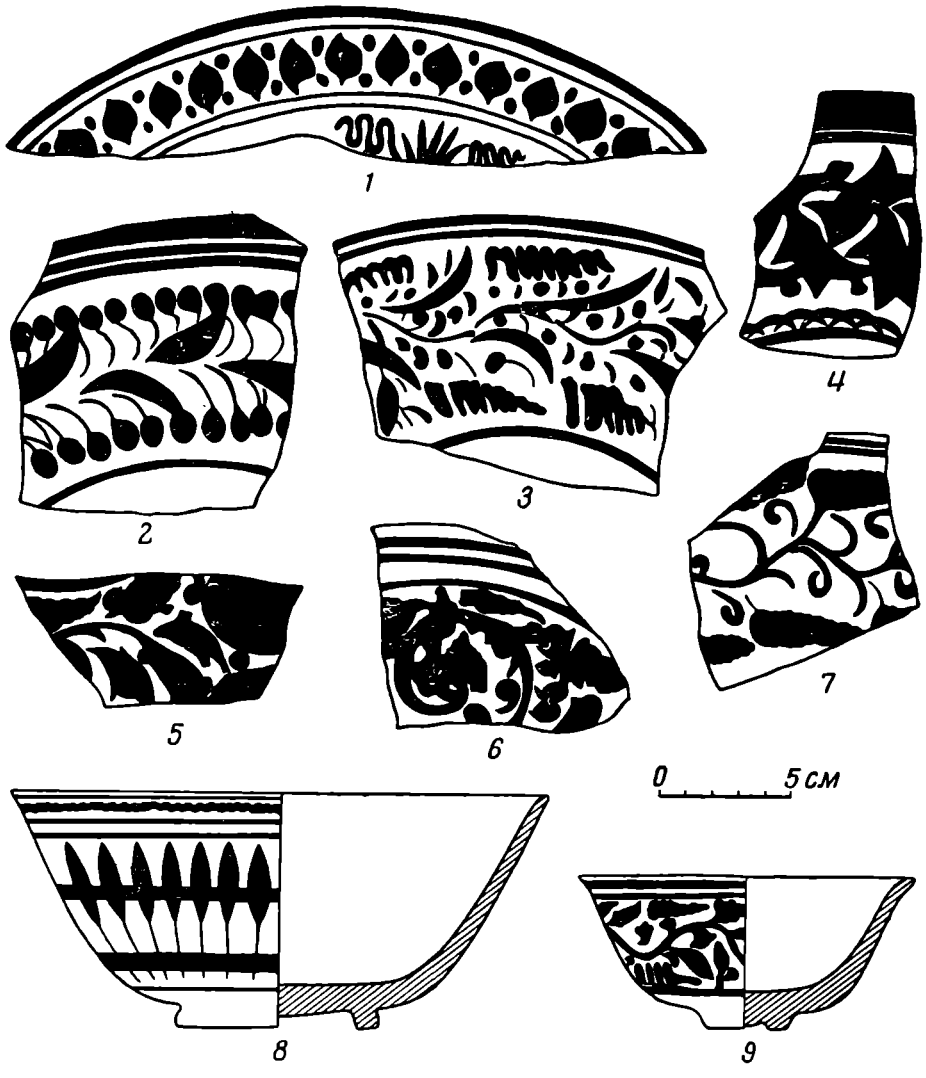


Рис. 5. Ахсыкет II. Поливная керамика XV в.

В этом месте, в срезе берега и оврагов, в культурном слое прослеживаются остатки стен из обожженного кирпича, печи для обжига керамики, хозяйственные ямы, фрагменты керамики. Керамика представлена поливной посудой с подглазурной росписью синего цвета по белому ангобу (кашинный черепок с кобальтовой росписью).

Выделяются три основные формы посуды: сосуды типа пиалы (диам. 12 *см*), каса (диам. 21—22 *см*) и блюдо (диам. 30, 34—36 *см*). Украшались они, как правило, с внутренней и внешней стороны. На внутренней поверхности блюда и чаши на дне изображена растительная розетка (переплетающиеся побеги растений), а на боковой поверхности нанесен орнамент в виде повторяющихся элементов растений — веток с листьями, цветами, ягодами и т. д. (рис. 5). Характерной особенностью этой посуды является наличие кольцевого поддона, что на посуде предшествующего времени встречается только как исключение.

Другая группа керамики несколько отличается по характеру орнаментации. В ней преобладают грубые линии рисунка, орнамент линейно-геометрический, цвет росписи от светло-фиолетового до лилово-черного по белому ангобу. Это объясняется введением в роспись марганца, который заменил дорогостоящий кобальт [30]. Характерно увеличение размеров форм посуды этой группы (глубокие чаши и миски). По аналогии с другими памятниками эту посуду можно датировать XV—XVII вв. [30, 31].

Кроме керамики, обнаружены на городище и монеты, относящиеся к концу XV в. Чеканены они в Самарканде в 898 и 900 г. х. (1492/1493 и

1494/1495 гг.) (определение М. Е. Массона). Комплекс находок и монеты позволяют датировать это городище XV—XVII вв. и поставить вопрос об отождествлении его с городом Ахсы времен Бабура.

По всей вероятности, город Ахсыкет I в XIII в. был разрушен и оставлен жителями; в XV в. недалеко от старого города возникает новый город Ахсыкет II. Новая крепость, стоящая на высоком яру, окруженная со всех сторон оврагами, была действительно одной из неприступных крепостей Ферганы. Возникновение и развитие этого города связано, очевидно, с оживлением экономики при Тимуридах. Благоприятное географическое положение Ахсы способствовало быстрому росту города. Правитель Ферганы Омар шейх-мирза, отец Бабура, в конце XV в. сделал его столицей своего удела [28].

В начале XVII в. (1621 г.) город был разрушен сильным землетрясением, о котором упоминает один из очевидцев — Мухаммед Тахир. По его словам, оно продолжалось шесть месяцев, количество разрушительных ударов доходило до 70, дома разрушались до основания и погибло много народа [3]. Несомненно, что продолжительность землетрясения преувеличена, но надо полагать, что оно было сильным и могло полностью разрушить крепость. Город мог также очень пострадать.

Тем не менее в XVII в., судя по упоминанию путешественника Бахр-аль-асрара, Ахсы был большим городом, Наманган же занимал второстепенное место [32]. Следовательно, в XVII в. город еще не утратил своей роли. Однако после землетрясения значение его падает, и постепенно ведущее положение переходит к Намангану, который в XVIII—XIX вв. превращается в крупный город. С этого времени город Ахсы окончательно перестал существовать.

Река Сыр-Дарья, когда-то протекавшая у самого города, постепенно смывала лёссовый берег и метр за метром уничтожала городище. В настоящее время река течет по новому руслу, в 500—800 *м* от прежнего обрывистого берега, где стоял город. Местные жители утверждают, что их деды были свидетелями этого быстрого смывания берега рекой. Лет 150—200 назад берег проходил значительно дальше и когда-то там стоял мазар (возможно, место погребения отца Бабура) [28]. В настоящее время на старом берегу Сыр-Дарьи лежит только небольшая часть некогда крупного города Ахсы. На его месте сохранилось лишь маленькое селение с тем же названием.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы:

1. На городище Ахсыкет I материалов позднее начала XIII в. не имеется; верхние слои городища относятся к IX—XII вв.

2. Сопоставление города Ахсы XV—XVII вв. с городищем Ахсыкет надо считать неправильным.

3. Город Ахсы (Ахсыкет II) был основан при Тимуридах в XV в. недалеко от развалин первого города и просуществовал до XVII в. включительно.

Литература

1. Ch. E. Ujfalvy de Mezö-kovesd. Expedition scientifique française en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. Le Syr-Daria, le Zerafchane, le pays Sept-rivieres et la Siberie-occidentale, II, Paris, 1879, стр. 179—180.
2. Записки Академии наук, 38, СПб., 1881, стр. 85.
3. Газ. «Туркестанские ведомости», № 12—1884; № 26—1884; № 150—152—1914; № 102—1902.
4. Н. С. Лыкошин. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. Среднеазиатский вестник, 1896, июль.
5. ОАК за 1882—1885 гг., СПб., 1891, стр. LXX—LXXII.
6. [П. С.] Уварова. Туркестанский музей в Ташкенте. Тр. VII АС, II, М., 1891, стр. 321 (рис. 1).
7. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 161, 162; стр. 395—396.

8. Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля. Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 25.
9. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 131—132.
10. И. А. Кастанье. Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд Ферганской области. ИТОРГО, X, 1, Ташкент, 1914.
11. М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала. КСИИМК, IV, 1940.
12. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 244—247; стр. 257—259.
13. А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 31—42.
14. Газета «За коммунизм» (г. Наманган) от 4 октября 1958 г.; от 3 июня 1959 г.; от 13 июня 1959 г.
15. А. Смирнов. Керамика Ахсыкета. Декоративное искусство СССР, 1, 1960.
16. А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, 14, 1950, фронтиспис.
17. З. П. Майсурадзе. Керамика Афрасиаба. Тбилиси, 1958, табл. XXII.
18. Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. Тр. КАЭЭ, IV, М., 1960, стр. 228—235; рис. 58.
19. Ю. А. Заднепровский. Раскопки на Кувинском городище. Рукопись, 1952 (Фонды ЛОИА АН СССР).
20. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1926, стр. 48; рис. 72—74.
21. Г. А. Пугаченкова. Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятон из Мерва. СА, 1958, 2.
22. О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. ЭВ, XII, 1958, стр. 27—30.
23. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, XXXV, 1955, рис. 55.
24. С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Вахша. ТИИА АН УзбССР, VIII, Ташкент, 1956, рис. 19.
25. В. А. Шишкин. К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана. Уч. зап. Ташкентск. ГПИ, 1, 1947, стр. 33—37.
26. М. Э. Воронец. Археологическая рекогносцировка 1950 г. по Наманганской области. ИАН УзбССР, 1951, 5, стр. 96—97.
27. Рашид ад-дин. Сборник летописей, I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 201—202.
28. Захираддин Бабур. Бабур-Намэ. Перевод М. Салье. Ташкент, 1958, стр. 14—15; стр. 130.
29. The Tarik-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. London, 1895, стр. 96, 130, 174.
30. Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Археология Средней Азии, XI, кн. 3, 1950.
31. Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче. Тр. ХЭ, II, М., 1958, стр. 516.
32. W. Barthold. Akhsikath. Encyclopedie de l'Islam, 4, Leide — Paris, 1909, стр. 238.

Заметки

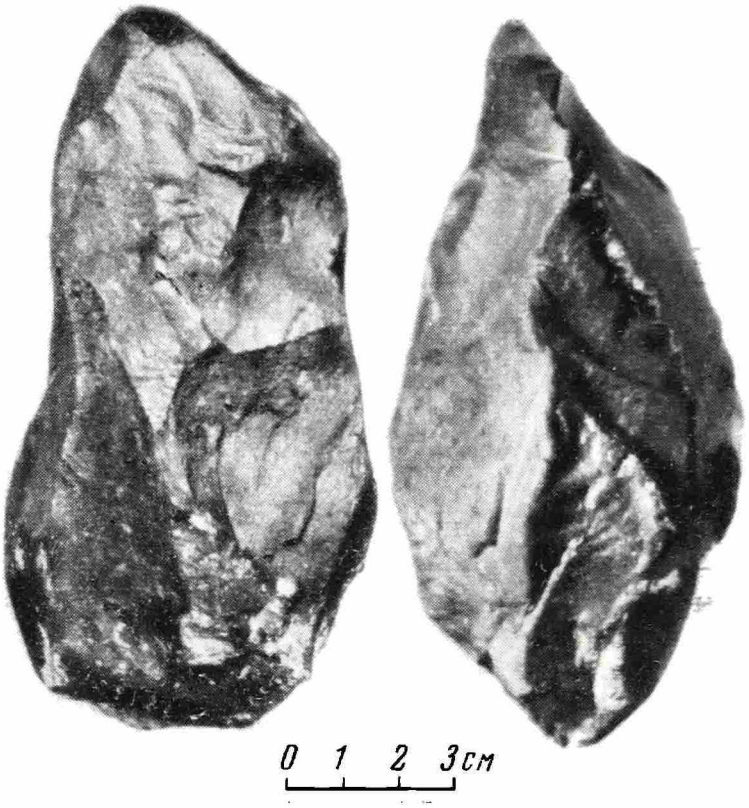
Н. Н. КАРЛОВ

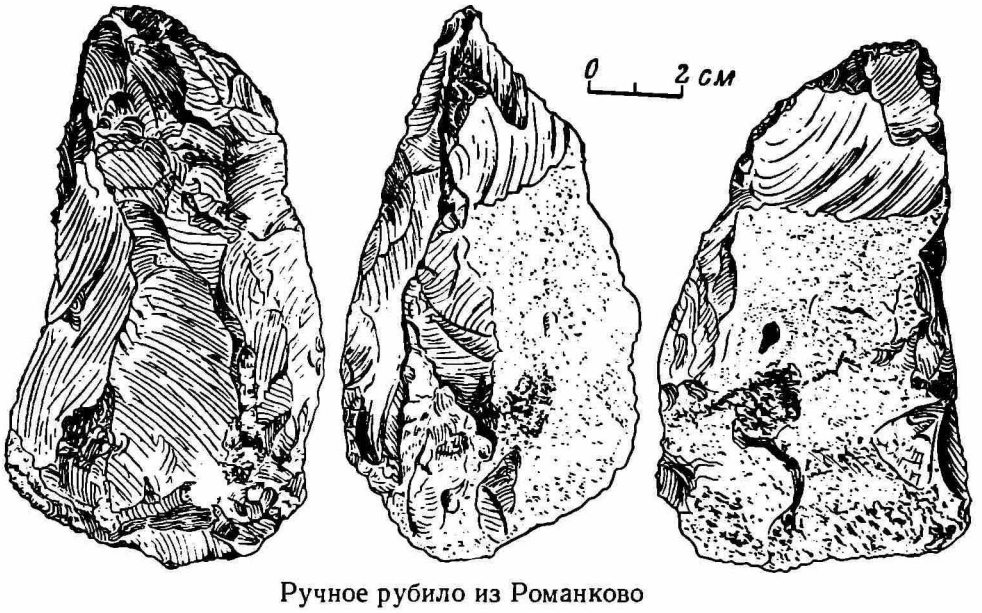
РУЧНОЕ РУБИЛО ИЗ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В. А. Мизин нашел нижнепалеолитическое орудие в Романково расположенном на левом берегу Днепра вблизи Днепродзержинской гидроэлектростанции. Здесь при работе гидромонитора сваливались голоценовые аллювиальные пески первой (пойменной) террасы Днепра и подстилающая их рисская ледниковая морена днепровского оледенения. На берег Днепра были выброшены также многочисленные массивные палеолитические кремневые отщепы и орудия, в том числе и грубое рубило шелльского типа, находившееся под мореной и частично в последней. Среди остатков плейстоценовых млекопитающих, обнаруженных в отвале морены, представленной разноразмерным щебнем и песком с эрратическими валунами разных размеров и различного петрографического состава, особенный интерес представляет коренной зуб древнего локсодонтного слона — *Palaeoloxodon meridionaloides,* который указывает на наиболее вероятный геологический возраст в пределах конца верхнего эоплейстоцена (минделя) — начала нижнего мезоплейстоцена (миндель-рисса).

Рубило (рис. 1) изготовлено из массивного клиновидного куска кремня, просвечивающего в тонких краях медово-желтым цветом и покрытого на обработанной сколами поверхности темно-бурым, местами смоляно-черным пустынным загаром с жирным, а на некоторых гладких сколах стеклянным блеском (пустынным лаком). На одной стороне сохранилась светло-коричневая шероховатая корка кремневого желвака, слабо реагирующая с соляной кислотой. С двух сторон и на заостренном конце орудия его поверхность обработана широкими и глубокими сколами. На тонком рабочем конце эти сколы заостряют лезвие, а на противоположном — притупляют пятку для более удобного захвата ее рукой. Лезвие косое и с двух сторон подправлено крупными и мелкими сколами, благодаря чему с торца оно кажется не ровным, а волнисто изогнутым. Со стороны лезвия форма орудия неправильно веретенообразная, а сверху неправильно клиновидная. Наибольшая толщина орудия приходится приблизительно на середину его длины. Угол заострения лезвия составляет около 60°, на верхнем конце оно сильно забито и на нем заметны многочисленные вмятины и щербинки, которые свидетельствуют о длительном употреблении орудия в качестве ударного. Длина орудия 126 *мм*, ширина — 70 *мм,* толщина — 65 *мм*.

Следует отметить, что часть сколов, заостряющих лезвие, по-видимому имеет более позднее происхождение, так как эти позднейшие сколы покрыты густым смоляно-черным пустынным загаром, отполированным до





Ручное рубило из Романково

блеска. Наличие упомянутых сколов заставляет предполагать, что описанное орудие было использовано дважды: первый раз во время шелльской стадии эволюции первобытной культуры, а второй раз — позднее. Таким образом морфологические особенности описанного орудия и характер его первичной обработки позволяют заключить, что оно представляет собою грубое и массивное рубило шелльского типа, по-видимому реутилизированное человеком более поздней культурной стадии. Такого же мнения придерживается и П. П. Ефименко, которому находка была послана для экспертизы.

Научное значение описанной находки заключается в том, что она доказывает огромную древность заселения Среднего Приднепровья палеан-

тропом, который по всей вероятности обитал здесь еще в эоплейстоцене (минделе) вместе с древним локсодонтным слоном из группы *Palaeoloxodon antiquus* задолго до максимального оледенения северного полушария. Если определять геологический возраст описанной находки как поздний эоплейстоцен (конец миндельской ледниковой эпохи), то она должна быть более или менее одновременна комплексу млекопитающих из так называемого тираспольского гравия, в состав которой, кроме лесного слона *Palaeoloxodon antiquus* входят: слон Вюста (*Parelephas wüsti*), широколобый лось (*Alces latifrons*), бизон Шетензака (*Bison priscus schoetensacki*), примитивный большерогий олень (*Megaceros verticornis*), этрусский носорог (*Coelodonta etlusca*) и др. Этот вывод подтверждается еще и тем, что С. К. Накельский нашел в том же месте, где и рубило, и доставил автору верхний последний коренной зуб слона Вюста (*Parelephas wüsti*) прекрасной сохранности.

С. Н. АСТАХОВ

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У ДЕР. ФЕДЯЕВО НА АНГАРЕ

Первые сведения о стоянке были получены от геолога Н. А. Логачева, работавшего в зоне затопления Братской ГЭС. Позднее стоянка и геологические шурфы, оставшиеся незасыпанными, были обследованы А. П. Окладниковым и З. А. Абрамовой, которые установили нижнюю границу залегания культурных остатков и примерное место расположения стоянки. Она находится в районе Приангарья, известном знаменитыми палеолитическими стоянками: Мальта, Буреть и Красный Яр, в 50 *км* от последнего, но на левом берегу, в 150 *км* ниже Иркутска, у южной окраины дер. Федяево, где сходятся три грунтовые дороги.

Летом 1959 г. автор произвел раскопки стоянки. Прежде всего необходимо было установить точное место центра стоянки. С этой целью был заложен ряд шурфов, два из которых позднее были расширены в раскоп. Раскоп охватил площадь в 30 $м^2$, из которых 16 $м^2$ были раскопаны до глубины 2,5—2,7 *м*, так как на этой глубине разведочным шурфом были найдены разломанные кости носорога. Это обстоятельство заставило в дальнейшем обратить особое внимание на геологические условия залегания культурного слоя. В результате произведенных работ о стоянке Федяево можно сообщить следующее.

Культурные остатки залегают в верху третьей террасы [1], имеющей здесь высоту 18—22 *м*, у края мыса, образованного р. Ангарой и ныне пересыхающей речкой Каменкой с хорошо разработанной долиной. В данном пункте третья терраса имеет обобщенное строение, показанное на рис. 1. К третьей террасе прислонена первая, имеющая здесь высоту 8—10 *м*. Она сложена из песка, что хорошо видно в обнажениях.

Культурные остатки залегают в слое лессовидной супеси, преимущественно на глубине 0,5—0,6 *м*. Интересно, что в этом слое не замечено следов погребенной почвы и нет культурного слоя в обычном понимании — камни и кости как бы взвешены во всей толще. Перемыв стоянки водами рек в данном случае исключается, потому что кости и каменный инвентарь совершенно не окатаны, а камни покрыты толстой известковой коркой чаще с нижней стороны. Кроме того, на квадратах в, г/22 на глубине 0,55 *м* прослежен окрашенный культурный слой с массой кремневых микропластин и чешуек, костей, кусочками охры, что также свидетельствует против перемыва. Следует добавить, что в южной части раскопа

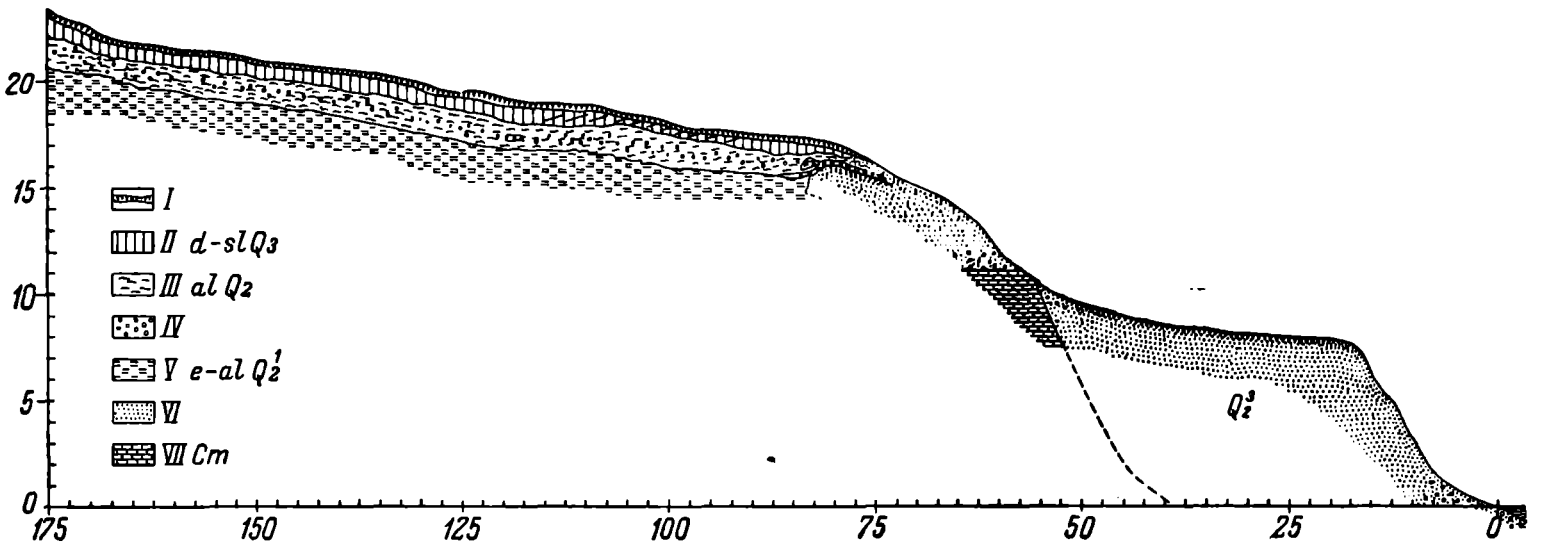


Рис. 1. Профиль и разрез в направлении запад — восток. Индексы Э. И. Равского. Вертикальный масштаб в 2,5 раза больше горизонтального

I — гумус с подпочвой; *II* — супесь лессовидная, не слоистая, пористая, палевая; *III* — суглинок полосатый, прослои красноватого цвета неравномерны по толщине, прерывисты; общая окраска неравномерная, книзу коричневее. Встречаются прослойки песка, гальки и погребенного гумуса (?); *IV* — прослойки и линзы гальки карбонатных и кристаллических пород средней окатанности размером от 5 до 30 *мм*; *V* — глина серо-зеленая; вверху часто с коричневыми линзами и мелкой галькой, пластичная; *VI* — песок речной слоистый, среднезернистый, нередко с галькой и в верхней части; *VII* — коренные известняковые кембрийские породы

(кв. в,г/22) находится единственное место, где удалось отметить глубину залегания (0,55 *м*) скопления находок и культурный слой, который выделяется красноватой окраской супеси.

Свежие разрезы позволяют говорить о солифлюкционных процессах, которые разрушили слой, сместили находки (иногда на далекое расстояние), но не окатали их. Очевидно, геологическая датировка этой солифлюкции даст нам предельную верхнюю дату стоянки, а нижнюю — время образования лессовидной супеси. А. И. Москвитин относит верхний горизонт лессовидных супесей (таких горизонтов в Приангарье три), а также перекрывающий самый верх третьей террасы слой маломощных солифлюкционных суглинков к осташковскому оледенению Западной части СССР [2]. Э. И. Равский не придерживается такой точной датировки. Он помещает верхний горизонт лессовидной супеси в конце верхнего плейстоцена [1].

Разрез по линии 18/19-в (рис. 2) дает следующую стратиграфию (глубины в метрах):

1. Почва песчанистая, черная	0—0,2
2. Супесь лессовидная темно-палевая	0,2—0,5
3. Супесь лессовидная светло-палевая, контакт с нижележащим суглинком волнистый	0,5—0,8
4. Переслаивание светлого и более темного суглинка	0,8—1,1
5. Светло-желтый суглинок	1,0—1,15
6. Прослой коричневого суглинка, распространен не всюду, часто выклинивается, с перерывами	1,15—1,25
7. Розовато-серый, светлый суглинок, в нижней части тонкий прослой гальки, иногда прерывающийся; галька мелкая, средней окатанности	1,25—1,7
8. Бурая, сравнительно грубая супесь	1,7—2,1
9. Прослой песка и гальки, чаще в виде линз, языков и волн — следы мерзлотных процессов; вторгается в вышележащий слой, смешиваясь с ним; иногда очень тонкий слой	2,1—2,35
10. Серо-зеленая пластичная глина ореховатой структуры	2,35—2,7 н. м.

В этом разрезе слои 2 и 3 отличаются только цветом, поэтому они объединены в один II слой общего профиля. Слой 4—9 соответствует III, а слой 10 — V слою общего профиля (рис. 1).

К сожалению, анализ образцов, взятых из этого разреза, не дал результатов из-за отсутствия пыльцы [1]. Мы можем использовать только данные палеозоологии. Фаунистически в данном разрезе охарактеризованы слой 2 и 3 и слой 9. Слой II дает следующий состав [2]: северный олень (много), лошадь, зубр, благородный олень, лось, заяц, птица (куропатка?). В слоях 9 и в верхней части 10 найдены отдельные кости носорога, в том числе ветвь нижней челюсти с зубами. Все кости разломаны солифлюкцией, и отдельные части их смещены относительно друг друга на 5—20 *см*, но легко складываются.

Обращают на себя внимание следы солифлюкции, отчетливо заметные во многих местах раскопа, в том числе и на приводимом профиле (низ слоя 8, слой 9 и верх слоя 10). Многие геологи относят эти следы к максимальному оледенению, в том числе и Э. И. Равский [1]. Не столь четкие, но достаточно заметные следы солифлюкционных процессов наблюдались и в слое лессовидной супеси, а также на границе ее с ниже-

[1] Анализ сделан в лаборатории ИА АН СССР (Москва).

[2] Определение Н. М. Ермоловой в Ленинградском отделении ИА АН СССР.

лежащим слоем. А так как в аллювии второй террасы Ангары прослежены очень сильные мерзлотные деформации, относящиеся, вероятно, к первому постмаксимальному зырянскому оледенению, то, возможно, не будет большой ошибкой отнести слабые следы мерзлотных процессов в лессовидной супеси, которая венчает разрез третьей террасы, к последнему (сартанскому) оледенению.

Культурный слой, разрушенный солифлюкцией этого оледенения, в таком случае можно датировать в пределах от конца зырянского и до конца сартанского оледенения. Фауна скорее указывает на последнее (нет не только мамонта и носорога, но и настоящих арктических видов). Э. И. Равский просмотрел рабочие материалы раскопок 1959 г. и датировал стоянку сартанским временем.

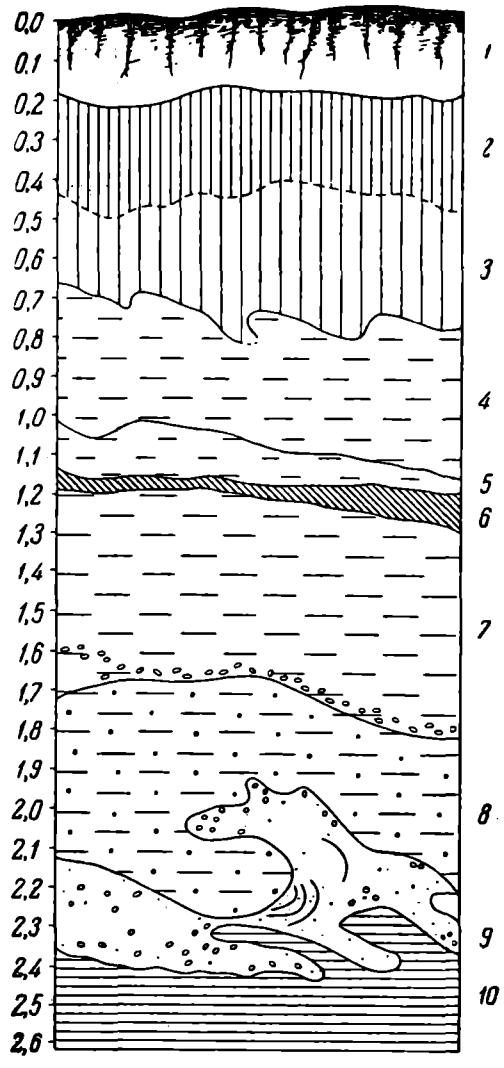


Рис. 2. Разрез части южной стенки раскопа; слева — отметки глубины, справа — нумерация слоев

Археологический материал стоянки не отличается большим разнообразием и невелик (рис. 3). В качестве исходного сырья первобытный человек брал крупные кварцитовые гальки и валунчики, известняковый полосатый кремень, плитки сланца и окремненного сланца, доломита, известняка и более плотные породы типа алеврита. Их соотношение таково: кварцит 48,2%; кремень 33,4%, остальные породы камня 18,4%. Из этого соотношения исключены 153 мельчайших отщепика и чешуйки.

Орудий найдено 23 штуки, или 6,8% всех находок. По материалу они распределяются так: из кварцита 73,5%, из остальных материалов 26,5%. Конечно, такие расчеты на небольшом материале недостаточны для статистических выводов, но они необходимы для лучшего представления об инвентаре.

Каменный инвентарь стоянки более чем на 50% состоит из отщепов. Большинство отщепов размером 3—4 *см*, чаще овальные, со следами многих предварительных ударов почти в одну точку. Удлиненные крупные отщепы весьма редки (рис. 3, *1*, *2*). В коллекции имеются крупные нуклеусы. Один из них размером 9×12 *см* представляет крупную гальку темно-серого кварцита, половина которой отбита одним ударом и образует площадку. С этой площадки сколоты два крупных и широких отщепа. Другой нуклеус, размером 11×6 *см*, сделан из удлиненной гальки черной породы типа алеврита. У гальки отколот один конец, а с полученной площадки сделан короткий толстый отщеп. Больше ее не использовали. Третий нуклеус изготовлен из обломка гальки серого кварцита. Он одноплощадочный, плоский, со следами сколов (рис. 3, *3*). Остальные девять нуклеусов относятся к обычному сибирскому типу и имеют очень маленькие размеры (от 15 до 28 *мм* высотой). Они одноплощадочные и книзу сужены. Сколы производились с узкой стороны, противоположной приостренной части нуклеуса (рис. 3,

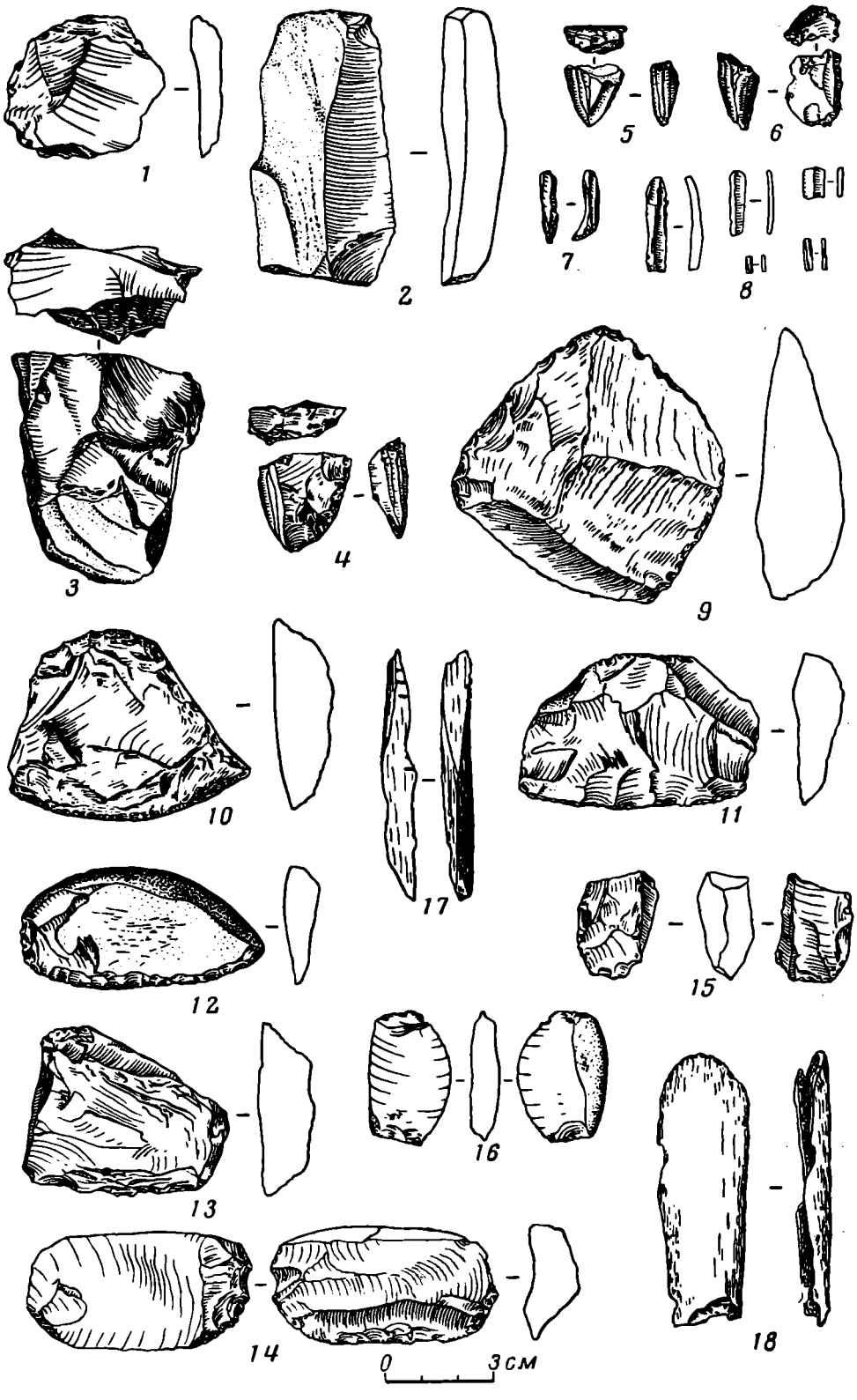


Рис. 3. Типы орудий стоянки Федяево

4—6). Наиболее типичен нуклеус, изображенный на рис. 3, *4*. Он сделан из отщепа черной мелкокристаллической породы. Скошенная площадка образована несколькими поперечными сколами с подправкой. Следов работы на нуклеусе не обнаружено.

В коллекции имеются сколы с нуклеусов «сибирского типа» (рис. 3, *7*) и 22 узкие микропластинки шириной от 1 до 7 *мм*. Самая крупная из них на одном крае имеет мелкую ретушь, но следов употребления нет. Остальные пластинки совершенно не ретушированы (рис. 3, *8*).

Следует отметить, что все микронуклеусы и микропластинки сделаны из сравнительно хорошего кремневого материала.

Наиболее характерными орудиями стоянки являются скребла и их обломки (12 экземпляров). Скребла сделаны большей частью из отщепов кварцита и ретушированы, как правило, с одной стороны. Форма лезвий различна, и это позволяет разделить все скребла по типам. Первый тип представлен одним скреблом, сделанным из крупного четырехугольного отщепа серого кварцита. Три его края подправлены ретушью и образуют лезвие (рис. 3, *9*). Под микроскопом заметно, что лезвия притуплены от скобления. Ко второму типу относятся скребла с двумя выпуклыми лезвиями. Особенно выделяется скребло, сделанное из отщепа светлого кварцита. Оно обработано заломистой ретушью с последующей тонкой подправкой по двум краям. Лезвия выпуклые, правильной формы, слегка затерты от употребления (рис. 3, *10*). Еще одно скребло того же типа менее выразительно, но тоже употреблялось для скобления. Скребла с одним почти прямым острым лезвием составляют третий тип (3 шт.). Одно из них (рис. 3, *11*) сделано из кварцита. Следы употребления столь незначительны, что не позволяют с уверенностью говорить о его функциях.

Интересны два скребла со слегка выпуклым лезвием. Одно из них имеет крупную тщательную ретушь и сделано из плитки окремненного сланца. Другое скребло сделано из отщепа кремнистого сланца и имеет аккуратную, сравнительно пологую ретушь. На спинке видны какие-то царапины (рис. 3, *12*). В одном экземпляре найдено скребло с двумя почти перпендикулярными лезвиями (рис. 3, *13*) и скребло на овальном обломке гальки светлого кварцита. Брюшко последнего образовано естественной выпуклой поверхностью гальки. Все края его слегка подправлены ретушью со стороны спинки, что создало удобное орудие с тонкими ровными лезвиями (размер 94×59×46 *мм*). Наконец, любопытно скребло с прямым лезвием, сделанное из отщепа черного алевролита. Ретушь на этом скребле нанесена в средней части со спинки, а на одном конце — с брюшка. Это — единственный случай двусторонней ретуши (рис. 3, *14*). На этом экземпляре хорошо заметны следы работы как лезвием, образованным ретушью острого края, так и обушковой частью, т. е. острой гранью. Вероятно к скреблам можно отнести сравнительно грубое овальное орудие, сделанное сильными сколами без вторичной подправки. Поэтому лезвие его неровное и слегка извилистое.

Из прочих орудий можно отметить только долотовидные. Одно из них сделано из светлого кварцита. Его обушок не забит, а лезвие слегка желобчатое. Следов употребления не обнаружено (рис. 3, *15*). Другое орудие из твердой сланцевой породы обработано с двух концов ударами. Выпуклый боковой край его употреблялся как скребок (рис. 3, *16*).

В коллекции нет ни скребков, ни резцов, ни проколок, ни изделий из кости. Исключение составляют обломок кости со следами обработки (рис. 3, *17*) и обломок ребра, вероятно, употреблявшегося как лощило (рис. 3, *18*). Остальные находки являются простыми обломками костей.

Малочисленность инвентаря затрудняет датировку и сравнение с другими памятниками. Стоянка Федяево как по инвентарю, так и по фауне, несомненно, моложе стоянок типа Мальты или Бурети. На Ангаре известна стоянка Красный Яр, которая относится к эпохе, следующей за временем существования поселений на Мальте и Бурети [3]. Федяевская стоянка имеет слабые черты сходства со стоянкой Красный Яр, но по времени она позже. Наконец, по геологическим условиям стоянка Федяево близка к небольшому комплексу верхнего слоя Мальты, но вероятно, немного древнее его. В инвентаре полного сходства нет, ибо в Федяеве отсутствуют скребки [4].

Таким образом, если собрать все эти данные, то стоянку Федяево можно датировать концом последней ступени позднего палеолита.

Литература

1. Э. И. Равский. К вопросу о стратиграфии четвертичных (антропогеновых) отложений юга и востока Сибирской платформы. Тр. ГИ АН СССР, 26, 1960.
2. А. И. Москвитин. Стратиграфическая схема четвертичного периода в СССР. ИАН СССР, сер. геол., 3, 1954.
3. З. А. Абрамова. Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. СА, 1962, 3.
4. М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. ИГАИМК, 118, 1935.

Н. Ф. ПЕТРИЧЕНКО

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БИЛА НА ПРУТЕ

Палеолитические стоянки верхнего течения р. Прут изучены еще недостаточно, хотя они имеют весьма важное значение как промежуточное звено между большими группами палеолитических памятников Восточной Европы, с одной стороны, и Центральной Европы — с другой. Поэтому каждая новая палеолитическая стоянка в бассейне Прута представляет немалый научный интерес. Важен в этом отношении и публикуемый здесь материал, собранный автором на стоянке Била.

Палеолитическая стоянка Била расположена на мысу правого берега р. Прут, на юго-западной окраине села Била и в трех километрах северо-западнее г. Черновцы. Восточная и северная стороны мыса, на котором находится стоянка, ограничены глубокими оврагами. На дне восточного оврага протекает ручей, а в северном овраге небольшая река Била; к западу тянется постепенный подъем на гору Цецино.

Стоянка была открыта еще в начале XX в. В 1903 г. Р. Ф. Кайндль писал, что местный учитель Иван Данилевич собрал за селом над рекою Била — притоке Прута — 51 экземпляр расщепленных палеолитических кремней [1]. Эти материалы хранились в Черновицком музее, но в 1943 г. были вывезены вместе с другими археологическим коллекциями музея немецко-румынскими оккупантами.

В 1946—1950 гг. палеолитическую стоянку Била исследовал автор настоящей статьи. Расщепленные палеолитические кремни встречались главным образом на поверхности восточного склона мыса, недалеко от ручья, притока Билы. В течение пяти лет работа производилась лишь на восточном склоне мыса. Было заложено несколько шурфов 3×3 и 2×1 *м* общей площадью 60 *м*. Тут же на глубине 80—120 *см* от поверхности в серых и серовато-желтых глинах обнаружены палеолитические остатки. В культурном слое найдено много позднепалеолитических кремневых орудий, пластин, отщепов, пережженных костей, остатков древесного угля, красной охры раздробленных костей мамонта (*Elephas primigenius*), северного оленя (*Rangifer tarendus*) и лошади (*Equus equus*) [1].

Геоморфологическими и геологическими исследованиями в районе стоянки Била [2] установлено, что участок с палеолитическими остатками находится на склоне третьей надпойменной террасы р. Прут. Место, где залегали остатки стоянки, имеет следующее геологическое строение (по определению М. С. Кожуреной):

Стратиграфия	Толщина слоев, *м*
1. Современная серая почва	0,40
2. Уплотненная серая глина с большим количеством пятен окиси железа и выцветами кальция карбоната	1,00
3. Серовато-желтая глина (сильно опесчанена)	1,20

[1] По определению доктора биологических наук И. Г. Пидопличко.

[2] Производились доцентом Черновицкого университета К. И. Геренчуком и М. С. Кожуреной.

Археологический материал о котором пойдет речь, добыт при шурфовке палеолитического местонахождения. Собрано 15 экземпляров нуклеусов длиной в среднем 7—8 *см*. По форме они относятся к призматическим и неправильно-призматическим. На большинстве из них ударные площадки выражены слабо. У отдельных экземпляров пластины скалывались с обоих концов (рис. 1, *1*). Ножевидные пластины встречались особенно часто. Обычно они имеют длину 7—8 *см*. Вместе с тем

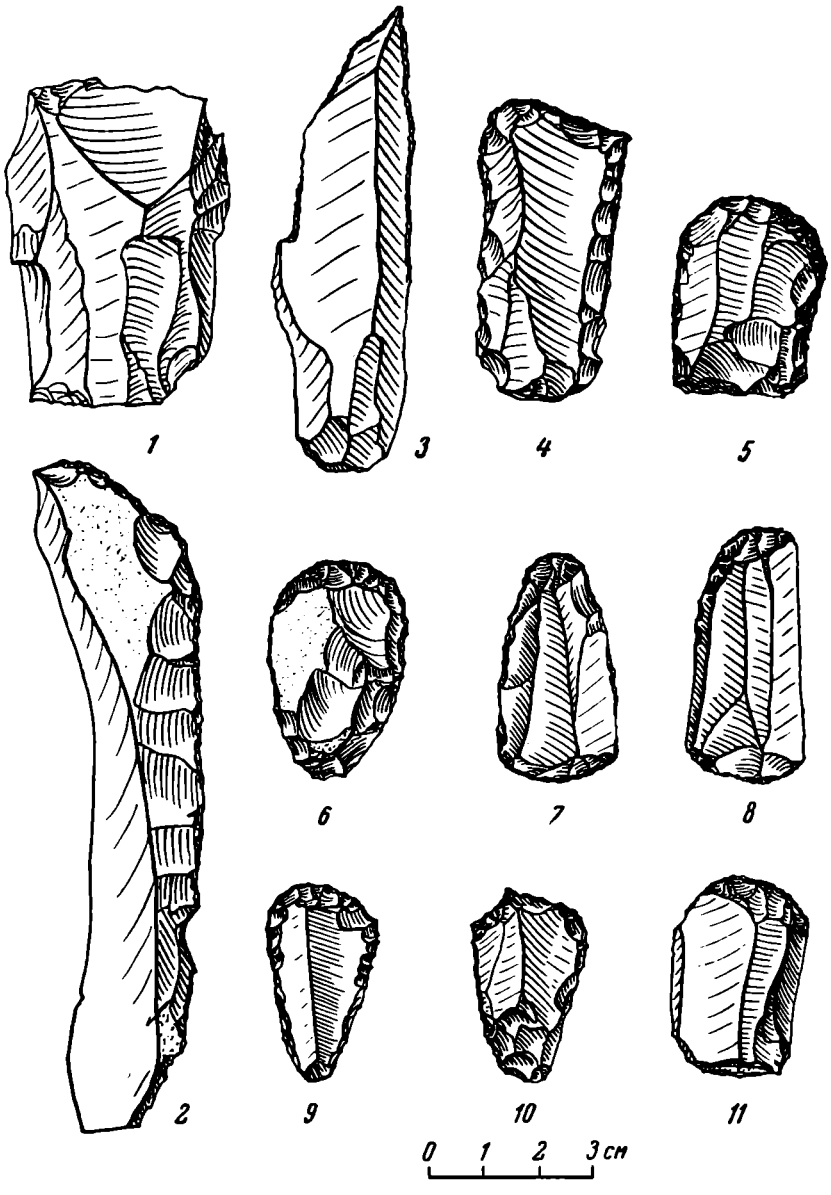


Рис. 1. Кремневый инвентарь палеолитической стоянки Била

17, 18 — из кости, остальные из камня

имеются пластины, сколотые с более крупных нуклеусов, длиной 12—13 *см*. Всех пластин собрано свыше 600 экземпляров, но большая часть их сохранилась в виде обломков различных размеров. Целых пластин найдено несколько десятков. Все целые пластины и значительная часть обломанных имеют на своих краях следы использования в работе в виде маленьких выщербин по режущим краям. Отдельные пластины имеют по краям довольно выразительную крутую ретушь (рис. 1, *2*). Несколько ножевидных пластин заострены на концах и безусловно использовались как орудия труда (рис. 1, *3*).

Среди законченных кремневых орудий больше всего скребков (около 70 экземпляров). Они изготовлены преимущественно на концах удлиненных пластин с различно оформленными рабочими краями. На неко-

торых скребках из пластин ретушь сделана на одном или даже на обоих продольных краях, нередко на значительном расстоянии (рис. 1, *4*, *5*). У восьми скребков рабочее лезвие сужается (en museau). У четырех скребков рабочие края расположены на обоих концах пластин. Два таких скребка изготовлены на коротких пластинах. Один из них имеет почти круговую ретушь (рис. 1, *6*), а другой ретуширован по продольным краям лишь на половину (рис. 1, *7*). Имеются скребки с скошенным

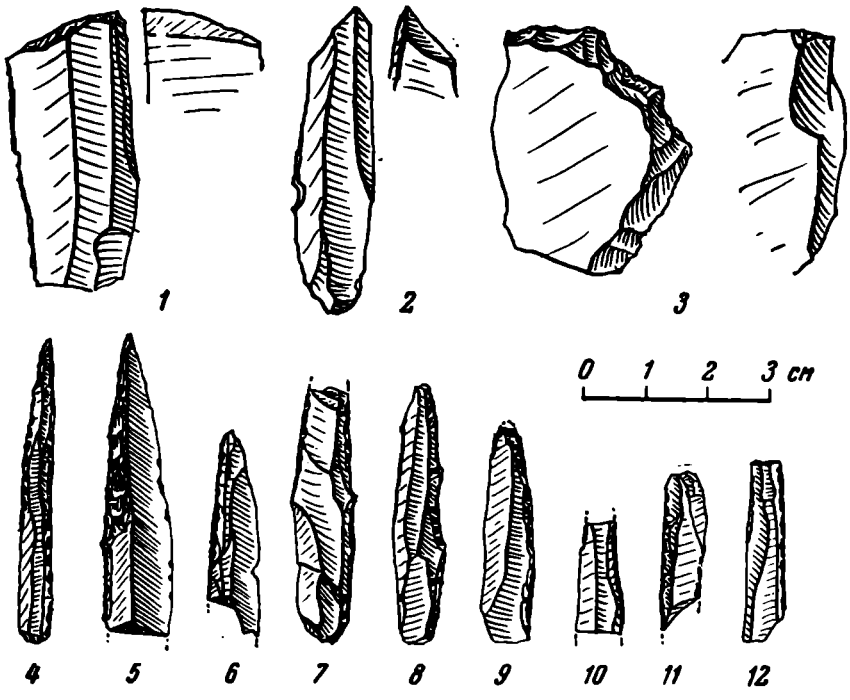


Рис. 2. Кремневый инвентарь палеолитической стоянки Била

рабочим краем в правую или левую стороны, один из них двойной (рис. 1, *8*).

Интересна группа скребков, изготовленных на коротких и толстых пластинах с заострением к основанию, часто с помощью ретуши (рис. 1, *9, 10*). Аналогичные скребки встречались в ориньякских слоях грота Стынка Рипичень, расположенного ниже по течению реки Прут [2]. Остальные скребки нашей стоянки изготовлены из длинных или коротких пластин. Рабочие края их имеют дугообразные, тупые или острые лезвия (рис. 1, *11*). Различные формы рабочего края скребков, вероятно, указывают на различия в применении их в работе.

Резцов на стоянке найдено мало. Их нашли всего шесть экземпляров. Все они изготовлены из целых или сломанных пластин. По форме рабочего края один резец можно назвать скошенным, два резца средних и три угловых (рис. 2, *1—3*). Вероятно, немалую роль на стоянке играли орудия, называемые остриями типа граветт. Форма этих орудий свойственна инвентарю позднеориньякских стоянок Западной Европы. В нашей коллекции они составляют серию из 16 штук, включая обломки; целых экземпляров очень мало. Все острия типа граветт более или менее одинаковы, но их размеры весьма варьируют (они имеют длину от 3 до 7 *см*) (рис. 2, *4—9*). Один экземпляр изготовлен из узкой и длинной пластинки. Он отретуширован во всю длину одного края и до половины другого (рис. 2, *4*). Два орудия, обломанных при основании, изготовлены из трехгранных пластин. Они обработаны ретушью лишь по левым краям (рис. 2, *5*, *6*). Все остальные (целые и сломанные острия) ретушированы притупляющей ретушью только по правым краям (рис. 2, *7—9*). Наряду с остриями типа граветт на стоянке найдены маленькие сло-

манные пластиночки с притупленной спинкой. В коллекции их 10 экземпляров (рис. 2, *10—12*).

Орудия труда, найденные на стоянке Била и рассмотренные в настоящей заметке, позволяют сравнить ее кремневый инвентарь с инвентарем упоминавшейся выше стоянки Стынка Рипичень (верхний ориньякский слой) [2], а также со стоянками Бабин I (слой I) и Молодова V (горизонт 10[а]) на Днестре [3], с Тельманской стоянкой (нижний культурный слой) на Дону [4], Лябри Каминаде во Франции [5] и другими ориньякскими стоянками Западной Европы. Сравнение это позволяет отнести комплекс кремневых материалов стоянки Била к позднеориньякскому времени.

Литература

1. Jahrbuch des Bukowiner Landesmuseums. Czernowitz, 1903.
2. N. Morosan. Le pléistocene et la paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Anuarul Institului Geologic al Romaniei, XIX, Bucureşti, 1938, стр. 8—32.
3. А. П. Черныш, Поздний палеолит Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV, 1959, стр. 14—26, 63—68.
4. А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957, стр. 58—61.
5. D. Sonneville- Bordes et B. Mortureux. L'abri Caminade, commune de La Canéda (Dordogne). BSPF, 52, 1955, стр. 609—616.

Н. Д. ПРАСЛОВ

ЮГИНСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ПРИАЗОВЬЕ

Естественное разнообразие видов поселений человека в эпоху палеолита, а следовательно, и видов памятников до сих пор сводится лишь к характеристике их как долговременных или кратковременных стоянок и местонахождений. Эти термины и вкладываемое в них содержание не могут все же дать исчерпывающей характеристики некоторых памятников. В этой связи представляет интерес палеолитическая стоянка Югино II, открытая и раскапывавшаяся археологической экспедицией Таганрогского краеведческого музея под руководством автора этой заметки в 1960 г.

Стоянка расположена в полукилометре севернее х. Югино Неклиновского района Ростовской области на правом берегу р. Самбек, на мысу, образованном с северной стороны небольшим, но глубоким оврагом, а с южной — изгибом реки, которая здесь делает крутой поворот на юго-восток. Долина р. Самбек имеет здесь асимметрическое строение. Правый берег более крутой и возвышенный. Сложен он из плотных сарматских и понтических известняков, к которым кое-где примыкают сохранившиеся участки плейстоценовых аккумулятивных террас.

Культурный слой Югинской стоянки, характер которого весьма своеобразен, залегает в желто-буром лессовидном суглинке на глубине 1,5—1,65 *м* от поверхности непосредственно под искусственным углублением жилого комплекса позднесрубной культуры. Залегает он, безусловно, in situ. Это подтверждается тем, что наряду со сравнительно крупными каменными изделиями здесь же встречаются и мельчайшие чешуйки, которые отщеплены при вторичной обработке этих же изделий. Никакой сортировки материала, обычной для переотложенных слоев, здесь нет. Нет никаких признаков переотложения или признаков деформации древней поверхности, на которой останавливался позднепалеолитический охотник.

Расщепленные и обработанные кремни на площади раскопа залегают неравномерно (рис. 1). Наибольшее их количество сосредоточено на кв. А-Б-1, соседние же квадраты с северо-западной стороны, т. е. кв. А-101, α-I, дают по семь-восемь кремней, а квадраты А-α-102 уже всего по одному-два кремня. Такое резкое падение количества кремней на квадрат наблюдается и в юго-восточной части раскопа. Таким образом, на территории раскопа выделяется пятно скопления, имеющее четкие границы. В центре этого скопления найдено несколько нуклеусов, вокруг которых сосредоточены все остальные находки, включающие в себя орудия со вторичной обработкой, пластины, отщепы и мельчайшие чешуйки, т. е. все отходы производства каменных изделий.

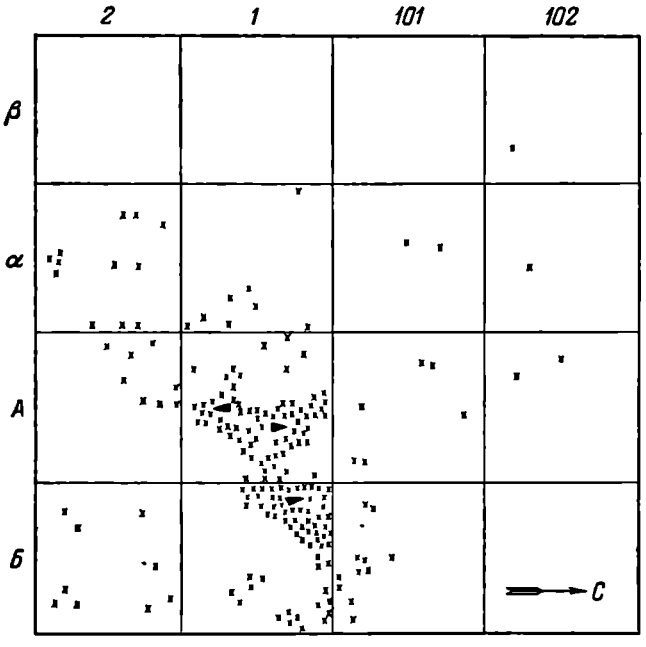


Рис. 1. Югино II. План культурного слоя

Все орудия со вторичной обработкой имеют охотничий облик (рис. 2) и только скребок-резец по степени патинизации несколько отличается от всех остальных изделий. Он, по-видимому, утерян здесь случайно. С подобным набором каменных изделий хорошо согласуются полевые наблюдения над культурным слоем, включающим лишь расщепленный и обработанный кремень. Фаунистические остатки в Югино II отсутствуют, нет также кострищ и охры, т. е. тех элементов палеолитического культурного слоя, без которых не обходится ни одна стоянка. Все это указывает на то, что здесь мы имеем дело не с остатками стоянки в обычном смысле этого термина, а с какой-то временной остановкой позднепалеолитических охотников для пополнения запасов каменных орудий.

Уже давно установлено, что в позднепалеолитическое время была широко освоена техника изготовления сложного метательного оружия с применением кости и мелких кремневых вкладышей [1]. В Югино II кремневые вкладыши представлены двумя пластинками с притупленным краем, причем на одной из них (рис. 2, 7) край срезан не полностью; она оставлена не обработанной до конца. К вкладышам нужно, очевидно, отнести и острия со скошенным концом. Они являются прототипами будущих орудий геометрических форм в мезолите и неолите. Эти орудия составляют типичнейший охотничий инвентарь, но не могут характеризовать более или менее полно жизнь своих владельцев. Они указывают лишь на то, что здесь на берегу небольшой степной речушки охотники, у которых иссякли запасы каменных орудий, сделали небольшую остановку, чтобы быстро пополнить запас своих орудий. Для этого они обработали кремневые желваки, прихваченные с собой на охоту. В процессе охоты кремневые вкладыши часто могли утрачиваться или использоваться, и, следовательно, иногда возникала необходимость пополнения запасов орудий охоты, не возвращаясь к месту основной стоянки. Так делали обычно и бушменские охотники, которые, уходя на охоту, брали с собой нуклеусы и обрабатывали их по мере надобности. Примечательно, что в Югино II на восемь каменных изделий приходится около десятка сработанных нуклеусов, причем, обнажений мелового кремня ближе 15—20 *км* от нашего пункта нет.

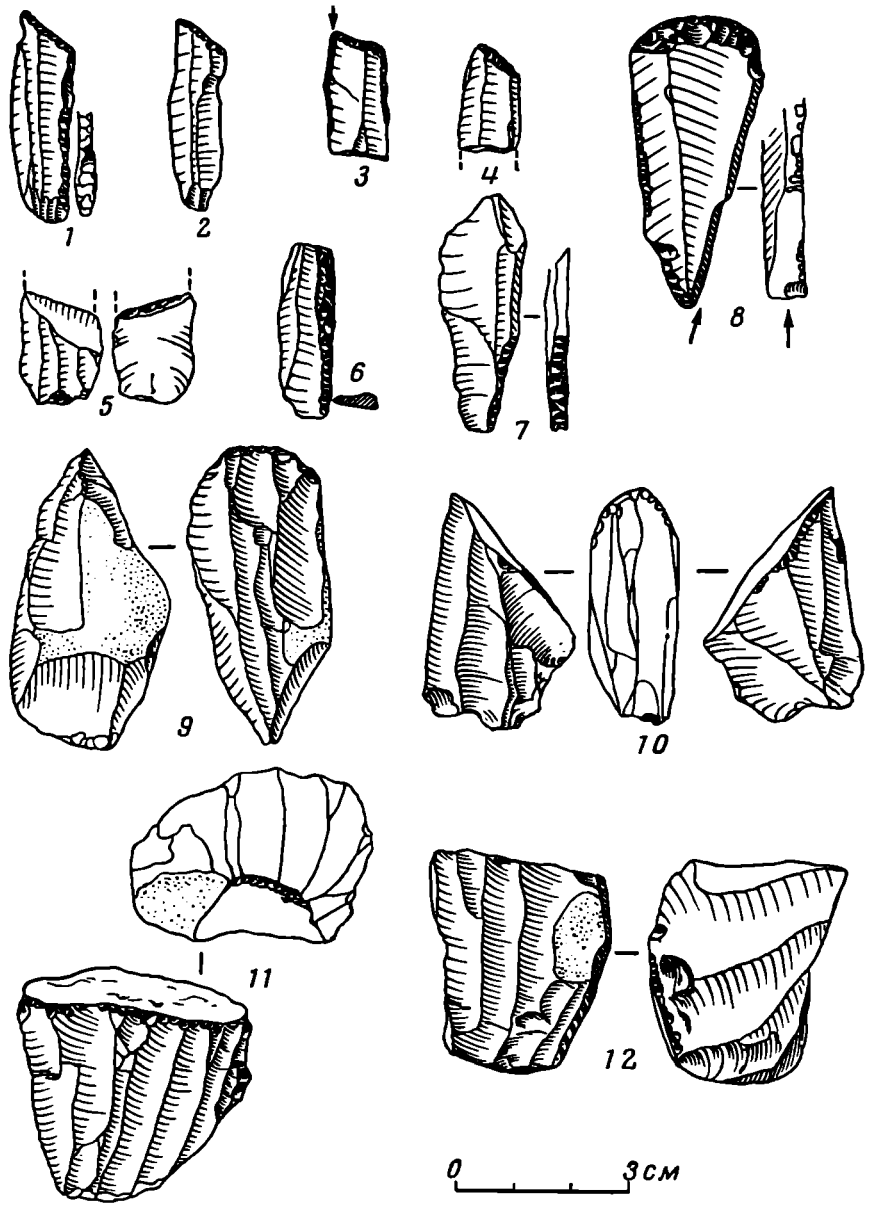


Рис. 2. Югино II. Каменный инвентарь

1—4 — острия со скошенным концом; *5* — обломок пластины с ретушью; *6—7* — пластинки с притупленным краем; *8* — скребок-резец; *9—12* — нуклеусы

В заключение следует сказать, что временная палеолитическая стоянка близ х. Югино существовала очень непродолжительное время. На Югино II лагеря не было, здесь палеолитические охотники не жили, а сделали весьма короткую остановку. Этим она отличается от таких временных стоянок, как стоянка близ г. Рыльска [2], Фастовской стоянки [3] и мн. др., на которых найдены остатки фауны и настоящие охотничьи лагеря, хотя и кратковременные.

Литература

1. М. Д. Гвоздовер. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого. Уч. зап. МГУ, 158, 1952.
2. С. Н. Замятнин. Первая находка палеолита в долине Сейма. КСИИМК, VIII, 1940.
3. И. Г. Шовкопляс. Фастовская позднепалеолитическая стоянка. КСИИМК, 65, 1956.

И. П. ПРИХОДЬКО

ПЛИТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГРИФОНА ИЗ ФАНАГОРИИ

В Феодосийском краеведческом музее хранится плита из плотного серого известняка с рельефным изображением грифона (инв. № 101). Поступила она в музей, видимо, после его основания, т. е. в первой четверти XIX в. Судя по сохранившимся записям музея, рельеф был найден в Фанагории [1].

Рис . 1. Изображение грифона из Феодосийского музея

Плита представляет собой прямоугольник длиной в 1,75 *м* при высоте 0,95 *м* и толщине 0,26 *м*. На задней стороне хорошо сохранились отверстия от шипов, прикреплявших ее к чему-то. Едва ли, однако, она составляла часть стены: все грани ее тщательно обработаны, верхние прямые углы скошены.

На плите изображен орлиноголовый грифон (рис. 1) с длинным тонким туловищем льва, львиными лапами, извивающимся хвостом и откинутыми на спину крыльями с хорошо проработанным оперением. На гибкой шее отчетливо виден характерный перепончатый зубчатый гребень. Уши, глаз, конец сомкнутого клюва не сохранились, так как эта часть плиты отбита. Под нижней челюстью хорошо видна бородка. Изображение испорчено в нескольких местах круглыми неглубокими ямками, часть туловища сколота. Высота рельефа от 0,3 до 2,5 *см*. Плита не опубликована, ее описание имеется в диссертации Н. Н. Погребовой [1]. Поза грифона спокойна, величава, но не статична — он идет вправо. Во всей фигуре хищного животного чувствуется сдержанная сила, готовность к мгновенному прыжку. Грифон изображен изолированно.

В искусстве Северного Причерноморья изображение грифонов распространенный мотив. Аналогичные феодосийскому рельефу изображения грифонов находим на оружии, металлической и керамической посуде, украшениях, монетах, относящихся к IV — началу III вв. до н. э. Изображался грифон обычно в состоянии активного действия: в сценах

[1] Инвентарная книга Феодосийского музея за 1925 г., № 116.

борьбы с амазонками, аримаспами, животными. Таковы грифоны на серебряной вазе и золотой обкладке ножен Чертомлыцкого кургана, на многих боспорских пеликах IV в. до н. э. [2] на золотом браслете из Куль-Обской могилы [3], на боспорских и херсонесских монетах [4] на аттической вазе IV в. до н. э. [1] и т. д.

Грифон феодосийского рельефа отличается большей декоративностью и мягкостью контуров. Н. Н. Погребова датирует этот рельеф концом IV началом III вв. до н. э. Очень близкой аналогией ему является изображение грифона на обломке плиты, найденной В. В. Веселовым в Керчи: такой же серый плотный известняк, так же обработаны грани и отверстия по верхнему краю. Грифон керченской плиты повернут в противоположную сторону — он идет влево. Размеры его совпадают с размерами феодосийского изображения. Заманчиво предположить, что обе плиты были связаны друг с другом. Создается впечатление, что оба изображения принадлежат одному мастеру и одному архитектурному памятнику.

Литература

1. Н. Н. Погребова. Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья. Архив ИА АН СССР, р. 2, д. 364.
2. М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, 19, 1951, стр. 136—170.
3. Древности Боспора Киммерийского. Атлас, табл. XIII, 2, СПб., 1854.
4. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XXXV, 16, 18; XL, 18; XL I, 18.

Г. И. СОКОЛОВ

ГИПСОВЫЙ ПОРТРЕТ ИЗ КЕРЧИ

Портретная скульптура Боспорского царства — один из наименее изученных разделов искусства Северного Причерноморья в античную эпоху. В музеях СССР она представлена немногими портретами различных периодов. Большинство сохранившихся до наших дней портретов, найденных на Северном Причерноморье, сделаны из известняка или мрамора; некоторые отлиты из бронзы (портрет царицы Динамии из Государственного Эрмитажа) и лишь очень немногие портреты — гипсовые. Однако гипсовая портретная скульптура античного мира до сих пор не получила детального освещения в литературе. Малое число гипсовых скульптур объясняется непрочностью гипса, легко подвергающегося разрушению от сырости и долгого пребывания в земле. Тем больший интерес представляют немногие, сохранившиеся гипсовые скульптуры, особенно портреты. На территории теперешнего Краснодарского края имеются богатые месторождения гипса, известные, очевидно, и в древности. К этому материалу часто обращались скульпторы Боспорского царства в первые века нашей эры.

Редким памятником гипсовой портретной скульптуры Боспора является мужской портрет из Керчи (рис. 1). История его находки обычна для современной Керчи, где широко развернуто строительство и связанные с ним земляные работы. В 1957 г. рабочие-строители нашли в земле гипсовую голову и передали ее в Керченский историко-археологический музей (инв. № К-9504/182). Глубина, на которой была обнаружена голова, к сожалению, не установлена с необходимой точностью. Известно лишь, что археологический материал траншеи относился к римскому времени I—III вв. н. э. Высота головы — 0,17 *м*. Сохранность ее плохая. Гипс мелкозернистый, чистый и хорошо размешанный, но с большими порами, достигающими иногда 2 *мм*. На поверхности много сбоев. Особенно сильно пострадали подбородок, виски, нос и губы. Однако некоторые участки поверхности лица остались нетронутыми: лоб над переносицей и вся верхняя его часть, боковые части носа и переносица, глаза, щеки, ниже подбородка небольшая часть шеи.

Гипсовая голова изображает пожилого мужчину с волевым лицом, высоким лбом, плотно сжатыми губами и несколько настороженным взглядом глаз. Скульптура сохранилась плохо, поэтому трудно говорить о первоначальном виде бороды. Незначительные выступы под короткой и толстой нижней губой и сбои на подбородке позволяют предполагать, что борода была небольшой. Выразительное лицо отличается асимметрией, линия рта несколько понижается в левой части. Расположение глаз также асимметричное. Левый глаз дальше отстоит от переносицы, чем правый. Под глазами явственно обозначены большие припухлости. Зрачки изображены рельефно с выступом в центре. Между зрачками и внутренними углами глаз обозначены слезницы. Сочно и рельефно трактованы веки. Частично сохранившиеся на затылке волосы обозначены широкими прядями. Неглубокая узкая полоса на поверхности головы справа и слева должна была, очевидно, передавать повязку, охватывавшую, согласно боспорской традиции, волосы на затылке. Трактовка волос, перехваченных лентой и закрывающих уши, в гипсовом портрете из Керчи близка к изображениям причесок боспорских правителей на монетах [1]. Ярко выраженные и подчеркнутые скульптором индивидуальные черты лица в этом памятнике свидетельствуют о том, что он является портретом, исполненным без каких-либо попыток идеализации.

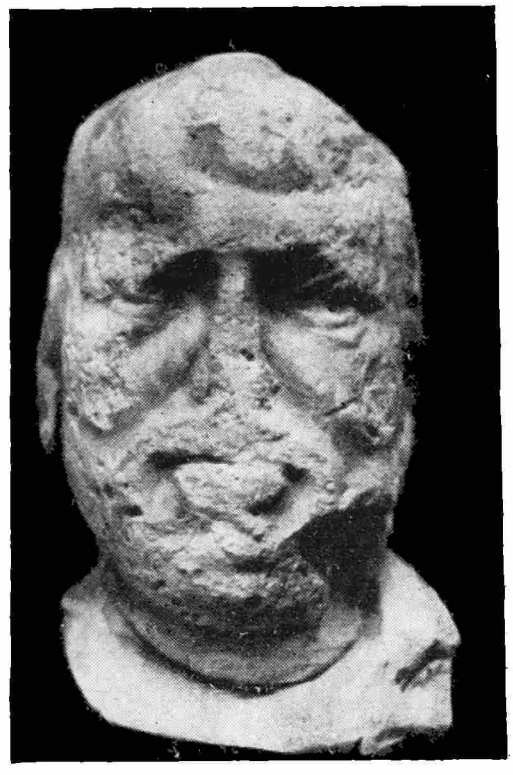


Рис. 1. Гипсовый портрет из Керчи

Характер поверхности гипса в разных местах портрета различен, волосы сзади обозначены грубее, нежели щеки и лоб, поверхность которых более гладкая, детали лица, очевидно, дополнительно обрабатывались стекой. Обращает на себя внимание серовато-темный цвет гипса на сохранившейся поверхности лица. Он вызван не влиянием влажной земли, в которой находился около двух тысячелетий этот портрет, так как на старых сколах цвет гипса светлый, а другими причинами. Возможно, что темный цвет гипса связан с первоначальным тонированием поверхности портрета. Не случайны поэтому незначительные следы красной краски, сохранившейся в некоторых порах гипса. Многочисленные рельефные гипсовые украшения боспорских саркофагов сохранили раскраску и до нашего времени [2]. Гипсовая статуэтка Эрота, датируемая второй половиной I в. и найденная в Керчи в 1936 г., также носила следы красной краски [3]. Пятна темно-серого оттенка на поверхности гипса в этой статуэтке Эрота являются остатками покраски.

Интерес представляет вопрос о назначении этого скульптурного портрета. Не лишено вероятности предположение, что он является слепком с мраморного или бронзового портрета небольших размеров, какие были распространены на Боспоре. Напомним, что известный бронзовый портрет царицы Динамии также значительно меньше натуральной величины.

Моделировка поверхности щек, мягкая трактовка припухлостей под глазами, а также отпечатавшиеся в некоторых местах на поверхности гипсового слепка следы троянки, которой скульпторы обычно обрабаты-

вали мрамор, заставляют думать, что керченский гипсовый портрет является слепком с мраморного оригинала. Портреты древнегреческих мудрецов, гипсовые слепки с которых, по свидетельству Ювенала, украшали дома и частные библиотеки городов во II в. [4], обычно идеализировались даже в римскую эпоху. Черты лица в этом портрете слишком индивидуальны и конкретны. Это заставляет усомниться, что в гипсовом портрете изображен какой-либо древнегреческий философ. Выразительно подчеркнутые мастером индивидуальные особенности склоняют нас к мысли, что портрет изображает популярного в Пантикапее человека, с портретов которого изготовлялись слепки для украшения частных или общественных зданий столицы. Не представляется, однако, возможным отождествить это лицо с каким-либо известным историческим деятелем, так как иконографических аналогий для этого уникального памятника гипсовой портретной скульптуры пока найти не удалось.

Время создания этого портрета можно установить довольно точно. Моделировка черт лица сближает этот портрет с психологически выразительными мраморными римскими портретами второй половины II в., исполнявшимися обычно в подобной же объемной и светотеневой манере. Скульптурно обозначенные зрачки, сходство трактовки волос с прической на монетах Савромата II, правившего в последней четверти II в. и начале III в., а также возможная раскраска поверхности не противоречат этому предположению.

Художники не отказывались от раскраски рельефных зрачков даже на мраморной портретной скульптуре, где тонирование зрачков, а также губ и волос не было редкостью [5]. Нужно думать, что так поступали и с гипсовыми портретами. Эти особенности гипсового мужского портрета из Керчи позволяют относить его ко второй половине или концу II в.

Изучение гипсовой портретной скульптуры, одного из интереснейших разделов художественной культуры античного мира, в настоящее время крайне затруднено из-за недостатка материалов. В связи с этим трудно переоценить значение гипсового портрета Керченского музея как памятника, проливающего свет на эту еще ожидающую своего исследования область античного искусства.

Литература

1. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 204, табл. XLVIII, *10*, *12*.
2. А. П. Иванова. О гипсовых украшениях саркофагов. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.— Л., 1955, стр. 423.
3. Н. П. Кивокурцев. Боспорская гипсовая статуэтка. Эрота. СА, VII, 1941.
4. Ювенал. Сатиры (Сатира II, строка 4), перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. М.— Л., 1937.
5. P. Reuterswärd. Studien zur Polychromie der Plastik. (2) Griechenland und Rom. Stockholm, 1960.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

СЕЛИЩЕ ПЕВКИН БУГОР

Среди коллекций, хранящихся в Московском областном краеведческом музее (МОКМ), значительный интерес представляет большая серия находок из раскопок на селище Певкин Бугор. Раскопки производил К. Я. Виноградов в 1936 г. Этот памятник расположен в 1 *км* к востоку от с. Желохово Перемышльского района Тульской области, на левом низком берегу Оки. Из разрозненной документации, имеющейся в научном архиве археологического отдела МОКМ, удалось установить, что оно размещается на дюне длиной до 100 и шириной до 70 *м*, вытянутой в направлении с северо-запада на юго-восток. Высота дюны над поймой реки около 3 *м*. Остатки укреплений вокруг территории поселения не

были прослежены. Культурный слой селища, относящийся преимущественно к первой половине I тысячелетия н. э., имеет мощность до 1 *м*. Ниже под стерильной прослойкой песка прослеживался культурный слой стоянки бронзового века толщиной до 30 *см*. На памятнике было вскрыто не менее 200 $м^2$ площади поселения [1].

В коллекции, собранной на памятнике, есть ручка меча, костяная поделка, оканчивающаяся головкой лошади, медное навершие железной булавки, фибула, несколько костяных гарпунов и стрел, глиняные кольца, железные ножи, пряслица и грузики, чернолощеная и грубая неорнаментированная керамика и другие предметы. Кроме того, в той же коллекции имеются находки, относящиеся к стоянке времени бронзы: каменное полированное тесло, несколько наконечников кремневых стрел и скребки.

Рукоятка меча сделана из кости и имеет вид вытянутого треугольника со срезанной вершиной (рис. 1, *1*). На ее поверхности — рельефные рубчики в продольном и поперечном направлениях. Она аналогична костяной рукояти меча с городища Дуна, найденной Н. И. Четыркиным и хранящейся ныне в Калужском областном краеведческом музее. Характеризуя последнюю находку, Т. Н. Никольская подыскивает ей аналогии среди вещей из Пьяноборского могильника [2]. Однако, на наш взгляд, ни первая, ни вторая рукояти не имеют прямых аналогий в Камском материале. Они лишь отдаленно напоминают медные рукоятки ножей, на которые есть ссылки в публикации. В пользу того, что рассматриваемая рукоять, как и ее подобие с городища Дуна, была рукоятью меча, а не ножа, говорит ее некоторая массивность, большие размеры, значительный диаметр внутренних каналов.

Костяная поделка в виде головы лошади представляет особый интерес как образец мелкой скульптуры этого времени (рис. 1, *6*). Жители поселений первой половины I тысячелетия в бассейнах Оки и Москвы часто изображали домашних животных (лошадь, птицу, свинью), а из диких животных изображался преимущественно медведь [3—6]. Фигурка лошадки с Певкина Бугра изображена схематически, но в достаточной степени реалистично переданы характерный изгиб шеи животного и поднятые кверху острые уши. Назначение предмета неизвестно, ибо найден только его обломок.

Железные булавки с медными фигурными навершиями в центральной и западной частях Восточной Европы распространены достаточно широко в первые века нашей эры. По форме головок они разделяются на ряд типов, характерных для определенных районов. Эти предметы входят в набор племенных украшений. Булавка с селища Певкин Бугор (рис. 1, *2*) принадлежит к группе булавок с навершием в виде заостренного книзу овала. Подобные булавки хорошо известны на поселениях ряда областей (Калужская, Смоленская, Курская, Харьковская, Полтавская, а также в Литве. На различных памятниках булавки этого вида датируются по-разному, но преимущественно первыми веками нашей эры. Представляется, что большинство их может быть отнесено к II—IV вв. и дает представление о расселении балтских племен на территории Восточной Европы в указанное время. Область распространения таких булавок совпадает с распространением балтской гидронимики в Восточной Европе.

При раскопках на памятнике встретилось несколько костяных гарпунов (рис. 1, *9, 10*). Они принадлежат к распространенному в начале нашей эры типу гарпунов с однозубым острием, закраиной на середине длины черешка и с цилиндрическим окончанием. Подобного вида гарпуны найдены на многих городищах первой половины I тысячелетия в бассейнах Оки и Верхней Волги. Они употреблялись для добычи рыбы.

Железные ножи относятся к обычному типу. Ранние ножи с горбатой спинкой датируются первыми веками нашей эры. Ножи с прямой

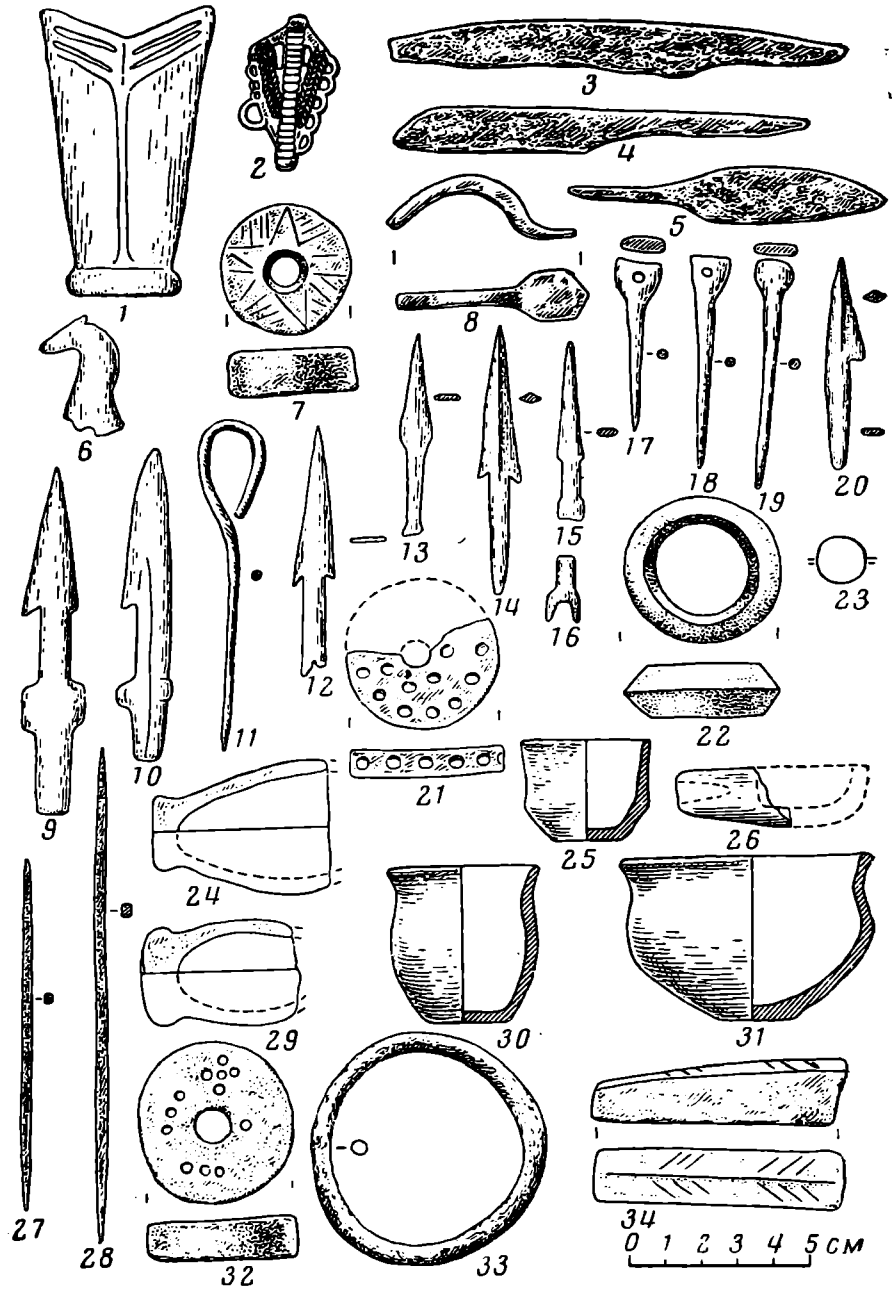


Рис. 1. Вещи, найденные на поселении Певкин Бугор

1 — костяная рукоятка меча, *2* — медное навершие железной булавки, *3—5* — железные ножи, *6* — костяная головка лошади, *7, 32* — каменные пряслица, *8* — обломок фибулы, *9—10* — костяные гарпуны, *11* — медная булавка, *12—16, 20* — костяные стрелы, *21* — глиняное пряслице, *22* — кольцо окского типа, *23* — глиняная бусина, *24, 29* — глиняные погремушки, *27—28* — железные стержни от шильев, *25, 30—31* — чернолощеные сосуды, *26* — обломок льячки, *34* — каменный «утюжок» с насечкой, *33* — железное кольцо

спинкой и срезанным носом являются поздними и датируются серединой I тысячелетия (рис. 1, *3—5*). Стрелы все костяные, одна из них асимметричная. Отмечаются стрелы с лопатковидным черешком и стрелы с вильчатым черешком, характерные, по-видимому, для дьяковских памятников, где они датируются первыми веками до нашей эры, и I—II вв. н. э. (рис. 1, *12—16*). На селище было найдено несколько поделок из камня. Определенный интерес представляет находка нескольких каменных пряслиц-колец, часть из которых орнаментирована. На одном пряслице, изготовленном из известняка, есть изображение, напоминающее пятиконечную звезду, пространство между лучами которой заштриховано (рис. 1, *7*). Это пряслице имеет вид невысокого цилиндра. Другое пряслице подобной же формы имеет на одной из плоскостей орнамент в виде

точек или ямок (рис. 1, *32*), расположенных группами. В той же манере изготовлено глиняное пряслице, вся поверхность которого покрыта отпечатками ямочного орнамента (рис. 1, *21*). Из глины изготовлена и бусина шаровидной формы (рис. 1, *23*). Там же найдены и глиняные кольца окского типа в виде двух соединенных основаниями глиняных конусов и с большим сквозным отверстием (рис. 1, *22*). Поверхность этих предметов тщательно залощена. Эти пряслица-кольца характерны преимущественно для верхнеокских памятников середины I тысячелетия н. э. и сравнительно редко встречаются в северных районах. Тем не менее подобное кольцо известно и на городище Круглица, расположенном неподалеку от устья реки Пахры (сборы В. А. Городцова 1922 г.).

Такой же техникой изготовлены и три небольших сосудика (рис. 1, *25, 30, 31*), очень похожие на сосуды, найденные Н. И. Булычевым в курганах у Шаньково и Почепок [7]. Один из сосудов остроребериый. Остальная керамика поселения хранится ныне в Калужском музее. Это преимущественно обломки грубых лепных сосудов, большей частью неорнаментированных. Две погремушки, имеющиеся в коллекции (рис. 1, *24, 29*), изготовлены так же, как и массовая керамика. Подобные погремушки найдены на многих верхнеокских городищах, а также на Дьяковом, Бородинском и Троицком городищах Московской области. К сравнительно раннему времени относится глиняная льячка небольшого размера (рис. 1, *26*). По-видимому, этот предмет тоже может быть датирован первыми веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Более поздние льячки, найденные в большом числе на Огубском и Троицком городищах, всегда крупных размеров. Поверхность их, в отличие от ранних льячек, ошлакованная. Поздние льячки датируются временем, близким к III—V вв. Среди каменных изделий, найденных на поселении, интересен «утюжок» (рис. 1, *34*). Это предмет местного изготовления. По материалам Троицкого городища хорошо прослеживаются все стадии изготовления этих предметов из тонких плит песчаника. На горбатой спине «утюжка» с Певкина Бугра имеется насечка в виде елочки. По-видимому, этот предмет употреблялся в комбинации со стальной пластинкой для добывания огня. Эти утюжки распространены на широкой территории. В Московской области они найдены на Троицком, Мамоновом, Дьяковом и Барвихинском городищах.

На селище найдены два железных шила (рис. 1, *27, 28*), четырехгранных в сечении и обоюдоострых. Подобные шилья широко распространены на памятниках Верхней Оки и в бассейне р. Москвы. В коллекции имеется железное кольцо, изготовленное из круглого в сечении стержня (рис. 1, *33*). Железные кольца неоднократно находили на поселениях дьяковской культуры, однако большинство их было разомкнутыми, с заходящими концами. В коллекции имеется обломок «рогатого кирпича» сравнительно больших пропорций. Подобного вида «рогатые кирпичи» встречаются на поселениях как юхновской, так и дьяковской культур. Высота Певкинского кирпича 8—9 *см*, а длина 12—13 *см*. В нижней части имеется сквозное круглое отверстие диаметром около 1,5 *см*.

На селище была найдена медная булавка с петлевидной головкой, которая может быть датирована первыми веками до нашей эры. Подобного вида булавки широко распространены по территории Восточной Европы и встречены на многих городищах. Две подобные булавки были найдены на городище у с. Гремячее [8]. Наконец, на селище был найден сильно карозированный медный предмет. Он имел вид изогнутого стержня с расплющенным концом, и по-видимому, являлся фибулой. Время фибулы определить по теперешнему ее состоянию затруднительно.

Собранные в коллекции предметы говорят о том, что поселение Певкин Бугор было обитаемо, по-видимому, в течение первых веков до нашей эры по IV—V вв. н. э. Нижние горизонты культурного слоя по со-

держанию сближаются с дьяковской культурой. Можно полагать, что и население этого времени было родственно дьяковцам. Верхние горизонты культурного слоя образовались в то время, когда здесь обитали балтоязычные племена. Это доказывается нахождением булавки с ажурным навершием. Жизнь на поселении прекратилась после появления на этих землях славянских племен.

Литература

1. Материалы научного архива археологического отдела МОКМ. Папка 3. д. I; Папка 6, д. 11, документы № 1, 2, 3.
2. Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. МИА, 72, 1959, стр. 49, рис. 14, *6*.
3. В. А. Городцов. Старшее каширское городище. ИГАИМК, 85, 1934, стр. 13, рис. V, *13*; стр. 30.
4. А. Ф. Дубынин. Отчет о работах Можайской археологической экспедиции за 1956 г. Архив ИА АН СССР, д. 1312, р. 1.
5. Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, XXI, 1950.
6. Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 95, 1961, стр. 132, рис. 60, *1, 2, 3, 5, 8*.
7. Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. III.
8. Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, табл. I.

Э. В. ШАВКУНОВ, Ю. В. АРГУДЯЕВА

КОГУРЁСКИЙ СОСУД III в.

В Приморском краевом музее им. В. К. Арсеньева во Владивостоке хранится интересный сосуд (рис. 1), обнаруженный военнослужащими Советской Армии во время земляных работ при освобождении территории Северной Кореи от японских милитаристов. Сосуд долгое время находился в одном из воинских подразделений, где он использовался для различных хозяйственных целей. Впоследствии, когда подразделение было выведено с территории Северной Кореи и расформировано, сосуд передали в музей.

Рис. 1. Когурёский сосуд III в.

Сосуд сделан из хорошо отмученной глины серовато-синего цвета, круглодонный, кувшинообразной формы, с узкой горловиной, со слегка отогнутым наружу округлым венчиком диаметром 16 *см*. Диаметр средней части тулова сосуда равен 33,5 *см*, высота сосуда — 35,5 *см*. На внешней стороне донышка видны слегка залощенные отпечатки коврового шнура. В верхней части тулова сосуд опоясывает широкая орнаментальная полоса, состоящая из шести отдельных штампов, причем пять из них представляют собой изображения либо пеших фигурок, либо всадников, а шестой штамп содержит иероглифическую надпись. Все рисунки сделаны весьма реалистично, и по своему содержанию каждый из них является составной частью общей картины, изображающей какую-то процессию.

Первый рисунок состоит из двух частей. Левая его сторона покрыта рельефной ромбической сеткой, тогда как правая представляет собой уже собственно рисунок, на котором изображена пешая фигурка человека, открывающего шествие с большим зонтом или опахалом в руках (рис. 2). На голове у фигурки угадывается небольшой головной убор в виде колпака со свисающим вниз крылообразным отростком. Отсутствие

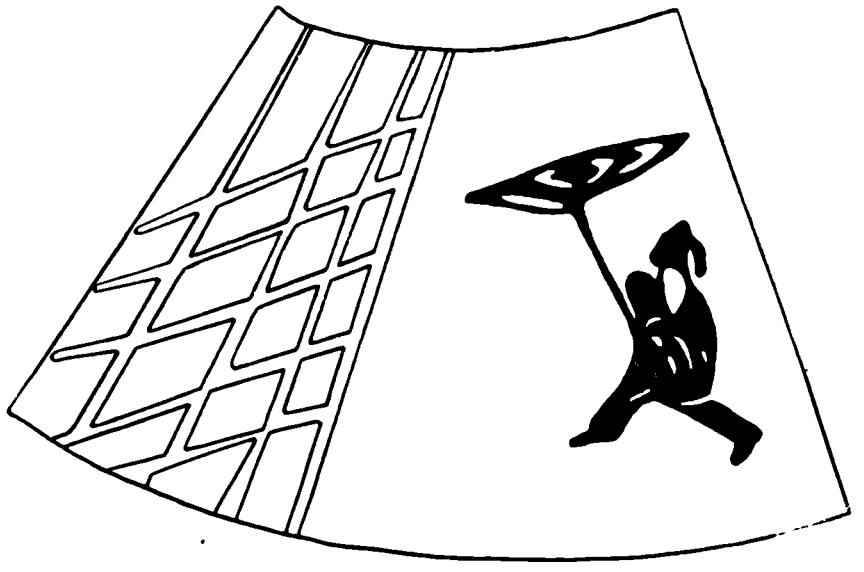


Рис. 2. Первый рисунок на сосуде

длиннополой одежды выдает в фигурке человека «низкого происхождения», скорее всего слугу. Напряженная поза и широкий пружинистый шаг должны, очевидно свидетельствовать о том, что фигурка находится далеко впереди процессии, которая показана движущейся неторопливым размеренным шагом.

На втором рисунке изображена фигурка всадника (рис. 3), конь под которым идет неторопливой иноходью. На голове у всадника можно за-

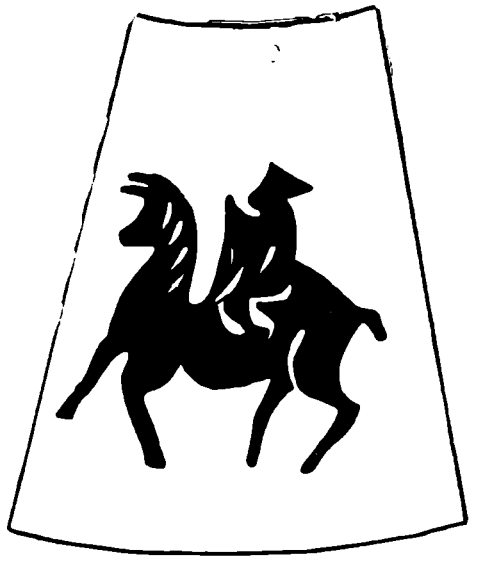


Рис. 3. Второй рисунок на сосуде

Рис. 4. Третий рисунок на сосуде

метить небольшой головной убор трапециевидных очертаний, расширяющийся в своей верхней части. Так же как и пешая фигурка, всадник облачен в короткополое одеяние, что, по-видимому, свидетельствует уже о причастии последнего к военному сословию. В руках у всадника угадывается развернутый свиток бумаги. Это, вероятно, глашатай, оповещающий народ о прибытии процессии и, возможно, о цели последней.

На третьем рисунке опять изображена пешая фигурка (рис. 4), но уже в длиннополом одеянии. На голове у нее остроконечный колпак со свисающей назад верхушкой. В руках фигурка держит длинный шест с прямоугольным транспарантом на конце, на котором, очевидно, начертаны слова, восхваляющие мудрость и добродетель императора. Фигурка с транспарантом принадлежит к более высокому сословному кругу по

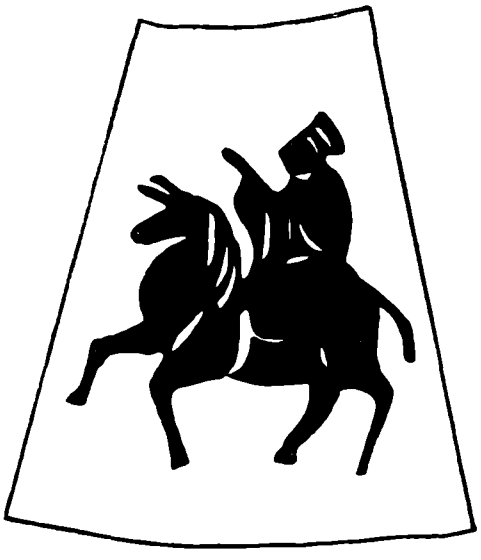


Рис. 5. Четвертый рисунок на сосуде

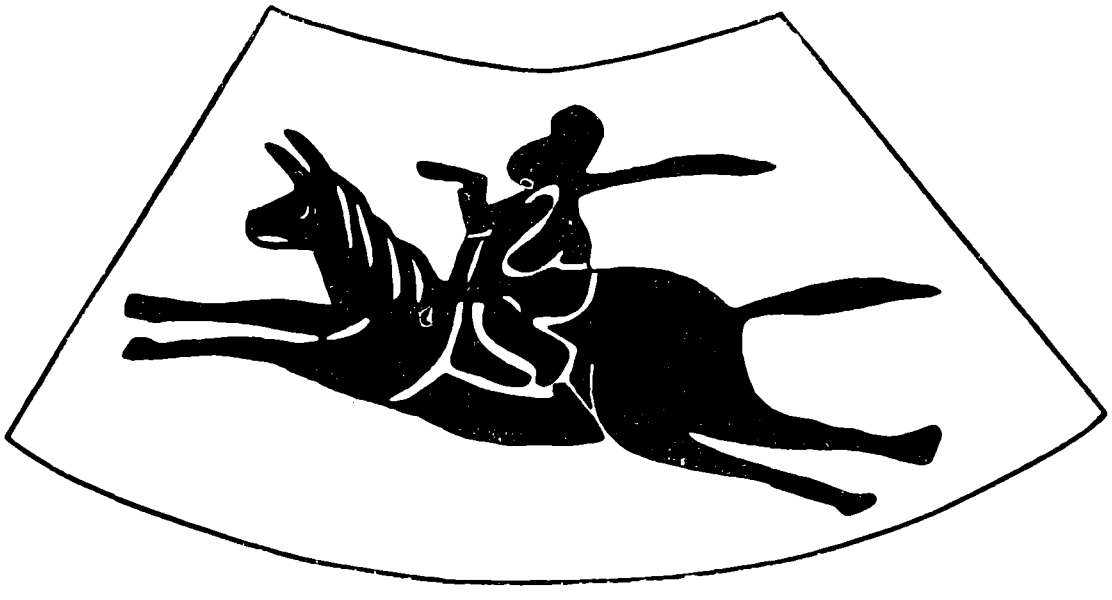


Рис. 6. Пятый рисунок на сосуде

сравнению с двумя первыми фигурками. Об этом свидетельствует не только длиннополое одеяние с широкими рукавами, но и поза последней, в которой чувствуется степенность и важность.

На четвертом рисунке изображен чиновник верхом на лошади в длиннополом одеянии с широкими рукавами и цилиндрообразном головном уборе (рис. 5). В вытянутой вперед и несколько вверх руке чиновник держит какой-то свиток, очевидно с императорским указом. Тяжелая, размеренная поступь коня и горделивая осанка самого чиновника как бы подчеркивают, что это главное лицо процессии.

На пятом рисунке изображена еще одна фигурка всадника, скачущего во весь опор на коне (рис. 6). Конь, как бы летящий по ветру, развевающийся шлейф всадника и занесенный над головой коня конец поводка — все это изображено древним художником настолько эмоционально, динамично, что не остается никакого сомнения в том, что здесь

изображен гонец, догоняющий процессию с каким-то новым важным сообщением. Так же как и две первые фигурки, гонец одет в короткополую одежду, подпоясанную узким пояском. В отличие от предыдущих рисунков со всадниками, здесь хорошо прослеживается седло с высокой лукой. Манера изображения коней во всех случаях одинаковая. Отличия прослеживаются лишь в позе и в хвостах. Так, на втором рисунке хвост у коня очень короткий, утолщенный, связанный по-видимому, в пучок. На четвертом рисунке хвост у коня длинный и тонкий, а на пятом — длинный и пушистый.

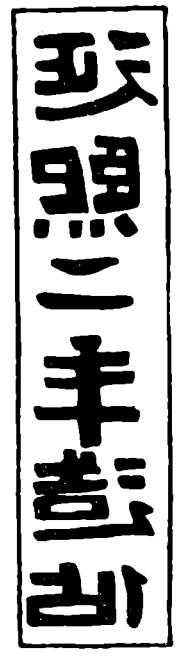


Рис. 7. Оттиск надписи на сосуде

Шестой рисунок на сосуде представляет собой небольшую надпись из шести китайских иероглифов, выполненных почерком ли-шу (рис. 7). Надпись читается как «Янь Си эр нянь цзао чжань», что в переводе означает: «Второй год периода Янь Си (239 г.), начало оккупации».

Таким образом, как содержание надписи, так и содержание самих рисунков свидетельствуют о том, что на сосуде древний гончар отразил какое-то крупное событие, имевшее место в 239 г. в истории Северной Кореи. Если обратиться теперь к летописным источникам, то в них мы найдем указание на то, что в период Цзинь Чу (237—239 гг.) вэйским императором Мин-ди была развязана война против древнекорейского государства Когурё, часть территории которого была подвергнута временной оккупации [1]. Какой-то из эпизодов этого события и был отражен древним гончаром на описываемом сосуде. При этом интересно отметить, что датировка в надписи на сосуде дана не по названию периода правления императора вэйской династии, воевавшей с Когурё, а по названию периода правления императора Хоу-ди династии Шу-хань. Императоры этой династии на протяжении всего периода Троецарствия в Китае вынуждены были довольно часто отстаивать свою независимость в борьбе с императорами династии Вэй. Последнее обстоятельство позволяло правителям Когурё видеть в лице императоров династии Шу-хань своих естественных союзников, по отношению к которым они всячески стремились подчеркнуть свои «верноподданнические» чувства, что, по-видимому, и нашло свое отражение в использовании в надписи на сосуде названия периода правления шуханьского императора.

Литература

1. Э. В. Шавкунов. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н. э. Тр. ДВ ФСО АН СССР, серия ист., 1, Саранск, 1959, стр. 67.

Д. М. АТАЕВ

ВИСОЧНЫЕ ПРИВЕСКИ С ЧЕТЫРНАДЦАТИГРАННИКОМ

Височные привески в виде колечка, оканчивающегося кубиком со срезанными углами, являются достаточно распространенным в Юго-Восточной и Центральной Европе типом украшений. Однако, помимо кратких упоминаний об их находках, в археологической литературе нет сколько-нибудь полного очерка, посвященного этим предметам. Не уточнены и ареалы их распространения.

Настоящая заметка посвящена привескам, найденным на территории Дагестана. Здесь обнаружено их наибольшее число, позволяющее

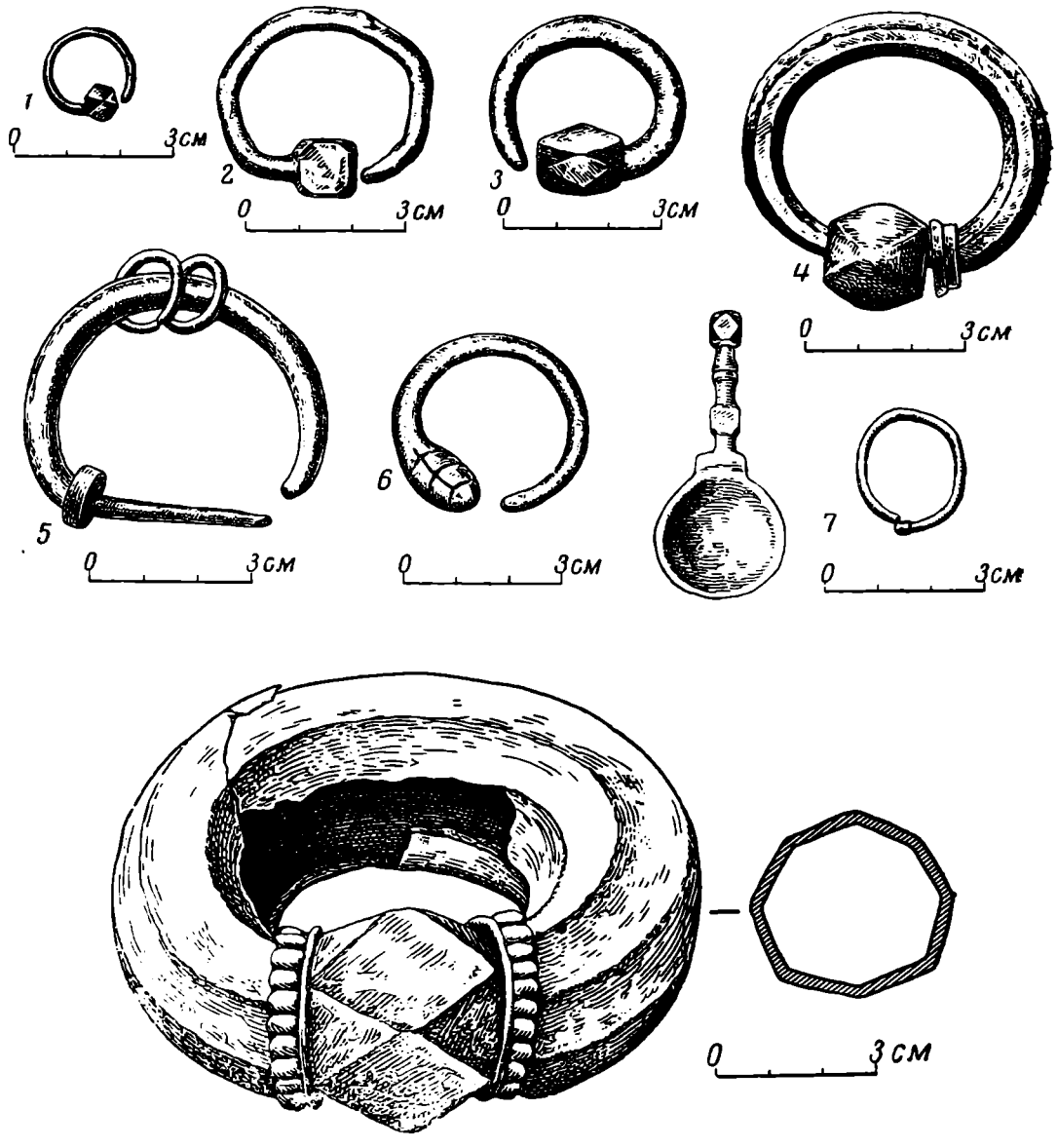


Рис. 1. Височные привески с четырнадцатигранником

Местонахождения: *1* — погребение № 8 Галлинского могильника (бронза); *2* — Гапшиминский склеп (серебро); *3* — с. Чадаколоб; *4* — Верхне-Каранайский могильник; *5* — с. Чоха (медь, пустотелая); *6* — Ураллинский могильник; *7* — с. Ишкарт (бронза); Килятлинский могильник (бронзовая ложечка); *8* — каменные ящики позднего Галлинского могильника

проследить эволюцию формы изделий. В Дагестане найдено 116 экземпляров привесок с бусинами в виде четырнадцатигранников. По характеру бусин на привесках их можно разделить на три группы.

В первую группу я включаю 41 привеску с бусиной, имеющей хорошо выраженные грани и ребра (рис. 1, *1*). Вторая группа состоит из 48 экземпляров привесок с бусинами, имеющими слабо выраженные грани или оканчивающимися утолщением (рис. 1, *2*). Все привески, относящиеся к первой и второй группам, изготовлены литьем и имеют относительно небольшие размеры — от 2, 3 до 3, 9 *см* (рис. 1, *3*). В третьей группе 31 экземпляр привесок с полой бусиной (рис. 1, *4—6*). За пределами Дагестана височные привески этой группы встречаются сравнительно редко, а большие составные со звездчатой гайкой вообще отсутствуют. Характерной особенностью височных привесок третьей группы является то, что они составные. Кольца и бусины выковывались отдельно. Кольца имеют в сечении круглую, ромбическую, шестиугольную или восьмигранную форму. Иногда они полые (рис. 1, *5*). Бусины с кольцами соединялись при помощи особого стержня, имеющегося на конце кольца, и одной или двух звездчатых гаек (рис. 1, *6*). Размеры привесок

очень велики — от 6,5 до 11 *см*. Большинство этих привесок сделано из бронзы, иногда из серебра.

Ареал распространения указанных привесок не ограничивается одним Дагестаном. Они известны также среди украшений в аланских могильниках Чми, Озоруково, Кумбулта, Задолиск, Нижняя Рутха [1]. Реже встречаются на западном Кавказе. Нам известны литые привески с круглыми утолщениями на концах колец в Чегемском ущелье, в Мукуланском могильнике [2] и в Песчанке (ГИМ, инв. № 39964). Еще меньше их в Грузии, где найдено лишь два отлитых экземпляра во Мцхете совместно с вещами IV—VIII вв. (Исторический музей Грузии инв. № 12—54—483.) Гораздо чаще встречаются подобные украшения в средневековых памятниках Крыма. Наибольшее количество их найдено в Херсонесе, где известны также и золотые [3]. Кроме того, типологически близкие привески найдены в Суук-су [4, 5], Экси-Кермене (со стеклянной бусиной) [6]. Помимо Херсонеса, они найдены в Керчи (два экземпляра), Фанагории (один экземпляр с замкнутым кольцом) [7].

Весьма часто подобные украшения встречаются среди средневековых древностей Венгрии [8—10] и изредка во Франции в погребениях Меровингской эпохи (Шарант, Золотой Берег) [11]. Общее количество височных привесок рассматриваемого типа, найденных только на Карпатах, в настоящее время составляет 65 экземпляров, причем половина из них — золотые [9].

Таким образом, на территории Европы намечается четыре района широкого распространения височных привесок с четырнадцатигранной бусиной: Дагестан, Центральная часть Северного Кавказа, Крым и Венгрия. Следует подчеркнуть, что наибольшее число привесок найдено в Дагестане. Здесь же наблюдается и наибольшее разнообразие их форм и размеров.

Различные формы височных привесок часто встречаются в одном погребальном комплексе вместе. Так, литые височные привески и привески с полой бусиной найдены в склепах Верхнего Карана и в Гампшиминском склепе [12]. Еще больше примеров сосуществования мы имеем среди привесок с бусинами, у которых четко выражены грани, и привесок с асимметричными бусинами. Это установлено в Дуранинском [13], в Гапшиминском [12] и Верхнечирюртовском могильниках [14], причем в течение всего времени существования этих могильников изменения формы крайне трудно проследить. То же самое мы наблюдаем в Керчи (склеп № 66 Пантикапейского некрополя) и Херсонесе [15] и, наконец, в венгерских древностях [10]. Венгерские привески датируются V в. и найдены в разных районах Венгрии. В Сабо (Szob) обнаружены вместе литые с хорошо выраженными гранями и полые: в Пилишмартоне — литые со слабой огранкой [10].

Наличие различных типов височных привесок в одних и тех же погребальных комплексах затрудняет изучение их эволюции в пределах одной какой-нибудь ограниченной территории, однако, опираясь на сравнительно богатый дагестанский материал, можно в общих чертах наметить линию их развития. Нам кажется, что прототипами их являются височные привески в виде колечек с незначительным утолщением на конце, найденные в единичных случаях в погребениях первых веков нашей эры Таркинского и Карабудахкентского могильников [16, 17]. У некоторых из этих привесок утолщения на концах слегка расплющены и имеют небольшие отверстия. Следует отметить, что аналогичные привески известны и в Азербайджане, где они обнаружены в кувшинных погребениях, датируемых также первыми веками [18].

В конце IV в. и в начале V в. появляются привески с более крупным утолщением (например, в Мукуланском могильнике и Чегеме). Последние найдены вместе с инкрустированными изделиями, характерными для этого времени [2]. Видимо, к этому же времени относится и височная

привеска из Ишкартов, у которой утолщения на концах четко выражены (рис. 1, 7).

В V в. широко распространяются привески с бусинами более или менее определенной огранки. Надо полагать, что привески с бусиной, у которых слабо выражены грани (Озоруково, Большой Буйнакский курган, Верхняя Рутха и другие могильники, относящиеся к начальным векам раннего средневековья), предшествуют привескам с четкой огранкой бусины, хотя, как мы указывали выше, эти формы во многих случаях и сосуществуют. Итак, примерно с V в. четырнадцатигранная форма бусин широко известна от Дагестана до Венгрии.

Эта форма встречается и на других изделиях в дагестанских могильниках V—VII вв. (например, на бронзовых туалетных ложечках — рис. 1, 7). Так же обработаны детали у бронзовых застежек из Верхнечирюртовского могильника [14] и у фибулы из Урцекинского городища. Что же касается массивных и сделанных из нескольких частей височных колец с полой бусиной, то естественно предположить, что они представляют следующий этап в развитии этого типа украшений. Их сложное устройство несомненно свидетельствует об эволюции формы изделия. Это же применительно к фибулам отмечали и другие исследователи [19].

И, наконец, надо отметить, что два экземпляра подобных привесок обнаружены в Дагестане в памятниках, датируемых VIII—X вв. и даже XII—XIII вв. [20], и две привески того же времени найдены в могильнике Чми. Они представляют собой очень тонкие колечки с бусиной традиционной формы малых размеров или имеют на конце бочковидные утолщения.

Распространение височных привесок разбираемого типа в некоторых областях, например в Крыму, связано с появлением нового погребального сооружения и нового погребального обряда. Как правило, указанные выше привески находятся в земляных склепах, сопровождая покойников с сильно деформированными черепами [3]. Это обстоятельство, а также появление в погребальном обряде захоронений коня, конской сбруи, длинных железных мечей с овальным и кольцевидным навершием и др. дало основание М. И. Ростовцеву сделать вывод о проникновении сарматских элементов в Крым [21].

Другой областью распространения височных привесок является, как мы указывали, Венгрия. Там встречается наибольшее число этих украшений, тем не менее венгерские археологи склонны связывать их появление с миграцией различных племен с Востока в эпоху Великого переселения народов [9]. В могильниках Венгрии, относящихся к V в. (Саб, Пилишмартон и др.), височные привески с четырнадцатигранником встречаются вместе с бронзовыми зеркалами восточного типа, которые, как считает И. Ковриг, появились на Дунае вместе с элементами, пришлыми с Востока [10].

В Чонградском могильнике, датируемом гуннской эпохой, также обнаружено значительное число этих украшений. По мнению М. Пардуца, исследовавшего этот могильник, население, оставившее его, помимо готов и гепидов, включало и сармато-аланские племена кавказского происхождения, носителей культуры Таркинского и Карабудахкентского могильников, которые переселились на Средний Дунай под напором гуннов. Таким образом, появление височных привесок в Крыму и в Венгрии связано с вкраплением иных этнических элементов. Если для Венгрии вопрос — кто были эти этнические элементы — остается пока еще открытым, то в Крыму земляные склепы, в которых и были обнаружены почти все височные привески, свидетельствуют о появлении здесь сарматов.

В то же время на территории Поволжья, Аральских и Задонских степей, т. е. основной территории формирования сарматских племен,

эти височные привески не обнаружены. По сообщению де Бая, известна только одна привеска из «Уффы» [11]. Не характерны они и для северокавказских памятников сармато-меотских племен. Появление наших привесок на Северном Кавказе, где они, как мы указывали выше, находятся спорадически, связано с аланами.

В свете сказанного выше становится очевидным, что северо-восточный Кавказ, в частности Дагестан, где обнаружены самые ранние прототипы этих украшений и наибольшее их число, является областью их возникновения. Недостаточная изученность памятников железного века горного Дагестана не позволяет выяснить вопрос о начальных формах височных привесок. Для памятников Грузии античного времени характерны серьги в виде незамкнутого колечка, на конце которого имеется бусина из сердолика и других камней. Но какова роль этих бус в формировании дагестанских височных привесок? Этот вопрос еще ждет исследования.

Вкратце остановимся на способе их ношения. Судя по их массивности (особенно дагестанских экземпляров), нет сомнения, что они прикреплялись к головному убору. Однако некоторые археологи, в том числе и де Бай, считали их серьгами. Де Бай на основании находок наших привесок вместе с «калачевидными» серьгами IV—V вв. высказал предположение, что привеска надевалась на калачевидную серьгу, которая вдевалась в свою очередь в отверстие ушной мочки, а затем сжималась [11]. Нам кажется, что серьга и височная привеска могли употребляться как отдельные украшения.

Литература

1. П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, табл. XXXIV, 6, стр. 192.
2. А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, табл. VII, 7.
3. ОАК за 1891, стр. 14; ОАК за 1893, стр. 73; ОАК за 1894, стр. 64; ОАК за 1896, стр. 64.
4. Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, 19, 1906, табл. I.
5. Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ч. II, ЗООИИД, XXVII, 1907, табл. IV, *1*.
6. Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. «Готский сборник», ИГАИМК, XII, 1932, рис. 41, *9*.
7. В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 г. МИА, 19, 1951, рис. 9, *6*.
8. J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. I. Braunschweig, 1905, стр. 359, рис. 954.
9. M. Parducz. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. AAH, XI, 1959, табл. VIII, *6*, *7*, рис. 5, *59*.
10. J. Kovrig. Novelles trouvailles du V-e siècle découvertes en Hongrie AAH, X, 1959, стр. 260, табл. I, 11; табл. III, *1*, *2*.
11. J. de Baye. Communications faites en seance par le baron... 1899 (extraits du Bulletin de la Société nationale des antiquares de France), стр. 17.
12. Н. Д. Путинцева. Гампшиминский могильник — памятник раннего средневековья нагорного Дагестана. Научн. архив Дагестанск. ИИЯЛ, № 2410, стр. 36.
13. М. И. Пикуль. Научный отчет о работе археологического отряда за 1959 г. Научн. архив Дагестанск. ИИЯЛ, № 2641, стр. 65—68, 76—79.
14. Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. Научн. архив ИИЯЛ Дагестанск. ФАН СССР, № 2540, 1958, стр. 28.
15. А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес МИА, 63, 1959, стр. 279.
16. К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—49 гг. МИА, 23, 1951, рис. 18, *5*, *6*, *17*, *19*.
17. Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII, 1949, рис. 8а—*1*.
18. С. М. Казиев, Т. И. Голубкина. Об одном кувшинном погребении. ИАН АзССР, 3, 1949, табл. VIII, *1*.
19. F. Hančar. Kaukasische Sprossenfibeln. FSA, XII, Helsinki, 1938, стр. 150, 151.
20. М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г. МАД, 1, Махач-Кала, 1959, рис. 7, *4*.
21. М. М. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 135, 243.

С. К. КАБАНОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА В ДОЛИНЕ Р. КАШКА-ДАРЬЯ

В 1957 г. в средней части долины р. Кашка-Дарья было проведено археологическое обследование ряда развалин древних поселений. На одном из памятников, известном под названием Кыз-Тепе, находящемся в 1,5 *км* к востоку от кишлака Бердали (Камашинский район Узбекской ССР), были проведены раскопочные работы. В результате раскопок выяснилось, что памятник является развалинами усадьбы существовавшей с III по VI в. Во время вскрытия одного из помещений было

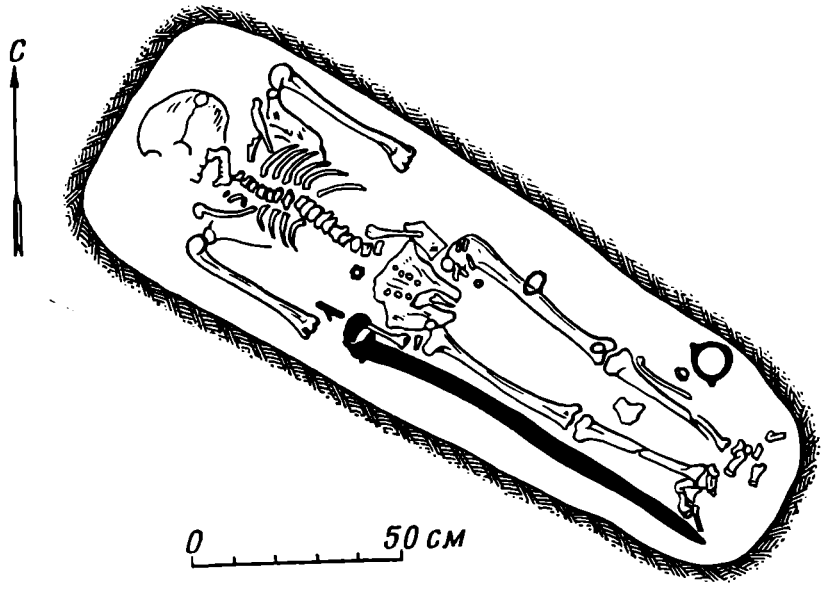


Рис. 1. Погребение на Кыз-Тепе

обнаружено погребение, не связанное с усадьбой и совершенное в то время, когда здание уже находилось в развалинах [1].

Могила с вертикальными стенками была открыта почти в центре верхней площадки тепе и ориентирована в направлении с северо-запада на юго-восток (рис. 1). Могильная яма пришлась частью на стену одного из помещений, частью на прилегающий завал, заполнявший это помещение. В могиле на глубине 1,3 *м* от поверхности тепе лежал скелет мужчины головою на северо-запад, лицо повернуто вправо.

Кости были очень плохой сохранности, но все же удалось взять череп, к сожалению, в состоянии, не позволявшем произвести антропологические измерения. Приведем заключение В. Я. Зезенковой: «Фрагменты очень объемистого мужского черепа. Измерений сделать нельзя. О форме черепа судить очень трудно, так как череп посмертно деформирован. Лобная кость весьма массивная, на ней отмечаются хорошо развитые надбровные дуги. Хорошо выраженный рельеф отмечается на всех фрагментах черепа (череп был, по-видимому, сильно матурецован). На основании изучения лицевых костей (челюсти, носовые кости) можно с полной уверенностью череп отнести к европеоидному расовому типу. Об этом свидетельствуют суженный поперечный профиль лица, глубокие клыковые ямки, очень сильно выступающий нос. Череп близок к андроновскому типу». Рост человека был около 175 *см*.

При скелете обнаружен инвентарь из железа [2] (рис. 2). Наиболее заметной вещью в инвентаре является сабля, положенная у правого

[1] В раскопках принимал участие лаборант А. Н. Златомрежев.

[2] Инвентарь погребения обработан в лаборатории ЛОИА АН СССР Т. А. Сергеевой, за что пользуюсь случаем принести ей искреннюю благодарность. Все предметы из погребения переданы на хранение в Сурхан-Дарьинский областной музей (г. Термез).

бока, с плохо сохранившейся рукояткой почти на уровне пояса. Сабля (рис. 2, *1*) слегка прогнута, с хорошо выраженным в сечении острием; она изготовлена из железной полосы шириной от 4,6 до 3,6 *см* и длиной 94 *см*. От рукоятки осталось перекрестие в виде валика с незначительными выступами по сторонам. Длина оставшейся части рукоятки равна 8 *см*. На перекрестии отмечено зеленое пятно — признак добавки

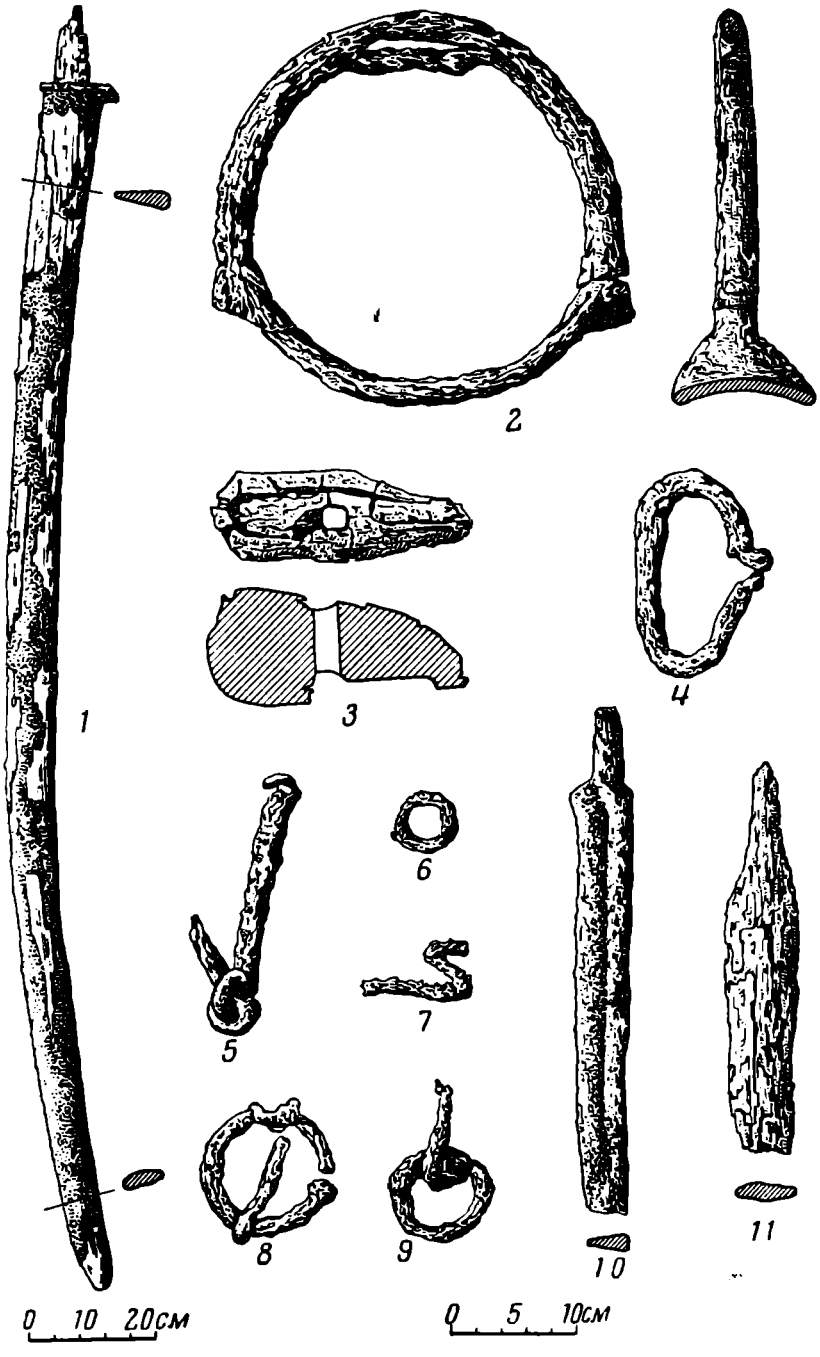


Рис. 2. Инвентарь погребения

1 — сабля, *2* — стремя, *3* — клевец (?), *4* — кресало, *5* — остатки узды, *6* — кольцо, *7* — скрепка от рукоятки, *8—9* — пряжки, *10* — нож, *11* — кинжал

к железу меди для придания ему противокоррозийной стойкости [1]. На черенке и полосе сохранились следы дерева: ножны, по-видимому, были деревянные.

Возле верхнего конца сабли, с внутренней стороны были обнаружены при расчистке какие-то мелкие детали, принятые за остатки рукоятки. Для того чтобы эти остатки расчистить в более благоприятных лабораторных условиях, был взят небольшой монолит, при разборке

которого отделились три вещи: небольшой железный брусок, напоминающий собой клевец (рис. 2, *3*), пряжка (рис. 2, *9*) и зигзагообразная пластинка, по-видимому, скрепка для частей рукоятки (рис. 2, *7*). Брусок длиною 10 *см*, у обушка почти квадратный в срезе, у острия — закругленный. Почти в середине имеется квадратное отверстие. Каково назначение этого предмета, нам не ясно. На уровне пояса возле локтя правой руки были найдены остатки уздечки (рис. 2, *5*), а ближе к позвоночному столбу — подвеска в виде колокольчика (не сохранилась). На левой берцовой кости лежало кресало (рис. 2, *4*). Оно имело вид изогнутого и прямоугольного в сечении стержня с плоской рабочей поверхностью. Концы кресала соединялись вплотную и слегка отгибались наружу. С внутренней стороны левой берцовой кости, вверху было найдено тонкое железное колечко диаметром 2,5 *см* (рис. 2, *6*).

Ниже колена левой ноги, с наружной ее стороны лежали еще одна пряжка (рис. 2, *8*) и стремя (рис. 2, *2*). Дужка стремени круглая в сечении, на вершине она имеет зазор для ремня. Подножка пластинчатая, шириною 5,3 *см*, со слегка выпуклой внутренней поверхностью. Характерной особенностью стремени является наличие выступов в месте перехода от круглой дужки к подножке. По-видимому, к погребению относятся еще две вещи — кинжал и нож. Кинжал (рис. 2, *11*) обоюдоострый, в сечении чечевицеобразный, с коротким закругленным в срезе черенком для скрепления с рукояткой. Нож (рис. 2, *10*) узкий, длинный, с утолщенной спинкой. Мы не можем с полной уверенностью отнести эти вещи к инвентарю погребения, потому что они не были зафиксированы на месте, но их относительно хорошая сохранность и величина (длина сохранившейся части ножа 20 *см*, кинжала — 15,5 *см*) необычная для изделий из железа времени поселения, дают нам основание считать их принадлежащими к этому комплексу; положены они были возле бедренных костей погребенного.

О дате погребения можно сказать следующее. Ясно, конечно, что оно могло совершиться спустя длительное время после разрушения поселения в VI в. Наиболее характерные предметы инвентаря — сабля и стремя — позволяют определить раннюю возможную дату погребения. Н. Я. Мерперт отмечает, что Среднюю Азию следует включить в территорию раннего распространения сабель, но детально этот вопрос на местном материале рассматривать еще рано ввиду скудности выявленного материала: называется только находка на трассе Большого Чуйского канала обломка железного лезвия, по-видимому, сабли, и изображение сабли или однолезвийного меча на пянджикентских росписях [2]. Эти сведения мы можем дополнить материалами раскопок Пскентского могильника в 1929—1930 гг.,[3] в отчете о которых неоднократно упоминаются обломки однолезвийных мечей, возможно сабель [3]. Однако эти материалы нами в данном случае не могут быть привлечены, так как они не датированы.

Сабля и стремя — предметы снаряжения легковооруженного воина — появились относительно поздно. На росписях Пянджикента, датированных серединой VII — началом VIII в., изображены еще прямые мечи, и только предполагается, что они уже были однолезвийными [4]. Это предположение основано на наличии на изображениях стремян, необходимых для упора при режущем ударе саблей. В Фергане найден однолезвийный меч с признаком перехода к сабле [5]. О том, что в VII—VIII вв. на вооружении уже были однолезвийные мечи, свидетельствуют недавние исследования в Казахстане, где в тюркских погребениях, датированных VI—VIII вв., такие мечи были найдены [6]. Но если однолезвийные мечи считать предшественниками сабель, то намечается ранний предел исследованного нами погребения воина — это IX век.

---

[3] Указанием на этот отчет автор обязан О. В. Обельченко.

Обзор находок однолезвийных мечей и сабель на территории Средней Азии показывает, что здесь выявлено слишком мало сравнительного материала для датировки наиболее характерного в инвентаре предмета — сабли. Надо сказать, что и само погребение не похоже на известные в Средней Азии, что сильно осложняет решение вопроса о времени его совершения, а также об этнической принадлежности погребенного. Состав инвентаря, прежде всего сабля, стремя и кресало, позволяет связать этот комплекс со средневековыми кочевниками, населявшими степи Казахстана, Поволжья и Причерноморья как в указанное время, так и в более позднее — до XIII—XIV вв. [7]. В исторических источниках известны и народности, которые могли занести на юг Средней Азии названные предметы.

По сведениям арабского географа X в. Истахри в Южном Казахстане и в Приаральских степях жили гузы (огузы). К востоку от них, вплоть до Ферганы, обитали карлуки [8]. Известно, что они родственные народности тюркского происхождения. Открытое погребение можно отнести к одному из этих народов. Рассмотрим кратко основания для такого отнесения.

Известны три этапа движения огузов в IX—XI вв. из Приаральских степей на юг Средней Азии, преимущественно в современную Туркмению, где они явились одним из основных этнических компонентов туркменского народа [9]. Движение огузов в основном велось в юго-западном направлении, за Аму-Дарью, но не исключено, что они проникали и значительно восточнее. Обстоятельства, при которых произошло погребение, не противоречит предположению, что оно — огузское. Не противоречит этому европеоидность погребенного: в IX в. огузы могли быть европеоидами [10].

Карлуки в X в. кочевали восточнее огузов, севернее владений саманидов, но часть их еще в VIII в. проникла в Тохаристан [9, 11]. Исторические условия, в которых жили огузы и карлуки, имеют много общего, однако места поселений карлуков были ближе к нашему району. На этом основании мы высказываем предположение, что на Кыз-Тепе был погребен карлук.

В X в. тюркские кочевники на территории Средней Азии массами принимали ислам. Известно, что мусульманским обрядом не допускается положение с покойником каких-либо вещей. Однако в данном случае нельзя не обратить внимание на тот факт, что трупоположение совершено по-мусульмански: головой на северо-запад, лицом на запад. Не является ли это признаком переходности в представлениях кочевников, положивших труп по мусульманскому обряду, но не решившихся оставить своего чтимого соратника без необходимых «припасов»? В свете этого факта исследованное нами погребение кочевника можно датировать временем IX—X вв., вряд ли позднее.

Из изложенного видно, что при определении этнической принадлежности погребенного и времени его совершения мы принимаем во внимание главным образом письменные источники. При этом мы не могли опереться на материалы археологических исследований, несмотря на то, что они велись в довольно широких размерах во всех интересующих в данной связи районах — в Южном Казахстане и на юге Средней Азии. Автор сознает, что при отсутствии такой опоры обоснование выдвинутых предположений становится слишком односторонним. Более того, сам факт отсутствия исследованных погребений, подобных описанному, может быть использован против этих предположений, но другого вывода пока сделать невозможно: надо ждать дальнейшего накопления материала.

Для изучения истории оружия описанную саблю уместно сопоставить с другой находкой. В 1962 г. на городище Афрасиаб на дне очистной ямы, надежно датированной керамическим материалом VII—

VIII вв., были обнаружены обломки обоюдоострого меча. Очевидно, что в указанное время применялись не только однолезвийные мечи, но и двулезвийные, известные с глубокой древности. Обломки меча (рис. 3) не дают возможности восстановить его полностью, тем не менее они достаточны для восстановления основных признаков этого вида оружия. Меч был прямой, с обоюдоострым клинком шириной в верхней части 3,3 *см*; в разрезе полоса чечевицеобразная. Меч был в деревянных ножнах, остатки их видны хорошо. Верхняя часть ножен украшена медной накладкой. Сохранилась часть черенка рукоятки в виде слегка изогнутого стержня, овального в сечении и с отверстием для крепления обкладки. На одном из обломков сохранилась часть медного кольца, по-видимому, для ремня.

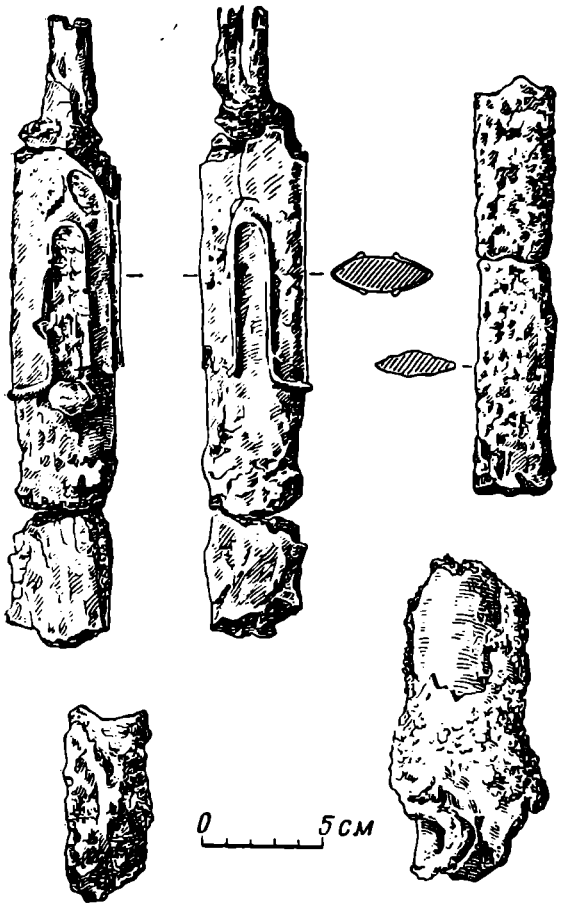


Рис. 3. Обломки меча VII — VIII вв. из Афрасиаба

Находка из Афрасиаба показывает, что в VIII в. применялись как двулезвийные, так и однолезвийные мечи, а может быть, и сабли. Однако первый вид оружия был, по-видимому, оружием только земледельческих народов; у кочевников сабля вытеснила из обихода меч, что ближе всего соответствовало их приемам ведения войны.

В заключение нужно отметить, что, несмотря на широкий размах археологических работ в республиках Средней Азии, находки оружия сравнительно редки. По существу в области изучения оружия ведется пока только первоначальное накопление материала. Поэтому автор надеется, что описанные находки представят несомненный интерес и в будущем займут свое место в обобщающих трудах по истории оружия.

Литература

1. О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Сб. «Археология Средней Азии». Ташкент, 1957, стр. 119.
2. Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 167—168.
3. А. А. Потапов. Пскентский могильник, 1930, стр. 49, 54 и др. Рукописный отчет, хранится в архиве Узкомстарис (за № 1143).
4. М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 127.
5. Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», VI, Сталинабад, 1961, стр. 74—75.
6. Г. А. Кушаев. Два типа курганных погребений правобережья реки Или. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, Алма-Ата, 1956, стр. 215—218.
7. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, МИА, 62, 1958, стр. 151—226.
8. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», I, Л., 1929, стр. 4.
9. А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, 3, стр. 48—54.
10. Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 3, Ереван, 1959, стр. 91—92.
11. Ал. Белазури. Китаб Футух албулдан. МИТТ, I, М.—Л., 1939, стр. 62.

А. П. РУНИЧ

КАТАКОМБНЫЕ МОГИЛЬНИКИ В РАЙОНЕ КИСЛОВОДСКА

Кисловодский район Ставропольского края богат археологическими памятниками разных эпох. Однако они, к сожалению, до сих пор не привлекли должного внимания археологов. Особенно слабо в научной литературе освещены многочисленные средневековые памятники Кисловодского района, среди которых выделяются аланские катакомбные

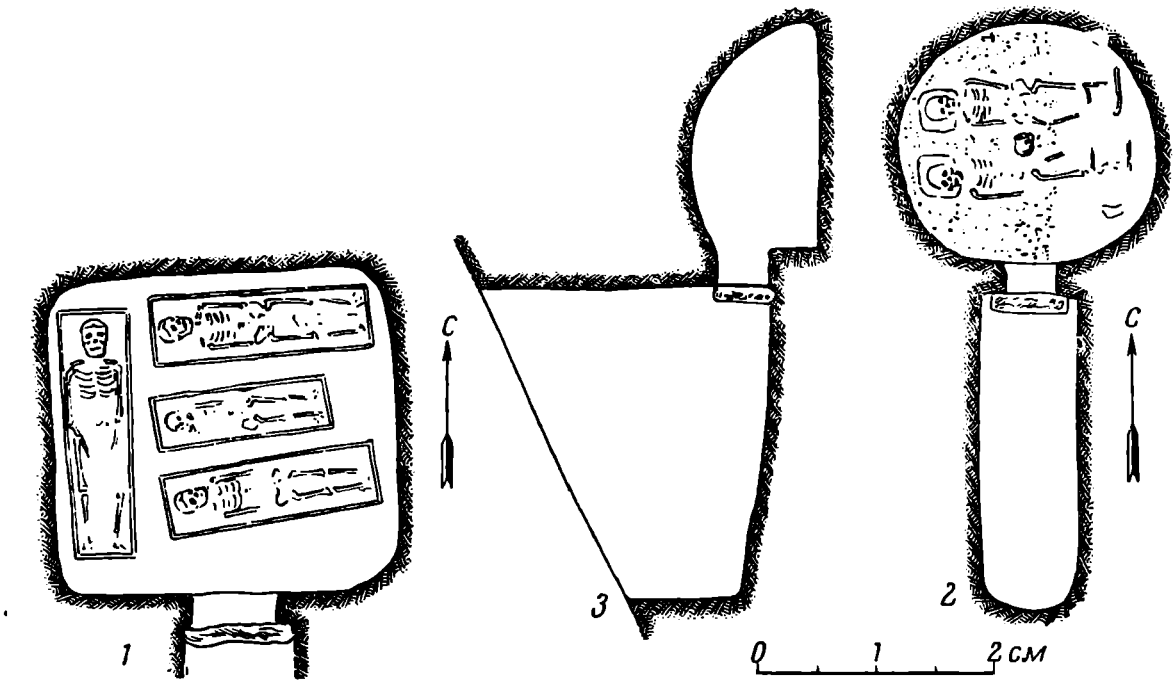


Рис. 1. Устройство катакомб на могильнике № 1

1 — катакомба № 2; *2,3* — катакомба № 12

могильники. Последние частично исследовались лишь в двух печатных работах, одна из которых давно устарела [1], а вторая содержит суммарное описание семи катакомбных могильников, расположенных в районе г. Кисловодска [2]. В настоящее время открыты еще десять катакомбных могильников. Ниже дается краткое описание четырех из них, открытых в 1958—1961 гг. автором при участии Н. Н. Михайлова и Э. В. Ртвеладзе.

Могильник № 1 расположен на северной окраине Кисловодска, на первой речной террасе левого берега Подкумка. Он открыт при строительстве мебельной фабрики. Грунт, в котором устроены погребения, представляет собой супесь с примесью гальки и щебня. Удалось установить, что площадь могильника составляет 0,6—0,7 *га*.

На этом могильнике исследовано 18 катакомб. Большинство камер в плане имело округлую форму, хотя встречались и камеры квадратной формы (например, катакомба № 2). Свод катакомб сферический, входные отверстия полукруглой формы были всегда расположены выше пола катакомбы и закрыты плитами. С поверхности земли к погребальным камерам вел узкий коридор — дромос. Обычная длина камер — около 2 *м* (рис. 1).

Интересны некоторые детали погребального обряда. В катакомбах № 2, 4, 6, 7, 9 и 18 зафиксированы погребения в деревянных гробах (всего 12). Гробы сделаны из дубовых досок толщиной 3—5 *см* и сбиты коваными железными гвоздями, четырехгранными в сечении. В ногах гробы у́же, чем в головах; крышки их плоские, обычно из одной

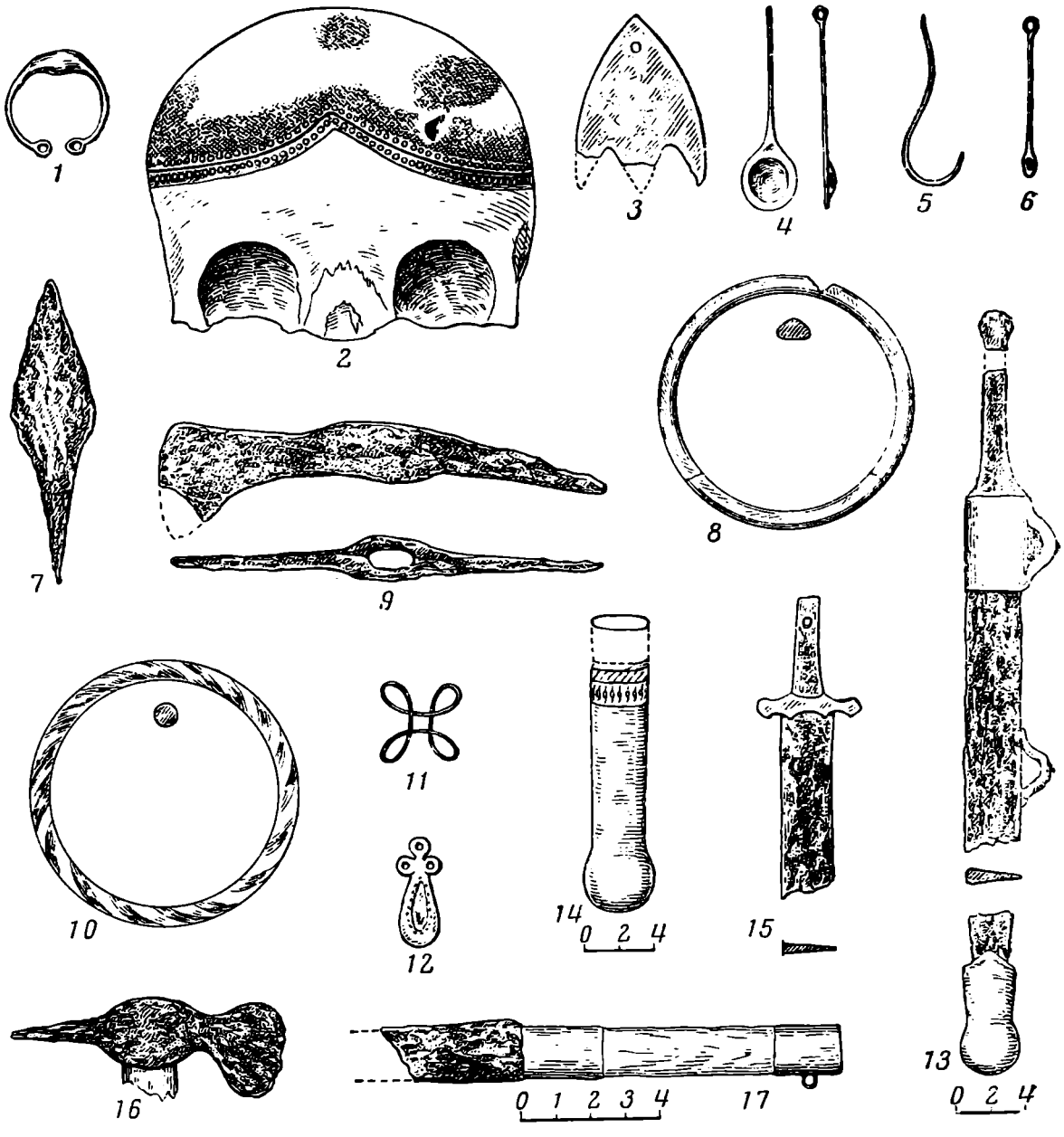


Рис. 2. Вещи из погребений в катакомбах

доски. Гроб в катакомбе № 7 был скреплен деревянными гвоздями, а в катакомбе № 18 крышка гроба была украшена бронзовыми пластинками в виде ломаной линии. Ориентировка погребенных неустойчивая — большинство лежало головой на запад, но встречались скелеты, ориентированные на юг (катакомбы № 6 и 12) и восток (катакомба № 14). В катакомбе № 6 из пяти скелетов три лежали на полу камеры без подстилки. Подстилка угля обнаружена в катакомбах № 9 и 12. В катакомбе № 7 под головой мужского скелета лежала материчатая подушечка, набитая хмелем.

Погребальный инвентарь разнообразен: оружие, орудия труда, украшения и предметы быта. Оружие состоит из обломков железных сабель с прямыми перекрестиями, бронзовыми и серебряными обкладками и наконечниками ножен (рис. 2, *13—15*) и железных маленьких секир (рис. 2, *9*). Из катакомб, раскрытых рабочими при строительстве фабрики, происходят плоские железные наконечники стрел (рис. 2, *7*). В катакомбе № 18 обнаружены остатки истлевшего деревянного колчана с полукруглым днищем, размеры которого 14,5×10 *см*. Судя по днищу, колчан был обтянут кожей, прибитой бронзовыми гвоздика-

ми с полукруглыми шляпками. Аналогичные колчаны известны также в Змейском могильнике [3]. Стрел в колчане не оказалось.

К орудиям труда мы относим железные тесла со втулкой, найденные в катакомбах № 6 (с остатками деревянной рукояти около 50 *см* длины) и № 14, железные ножи и клык кабана (катакомба № 5). Последние употреблялись в домашнем хозяйстве многих кавказских народов.

Украшения и предметы туалета немногочисленны: бронзовые серьги в виде незамкнутого кольца с отверстиями-ушками на концах (рис. 2, *1*), плоские бронзовые пластинки-«трезубцы» (рис. 2, *3*), черный и желтый стеклянные браслеты, треугольные в сечении (рис. 2. *8*), бусы сердоликовые и стеклянные посеребренные, многочисленные бронзовые бубенчики, нашивавшиеся на одежду, а также металлические зеркала с ушками, бронзовые шпильки 10—12 *см* длины (для приколки головных уборов и волос), туалетные бронзовые ложечки, ногтечистки и копоушки (рис. 2, *4—6*). В катакомбе № 5 обнаружены остатки истлевшей деревянной туалетной шкатулки и туалетная кисточка из щетины кабана, а в катакомбе № 2 — остатки головного убора на черепе (рис. 2, *2*).

В нескольких катакомбах были найдены складные бронзовые амулеты, а в них вложен войлок (катакомбы № 4, 5, 12). Один такой же формы амулет был сшит из кожи [2]. Старики-карачаевцы и сейчас носят подобные предметы с белой шерстью, которые охраняют от «дурного глаза».

Могильник № 2 расположен на левом берегу Подкумка, в 300 *м* к северу от дороги Кисловодск — Терезе, около городской свалки. Здесь были вскрыты две круглые в плане катакомбы (одна из них залегала на глубине 4,8 *м*). В обеих катакомбах содержались погребения в деревянных гробах, ориентированные на запад. В катакомбе № 2, кроме взрослых погребений, лежал на слое древесного угля детский скелет, ориентированный головой на юг. В юго-западном углу этой катакомбы найдены перемешанные остатки еще одного скелета, смещенного при последующих погребениях. В инвентарь входили: бронзовые бубенчики, бронзовый туалетный набор, серьги, бусы цветные стеклянные, пастовая глазчатая темно-синего цвета с красным глазком, сердоликовая. В целом инвентарь этих катакомб аналогичен вещам из катакомб у мебельной фабрики.

Юго-восточнее подножья известной Кольцо-горы расположено средневековое поселение. Около поселения, в 0,5 *км* к северу от гужевого моста через Подкумок, обнаружена осевшая катакомба (могильник № 3), вскрытая при участии сотрудника Пятигорского музея Е. Е. Ивашнева и школьников Кисловодска.

Камера в плане имела форму почти правильного круга и сферический свод. У северо-западной стенки на слое угля лежал вытянуто на спине мужской костяк. При нем найдены: у поясницы железный нож или кинжал (?) с деревянной ручкой и бронзовыми обкладками (рис. 2, *17*), у плеча железная секира (рис. 2, *16*), в области грудной клетки — бронзовые бубенчики со следами позолоты. Второй скелет покоился на деревянном настиле, устроенном в виде лестницы. Короткие поперечные доски впущены в соответствующие им по размерам пазы, вырезанные в длинных продольных досках. При этом скелете найдены: железный нож, три литые бронзовые пуговицы и железная секира. Третий скелет (женский) лежал на деревянном настиле, сделанном из досок, пригнанных вплотную. Часть досок была положена поперек, другая часть — вдоль настила. Инвентарь состоял из голубоватого стеклянного браслета (рис 2, *10*), металлического зеркала в кожаном футляре с вышитым на лицевой стороне «вензелем» (рис. 2, *11*), бронзовой подвески с зеленоватой стеклянной вставкой (рис. 2, *12*),

плохо сохранившегося бронзового туалетного набора, бронзового бубенчика, обрывка ткани с нашитыми мелкими бронзовыми бляшками. Около северной стены камеры обнаружены остатки трех истлевших деревянных сосудов.

В 100 *м* к северу от развилки шоссейных дорог Пятигорск — Кисловодск — Терезе в урочище Крымушкина балка находится могильник № 4. Катакомбы устроены на конусе выноса, образовавшемся в устье балки. Здесь исследованы три катакомбы. Даю краткое описание катакомбы № 3.

Камера находилась на глубине 3,7 *м* от поверхности. Входное отверстие обычной полукруглой формы было закрыто известняковой плитой и устроено на 0,65 *м* выше пола. У северной стенки на погребальной желобчатой колоде (шириной 0,51 *м*) лежал вытянутый женский костяк, ориентированный головой на запад. Толщина колоды у краев 8—10 *см*, в середине 4—5 *см*, под углы были подложены пять плоских камней. На черепе скелета найдена бронзовая пластинка, в области грудной клетки — 10 бубенчиков и цветные стеклянные, пастовые и каменные бусы.

Мужской костяк лежал на полу катакомбы вытянуто на спине, головой на запад. Около него найдены железные секира и тесло. Третий скелет был ориентирован головой на юг. Под череп подложен плоский камень. При этом погребении обнаружены железный нож длиной 11,5 *см* и массивный бронзовый бубенчик.

Из всего сказанного выше видно, что рассмотренные могильники имеют самую близкую общность как в характере и деталях погребального обряда, так и в могильном инвентаре. Все они, несомненно, относятся к одному отрезку времени. Последнее устанавливается массой прямых аналогий нашим находкам в материалах богатого Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии. Змейский катакомбный могильник датируется XI—XII вв. [4]. Отдельные аналогии находкам из катакомб у мебельной фабрики можно также указать в Усть-Тебердинском могильнике X—XII вв. [5].

Значение исследованных нами погребений состоит в том, что они дают новый интересный материал по еще слабо изученной позднеаланской культуре Северного Кавказа. При сопоставлении катакомбных могильников района Кисловодска с синхронными катакомбами Змейской станицы обнаруживается не только их разительная культурная общность, но и своеобразные отличия в погребальном обряде. Особенно обращает на себя внимание сравнительно широкое применение в кисловодских могильниках гробов и иных деревянных погребальных конструкций, которые ни разу не отмечены в катакомбах Змейской станицы. То же следует сказать и о плоских камнях под головами некоторых погребенных. Необычным является отсутствие керамики, которая в Змейских катакомбах найдена в огромном количестве. Эти факты говорят о локальных отличиях двух разных племенных групп алан, оставивших Змейский и кисловодские катакомбные могильники.

Литература

1. В. Ф. Смолин. Катакомбы на Рым-горе близ Кисловодска. Сб. «Краеведение на Северном Кавказе», № 1—2. Ростов-на-Дону, 1928.
2. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 15—29, рис. 1, 2, 5, 8, 11, 13.
3. В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.). Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. 1, Орджоникидзе, 1961, стр. 73, рис. 9.
4. В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, № 2, 1959.
5. Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Тиберды. Материалы по истории Ставропольского края, вып. 7, Ставрополь, 1955.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ, И. С. ВАЙНЕР

О НАДПИСИ И РИСУНКЕ НА КОСТИ ИЗ НОВОГО САРАЯ

В 1961 г. при археологических раскопках на Царевском городище (развалины одной из столиц Золотой Орды — Нового Сарая) была найдена левая лопатка быка типа Bastaurus, на которой тушью были нарисованы две человеческие личины и написано арабскими буквами несколько строк текста (рис. 1). Кость с рисунком и надписью найдена

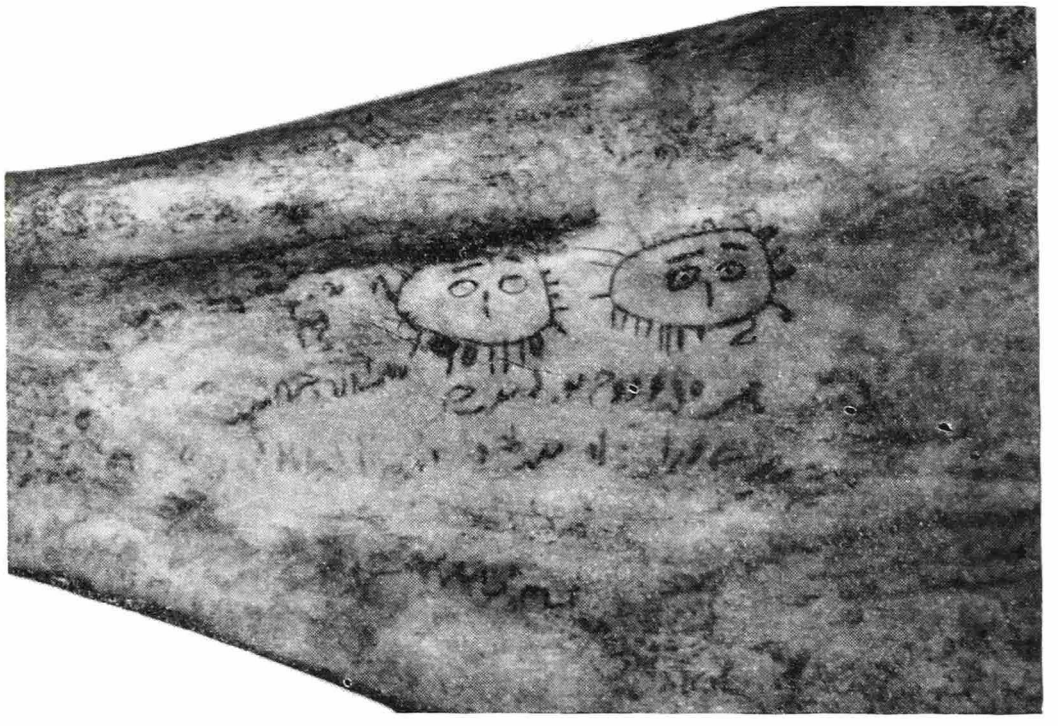


Рис. 1. Кость с надписью (деталь)

под завалами сырцового кирпича, образовавшимися от разрушения обычного для Нового Сарая дома. Материал, относящийся к этому дому, датируется поливной керамикой и монетами серединой или третьей четвертью XIV в. Местоположение дома, у стены которого с внешней стороны была найдена кость, ничем не примечательно. Это рядовой дом, расположенный недалеко от городского рва и вала вне города, в районе южных пригородов Нового Сарая [1].

На кости тушью, видимо, тонкой кисточкой были нарисованы в карикатурной условной манере два человеческих лица. В неправильном овале помещены круглые глаза с точками-зрачками. Две горизонтальные и одна вертикальная черточки обозначают брови и нос. Овалы лиц окаймлены черточками и закорючками, обозначавшими, видимо, волосы, уши и бороду. Можно предполагать, что этот рисунок был сделан взрослым человеком. Он содержит некоторые черты, мало характерные для детского рисунка. Подчеркнутые брови и отсутствие рта говорит против определения нашего рисунка как детского. Для детей более характерно стремление изобразить и подчеркнуть на лице рот. Брови ж на человеческом лице в изображении детей обычно встречаются редко [2].

Самое интересное в нашей находке это надпись. Она сохранилась очень плохо. Только после ряда специальных фотографий, произведен-

[1] Кость найдена на раскопе II, который велся силами отряда Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова (Ленина). В настоящее время кость хранится в кабинете археологии КГУ.

[2] Пользуемся случаем поблагодарить Г. В. Лабунскую за консультацию по вопросам детского рисунка.

ных Б. Л. Знаменским в микрофотолаборатории Главного Архивного Управления[3], оказалось возможным разобрать отдельные слова и некоторые сочетания слов. Надпись, видимо, состояла из двух частей. Слева от рисунка несколько наискось были написаны две строки текста. Вторая часть надписи расположена под рисунком и содержит, видимо, три строки. Ниже располагался какой-то схематический рисунок, представляющий собой едва заметный неправильный четырехугольник, нарисованный красной тушью или краской. Последняя деталь почти совершенно стерта.

Первая часть надписи может быть прочтена следующим образом.

لعمر الله هجا

Перевод: высмеивание (т. е. сатира, карикатура.— *Г. Ф.-Д.*). Клянусь аллахом...

Продолжение второй строчки не читается.

Вторая часть надписи может читаться так:

قول قويدم... على... [قيلو ر ?] ولد محمد

Начало и продолжение первой строки стерто, второе слово и продолжение второй строки так же стерто, третья строка не читается совсем: от нее остались лишь следы отдельных букв.

Перевод: ...руку свою приложил...

Али... (сделал?) сын Мухаммеда...

Это чтение было предложено Э. Н. Наджипом [4]. Сомнение вызывает слово قيلو сделал. Более подходило бы здесь слово, которое являлось составным элементом имени Али в случае, если выражение «сын Мухаммеда» относится именно к Али.

Вторая часть текста Э. Н. Наджипом определена как надпись, сделанная на кыпчакском языке. Арабское выражение لعمرالله «клянусь аллахом» — возможно в этом тексте. Следовательно, в целом следует признать, что надпись представляет собой памятник кыпчакского языка. Этот язык был одним из самых распространенных языков в Золотой Орде. Возможно, это был господствующий язык в Золотой Орде и ее городах. Как бы ни был мал и фрагментарен тот текст, который удалось прочесть, публикуемая находка ценна как единственный пока памятник бытовой речи рядовых горожан Нового Сарая.

Какой смысл был в рисунке и надписи? Очевидно, их сделал один человек. И рисунок и, особенно, почерк надписи свидетельствуют, что этот человек был взрослым. Слово هجا как-то связывает текст и рисунок. Рисунок, возможно, представляет карикатуру на двух каких-то людей. Но, конечно, с полной уверенностью об этом сказать ничего нельзя.

М. УСМАНОВ

О ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАДПИСИ ИЗ НОВОГО САРАЯ

Надпись из Нового Сарая читается так:

هجا... لعمرالله... قول قويدم... على... ولد محمد...

— хиджа̄ ... ла'амраллах... кол койдӣм... 'Али... валаду — Мухаммад...— «Сатира (юмор)... [клянусь] жизнью аллаха [я] руку приложил... Али... сын Мухаммеда...».

Из надписи нужно брать лишь фразу قول قويدم, так как чисто арабские слова هجا لعمرالله и собственные имена при определении принадлежности данной рукописи к тому или иному тюркскому языку для исламизированной тюркской среды нейтральны.

---

[3] Приносим глубокую благодарность Б. Л. Знаменскому и заведующей реставрационным отделом ГИМ С. И. Скопинцевой за их работу над описываемой костью.

[4] Считаем своим долгом выразить признательность Э. Н. Наджипу за его консультацию.

Фраза *кол коймак* (руку приложить, т. е. подписать) встречается во многих старописьменных тюркских языках, даже в азербайджанском, где мы можем ожидать вместе *кол* и *äl* «рука». Значит, возможность определения принадлежности данного текста к какому-либо тюркскому языку на основании лексических данных отпадает. В нашем распоряжении остаются орфографические и фонетические особенности письма, и то лишь одного слова قويدم «[я] приложил». В тюркских языках форма глагола *койдïм* является прошедшим категорическим временем 1-го лица единственного числа.

Как известно в тюркологии, в восточнотуркестанских и среднеазиатских письменных памятниках почти всегда указывается наличие вокализмов [1]. В этом отношении «восточные» рукописи определенного периода существенно отличаются от «западных», т. е. огузо-кыпчакских. Ко времени формирования так называемого чагатайского языка восточнотюркская орфография стала более устойчивой и унифицированной, что можно видеть, например, из гератских списков XVI в. произведений Алишера Навои [1].

В Золотой Орде, как справедливо указывает Э. Наджип, существовали две разновидности литературного языка: собственно кыпчакский и кыпчакский под некоторым влиянием среднеазиатского литературного тюрки [2]. К этому времени они уже имели достаточно богатую традицию. «Хосров и Ширин» Кутба и «Мухаббат-наме» Хорезми (классические памятники золотоордынского цикла) относятся ко второй разновидности. Это подтверждают и орфографические особенности рукописей. Например, в «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.) мы встречаем: قيلديم «я сделал», قيلغو غا كيلديم «я пришел, чтобы делать», يانكيلديم «я ошибся», قويدوم «я оставил, поставил, положил» [3]. В «Мухаббат-наме» Хорезми (XIV в.) находим: نامه قيلديم «я сделал десять писем», ياد قيلديم «я вспомнил, я твердил», بويون سو ندوم «я согнулся, я подчинился» и т. д. [2]. Как мы видим, везде глагольная форма-*дïм* пишется через ى или و, последнее при губной гармонии. В одном примере есть случай употребления лишь зубца без диакритических знаков, что тоже было нормальным и распространенным явлением, ибо и пустой зубец указывал на наличие гласного.

Иначе передают гласные знаменитые словари кыпчакского цикла арабских филологов. Труды Ибн-Муханны и Абу-Хайана, составленные в XIV в. на огузско-кыпчакском и кыпчакско-огузском языковом материалах, дают уже другие факты написания глагола 1-го лица единственного числа прошедшего категорического времени.

Ибн-Муханна: سيزكا كَلْدُم «я к вам пришел», انكا بَارُدم «я к нему ходил», فلان فلان بيلا باردُم «я с теми-то ходил», كله بِلْمَدُم «я не смог прийти», بَارَه بِلْمَدُم «я не смог идти» и т. п. [4].

Абу-Хайан: تُنْلا طُرْدُم «я встал ночью», سنجرنى كُرْدُم «я видел Санджара», سَنِ سَوْ مَكِمْدَنْ كَلدِم «я из-за любви к тебе пришел» и др. [5].

Разумеется, арабские филологи не могли не опираться на письменные источники, написанные представителями тех языков, на материале которых они работали. Если к этому добавить то обстоятельство, что данные словари были составлены разными авторами, в разных местах и в разное время, то становится очевидным, что орфографические приемы западных тюрков имели определенную и распространенную традицию, и она несколько отличалась от правил передачи гласных в «восточных» памятниках.

В текстах булгаро-татарской эпиграфики глагольная форма категорического прошедшего времени 1-го лица не встречается. Однако мы располагаем фактами разнописания слов со звуком *ï*, например: يكرمى ايكى ياشندا (1311/1312); اوتز بيش ياش ندا (1328 г.); او توز التى يا شندا (1399 г.); يا شيندا ل

[1] Однако надо учитывать, что обычно употребляемые арабские гласные буквы ا, و, ى не могли качественно передавать тюркского вокализма.

قرق (1519/1520 г.); او توز التی یاا (1530 г.) и др. [7]. Из этих примеров видно, что кроме слова *jaшïнда* «в возрасте» орфографическому разнописанию подверглось и *утïз, отуз* «тридцать». Эти разногласия, зафиксированные в памятниках одного и того же народа, являются, на наш взгляд, результатом былой борьбы между местным разговорным языком, с одной стороны, и постепенно проникающей из Средней Азии орфографической нормой, с другой. Показательны и даты составления эпиграфических памятников. Поздние памятники татарского языка, т. е. памятники XVI—XIX вв., свидетельствуют об относительно полной победе среднеазиатской орфографической нормы в передаче гласного.

Если сравнить нашу фразу اقول قویدم с вышеприведенными примерами, то она орфографически может быть отнесена к «западной» группе письменных памятников, к кыпчакско-огузской и кыпчакско-булгарской.

Следует еще обратиться к фонетическим данным современных литературных тюркских языков. В узбекском языке, являющемся наследником староузбекского (чагатайского), в форме глагола 1-го лица единственного числа прошедшего времени типа *ё здим* «я написал», *ўқидим* «я читал», *қўйдим* «я ставил, положил, оставил» и т. д. звук *ï* (графически *и*) является хотя и более коротким, но стоящим между русскими *ы* и *э* [7]. В языках, относимых к кыпчакской группе (в ногайском и каракалпакском), звук *ï* (графически *ы*) является «кратким неполного образования», «как в казахском» языке [8]. В казахском *ы* очень краткий, даже беглый звук [9], и он в позициях типа *кojдïм* произносится примерно так же, как в суффиксе *из:м*. В татарском, несомненно кыпчакском, *ï* (графически *ы*) очень краткое. При сравнении подударного *ы* с подударным *а* в закрытых слогах экспериментальная фонетика дала такие соотношения: *а* : *ы*, как 22,4 σ : 9,3 σ [11].

Интересующее нас *ï* (*ы*) в кыпчакских языках, разумеется, было кратким и в средневековье, что отразилось в некоторых письменных источниках, особенно в словарях кыпчакского цикла и в памятниках булгаро-татарской эпиграфики. Оно же, т. е. качественное отличие кыпчакского *ï* от староузбезкского *ï*, может объяснить орфографическое несоответствие, которое было нами прослежено.

В свете вышеприведенных орфографических фактов из средневековых источников и фонетических данных современных языков можно предполагать, что фраза на лопатке была написана на одном из кыпчакских наречий. Считать, что это орфографический дефект, мало основания, так как наличие арабских слов, свойственных высокому литературному стилю, указывает на определенную грамотность автора. Возможность, что наш автор не знал тюркской орфографической традиции или пренебрегал ею (если будем подразумевать только среднеазиатскую), лишний раз подкрепляет наше предположение, ибо в таком случае он опирался на орфоэпию своего или окружающего его языка. А в Старом и Новом Сараях, как известно, в основном жило кыпчакоязычное население. К сожалению, из-за краткости и отрывочности этот текст, разумеется, не может дать более полные данные для характеристики языка автора в целом.

Литература

1. Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского КГУ, сектор восточных рукописей, ед. хр. 15334, 1742.
2. Э. Наджип. Хорезми. Мухаббат-наме. М., 1961, стр. 9—10.
3. Ananiasz Zajączkowski. Najstarsza wersja turecka Husräv u Šïrïn Quṭba. Facsimile. Warszawa, 1958.
4. М. А. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 15, 43.
5. Abu — Hayyân Kitâb al-Jdrâk li — lisân al — Atrâk. Istanbul, 1931, стр. 135, 139, 141.
6. Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л., 1960, табл. 10, 22, 45, 68, текст 4.
7. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.— Л., 1960, стр. 16—17.
8. Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.— Л., 1940, стр. 7; его же, Каракалпакский язык, II, М., 1952, стр. 31.
9. Р. М. Муллина. Казахский язык, ч. I — Фонетика, Алма-Ата, 1958, стр. 18.
10. У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, ч. 1, Казань, 1959, стр. 49, 56.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

ДВЕ НАДПИСИ МОСКОВСКИХ НЕМЦЕВ

Коллекция лапидарных надписей древней Москвы, сделанных на иностранных языках, сравнительно невелика. В нее входят около двадцати документов. Между тем такие надписи имеют несомненный интерес, ибо являются своеобразными свидетельствами о международных связях России, о развитии ее экономики и культуры.

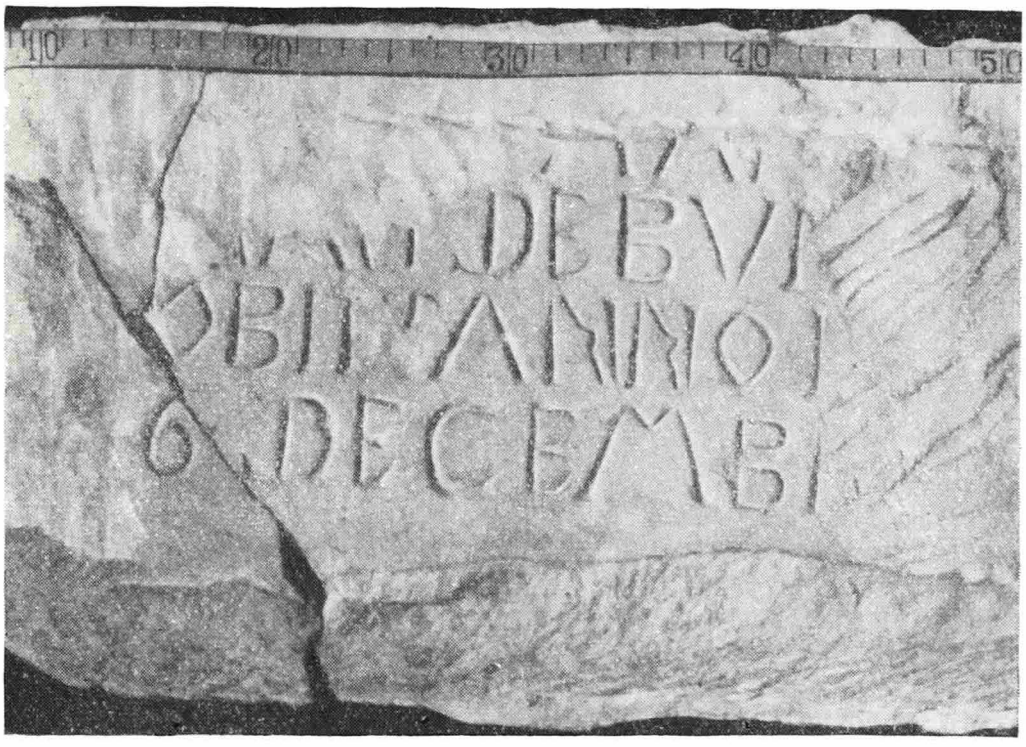


Рис. 1. Надгробие магдебуржца

Недавно при реставрации бывшей церкви Николы на Болвановке (у Таганских ворот) были найдены еще два подобных памятника, относящихся к XVI в. Это были обломки белокаменных плит, которые лежали плашмя один на другом в кладке апсиды на высоте второго этажа и для обозрения были недоступны. Первым был открыт обломок, содержащий латинскую надпись (рис. 1). Размеры его — 55×23 *см*, толщина 13,5 *см*, высота букв — 3,5 *см*. В целой плите это был, видимо, нижний левый угол: под цифрой 6 хорошо видна рамка в виде бороздки. По левому краю располагается начало трех слов и перед ними, судя по всему, никаких надписей не было. Сохранившаяся надпись состоит всего из 5 слов, расположенных в четырех строках. На первой строке сохранилась неполностью лишь буква *a*. На остальных строках, если брать только целые буквы, можно прочитать:

...DEBV...
OBIIT ANNO 1...
6 DECEMB...

Слово OBIIT «умер(-ла)» говорит о том, что это надгробие. Есть обозначение дня и месяца — 6 DECEMB, 6 DECEMBRI. Последняя буква стесана, от буквы R сохранились мачта и отходящие от нее две линии кузовка и линия подпорки. От обозначения года — ANNO — остался лишь знак тысячи, но определить время изготовления плиты все-таки можно точно по весьма своеобразному шрифту надписи, о чем будет сказано ниже. Время надписи — последняя четверть XVI в. Име-

ни погребенного здесь нет, зато можно установить, откуда он был родом. На второй строке сохранилась часть какого-то слова: ...DEBV... Однако можно восстановить и несколько других букв. Так, за буквой V следующей стоит, несомненно буква R: хорошо различимы все три поперечные линии, отходящие от мачты (в обоих R этой надписи нижняя линия кузовка и подпорки не сходятся). Перед буквой D стоит, очевидно, G, у которой целиком сохранилась нижняя часть. Рядом стоящую

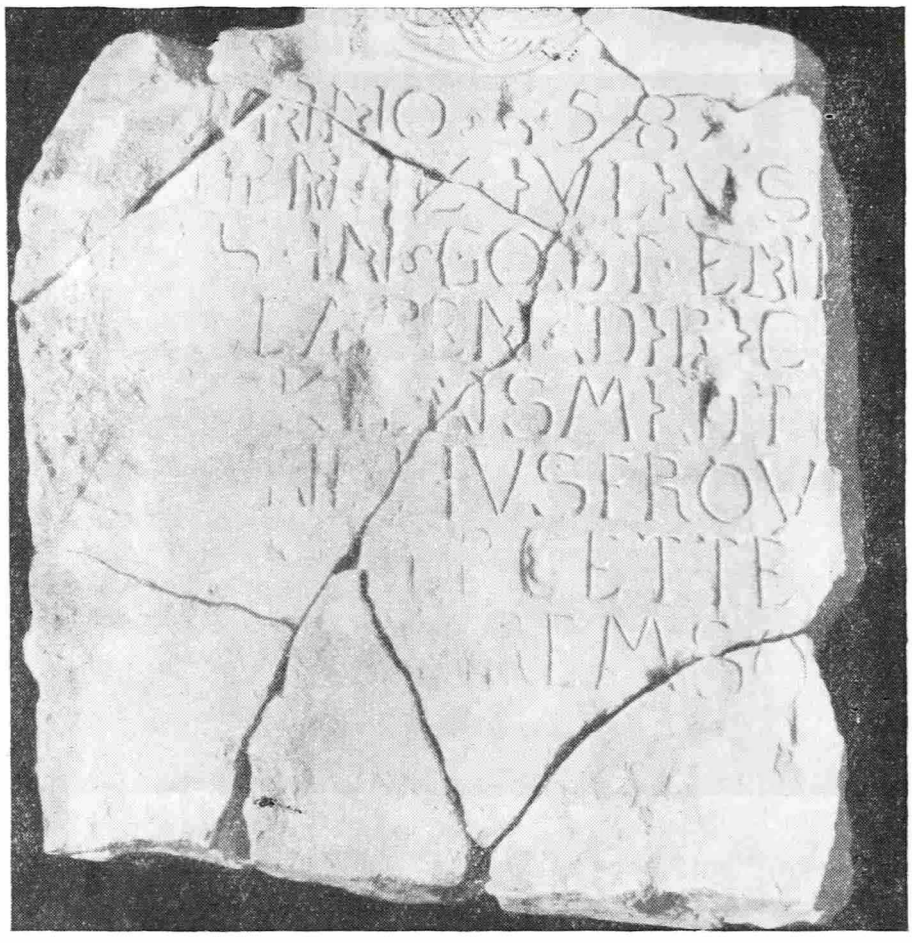


Рис. 2. Надгробие Дитриха

букву также узнать нетрудно, это — A, точно такое же, как и в слове ANNO. От соседней крайней слева буквы сохранился только низ правой мачты с наклоном, левая сбита. Вместе с тем ясно, что эта буква была очень широка в основании, гораздо шире A (на ширину этой буквы поверхность плиты не сбита). Такой широкой буквой может быть только M (ср. в слове DECEMBRI). В целом же получается MAGDEBVR..., очевидно — название города MAGDEBVRG или прилагательные, образованные от этого слова.

Вторая плита является также частью надгробия (рис. 2). При извлечении ее из стены она распалась на шесть частей. В таком виде размеры ее 62×55 *см*, толщина 7,5 *см*. Плита сильно обтесана, так что надпись сохранилась неполностью и с пропусками. Чтению поддаются семь строк, а всего их было, видимо, десять. В каждой строке, примерно 11 букв. Высота их равна 4,3 *см*. Шрифт тот же, что и на вышеописанной плите,— капитальный латинский с местными особенностями, характерными для лапидарных надписей некоторых городов средневековой Германии [1, 2].

К числу этих особенностей относится начертание в некоторых буквах мачт и соединительных линий с небольшим изгибом в виде лука,

поэтому такие буквы можно было бы назвать «лучковыми». Так писались H, I, N (ср., например, букву N предыдущей надписи). Этот шрифт известен с XII в. (ср. надписи на знаменитых Магдебургских вратах) [3]. После 60—70-х гг. XVI в. он почти совершенно исчезает (известны только единичные надписи 1584, 1600 и 1617 гг., причем «лучкового» I там уже нет; оно пропадает уже в 40—60-х гг. [1, 2] XVI в. Поэтому появление его в публикуемой надписи — уже анахронизм). Качество резьбы на плите очень хорошее, можно сказать — высокохудожественное. Содержание надписи таково:

ANNO 1584
DEN 12 IVLIVS
...S IN GODT ENT
SLAPEN DIRIC
...K ...NSMIDT
...NE. HVS FROV
... ...CETTE

Судя по тому, как здесь написаны некоторые слова, например ENTSLAPEN вместо ENTSCHLAFEN («почить», «преставиться»), HVS FROV(WE) вместо HAUS FRAU, что обычно переводится как «законная супруга» — эта надпись сделана на одном из нижненемецких диалектов. Прежде чем перевести надпись на русский язык, надо восстановить утраченные буквы и прочесть некоторые слова. В начале третьей строки стерта буква I (от нее осталась верхушка мачты). В целом же слово читается IS, т. е. IST. В четвертой строке значится имя DIRIC..., которое писалось по-разному, иногда DIERICKX [4] (последние буквы здесь также стерлись). Это сокращенная форма от Дитрих. Далее должна следовать фамилия этого лица или — что было весьма обычным в те времена — его прозвище или профессия, заменявшие фамилию. К сожалению, за буквой K в надписи идет большая выбоина. Однако ясно видно, что здесь помещались две одинакового размера буквы, от которых сохранились их основания. Следовательно, здесь должно быть сочетание букв L и E ибо только они подходят здесь. Из трех сочетаний — EE, EL и LE правильным, очевидно, будет последнее. Получаем: KLENSMIDT, т. е. der KLEINSCHMIEDT. Этот термин был широко распространен в средневековой Германии и означал слесаря (теперь — *der SCHLOSSER*). Из старинных документов известна другая такая фамилия, вернее — прозвище по профессии: ELBIL KLEYNSCHMYD, т. е. Эльбиль-слесарь [5]. В шестой строке первое слово, несомненно, SINE, т. е. SEINE «его». В начале седьмой строки должно быть окончание предыдущего слова, которое тогда писалось так: FROVWE [6]. Далее следует не совсем понятное нам слово. По традиции, установившейся на подобных надписях, здесь должна стоять фамилия погребенного. Возможно, что это и есть часть фамилии, состоящей из двух слов. Но, может быть, что это имя Кэтте, т. е. «Екатерина», которое писалось тогда и с буквы C [5]. В целом же надпись читается так:

ЛЕТА 1584
12 ИЮЛЯ
В БОГЕ ПОЧИЛА
ДИТРИХА СЛЕСАРЯ
ЗАКОННАЯ ЕГО СУПРУГА
КЕТТЕ (?).

Недалеко от места находки этих памятников (т. е. на месте теперешней Таганской площади) в конце XVI — начале XVII вв. располагалось отмечаемое на всех планах того времени «Немецкое кладбище» — SEPULTURAE GERMANORUM [7]. Остатки его видны на панораме Москвы середины XVII в., сделанной Мейербергом [10]. Публикуемые

памятники, несомненно, взяты с этого кладбища. Кстати сказать, они уже не первые в церкви Николы на Болвановке и известны были В. Н. Щепкину [8].

В Москве XVI—XVII вв. проживало много иностранцев. Главным образом это были ремесленники разных специальностей, а также врачи, аптекари, военные и пр. Русское правительство, нуждаясь в специалистах, с охотой принимало таких людей. Однако не всех. Из политических соображений предпочтение отдавалось протестантам разных толков [9]. Поэтому более всего в древней Москве было немцев из средне- и нижнегерманских княжеств, голландцев и швейцарцев. Ехали в Россию охотно в поисках лучшей жизни, спасаясь от религиозных и других преследований. Среди приезжих были и семьи слесаря Дитриха и неизвестного магдебуржца. Среди московских ремесленников-иностранцев было в то время по крайней мере и два хороших резчика по камню, почерк которых явственно сказывается на известных нам надгробиях жителей «Немецкой слободы» древней Москвы. Изготовляя надгробия, они, видимо, использовали готовые, по стандарту сделанные и украшенные их русскими коллегами камни, на которые наносили надпись (таково надгробие жены Дитриха и др.), ибо по орнаменту и формам надгробия иностранцев ничем не отличаются от надгробий русских, что подтверждается также и вышеупомянутым рисунком Мейерберга.

Литература

1. F. V. Arens. Die Inschriften der Stadt Wimpfen an Neckar. Die Deutschen Inschriften, 4, Stuttgart, 1958.
2. E. Schubert, J. Görlitz. Die Inschriften des Naumburger Doms. В кн.: Die Deutschen Inschriften, 6, Berlin, 1959.
3. W. Semkowicz. Paleografia Lacinska, Krakow, 1951, стр. 550, 547—549.
4. H. Bahlow. Deutsches Namenbuch, Neumünster, 1933.
5. A. Bach. Deutsche Namenkunde, I, Heidelberg, 1952.
6. O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch, Halle, 1872—1882.
7. И. М. Снегирев. Москва, I, М., 1875, стр. 169.
8. В. Н. Щепкин. Описание надгробий. Отчет Исторического музея за 1906 г. Приложения, М., 1907, стр. 83, 84, 90.
9. Д. Цветаев. Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразования, М., 1890.
10. Собрание рисунков к путешествию в Россию барона Мейерберга, СПб., 1827, листы 51, 52.

Критика и библиография

Т. А. Бунятов. Очерки азербайджанской археологии. Азернешр, Баку, 1960, 237 стр. Тираж 3000. Цена 4 р. 95 к. (на азерб. яз.)

Изучение археологии Кавказа за годы Советской власти и особенно за последние 15 лет достигло больших успехов. В широких масштабах развернуты археологические исследования как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Эти работы, с одной стороны, привели к существенным по своему значению открытиям, позволяющим проследить развитие культуры на Кавказе с самых ранних этапов истории человечества до позднего средневековья. С другой стороны (что также весьма важно), они способствовали созданию местных национальных кадров археологов. В результате возникла возможность подготовки сводных трудов по археологии отдельных республик и областей Кавказа. Красноречивым свидетельством этого является как раз рецензируемый труд.

Т. А. Бунятов — молодой ученый, окончивший аспирантуру Института археологии АН СССР и являющийся в настоящее время старшим научным сотрудником Института истории АН АзербССР, выполнил серьезную работу. Он сделал первый и, надо сказать, довольно удачный опыт систематизации и обобщения огромного археологического материала, добытого в Азербайджане в течение около 100 лет. В своих «Очерках» Т. А. Бунятов прослеживает историко-культурное развитие Азербайджана с древнейших времен до XV в. При этом характеристика отдельных этапов развития Азербайджана дается им не изолированно, а на широком фоне и в тесной связи с развитием сопредельных областей Кавказа и Передней Азии. В работе, помимо археологических материалов, широко использованы данные письменных источников, этнографии и др. Автор показал, что он хорошо знаком с обширной литературой по истории, археологии и этнографии Кавказа. Правда, ему не удалось в должной степени охватить все проблемы и осветить многие важные вопросы. Некоторые из поднятых им вопросов решаются неправильно. В работе имеются и другие недостатки, на которых мы остановимся ниже. «Очерки» состоят из введения, девяти глав и заключения. К ним приложен список использованной литературы.

Первая глава (стр. 7—21) носит историографический характер. Автор отдельно рассматривает дореволюционный и советский периоды археологического изучения Азербайджана. Изучение памятников материальной культуры Азербайджана началось еще в первой половине XIX в., но сравнительно широкий размах приняло лишь в его последней четверти. Т. А. Бунятов подробно описывает исследования, проведенные до революции в различных районах Азербайджана Дюбуа де Монпере, А. Берже, Жаком де Морганом, В. Бельком, Р. Реслером, А. А. Ивановским, Е. Лалаяном и др. К сожалению, характеристика этих исследований носит сугубо описательный характер и автор ограничивается самыми общими выводами.

Более подробно Т. А. Бунятов описывает результаты, достигнутые в изучении археологии Азербайджана за годы Советской власти. Создание научно-исследовательских учреждений и музеев и подготовка местных национальных кадров археологов способствовали развертыванию широких и систематических археологических исследований в Азербайджане. Автор правильно подчеркивает ту большую роль, которую сыграли в изучении археологии Азербайджана и развитии здесь археологической науки такие ученые, как И. И. Мещанинов, Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский и др. Т. А. Бунятов подробно характеризует и деятельность местных работников — А. А. Алекперова, Я. И. Гуммеля, И. М. Джафар-заде, Е. А. Пахомова, М. С. Казиева. Вполне естественно, что он уделяет особое внимание результатам многолетних раскопок Оренкалы и особенно Мингечаура, где исследованы разнообразные памятники от энеолита до позднего средневековья. Автору следует сделать упрек, что он недостаточно охарактеризовал плодотворную работу большой группы молодых археологов Азербайджана и не подчеркнул той огромной роли, которую сыграл Ин-

ститут археологии АН СССР в подготовке национальных кадров археологов. В конце главы следовало также в общих чертах указать на основные задачи и перспективы дальнейших археологических исследований в Азербайджане.

Вторая глава (стр. 22—36) посвящена характеристике палеолита. Еще 10—12 лет назад памятники древнего каменного века на территории Азербайджана не были изучены. Открытие и исследование их здесь, связанное с именами С. Н. Замятнина и М. А. Гусейнова, является одним из важных достижений в изучении археологии Кавказа за последнее десятилетие. Автор отмечает, что сравнительно с Арменией и Грузией палеолит Азербайджана изучен значительно хуже. Т. А. Бунятов останавливает внимание читателей главным образом на палеолитической пещере у с. Дашсалахлы Казахского района, где открыты памятники раннемустьерского времени. Это и понятно, ибо в то время, когда писались настоящие «Очерки», эта пещера была, пожалуй, единственным палеолитическим памятником, исследованным в Азербайджане. Сейчас здесь открыты уже новые разновременные палеолитические памятники.

Т. А. Бунятов дает подробное описание дашсалахлинской пещеры и найденных в ней древнейших каменных орудий. Кроме этого, в главе приводятся и палеонтологические материалы, обнаруженные в Азербайджане, в частности в Акстафе, Самухе и на Апшеронском полуострове.

Чтобы составить у читателя более полное представление о древнем каменном веке Азербайджана, автор использует материалы палеолитических памятников сопредельных областей Кавказа.

К недостаткам данной главы следует отнести то, что автор без серьезных оснований включает в группу палеолитических памятников Азербайджана ряд случайных находок, например кремневый нож из Апшерона (находка И. М. Джафар-заде) и некоторые каменные орудия из Килик-Дага (найденные Я. И. Гуммелем, стр. 35). Эти предметы относятся несомненно к позднему времени, не ранее эпохи неолита.

В третьей главе (стр. 37—45) «Неолит — новый каменный век» Т. А. Бунятов справедливо подчеркивает, что неолит не только Азербайджана, но и всего Кавказа изучен крайне недостаточно; он ждет еще своего исследования. Глава начинается с общей характеристики мезолита, после чего автор дает описание известных в Азербайджане отдельных неолитических памятников. Это — мастерская каменных орудий в Килик-Даге, нижний слой Кюль-Тепе у Нахичевани, курган № 119 в Степанакерте, стоянка № 133 в Ганджачайском районе, курганы в Шамхоре и другие памятники. Но не все указанные на стр. 41—43 памятники могут быть с одинаковой уверенностью отнесены к неолиту, и это нужно было оговорить. Нам представляется, что, учитывая слабую изученность палеолита и неолита Азербайджана и, как следствие, недостаточность материала для широких обобщений, автору следовало бы объединить эти главы в одну под названием «Каменный век Азербайджана».

Четвертая глава (стр. 46—63) посвящена изучению памятников энеолитической культуры на территории Азербайджана. Автор дает правильную характеристику энеолитической эпохи и указывает на ее место в историко-культурном развитии человечества. Первостепенное значение для изучения энеолита Азербайджана (да и всего Закавказья) имеет соответствующий слой Кюль-Тепе у Нахичевани. Кюль-Тепе — один из замечательных памятников кавказской археологии. Мощность его культурных отложений достигает около 20 м. Толщина же слоя, относящаяся к энеолиту, превышает 8 м. Это поселение по ряду существенных признаков четко сближается с большой группой памятников, характеризующих культуру так называемого куро-аракского энеолита. Область распространения этой культуры выходит за пределы Закавказья. Она охватывает на севере Дагестан и Чечено-Ингушетию, а на юге и западе — Иранский Азербайджан и Восточную Анатолию. Поэтому автор подробно останавливается на этом памятнике и дает детальную характеристику обнаруженного здесь разнообразного материала, особенно керамики. Он описывает и погребения, открытые в нижних отложениях Кюль-Тепе, но не делает попытки связать их с определенным культурным слоем. Не дается в работе и культурно-историческая характеристика этих погребальных комплексов.

Изучая материалы из Мингечаура, автор ограничивается кратким их описанием (стр. 50). Он датирует их второй половиной III тысячелетия до н. э. Учитывая неразработанность относительной и особенно абсолютной хронологии памятников кавказского энеолита, Т. А. Бунятов, как нам думается, должен был бы подчеркнуть условность предложенной даты. В работе нашли отражение и другие памятники, относящиеся к данной эпохе. Это — ряд курганов, исследованных в Нагорном Карабахе и Ганджачайском районе. Материал этих памятников отличается от того, который мы находим в Кюль-Тепе и других памятниках куро-аракского энеолита. По-видимому, это различие объясняется скорее всего локальным развитием этих районов Закавказья в III тысячелетии до н. э.

Весьма ценно, что в конце главы автор на основании фактического материала характеризует развитие хозяйства, ремесла и социального строя закавказских племен в эпоху энеолита. Он допускает только ошибку, говоря о матриархате в энеолите. Он обосновывает это находкой глиняной женской статуэтки в поселении Узерлик-Тепе, относящемся к эпохе бронзы. Безусловно, что в III тысячелетии до н. э. племена Кавказа и, в частности, Азербайджана находились на более высокой ступени общественного развития — у них были уже развиты партиархальные отношения.

Следующие две главы посвящены изучению культуры эпохи бронзы Азербайджана. В пятой главе (стр. 64—86) характеризуются две археологические культуры эпохи бронзы — нахичеванская и ходжалы-кедабекская. Кроме того, в отдельную группу выделены памятники типа наскальных изображений, менгиров, циклопических сооружений и т. д. Культура эпохи бронзы Закавказья, как известно, изучена преимущественно по погребальным памятникам. Правда, за минувшее десятилетие исследован, в частности в Азербайджане, ряд бытовых памятников — поселения в Мингечауре, у г. Агдама (Узерлик-Тепе), в Казахском районе (Сары-Тепе) и др. Очень важно в данном случае, что Т. А. Бунятов уделил основное внимание как раз описанию этих новых бытовых памятников. При этом автору представлялась хорошая возможность подробно остановиться на характеристике так называемой триалетской культуры, памятники которой выявлены не только в Грузии, но и в Армении и Азербайджане. При этом в Азербайджане исследованы и бытовые памятники данной культуры (в частности, Узерлик-Тепе). В свете новых материалов, добытых, например, в самом Азербайджане, можно по-новому ставить вопрос об ареале этой культуры, проблеме ее хронологизации и т. д. Но Т. А. Бунятов этого не сделал и по существу обошел эти вопросы, что является, как нам кажется, большим недостатком «Очерков».

Следует особо сказать и о следующем. Автор не прав, когда известную в науке так называемую кызыл-ванкскую культуру или культуру крашеной керамики Закавказья называет повсеместно нахичеванской культурой, т. е. дает этой культуре еще одно название. Этим самым Т. А. Бунятов вносит определенную путаницу в археологию Закавказья. Надо отметить также, что характеристика ходжалы-кедабекской культуры дана в работе далеко не полно. Автор уделил недостаточное внимание таким вопросам, как выделение основных признаков и локальных особенностей этой культуры, установление ее хронологии и определение ее связей с синхронными и очень близкими в культурном отношении памятниками Армении и Грузии.

Заслуживает одобрения то обстоятельство, что Т. А. Бунятов специально останавливается на комплексе наскальных изображений Кобыстана (Апшерон) — одном из интереснейших памятников Кавказа. К сожалению, они еще плохо изучены и совсем мало изданы. В работе дана общая, но очень яркая характеристика петроглифов Кобыстана.

С этой главой непосредственно связана следующая — шестая глава (стр. 87—119), в которой обстоятельно рассматриваются вопросы хозяйственного и социального развития Азербайджана в эпоху бронзы. Автор характеризует развитие земледелия, скотоводства, собирательства, охоты, рыболовства, садоводства и виноградарства. Основными отраслями хозяйства являлись земледелие и скотоводство. Здесь, пожалуй, стоит отметить, что Т. А. Бунятов специально занимается изучением хозяйства древнего Азербайджана. Неудивительно поэтому, что основные вопросы в этой главе разработаны весьма подробно и с широкой аргументацией. Много внимания автор уделил и развитию у местных племен в эпоху бронзы металлургии и металлообработки. Опираясь на работы А. А. Иессена, Б. А. Куфтина и Б. Б. Пиотровского, он правильно определяет роль и значение кавказской металлургии. Значительно слабее освещается развитие гончарного ремесла в Азербайджане в рассматриваемую эпоху. К тому же при описании керамического производства допущен ряд повторений (например, на стр. 115). Заключительный раздел главы посвящен социальному развитию древнего населения края. Автор показывает становление патриархата и начавшееся разложение первобытнообщинного строя.

Т. А. Бунятов мало касается религиозных представлений племен, населявших Азербайджан в эпоху бронзы, и почти не затрагивает вопрос о развитии искусства у них. А материал для суждения по этим вопросам накоплен уже в достаточном количестве. Неоправданно мало внимания уделил автор выяснению характера и направления связей местного населения с племенами сопредельных областей Кавказа и более отдаленных территорий, хотя он и располагал значительными возможностями.

В седьмой главе (стр. 120—147) «Железный век» объединены памятники от начала I тысячелетия до н. э. до III в. н. э. Автор описывает каменные ящики Кызыл-Ванкского могильника начала I тысячелетия до н. э., погребальные памятники VIII—VI вв. до н. э. в Казахском районе, поселение Кара-Тепе VII—VI вв. до н. э. в Ждановском районе, случайные находки из с. Доланлар Гадрутского района и с. Новоголовка Астрахан-Базарского района. В «Очерках» подробно характеризуются культура кувшинных погребений (II в. до н. э.— III в. н. э.) и ялойлу-тепинская культура (середина I тысячелетия до н. э.— I в. н. э.). Памятники этих культур, преимущественно погребальные, изучены в Азербайджане в значительном количестве. Только в Мингечауре, например, раскопано более двухсот кувшинных погребений, содержавших большой и разнообразный инвентарь, в том числе монеты. Благодаря монетным находкам удалось правильно датировать отдельные кувшинные погребения и всю представленную ими культуру в целом. Следует отметить, что аналогичные кувшинные погребения открыты и на территории Армении и Грузии. Надо сказать также, что сейчас уже в литературе имеются специальные исследования, посвященные изучению культуры кувшинных погребений и ялойлу-тепинской культуры.

В конце главы приводятся данные о развитии хозяйства древнего населения края и говорится о появлении на территории Азербайджана первого государства — Албании. Правда, высказанное автором на стр. 145 предположение о том, что государство возникло здесь еще в IV—III вв. до н. э., является сомнительным. В настоящее время нет

еще надежных факторов в пользу такого предположения. Следует отметить, что Т. А. Бунятов недостаточно подробно остановился на вопросе о времени образования Албании и начальных этапах ее истории. В то же время по непонятным причинам он уделил неоправданно много внимания военно-политической истории Закавказья, в частности — борьбе Рима за овладение Закавказьем (стр. 145—147), что выходит за пределы задач археологии.

В восьмой главе (стр. 148—164) «Раннесредневековые памятники Азербайджана» на основании археологических материалов и письменных источников ставится вопрос о появлении и развитии феодализма на территории Азербайджана. В главе даются некоторые важные сведения по военно-политической истории Азербайджана в раннесредневековую эпоху. Автор касается, например, истории завоевания Азербайджана сасанидами и арабами. Он указывает на некоторые крепости и оборонительные стены (Беш-Бармак, Гильгиль-Чай и др.), сооруженные при сасанидах против хазар, алан и других племен, вторгавшихся на территорию Азербайджана с севера.

В этой главе получили освещение также известные албанские храмы Кум и Лекит, находящиеся в Кахском районе республики. Значительное место уделено характеристике некоторых широко изученных бытовых и погребальных памятников раннего средневековья, в частности раскопанных в Мингечауре поселений № 2 и 3 и огромного катакомбного могильника, включавшего более 200 погребений. В данном случае, как нам кажется, следует подчеркнуть одну важную положительную особенность рецензируемого труда: автор всегда при характеристике той или иной эпохи или культуры кладет в основу наиболее полно исследованные памятники.

Заключительная, девятая глава (стр. 165—221) посвящена описанию средневековых городов Азербайджана — Кабалы, Барды, Старой Ганджи, Байлакана, Нахичевана и Баку. Эти города подвергались археологическим исследованиям, поэтому они получили в работе более подробное освещение, в то время как о других (Шабране, Шамхоре и Шемахе) говорится лишь вскользь на основании письменных источников. Автор останавливается на истории изучения средневековых городов Азербайджана, касается вопросов их возникновения и планировки, описывает материальную культуру и ремесла, развитие торговых и военно-политических связей, а также других вопросов, связанных с историей и культурой средневекового Азербайджана. Наибольшее внимание уделено Старой Гандже и особенно Байлакану, который раскапывался в широких масштабах в 50-х годах Оренкалинской экспедицией Института археологии АН СССР и Института истории АН АзербССР. «Очерки» кончаются небольшим заключением, в котором отмечены самые общие выводы, касающиеся историко-культурного развития Азербайджана с древнейших времен до средневековья.

Таково вкратце основное содержание рецензируемой книги Т. А. Бунятова. Она снабжена рисунками археологических предметов, комплексов и архитектурных памятников и различными планами. Иллюстраций, однако, мало, к тому же они без пояснительных текстов. Качество отдельных рисунков (№ 1, 13, 16, 24, 30, 53, 56 и др.) оставляет желать много лучшего. Хорошим дополнением к книге является приложенный к ней список использованной автором литературы, которая дана отдельно к каждой главе. Этот список литературы можно признать первой опубликованной библиографией по археологии Азербайджана.

Мы ограничились освещением содержания книги Т. А. Бунятова в самых общих чертах. Этот краткий обзор, по нашему мнению, вполне достаточен для того, чтобы получить представление о рецензируемом труде и по достоинству оценить его. Можно указать и на другие недостатки в отдельных главах «Очерков» или сделать еще ряд замечаний по частным вопросам, затронутым в книге. Но для нас совершенно бесспорно, что как указанные, так и не отмеченные в рецензии недостатки, пробелы и замечания никоим образом не могут повлиять на общую положительную оценку рассматриваемого труда. Т. А. Бунятов успешно выполнил большую и очень нужную работу, представляющую собой первый сводный труд по археологии Азербайджана с древнейших времен до позднего средневековья. Выход в свет этого труда является безусловно большим событием в историко-археологическом изучении не только Азербайджана, но и Кавказа в целом. Остается лишь искренне сожалеть, что эта нужная книга издана только на азербайджанском языке, даже без русского резюме, и поэтому оказалась недоступной широкому кругу читателей. Мы хотим надеяться, что она будет переиздана на русском языке, и тогда вызовет еще больший интерес у советских археологов и у всех, кто интересуется историей.

Р. М. Мунчаев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НЕОЛИТА КРЫМА

(По поводу книги Д. А. Крайнова «Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма», МИА, № 91, 1960)

Эпоха неолита Крыма является одной из интересных и едва ли не самой трудной проблемой для исследователей юга Украины. До сего времени многие вопросы этой проблемы остаются почти или совершенно нерешенными. Хотя первые сообщения о неолитических памятниках Крыма упоминаются уже К. С. Мережковским, а затем рядом исследователей — С. И. Забниным, П. Н. Заболоцким, А. С. Моисеевым, Н. Н. Клепининым, Т. Ф. Гелахом, Б. С. Жуковым, О. Н. Бадером и др., все же началом углубленного изучения этой эпохи следует считать 1940 год, когда была опубликована статья С. Н. Бибикова «К вопросу о неолите в Крыму». В тот период времени эта статья была по сути единственной, в которой эпоха неолита Крыма рассматривалась в теоретическом аспекте. Затем в течение 20 лет изредка публиковались небольшие сообщения о неолитических стоянках Крыма или же проблема неолита Крыма только частично затрагивалась в больших работах, посвященных каменному веку всей территории Европейской части СССР. Вот почему публикация книги Д. А. Крайнова «Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма» имеет принципиально важное значение, и ее необходимо рассматривать в целом как одно из достижений в области изучения эпохи неолита не только Крыма, но и территории всей южной Украины.

Следует подчеркнуть, что монография Д. А. Крайнова является первой книгой, посвященной исследованию послепалеолитических культур Крыма. В этой работе ставится ряд важных вопросов, подробное освещение которых на данном этапе наших знаний имеет большое значение независимо от того, в какой степени правильно они решаются автором. В результате раскопок многослойной стоянки Таш-Аир I автор выделяет девять культурных наслоений, начиная с позднего палеолита и кончая поздним средневековьем. Уже один факт публикации всего комплекса вещественного материала со стоянки вносит существенный вклад в изучение послепалеолитических культур Крыма.

Давая обзор всего материала из Таш-Аир I, а также привлекая материалы из Замиль-Коба II и некоторых других послепалеолитических стоянок Крыма, юга Украины, Подонья и Нижнего Поволжья, автор 1) предлагает новую периодизацию послепалеолитических культур Крыма; 2) прослеживает и устанавливает «...последовательный процесс развития форм кремневых орудий и техники их выделки от палеолита и кончая эпохой бронзы...»; 3) устанавливает связь верхнего слоя Сюрени I с ранним азильским комплексом стоянок Таш-Аир I, Качинского навеса и грота Буран-Кая; 4) выделяет из общей массы так называемых позднетарденуазских стоянок ранненеолитическую стадию и впервые охарактеризовывает позднюю стадию неолита, а также 5) прослеживает «...развитие и изменение форм орудий труда, техники их выделки, появление первых домашних животных и становление производящих форм хозяйства — животноводства и земледелия», намечает характерные черты каждой стадии (стр. 141).

Как мы видим, Д. А. Крайнов поднимает в своем исследовании важные и интересные вопросы. Соглашаясь с автором в решении некоторых из них, мы все же попытаемся критически подойти к разрешению других и внести в последние свои коррективы.

Известно, что в Крыму Г. А. Бонч-Осмоловским, С. А. Трусовой и С. Н. Бибиковым был раскопан многослойный памятник в навесе Шан-Коба, давший четкую и последовательную стратиграфическую колонку культурных слоев. Материалы из Шан-Коба и послужили основой для периодизации послепалеолитических культур [1]. В результате исследователи Шан-Коба охарактеризовали азильское и тарденуазское время в Крыму, а в дальнейшем С. Н. Бибиков выделил типичные орудия и для неолита Крыма [2]. Опираясь на весь комплекс материалов, полученных из четко прослеженных культурных слоев Шан-Коба, исследователи руководствовались им для датировки памятников, стратиграфия которых была менее выраженной. Более того, на основе таких памятников, как Шан-Коба, Замиль-Коба I, Мурзак-Коба и Фатьма-Коба, в настоящее время удается расчленить и датировать материал не только из раскопок, но и собранный с поверхности многочисленных стоянок Яйлы.

Периодизация мезолита Крыма была построена по материалам культурных наслоений Шан-Коба, проверена по другим памятникам и в своей основе продолжает оставаться незыблемой и по настоящее время. Таким образом, в изучении стратиграфических памятников в Крыму были выделены две мезолитические культуры: ранняя — шан-кобинская и поздняя — мурзак-кобинская [3].

«Новая периодизация» для эпохи мезолита Крыма, предложенная в книге Д. А. Крайнова, дезориентирует читателя и вносит путаницу, так как автор принимает ранненеолитические слои Таш-Аира I за азиль-тарденуазские. Естественно, что и кремневый инвентарь и фауна оказались искусственно удревненными на несколько тысячелетий. Для доказательства ошибочности датировки Д. А. Крайновым слоев Таш-Аира I азиль-тарденуазским временем остановимся на нижних слоях стоянки и проанализируем материал, который является характерным для этих слоев. Автор датирует IX слой позднемадленским или раннеазильским временем. С такой датировкой согласиться нельзя, так как этот материал не характерен для предложенного Д. А. Крайновым вре-

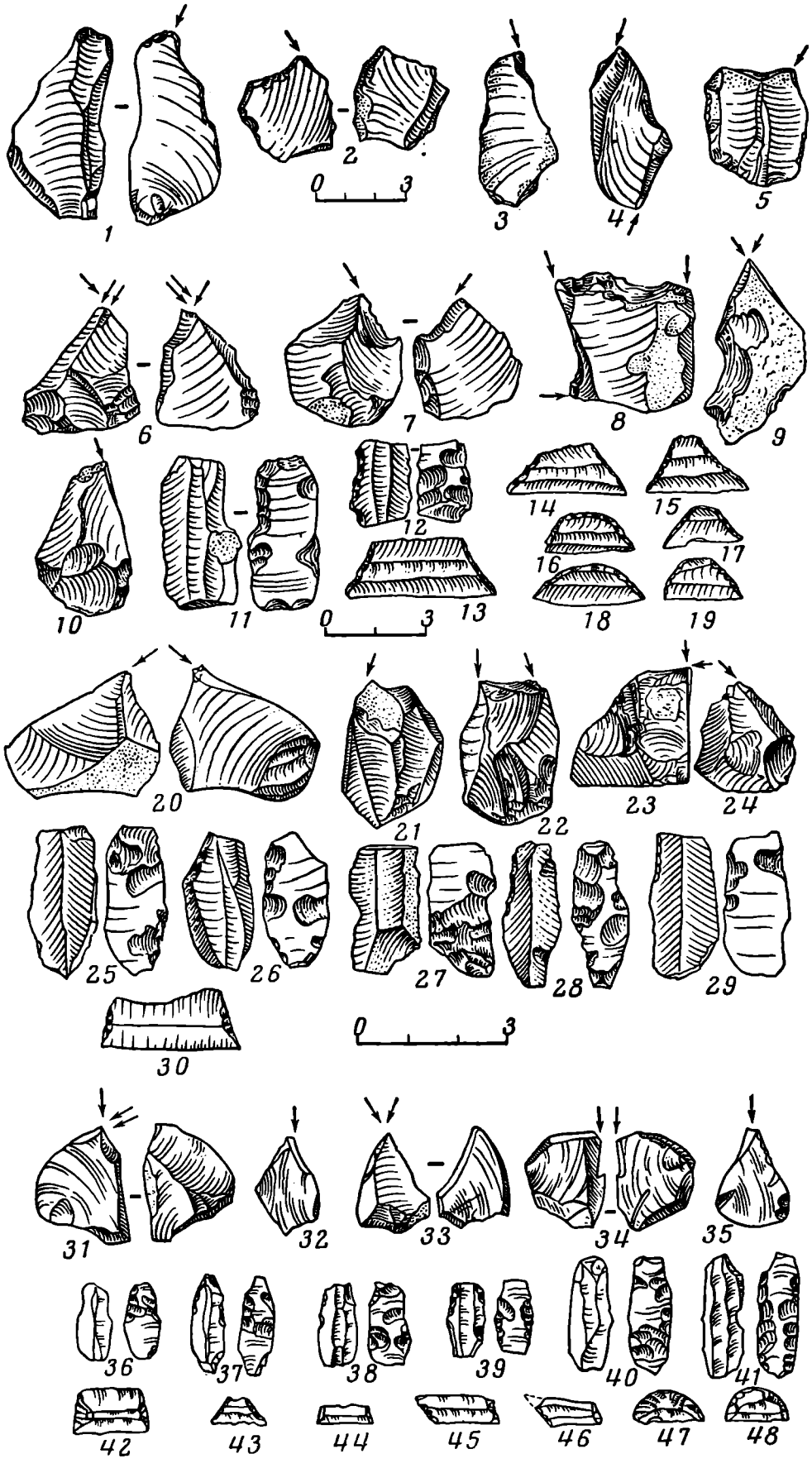


Рис. 1. Кремневые орудия памятников кукрекского типа на Украине

1—5 — резцы на сколах и отщепах стоянки Таш-Аир I, IX слой (позднемадленское или раннеазильское время по Д. А. Крайнову); *6—10* — резцы на сколах и отщепах; *11—12* — вкладыши кукрекского типа; *13—19* — геометрические микролиты (стоянка Фронтовое III, Керченский п-ов); *20—24* — резцы на сколах и отщепах; *25—29* — вкладыши кукрекского типа; *30* — геометрический микролит (стоянка Каменная Могила, Запорожская обл.), *31—35* — резцы на сколах и отщепах; *36—41* — вкладыши кукрекского типа; *42—48* — геометрические микролиты (стоянка Кукрек)

мени и не близок материалам верхнего слоя Сюрень I. Нам представляется, что кремневые орудия IX слоя (рис. 1, *1—5*) ближе всего стоят к материалу ранненеолитического бескерамического памятника Кукрек. Особенно это сходство хорошо прослеживается по многочисленной группе резцов на отщепах и сколах, которые занимают одно из ведущих мест на обоих памятниках и являются характерными для поселений ранненеолитического времени типа Кукрек (рис. 1, *31—48*).

В настоящее время на Керченском полуострове нам удалось обнаружить еще несколько памятников, также имеющих своеобразную группу резцов на сколах и отщепах. Из этих памятников раскапывалось Фронтовое III [4], находящееся в 10 *км* к северо-востоку от Феодосии. Среди материалов этого поселения выделяется сравнительно многочисленная группа тех же резцов на сколах и отщепах, геометрические микролиты с мелкой притупляющей ретушью по бокам и единичные экземпляры так называемых вкладышей кукрекского типа (рис. 1, *6—19*). Остальные кремневые изделия Фронтового III (нуклеусы, скребки, микропластинки) сходны как с поселением Кукрек, так и с IX слом Таш-Аира I. Что касается этих вкладышей, то с того момента, как впервые на них обратил внимание Г. А. Бонч-Осмоловский, и до последнего времени все работавшие в Крыму исследователи упускали из вида эти изделия. Недооценка такого рода орудий, на наш взгляд, является серьезным упущением, так как вкладыши кукрекского типа наряду с геометрическими микролитами являются чутким хронологическим показателем. Если геометрические микролиты в Крыму начинают встречаться с раннего азиля (меняя формы, размер и технику изготовления), доживают до энеолита, то вкладыши кукрекского типа характерны т о л ь к о для неолитического времени и не известны в памятниках мезолитического или энеолитического периодов. Таким образом, хронологические рамки вкладышей кукрекского типа по сравнению с геометрическими микролитами несколько сужаются, что также дает возможность датировать комплексы находок тех неолитических поселений, которым свойственны эти орудия. В настоящее время автор статьи зафиксировал находки вкладышей кукрекского типа на восьми неолитических поселениях Крыма: Кукрек, Алачук (Караби-Яйла), Фронтовое III, Фронтовое (Керченский п-в), Зуя I, Алексеевская Засуха (устье р. Суджилки), Ишуньское и Долинское (западный район степного Крыма). Все эти местонахождения включаются в круг памятников кукрекского типа.

Таким образом, IX слой Таш-Аира I, слои Кукрека и Фронтового III следует отнести к раннему, бескерамическому неолиту Крыма.

Аналогичным памятником IX слоя Таш-Аир I является также и поселение у Каменной Могилы. Близость нижних бескерамических слоев Каменной Могилы заключается не только в сходстве кремневого материала (здесь также в большом количестве имеются резцы на сколах и отщепах; см. рис. 1, *20—30*), но и в наличии костей домашних животных. Нижние слои поселения у Каменной Могилы В. Н. Даниленко датирует самым ранним временем — архаическим неолитом [1] [5]. Что касается VIII слоя, то, на наш взгляд, его никак нельзя датировать азильским возрастом. Обратимся к геометрическим формам микролитов, которые являются главными формами для датировки VIII слоя Таш-Аир I. Они в действительности характерны для ранненеолитического и неолитического слоев, но не для азильского, как пишет Д. А. Крайнов.

Если мы рассмотрим трапеции азильского слоя Шан-Коба, Фатьма-Коба, Замиль-Коба, грота Водопадного и других стоянок, то в этих слоях не найдем ни одной, подобной тем, которые найдены в Таш-Аир I и изображены на табл. VI, *4, 6* книги Д. А. Крайнова. Эти трапеции из Таш-Аир I как по форме, так и по технике изготовления являются предшественниками, прообразом трапеций со струганой спинкой. Такие орудия мы называем трапециями с ретушью, частично или далеко заходящей на спинку. В немалом количестве встречены они в неолитических слоях Шан-Коба, Фатьма-Коба, грота Водопадного, на Яйлах, стоянках степного Крыма и Керченского полуострова и т. д. и, наконец, в самом Таш-Аир I в Va неолитическом слое (табл. XXXIII, *9*).

На трапециях (табл. VI, *4, 6*), относимых Д. А. Крайновым к азильскому времени, хорошо видна ретушь, заходящая на спинку (табл. VI, *6*) и удаляющаяся от обеих боковых сторон посередине продольной оси в общей сложности на 1,6 *см*. Длина же трапеции по всей средней продольной грани — 2,7 *см*. Остается участок линии, не покрытый ретушью в 1,1 *см*, т. е. меньший, чем отретушированный. Ясно, что такая далеко заходящая на спинку ретушь никак не может притупить боковые стороны трапеции, как об этом пишет Д. А. Крайнов (стр. 23), а является плоской, сострогивающей — типичной для неолитического времени. Таким образом, и рисунок и наш анализ геометрических микролитов достаточно убедительно свидетельствует о датировке VIII слоя ранненеолитическим временем.

Для полноты доказательств остановимся и на остальных геометрических орудиях-сегментах. Всего их было найдено в VIII слое Таш-Аир I три экземпляра (табл. VI. *1—3*). Подобные сегменты также не характерны для азильского времени. Они резко отличаются от известных нам сегментов азильского времени по размерам, форме и ретуши. Известно, что геометрические микролиты в азильское время изготовлялись на сечениях сравнительно массивных пластинок и имели внешний вид грубых изделий треугольных и сегментовидных форм. К такой характеристике и пытается Д. А. Край-

---

[1] Публиковать кремень любезно разрешил В. Н. Даниленко, за что приносим ему благодарность.

нов «подтянуть» геометрические орудия VIII слоя. Вот что он пишет о них: «Если сегменты и трапеции VIII слоя были сделаны из отщепов и широких пластинок, то микролиты геометрических форм VII слоя изготовлены из разрубленных пластинок с двугранной или трехгранной спинкой.

Кроме того, размеры сегментов и трапеций VIII слоя значительно больше, чем подобных же орудий VII слоя» (стр. 27).

Но изображенные на табл. VI орудия никак не подходят к указанной нами характеристике геометрических микролитов азильского времени. Достаточно взглянуть на табл. VI и XIV книги, чтобы увидеть, что геометрические орудия VIII слоя сделаны на таких же широких сечениях ножевидных пластинок, как орудия VII слоя, а размеры их не «значительно больше», а если взять сегменты, то меньше сегментов слоя VII. Чтобы не быть голословными, пользуясь указанным на рисунках линейным масштабом, сравним цифровые данные сегментов VIII и VII слоев (числитель — высота по центру, знаменатель — длина по хорде): VIII слой (сегменты № 1—3) — 1/2,3 *см;* 1/2,3 *см;* 1/2,3 *см;* VII слой (сегменты № 13—16) — 1,1/2,4 *см;* 1,6/2,1 *см;* 1,3/2,4 *см;* 1,2/1,8 *см.*

На табл. VI, *1—3* мы видим небольшие сегменты с притупляющей дугу ретушью, которые наряду с трапециями с ретушью, далеко заходящей на спинку, или с трапециями со струганой спинкой часто встречаются в неолитических слоях крымских стоянок; для примера сошлемся на ту же стоянку Таш-Аир I — табл. XX, *11—13.* Перед нами такие же сегменты, как и на табл. VI. Таким образом, мы рассмотрели все геометрические орудия, если не считать двух трапеций из слоя VIII, из которых одна, судя по рисунку, не имеет ретуши по бокам. Что же касается последней трапеции (табл. VI, *5*), то и такие встречаются в неолитическом слое.

Итак, все рассмотренные нами геометрические микролиты из VIII слоя Таш-Аир I характерны для начала неолитического, а не азильского времени. Не противоречит предлагаемой нами датировке VIII слоя ранненеолитическим временем и остальной кремневый материал: скребки (их на таблице всего два) — микроскребок на округлом отщепе, характерный для неолита, а также концевой скребок на узкой и длинной ножевидной пластине, скребла, резцы и ножевидные пластинки.

Следующий, VII слой автор относит к тарденуазскому времени. Обратимся опять к геометрическим микролитам. На табл. XIV автор поместил все 16 геометрических микролитов, найденных в VII слое. Здесь мы видим обычные равносторонние трапеции с крутой притупляющей ретушью, трапеции с ретушью, частично заходящей на спинку, и трапеции с далеко заходящей на спинку ретушью, а также сегменты, из которых два имеют плоскую ретушь, покрывающую почти всю их вершину (рис. 2, *1—6*), и два с притупляющей вершину ретушью (рис. 2, *13, 15*). Такое сочетание обычных равносторонних трапеций с трапециями и сегментами с плоской ретушью убедительно свидетельствует о ранненеолитическом возрасте материала. Датировать весь этот комплекс геометрических орудий тарденуазским временем можно было бы при том условии, если бы наряду с обычными небольшими равносторонними трапециями с притупляющей ретушью по краям были не трапеции и сегменты с плоской ретушью, а трапеции удлиненные, асимметричные, часто имеющие зубчики на верхнем основании. С. Н. Бибиков справедливо считает, что на таких трапециях «...наличие зубчиков на верхнем основании является определенным, датирующим тарденуазское время признаком» [6]. Такие продолговатые асимметричные трапеции характерны для тарденуазского времени всего Крымского полуострова и, как отмечает С. Н. Бибиков, не встречаются ни в азильских, ни в неолитических комплексах.

Поэтому нельзя также согласиться с Д. А. Крайновым и в том, что наличие такой продолговатой асимметричной трапеции свидетельствует о локальном варианте в мезолите, намечающемся в районе юго-западного Крыма (стр. 90). «С подобным оформлением трапеций,— пишет С. Н. Бибиков,— можно встретиться в коллекции из 3-го слоя Шан-Коба, в Мурзак-Коба, Балин-Коше, Домчи-Кая на Чатырдаге, Беш-Текне над Лименами, в открытой стоянке Кизил-Коба, Каракуш-Коба, Кукрек, Алачук на Карби-Яйле... и в других пунктах» [6]. Подобные трапеции встречены на обширной территории Крыма.

Итак, мы датируем VII слой ранненеолитическим временем на основании анализа геометрических микролитов. Для подтверждения нашей датировки остановимся еще на одном типе орудий — на удлиненных вкладышах. Вкладыши, изображенные на табл. XIII, *8, 10, 12, 15*, служили, вероятно, составными частями пилочек. Как известно, подобные пилочки (особенно см. *13, 14*) не характерны для тарденуазского времени и начинают встречаться лишь с неолита. Что касается других кремневых орудий, то они не могут служить опорой в датировке, так как эти формы (резчики, проколки острия) типичны для крымского мезолита и неолита.

Следующие слои — VI, Va, Vб и IV Д. А. Крайнов датирует ранним и поздним этапами неолитического, раннебронзового и кизил-кобинского времени. Датировка трех слоев у нас не вызывает возражений, за исключением IV слоя. Относительно этого слоя нельзя не указать на некоторые неверные положения, которые автор допускает в характеристике кизил-кобинской культуры. По-видимому, автор предлагает свою, ничем не аргументированную датировку этой культуры XII веком до н. э., в то время как известно, что исследователи кизил-кобинской культуры в Крыму датируют ее X в. до н. э. [7] или второй половиной IX в. до н. э. [8]. Далее автор относит к кизил-кобинской культуре черепки, изображенные на табл. LV, *2, 11.* В действительности они к указанной

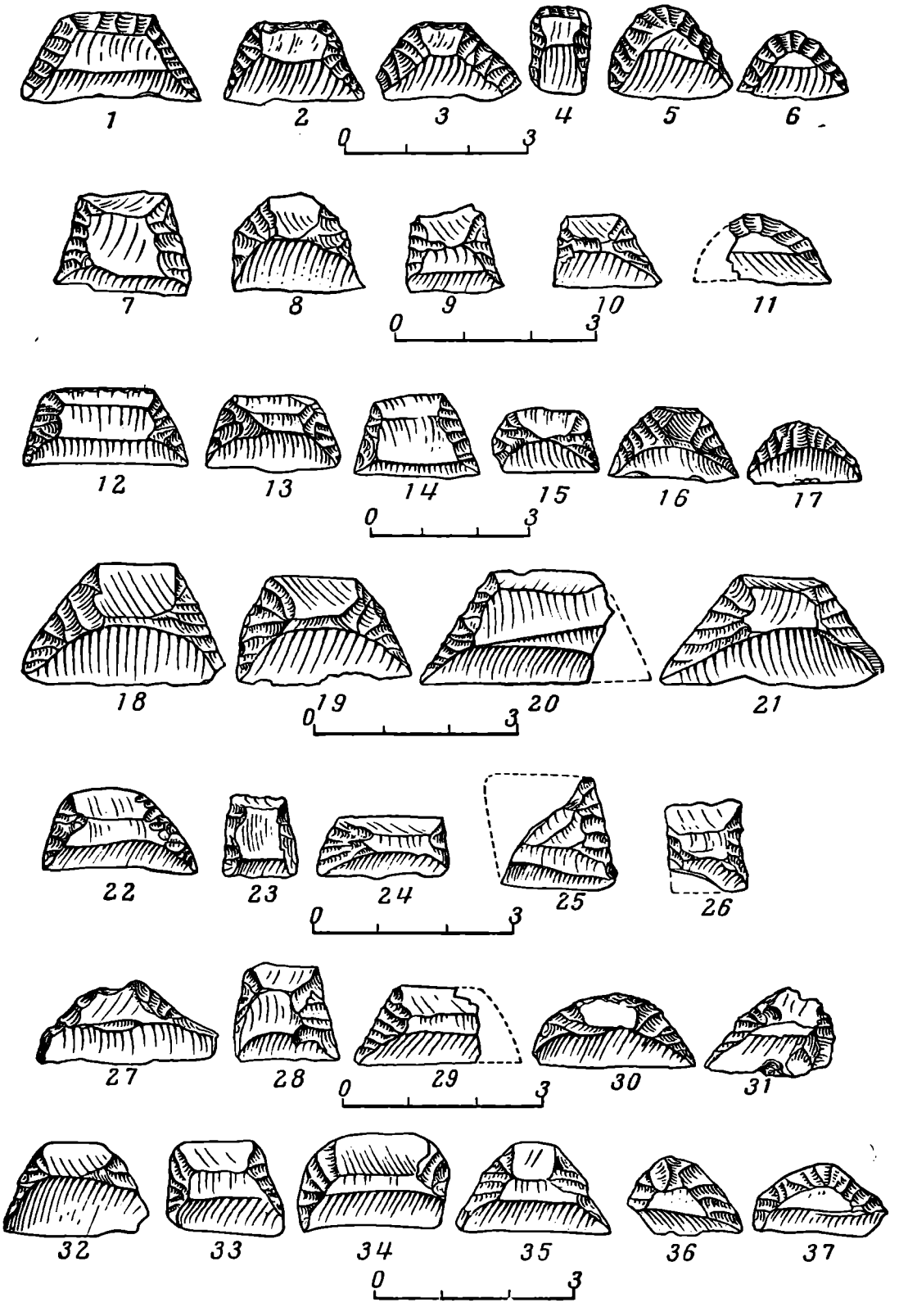


Рис. 2. Геометрические микролиты ранненеолитического времени в Крыму

1—6 — трапеции и сегменты из стоянки Таш-Аир I, VII слой, тарденуазское время (по Д. А. Крайнову); *7—11* — трапеции и сегмент из стоянки вблизи пещеры Аджи-Коба (Карабн-Яйла); *12—17* — трапеции и сегменты из стоянки Алимовский Навес — верхний тарденуазский слой (по А. Д. Столяру); *18—21* — трапеции из стоянки Фатьма-Коба (площадка перед навесом); *22—26* — трапеции из стоянки Ишуньская (Красноперекопский р-н); *27—31* — трапеции и сегменты из стоянки Алачук (Карабн-Яйла); *32—37* — трапеции и сегменты из стоянки Балин-Кош (Ай-Петринская яйла)

культуре не относятся, а аналогии им, как мы себе представляем, необходимо искать среди посуды поздней бронзы или скифского времени.

В результате рассмотрения шести культурных слоев (с IX по Vб) мы для Таш-Аира I предлагаем следующую культурно-историческую периодизацию: IX слой — бескерамический неолит; VIII, VII, VI — ранненеолитическое время; Va — поздненеолитическое время; Vб — ранняя бронза. Следует отметить, что членение неолита Крыма на ранний и поздний этапы на современном уровне наших знаний может быть только условным.

Два слоя из Таш-Аира I (слои VIII и VII) мы относим к ранненеолитическому времени, основываясь только на данных стратиграфии Д. А. Крайнова и на таких признаках, как появление плоской струганой ретуши, частично покрывающей орудия труда (рис. 2, *1—37*), и отсутствие в этих слоях керамики и трапеций со струганой спинкой. Однако необходимо подчеркнуть, что трапеции с частичной и далеко заходящей на спинку ретушью встречаются и в позднем неолите Крыма, но в меньшем количестве, так как их вытесняют трапеции, спинка которых уже полностью обрабатывалась струганой ретушью. Частое отсутствие керамики в ранненеолитических слоях Крыма, по-видимому, можно объяснить тем обстоятельством, что на первых этапах неолита она изготовлялась в небольшом количестве и слишком слабо обжигалась. Непрочные обломки керамики редко сохраняются до нашего времени, тем более, что условия для их консервации в Крыму были особенно неблагоприятными: в пещерах и навесах — из-за рыхлого и щебенистого грунта, на яйлах — из-за переотложенности слоев и на Керченском полуострове и в степи — из-за большой осолоненности почв.

Д. А. Крайнов дает разрез стоянки Таш-Аир I по линии А—В (рис. 11), где хорошо видно, что культурные напластования четко разделяются стерильными прослойками. Если опираться на стратиграфию напластований Таш-Аир I, то мы заметим, что древний человек в ранненеолитическое время четырежды заселял навес. При этом каждый новый этап заселения навеса, судя по увеличивающейся толщине культурного слоя, становился продолжительней, и во время позднего неолита (как это прослеживается по полуметровой толщине культурного слоя) человек переходит здесь к длительному обитанию.

Как мы видим, навес дает четыре слоя неолитического времени. Такая картина последовательной смены одного неолитического слоя другим для Крыма наблюдается впервые. В открытии и исследовании этого столь интересного и ценного памятника мы видим прежде всего заслугу Д. А. Крайнова.

К сожалению, автор увлекся идеей создания полной колонки периодизации послепалеолитических культур, для чего ему вопреки фактическому материалу потребовалось искусственно создавать последовательную смену одной культуры другой, начиная с позднемадленского времени. Что касается первого выделения раннего этапа неолита Крыма, а также характеристик его поздней стадии, то это удалось Д. А. Крайнову в незначительной степени. Он только частично восполнил пробел в периодизации послепалеолитических культур Крыма.

Впрочем иначе и не могло быть. В настоящее время слишком мало раскопано стоянок неолитического времени в Крыму. Мы не располагаем массовым выразительным керамическим материалом, еще меньше имеем фрагментов орнаментированной керамики, и, наконец, у нас нет ни одного целого или даже части сосуда, составляющей его профиль. Естественно, что характеристика как раннего, так и позднего неолита Крыма, данная Д. А. Крайновым, не может удовлетворить археологов, работающих над этой эпохой.

Давая характеристику ранней и поздней стадии неолита Крыма, автор в основном опирается на материалы Таш-Аир I и Замиль-Кобы II, в результате чего для характеристики раннего неолита Крыма он выделяет топоры-тесла и роговые муфты. «В дальнейшем,— пишет автор,— это орудие (топор-тесло.— *Ю. К.*) становится неоценимым в хозяйстве первобытного человека» (стр. 95). Но позднее на стоянках поздненеолитического времени топоры-тесла отсутствуют, хотя, если учесть сказанное Д. А. Крайновым, а также его предположение о вырубке леса в долинах рек древним человеком в ранненеолитическое время, то эти орудия должны были бы быть найдены в массовом количестве. Нас не может удовлетворить следующее объяснение Д. А. Крайнова: топоры-тесла редко удается найти потому, что в то время их очень ценили и поэтому берегли и не теряли. Надо полагать, что неолитические племена северных районов не менее ценили топоры-тесла и не менее берегли их, однако эти орудия там мы находим в большом количестве.

Д. А. Крайнов справедливо подчеркнул генетическую связь ранненеолитического этапа с предыдущим, позднемезолитическим, но не учел специфику географической среды Крымского полуострова. В отличие от северных и лесных районов Европейской части СССР в Крыму не было больших рек и водоемов, а значит и не было хорошо развитого рыболовства и связанной с ним интенсивной обработки дерева (челнов, плотов, загородей для рыбы и др.). В связи с этим развитие кремневой индустрии в Крыму пошло в другом направлении, чем на севере. Кремневая индустрия характеризуется дальнейшим усовершенствованием микролитической вкладышевой техники, увеличением количества всевозможных микрорезцов, микроскребков и ножевидных пластинок. Не рыболовству и охоте, а главным образом охоте и усложненному собирательству был подчинен на первых этапах неолита микролитоидный инвентарь древнего человека Крыма.

Характеризуя керамику раннего и поздненеолитического времени, Д. А. Крайнов считает, что обеим стадиям была присуща остродонная керамика. Если такое суждение верно для раннего неолита Крыма, то нельзя согласиться с ним для поздней стадии, когда наряду с острыми донышками встречаются единичные находки обломков плоскодонной посуды в неолитических слоях Шан-Коба и Фатьма-Коба. Надо полагать, что здесь сказалось влияние Кавказа, неолитические племена которого имели плоскодонную посуду, заимствованную, в свою очередь, у древних жителей Переднего Востока. Плоскодонная керамика известна и на раннем этапе бугской неолитической культуры, исследованной В. Н. Даниленко.

Анализируя ранненеолитическую керамику Крыма, Д. А. Крайнов ссылается на небольшое число фрагментов из Таш-Аир I, на несколько острых днищ из Замиль-Коба II, а также на типичные для раннего неолита острые донья из Ат-Баша и Балин-Коша. Он относит ат-башинские донья к концу раннего неолита, а балин-кошские — к поздненеолитическому времени. Нам кажется, что здесь автор несколько омолаживает керамику, так как эти острые донья, и особенно днище, заканчивающееся шиповидным отростком из Ат-Баш [9], являются древнейшими с начала появления керамики. Ат-башское днище имеет аналогии в самой ранней стадии бугской неолитической культуры [10], в первом керамическом слое раннего неолита на стоянке у Каменной Могилы [5], на ранненеолитической стоянке о. Похилого на Днепре [11] и в Средней Азии в пещере Джебел (Туркмения) [12]. В Северной Европе древнейшая керамика начинается также днищами с шиповидными отростками (Брабанд, Ертебелле) [13]. Что касается находок трапеций со струганой спинкой в Ат-Баше и Балин-Коше, то мы находим объяснение этому обстоятельству в том, что на обоих местонахождениях группы охотников останавливались не только в раннее, но и в поздненеолитическое время.

Серьезные возражения вызывает у нас и интерпретация Д. А. Крайновым многих вопросов, касающихся происхождения животноводства в Крыму и в связи с этим — основного занятия древнего человека. Упрекая большинство археологов в том, что они не решаются признать значительно более раннее происхождение животноводства на юге СССР, чем то развитое животноводство, которое считается бесспорным в трипольской, ямной и энеолитической культуре Закавказья, Д. А. Крайнов слишком торопится с выводами, опережая даже палеонтологов.

Так, если Е. Л. Дмитриева говорит о костях лошади: «Решить, принадлежат ли эти остатки домашним или диким животным, на настоящем уровне знаний невозможно» [14, стр. 187], «...невозможно утверждать, что в развитом неолите она была уже домашней. Тем более нет оснований считать Крым местом ее доместикации» [14, стр. 175], то Д. А. Крайнов считает, что домашняя лошадь была уже в позднем неолите (стр. 136), а приручение произошло на месте от дикой формы. Выявляются разногласия у них и относительно времени приручения и одомашнивания мелкого рогатого скота. Е. Л. Дмитриева в связи со слишком незначительным костным материалом из Таш-Аир I и Замиль-Кобы II не делает каких-то определенных выводов о времени появления домашней овцы и козы, а только фиксирует отдельные находки в слоях. Д. А. Крайнов высказывает «...предположение о приручении и одомашнении овцы в раннем неолите или даже в позднем мезолите...» (стр. 133). При этом он ссылается на находки костей мелкого рогатого скота в тарденуазском слое Замиль-Коба I, которые нельзя принять во внимание, так как он сам в сноске на стр. 133 указывает, что эти кости могли попасть из более позднего слоя. Что же касается Шан-Кобы, то во II—III слоях были найдены остатки муфлона — дикого барана. Об этом говорит также и Е. Л. Дмитриева.

Таким образом, в настоящее время мы имеем весьма незначительный костный материал мелкого рогатого скота, который не может служить достоверным фактом приручения и одомашнивания овцы и козы в мезолите, тем более что находки костей мелкого рогатого скота в неолитическое время встречаются в очень малом количестве и далеко не на всех стоянках Крыма. Все это должно заставить нас подходить к решению вопроса о времени приручения и одомашнивания животных с осторожностью и, во всяком случае, более внимательно прислушиваться к голосу палеонтолога Е. Л. Дмитриевой, которая отмечает домашнюю овцу с позднего неолита.

Кости домашнего быка были найдены только в Таш-Аир I и в Замиль-Коба II. В других стоянках этого времени кости этого животного не найдены. Разумеется, говорить «...о разведении крупного рогатого скота уже в раннем неолите» (стр. 134) в Крыму не приходится, так как надежных фактов нет. Что касается времени одомашнивания свиньи, то и в этом вопросе у палеонтологов и большинства археологов существует еще очень много неясностей. Дело в том, что все кости, в том числе кабана, в мезолитических и неолитических стоянках Крыма встречаются в мелко раздробленных кусочках, что позволяет определять только 20—25% их количества [15]. Естественно, что фрагментарный материал лишает возможности палеонтологов накапливать полноценные данные для проведения сравнительного анализа дикой и домашней свиньи. Нам неизвестны случаи находок в мезолитических или неолитических слоях стоянок Крыма целых или хотя бы значительных частей черепов кабана, по которым палеонтологи могли бы с достоверностью определить принадлежность его к дикой или домашней форме.

В настоящее время палеонтологи располагают небольшим количеством фрагментарных костей от крупных и мелких кабанов, а также устанавливают среди них наличие костей поросят. Эти факты и служат основанием для предположения о приручении свиньи. Но все же они не могут считаться достаточными для доказательства одомаш-

ненности свиньи в мезолитическое время. Ведь не исключено, что в Крыму могли существовать две дикие формы кабана — мелкая и крупная, а поросята могли быть объектом охоты.

Из сказанного не следует, что мы отвергаем возможность приручения свиньи в мезолитическое время. Напротив, постановка такого вопроса вполне правомочна и говорить о нем можно, хотя еще и предположительно, но не для позднего палеолита или раннего азиля (как это делает Д. А. Крайнов), а для тарденуазского времени. Поскольку мы отрицаем правильность датировки IX—VIII слоев Таш-Аир I, то предположение автора о приручении свиньи в позднем палеолите или раннем азиле, на наш взгляд, отпадает. Ссылаться на другие памятники также нет необходимости, так как в одних кости дикого кабана отсутствуют (Сюрень I — верхний слой), в других костей мелкого кабана нет (Замиль-Коба II — азиль, тарденуаз), Фатьма-Коба (азиль) и т. д.

В результате удревнения факта приручения и одомашнивания животных в Крыму Д. А. Крайнов приходит к выводу, что уже в раннем неолите «охота перестает быть основой хозяйства», так как произошло «...окончательное завершение одомашнивания свиньи, козы, овцы и крупного рогатого скота» (стр. 143). Такой неверный вывод, на наш взгляд, объясняется тем, что автор подошел к его решению абстрактно, т. е. без учета особенностей исторического развития общества на той или иной определенной территории, своеобразия жизни конкретных племен. Автор как бы переносит достижения древнего человека африкано-малоазиатской территории на Крымский полуостров.

Процесс перехода человеческих обществ от мезолита к неолиту в общих чертах в свое время был охарактеризован С. Н. Бибиковым [16]. Здесь следует только еще раз подчеркнуть, что охота в связи с ростом населения, совершенствованием охотничьего вооружения (изобретение лука и стрел) и в неолитическое время не приходит в упадок, по-прежнему сохраняя за собой ведущее положение. Об этом красноречиво свидетельствуют кости диких животных во всех стоянках мезолитического и неолитического времени в Крыму. «Даже в неолите и бронзе,— пишет Е. Л. Дмитриева,— остатки диких животных преобладают над домашними» [14, стр. 176].

Крупные первобытнообщинные коллективы распались на мелкие. Охотничьи группы, вооруженные луком и стрелами, интенсивно истребляли дичь, отыскивая ее в долинах предгорий, на яйлах и в степи, вероятно, летом и зимою. Интенсивное истребление животных привело к тому, что охота стала ненадежным источником пищи. Испытывая затруднения с мясной пищей, человек вынужден был прибегнуть к усиленному сбору и заготовке кореньев, диких плодов и ягод, улиток и др. Пищевые запасы пополнялись за счет речного рыболовства и морского прибрежного собирательства. Но в связи с отсутствием больших рек в Крыму (а в горных речках, по-видимому, не водилось много рыбы) рыболовство было спорадическим и не восполняло недостатка в мясной пище. Наступает так называемый кризис в охотничьем хозяйстве. Это приводит человека, по-видимому в тарденуазское время, к созданию запасов «живого мяса». Начинается приручение дикого кабана.

Процесс приручения, надо полагать, был длительным и закончился одомашнением свиньи где-то на рубеже мезолита и неолита. Но даже в неолитическое время коллектив охотников, вероятно, не держал большого поголовья домашних свиней, потому что существовали трудности с прокормом животных, особенно в зимне-весенний период. Поэтому охота в Крыму продолжала играть главную роль в неолитическое время, а мясо домашней свиньи служило подспорьем в особо неудачные периоды охоты. Примитивное свиноводство дополняло охоту. Нельзя не остановиться на неправильности отнесения Д. А. Крайновым нижнего слоя грота Водопадного к раннему неолиту. Мы не будем приводить здесь доказательств в обоснование нашей датировки, так как мы отклонились бы от нашей прямой задачи, но напомним автору, что нижний слой грота Водопадного датируется позднеазильским временем [17].

Мы рассмотрели главные положения в книге Д. А. Крайнова, не останавливаясь на многих мелких ошибочных высказываниях автора, не подтвержденных, по нашему мнению, фактами. Сомнение вызывает, например, его мысль о существовании в Крыму в ранненеолитическое время морского промысла; использование яйл под выпас скота и, в связи с этим, исключение яйлинских стоянок из числа охотничьих стойбищ; неверное отнесение им II и III слоев Шан-Коба к раннему неолиту; автор ошибочно отрицает наличие на яйлах стоянок азильского времени; он неправильно датирует ранненеолитическую стоянку Кукрек поздненеолитическим временем, а весь слой на площадке перед навесом Фатьма-Коба — ямно-катакомбным временем и др. Эти вопросы требуют отдельного рассмотрения.

Какова же причина, в результате которой автор неверно датировал нижние слои, что привело не только к неправильной характеристике материальной культуры, но и к ошибочным историческим выводам? В начале рецензии мы попытались тщательно проанализировать характерный материал из нижних слоев, чтобы показать ошибочность датировки Д. А. Крайнова. Причина заблуждений автора и несоответствий его выводов реальному положению вещей, как мы считаем, заключается в неверном подходе к стратиграфии памятника. Еще в начале книги Д. А. Крайнов указывает на огромные трудности, которые таят в себе раскопки пещерных стоянок. Выделить в Крыму на стоянке под навесом девять культурных слоев (от позднего мадлена до средневековья), а пятый слой расчленить на пять культурных горизонтов, разделенных стерильными прослойками, нам кажется практически невозможным. Такое членение слоев приведет исследователя

к неминуемому смешению и слоев, и содержащегося в них материала. Ни одному археологу в Крыму не приходилось встречаться с памятником, который бы давал такую четкую и последовательную колонку смены одной культуры другой, как это пытается представить Д. А. Крайнов в Таш-Аире I.

Если мы обратимся к документации раскопок Таш-Аир I, то увидим, что Д. А. Крайнов приводит только один разрез, иллюстрирующий наибольшую правильность в чередовании слоев. Но мы не видим, как обстоит дело на других участках, где, по словам автора, мощность отдельных прослоек равна 5 *см* и где «в ряде квадратов не наблюдалось такой правильности в чередовании слоев» (стр. 16). Нам, например, непонятно, как автор смог отнести к тому или другому слою кости животных, если не было правильности в чередовании слоев и если стерильная прослойка достигала всего 5 *см*?

Критический анализ стратиграфии Таш-Аир I, а также разбор всего материала еще раз убеждают нас в правильности нашего положения о том, что нижние слои Таш-Аир I образовались в результате многолетней жизни под навесом групп охотников на разных стадиях развития неолита.

Ю. Г. Колосов

Литература

1. Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II МАИЧПЕ, V, 1934.
2. С. Н. Бибиков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, IV, 1940.
3. М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950.
4. Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові. Археологія, XIV, Київ, 1962.
5. В. Н. Даниленко. Неолит Украинской ССР. Научн. архив ИА АН УССР. Киев.
6. С. Н. Бибиков. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 году. КСИА АН СССР, 8, 1959.
7. П. Н. Шульц. О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами). Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 243.
8. А. М. Лесков. Таври в Криму (Друга половина IX—III ст. до н. е.). Укр. істор. журн., 2, 1959.
9. О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской яйлы. СА, 5, 1940.
10. В. Н. Даниленко. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге. КСИА АН СССР, 12, 1962.
11. П. Смолічев. Опис предметів, Неолітична стація на о. Похилому 1928 р., ф. 18, № 27, табл. I, XII, л. 1230. Научн. архив ИА АН УССР.
12. А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.
13. J. Brøndsted. Danmarks Oldtid, I. København, 1938, стр. 172, рис. 116, *c*.
14. Е. Л. Дмитриева. Фауна крымских стоянок Замиль-Кобы II и Таш-Аир I. МИА, 91, 1960.
15. В. И. Бибикова. Фауна из навеса Фатьма-Коба. КСИА АН СССР, 8, 1959.
16. С. Н. Бибиков. Позднейший палеолит Крыма. Сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», 2, 1950.
17. Ю. Г. Колосов. Исследование послепалеолитических стоянок Крыма в 1958—1959 гг. КСИА АН СССР, 13, 1962.

L. Aitchison. A History of Metals, т. I—II. London, 1960; т. I—XV + 303 стр; т. II—XVII + 347 стр. 267 рис. Библ. в конце глав и книги.

Рецензируемый труд Л. Эйчисона, видного английского ученого-металлурга, является пока единственным в мировой литературе изложением истории металлургии от ее зарождения до нашего времени. Историкам и археологам эта книга будет полезна, потому что в ней они найдут обстоятельные сведения о древней металлургии, ее развитии, а также о свойствах металлов и сплавов. Они изложены без излишних подробностей и просто, так как автор избегает «металлургического жаргона». С другой стороны, читатели-металлурги увидят в книге историческую перспективу, без которой невозможно осмыслить историю металлургического производства. Общеисторической основе труда отведены добрые две трети первого тома и половина второго. Не будучи историком, автор удачно, на мой взгляд, вплел металлургическую часть изложения в эту основу. В книге рассматриваются известные в данное время металлы с точки зрения развития их выплавки и обработки. Совсем мало места в ней уделено горному делу, с которым непосредственно была связана металлургия даже в недалеком прошлом.

Первый том посвящен истории металлургии от начала появления металлических вещей в быту до средневековья включительно, а второй — всем следующим векам. Первый том разделен на семь глав. В главе I прослежено распространение земледелия и скотоводства, вслед за которыми, спустя большее или меньшее время появились в быту первые простейшие металлические поделки. Автор признает более чем вероятным повсеместное распространение идей и изобретений из одного места через множество промежуточных звеньев. Передвижения племен и зарождение обмена между ними оказали могущественное влияние на распространение неолитических культурных достижений, а за ними и металлов. По автору, почти вся история металлургии есть история торговли. Основу почти всего первого тома составляет развитие положений о диффузии идей, товаров, а вместе с ними и металлических изделий в эпоху энеолита, в бронзовый и железный века.

Автор считает, что заимствование проще, чем изобретение, и потому вероятнее. Следуя такой логической схеме, он ошибочно подгоняет к идее диффузии развитие металлургии на протяжении тысячелетий на всем пространстве Старого Света. Нужно заметить, что автор весьма искусно строит схемы диффузии металлургии на разных ступенях ее развития, и некоторые из них кажутся убедительными, так как доказать самобытность металлургии в разных местах несравненно труднее (бесспорно самобытна металлургия только в Америке). Но все же трудно поверить, например, что выплавка бронзы зародилась в одном центре. Более вероятно, что плавильщики в разных странах пришли к этому своеобразными путями. Нет оснований утверждать также, что в богатых оловянными рудами и россыпями Юнани (Китай) или Узбекистане и Казахстане олово научились выплавлять позже, чем, скажем, в Средней Европе.

Сопоставление месторождений медных руд от Синая до Северо-Западной Индии и рассмотрение накопленных археологических фактов привело автора к убеждению, что выплавка меди вероятнее всего могла возникнуть либо к востоку от Каспия в направлении Гиндукуша, либо на южном Кавказе, восточном Тавре, либо в Армении (очевидно, в древних границах последней). Признавая маловероятным независимое открытие выплавки меди в нескольких местах (стр. 36), автор отдает предпочтение предгорьям Эльбруса, как району, где первоначально зародилась выплавка меди. Что касается обстоятельств первоначального открытия, то автор решительно отмечает возможность выплавки меди из куска руды, попавшего невзначай в очаг, потому что температура там не превышает 700°. Развивая мысли Коглена, он пишет о зарождении медной плавки в последние века V тысячелетия до н. э. у горшечников на юге от Эльбруса, обжигавших свою посуду в двухъярусных горнах при нагреве (судя по единичным черепкам) до 1200°.

Автор склонен думать, что именно в таких горнах шла тигельная плавка медных руд до тех пор, пока не нашли способа усиливать тягу в простых горнах, и подкрепляет свое мнение находкой двухъярусного горна с явными признаками выплавки в нем меди (стр. 177). К сожалению, автор не приводит источника, из которого он взял сведения об этой весьма любопытной находке. Однако автор ошибается, потому что мне и Ф. Н. Тавадзе пришлось убедиться, что в простом очаге на дровах даже хризоколла, не говоря уже о малахите, восстанавливается и покрывается розовой корочкой меди, что могли подметить в древнее время люди, употреблявшие малахит как краску. Кроме того, в Сибири и Казахстане в простейших горнах успешно выплавляли медь, а двухъярусных горшечных горнов там до сих пор не найдено. Наконец, Л. Эйчисон сам ниже пишет, что олово выплавляли на дровах в простых ямах, в которых обеспечивался необходимый нагрев точки плавления золота (1063°). Но в тех же ямах можно было выплавлять медь, которая плавится примерно при той же температуре (1083°). Кстати отмечу, что в древнейшие времена в Поднестровье и на севере России выплавляли кричное железо также на дровах, притом в тиглях, которые, по автору, при выплавке железа не употреблялись (стр. 199).

К началу III тысячелетия автор относит возникновение выплавки серебра из серебристого свинцового блеска через купелирование предварительно выплавленного свинца. Этим он объясняет появление чистого серебра примерно за 2600 лет до н. л. в Шумере, Египте, Малой Азии (Троя). Но трудно поверить, чтобы такой сложный способ появился еще до освоения выплавки меди из сульфидных руд, и может быть, находка в Трое фигурки осла из богатого серебром свинца доказывает, что купелировать серебристый свинец все-таки не умели, а сплав получился при выплавке серебра из нечистого аргентита (сульфида серебра), который был известен в те времена (находка в царских погребениях в Уре). Автор явно недооценивает значения в древнем мире самородного серебра, обычно очень чистого, и таких серебряных руд, как кераргирит (роговое серебро), аргентит, прустит и пираргирит, из которых даже в позднем средневековье выплавлялось очень много серебра в Рудных горах. Верхние части известных ныне серебро-свинцовых или полиметаллических месторождений в Малой Азии были, очевидно, богаты самородками, роговым серебром и сульфидами серебра.

Если верно, что металлургия распространялась с Ближнего Востока на запад и северо-запад преимущественно через Малую Азию, то нельзя считать «почти доказанным» решающую роль в этом деле выходцев из Трои, которые, якобы, насаждали металлургию в Подунавье и разведывали рудные месторождения в Средней Европе, а также завозили туда вещи (стр. 51—52). Недавно такая точка зрения на преобладание в те времена Трои на торговых путях в металлургии и горном деле подверглась сокруши-

тельной критике. И недоразумением нужно признать упоминание господства Трои VII над доступом через Пропонтиду к минеральным ресурсам Бессарабии, богатой лишь кремнем (стр. 51).

К концу III тысячелетия до н. э. выплавка меди распространилась по всему Старому Свету от Испании и Бретании до Китая, но, как замечает автор, металлы в быту были такими же, какими они выходили при сплавлении самородков или при выплавке из руд, т. е. естественно чистыми, без добавок, а плавильщики не понимали, почему медь иногда выходила у них тверже (стр. 60). Примеси мышьяка, сурьмы, свинца в дошедших до нас медных поделках того времени автор признает случайными, а современную им бронзу из Элама и Шумера — выплавленной с нарочитой присадкой к меди оловянного камня. Этому, по мнению автора, плавильщики впервые научились где-то в Средней Азии, а оттуда их опыт распространился до Лесбоса и Инда. Однако накопление надежных анализов древнейших медных поделок из разных стран доказывает, что макропримеси мышьяка и сурьмы в них тоже не случайные, а обычно нарочитые. Например, на Кавказе такие присадки имели весьма большое значение от энеолита до конца бронзы. Точно так же Л. Эйчисон недооценивает значение золота и серебра как присадок к меди и, наоборот, меди как присадки к благородным металлам. Древнейшие поделки из таких сплавов, в том числе орудия труда и оружие, не следует, вопреки распространенному мнению, рассматривать как ритуальные или же парадные (стр. 166). В этом нас особенно убеждает пример древней американской металлургии.

Неустойчивость состава оловянной бронзы среди памятников III тысячелетия до н. э. автор объясняет выплавкой ее из медных руд с присадкой оловянного камня, а преобладание повсюду в первые века II тысячелетия до н. э. бронзы с 10% олова — переходом к выплавке ее из готовой меди и того же оловянного камня. Последнее автор объясняет неумением выплавлять олово. Но этому противоречит находка в Терми I браслета из чистого олова, датированного 2550—2650 гг. до н. э. Правда, это единственный известный нам оловянный предмет того времени, но ведь и среди всех известных памятников на 1000—1500 лет моложе его вряд ли найдется даже десяток оловянных поделок. Вероятной причиной колебания доли олова в ранней бронзе мог быть недостаток камня при неналаженной доставке его издалека. А предварительная выплавка меди нужна была лишь там, где не было уже чистых медных минералов, которые только и отбирали на плавку, как, например, в Казахстане, или там, где медь выплавляли на вывоз, как в Египте. Именно поэтому в том же Казахстане на медных древних рудниках медь не выплавляли, как не выплавляли и олово в местах добычи его руд.

Автор придерживается распространенного мнения о неумении в древние времена различать хорошо олово и свинец (стр. 80). Их даже римляне называли одинаково. Но я не считаю это соображение достаточным аргументом. Немыслимо, чтобы люди, имевшие дело с металлами, не заметили, что олово хрустит и ярко-белое, а свинец — тусклый, серо-синий и без хруста. Появление свинца в оловянистой бронзе, которое автор склонен объяснить неумением различать свинец и олово, вероятнее приписать либо необходимости заменить труднодоступное олово, либо стремлению улучшить текучесть сплава. Может быть, недостаточным знакомством автора с древней металлургией Минусинского края, Урала и Кавказа объясняется его утверждение, что Европа опередила в век бронзы все другие страны (стр. 82).

При описании первого появления железа в быту автор умалчивает о знаменитом клинке из большой пирамиды в Гизе (стр. 99). Зато мы находим у него новое подтверждение ранней выплавки железа в первом печатном сообщении о находке в могилах у Лапифуса на Крите двух обломков кричного железа, датированных XIX в. до н. э. Л. Эйчисон рассмотрел предпосылки для возникновения выплавки железа, спреведливо приписывая открытие ее мастерам, выплавлявшим медь, вероятнее всего, где-либо в Малой Азии. Но он явно недооценивает длительного знакомства людей с метеоритным железом и опыта ковки его вгорячую, способствовавшего распознанию ценных свойств случайно получавшегося железа. В соответствии со своими представлениями о диффузии идей автор говорит о распространении железа с конца XV в. до н. э., т. е. после крушения хеттского господства в Малой Азии, где хеттам удавалось в течение веков сохранять тайну выплавки железа.

Глава IV посвящена истории металлургии в первом тысячелетии до н. э. Л. Эйчисон отмечает, что главными особенностями этой истории в то время были не новые открытия в металлургии, а накопление металлов у знати в виде сокровищ и как средства для утверждения своей власти. Если увеличение добычи золота и серебра, сопровождавшееся чрезвычайным ростом торговли, а также ограблением народов, приводило к накоплению сокровищ, то распространение выплавки железа обеспечило знать оружием для утверждения власти и эксплуатации порабощенных. Автор умалчивает, что с распространением и укреплением рабовладельческого строя обострялись присущие ему классовые противоречия. Не случайно, что рабовладение раньше, чем в других странах, сложилось и укрепилось на Востоке и там же прежде всего железо стало важнейшим металлом и начали накапливаться сокровища. Л. Эйчисон не объясняет причин, почему в Европе (кроме Эллады и Припонтийских степей) за 500 лет до н. э. железо еще оставалось редкостью. Причина заключается в том, что там тогда еще не возникли господствующие классы, державшиеся на оружии. Нужно признать ошибочным утверждение Л. Эйчисона, что распространение железа у африканцев шло с востока континента на запад вместе с продвижением арабов.

Пожалуй, впервые в литературе по истории металлургии автор хорошо рассмотрел причины медленного распространения железа, которое даже римляне не умели хорошо науглероживать, а сталь не умели отпускать после закалки. Он объясняет, почему норикское и халибское железо, выплавлявшееся из марганцовистых руд, столь высоко ценилось в древние времена: оно и без особого науглероживания отличалось хорошими качествами. Правильно отмечено, что с развитием водоснабжения в римских городах увеличивалась выплавка свинца. Но и до римлян его также много потребляли в строительстве и в корабельном деле.

В четырех предыдущих главах Л. Эйчисон не вдавался в подробности, рассказывая только об основных чертах становления металлургии и овладения приемами обработки известных древнему миру металлов. Поэтому следующую, V главу он посвятил обзору достижений техники металлургии и металлообработки за все тысячелетия, предшествующие V в. Ему хорошо удалось показать, какими простыми средствами древние металлурги умели достигать поразительного мастерства. Он противопоставил неизбежную в те времена расточительность человеческого труда при добыче металла законченной изысканности произведений, выходивших из рук мастеров. Свой обзор автор ведет по каждому из семи древних металлов, начиная с золота. Он допускает, что из золотых самородков в каменном веке выделывали украшения. Но вряд ли правильно его утверждение, что золото во все древние времена использовалось только для изготовления украшений. Он признает природными примеси 4,1% золота и 2,5% серебра в медном зубиле из Египта первых династий. Однако хорошо известно, что самородная медь встречается очень редко и еще реже сочетание в ней больших примесей серебра и золота; в чистых же медных окисленных минералах, из которых в ту пору только и могла быть выплавлена медь, еще меньше вероятны столь большие примеси серебра и золота. По всей вероятности, зубило было сделано из меди с нарочитой присадкой золота и серебра или же (что вероятнее) 38%-ного электра.

Ошибочно предполагать, что древние золотоискатели сжигали шкуры, на которых промывали золотоносные пески, чтобы отделить от меха золото (стр. 168). Известно, что шкуры после промывки песков время от времени просушивали и вытряхивали из них крупицы золота вместе со шлихами. Об этом же сообщает и Хордадбех (IX в.). Невероятно также утверждение, что древние египтяне просеивали растертую золотую руду на ситах с медной сеткой (стр. 169). Ведь для просеивания нужны частые сита из тонкой проволоки, которая не прочна, а сделать ее в то время было трудно. Мы хорошо знаем, как велик расход тонких сит на современных обогатительных фабриках. Проще и в духе расточительности рабского труда было растирание руды в пыль, что, очевидно, и делали в Египте, Индии и других местах. Сомнительно применение амальгамы даже на рубеже нашей эры (стр. 169).

Возникновение выплавки меди из сульфидных руд в Азии автор относит к самому началу I тысячелетия до н. э. и, примерно, к 700 г. в Европе, когда там были исчерпаны окисленные руды (стр. 178). Но не следует ли предположить, что именно из попыток выплавки меди из медного колчедана возник способ выплавки железа, а следовательно, сульфидные руды переплавлялись на медь много раньше, чем указано. Мне впервые встретилось указание автора (стр. 178) об окислении в римское время расплавленного штейна дутьем с доведением садки до 99%-ной меди. И, к удивлению, отрицается даже у римлян умение очищать дутьем расплавленную медь, хотя издавна таким путем доводили до высокой пробы и серебро, и золото, особенно от переплавки награбленных украшений.

В качестве примера чистоты раннего серебра от свинца автор приводит знаменитую серебряную фигурку осла из ранних династических могил Ура. Серебро для фигуры не было выплавлено из серебристого свинцового блеска, но следовало бы указать, что 6% меди к нему несомненно было добавлено для прочности и лучшего литья. Замечу, что названная фигурка ошибочно датирована IV тысячелетием до н. э., вероятно, по старой хронологии Вулли (стр. 179). Она относится к середине III тысячелетия, когда, по автору, началась выплавка серебра из серебристого свинцового блеска. Состав серебра в этой фигурке опровергает предположение о столь раннем распространении купелирования (стр. 185).

Нужно прислушаться к мнению автора о невозможности заливки в древнее время в одну форму 200 *т* бронзы, которые ушли у тирского литейщика Хирама на «медное море» в соломоновом храме за 900 лет до н. э. В то же время нельзя игнорировать реальные факты: почти за 1000 лет до Хирама шумерские литейщики заливали 1,5 *т* меди в единую форму для статуи царицы Азу. Наконец, вспомним громадные ассирийские отливки, античную змеиную колонну, большие чугунные статуи времен династии Хань в Китае, гигантские литые статуи Будды в раннем средневековье. Нужно думать, что для больших отливок древние литейщики, как и их средневековые последователи, сооружали по нескольку пламенных печей для наплавления нужного объема бронзы. Прообразом таких печей могли быть шахтные печи с объемистыми горнами, которые мы видим на позднейших греческих росписях. У автора хорошо противопоставлены литейщики-художники, работавшие на царей и на храмы, и рядовые литейщики, часто странствовавшие в поисках работы, которые отливали по вкусам заказчиков орудия и оружие (стр. 193).

После выплавки крицы главным в железном деле была ковка вгорячую. Приобретает важное значение кузнечный молот, который, по автору, сперва был бронзовым

(стр. 210). Но известно, что еще в недалеком прошлом крицы обжимали на колодах деревянными колотушками, что, кстати, способствовало науглероживанию, с таким трудом удававшемуся древним кузнецам. Подробное рассмотрение науглероживания и приемов многократной слоистой или жгутовой сварок для лучшего распределения углерода автор заключает хорошим примером неудачи римского кузнеца, отковавшего зубило после многократной сварки. Изучение распределения в нем углерода показало, что самым твердым было не острие, а головка (стр. 209). Л. Эйчисон обстоятельно рассказал о древнейших приемах кузнечной сварки благородных металлов и меди (стр. 212 сл.).

Но следовало бы отметить, что при попытках сварки разнородных металлов было открыто взаимное плавление их по шву, а отсюда понятным становится раннее появление твердых припоев, многоцветных сплавов и даже таких изысканных приемов украшения изделий, как зернь и скань.

«Затмением на Западе» называет автор раннее средневековье после крушения Западной Римской империи. Ее гибель он приписывает главным образом натиску и вторжению варваров, а не разложению изжившего себя рабовладельческого строя. Он ошибается, когда пишет о разрушении ордами варваров римских мастерских, в том числе рудных и металлургических. Предприятия пришли быстро в упадок потому, что исчезли принудительный труд и власть рабовладельцев, а рабы бросили работу. Пришли в упадок и многие ремесла свободных римлян и вольноотпущенников, поскольку прекратился спрос на предметы роскоши, не нужные простым людям (стр. 224).

На примере Британии после вторжения туда саксов, англов и ютов сам автор показал, что в меру потребностей общества продолжалась выплавка олова, свинца и железа. Вопреки мнению автора, продолжалась и обработка металлов не столько пришельцами, сколько местными ремесленниками. Автор и сам об этом пишет, но только применительно к золотых дел мастерам и серебряникам, которые удовлетворяли спрос новой знати на украшения и переделывали по их вкусам награбленные сокровища (стр. 227). Изделия местных черных кузнецов, как массовые и обычные, не слишком отличались от поковок пришлых мастеров и остались в тени.

На Западе редкий кузнец, как пишет автор (стр. 254), мог выковывать слоистую сталь, а стало быть и прочный меч (стр. 254). В Европе мечами славились только Штирия, Каринтия (Норик), долины Нижней Роны и Рура. Автор противопоставляет отсталой тогда Европе расцвет производства булата и кузнечного и иного мастерства на Востоке (стр. 258).

Первый том «Истории металлов» заканчивает глава об алхимии (VII). Как современные воззрения на природу металлов и сплавов невозможно отделить от физики и химии (добавим и математики), так, пишет автор, в древние времена учение о золоте, серебре и других металлах было лишь одной из многих ветвей философских построений о природе вещей. На этой основе сложилась философская система алхимии, с ее учением о единой природе всех металлов, которая тысячу лет господствовала в умах и на Востоке, и на Западе. Автор показывает, как слагалась алхимия на основе опыта металлургов, с древнейших времен научившихся «превращать» одни металлы в другие посредством сплавления их, изменения состава их поверхности или окраской. Но автор находит, что соединение идей античной философии о природе материи, изменчивой от разного сочетания четырех основных элементов и четырех качеств, с восточной мистикой и магией привело умозрительно исламских ученых к идее о происхождении всех металлов из философских серы и ртути (стр. 280). Но к этой идее задолго до них пришли древние плавильщики, и неумозрительно, а на опыте плавки сульфидных руд и наблюдая при этом удивительные превращения разноцветных минералов в металлы с непременным удалением серы в составе удушливого сернистого газа. Это явление неизбежно должно было привести к мысли, что из несовершенных металлов нужно удалить побольше серы и они станут лучше. Нетрудно было и мысль о втором начале — ртути — почерпнуть из опыта плавления и обработки металлов, а также из наблюдения за свойствами нетвердеющей ртути. Не объясняется ли мода в раннем средневековье на чернь по серебру и золоту влиянием алхимических идей и мистических представлений о превращении металлов через обращение их в «чернь» — первичную материю с удивительными сверхъестественными свойствами. А сама идея о первичной черной материи не отвечает ли опыту обращения с сульфидными минералами, которые, как и сами металлы, при растирании дают чернь!

Автор отмечает, что в то время как в Европе процветали алхимики — истинные испытатели природы металлов и алхимики-обманщики, в Китае уже в конце I тысячелетия убедились в тщетности попыток превращать металлы и прекратили алхимические опыты (стр. 275). К этому можно добавить, что на Руси алхимия никогда не пользовалась признанием, хотя писания алхимиков, как и прочие произведения западной учености, тщательно изучались, как, например, книги Раймонда Лулла вскоре после их появления на Белом озере в Кирилловском монастыре.

Девятая глава, а с ней и второй том книги начинаются рассмотрением хозяйственного и культурного подъема Европы от XII к XIV в., которому помогало укрепление разного рода связей с восточными странами: Восток все еще оставался далеко впереди Европы по образованности, технике, искусству и по богатству. Вопреки автору, расширение связей с Востоком было не следствием, а причиной крестовых походов, предпринятых с явно грабительскими целями и для покорения ближневосточных стран, чтобы

иметь непосредственный доступ к торговле с тропическими странами. А о последних в Европе хорошо знали даже во времена Меровингов.

По мере укрепления хозяйства в Европе росла выплавка металлов. Хотя основные приемы в металлургии оставались прежними, все-таки впервые водяные мельницы были приспособлены для привода к молотам и дутья горнов, а в XIV в.— для волочения проволоки. Любопытно, что еще в начале XX в., когда автор впервые поступил инженером на металлургический завод в Англии, там продолжали работать старинные вододействующие молоты (стр. 310). К концу XII в. в Западной Европе выплавлялось больше металлов, чем в лучшую пору Римской империи, но скорее всего росла выплавка железа. Много его расходовалось на производство оружия и оборонительных доспехов. Интересно замечание автора о большой трудоемкости работ при выделке рыцарских доспехов, которые поэтому стоили очень дорого: по примерному пересчету на современные цены полное вооружение конника в XII в. стоило столько же, сколько танк «центурион» во второй мировой войне (стр. 334).

Кроме опыта плавильщиков и кузнецов по всякому металлу, как и опыта прочих ремесленников, передававшегося по наследству и через ученичество, по рукам ходило много рукописных сборников прописей, рецептов и наставлений по ремеслу, более или менее перегруженных алхимией, пересказами и толкованиями древней премудрости. Лучшей из дошедших до нас книг подобного рода нужно считать книгу священника Феофила XI в., а может быть, и на два века раньше (стр. 312). Но автор явное предпочтение отдает малоизвестной нашим читателям энциклопедии, составленной в 1250 г. английским францисканцем из Оксфорда Варфоломеем Англиком де Гланвилла, учившим в Париже и Магдебурге. Из этой книги приводятся многие выдержки о природе металлов и их свойств в духе Аристотеля. Любопытно описание проковки серебряной пластины с наложенным на нее золотым листом; если соблюдены перечисленные у Варфоломея условия, то серебро получается золоченым (стр. 314). Точно так же задолго до нашей эры наводили серебро и золото, а в наши дни, заменив ковку прокаткой, получают листы любого металла, покрытые с одной или обеих сторон другими металлами.

Упомянув, что в 1314 г. в Англию были приглашены из Германии горняки и плавильщики, чтобы наладить там разработку руд и выплавку металлов, автор замечает (стр. 320), что подоплекой такого мероприятия было влияние богатейших торговых домов (в том числе аугсбургских), в руках которых уже тогда были откупа и закладные не только на лучшие рудники Западной Европы, но и на многие иные доходные статьи европейских государей, в том числе и английского. Купцы опасались вкладывать свои средства в те горнозаводские предприятия, где не было во главе мастеров-немцев, считавшихся самыми знающими и опытными. Добавлю, что под такими мастерами в те времена разумели не только саксонцев-немцев, но и не менее опытных чешских, словацких и хорватских мастеров. Упомянутое автором замечание существенно, так как дополняет наши сведения о совокупности причин, по которым повсюду в Западной Европе в горнорудном деле преобладали либо немцы, либо те, которых признавали за немцев.

Упоминая о возобновлении в X в. выплавки свинца в Чехии, Саксонии, Силезии и в Англии, автор упускает добавить, что основной причиной этого было прекращение притока серебра с Востока, где усиление товарного, а с ним и денежного обращения создало острую нехватку серебра. Это привело к прекращению вывоза серебра с Востока и вызвало знаменитый серебряный кризис в Европе. Недостаток серебра привел к усиленной разработке серебро-свинцовых руд. В отличие от Европы, приток серебра на Русь в X в. не прекратился. Это серебро происходило из серебро-свинцовых рудников Средней Азии, где горные выработки поражают своими размерами.

Пополнять денежное обращение в Европе можно было не только увеличением выплавки серебра, но и развитием добычи рассыпного золота, которая распространилась в те времена повсеместно, в том числе и в Шотландии. Но общая добыча была невелика, и его, как всегда, не хватало. Недостаток отчасти восполнялся поступлениями от вывозной торговли из Азии, как предполагает автор (стр. 350), а также из Африки через Мавританию и европейские гавани на Средиземном море. У автора мы находим указание на возрастание утечки золота на Ближний Восток по тем же причинам, что и из древнего Рима. Золотом к тому же приходилось дорого оплачивать многих посредников. Чтобы избежать этого, нужно было проложить прямой путь в Индию и другие тропические страны. На поиски этого пути и направились корабли Васко де Гама и Колумба.

X глава книги названа «Испанским столетием», так как с открытием европейцами Нового Света и притоком оттуда дешевого серебра Испания достигла большого могущества. Мексиканское и перуанское серебро было одной из важных причин революции цен в Европе. Оно, позволив испанским королям вести нескончаемые войны, привело страну в конечном счете к полному упадку. Автор лишь в общих чертах сообщает о металлургии древних мексиканцев и перуанцев, которая является частью их самобытной и высокой культуры.

В развитии добычи серебра в Новом Свете решающим было введение там амальгамации серебряных руд в кучах по способу Медины, а позже — в котлах при нагревании по способу Алонзо Барба. Автор вскользь пишет только о втором способе (стр. 372), хотя первый применялся не менее широко в прошлом, а в Мексике вплоть до первой мировой войны. Известен факт обилия серебра в Мексике (сокровища, награбленные еще первыми отрядами Кортеса). Автор упоминает о кульверине, которую солдаты отлили из сплава серебра с медью. Серебро в этом случае использовали не

потому, что ошиблись, как предполагает автор (стр. 362), а потому, что олова не было у литейщиков. Это подтверждается весом затраченного серебра — 283 *кг*, к которому для прочности было добавлено немного меди. Напомню, что из такого сплава выделывали с древнейших времен оружие для знати.

В первой половине XVI в. наибольшего развития достигла выплавка серебра по обе стороны Рудных гор и на Гарце. С появлением артиллерии увеличилась и выплавка меди на отливку бронзовых пушек, особенно в Словакии (тогда части Венгрии), о чем в книге не сказано. Опыт тогдашнего горного дела и металлургии был обобщен итальянцем Биринггуччио (книгу которого явно недооценивает автор) и Агриколой. Л. Эйчисон считает, что указанные авторы, а также Феофил и В. Англик не зависели от ремесленников и их объединений, которые строго хранили втайне приемы своего мастерства, передавая их через учеников и наследников (стр. 375). Однако Агрикола сам был владельцем крупных серебряных рудников в Чехии и Саксонии; Биринггуччио управлял в Папской области арсеналами, а следовательно, и работавшими на них плавильнями и рудниками; наконец, Феофил, очевидно, был непосредственно связан с мастерскими и подсобными предприятиями монастырей своего бенедиктинского ордена (для которых и были написаны его «Прописи»). Все три автора там, где считали нужным, умалчивали о подробностях. Но монастырям в XI в. не было опасно соперничество светских ремесленников, поскольку монастырские мастерские работали на церковь.

В XVI в. секретность в горном деле и металлургии потеряла смысл, ибо жизнеспособными стали лишь крупные предприятия с большими для того времени основными и оборотными средствами. Однако там, где секретность обеспечивала еще дополнительную прибыль, она строго соблюдалась, и у автора это хорошо показано на примере производства белой жести, монополию на которую таким путем удерживала Германия (в основном Нюрнберг) с середины XIV до конца XVII в. (стр. 320). Другим примером, о котором автор не упоминает, может быть производство в Мейсене (Саксония) кобальтовой смальты, секрет которого строго хранили на протяжении почти трех веков.

Чтобы ярче представить состояние металлургии в XVII в., автор часто цитирует книги сэра Джона Петтуса, который долгие годы был одним из главных руководителей в компании королевских рудников, основанной еще в 1568 г. У автора мы находим выразительную характеристику общей культуры XVII в. в Европе, когда мышление все полнее освобождалось от пут средневековой схоластики, когда развивались точные и естественные науки. Автор перечисляет своих соотечественников, выдающиеся достижения которых легли в основу промышленной революции в Англии, а затем и других стран (Дерби, Мушета, Хунтстмена, Корта и др.). Если металлургия Англии в XVIII в. прекрасно показана в книге, то об успехах ее в остальной Европе сказано очень мало. О блестящем расцвете уральской и алтайской металлургии совсем не упоминается, хотя в то время много меди и чугуна из России вывозилось в ту же Англию. Россия в то время по выделке железа шла впереди других стран. Точно так же автор ничего не сказал о металлургии в Азии, хотя бы о японских «мабуки».

Глава XII отведена открытию новых металлов. Эти открытия были подготовлены успехами минералогии, которой уделяли большое внимание натурфилософы, а также качественного и количественного анализов, выросших на основе пробирного искусства. Несколько новых металлов в известных и неизвестных до того минералах было открыто в 80-х годах XVIII в. шведским химиком Бергманом. Он пытался определять в каждом металле долю флогистона. Это происходило почти накануне окончательной гибели алхимической идеи флогистона в результате открытий Пристлея, Кевендиша, Лавуазье (стр. 475) — и, конечно, М. В. Ломоносова, который в книге не упомянут, что невозможно объяснить неосведомленностью автора рецензируемой работы. Пример Бергмана показывает поразительную живучесть алхимических представлений. Бо́льшую часть новых металлов первооткрывателям удавалось получать при восстановлении углем в виде хрупких корольков или даже спеков, и их поэтому относили к полуметаллам. Автор замечает, что к этому была также и иная причина: от Аристотеля к алхимикам перешло убеждение, что существуют только семь металлов (стр. 478). В этом случае мы имеем другой пример живучести алхимических предрассудков.

Должное место в главе отведено периодическому закону элементов Д. И. Менделеева, который внес полную ясность в возможность открытия новых элементов, в том числе и новых металлов. Две последние главы книги отведены истории металлургии в XIX в. и в наше время.

В. А. Пазухин

В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, 387 стр.

Последние годы характерны возросшим интересом к одной из самых примечательных страниц древней Руси — истории Великого Новгорода. Несомненно, одним из важнейших стимулов к этому были ведущиеся под руководством А. В. Арциховского археологические изыскания на территории Новгорода и, в первую очередь, замечательные находки берестяных грамот, открывшие почти неведомый дотоле мир отношений между русскими горожанами XI—XV вв.

Наука получила ряд исследований по новгородской истории, а также труды новгородской экспедиции. Основное внимание в них уделялось вопросам социально-экономического развития и культуры, главным образом позднего периода в жизни Великого Новгорода.

До сих пор отсутствовало сколько-нибудь обстоятельное исследование истории государственного аппарата Новгорода, особенно в ранний период. Поэтому книга В. Л. Янина, посвященная судьбам посадничества на протяжении всей его истории, приобретает исключительный интерес.

Посадники Великого Новгорода давно уже обратили на себя внимание дореволюционных и советских историков. Но только после опубликования книги В. Л. Янина стала ясна та огромная роль, которую сыграла посадническая власть в исторической судьбе Новгорода.

В монографии В. Л. Янина сразу же привлекают две тесно связанные между собою стороны — широта постановки вопроса и филигранная тонкость исследовательского подхода. Возникновение, развитие и упадок власти новгородских посадников рассматриваются В. Л. Яниным на широком фоне напряженной политической и классовой борьбы, которой была пронизана вся история крупнейшей русской феодальной республики. В. Л. Янин первый в литературе изучил институт посадничества не как нечто застывшее, раз навсегда установившееся, а как явление, претерпевшее множество изменений в характере представительства, функциях и, наконец, удельном весе в государственном аппарате. Источников по данной теме сравнительно немного. Это, главным образом, летописи и актовые материалы. В. Л. Янин впервые привлек к изучению темы третий комплекс — берестяные грамоты и печати, которые раскрыли ряд оставшихся доселе в тени сторон деятельности новгородских посадников. Автор, являясь крупнейшим специалистом по древнерусской сфрагистике, в данной работе показал, что без анализа сфрагистического материала невозможно дальнейшее изучение политической истории древней Руси.

Но заслуги В. Л. Янина этим не исчерпываются. Только благодаря глубокому анализу автора немногочисленные и крайне сложные памятники смогли заиграть разнообразными красками. Развивая и обогащая методику летописного источниковедения, он показал, сколько еще неиспользованных возможностей заложено в методе, разработанном А. А. Шахматовым. Приемы хронологизации деятельности посадников, предложенные В. Л. Яниным, путем сопоставления их списков с летописными данными и другими источниками имеют большое значение для анализа всех нелетописных статей, предшествующих летописным сводам (списки князей, митрополитов и т. п.). Дальнейшее углубленное изучение истории древней Руси будет, вероятно, проходить на основе совершенствования известных уже методических приемов изучения источников и разработки все новых и новых подходов к ним. Книга В. Л. Янина является тому убедительнейшим доказательством.

Наконец, еще одна привлекательная черта творческого почерка В. Л. Янина — дерзновенная смелость. Автор не обходит острые углы темы, а стремится по всем спорным вопросам предложить свое решение, продиктованное не игрой воображения, а всей системой представлений автора о ходе политической истории Новгорода IX—XV вв. Он дает много новых оценок узловых событий новгородской истории (восстаний новгородского плебса XII—XV вв., деятельности архиепископа Василия Калики и т. д.). Им предложена и в ряде случаев убедительно обоснована новая датировка важнейших актовых материалов, которые определяли взаимоотношения Новгорода с князьями.

Некоторые положения, выдвинутые В. Л. Яниным, остаются спорными, отдельные скороспелые выводы, на мой взгляд, неубедительны. Но при том новаторском подходе к теме, который мы находим в его монографии, всего этого избежать было очень трудно. Обоснованная прекрасным знанием источников и свежей методикой их исследования смелость в подходе к «гордиеву узлу» новгородской истории составляет бесспорную заслугу автора.

Первая глава книги содержит анализ двух сохранившихся изводов летописных списков посадников: первый из них В. Л. Янин условно называет списком А (он находится в Новгородской первой летописи), второй — списком Б (в Новгородской четвертой летописи, Уваровском списке и в статьях, предшествующих тексту Комиссионного списка Новгородской первой летописи). В результате скрупулезного анализа списков В. Л. Янин установил, что основная часть списка А составлена до 1409 г. и пополнялась около 1414 и 1418 гг. На ее основе с привлечением летописных сведений около 1423 г был составлен список Б, также имеющий особое дополнение. Летописные списки посадников (особенно список А), как выяснено В. Л. Яниным, являются ценными и в какой-то степени независимыми от летописей источниками для изучения посадничест-

ва[1]. Историю составления и пополнения списков посадников В. Л. Янин связывает с историей новгородского и общерусского летописания XV в.

Вторая глава книги посвящена возникновению власти посадников и превращению посадничества в орган феодальной республики. Список известных нам новгородских наместников открывается полулегендарным Гостомыслом, появление которого В. Л. Янин справедливо связывает с устной традицией. Затем после княжения-посадничества Добрыни «уя» (дяди) Владимира и после известий о посаднике Константине Добрыниче (1016—1019)[2] списки называют нового посадника — Остромира, вероятно, родича Добрыни. В. Л. Янин вслед за Д. С. Лихачевым считает внуком Остромира известного Яна Вышатича (стр. 53). Вопрос этот очень спорен [3, 4].

На основании внимательного изучения киевско-новгородских отношений XI в. В. Л. Янин убедительно сформулировал тезис о «тождестве посадника и князя» в Новгороде в это время (стр. 51). Он считает, что перемены в новгородском посадничестве относятся ко временам после смерти Остромира, когда в списке А появляются восемь посадников, отсутствующих в летописях. Загадочные посадники появились в списке, вероятно, из какого-то нелетописного источника, степень достоверности которого остается неясной. Но так или иначе уже ко времени посадничества Добрыни (умер в 1117 г.) князь и посадник в Новгороде не отождествлялись, а сосуществовали. По В. Л. Янину, это произошло в конце 80-х годов XI в. в связи с передачей князю Мстиславу новгородского стола. Эта передача «сопровождалась заключением между новгородцами и Всеволодом Ярославичем условий, которыми обеспечивалось преимущественное право внука этого великого князя на Новгород» (стр. 59). Одним из аргументов в пользу этого вывода у В. Л. Янина является решительное заявление новгородцев в 1102 г., что они не хотят брать на княжение Святополка, так как «въскормили есмы себе князя», т. е. Мстислава Владимировича [ПВЛ, ч. I, стр. 182]. Соображение очень интересное, но, конечно, вопрос остается во многом неясным.

Наиболее гипотетично изложены В. Л. Яниным предыстория новгородского восстания 1136 г. и возникновение выборности посадников. В 1117 г. князем в Новгороде сделался Всеволод Мстиславич. В. Л. Янин полагает, что его вокняжение «сопровождалось заключением ряда между князем и городом о пожизненном княжении на новгородском столе» (стр. 63). Договор также, по мнению автора, «определял посадничество как представительный орган местного новгородского боярства» (стр. 65). Это предположение основывается на том, что когда в 1132 г. Всеволод покинул Новгород, летописец с горечью сообщал, что ведь он целовал крест новгородцам «яко хощю у вас умерети» [НПЛ, стр. 207]. Но в этом сообщении нет ни слова и о том, когда же «целовал крест» Новгороду князь Всеволод, и о содержании его крестоцеловальных грамот, если таковые были. В. Л. Янин обращает внимание на то, что именно с 1117 г. летописные сведения о посадниках приобретают систематический характер. Наблюдение важное, но нуждающееся еще во всестороннем осмыслении. Если уж говорить о дате предполагаемого крестоцелования, то приходит на ум 1125 год, когда «посадиша на столе Всеволода новгородци» [НПЛ, стр. 205]. В. Л. Янин считает, что перед этим Всеволод «был лишен стола». Однако «посадиша на столе» может означать не новое приглашение в Новгород Всеволода, а договор с ним об условиях княжения. Когда в 1126 г. Всеволод ушел на некоторое время в Киев и вернулся в Новгород, летописец говорит иначе: «...прииде опять в Новъгород на стол» [НПЛ, стр. 215]. В. Л. Янин считает, что «сразу же» после его возвращения посадничество получил Мирослав. Но в летописи сказано просто: «...и в то же лето» дали посадничество Мирославу. Находились ли эти события в какой-либо связи, остается неясным.

Нельзя также согласиться с Яниным, что в летописи под 1126 г. посадник Мирослав Гюрятинич упомянут ошибочно и вместо него мог стоять кто-либо еще, например Гюрята (стр. 66). Основанием для такого недоверия к летописному тексту служит то, что в посадничьем списке А Мирослав помещен после Иванки, т. е. по времени своего другого посадничества (1135—1136 гг.). Но то, что в списке А обычно посадник упоминается по времени своего первого исполнения должности, не означает, что в данном случае этот принцип не мог быть нарушен, а Мирослав помещен по времени второго посадничества.

Существующая в литературе точка зрения, что выборными посадники в Новгороде стали с 1126 г. («вдаша посадничество Мирославу»), может быть подкреплена гипотезой о заключении Всеволодом договора с новгородцами об условиях княжения. В. Л. Янин не придает значения термину «въдаша», говоря, что «нам неизвестна терми-

---

[1] В отличие от В. Л. Янина мы не считаем, что первый список посадников существовал как независимый от летописи, вполне самостоятельный памятник.

[2] В. Л. Янин «растягивает» время посадничества Константина Добрынича до 1030 г. Это исключено: Константин был «поточен» в Ростове в 1019 г. в связи с событиями 1016 г., как четко указывают летописи [1,2]. Судя по позднейшей Летописи новгородским церквам, в 1030 г. Ярослав посадил в Новгороде своего сына Владимира. До этого в Новгороде княжил старший сын Ярослава — Илья (НПЛ), стр. 161). На основании ошибки летописца, считавшего, что Владимир стал новгородским князем в 14 лет (но в 1030 г. ему было всего десять лет), В. Л. Янин полагает, что Илья княжил в 1030—1035 гг., а Владимир — только с 1034 г. Вывод этот проблематичен.

нология предоставления посадничества в более раннее время» (стр. 68). Но такая терминология известна: в 980 г. Владимир «посади Добрыню» [НПЛ, стр. 128], в 1016 г. Ярослав «посади... Костянтина» [ПСРЛ, т. I, стр. 234], в 1120 г. «прииде Борис посадничат» [НПЛ, стр. 205]. Она резко отлична от сведения 1126 г. Поэтому трудно согласиться с В. Л. Яниным, что посадничество уже с конца XI в. было выборным (стр. 72).

Выборность посадников, начиная с первой четверти XII в., приобретала особое значение потому, что киевский великий князь попытался в 1120 г. нарушить складывающуюся традицию назначения на посадничью должность представителей местной знати назначением своих креатур, возможно даже не новгородского происхождения («прииде Борис посадничат в Новъгород»). В. Л. Янин прав, говоря, что формирование посадничества нового типа и борьба с киевскими князьями в конце XI — начале XII в. «являются первыми политическими результатами образования в Новгороде класса местных бояр-землевладельцев» (стр. 68).

Очень убедителен проделанный В. Л. Яниным анализ сфрагистического материала. Автор выявил наличие посадничьих печатей начала XII в. и связал их с конкретными посадниками этого времени. Установленный им факт возникновения постоянного института посадничей печати, действительно, «говорит об отвоевании республиканским органом заметной части государственной юрисдикции, безраздельно сосредоточенной до тех пор в руках княжеского управления» (стр. 80). Только один вопрос остается еще не вполне ясным. Дело в том, что после событий 1136 г., как установил В. Л. Янин, посадническая печать исчезает. До этого времени печати князей и посадников сосуществовали. Но тогда, может быть, это исчезновение следует датировать более ранним временем, скажем, все тем же 1125 г. Тогда печати Данила, Петра, Ивана, Якова и Федора (с Дмитрием) могут быть связаны не с посадниками 1126—1137 гг., а с их предшественниками конца XI — начала XII в. Трудность заключается в том, что не все имена восьмерки посадников этого времени христианские. Правда, Петряту можно отождествить с владельцем одной из печати Петром, Завиду и его сыну Дмитру могла принадлежать печать с изображением Федора и Дмитрия. На печати мы находим уникальный случай совмещения двух святых на ее одной стороне. В списке посадников («Б») идут вместе: «Завид, сын его Дмитр».

Очень удачным следует признать разбор В. Л. Яниным обстоятельств восстания 1136 г. в Новгороде. В результате этого крупного движения восторжествовал принцип «вольности во князьях»: «...новгородцы первые получили князя не из Киева, а по своей инициативе, избрав противника Мономаховичей» (стр. 72).

Вот уже сколько времени дебатируется в исторической литературе вопрос о времени и обстоятельствах издания так называемых уставов князя Всеволода Мстиславича. В. Л. Янин предложил новую датировку двух памятников, связанных с именем этого князя. Некоторые его наблюдения представляются бесспорно убедительными. Особенно интересно его замечание о том, что тысяцкие, упоминающиеся в «Рукописании» Всеволода, появились в Новгороде не ранее конца XII в.; тогда же происходит и превращение церкви Ивана Предтечи в собор.

Однако заключительный вывод В. Л. Янина о сложении «Рукописания» на рубеже XIII—XIV вв. является недоказанным. Для его обоснования автору приходится делать ряд допущений, которые не могут быть признаны необходимыми. Таких по меньшей мере три. Во-первых, «житьи люди» упоминаются впервые в источнике только в конце XIV в. (в 1372 и 1398 гг.), но В. Л. Янин говорит, что уже во второй половине XIII в. в актах встречаются «меньшие люди», которые м о г л и включать и «житьих людей». Во-вторых, В. Л. Янин, ссылаясь на работу А. Л. Хорошкевич, полагает, что «ипрские сукна м о г л и получить широкое распространение на новгородском рынке уже в XIII в.» (А. Л. Хорошкевич в своей монографии уже не говорит о появлении этого сукна на новгородском рынке в конце XIII в.). Но первое упоминание ипрского сукна в русских источниках относится только к 1327 г. [5]. В-третьих, «мордки куньи», встречающиеся в «Рукописании», впервые упоминаются в источниках в 1396 г. и закончили свое бытование в Новгороде в 1410 г. Однако В. Л. Янин считает, что они м о г л и ходить на Руси и в конце XIII в., так как в немецком проекте договора с Новгородом 1296 г. уже упоминается capita martarorum (голова куницы), которое якобы является дословным переводом понятия «морд куний». Но факт отсутствия такого русского термина до конца XIV в. неоспорим. Поэтому и его появление могло объясняться переводом сначала русского понятия «куны» на латинский, а затем снова на русский (martarorum созвучно с «мордка», хотя и означает куницу) [6]. Аналогичные случаи образования русских названий денег из иноземных в истории новгородской монеты В. Л. Янину, конечно, хорошо известны.

Таким образом, дата — конец XIV в. как время появления «Рукописания» остается непоколебленной. Правда, В. Л. Янин обращает внимание на то, что в памятнике упоминается «гривна серебра», которая в новгородских источниках встречается только до 1316 г., а с конца XII в. там безраздельно господствует рубль. Следовательно, делает вывод В. Л. Янин, «Рукописание» сложилось до начала XIV в. Но до нас дошла «Память как торговали доселе новгородци» 1494 г., где мы находим упоминание «гривна серебра — рубль» [7]. Итак, даже в XV в. в Новгороде отлично знали о гривне серебра. Совершенно ясно, что составитель «Рукописания», работавший, по нашему мнению, в конце XIV в., совершенно сознательно систематически упоминал

«гривну серебра», ибо и ему и его современникам было хорошо известно, что в XII в. никакого рубля не существовало.

В. Л. Янин предлагает и новую датировку второго памятника, связанного с именем князя Всеволода,— его «церковного устава». Вывод его о том, что этот памятник рисует более архаичную организацию торгового суда в Новгороде, очень заманчив. В. Л. Янин предложил свою расшифровку второго имени Всеволода, встречающегося в уставе («Игѳшь»), как зашифрованного тайнописью имени «Пётр». А отсюда вытекает и предполагаемое В. Л. Яниным авторство памятника кн. Всеволода — Петра Мстиславича (1219—1221 гг.).

Как показывает В. Л. Янин в третьей главе своего исследования, после восстания 1137 г. в Новгороде происходила напряженная внутрибоярская борьба за овладение посадничеством. Усиление классовой борьбы в Новгороде в XII в. стало главным препятствием к реставрации там монархических порядков (стр. 95). В Новгороде в это время среди боярства сложились две группировки, которые, стремясь к господству, вынуждены были опираться одна на союз с черниговскими, а другая — с суздальскими князьями и Мстиславичами. Идя на уступки княжеской власти, бояре содействовали тому, что она приобретала все более независимый характер. Функции княжеской власти отнюдь не сводились в это время к руководству войсками, как это обычно считалось в литературе. Об этом, в частности, свидетельствуют сотни княжеских печатей XII в., прилагающихся обычно к земельным и иным актам. Только в конце XII в. посадничество «возвращает себе характер антикняжеской организации» (стр. 109). Именно тогда складывается новый институт республиканского управления — тысяцкие. Основой этих успехов боярства, пишет В. Л. Янин, была экспроприация им основной массы общинных земель (стр. 111).

В результате крупнейшего всенародного восстания 1207 г. княжеская власть вынуждена была пойти на существенные уступки. Это же восстание заставило на время сплотиться обе боярские группировки. Политика пришедшего в 1207 г. к власти посадника Твердислава Михалковича, инициатора этого сплочения бояр, и открывает новую страницу в истории новгородского посадничества.

Четвертая глава книги В. Л. Янина содержит историю посадничества в XIII в. В 20-х годах происходит новое ограничение княжеской власти в Новгороде, выражавшееся в полуноминальном признании суверенитета суздальской княжеской династии, а несколько позднее — «великих князей владимирских» (стр. 135, 143). Именно в это время складывается формуляр докончания Новгорода с князьями, строго регламентирующий функции княжеской власти в Новгороде. В этой главе В. Л. Янин очень убедительно устанавливает дату так называемого «Устава Ярослава о мостех» (около 1264 г.).

В. Л. Янину принадлежит заслуга выявления коренных преобразований республиканского управления в конце XIII в. (глава пятая). Именно в это время складывается принцип кончанского представительства в боярском совете, ежегодное избрание посадника на вече и полное господство боярской аристократии во внешне- и внутриполитической жизни Новгорода. Посадники избираются отныне из числа пяти пожизненных представителей новгородских концов. Уже с начала великого княжения Ивана Калиты (с 1327 г.) складывается автоматическое признание суверенитета великого князя над Новгородом и его фактическое невмешательство в новгородские дела (стр. 187). В. Л. Янин в шестой главе раскрывает смысл осуществленной в 1354 г. Онцифером Лукичем реформы в организации посадничества: вместо одного посадника теперь пожизненно избиралось шесть, а они из своего состава выделяли степенного посадника.

Выяснение сущности преобразований 1354 г. помогло В. Л. Янину определить кончанскую принадлежность многих посадников XIV—XV вв. и внести существенные уточнения в хронологию ряда новгородских грамот. Иногда, правда, в своем стремлении передатировать новгородские докончания с князьями автор преувеличивает хронологизирующее значение посадников и тысяцких в ущерб другой источниковедческой аргументации. Но деятели новгородской администрации занимали свои места в течение многих лет, а их хронологическая последовательность далеко не всегда может считаться установленной. В. Л. Янин относит составление договора князя Михаила Александровича Тверского с Новгородом (№ 18) к 1373—1374 гг. на том основании, что именно тогда занимали «степени» упомянутые в нем посадник Юрий и тысяцкий Матвей (стр. 209). Но оба эти деятеля могли занимать «степени» и около сентября 1375 г., когда, судя по летописи, и было заключено новгородско-тверское докончание. К тому же в грамоте Михаил Александрович назван «великим князем Тверским», а это могло быть только после зимы 1373—1374 гг., когда Михаил сложил с себя звание великого князя Владимирского. Для В. Л. Янина титулатура грамоты не кажется существенной: ведь Михаил не называется великим князем и в грамоте 1371 г. и в наказе 1372 г. Однако в докончании 1371 г. Михаил еще «великий князь» Владимирский. В наказе новгородским послам 1372 г., составленном еще до завершения конфликта с Тверью, Михаил фигурирует как обычный «князь». Докончание, устанавливающее нормы новгородско-тверских отношений, должно было отражать реальную картину политической жизни Руси: до конца 1374 г. в официальных новгородско-тверских соглашениях Михаил Александрович должен был бы именоваться «великим князем», а не «великим князем Тверским», как называет его грамота № 18.

При построении своей схемы очередности степенных посадников В. Л. Янин исходит из двух принципов: каждый посадник на степени был ровно год (начиная с февраля-марта), каждое докончание или просто грамота шла от имени степенного, а не обычного посадника. В целом это очень убедительно. Но ведь всякое правило имеет и исключения. Мог же, например, посадник умереть, не дождавшись окончания своего степенного срока. Мог он и быть смещенным. Наконец, могли отдельные документы подписывать и нестепенные посадники. В этой связи обращает на себя внимание грамота, адресованная властям Любека (№ 44). В ней интересно упоминание наряду с посадником Иваном Семеновичем и тысяцким Олисеем наместника Андрея.

Этот документ непосредственно предшествует договору 8 ноября 1373 г. (дата уточнена В. Л. Яниным) и написан в 1373 г. после 29 июня (Петров день), когда из Новгорода уехал князь Владимир Андреевич [НПЛ, стр. 372], а на смену явился наместник Андрей. В грамоте речь идет об избиении 12 новгородских купцов. В. Л. Янин датирует ее временем между 1370 — февралем 1371 г., ссылаясь, в частности, на упоминание в проекте новгородско-любекского соглашения 1371 г. (№ 42) и в договоре 1372 г. (№ 43) «зла», которое могло быть учинено новгородским купцам. Но в обоих документах говорится лишь о возможном казусе, а не о происшедшем. Поэтому интересующая нас грамота должна была появиться после 1372 г. Еще одно обстоятельство, не позволяющее датировать грамоту 1370—1371 гг. В списке тысяцких Олисей помещен после Матвея [НПЛ, стр. 472]. Но Матвей в источниках впервые появляется лишь летом 1371 г. Следовательно, грамота с тысяцким Олисеем могла быть составлена только позже 1371 г. (№ 15). Помещение Матвея в списке тысяцких вслед за его отцом Фалелеем В. Л. Янин объясняет генеалогическим, а не хронологическим принципом (стр. 208). Каких-либо конкретных доводов в пользу этого допущения он не приводит.

Как известно, в ноябре 1373 г. степенным посадником в Новгороде был Юрий, а тысяцким — Матвей (№ 45). Тогда для Ивана Семеновича и Олисея из летне-осенней грамоты 1373 г. остаются две возможности: или занятие ими степени было кратковременным, или они не были в то время степенными. В пользу последнего предположения говорит то, что Иван Семенович был обычным посадником еще в марте 1373 г. при степенном Юрии. Очевидно, Юрий с марта по ноябрь 1373 г. занимал степень без перерыва (№ 16, 45). Вероятно, не был степенным и тысяцкий Олисей. Еще во второй половине 1372 г. он был обыкновенным тысяцким при степенном тысяцком Матвее (№ 16). Матвей был степенным также, очевидно, без перерыва до ноября 1373 г. (№ 45).

Обращаясь к договору Дмитрия Донского с Новгородом, В. Л. Янин датирует его главным образом на том основании, что упомянутым в нем посаднику Юрию и тысяцкому Михаилу нет места в его схеме до весны 1374 г. (стр. 209). Но и в данном случае надо принять во внимание прежде всего ту обстановку, в которой договор составлялся. Докончание предусматривало возможность наместничества в Новгороде князя Владимира Серпуховского. Поскольку князь Владимир прибыл в Новгород в начале марта 1373 г., и докончание следует датировать временем около начала этого месяца [НПЛ, стр. 372; 8]. Присутствие в грамоте посадника Юрия лишь подтверждает дату: он был на степени еще в ноябре 1373 г. (№ 45). Тысяцкий Олисей в это время, очевидно, все еще не был степенным тысяцким (Матвей занимал степень еще в ноябре того же года).

Таким образом, несколько измененное чередование степенных посадников и тысяцких в 70-х годах XIV в. будет выглядеть так:

Дата	Степенный посадник	Степенный тысяцкий	Документ
1370—II 1371	?	?	—
1371—II 1372	Юрий Иванович	Матвей Фалелеевич	ГВНиП, № 15, 42[3]
1372—II 1373	Михаил Данилович	Матвей Фалелеевич	ГВНиП, № 13, 43[4]
1373—II 1374	Юрий Иванович	Матвей Фалелеевич	ГВНнП, № 16, 45[5]
1374—II 1375	(?Юрий Иванович)	(? Матвей Фалелеевич)	—
1375—II 1376	Юрий Иванович	Матвей Фалелеевич	ГВНиП, № 18
1376—II 1377	Юрий Иванович	Олисей Онаньевич	НПЛ, стр. 373

[3] В грамоте № 15 имя посадника не названо.

[4] Грамота № 44 (лето—осень 1373 г.) составлена от имени посадника Ивана Семеновича и тысяцкого Олисея, которые в то время не были степенными или занимали степень короткий срок.

[5] Упомянутый в грамоте № 16 тысяцкий Олисей не был степенным.

Прямых сведений о том, кто занимал степень в 1374—1375 гг., у нас нет. Поскольку предшествующий и последующий сроки степенным посадником был Юрий, а степенным тысяцким Матвей, то, возможно, они возглавляли новгородскую администрацию и в 1374—1375 гг.

Новую реформу посадничесой организации, как устанавливает В. Л. Янин в седьмой главе монографии, следует отнести к 1416—1417 гг., когда было втрое увеличено число одновременно действующих посадников. Обновление степени отныне производилось не один раз, а дважды в год (стр. 251). Эта реформа завершила сложение в Новгороде олигархического правления бояр и его органа — Совета господ, напоминающего аналогичную структуру олигархического сената Венеции и Флоренции. Возникновение во второй половине 10-х годов XV в. печати «Великого Новгорода» знаменовало сложение в нем боярской государственности.

К числу спорных вопросов относится датировка договора великого князя Василия Васильевича с Новгородом [ГВНиП, № 19]. Если учесть, что в грамоте владыка Евфимий не носит титула архиепископа, а также ряд других дополнительных данных, то можно датировать докончание Новгорода с Василием Темным или временем между осенью 1432 г. и весной 1433 г. или (что более вероятно) несколькими месяцами между осенью 1433 г. и весною 1434 г. [8].

В. Л. Янин выдвинул очень интересное предположение, что Василий Васильевич мог считаться великим князем еще при жизни его отца. Ничего невозможного в этой гипотезе нет. Подобные факты соправительства наследника Ивана Васильевича при Василии Темном или Василия Ивановича при Иване III хорошо известны. Беда лишь в том, что ни в летописях, ни в актах никаких прямых свидетельств о подобных отношениях между Василием I и его старшим сыном нет. Правда, под 1424 г. в летописи говорится о крестоцеловании новгородцам «князя великого» Василия [ПСРЛ, т. VIII, стр. 92]. Считая, что для составления в это время договора Василия I с Новгородом никаких особых оснований не было, В. Л. Янин полагает, что речь в данном случае идет о докончании, которое заключил его сын. Правда, позднее новгородцы заключали договоры одновременно с великим князем и сыном-соправителем. Но В. Л. Янин допускает, что «первоначальное возникновение порядка соправления должно было потребовать заключения особого, дополнительного отдельного договора» (стр. 254) [6]. Этим договором В. Л. Янин и считает грамоту № 19, но у нас нет данных, что до смерти Василия I его сын имел хоть какое-либо отношение к Новгороду. В летописи он к тому же ни разу не называется великим князем [7].

Наконец уже странно, что, будучи составленной при еще здравствующем Василии I, грамота фактически не упоминает о великом князе московском. Остальные доводы В. Л. Янина также не усиливают его позиции. Действительно, Ефимий I был священноиноком. Но священноиноком в 1432—1434 гг. был и Ефимий II. Не помогают автору и излюбленные им посадники. Прежде всего не вполне точен его вывод о том, что «посадники, названные в договоре, все принадлежат к числу посадников начала 1420-х годов, тогда как в 1430-х годах активно действуют уже другие посадники, имен которых в договоре нет» (стр. 265).

Дело заключается в том, что началом 20-х годов обрываются оба изучаемых В. Л. Яниным списка посадников (список Б продолжается только с лета 1434 г.). В одном из них мы встречаем Михаила Ананьевича [НПЛ, стр. 472]. Михаил Ананьевич упоминается еще в одном акте XV в. [ГВНиП, № 75], где встречается и тысяцкий Оникей Власьевич. Исходя из того, что Оникея мы находим (предпоследним) в списке тысяцких, законченном составлением около 1423 г., В. Л. Янин датирует акт 20-ми годами XV в. И в данном случае доводы автора недостаточны — документ мог быть составлен и позднее, когда Оникей мог снова стать исполнителем обязанностей тысяцкого. Кроме Михаила Ананьевича под 1420 г. упомянут как посадник Афанасий Федорович [НПЛ, стр. 413] и Михаил Иванович, сведения о котором появляются уже в 1412 г. [ГВНиП, № 61]. Предположение В. Я. Янина о том, что Михаил Иванович, судя «по положению в контексте грамоты», должен быть степенным, не убедительно. Правда, именем Михаила Ивановича как бы открывается грамота, но ведь степенный посадник Михаил Онаньевич помещен после «старого» Офонаса Федоровича. Поэтому и положение Михаила Ивановича в тексте грамоты еще не доказывает его степенность.

Но этого мало. В летописи с 1423 до лета 1434 г. не назван ни один новгородский посадник. Правда, в летописи под 1428 г. говорится, что к Витовту из осажденного Порхова вышли посадники Григорий Кириллович Посахно и Исаак Борецкий. В то же время из Новгорода также прибыл архиепископ, «а с ним посадники и тысяцкие» [ПСРЛ. т. VIII, стр. 94]. Еще В. Н. Бернадский сомневался, был ли Григорий Посахно новгородским или порховским посадником [9]. В. Л. Янин обоих считает новгородскими посадниками уже в 1428 г. Но Григорий Кириллович впервые упоминается как посадник лишь осенью 1434 г. [НПЛ, стр. 417], а Исаак Борецкий — в начале 1439 г. [ГВНиП, № 68]. Летом 1434 г. упоминается посадник Самсон [ГВНиП, № 64]. Никакими достоверными фактами их более раннее посадничество не подтверждается. Продолжение

[6] Ссылка В. Л. Янина на то, что в 1419 г. Василий I потребовал от князя Константина Дмитриевича крестоцелования своему сыну, а не себе, не может быть принята во внимание: князь Константин не сомневался в правах великого князя, но не хотел, чтобы его «подписали» «под» сыном Василия I.

[7] См. под 1419 г.: «...въсхоте подписати под сына своего Василиа брата своего меншаго Констянтина»; под 1422: «Софиа с сыном с Василием ездила к отцу своему» [ПСРЛ, т. VIII, стр. 90, 91]. В то же время при упоминании сына Василия II Ивана летопись все время именует его великим князем (под 1452 г., 1459 г. и др.) [ПСРЛ, т. VIII, стр. 125, 147].

списка Б по ермолинскому варианту начинается с Григория Кирилловича, Григория Юрьевича и Самсона Ивановича, т. е. примерно с начала 30-х годов XV в. (степенное посадничество было полугодичным), а не с 1428 г. (иначе пришлось бы допустить слишком большую лакуну между Григорием Юрьевичем и Самсоном).

Возможность исполнения посадничских функций в феврале 1434 г. Михаилом Ананьевичем, Афанасием Федоровичем и Михаилом Ивановичем не исключена. Посадники, по наблюдениям В. Л. Янина, представляли концы в течение долгого времени. Например, Александр Фоминич и Федор Тимофеевич были посадниками до 1421 г., первый с 1403 г., второй даже с 1385 г. (стр. 214, 215, 236, 237, 242, 243). Итак, датировка договора Василия Васильевича с Новгородом началом 30-х годов XV в. вполне выдерживает проверку посадничской хронологией, а предложение В. Л. Янина передвинуть время его составления на 1424 г. следует отклонить.

Восьмая и девятая главы монографии В. Л. Янина знакомят нас с переменами в системе управления последнего периода Новгородской республики. Особенно наглядно показано автором кончанское представительство как основа новгородского посадничества. Анализ летописных сведений 70-х годов XV в. и сфрагистического материала проделан им безукоризненно. В XV в. новгородское боярство представляло собою кастово-замкнутую организацию. «Только боярам,— пишет В. Л. Янин — принадлежали высшие государственные должности Новгородской республики, и состав боярства не пополнялся за счет других новгородских сословий» (стр. 324). Большинство бояр (а их было всего 2—3 десятка семей) являлись членами Совета господ, что сближало фактически термины «боярин» и «посадник».

Делясь частью своих доходов и политических прав с житьими людьми и купечеством, новгородские бояре ведут наступление на права широких народных масс, практически ликвидируя после реформ 20-х годов XV в. вечевой строй республики. Все это вызвало резкое классовое размежевание в структуре новгородского общества и обострение социальных противоречий. В. Л. Янин выяснил характерные черты двух группировок среди боярства: сторонником пролитовской ориентации было неревское боярство, тогда как боярство Славенского конца склонно было идти на компромисс с Москвою (стр. 348). На фоне роста политической активности новгородской церкви В. Л. Янин рассматривает деятельность архиепископа Василия Калики (1331—1353 гг.), показывая его как представителя «гибкой» политики определенной части боярства.

В последних главах В. Л. Янин также уделяет большое место изучению печатей и актового материала. Он по-новому и убедительно датирует ряд жалованных и договорных грамот от 50—70-х годов XV в., используя для этой цели свои наблюдения об изменениях в составе посадников за это время. Единственное возражение вызывает его попытка пересмотреть датировку докончания Новгорода с великим князем Казимиром IV Литовским (№ 70). Поскольку оно в литовской метрике помечено перед аналогичным договором Казимира IV с псковичами (30 декабря 1440 г.), скорее всего его также следует датировать концом 1440 г. [8]. Однако эта дата В. Л. Янину кажется спорной, и он предпочитает относить договор к августу 1441 — февралю 1442 г., когда, по его мнению, степенным посадником был Федор Олисеевич, а тысяцким — Семен Тимофеевич. Вряд ли, пишет он, оба они «были степенными и в конце 1440 г., и в конце 1441 г.» (стр. 281, 376), хотя оба названных лица упоминаются в грамоте от конца 1441 г. [ГВНиП, № 71]. Но почему? Хронология степенных посадников с февраля 1439 по февраль 1448 г., как показал сам В. Л. Янин, допускает несколько вариантов: ведь из 18 посадничьих сроков заполнено только 15. «Остальные три срока могли принадлежать другим посадникам, также приходившим на степень вторично» (стр. 286). Если же предположить, что Федор Яковлевич был посадником в феврале — августе 1439 г., то Федор Олисеевич мог быть «на степени» и в конце 1441 г. А если передвинуть Богдана Микитича на конец 1439 г., то не исключено, что Федор Олисеевич сидел на «степени» три срока подряд, т. е. с августа 1440 по февраль 1442 г. Ведь, по мнению В. Л. Янина, был же Иван Лукинин подряд два срока — с августа 1455 по февраль 1456 г. и с февраля по август 1456 г. (стр. 288). Словом, изучение состава посадников не дает никаких оснований для отказа от датировки докончания с Казимиром концом 1440 г.

Подводя итоги своей работы, В. Л. Янин, прекрасный знаток новгородской топографии, высказывает несколько пока еще предварительных соображений о происхождении кончанского деления Новгорода, оказавшего столь значительное воздействие на ход внутрибоярской борьбы и структуру посадничества управления. Он считает, что первоначально Новгород являлся совокупностью подчас изолированных между собою поселков. Древнейшим из них было Славно (будущий Славенский конец). Выходцами из него позднее (к XIV в.) заселен был Плотницкий конец. На Софийской стороне уже в X в. существовал поселок, который затем получил наименование Неревского конца. Древнее ядро этого конца позднее обросло посадом (в районе Холопьей улицы). Наконец, третьим древним структурным элементом Новгорода были «Пруссы», аристократический центр Людина конца. В. Л. Янин выдвигает предположение о том, что Славно может быть связано с именем новгородских славян, Неревский (Наровский) конец — с чудской основой, а «Пруссы» с кривичами, соседствовавшими с балтийскими племенами на территории Пруссии (стр. 324). Дополнительные исследования топонимического, археологического и летописного материала покажут, насколько гипотеза В. Л. Янина может объяснить возникновение Новгорода как федерации поселков разноплеменного происхождения.

В целом книга В. Л. Янина — значительное явление в историографии Великого Новгорода. Написанная на прочном фундаменте всей совокупности сохранившихся источников по истории новгородского посадничества, эта монография существенно обогатила наши представления о политическом строе Новгорода, о тех изменениях, которые он претерпел в ходе напряженной классовой и внутрибоярской борьбы. Плодотворные выводы В. Л. Янина, убедительно им обоснованные, еще долгие годы будут приковывать к себе внимание исследователей.

А. А. Зимин

Литература

1. Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. Краеведческие записки. IV, Ярославль, 1960.
2. А. А. Зимин. К истории текста краткой редакции Русской правды. Труды МГИАИ, 7, 1954.
3. А. Стендер-Петерсон. Остромир — Вышата — Янь. Сб.: For Roman Jakobson, 1956, стр. 531—539.
4. L. Müller. War Ian Vyšatič ein Enkel des Ostromir? Die Welt der Slaven, 1958, III, 3, стр. 253—256.
5. А. Л. Хорошевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 178.
6. Н. П. Бауэр. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-западной Руси в XIII в. Сб. Проблемы источниковедения, III, М.—Л., 1940.
7. И. Г. Спасский. Русская монетная система, Л., 1962.
8. А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. Сб. Проблемы источниковедения, V, М., 1956.
9. В. Н. Бернадский. Новгород и новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, стр. 359.

М. И. Артамонов. История хазар. Издательство Государственного Эрмитажа. Ленинград. 1962. 458 стр., 108 рис., 6 карт, 3000 экз.

История Хазарского каганата — одна из узловых тем средневековой истории Восточной Европы. Огромное территориально, включившее народы различные этнически, экономически и культурно, это государство просуществовало около 300 лет — со второй половины VII в. до середины X в. Это было первое феодальное государственное образование в Восточной Европе. Как любая другая разноэтничная и большая держава, каганат имел длинную предысторию. Входившие в него племена и племенные союзы упоминаются на страницах древних хроник на протяжении более 300 лет — с середины IV до конца VII вв. Эти многочисленные кочевые и полукочевые народы были остатками прошедших через южно-русские степи гуннов.

Послегуннская эпоха, так же как и история самого каганата, долгое время оставалась наиболее темным и слабо изученным периодом в истории юга и юго-востока нашей страны. Разрозненные и краткие упоминания, разбросанные в трудах западных и восточных писателей того времени, и их интерпретация вызывали ожесточенные споры историков XIX в. и наших дней.

Особенно затрудняется работа над источниками потому, что написаны они на разных языках: греческом, латинском, еврейском, арабском, армянском, грузинском и китайском. Естественно, что нет ни одного историка, который мог бы пользоваться всеми источниками в подлинниках. А переводы на русский или любой другой общедоступный, европейский язык также сопровождались и сопровождаются дискуссиями и постоянно подвергаются критике и исправлениям. В связи с этим перед историком постоянно стоит дилемма — можно или нет пользоваться ныне существующими переводами при анализе исторической обстановки в ту или иную интересующую его эпоху. Любое исследование, в котором широко используются переведенные письменные источники, всегда встречается резкой критикой лингвистов — специалистов по какому-нибудь одному или нескольким из перечисленных языков. Причем, как правило, основным аргументом этой критики является категорическое заявление, что все до сих пор существовавшие переводы безнадежно устарели и потому сильно искажают действительный смысл повествования.

По-видимому, боязнь критики, неуверенность в точности переводов и надежда, что в конце концов абсолютно правильные, удовлетворяющие всех лингвистов переводы все же появятся в изданиях, и были причинами того, что никто до последнего времени

ни у нас, ни за рубежом не брался за написание полного исторического свода о народах юго-восточной Европы в IV—X вв. [1]

«Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в *чистом виде* для закона,— говорит Энгельс,— то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» [2].

Книга М. И. Артамонова «История хазар» и есть то «теоретическое исследование», в котором автор обобщил все имеющиеся у нас по этой проблеме сведения. Эта монография посвящена не только и не столько собственно Хазарскому каганату, как об этом говорит название книги, но истории всей юго-восточной Европы на протяжении длительного, насыщенного бурными событиями периода. Монография подводит итоги многолетних исследований автора и его учеников и последователей, а также исследований дореволюционных русских, западных и азиатских буржуазных историков и археологов.

Книга разделена на 25 глав, которые можно объединить в несколько больших разделов: народы юго-востока до образования каганата (главы 2—9), первый период истории каганата (до принятия ими иудейства — главы 10—14), второй период — от конца VIII в. до похода Святослава в 965 г. (главы 15—22), и, наконец, гибель и наследие Хазарского каганата (главы 23—25).

Первые два раздела написаны почти исключительно по письменным источникам. Отрывочные и крайне разрозненные сведения византийских, армянских, западных и восточных писателей приведены в стройную систему. Для того, чтобы устранить, по возможности, специальные возражения в транскрибировании того или иного этнического и географического наименования, автор, как правило, приводит все разночтения этого названия. Многие до сих пор спорные вопросы об этнографии Восточной Европы решаются автором по-новому и, несмотря на запутанность источников, всегда в целом убедительно. Даже в тех случаях, когда автор присоединяется к одному из ранее высказанных мнений о расселении или имени рассматриваемого в книге народа, он подкрепляет его обычно своими интересными и оригинальными соображениями. Таких примеров в этой чрезвычайно насыщенной фактами и гипотезами книге — сотни. Перечислить все новое, что есть в ней, это значит, по существу, пересказать всю книгу.

Впервые в историографии перед нами встает развернутая картина сменяющих друг друга или воюющих между собой племенных кочевнических союзов на территории Восточной Европы, картина войн их с Византией и Ираном, сопровождающаяся яркими описаниями битв и варварских разгромов городов и стран. Именно поэтому мы с полным основанием можем считать этот труд энциклопедическим исследованием по средневековой истории европейских народов.

Одним из основных, безусловно по-новому поставленных вопросов этой части книги является вопрос об угорском происхождении большинства пришедших с гуннами племен: сарагур, урогов, оногур, савир, болгар и даже хазар. Думаю, что эта сложнейшая этническая проблема решается М. И. Артамоновым слишком прямолинейно (гл. 2 и 3). У историков и лингвистов, полагавших, что окончание «гур» означает не угр, а уйгур, также были свои достаточно веские соображения, подкреплявшие их точку зрения (В. В. Радлов, Данлоп). Смешение различных восточных народов и угорского и тюркского (уйгурского) происхождения, как мне кажется, было настолько сильным, что решить, в каком племени или племенном союзе преобладали угорские, а в каком тюркские элементы, вряд ли возможно на основании только лингвистических соображений. Думается, что в данном случае огромное значение имеют не письменные, а вещественные (археологические) источники и их анализ. В будущем, когда археологических материалов, относящихся к тому времени, будет накоплено достаточное количество и когда появится возможность использовать их не в виде иллюстраций, как это сделано в данном разделе рецензируемой работы, а в качестве полноценного источника, тогда этот вопрос вновь встанет перед исследователями. Очевидно, что археология сможет ответить на этот вопрос не отдельно о каждом племени, а только об общем преобладании тех или иных элементов в древностях Восточной Европы IV—VII вв.

Иногда автор в своих этно-географических изысканиях допускает бросающиеся в глаза досадные противоречия и неточности. Например, Барсилию он помещает в Дагестане (стр. 130) и в то же время пишет, что часть ее жителей называлась пугуры, т. е. фанагорийцы (стр. 128). Таким образом, Барсилия по его собственному признанию доходила до Приазовья. Из источников же X в., ссылка на которые сделана самим автором, мы знаем, что болгары делились на три части: болгары, эсегел и барсила (стр. 131), что соответствует дунайским, волжским и приазовским болгарам. Исходя из этого, мы думаем, что Барсилией некоторые древние авторы называли всех болгар, обитавших в Каспийско-Азовском междуречье, а не только отдельную их группу, кочевавшую вместе с хазарами и савирами в Дагестане. Другим бросающимся в глаза

---

[1] Вышедшая в 1954 г. книга Данлопа The History of the Jewish Khazars, также посвященная истории хазар, ни в коей мере не может считаться таким сводом. Она охватывает несравненно более узкий период и касается преимущественно истории хазар после принятия ими иудейства. D. M. Dunlop. The History of the Jewish Krazars. Princeton University Press. New Jersey, 1954.

[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20. М., 1961, стр. 555.

противоречием является вопрос о болгарах и савирах. Так, в начале книги автор рассматривает их как отдельные самостоятельные, хотя и родственные, племенные союзы (глава 3), а на стр. 184 пишет, что и савиры и барсилы (болгары) были болгарскими племенами.

Выше уже говорилось, что вся первая часть написана в основном по материалам, взятым из письменных источников. Повторяю, что считаю каждого историка и, в частности М. И. Артамонова, имеющим полное право пользоваться переводными источниками, строить на них свои выводы и выдвигать более или менее близкие к истине гипотезы. Следует отметить, что М. И. Артамонов — один из немногих историков-мидиевистов, широко пользующийся при написании большого обобщающего труда непривычным для подавляющего большинства историков источником — вещественными памятниками. Мне как археологу безусловно ближе именно те разделы, где автор берет для доказательства археологические источники. Поэтому в дальнейшем я остановлюсь только на тех его положениях, которые в большой степени опираются на археологические материалы. В этом обобщающем труде автор не мог остановиться на источниковедческом анализе археологических источников и потому он использовал только те материалы, которые уже обработаны или же, по его мнению, достаточно выразительны для того, чтобы стать историческими источниками. Во всех остальных случаях он привлекает археологию только в качестве иллюстрации.

Именно на основании археологических материалов М. И. Артамонов пришел к выводу, что в конце первого периода существования каганата, во времена его наивысшего расцвета начался массовый переход входивших в него кочевых народов к оседлости. М. И. Артамонов справедливо считает это событие самым замечательным явлением в истории Хазарского каганата VIII в. (стр. 235).

К этому же периоду относится другой, не менее важный скачок в экономике каганата — возникновение ремесла, широкое развитие внешней и внутренней торговли, появление городов. Вопрос этот недостаточно оттенен в книге. Между тем, изучение археологических материалов, например, хотя бы стратиграфии одного Таманского городища, показывает, что к концу VIII в. относится расцвет ремесла и торговли в этом поселке, несомненно ставшем уже городом, о чем свидетельствует большое количество византийских монет VIII—IX вв. и синхронной с ними стандартной, сделанной на гончарном круге керамики в слоях этого городища. Распространение же тарной керамики (амфор), сделанной в мастерских Тамани и Крыма по всему Подонью вплоть до верховьев Северского Донца и даже Дона, говорит о развитии внутренней торговли в каганате.

Культура, созданная в конце VIII в. оседающими и осевшими племенами, входившими в состав Хазарского каганата, получила у археологов название салтово-маяцкой. Создателями ее были, как полагает М. И. Артамонов, и аланы, и болгары, и отчасти хазары.

В связи с этим встает и другая, не менее важная проблема — проблема происхождения так называемой «праболгарской культуры», занимавшая и занимающая многих, преимущественно болгарских ученых М. И. Артамонов пишет, что болгары, ушедшие на нижний Дунай, принесли с собой «праболгарскую культуру», по существу не отличающуюся от салтово-маяцкой, особенно от ее южного варианта (стр. 239).

Однако все известные до сих пор памятники салтово-маяцкой культуры датируются не позже середины VIII — первой половиной X вв., в то время как болгарская орда Аспаруха пришла на Дунай в 60-х годах VII в. Это несоответствие в датах является основным аргументом ученых, отрицающих роль праболгарских племен в образовании ранней культуры Болгарского царства. Очевидно, что болгары в VII в. явились на Дунай с той весьма несложной культурой, которую обычно так трудно бывает уловить археологам. Далее, как мне кажется, развитие культуры дунайских и приазовско-донских болгар шло одним путем. В сложении одинаковой культуры этих племен, кочевавших в Причерноморских степях, большую роль играли следующие факторы: одни и те же географические условия и этническая среда (болгарские и болгаро-аланские племена), сходные социально-экономические и политические условия (установившиеся порядок и спокойствие в пределах обоих государств) и, наконец, общие для обоих народов и областей соседи и влияния (славяне, Византия). Таким образом, болгарские племена не принесли на Дунай салтово-маяцкую культуру, а создали ее вместе со своими восточными соплеменниками на всей огромной территории Причерноморья.

Третий раздел истории каганата — история зенита его могущества и бесславного заката блестяще дан в рецензируемой работе. Причем, в отличие от предыдущих частей, где археологические материалы являются только иллюстрацией, в этом разделе они в ряде случаев становятся если не единственным, то основным источником. Таковы, например, материалы, полученные при исследовании М. И. Артамоновым знаменитого Левобережного Цимлянского городища, представлявшие собой развалины хазарского города-крепости Саркела, выстроенного в 30-х годах IX в. Основным результатом работ, проведенных в Саркеле, посвящена отдельная большая статья, опубликованная еще в 1958 г.[3]. Поэтому здесь М. И. Артамонов не останавливается специально на описа-

[3] М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, М.— Л., 1958. В этом же томе МИА, а также в МИА, 75 помещены статьи учеников М. И. Артамонова и сотрудников его экспедиции. Статьи посвящены источниковедческому анализу археологических материалов из раскопок этого городища и связанных с ним памятников.

нии археологических материалов, полученных из раскопок этого городища. Он пишет о его истории уже по бесспорно доказанным в прежних работах фактам [4]. Таким образом история построения, заселения и гибели Саркела восстанавливается только благодаря археологическим работам, проведенным автором книги на этом городище (гл. 16). Не менее интересными и ценными оказались для воссоздания некоторых моментов кабарской междоусобицы в конце VIII — начале IX вв. материалы из раскопок Правобережного Цимлянского городища.

С некоторыми построениями автора, основанными на археологических материалах, я позволю себе не согласиться. Прежде всего, это вопрос о народе «рос» и в связи с этим вопрос о Пастерском городище. Это городище пока еще очень слабо исследовано, однако автор считает его одним из памятников среднеднепровской культуры VI—VII вв., принадлежавшей сармато — аланским племенам «рос». Несмотря на то, что памятники Поросья в настоящее время довольно хорошо изучены украинскими археологами, там до сих пор не обнаружено больше ни одного аналогичного поселения. Думаю, что на основании только одного, притом почти не изученного памятника нельзя говорить о целой культуре, существовавшей там и, тем более, о переселении создателей этой культуры в верхнее Подонье в VIII в. Ни археологические, ни письменные источники этого не подтверждают.

Другой спорный вопрос — вопрос об асах. М. И. Артамонов пишет, что союз асов — это и есть те аланские племена, которые обитали в верховьях Дона и Донца. Между тем В. А. Кузнецов на основании археологических материалов доказал, что северокавказские планы делились на два племенных союза: асов и аланов [5]. Этот северокавказский союз асов и воевал в конце IX в. в союзе с гузами и печенегами со слабеющим с каждым годом Хазарским каганатом. Именно во время этой войны и разрушили печенеги сотни земледельческих поселений алано-болгар и славян в Подонье на правобережье Днепра. Вряд ли сам каганат пошел бы на то, чтобы до основания уничтожить свою экономическую базу. Мы не знаем в истории примеров такого безрассудства. Логичнее предположить, что это сделали враги каганата, в данном случае — печенеги.

М. И. Артамонов совершенно справедливо указывает, что на некоторых южных поселениях, в Саркеле, близлежащем от Саркела Карнаухове, а также на Тамани и в Фанагории жизнь длилась дольше, чем на известных нам поселениях Северского Донца. Однако это не может быть доказательством его мысли о верности этих поселений кагану во время войны IX в., поскольку Саркел в эти годы играл роль пограничной северной крепости, оберегавшей остатки каганата от печенегов, а до приморских городов печенеги в конце IX в. еще не дошли. Что же касается положения автора о том, что в целом «зливкинский» вариант культуры просуществовал до середины X в., этого мы, исходя из материалов самого Зливскинского могильника и нескольких аналогичных ему отдельных погребений в районе нижнего Дона, сказать не можем (все они датируются, как и основная масса салтово-маяцких памятников, VIII—XI вв.).

Таким образом, не хазары разрушили поселения и крепости алано-болгарских племен в Подонье, как об этом говорит М. И. Артамонов, а печенеги, от которых отбивался Хазарский каганат, включавший в себя народы, оставившие памятники салтово-маяцкой культуры в Подонье. В целом нашествие печенегов для степных и лесостепных народов было столь же трагическим, как и нашествие гуннов для племен черняховской культуры.

Считаю необходимым высказать свое мнение и по вопросу о заселении асами Подонья. Ряд письменных источников свидетельствует, что именно асы-ясы (а не аланы) обосновались в конце VIII в. в верховьях Дона и Донца. Против этого положения автора вряд ли можно возразить. Но если он выводит их из Приднепровья, нам кажется более правомерным связывать их с северокавказскими асами, часть которых под влиянием каких-то причин (скорее всего, под давлением арабских походов Масламы и Марвана) вынуждена была покинуть в VIII в. предгорья Кавказа. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что на Северном Кавказе в VII в. ряд могильников прекращает существование (Узун-Кол, Тырны-ауз, Константиновка) [6], а также совершенное тождество донских и северокавказских погребальных обрядов.

В заключение об асах добавлю, что совершенно согласна с мнением М. И. Артамонова относительно сильной их тюркизации в Подонье. Подтверждением этому являются не только тюркские надписи на камнях выстроенного асами-аланами Маяцкого городища, как пишет М. И. Артамонов, но и сильная метизированность аланских черепов, обнаруженных в погребениях, раскопанных мною в Дмитровском могильнике, а также отдельные типично «зливкинские», т. е. болгарские погребения, встречающиеся

---

[4] Помимо указанной выше статьи М. И. Артамонов посвятил Саркелу несколько работ, библиография которых дана как в рецензируемой работе, так и в статье И. И. Ляпушкина «Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона». МИА, 62, М.— Л., 1958.

[5] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, М., 1962, стр. 123 и далее.

[6] См. В. Д. Деопик. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1961.

в этом могильнике наряду с характерными аланскими катакомбами. То же можно сказать и о знаменитом Салтовском могильнике, где в последние годы Д. Т. Березовцом был обнаружен рядом с катакомбным целый болгарский могильник опять-таки «зливкинского» типа. В настоящее время мы вполне можем называть культуру Подонья алано-болгарской, разделяя ее, как это сделал И. И. Ляпушкин, на два варианта: северный, в котором этнически преобладали асы-аланы и южный — в основном болгарский [7].

В последнем разделе своей книги М. И. Артамонов чрезвычайно убедительно показал прежде всего отрицательную роль иудейской религии — религии купцов и сектантов-фанатиков, погубившую каганат, разрушившую его военную мощь и международные связи с великими христианскими и мусульманскими державами. Другими не менее важными, но не внутренними, а внешними факторами гибели Хазарского каганата были рождение на северо-западе могущественной Русской державы, а на востоке — появление растущих и крепнущих новых кочевнических союзов — огузов и половцев. В этой части опять-таки большое значение имеют привлеченные автором археологические источники. Например, только археология дала ему сведения о жизни русского города Белой Вежи — наследнице хазарского Саркела, сведения о кочевниках-наемниках или вассалах (печенегах и гузах), живших в городе в хазарское и русское время в качестве военного гарнизона и т. д.

Следует отметить, что книга М. И. Артамонова вся написана в чрезвычайно живом полемическом тоне. Мне кажется, однако, что не всегда в этой полемике автор бывает прав. В ряде случаев он ограничивается фразой: «но это совсем не так» и далее излагает свою, иногда тоже спорную, точку зрения. Это значительно снижает качество полемики и, главное, не убеждает ни читателя, ни оппонента в правоте автора. Дискуссионные положения не всегда доказываются автором. Приведу два примера, особенно бросающиеся в глаза, в силу устойчивой спорности поднятых вопросов. Так, на стр. 47 он пишет, что «значительная часть населения с черняховской культурой принадлежала гетам или другим близко родственным с ними фракийским племенам». В этой своей работе М. И. Артамонов не обязан был приводить всю систему доказательств своего взгляда на принадлежность черняховской культуры, поскольку она относится к другому культурному кругу, но тогда не следовало бы так категорически говорить о гетах, поскольку другое мнение о принадлежности этой культуры славянам также высказывается весьма безапелляционно и также пока почти не доказывается другими историками и археологами. К тому же эта категорическая форма мешает воспринять несомненно правильный, по-моему, вывод, высказанный несколько ниже самим автором и поддерживаемый большинством ученых, вывод о принадлежности этой культуры разноэтничному населению, входившему в состав Готского союза.

То же можно сказать о примечании 101 на стр. 101 относительно погребений с трупосожжениями, обнаруженных в нижнем Поволжье. А. П. Смирнов, судя по его работам, убежден, что все трупосожжения принадлежали славянам. М. И. Артамонов просто отмахивается от этого мнения: «Никакого отношения к славянам эти погребения с трупосожжениями, конечно, не имеют». Он не приводит никаких доказательств, а их много, поскольку мы знаем, что многие народы, помимо славян, и тюрки, в частности, тоже жгли своих мертвых. На читателя же фраза в примечании 101 производит впечатление голословного заявления.

Как археологу мне хочется сказать несколько слов об иллюстративном материале рецензируемой книги. Мне кажется, автор, подбирая иллюстрации, стремился к тому, чтобы у читателя, даже при поверхностном просмотре рисунков, создалось впечатление о народах, которые описаны в тексте. Несомненно, что этой цели, т. е. создания известного «кочевническоведческого» настроения, иллюстративный материал, состоящий главным образом, из изображений всадников, лошадиной сбруи, оружия, боевых поясов и т. д., достигает. Тем не менее, за редкими исключениями, рисунки не являются источниковедческим материалом даже в главах, построенных, по существу, на археологических источниках. Нередко они даже не иллюстрируют параллельный текст, поскольку вещи VI—VII вв. помещены в главах, в которых говорится о событиях VIII—IX вв. (см. стр. 252, 267, 274). Впрочем, как уже говорилось, разбор, датировки и передатировки археологических материалов не были задачей данной работы и именно поэтому в книге отсутствуют стратиграфические, типологические и корреляционные таблицы.

В заключение мне еще раз хочется подчеркнуть, что книга М. И. Артамонова по праву может считаться этапом в развитии истории и историографии всей Восточной Европы эпохи средневековья. Она стала настольной книгой специалистов историков и археологов, занимающихся кочевниками. Прекрасный язык и большое количество ярких запоминающихся иллюстраций делают ее доступной и интересной для самых широких кругов читающей интеллигенции. Дискуссионный характер работы придает особенную свежесть и обаяние. Она заставляет думать, искать и спорить с автором. А это значит, что книга никогда не будет мертвым грузом книжных шкафов, это значит, что жизнь ее будет очень долгой.

---

[7] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, М.— Л., 1958.

С. А. Плетнева

Археологический сборник, вып. 4. Славянские древности. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1962,. 134 стр.

Сборник открывается большой статьей Г. П. Гроздилова «Раскопки древнего Пскова» (стр. 7—76, рис. 1—60), подводящей итоги трехлетним работам автора по археологическому исследованию города (1954—1956 гг.). Древний Псков, один из крупнейших древнерусских городов, хорошо изучен по обильным письменным источникам — летописям, писцовым книгам, актовым материалам. Он всегда привлекал к себе внимание своими архитектурными памятниками — крепостными стенами, церковными и гражданскими зданиями. Но до недавнего времени он оставался почти совершенно нетронутым лопатой археолога. Отдельные находки, попадавшиеся при случайных земляных работах, не помогали раскрытию всех тех вопросов в истории Пскова, в особенности его древнейшего периода, которые волновали ученых. Поэтому первые археологи,— Н. Н. Чернягин, С. А. Тараканова и др., приступая к исследованию Пскова, ставили себе основной целью выяснение сохранности и характера культурного слоя и времени появления древнейшего поселения на месте будущего Пскова. Однако размеры изученных ими площадей были незначительными и выявили только самые предварительные данные по интересовавшим их вопросам. Тем не менее они показали, что на территории Кремля и частично Довмонтова города древнейшие слои относятся к I тысячелетию н. э. и что органические остатки в Пскове имеют достаточно хорошую сохранность.

Работы, начатые под руководством Г. П. Гроздилова, были первыми крупными археологическими исследованиями древнего Пскова. В Сборнике опубликованы результаты только первых трех полевых сезонов (1954—1956 гг.), но работы в Пскове продолжались и позже, вплоть до 1962 г. Внезапная кончина Г. П. Гроздилова застала его буквально на боевом посту, в разгар полевых работ.

В первые годы раскопок во Пскове Г. П. Гроздилов сосредоточил свое внимание на изучении тех участков города, которые до него не подвергались археологическим исследованиям — Среднего города и Окольного города. Кроме того, многочисленные котлованы для зданий возрождающегося после Великой Отечественной войны Пскова дали Г. П. Гроздилову возможность вести наблюдения над стратиграфией всех районов города, включая Запсковье и Завеличье. При этом выяснилось, что наиболее мощные отложения покрывают территорию мыса между рр. Великой и Псковой. В отличие от Кремля и Довмонтова города, где верхние слои были снесены при Петре I для возведения бастионов, на территории Среднего города и Окольного города культурные напластования оказались нетронутыми и достигают огромной мощности, доходящей до 7 *м*.

Снимая последовательно пласт за пластом, исследователь как бы перелистывает страницы истории древнего Пскова. Многочисленные чертежи, опубликованные в статье, фиксируют каждый период в жизни города, отмечая особенности каждого строительного горизонта с XV по X в. Автор показывает не просто отдельные избы — жилища псковичей. Умело используя письменные источники и древние планы, он проектирует их на обнаруженные раскопками объекты и ведет читателя по раскрытой им и реально существующей главной магистрали города — Великой улице — через Старое Застенье в Довмонтов город и Кремль, приводит то на Пушечный двор, то в лавки мясного ряда на Новом Торге. Он показывает и другие улицы и переулки, вдоль которых за частоколами расположены усадьбы горожан, состоящие из жилого дома с сенями и крыльцом, хозяйственных построек, колодца и мощеного крытого двора.

Нарисованная Г. П. Гроздиловым картина жизни древнего Пскова на отдельных его участках еще более выиграла бы, если бы он не выделил вещевой материал в особый раздел. К сожалению, Г. П. Гроздилов разрознил комплексы вещей, найденных в постройках и на усадьбах, и сгруппировал находки в тексте — по функциональному признаку (предметы вооружения, инструменты, предметы бытового назначения, украшения и пр.), а на таблицах — по признаку материала. Не помогают расчленению на комплексы или хотя бы на строительные горизонты и легенды под таблицами, в которых дается лишь общая датировка для всех изображенных на таблице вещей (например: рис. 46 «Железные изделия XI—XV вв.» или рис. 60 «Формы глиняной посуды XI—XIV вв.») без разделения их по соответствующим горизонтам и векам. Не очень удачно и распределение материала между таблицами. Они сгруппированы по материалу и годам раскопок, что приводит к хронологической и типологической чересполосице например, «Железные изделия XI—XIII вв. (раскоп 1954 г.)», «Железные изделия XI—XV вв. (раскоп 1955 г.)», «Железные изделия XI—XIV вв. (раскоп 1956 г.)» и т. д.

Исследования первых трех лет не дали материалов древнее рубежа X и XI вв., но нельзя забывать, что работы в эти годы велись на участках, вошедших в черту города позднее, в связи с его ростом. Поэтому на вопрос о времени древнейшего поселения на месте будущего Пскова работы 1954—1956 гг. ответа не дали и мы не вправе требовать от автора развернутого его освещения. Тем не менее, в вводной части статьи Г. П. Гроздилов этот вопрос ставит и отвечает на него, на наш взгляд, излишне глухо. Г. П. Гроздилов указывает, что, судя по первому упоминанию Пскова в летописи под 903 г., «город возник» ранее этой даты и что раскопки Н. Н. Чернягина в Кремле установили «наличие здесь славянского поселения, на основе которого в VIII—IX вв. возник Псков». (стр. 9). Древнейшие слои, выявленные Н. Н. Чернягиным и С. А. Таракановой в Крем-

ле и частично на территории Довмонтова города, принадлежали, однако, не славянам, а дьяковцам. Взаимоотношения между дьяковскими и славянскими слоями исследователи не выяснили в основном из-за смешения финских памятников со славянскими. Не внесено в этот вопрос ясности и в статье Г. П. Гроздилова.

Сделанные замечания ни в коей мере не снижают огромной ценности материалов, опубликованных Г. П. Гроздиловым. Благодаря тщательно проведенным полевым работам, полноте документации вскрытых объектов и их продуманной интерпретации историческая наука впервые получила такой материал по истории Пскова, о котором молчат многочисленные источники.

На псковском же материале (1954—1959 гг.) построена и статья Е. И. Оятевой «Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова» (стр. 77—94, рис. 1—10). Данный вид источников сравнительно недавно появился в археологической литературе, но войдя в нее, он заявил о себе в полный голос. Он раскрыл такие стороны повседневной жизни рядового горожанина, о которых у нас были весьма смутные представления. Обувь и шапки, рукавицы и пояса, кошельки и футляры для шильев и гребешков, уздечки, плетки, мячи, ножны для ножей и более крупных клинков — это не только бытовые предметы «черного люда», но зачастую и произведения народного искусства. Многоцветные сложные узоры вышивок на туфлях, тисненый орнамент кошельков и ножен, вышитые пояса, нарядные швы, которые не только скрепляют, но и украшают изделия, знакомят нас с новой областью народного творчества.

Но для того, чтобы все это увидеть, нужны были острый глаз исследователя и огромное терпение потому, что от изделий остались лишь комки мятой кожи, а от шитых узоров — одни дырочки с обрывками побуревших нитей. Работа, проделанная Е. И. Оятевой, вознаградила автора, а вместе с ней и нас, сторицей. Е. И. Оятевой удалось не только восстановить различные формы обуви, но проследить и эволюцию технических приемов ее изготовления с XI по XVII в. Это дало возможность автору сделать интересное наблюдение относительно постепенного превращения сапожного дела в самостоятельную отрасль городского ремесла, «что находит отражение в массовости продукции, в постепенной стандартизации форм и в единстве приемов кроя и пошива обуви» (стр. 94). Наличие огромного количества отходов от раскроя кожаных изделий в ряде мест Старого Застенья позволяет автору определить район, в пределах которого были сосредоточены сапожные мастерские XI—XIV вв. Автор высказывает также весьма правдоподобное предположение, что в XI—XIV вв. «все мелкие кожаные изделия изготовлялись сапожниками» (стр. 94), поскольку приемы изготовления и украшения мелких изделий ничем не отличаются от аналогичных операций, связанных с пошивом обуви. На протяжении всей статьи автор сопоставляет псковские находки с кожаными изделиями Новгорода, Москвы и других городов. При этом выясняется, что сапожное ремесло в различных городах развивалось примерно одинаково.

Статья написана хорошим лаконичным, емким и профессиональным языком. Она вводит в оборот новый интересный источник по истории городского ремесла и быта рядового горожанина. Материал этот по праву займет свое место рядом с материалами Новгорода и Москвы.

Статья О. И. Давидан «Гребни Старой Ладоги» (стр. 95—108, рис. 1—5, табл. 1—7) посвящена интереснейшей группе памятников — роговым орнаментированным гребням. Ни одно поселение Восточной Европы, в том числе и Новгород, не дает такой богатой серии гребней, как Ладога. Коллекция ладожских гребней составилась в результате археологических исследований, поэтому гребни хорошо увязаны со стратиграфией поселения. Это дает возможность провести типологическую и хронологическую классификацию гребней с большой точностью. Значение же подобной классификации выходит за рамки собственно ладожской проблематики, поскольку гребни, аналогичные ладожским, известны на огромной территории и у многих народов Восточной, Северной и Западной Европы и даже за Уралом.

В статье О. И. Давидан впервые дана сводка находок гребней за все 11 лет раскопок в Ладоге. Впервые дается и их типологическая классификация, а также распределение находок по горизонтам. Полученная схема последовательной смены одних типов гребней другими спроектирована на временные определения горизонтов, данные в работах В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова.

Благодаря этому автор имеет возможность установить не только относительную, но и абсолютную датировку различных видов гребней, превращая их тем самым в хороший датирующий материал.

Тщательно выбранные из огромного ладожского материала целые и фрагментированные гребни разделены автором на два основных типа: гребни односторонние и гребни двусторонние. Внутри каждого типа гребни делятся по способу их изготовления на гребни, составленные из нескольких деталей, и гребни, вырезанные из одного куска рога. Такая классификация проста и внутренне оправдана, поскольку, во-первых, все без исключения гребни укладываются в нее без каких-либо натяжек, а, во-вторых, переход от одного типа гребней к другому совпадает с общим изменением характера культурного слоя поселения: односторонние гребни связаны с древнейшими слоями (по датировке автора —VII—XI вв.), а двусторонние — с более поздними (XI—XV вв). Если подобное хронологическое членение основных типов гребней вырисовывалось прежде по отдельным находкам и обосновывалось новгородскими материалами, то в Ладоге оно нашло дальнейшее и очень убедительное подтверждение. Однако основной интерес клас-

сификации ладожских гребней, данной О. И. Давидан, заключается в определении не этих двух больших групп гребней. Значительно интересней оказались ее наблюдения относительно временных и типологических различий внутри группы составных односторонних гребней. Автор делит их на два варианта соответственно их размерам и характеру орнаментации. К первому варианту относятся большие гребни, орнаментированные в основном кружками и плетенкой. Ко второму варианту относятся гребни меньших размеров с линейной орнаментацией, покрывающей всю поверхность накладок. Гребни второго варианта известны только в горизонте Д (IX—X вв.). Ни в более ранних, ни в более поздних горизонтах их нет. Гребни же первого варианта встречаются не только в горизонте Д, но опускаются и ниже (горизонт Е, по датировке автора VII—IX вв.) Этих ранних гребней в Восточной Европе мало. Не считая некоторых зарубежных аналогий, автор указывает лишь несколько пунктов в северной части Восточной Европы, в которых найдены гребни первого варианта (Гнездово, Новгород, Псков, Камно, Сарское городище). В частности в Новгороде автор указывает на находку лишь одного гребня первого варианта. Ни одного гребня первого варианта не найдено в Среднем Поднепровье, в то время как гребней второго варианта в южных районах Восточной Европы известно большое количество. Ладога оказывается поселением с исключительно обильными находками гребней наиболее ранних типов, хорошо увязанных со стратиграфией поселения.

Думается все же, что классификация О. И. Давидан дала бы больше материала для наблюдений и выводов, если бы гребни первого варианта она разделила бы еще на два самостоятельных варианта. Собственно говоря в тексте она это и делает, отделяя гребни горизонта Е от гребней горизонта Д. Она отмечает ряд особенностей орнаментации гребней первого варианта, найденных в горизонте Д, по сравнению с гребнями того же первого варианта, но найденными в горизонте Е: большую тщательность в выполнении орнамента, размещение орнаментальных элементов преимущественно лишь в средней части накладок, появление в орнаменте плетенки и пр. Имеются различия и в форме накладок. Собственно говоря гребни первого варианта объединяет только одна черта — их большие размеры. В горизонте Д эти большие гребни встречаются одновременно с более мелкими гребнями второго варианта, из чего следует, как это и указывает автор, что те и другие синхронны. В этом разделе типологическая классификация О. И. Давидан вступает в конфликт с классификацией хронологической, поскольку часть гребней первого варианта заходит в хронологическую зону второго варианта. Правда, автор указывает, что большие гребни первого варианта встречаются преимущественно в нижних, ранних слоях горизонта Д, однако они есть и в верхних его слоях и даже в тех же жилищах, в которых найдены небольшие гребни второго варианта. Если бы большие гребни первого варианта были все одинаковы, то их, конечно, надо было бы объединить в одну группу. Но в том-то и дело, что они различны, что гребни первого варианта горизонта Е отличаются от гребней первого варианта горизонта Д, а потому их и следовало бы разделить на две разные группы соответственно горизонтам. Ведь содержание культурного слоя горизонта Д, как это не раз отмечалось в литературе, существенно отличается от культурных остатков более древнего горизонта Е. То же самое, как это явствует из наблюдений О. И. Давидан, происходит и с роговыми гребнями — их форма и в особенности орнаментация с переходом в горизонт Д меняется. Резко увеличивается в горизонте Д и количество гребней первого варианта по сравнению с горизонтом Е (42 и 11 экз.). Если оставить все большие гребни в одной группе, то придется каждый раз оговаривать, а какие именно гребни первого варианта имеются в виду — типа горизонта Е, то есть более ранние, или типа горизонта Д, то есть более поздние. Иначе и тип и время изготовления гребня не будут до конца ясными. Так, в частности, если не обращаться к самим гребням, а пользоваться только указанием О. И. Давидан на находку в Гнездове, Новгороде, Пскове, Камно и на Сарском городище гребней варианта I, то мы не установим, найдены ли там гребни только поздние (X в). или же там есть и ранние гребни (VII—IX вв.). Вопрос же этот имеет весьма существенное значение при решении целого ряда историко-культурных и чисто исторических проблем, поскольку гребни древнейших слоев Ладоги (горизонта Е) находят себе аналогии на континенте Западной Европы, гребни же более поздние (горизонта Д) аналогичны гребням Скандинавского полуострова.

Все сказанное здесь о желательности уточнения классификационной схемы не затрагивает существа работы, проделанной О. И. Давидан. Выявление ею двух различных типологических групп внутри первого варианта и самостоятельной группы — второго варианта — представляет большой интерес. Еще большее значение имеет проделанная О. И. Давидан работа по выявлению остатков костерезного производства на поселении. Собранный ею материал свидетельствует о существовании на поселении не только широкоразвитого костерезного дела вообще, но и об изготовлении в Ладоге гребней, в частности, и составных односторонних. Основная масса заготовок деталей для составных гребней падает на горизонт Д, однако, по наблюдениям автора, несколько заготовок найдено и в горизонте $Е_2$. Изготовление гребней на месте, примерно, уже в VIII в. и при этом таких, которые как две капли воды похожи на те, что находят на поселениях и в погребальных комплексах Западной и Северной Европы того же времени, представляет в настоящее время вопрос, еще требующий объяснения.

Не совсем удовлетворяет предложенная автором интерпретация односторонних гребней с фигурной спинкой. Автор высказывает предположение, что «фигурные гребни

с высокой спинкой служили, вероятно, для украшения прически». Вряд ли это справедливо, потому что, во-первых, у гребней с фигурной спинкой вверху имеется дырочка для подвешивания, а, во-вторых — трудно себе представить женщину того времени с непокрытой головой, украсившей свою прическу высоким гребнем. По-видимому, особая форма данной серии гребней связана с особой этнической группой, входившей в состав населения Ладоги. Аналогичные гребни известны на территориях, принадлежавших финно-угорским племенам. Кроме указанных О. И. Давидан Владимирских курганов, Пскова и городища Камно, они известны на Оке, в Прикамье и даже за Уралом. Кстати, городище Камно, вопреки утверждению С. А. Таракановой, является поселением не славянским, а по нашему мнению, бесспорно, финским.

В целом статья О. И. Давидан представляет собой большую ценность потому, что один из видов источников, занимающих в огромном археологическом материале Ладоги далеко не последнее место, предстал в ней хорошо документированным, основательно продуманным и правильно истолкованным. Благодаря работе, проделанной О. И. Давидан, введена в научный оборот большая группа памятников, а также создана типологическая и хронологическая шкала, которая поможет определению аналогичных изделий на других археологических объектах. О желании уточнить абсолютные датировки некоторых групп гребней в данной рецензии можно только упомянуть. Датировки эти даны О. И. Давидан в соответствии с временными определениями горизонтов Ладоги, выдвинутыми в работах В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова и дальнейшее уточнение их возможно только после проработки всего археологического материала, полученного в Ладоге за все 11 лет полевых работ.

Несомненный интерес представляет статья Ю. И. Штакельберга «Глиняные диски из Старой Ладоги» (стр. 109—115, рис. 1—5). Она посвящена весьма любопытной группе археологических памятников. Почти совершенно неизвестные на нашей территории, они относительно широко распространены в синхронных (и более ранних) памятниках северо-западной и северной Европы, в Исландии и в Северной Норвегии они доживают почти до наших дней.

Безусловной заслугой автора является то, что им дана полная характеристика всех ладожских находок данной группы, детальное их описание и технологический анализ, в том числе петрографический. Очень важны наблюдения автора над условиями залегания рассматриваемых объектов на городище: они встречаются не только поодиночке, но и в больших скоплениях и связаны со строительными комплексами. Нет сомнения, что Ю. И. Штакельберг совершенно прав и в своем истолковании староладожских «дисков» как грузил от вертикального ткацкого станка, хотя вряд ли удачно их наименование,— лучше было бы назвать их дисковидными подвесками (см. В. Ф. Гайдукевич, МИА, 25, 1952, стр. 395—414). Приводимые автором аналогии, а также многие другие, им не привлеченные, полностью подтверждают предложенное Ю. И. Штакельбергом определение их функционального назначения. Обращает внимание их слабый обжиг, что исключает использование этих предметов, как грузил от рыболовных сетей, мнение, которое разделяли и частично разделяют многие советские археологи и по сей час. То, что «диски» не могли быть светильником (точка зрения, например, шведского археолога Дрейера), подтверждает проведенное в Гос. Эрмитаже их испытание на содержание жиров, давшее отрицательный результат. Косвенным подтверждением является и самая их дата. Они полностью отсутствуют среди находок из древнерусских городов. Кроме Старой Ладоги (слои XI—X вв.), где находки их очень обильны (152 экз.), на нашей территории такие диски известны только в Белоозере (6 экз. в слое X в.) и на Шестовицком городище (а не в кургане, как указывает Ю. И. Штакельберг), в жилище № 1. Неизвестны они после X в. и на европейском континенте. Отсутствуют они, как отмечает автор статьи, и в более поздних слоях самого Староладожского городища. Это, как полагает Ю. И. Штакельберг, может объясняться (об этом можно было бы сказать с большей решительностью) заменой вертикального ткацкого станка — горизонтальным. Думается также, что наличие рассматриваемых дисковидных подвесок — грузил именно в Старой Ладоге, на Белоозере и в Шестовицах не случайно: весьма вероятно, что это явление следует рассматривать в свете северных связей, прежде всего с норманским миром.

Высоко оценивая статью Ю. И. Штакельберга и ее историко-культурное значение, не можем не сделать и некоторых замечаний и указать на имеющиеся в ней фактические погрешности.

Привлеченные автором аналогии с о. Борнхольма и Готланда относятся к значительно более раннему времени, в основном к V-му, частично, на Готланде, и к первой половине VI в. Помещая в качестве иллюстрации (рис. 5) находку грузил от ткацкого станка in situ на о. Борнхольм (на поселении Sorte Muld, жилище II, М. Т.), следовало тут же указать его датировку (IV—V вв.). Отсутствие датировки может ввести читателя, недостаточно хорошо знакомого с материалом, в заблуждение и быть воспринято, как синхронное со староладожским. Следовало бы также подчеркнуть, что борнхольмские и готландские дисковидные грузила, как и синхронные им на континенте, несколько иные— меньшего диаметра (в среднем 7—9 *см*) и большей толщины (в среднем —3,5 *см*, на Готланде есть и достигающие 5,2 и даже 5,8 *см* толщины). В то же время собственно дисковидные грузила, т. е. более плоские, как раз поздние —VIII—IX и IX—X вв.; ср., например, грузила в Тофтинге, в Шлезвиг-Гольштинии, в Херне, Хадерне в Вестфалии. Приходится поэтому выразить сожаление, что Ю. И. Штакельберг не привел опу-

бликованного Брандтом изображения дисковидного грузила IX—X вв. из Херне (Вестфалия), по форме и орнаментации (кружки, исполненные штампом), представляющего ближайшую аналогию староладожским.

В перечне территорий вокруг Балтийского моря, где встречаются дисковидные грузила, подобные найденным в Старой Ладоге, и им синхронные, неправомерно названа Польша, кстати без ссылки на литературу. В Польше находки грузил от вертикальных ткацких станков не известны после V в. (и даже конца IV в.), что связано, как полагают польские археологи, с исчезновением вертикального ткацкого станка и заменой его горизонтальным. Правда, последний известен здесь лишь в Ополе (X—XII вв.), но V—IX вв. в Польше изучены настолько недостаточно, особенно поселения этого времени, что отсутствие находок этого рода вполне естественно.

Неточно указание, что дисковидные грузила встречаются в Западной Европе вместе с пирамидальными с V—VI вв. Такое сочетание известно здесь гораздо раньше, начиная с эпохи неолита и особенно распространено в позднеримское время. Встречаем мы его, правда, иногда и в нашей лесостепной полосе в III—IV вв., а в античном мире начиная с VI—V вв. до н. э., при этом в Северном Причерноморье вплоть до III—IV вв. при преобладании, однако, пирамидальных грузил.

Ссылаясь на реконструкцию вертикального ткацкого станка (в экспозиции Моравского музея в Брно), Ю. И. Штакельберг почему-то умолчал о том, что эта реконструкция сделана на основании данных, полученных при раскопках памятника очень раннего (унетицкой культуры) в Градчанах у Простейова. Лучше было бы сослаться на реконструкции более поздних станков или просто на широко известный вертикальный ткацкий станок Бергенского музея, использовавшийся еще в середине XIX в.

Несмотря на указанные недочеты, статья Ю. И. Штакельберга представляет, без сомнения, большую ценность и безусловно привлечет самое пристальное внимание как советских, так и зарубежных археологов.

Статья П. И. Хавлюка «Славянские поселения VIII — начала IX века на Южном Буге» (стр. 116—126, рис. 1—11) представляет собой часть его кандидатской диссертации «Антские поселения средней части южного Побужья». В этой статье автор публикует и анализирует материал двух славянских поселений: Коржовки, где раскопано 7 полуземлянок и 1 хозяйственная яма, и Семенок II, где раскопана одна полуземлянка. Поселения, как это явствует из публикации и как отмечает сам автор, по характеру своей материальной культуры и хронологически занимают место между раннеславянскими памятниками VI—VII вв., открытыми в последнее время в ряде мест Правобережной Украины и памятниками, относящимися уже к эпохе Киевского государства. Сколько-нибудь полно исследованные и опубликованные памятники этой поры крайне немногочисленны и уже поэтому данная работа представляет значительный интерес. Особая же важность этих памятников обуславливается тем, что они вместе с исследованными П. И. Хавлюком в тех же местах поселениями более ранней поры позволяют на небольшой территории проследить развитие славянской культуры от времени антов до эпохи сложения Киевского государства.

Сравнительно небольшой материал, добытый автором статьи при раскопках названных поселений, не позволил ему сделать какие-либо значительные новые заключения о связях, занятиях и общественном строе славян этой поры, однако ряд выводов, сделанных автором, представляет несомненный интерес.

Так, например, П. И. Хавлюк, на основании добытого и изученного им материала, счел возможным определить раскопанные им поселения как территориальные общины, состоящие из мелких земледельцев-общинников, распространив, таким образом, характеристику, данную И. И. Ляпушкиным левобережному Новотроицкому городищу на памятники Правобережной Украины.

Представляется важным тот факт, что автор, сравнив материал своих поселений с материалом синхронных славянских памятников как на нашей территории, так и за рубежом, пришел к выводу о большом сходстве всех славянских памятников лесостепи VIII—IX вв., присоединившись к точке зрения И. И. Ляпушкина на этот вопрос.

Кажется весьма интересным очень осторожно поставленный П. И. Хавлюком вопрос об усиливающемся в VIII в. влиянии северного славянского элемента на территории Побужья.

Незначительность размеров раскопанных автором статьи на Коржовке и Семенках II, а также на более ранних поселениях Побужья полуземлянок (12—16 $м^2$) и хозяйственных сооружений подтверждает правильность высказанного И. И. Ляпушкиным положения, что «полуземлянки восточных славян VIII—X вв... являлись жилищами не больших (патриархальных), а малых (индивидуальных) семей, объединенных в сельскую общину». В данном случае особенно важно, что раскопанные поселения находятся именно на территории антов, т. е. в тех местах, к которым может быть отнесено известное высказывание Псевдо-Маврикия о жилищах (или местах обитания) славян и антов.

К сожалению, нельзя воздержаться от некоторых замечаний в адрес автора. Как нам представляется, предложенная П. И. Хавлюком датировка Коржовки и Семенок II VIII — началом IX века недостаточно обоснованна. Поскольку основным датирующим материалом, добытым при раскопках этих памятников, является керамика, необходимо при определении времени их существования опираться на датированные комплексы, где встречена сходная керамика. Таким комплексом в первую очередь является Новотроицкое городище, а затем городище Курган, поселение VIII—IX вв. на территории Киева,

Опошнянское городище, Григоровское поселение. Материалы этих и других памятников убедительно говорят о том, что в IX в. на территории лесостепи еще господствовала лепная керамика, а немногочисленная гончарная была представлена, в основном, очень несовершенными по технике изготовления образцами. Среди сосудов и их обломков, найденных при раскопках Коржовки и Семенок II, гончарная керамика составляет значительный процент, а в некоторых жилищах (полуземлянка № 5 на Коржовке) даже преобладает количественно над лепной.

Некоторые обломки гончарных сосудов из поселения Коржовка по своему характеру (покрытие всего тулова сосуда мелким горизонтальным рифлением или многорядной волной, клейма на донцах сосудов) напоминают уже некоторые сосуды из русских курганов X в. Правда, поселения Побужья расположены ближе, чем приведенные в качестве аналогий памятники, к территории Подунавья, где гончарный круг у славян появился, по-видимому, несколько раньше, чем в Поднепровье. Однако представляется маловероятным, чтобы в среднем течении Ю. Буга, менее чем в 200 *км* с юго-западу от Киева, развитие шло много быстрее, чем на Среднем Днепре. Поэтому нам кажется, что более широкая датировка раскопанных П. И. Хавлюком поселений в пределах VIII — первой половины X вв. была бы более обоснованной при данном уровне наших знаний.

Следует отметить нечеткость некоторых формулировок автором. Так, на стр. 123 мы читаем: «На ранних поселениях орудия труда чаще всего находились в хозяйственных постройках. В Коржовке эти орудия.. найдены в жилищах. Из этого следует сделать вывод, что жилые постройки принадлежали отдельным семьям, а орудия... представляли собой их собственность, связанную с ведением личного хозяйства».

То, что жилища принадлежали отдельным небольшим семьям, вытекает, прежде всего, из их размеров, а не из факта находки в них орудий. Кроме того, в силу недостаточности данных, полученных при раскопках, нельзя определенно сказать, все ли орудия были связаны только с ведением личного хозяйства, или же некоторые из них (например долото) были связаны с деятельностью, направленной на обслуживание потребностей всех жителей поселка.

На стр. 124 автор утверждает, что поскольку добыча руды, плавка железа и изготовление орудий могли выполняться лишь отдельными жителями поселения (кузнецами), то все это, наряду с наличием гончарной керамики «говорит о том, что на данном этапе развития хозяйства славян, основанного на земледелии и скотоводстве, натуральность его ограничивается». Во-первых, выделение кузнечного производства относится не к данному этапу развития хозяйства славян, а ко времени значительно более раннему. Во-вторых, наличие среди жителей поселка кузнецов, обслуживающих потребности всех жителей, отнюдь не нарушало натуральности хозяйства всего поселка, как хозяйственного целого.

Кажется странным, что автор, говоря о сходстве Коржовки и Семенок II с более ранними памятниками VI—VII вв., отмечает лишь сходство грубой лепной посуды, не указывая почему-то на идентичность приемов домостроительства (полуземлянки с печами-каменками и срубными стенами) и топографии поселений (низкие надпойменные террасы).

В целом, несмотря на некоторые неточности, допущенные автором, его статья сама по себе представляет несомненный интерес, а вместе с другими опубликованными им работами является большим вкладом в славянскую археологию.

Небольшая статья Т. И. Макаровой «Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв.» (стр. 127—134, рис. 1—4) интересна тем, что она дает хорошую сводку находок из этого редкого камня, происходящих с огромной территории от Томска до Днепра, а также указывает район добычи лазурита (близ Джармы в Средней Азии). Автор отмечает идентичность изделий из лазурита Сибири и Восточной Европы и делит их на четыре группы: подвески (ромбические и треугольные), напускные бусы на височных кольцах, вставки в браслеты и бусы для ожерелий. В форме подвесок автор видит схематически переданные антропоморфные черты и на этом основании считает их амулетами или божками, покровителями племени, рода, семьи или отдельного лица, то есть онгонами, культ которых был широко распространен у кочевников Сибири. В Восточную Европу из Средней Азии лазурит был занесен, по мнению автора, берендеями, появившимися в Поросье в первой половине XI в. Сопоставляя свои наблюдения, автор приходит к выводу, что сходство верований говорит о родстве тех племен Сибири и Восточной Европы, у которых встречаются изделия из лазурита. К этому же выводу приводит ее и полное совпадение типов и форм украшений, найденных в таких отдаленных друг от друга районах, как бассейны Томи, Дона и Днепра.

Думается, что автор излишне усложняет вопрос об изделиях из лазурита. Не касаясь здесь темы, связанной с возможностью видеть в подвесках антропоморфные изображения и считать их амулетами, укажем лишь, что вряд ли можно согласиться с автором, считающим, что из каменоломен Средней Азии лазурит вывозился в виде сырого материала и только в среде некоторых родственных кочевых племен Сибири и Восточной Евпропы он превращался в украшения. Думается, что не этнической близостью племен (кстати с весьма различным обрядом погребения), а единством места изготовления объясняется предельная стандартизация украшений, разбросанных по огромной территории. Скорее всего выделка украшений происходила там же, где шла добыча ла-

зурита, подобно тому как шиферные пряслица изготовляли там, где находились разработки шифера, то есть в районе Овруча. Розовые шиферные пряслица разнесли по древней Руси коробейники, а лазуритовые украшения по территориям кочевий разнесли кочевники. Точно также в первые века н. э. сарматы распространили во всей южной половине Восточной Европы изделия александрийских мастерских из египетской пасты, поступавшие к ним через рынки Боспора. И хотя среди изделий из египетской пасты, также достаточно стандартных, некоторые несомненно представляют собой амулеты (скарабеи, кулачки и др.), они находили спрос у племен и народов совершенно не родственных друг другу.

Статья Т. И. Макаровой, несмотря на спорность выводов, представляет несомненный интерес, поскольку она расширяет наши представления о культурных связях кочевников южнорусских степей и лесостепной зоны.

В заключение необходимо указать, что как данный сборник, посвященный почти целиком славянской тематике, так и вся издаваемая Гос. Эрмитажем серия тематических археологических сборников, представляет большую научную ценность и интерес. Нужно надеяться, что это важное начинание Гос. Эрмитажа будет иметь плодотворное продолжение, займет подобающее место в археологической литературе и привлечет внимание не только археологов и историков, но и более широкого круга читателей.

Г. Ф. Корзухина, Д. А. Мачинский,
О. В. Овсянников, М. А. Тиханова

Хроника

РУМЫНО-СОВЕТСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ

С 11 по 13 октября 1963 г. в г. Бухаресте состоялся румыно-советский семинар, посвященный проблемам первобытной археологии. Семинар был организован Румынской Академией наук. В работах семинара, кроме трех советских археологов, П. И. Борисковского, А. И. Мелюковой и Т. С. Пассек, участвовало большое число румынских археологов из Бухареста, Ясс, Клужа и многих районных музеев РНР, а также чехословацкий археолог М. Душек (г. Нитра). На семинаре было обсуждено 20 докладов. Это был второй румыно-советский семинар по вопросам первобытной археологии. Первый семинар, организованный Институтом археологии АН СССР и Молдавским филиалом АН СССР, состоялся в мае 1958 г. в г. Кишиневе и был посвящен вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины [1].

Работа семинара протекала три дня, причем доклады каждого дня были посвящены отдельным общим проблемам. Так, в первый день была заслушана и обсуждена серия докладов по вопросам палеолита и мезолита, во второй день — по эпохе бронзы и раннего железного века, в третий день — по периодам неолита и энеолита. Семинар открыл директор Института археологии Румынской Академии наук Э. Кондураки, а затем работа семинара проходила под руководством И. Нестора. На отдельных заседаниях председательствовали П. И. Борисковский и Т. С. Пассек.

Проблемы палеолита были затронуты в пяти докладах. Так, П. И. Борисковским в докладе «Проблемы позднего палеолита и мезолита северо-западного Причерноморья» был сделан обзор новых материалов из позднепалеолитических и мезолитических стоянок в районах северо-западного Причерноморья (Б. Аккаржа, Гребеники и др.) и намечена отличная от средиземноморской, особая, степная область распространения памятников этого времени. При обсуждении доклада находки из северо-западного Причерноморья были сопоставлены с недавно обнаруженными материалами на территории Румынии и уточнены датировки отдельных мезолитических стоянок Поднестровья.

К. С. Николаеску-Плопшор в докладе «Новые данные для изучения палеолита и энеолита в Румынии» остановился на обнаруженном им в области Крайовы местонахождении Буджулешти, которое он относит к эпохе становления человека (стадия австралопитеков). При обсуждении этого доклада был отмечен значительный научный интерес сделанного открытия. Вместе с тем выступавшими была подчеркнута спорность этих материалов и необходимость дальнейшего их исследования для окончательного заключения.

М. Битири в своем докладе «К началу верхнего палеолита в Румынии» затронула интересные и спорные проблемы перехода от древнего к позднему палеолиту, рассмотрев в связи с этим новые румынские материалы. Были заслушаны также доклады Фл. Могошана «Некоторые стороны культуры типа Костенки (восточный граветт) в Румынии» и Корнелиу Матееску «Вэдастровский палеолит» (Олтения).

Проблемам неолита и энеолита на семинаре было посвящено шесть докладов. В одних ставились общие вопросы, в других давались информации о раскопках последних лет. Все доклады, дополняя друг друга, представили значительный интерес для освещения истории древних племен периода неолита и энеолита в Трансильвании, Подунавье, Попрутье и в соседних районах междуречья Днестра и Днепра.

В докладе Вл. Думитреску «Происхождение и развитие Кукутеновского комплекса» были затронуты некоторые вопросы периодизации культуры Кукутени-Триполья. Вл. Думитреску особо выделяет докукутеновскую культуру, причем наиболее древнюю ее фазу он рассматривает, как происходящую в результате слияния двух культур: местной неолитической культуры с линейной керамикой и пришедшей с юго-запада культуры Боян-Джулешты. Культура Кукутени с расписной керамикой, по мнению Вл. Думитреску, не могла непосредственно произойти из докукутеновской. В развитии культуры

[1] Т. С. Пассек. Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины, СА, 1959, № 1.

Кукутени немалую роль играла соседняя культура типа Гумельницы, с другой стороны, у соседних племен в Трансильвании была распространена уже тогда культура с расписной керамикой типа Петрешты, повлиявшая также на развитие расписной керамики Кукутени. Наиболее позднюю из фаз культуры Кукутени (Городиште-Фолтешты) Вл. Думитреску считает принадлежащей к новой культуре скотоводческих племен.

Итогам десятилетних раскопок на трипольском (этапе Кукутени А) поселении у с. Трушешти был посвящен доклад М. Петреску-Дымбовица. Большие раскопки позволили вскрыть здесь площадь всего родового энеолитического поселка, где было обнаружено 98 трипольских глинобитных наземных жилищ, 50 хозяйственных пристроек, ямы для обжигания посуды, защитный ров. Огромное количество нового материала из раскопок у с. Трушешти позволяет с большой полнотой охарактеризовать древнюю строительную технику, хозяйство и быт трипольских племен периода их расцвета. Эти раскопки дополняют те наблюдения, которые получены советскими исследователями в процессе раскопок родовых трипольских поселений на Днестре.

Доклад Евг. Кошма «Некоторые вопросы культуры Алдени II» на основе новых раскопок в Драганешти-Текуч поставил интересный вопрос о возможности выделения особой неолитической культуры (Алдени II), распространенной на территории Молдовы между Прутом, нижним течением р. Бырлад и нижним Серетом. Установлено, что в формировании культуры Алдени II участвовали переходные элементы от культуры Боян Гумельнице и докукутеновская фаза Извоаре. Все эти новые наблюдения позволяют уточнить синхронизацию неолитических культур в Молдове, Добрудже и в соседних районах. Для советских исследователей важно, что племена культуры Алдени II, вероятно, обитали и по левому берегу Прута на юго-западе Молдавской ССР.

Вопросу периодизации культур неолита и энеолита был посвящен доклад Н. Власса «Вопросы хронологии трансильванского неолита в свете стратиграфии поселения в Тэртэрия». Следует указать, что изучение археологии неолита в Трансильвании начато лишь в последние два года. Новые раскопки, проведенные в 1961—1962 гг. на одном из поселений (тель) в долине р. Муреша, позволили сделать наблюдения над четырьмя культурными горизонтами, из которых два верхних связаны с культурами ранней бронзы (Коцофень и Баденская), два нижних — с неолитической культурой Турдаш-Петрешты и Турдаш-Винча. Исключительный интерес вызывает открытие в самом нижнем горизонте трех глиняных табличек с неизвестными знаками, которые автор сравнивает с глиняными табличками из Урук-Варка IV (3500—3200 до н. э.) и Джемдет-Наср (3200—3000 до н. э.) на Древнем Востоке.

На семинаре проблемам неолита и энеолита с советской стороны был посвящен доклад Т. С. Пассек «Трипольские племена в междуречье Днепра и Днестра в свете новых исследований».

В докладе была рассмотрена история неолитических и энеолитических племен на юго-западе Восточной Европы. На основе данных стратиграфии трипольских поселений и неолитической культуры Южного Буга, а также на основе синхронизации неолитических и энеолитических культур балкано-дунайских стран, в первую очередь Румынии, в докладе были намечены взаимоотношения племен Восточной и Западной Европы в V—III тыс. до н. э. Особо был выделен вопрос и дана характеристика местной неолитической культуры южного Побужья, наиболее ранние фазы которой являются еще более древними, чем неолитическая культура Старчево-Кёреш. Специально был затронут вопрос о синхронизации неолитической культуры с линейно-ленточной керамикой, боянской и трипольской. На основе данных радиокарбонного анализа (С—14), наряду с относительной датировкой, в докладе приведены данные абсолютных датировок рассмотренных культур в период V—III тысячелетия до. н. э. Особое место было уделено в докладе анализу вещей из Карбунского клада [2], датируемого раннетрипольским временем и представляющего важный источник для выяснения межплеменных связей трипольской культуры с югом, с областями Восточного Средиземноморья. На семинаре была зачитана информация Е. К. Черныш «Первые данные о культуре Гумельница на территории СССР». Раскопки в 1962 г. у г. Болграда, Одесской обл. УССР обнаружили поселение культуры типа ранней Гумельницы с керамикой с белой росписью, хорошо известной на территории РНР и впервые открытой на территории СССР.

Доклады, прочитанные на заседаниях семинара и касавшиеся проблем неолита и энеолита, были подвергнуты всестороннему обсуждению. Так, Т. С. Пассек указала, что при решении вопроса происхождения докукутеновской культуры (или раннего Триполья (А), по периодизации Т. С. Пассек) недостаточно обосновано положение Вл. Думитреску, полагающего, что одним из компонентов в формировании докукутеновского комплекса является неолитическая культура с линейно-ленточной керамикой. Положение это, высказанное еще Г. Чайлдом, в настоящее время, после больших раскопок памятников с линейно-ленточной керамикой, не подтверждается. Культура с линейно-ленточной керамикой принадлежит другой (чем Кукутени-Триполье) группе среднеевропейских неолитических племен, не связанной в своем происхождении с трипольскими племенами. Полагая, что докукутеновский комплекс является самостоятельной культурой, Вл. Думитреску не считает этот комплекс древним этапом в развитии культуры Кукутени-Триполья и тем самым трипольскую культуру с расписной керамикой он отрывает от более древнего этапа своего развития, не связывая в своем происхождении этап А (раннее Триполье) с последующим этапом В (среднее Триполье, по периодизации

[2] Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, № 1.

Т. С. Пассек). По мнению Вл. Думитреску, и третий этап — позднее Триполье — является уже новой, чуждой Триполью культурой. Таким образом, собственно культурой Кукутени-Триполье Вл. Думитреску считает культуру только среднего этапа с расписной керамикой нескольких типов. Эти положения Вл. Думитреску идут в разрез с уже неоднократно опубликованными археологическими материалами по периодизации трипольских поселений (стратиграфически проверенными), показывающими, что все три этапа трипольской культуры неразрывно связаны друг с другом в своем происхождении и развитии.

Обсуждению был подвергнут доклад Т. С. Пассек. Выступавшие Д. Берчу, М. Петреску-Дымбовица, Вл. Думитреску и И. Нестор обратили особое внимание на новые интересные материалы из раскопок в бассейне Южного Буга. По их мнению, южнобугская местная неолитическая культура может быть датирована более древним периодом, чем культура Кёреш-Криш, и она является одним из компонентов культуры Триполья. Большой интерес вызвало знакомство с кладом из с. Карбуна, позволяющим по-новому ставить вопрос о связях ранних трипольских племен с южными культурами балкано-дунайских стран и Восточного Средиземноморья. Подчеркивалась важность выдвинутых в докладе Т. С. Пассек вопросов по истории неолитических племен на юго-западе Восточной Европы и их непосредственный интерес для археологии Румынии.

Большое внимание вызвали находки Н. Власса глиняных табличек со знаками в Трансильвании и связанная с ним возможность в дальнейшем установления абсолютной даты для неолита Трансильвании после сравнения этих табличек с древневосточными.

Интересное сообщение о статуях-менгирах из Байя де Криш было сделано А. Александреску. Докладчица удачно сопоставила эти изображения со статуями, найденными на территории Северного Причерноморья и относящимися к раннему периоду эпохи бронзы.

Проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железного века было посвящено восемь докладов. В них подводились итоги многолетним исследованиям и ставились как общие, так и частные вопросы, имеющие важное значение для освещения древней истории населения карпато-дунайского района и северо-западного Причерноморья.

В докладе М. Флореску и Ал. Вулпе была дана характеристика культур бронзового века Румынии, их периодизация и относительная хронология. Отказавшись от устаревшей хронологической системы П. Рейнеке, авторы делят памятники эпохи бронзы Румынии на три периода, используя для этого стратиграфические данные, полученные при раскопках в Сарата-Монтеору. Синхронизация с Монтеору других культур положена в основу новой периодизации. Большой интерес для советских исследователей представляет недавно открытая на северо-востоке Румынии культура Костиша, впервые освещенная в данном докладе. По мнению авторов, она сформировалась на основе культуры шнуровой керамики и на определенном этапе своего развития находилась в тесной связи с белепотоцкой группой комаровской культуры Западной Украины.

Характеристике позднего бронзового века и раннего гальштата в Румынии был посвящен доклад А. Флореску и М. Петреску-Дымбовицы. Описанные ими памятники восточных областей РНР, исследованные достаточно полно в течение последних десяти лет, имеют близкие аналогии с памятниками юго-западных районов нашей страны. В докладе специальное внимание было уделено малоразработанным вопросам о происхождении культур Ноа и фракийского гальштата и связям их носителей с соседними и более далекими племенами. Впервые выдвинута гипотеза о значительной роли носителей западного варианта срубной культуры в истории местных племен эпохи поздней бронзы. Предполагается, что культура Ноа сформировалась на местной основе, но под сильным воздействием срубной культуры северо-западных районов Причерноморья. Эта гипотеза представляется вполне вероятной, хотя она и требует дополнительных обоснований.

Дополнением к двум отмеченным выше докладам был доклад М. Русу, в котором говорилось о бронзовых кладах Трансильвании конца бронзового века и раннего гальштатского периода. Пользуясь хронологией И. Нестора и Х. Мюллера-Карпе, автор систематизировал клады и случайные находки бронзовых вещей, дал типологическую их классификацию и остановился на причинах появления кладов. Работа М. Русу важна в связи с тем, что впервые приведена в стройную систему масса бронзовых изделий из мастерских Трансильвании, широко распространенных за пределами этой области. Вещи трансильванского производства известны и на территории СССР.

Характеристика культур раннего железного века Румынии была дана в докладе С. Моринца. Раскопки последних лет в Добрудже и обработка всех известных материалов из других районов страны позволили докладчику проследить локальные особенности и общие черты в культурах раннего железного века Румынии. Впервые сделана попытка связать отдельные культуры с этническими группами. Выделяются памятники, принадлежавшие иллирийцам на юго-западе страны и фракийцам — на юге и востоке; показаны связи местных племен со скифами Северного Причерноморья и фракийцами Болгарии.

В своем докладе К. Хоредт рассказал об укрепленных поселениях Трансильвании гальштатского периода. Памятники этого рода стали известны недавно. Систематизация их важна для более полного представления о культурах населения Румынии раннего железного века. Кроме того, данные, приведенные К. Хоредтом, представляют интерес для сравнения с одновременными городищами лесостепной Украины и Молдавии.

В докладе «Скифский вопрос на территории Румынской Народной Республики» Д. Попеску подвел итог исследованиям, произведенным румынскими и венгерскими археологами по изучению памятников с элементами скифской культуры в Румынии. Остановившись на истории вопроса, докладчик показал роль советской науки о скифах в развитии румынской археологии. Еще недавно многие румынские исследователи были последователями М. И. Ростовцева и считали возможным говорить о мощной скифской экспансии в среднюю Европу, в том числе и на территорию Румынии.

В настоящее время большинство ученых разделяют мнение советских археологов и считают допустимым отдельные скифские набеги, культурные и этнические связи местного населения со скифами на большей части территории Румынии. Только в понтийской зоне Добруджи наблюдается присутствие значительного скифского этнического элемента.

Н. Гостар сообщил интересные данные о недавно открытой близ г. Пьятра Нямц дакийской крепости I в. до н. э.—I в. н. э.

С советской стороны проблемам эпохи бронзы и раннего железного века был посвящен доклад А. И. Мелюковой. В нем была дана характеристика культур конца II—I тыс. до н. э. в степных областях Днестро-Прутского междуречья. Автор познакомил румынских археологов с новыми открытиями и исследованиями в области скифо-фракийских взаимоотношений. На основании письменных источников и данных археологии наметилась граница между двумя большими этническими и культурными группами — скифами и гетами. Вместе с тем было показано проникновение скифских элементов в гето-фракийскую среду и гетских — в скифскую.

По докладу Д. Попеску развернулась дискуссия. Р. Вулпе и К. Горедт считают, что докладчик неправильно трактует памятники со скифскими признаками, исследованные в Трансильвании. По их мнению, они принадлежат агафирсам, под которыми надо понимать скифов, пришедших из Северного Причерноморья и слившихся с местным фракийским населением. Ал. Вулпе, С. Моринц, И. Нестор и М. Русу поддержали докладчика и возражали Р. Вулпе и К. Горедту. Агафирсы, по их мнению, фракийское племя, подвергшееся скифскому и греческому влиянию. Д. Берчу обратил внимание на то, что агафирсы, как и другие северные фракийцы, находились в тесном контакте не с собственно скифами, а с лесостепными племенами Северного Причерноморья.

Вопрос о роли скифов в истории древнего фракийского населения Румынии пока не может быть решен окончательно из-за отсутствия достаточного количества необходимых данных. Ясно и всеми признано, что в восточных районах Румынии, в Молдове и Мунтении скифское влияние было незначительным. В Добруджу скифы начали проникать еще в VI в. до н. э. Однако для того, чтобы проследить взаимодействие скифов с местным гетским населением на этой территории, требуются дополнительные исследования. Еще более сложным представляется вопрос об агафирсах в Трансильвании, так как до сих пор здесь известны погребения, давшие предметы скифского оружия и конского убора, но почти не исследованы поселения. Данные раскопок на поселениях необходимы для того, чтобы решить вопрос об этнической принадлежности агафирсов. Живой отклик среди румынских археологов получил доклад А. И. Мелюковой.

По окончании работ семинара была организована поездка на место раскопок у с. Черника (недалеко от Бухареста), где с 1961 г. С. Моринцом производятся большие исследования многослойного поселения и могильника неолитической культуры Дудешты и культуры типа Боян. П. И. Борисковский вместе с К. С. Николэеску-Плопшором, М. Битири и венгерским палеонтологом М. Крецой совершил поездку на палеолитическое местонахождение Буджулешти (область Крайовы). Осмотр местонахождения и обмен мнениями во время осмотра подкрепил заключение о значительном интересе этого местонахождения и в то же время о большой его спорности. Во время этой поездки П. И. Борисковский прочитал учителям г. Крайовы лекцию на тему «Новые данные о происхождении человека».

Т. С. Пассек и А. И. Мелюкова вместе с М. Петреску-Дымбовица выезжали в г. Яссы для ознакомления с собраниями недавно открытого здесь археологического музея. Музей содержит богатейшие археологические коллекции, освещающие древнюю историю Румынии, начиная от эпохи палеолита и до позднего средневековья.

В связи с месячником румыно-советской дружбы в Ясском университете был проведен при участии Г. С. Пассек и А. И. Мелюковой симпозиум с двумя лекциями на тему «Основные результаты в области изучения первобытного общества на территории СССР за последние годы». Симпозиум был организован Ясским филиалом РАН и Ясским университетом.

В заключение следует отметить хорошую, четкую организацию работы семинара Институтом археологии Румынской Академии наук, а также дружеское, братское гостеприимство, которое советские археологи ощущали в дни пребывания в Румынии. Это гостеприимство повседневно чувствовалось и во время работы семинара, и во время поездок по стране. Пребывание советских археологов в Румынии совпало с традиционным месячником советско-румынской дружбы и это в еще большей мере усилило атмосферу братского гостеприимства, в которой мы все время находились.

Т. С. Пассек

Н. А. СИДОРОВА

ВЫСТАВКА «ЗОЛОТО И СЕРЕБРО АНТИЧНОЙ ИТАЛИИ»

С 25 июля по 26 августа 1962 г. в залах Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве была открыта выставка «Золото и серебро античной Италии». Эта выставка была организована в 1961 г. в Италии, в г. Турине, в связи с 100-летним юбилеем объединения Италии. В СССР выставка демонстрировалась в порядке соглашения о культурном обмене между СССР и Италией. Организационный комитет выставки блестяще решил сложную задачу — дать развернутую картину эволюции ювелирного дела и торевтики античной Италии более чем за полторы тысячи лет — с IX в. до н. э. по VII в. н. э. Около девятисот экспонатов, представленных на выставке, было отобрано в 33 музеях Италии и в ряде частных коллекций. Многие из них являются памятниками, широко известными по публикациям и многократным упоминаниям в специальной литературе.

Трудно переоценить значение выставки для изучения истории и искусства античной Италии. Впервые на первоклассном материале всеобъемлюще было представлено искусство торевтики наиболее значительных центров древней Италии, начиная с доколонизационного периода и кончая позднеримской империей и эпохой переселения народов. Экспонировались также интереснейшие памятники, происходящие из пунических колоний на о. Сардиния и из кельтских погребений Северной Италии. Если некоторые разделы выставки, как, например, греческое ювелирное искусство классического периода, хорошо известны советским специалистам по находкам из греческих колоний Северного Причерноморья и скифских курганов, то большая часть ее разделов, особенно ранних периодов, или совсем не представлена в наших собраниях, или представлена лишь отдельными образцами.

Открывает экспозицию большой раздел, посвященный ювелирному искусству Этрурии. В ювелирном искусстве архаической Этрурии проявляются характерные для всего этрусского искусства черты — стремление к пышности, декоративности, красочности, сочетающиеся с отказом от четкости в композиции. Эти черты прослеживаются уже в памятниках VIII — начала VII в. до н. э.— периода господства в этрусском искусстве геометрического стиля. Прекрасными образцами его являются орнаментальные фигуры, служившие украшением утвари, найденные в «Могиле воина» в Тарквиниях. Это обтянутые золотым листом бронзовые пластинки в виде треугольников и отрезков крестчатого меандра, украшенные рельефными узорами, нанесенными пунсоном. Аналогичным образом украшены древнейшие этрусские буллы — выпуклые круглые бляхи, покрытые узорами в виде зубцов, кружков, меандров. Эти буллы, происходящие из некрополя дель Ольмо Белло в Бизенци, составляли ожерелье, чередуясь с необработанными кусками янтаря, имевшего, возможно, магическое значение.

О распространении янтаря в Этрурии в этот ранний период свидетельствуют происходящие из того же комплекса большие фибулы с массивными янтарными дужками, инкрустированными золотыми полосками. Янтарь этот прибалтийского происхождения, что свидетельствует о существовании связей между Италией и Прибалтикой в конце VIII — начале VII в. до н. э. Доказательством связей этрусков с Египтом служат египетские скарабеи из стеклянной пасты, найденные в гробнице Делла Страньера в Ветулонии (начало VII в. до н. э.). Среди других вещей, происходящих отсюда, следует отметить прямоугольный щиток серебряной фибулы с стилизованными изображениями птиц, по типу восходящий к периоду Вилланова.

Наивысшего расцвета ювелирное искусство достигает в Этрурии в VII в. до н. э., когда намечается четкое разделение двух художественных районов — Средней и Северной Этрурии и Южной Этрурии с прилегающей к ней областью Лациума. В этот период вырабатываются основные технические приемы, являющиеся особенностью ювелирного дела Этрурии.

Для изделий Средней и Северной Этрурии характерны плоскостность и узорчатость декоративных мотивов и развитие техники зерни и филиграни. Так, например, представленная на выставке фибула из Популонии начала VII в. до н. э. украшена исполненными зернью силуэтными фигурками животных. На небольшом спиральном браслете из погребения дель Букакче некрополя в Бизенцио того же времени орнамент исполнен в технике филиграни из довольно толстой проволоки. Дальнейшее развитие этой техники, достигающей высокого совершенства во второй половине VII в. до н. э., прослеживается на браслетах из Ветулонии, поражающих тонкостью и совершенством ажурного орнамента.

Наилучшим выражением принципов, характерных для изделий Средней и Северной Этрурии, является техника «a pulviscolo» — специфическая особенность этрусского ювелирного искусства. Развившаяся из зерни, она отличается чрезвычайно мелким размером золотых шариков, составляющих ее основу. Судя по новейшим итальянским исследованиям, эта техника заключалась в следующем: покрытая каким-то связующим материалом (воском или, возможно, медом) поверхность золотого предмета опылялась мельчайшими золотыми крупинками — pulviscolo. Затем этот порошок соскабливался с фона и оставался лишь на фигурных изображениях. При нагревании до 900°, т. е. ниже точки

I. Фибула из гробницы дель Литторе.

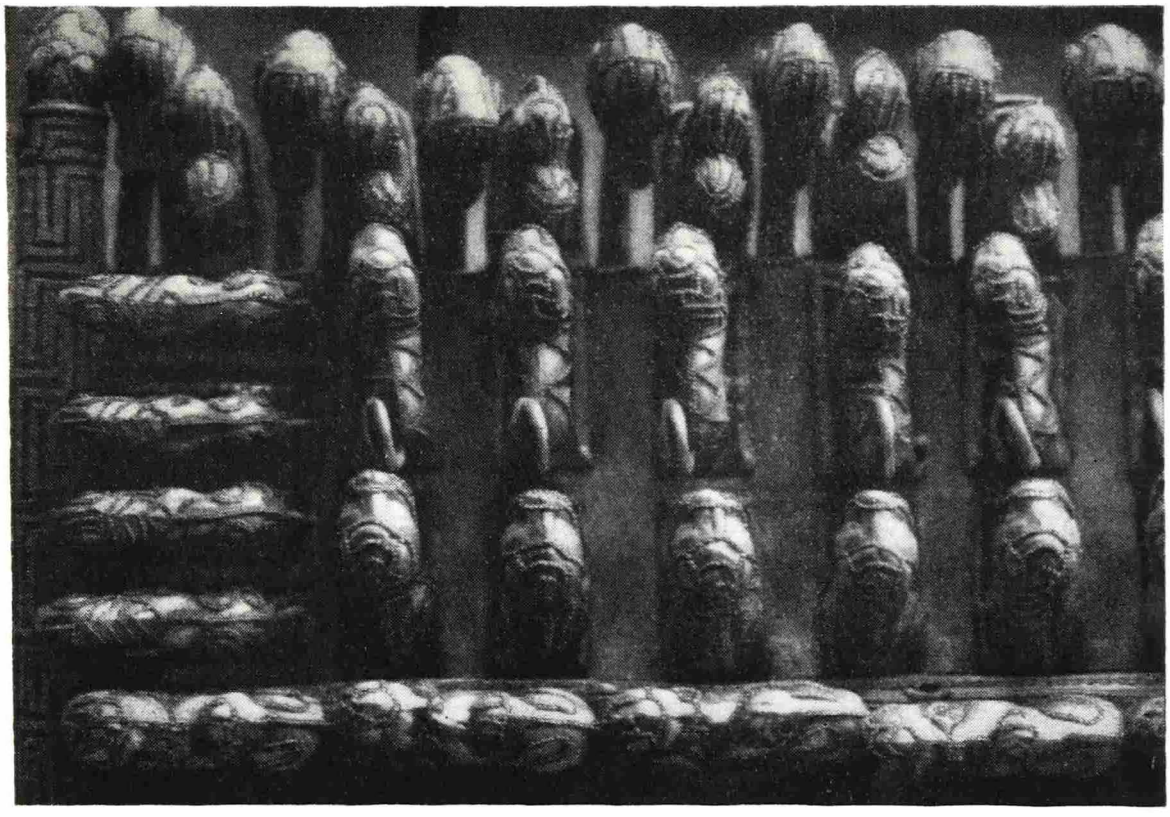
плавления золота, происходило соединение золотых шариков с основой. В качестве флюса, облегчавшего этот процесс, применялся тальк или толченый янтарь, следы которых удалось обнаружить при анализах. Следует указать, что некоторые исследователи предлагают иные варианты объяснения технологии изготовления этих вещей.

На выставке представлено несколько памятников, украшенных в этой технике. Из них наибольшим совершенством отличается фибула из гробницы дель Литторе в Ветулонии (рис. 1). Дужка этой фибулы и длинный прямоугольный приемник ее украшены с обеих сторон фигурами фантастических существ — химер, грифонов, крылатых львов. Эти фигуры отличаются большой четкостью и плавностью контуров и выразительностью рисунка. Технике «a pulviscolo» присуща высокая декоративность; контраст гладкого блестящего фона и матовой поверхности силуэтного изображения создает своеобразные колористические эффекты. Помимо фибулы, из этого же погребения, датирующегося второй половиной VII в. до н. э., происходят браслеты и булавка, исполненные в той же технике. Комплекс гробницы дель Литторе дал образцы и другой широко распространенной в Этрурии ювелирной техники — выколачивания или тиснения. В VII в. до н. э. продолжал широко использоваться в ювелирном деле Этрурии янтарь. Превосходным образцом изделий из этого привозного материала является ожерелье, входящее в комплекс находок из гробницы дель Монили. Ожерелье составлено из выточенных из янтаря фигурок людей, демонов, обезьян, рыб, сосудиков.

В Южной Этрурии во второй половине VII в. расцветает ювелирное искусство, отличающееся чертами несколько тяжеловесной пышности, стремлением к густому заполнению всей поверхности украшаемого предмета объемными, пластически исполненными изображениями. Прекрасным образцом этого искусства является погребальный комплекс из гробницы Бернардини в Пренесте, датирующийся концом VII в. до н. э. Особенно интересно нагрудное украшение — большая прямоугольная пластинка, сплошь покрытая объемными фигурками различных животных и фантастических существ — львов, химер, сирен, коней, которых в общей сложности насчитывается более 130 (рис. 2). Все эти фигурки исполнены из двух тисненых половинок и обильно украшены зернью; ноги и хвосты их сделаны из проволоки. Богатство форм, игра светотени, ритмическое повторение отдельных фигур, располагающихся на поверхности правильными рядами, придают этому памятнику высокодекоративный характер. При этом отдельные изображения утрачивают самостоятельность, становясь лишь частью декора, а вся композиция в целом кажется несколько перегруженной.

Уже в эту эпоху этрусское искусство начинает испытывать воздействие греческого, о чем убедительно свидетельствует золотой скифос, происходящий из гробницы Бернардини. Об этрусском происхождении этого скифоса говорят наивно-выразительные фигурки сфинксов, сидящие на его ручках, совершенно такие же, как фигурки на вышеописанной пластинке. Форма же его воспроизводит хорошо известную форму протокоринфских скифосов VII в. до н. э.

Наряду с местным производством для Этрурии характерно наличие многочисленных привозных изделий, прекрасным образцом чего является лебес — круглодонный серебряный позолоченный сосуд, происходящий из того же комплекса (рис. 3). Поверхность его покрыта располагающимися во фризах различными сценами охоты, войны или сельскохозяйственных работ. В клейме на дне изображен лев, стоящий над поверженным человеком. Все эти изображения прочеканены по контуру по предварительному рисунку, а в некоторых местах подчеркнуты изнутри штампом. Этот памятник, как доказывают стиль и характер его изображений, является произведением сиро-финикийского круга. Этрусский мастер дополнил первоначальную простую и лаконичную форму сосуда шестью змеиными протомами, несомненно, имеющими зна-



2. Деталь нагрудной пластины из гробницы Бернардини

3. Лебес из гробницы Бернардини

чение апотропеев. Эти протомы, довольно грубо исполненные из серебра, обтянутого тонким золотым листом, приклепаны к верхнему краю лебеса и частично закрывают выгравированные здесь фигурки уток. Украшение краев сосудов протомами было широко распространено в греческой торевтике эпохи архаики, откуда, очевидно, этот мотив был заимствован этрусским мастером.

В VI в. до н. э. воздействие греческого искусства на этрусское усиливается, в Этрурию переселяются многие греческие, преимущественно ионийские, мастера из Малой Азии. Относительно некоторых памятников этого времени еще не решен вопрос, сделаны ли они ионийцами, работавшими в Этрурии, или являются этрусской работой, подражающей греческим образцам. Примером может служить кольцо конца VI в. до н. э. из Популонии, на удлиненном овальном щитке которого изображен Геракл, борющийся с трехтелым чудовищем с рыбьим хвостом. Тема борьбы Геракла с морским чудовищем была популярна в архаическом искусстве Греции; нечеткая трактовка образа противника Геракла, в котором соединены два мифических существа — Тритон и трехтелый Тифон, говорит скорее о том, что это кольцо является работой этрусского мастера, не вполне правильно понявшего греческий прообраз.

Наряду с такими ионизированными вещами, как кольцо из Популонии, в VI — начале V в. до н. э. продолжают изготовляться ювелирные изделия, выдержанные в собственно этрусских традициях. Для этого времени характерна форма так называемых баулообразных серег, имеющих вид незамкнутого цилиндра, сплошь покрытого густым орнаментом. Применение техники «a pulviscolo», выделяющей отдельные детали орнамента, усиливает декоративный эффект, свойственный этим вещам. Аналогичным образом украшались небольшие диски, вероятно, служившие щитками фибул и представляющие специфически этрусские памятники. Иногда среди орнаментальных мотивов, составляющих основу их декора, появляются фигурные изображения. На выставке представлен диск с двуликой головой, происходящий из некрополя греко-этрусского города Спины близ озера Комаккьо.

Некрополь Спины дал значительное количество ювелирных изделий. Большая часть их представляет собой произведения местных мастеров, исполненные по греческим образцам. Таковы серьги новой для Этрурии греческой формы — в виде незамкнутого кольца, завершенного с одной стороны головкой человека или животного. Характерны серьги с женскими головками — превосходный образец строгого стиля начала V в. до н. э., а также несколько более поздние серьги с головой Ахелоя.

В последующие века греческое влияние сказывается все сильнее во всем этрусском искусстве. Ярким примером этого служит, например, серебряное зеркало IV в. до н. э. из Бомарцо. На обратной стороне диска зеркала изображены в рельефе фигуры Зевса, Гермеса и Аполлона, представленных в виде трех обнаженных юношей-атлетов. Гермес в петасе, с керюкейоном в руках, наиболее близок греческим прообразам. Изображение Зевса безбородым юношей в греческом искусстве не встречается. Здесь следует видеть своеобразную этрусскую интерпретацию этого образа. Имена богов, выгравированные этрусскими буквами около каждой фигуры, подтверждают этрусское происхождение этого памятника.

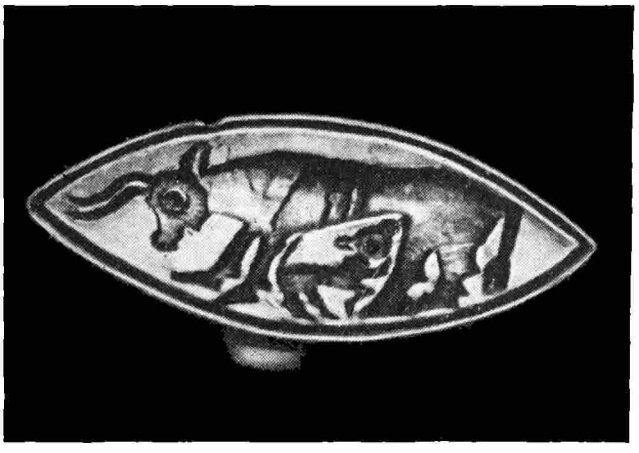
Воздействие греческого искусства отмечается в целом ряде произведений этрусских ювелиров IV—III вв. до н. э. На некоторых из них греческие образцы воспроизводятся в более примитивном виде. Таково, например, ожерелье, составленное из подвесок с вытесненными на них головками силенов и менад, из Вольтерры. Большим совершенством отличаются серьги III в. до н. э. из Тоди с подвесками в виде женских головок. Этот чисто греческий мотив сочетается с большими выгнутыми дужками, украшенными пышным орнаментом, сохраняющим этрусский характер. Подобное соединение греческих и собственно этрусских мотивов встречается и на других памятниках.

Лишь немногие ювелирные произведения IV в. до н. э. целиком исполнены в старых этрусских традициях. Они сохраняют своеобразие стиля и техники, восходящее еще к эпохе архаики. Таковы серьги из Популонии в виде массивного полуовала, завершающегося тремя шариками. Вся их поверхность густо покрыта орнаментом в виде розетт, кружков и выступов, украшенных зернью. Применяется также техника «a pulviscolo» качество которой, однако, заметно ухудшается. Любовь к обилию орнаментики, сложности и пышности, иногда перегруженности композиции, являющаяся характерной особенностью этрусского ювелирного искусства, сохраняется в нем до конца его существования.

Торевтика и ювелирные изделия Этрурии являются едва ли не наиболее интересным и значительным из разделов выставки. Развитие ювелирного дела Этрурии представлено всеобъемлюще, на наиболее характерных и выразительных образцах. Этот раздел представляет для нас тем больший интерес, что памятников этрусского ювелирного искусства, за единичными исключениями, совсем нет в коллекциях Советского Союза.

Чрезвычайно интересна также наибольшая по объему коллекция памятников ювелирного искусства кельтских племен, проникших в конце V в. до н. э. на территорию Северной Италии из Галии и расселившихся в долине р. По. Из кельтских некрополей, расположенных в этом районе, происходят такие типичные образцы их украшений, как гривны (золотая —IV в. до н. э. и две серебряные —III—II вв. до н.э.), витые из толстой проволоки, круглой или квадратной в сечении. Особенно большой интерес представляют украшения парадной конской упряжи — фалары (III в. до н. э.),

найденные в 1928 г. Манербио, близ Брешии. Эта находка является единственным образцом подобного рода изделий, обнаруженным на территории Италии. Следует думать, что эти характерные произведения кельтской торевтики были изготовлены вне Италии, скорее всего в Галлии. Фалары представляют собой плоские диски с полусферическим выступом в центре, выбитые из довольно толстой серебряной пластины. По краю они украшены рельефными мужскими головками. Этот мотив так называемых «отрубленных голов», характерен для кельтского искусства. Он неоднократно встречается в кельтской скульптуре, равно как и мотив «вихреобразного» орнамента, украшающий центральный выступ самого большого фалара.



4. Кольцо с изображением коровы с теленком из некрополя Сен Анжело Миксаро

На выставке представлены также образцы ювелирных изделий, найденных на о. Сардиния. Здесь вплоть до завоевания острова Римом процветали колонии, основанные финикийцами и карфагенянами. В произведениях искусства, происходящих отсюда, отразилось смешение стилей Востока (финикийского, египетского, кипрского), Карфагена и местного искусства, испытывавшего также известное воздействие искусства Греции, а позднее Рима. Для финикийско-египетского круга характерны встречающиеся по всему Средиземноморью флакончики для благовоний, изготовленные из цветной стеклянной пасты.

Прекрасным образцом финикийско-пунического искусства VII—VI вв. до н. э., отражающего египетское влияние, является золотой браслет из Тарроса с изображением четырехкрылого скарабея и пальметт. Он состоит из трех рельефных, украшенных зернью пластинок, соединенных между собой шарнирами. Миниатюрные золотые подвески с изображением богини Танит дают представление о пуническом искусстве VII—VI вв. до н. э. Интересным его образцом является также вотивная терракотовая маска из Кальяри. Для местного искусства о. Сардиния, отражающего карфагенское влияние, характерны подвески из цветной стеклянной пасты в виде голов людей и животных, служившие амулетами. При наивной стилизации исполнения они отличаются большой выразительностью. Прекрасным образом эллинистического искусства III в. до н. э., возможно, александрийского круга, является фигурка попугая из слоновой кости (из Сульчиса), служившая ручкой зеркала или украшением утвари.

Большой раздел выставки посвящен ювелирному искусству и торевтике Великой Греции. Искусство этой области античного мира отличается своеобразием и достигает высокого развития уже в эпоху архаики. Еще к доколонизационному периоду относятся скромные перстни с врезанными спиралеобразными орнаментами на овальных щитках, происходящие из Сицилии. В этих вещах ясно ощущаются реминисценции микенского искусства, в орбиту влияния которого входила эта территория. Микенские традиции сохраняются в местном сицилийском искусстве и в позднейший период, как показывают два золотых кольца, относящихся к VI—V вв. до н. э., найденные в разные годы на некрополе Сен Анжело Миксаро, близ Агригента. На одном из них изображен волк, на другом — корова с сосущим ее теленком (рис. 4). Изображения вырезаны в гладкой поверхности щитка — техника, напоминающая известные сицилийские монеты с выпукловогнутым рельефом начала V в. до н. э. Форма этих массивных колец с щитком в виде удлиненного овала с заостренными концами и сюжет изображений, несомненно, восходят к микенскому искусству.

Великолепным образцом греческого ювелирного искусства VII в. до н. э. является небольшая (диаметром 3,3 *см*) шестилепестковая розетта неизвестного происхождения, хранящаяся в Болонье (рис. 5). Она служила частью диадемы или подвеской. Три рельефные головы и три цветка, вырезанные из тонкой золотой пластинки, украшают лепестки розетты. В центре помещен еще один цветок с шестью заостренными листиками. Мелкая зернь и имитирующая ее рубленая проволока подчеркивают эти орнаменты.

Строгая симметричность композиции, четкость и ясность исполнения отличают это тончайшее произведение греческого ювелира от современных ему этрусских вещей. Известен ряд аналогичных предметов. До недавнего времени они связывались с о. Родос. Однако перед войной была опубликована группа наиболее сложных по орнаменту и совершенных по исполнению подобных розетт, найденная на о. Мелос, что позволило поставить вопрос об их мелосском происхождении. Стилистически эти памятники можно сопоставить с восточногреческой вазописью VII в. до н. э.

5. Розетта из Болоньи

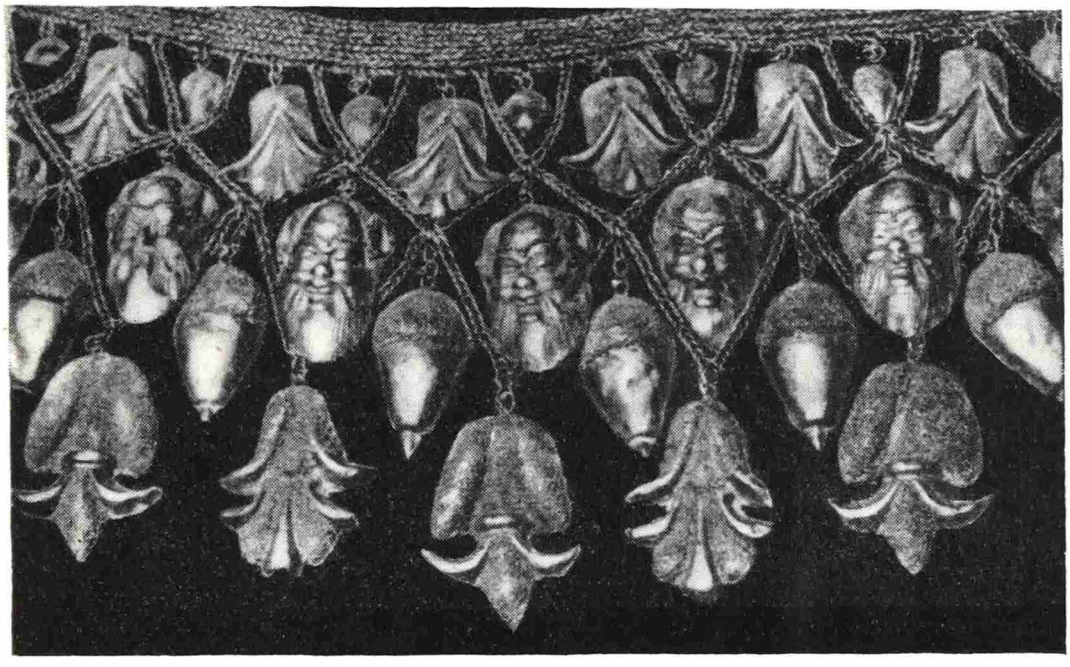
К середине VI в. до н. э. относится памятник, недавно найденный в Нойкаттаро,— золотая подвеска в виде трапецевидной пластинки с изображением бегущего зайца. Лаконизм исполнения, стремление выделить главное изображение также находят аналогии в современной чернофигурной греческой вазописи с ее отказом от заполнительного орнамента. Стилистически как фигура зайца, так и три цветка лотоса, украшающие снизу пластинку, наиболее близки вазописи стиля Фикеллура, что говорит о вероятном восточноионийском происхождении этого памятника.

Наиболее значительным и своеобразным центром производства ювелирных украшений в Великой Греции в эпоху архаики был город Руво. Великолепным образцом высокого мастерства его ювелиров является ожерелье с головами силенов, найденное в Руво (рис. 6). Оно состоит из плетеной цепи, к которой на тонких переплетающихся цепочках прикреплены рельефные пальметты, желуди и цветы лотоса, чередующиеся с головками силенов. Такое сочетание образов божеств с растительными мотивами характерно для греческого искусства. Отдельные элементы ожерелья исполнены в виде рельефных бляшек, украшенных зернью; применяется техника «a pulviscolo». Ожерелья этого типа известны в греческом ювелирном искусстве. То, которое найдено в Руво, выделяется своим богатством, пышностью и тонкостью декора. Соединение принципов греческого и этрусского искусства является своеобразной отличительной чертой торевтики Руво. Спецификой ее считается производство небольших изящных подставок для флаконов с благовониями, нигде в других центрах Италии не встречающихся. Эти подставки, изготовлявшиеся из золота или серебра, представляют собой открытый цилиндр без дна, увенчанный сверху пышно орнаментированным диском с круглым отверстием, посередине украшенным изображениями различных животных, возлежащих силенов, масок Медусы, сосудов и растительных мотивов.

Широко применяется техника «a pulviscolo», но принцип ее использования противоположен тому, который господствовал в более раннее время в этрусской торевтике: там покрытые мелкими зернами золота изображения животных темными силуэтами выделялись на более светлом блестящем золоте фона (как, например, на фибуле из гробницы дель Литторе в Ветулонии), а на подставках из Руво именно фон покрывается золотой пыльцой, а исполненные в низком рельефе изображения выступают на этой шероховатой поверхности. Если принцип этрусской техники «a pulviscolo» можно сравнить с чернофигурной вазописью, то здесь напрашивается аналогия с вазописью краснофигурной, в которой также светлый силуэт изображения выделяется на темном фоне. Изделия

ювелирных мастерских Руво датируются концом VI в. до н. э., т. е. временем развития краснофигурного стиля.

В Этрурии период наивысшего расцвета ювелирного дела и торевтики падает на период архаики; ювелирное искусство Великой Греции такой расцвет переживает в классическую эпоху. В V в. до н. э. мастерство торевтики было связано главным образом с монументальным искусством. Выдающимися его образцами были хризоэлефантинные статуи; ювелирных украшений от этого периода дошло немного, как из самой Греции, так и из Италии. Зато в IV в. и в последующих веках изготовление их достигает своего наивысшего развития. В это время в Таренте, богатейшем торговом и ремесленном



6. Деталь ожерелья с головами силенов из Руво

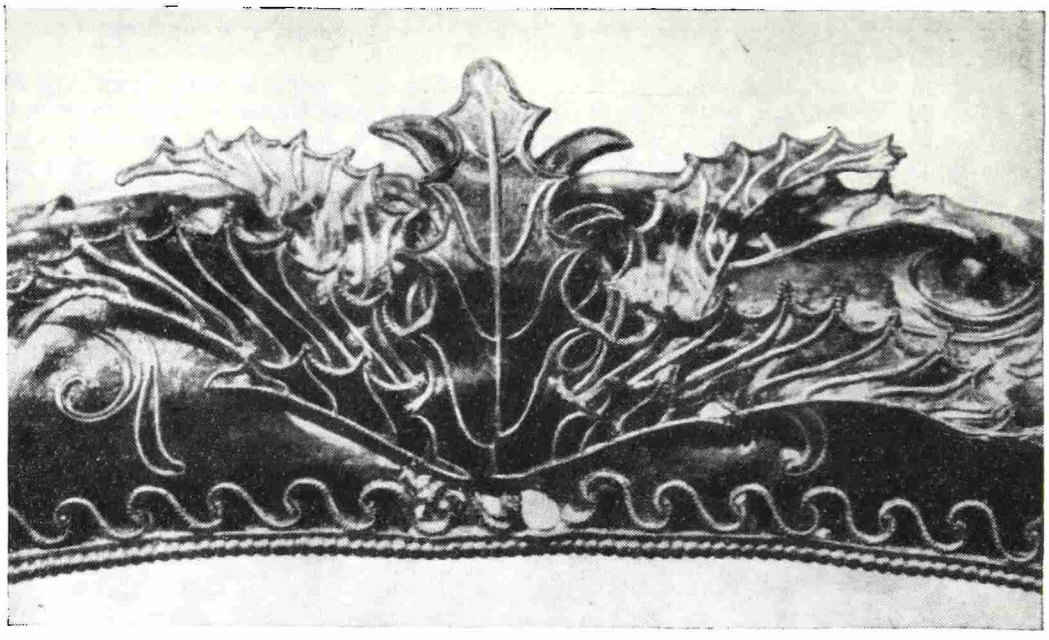
центре античной Италии, складывается своя своеобразная школа торевтики и ювелирного дела, с которой связано большинство представленных на выставке памятников этого периода.

Изумительная тонкость, красота и изящество формы, мастерство работы отличают эти вещи от изделий более раннего периода, особенно этрусских, в которых нередко ценность самого материала отодвигала на второй план качество исполнения. На выставке представлен ряд комплексов, найденных в богатых погребениях в самом Таренте или близ него и связанных между собой ясно выраженным единством стиля. Наиболее распространенными типами украшений, представленными почти в каждом комплексе, были диадемы и серьги. Широкое распространение получили также ожерелья, браслеты и кольца. Диадемы встречаются в основном двух типов: употреблявшиеся в быту, более массивные и богато украшенные и специально погребальные, изготовлявшиеся из тончайших листиков золота.

Диадемы первого типа отличались разнообразной формой. Нередко центральная часть их исполнялась в виде так называемого Узла Геракла, соединенного с венком из листьев или с нитями бус. Наилучшим образцом подобного украшения является Узел Геракла из Джиносы, найденный в богатом погребении вместе с серьгами. Тончайший филигранный орнамент в виде спиралей и розетт, исполненный из покрытой насечкой проволоки, украшает поверхность двойного узла, в центре которого помещен вырезанный из золотой пластинки лист аканфа. Эта вещь является едва ли не наиболее совершенной по исполнению из представленных на выставке памятников такого рода. Близкий по стилю и технике филигранный орнамент украшает найденные вместе с ней серьги, имеющие вид круглых дисков с конусообразными подвесками. Комплекс из Джиносы датируется IV в. до н. э.

К немного более позднему времени относится погребение из Криспиано, давшее диадему и серьги несколько иного типа. Диадема (рис. 7) представляет собой выгнутую полуцилиндрическую пластинку, украшенную в середине накладным листом аканфа, ажурные листья которого, подчеркнутые по краям тонко исполненной филигранью, красиво выделяются на ее гладкой блестящей поверхности. Серьги из Криспиано исполнены в виде диска с филигранным орнаментом; подвеской служит скульптурная женская головка, обрамленная по сторонам нитями круглых и биконических бус.

Из Моттолы, близ Тарента, происходит погребальный комплекс IV в. до н. э., состоящий из кольца, ожерелья и браслета. Массивное золотое кольцо с овальным щитком украшено врезанным изображением женской головы в профиль, с волосами, разделенными



7. Деталь диадемы из Криспиано

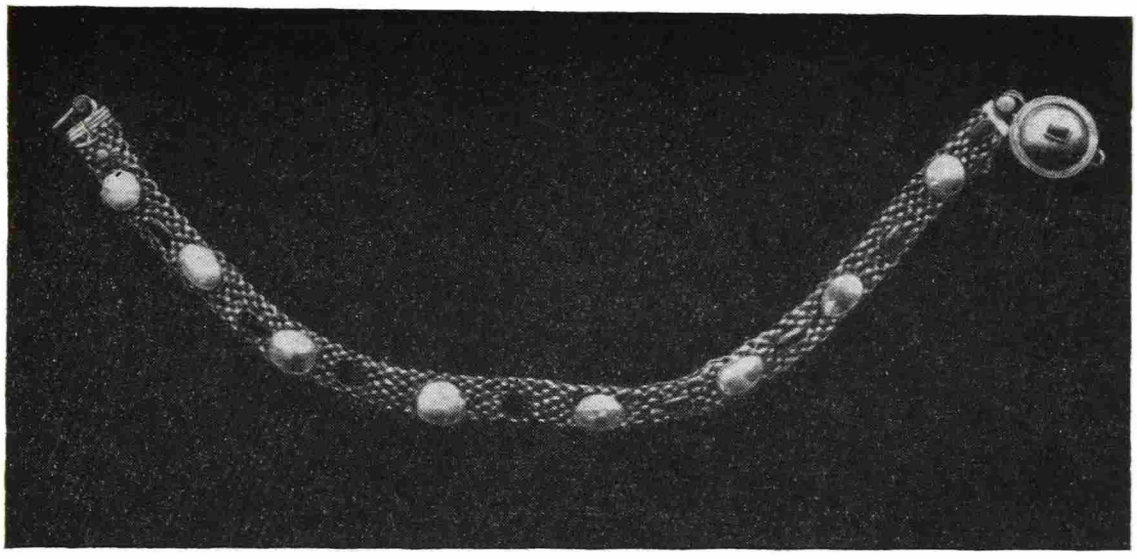
на продольные пряди и уложенными пучком на затылке. По типу и стилю эта головка близка произведениям круга Праксителя. Аналогии есть среди многочисленных южноиталийских терракот, некоторые образцы которых удачно включены в экспозицию выставки. Большой красотой и совершенством отличается спиральный браслет из того же погребения, сделанный из двух плоских, перевитых друг с другом золотых лент и заканчивающийся с обеих сторон скульптурными головками козлов; глаза их вставлены из цветного камня, муфточки, соединяющие головки с витым стержнем браслета, украшены филигранным узором. Чрезвычайно тонко исполнено найденное вместе с ним ожерелье, сплетенное из мельчайших золотых колечек.

На выставке представлен ряд вещей, найденных в самом Таренте. Из гробницы дель Арсенале происходит группа украшений, являющихся наиболее типичными образцами ювелирной продукции этого центра. Браслет в виде уплощенного, полого обруча завершается двумя скульптурными львиными головками. Такие же головки украшают серьги, имеющие вид незамкнутого кольца, и служат замком ожерелья, составленного из мелких золотых и гранатовых бусин. Скульптурные львиные головки, сделанные из двух тисненых половинок, являются наиболее распространенным украшением ювелирных изделий Тарента. Иногда вместо львиных головок здесь используются головки других животных, а также шарики, покрытые зернью или филигранью. Наряду с серьгами этого типа существовали серьги с подвесками, подобные описанным выше образцам из Джиносы или Криспиано. Особенно распространены были серьги с подвесками в виде миниатюрных фигурок летящих Эротов. Так же как серьги, ожерелья варьировались в деталях. Помимо завершающих их головок львов, встречаются ожерелья с головками собак или фигурками дельфинов. Изображение последних было особенно популярно в Таренте, так как дельфин помещался в гербе этого города.

На выставке, кроме описанных выше диадем, была представлена большая группа диадем погребальных, составленных из тончайших листочков золота. Диадемы в виде венков из листьев дуба и лавра находят аналогии среди памятников этого рода, происходящих из Северного Причерноморья. Особенно хороша диадема из Карбонары, близ Бари. К плоской ленте, составляющей её основу, прикреплены семь цветов роз, лепестки которых вырезаны из тонкого золотого листа. По технике исполнения она уступает вещам, богато украшенным орнаментами из зерни и филиграни, но в ней привлекает живость и естественность передачи распустившегося цветка. Погребальные диадемы изготовлялись не только из золота, но и из более дешевых материалов. Любопытным образцом подобного типа украшения служит представленная на выставке диадема из густо нанизанных небольших ракушек, сделанных из глины, на которых еще сохранились следы позолоты.

Не ясно назначение уникального памятника, найденного в 1930 г. в саркофаге в Таренте. Это исполненное из бронзы изображение двух сжатых рук, украшенных золотыми браслетами в виде спирально извивающихся змей. Подобные изображения отдельных частей человеческого тела считаются вотивными, однако здесь есть одна необычная деталь: ладони рук соединены довольно большим шарниром, следовательно, они были подвижными. Проф. К. Кардучи предлагает видеть в этом памятнике щелкун для орехов.

Следует упомянуть также интересные памятники, дающие известное представление о характере работы тарентийских торевтов. Эти два фриза, состоящие из отдельных

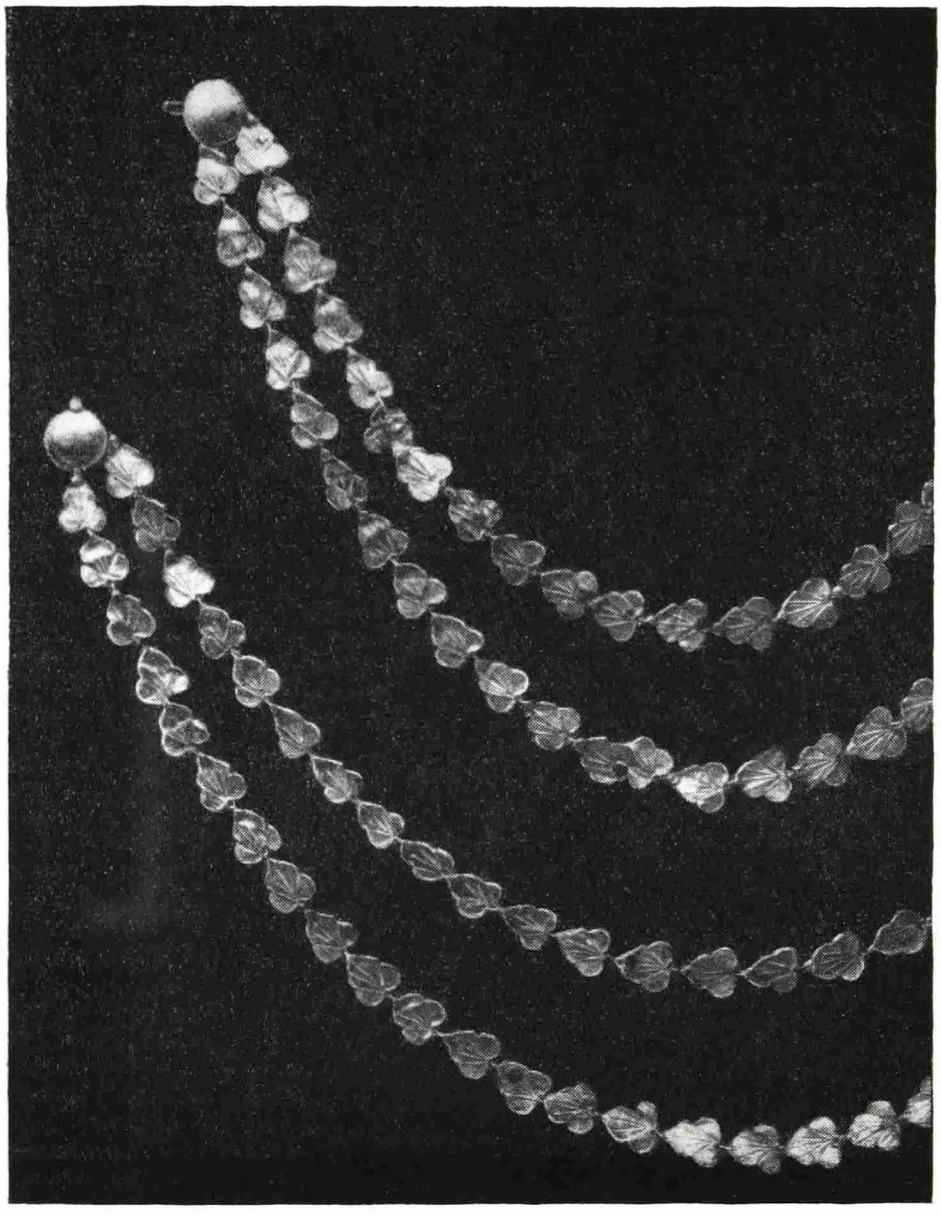


8. Ожерелье с пронизями из изумруда и перламутра из Помпей

рельефно исполненных фигур, служили украшением погребального ложа. Сделанные из терракоты и позолоченные, они, несомненно, подражали дорогим изделиям из золота и серебра. Точные чеканные формы фигур подтверждают их стилистическую близость с изделиями из металла. Для нас особенно интересен сюжет этих рельефов: в одной серии представлен грифон, терзающий лань, в окружении фигур коней и грифонов, в другой — аримасп, сражающийся с двумя грифонами. Использование в этом произведении — несомненно, местного италийского производства — мотивов, характерных для искусства Боспора IV в. до н. э. и эллинизма, свидетельствует об их широкой популярности во всем Средиземноморье.

Наиболее обширный раздел выставки посвящен ювелирному искусству и торевтике Древнего Рима. Строгость нравов и законы против роскоши во времена ранней республики не оставляли места для развития ювелирного дела. С завоеванием Римом богатых областей Италии, а затем и всего Средиземноморья роскошь и богатство все более проникают в жизнь римского общества. Уже в эпоху поздней республики, а особенно с началом империи золотые украшения получают широкое распространение. Мастерские ювелиров и торевтов, среди которых было много греков, возникают в Риме и других центрах Италии. В создании римского ювелирного дела большую роль сыграли богатые традиции искусства Этрурии, а также влияние развитого эллинистического искусства. Тем не менее ювелирное искусство Рима отличается своеобразными особенностями. Важным фактором в его развитии является массовость. Многочисленные мастерские ювелиров выполняли все возрастающие требования своих клиентов, создавая, наряду с роскошными уникальными вещами, недорогие, рассчитанные на рядового покупателя серийные изделия. Наиболее распространенными украшениями в Риме являлись кольца, серьги, браслеты и ожерелья. Кольца в Риме первоначально служили печатью владельца и знаком его достоинства. Предметом украшения они стали лишь в эпоху Империи. На выставке широко представлены образцы римских колец позднереспубликанского и раннеимператорского времени. Для этого периода особенно характерны кольца с резными камнями — геммами. Особенно интересны изображения на геммах. Широко распространены были изображения исторических персонажей (например, гемма из красной яшмы с головой Сократа или гемма с Диогеном в пифосе и сидящим перед ним философом). Нередки исполненные с большим реализмом портреты неизвестных лиц. Встречаются изображения богов (Гелиоса, Ники) и целых мифологических сцен. Любопытны геммы с юмористическими сценками (например, мышь, едущая на повозке, запряженной двумя петухами), а также изображения ремесленников за работой (например, скульптор, высекающий портретную головку). Геммы украшали не только перстни, но и другие ювелирные изделия. Следует отметить застежку превосходной работы с резным аметистом с изображением грифона, преследующего лань; она происходит из погребения II в. н. э. в Риме.

Твердые полудрагоценные камни использовались в Риме не только в качестве резных камней, но и для изготовления других украшений и мелких предметов, связанных с женским туалетом,— коробочек, флаконов для благовоний. На выставке есть несколько изделий такого рода, среди которых выделяются: витые браслеты из молочно-белого халцедона; флакон в виде цикады, выточенный из горного хрусталя; красивая чаша из голубоватого халцедона, украшенная резным орнаментом в виде дубовых листьев. Для Аквилеи, расположенной на оживленном торговом пути, связывавшем побережье Балтийского моря с Южной Европой (так называемый Янтарный путь), характерны изделия и украшения, вырезанные из янтаря. Это крупные кольца, коро-

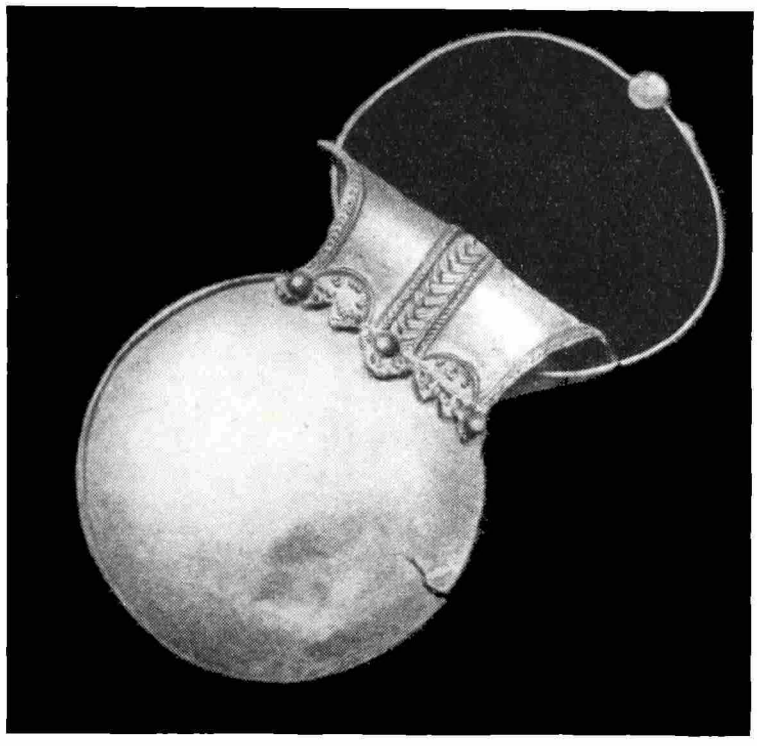


9. Ожерелье из листиков плюща из Помпей

бочки, украшенные скульптурными фигурками нереид, амуров и других мифических персонажей, а также орнаментом.

Значительная часть представленных на выставке памятников римского ювелирного искусства найдена в Помпеях и Геркулануме. Среди них можно найти образцы всех основных типов римских украшений. Помимо колец с геммами в I в. до н. э. распространяются кольца в виде обвивающей палец змейки. Этот тип кольца проник в Рим с Востока. Широко распространены были и браслеты в виде свернувшейся змеи. Очень красив, например, браслет из Помпеи: все тело змеи, сделанное из круглого в сечении золотого прута, покрыто тонко исполненной при помощи гравировки и чеканки чешуей, глаза были вставлены из цветных камней. Высокой декоративностью отличаются парные массивные плоские браслеты той же формы.

Для Рима характерны также браслеты, составленные из сдвоенных полушарий с гладкой блестящей поверхностью. Разнообразны по формам ожерелья и цепи, являвшиеся излюбленными украшениями римских матрон. Широкой популярностью пользовались ожерелья из золота и цветных камней. Особенно красиво ожерелье в виде тонкой плетеной цепочки с вставленными в нее пронизями из изумруда и перламутра (рис. 8). Превосходный набор ювелирных украшений дали раскопки Дома Менандра в Помпеях, проводившиеся в 1930—1932 гг. Комплекс Дома Менандра представлен на выставке. Здесь выделяется своеобразный «гарнитур» римской дамы, состоявший из ожерелья, образованного чередующимися золотыми бусинами и изумрудными пронизями, и парных к нему серег в виде грозди из плотно нанизанных рядов таких же бусин и пронизей. Серьги этого типа (из золота, цветных камней или жемчужин) были



10. Булла из Дома Менандра (Помпеи)

широко распространены в Риме. Вторая пара серег из Дома Менандра сделана из жемчужных гроздей. Изготовляли серьги и других форм: в виде золотых полусфер, гладких или инкрустированных вставками из цветной пасты, в виде золотого крючка с свободно подвешенными к нему жемчужинами. Встречается и эллинистический тип серег с подвеской в виде амура, Гарпократа или миниатюрной амфорки. Эти серьги нередко делались только из золота, без полихромных вставок. Ожерелья также часто делались только из золота. Прекрасным образцом является ожерелье из Помпей, составленное из тонких, штампованных из золотой пластины листиков плюща (рис. 9).

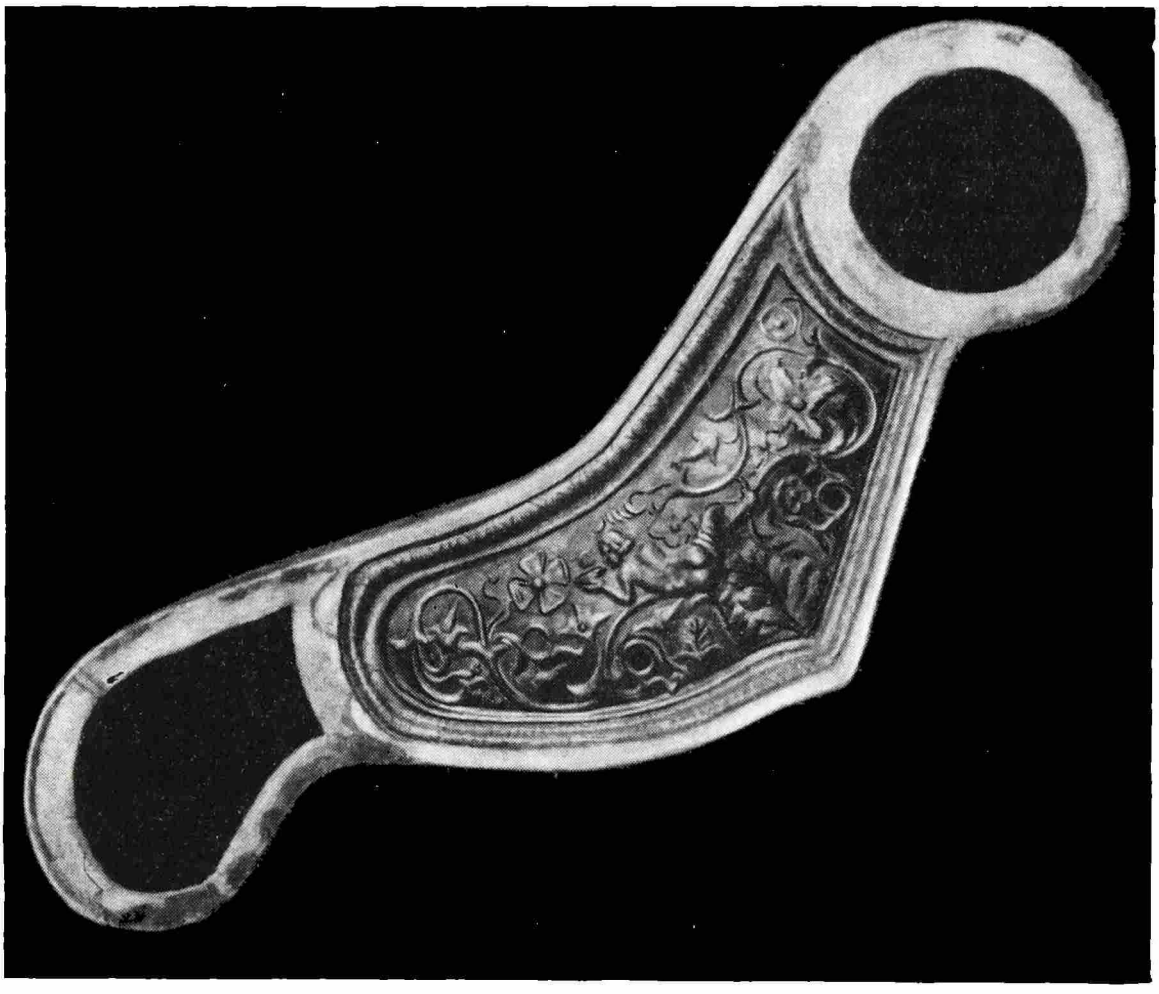
Распространенный в Риме обычай носить на ожерельях различные подвески связан с верой в защитные свойства амулетов, вместилищами которых являлись эти подвески. Так, мальчики, не достигшие совершеннолетия, носили буллы — круглые уплощенные шары из золота, богато украшенные орнаментами из зерни и филиграни. Полые внутри, составленные из двух выпуклых половинок, они содержали охраняющие ребенка талисманы. Этот обычай был заимствован римлянами у этрусков. Прекрасный образец римской буллы найден в Доме Менандра (рис. 10). На выставке представлено несколько статуэток, на которых сохранились золотые браслеты и ожерелья. Особенно интересна большая статуэтка Венеры, снимающей сандальи, найденная несколько лет назад в Помпеях. Украшения, обильно покрывающие её руки и обнаженное тело, нанесены на поверхность мрамора золотой краской.

Большой интерес представляет широко представленное на выставке римское художественное серебро. В эпоху ранней римской империи большое распространение получает роскошная столовая посуда из серебра с рельефными изображениями. Мастера нередко обращались за образцами к классическому искусству Греции, используя в то же время все доступное им богатство форм орнаментики эллинистической эпохи — периода, когда изготовление подобного рода изделий достигло особенно высокого развития в центрах Восточного Средиземноморья. Помпеи и Геркуланум дали ряд превосходных образцов подобного рода изделий. В частности, большой комплекс серебряной столовой посуды был найден в Доме Менандра. Хороши изящной формы кубки на высоких и низких ножках; один из них украшен реалистически трактованными веточками плюща, другие — целыми сценами на бытовые или мифологические сюжеты. На большой серебряной ситуле представлена сцена туалета римской дамы. Тонким орнаментальным декором отличаются разнообразной формы блюда из Дома Менандра. Любопытна большая пиксида, воспроизводящая в серебре форму и фактуру плетеной из соломы корзины.

Превосходным образцом серебряных изделий Рима является массивное зеркало из Дома Менандра. Круглый диск его с обратной стороны украшен исполненным в высоком рельефе женским бюстом. Строгий чистый профиль, живописное исполнение прически этой головки в соединении с ажурным орнаментом, обрамляющим центральный медальон, указывают на то, что это зеркало является работой крупного мастера неоклассического направления.

11. Бюст Люция Вера из клада, найденный в Маренго

12. Часть фриза с изображением римских божеств из клада, найденного в Маренго



13. Оковка изголовья ложа из клада, найденного в Маренго

О серебряных изделиях II в. н. э. хорошее представление дает знаменитый клад, найденный в 1928 г. в Маренго, на Севере Италии, и хранящийся в Турине, в Музее античности. Он состоит из набора различных предметов, преимущественно украшений, мебели и сосудов. Наиболее интересным предметом в кладе является серебряный бюст императора Люция Вера, исполненный в натуральную величину (рис. 11). Это — великолепный образец римской монументальной скульптуры из драгоценных металлов, о широком распространении которой в эпоху империи свидетельствуют античные авторы и которая сохранилась до наших дней лишь в единичных экземплярах. Люций Вер изображен в богато украшенном панцире. Лицо его, обрамленное пышными вьющимися волосами и бородой, смотрит прямо на зрителя, взгляд устремлен вдаль. Парадность и репрезентативность являются отличительными чертами этого типичного образца римского портрета. Большой интерес представляет техника его исполнения: весь бюст сделан из одного тонкого листа серебра, выколоченного на деревянной основе; все детали затем тщательно прочеканены; для исполнения волос применена гравировка. Бюст, несмотря на свой значительный размер (высота 55,3 *см*, ширина в плечах 52 *см*), очень легкий, ввиду тонкости металлического листа.

Клад из Маренго включает несколько больших изогнутых рельефных полос металла, служивших, очевидно, украшением горла монументальных сосудов. Выделяется фриз с изображениями 13 божеств римского пантеона: Минервы, Юпитера, Юноны, Нептуна, Амфитриты, Марса, Меркурия, Венеры, Диоскуров и др. (рис. 12). Фигуры богов, исполненные в высоком рельефе, восходят к известным эллинистическим прообразам и являются хорошим примером классицизма эпохи Антонинов. Четкие чеканные контуры, богатая игра светотени характерны для римского рельефа этого времени.

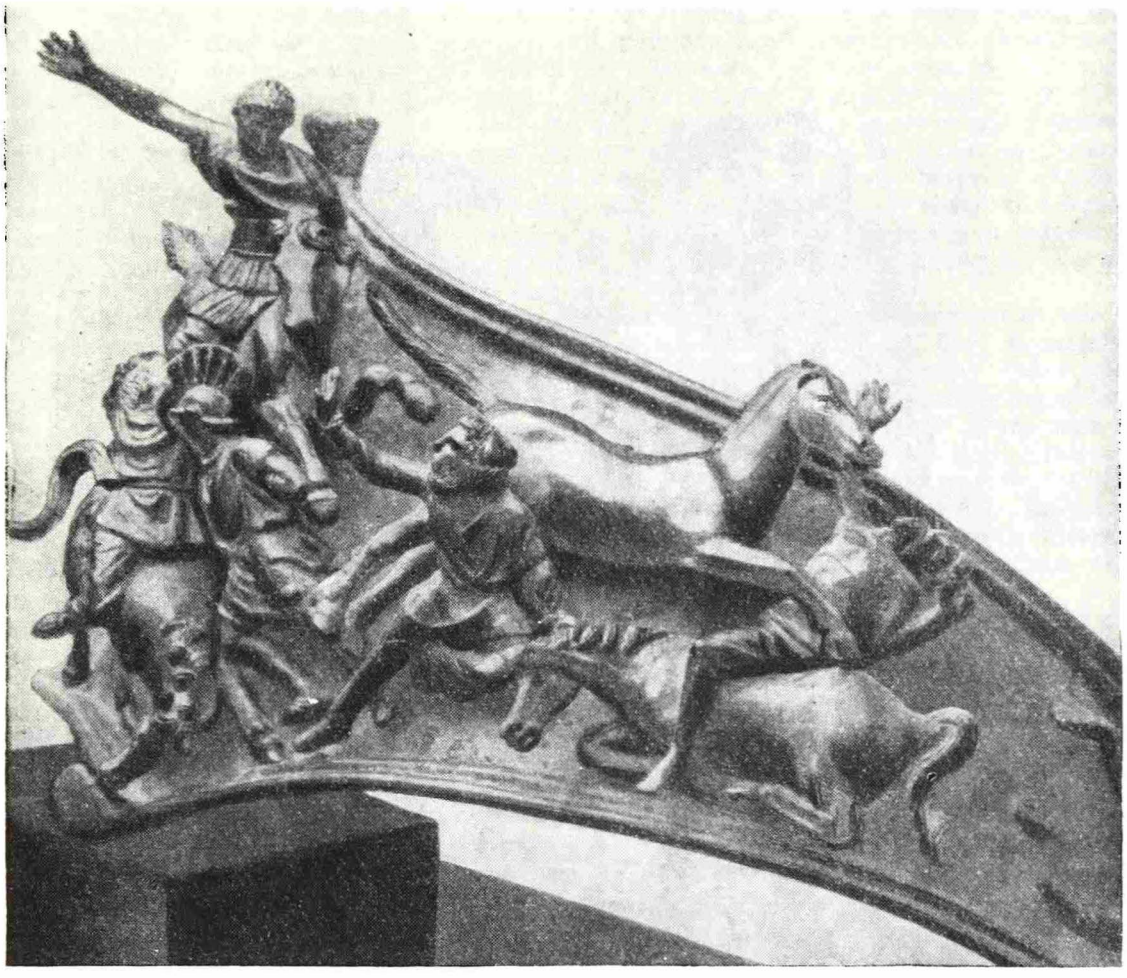
Образцом металлических украшений римской мебели служит происходящая из этого же клада серебряная оковка ложа (рис. 13). Тонкий металлический лист, повторяющий плавные очертания изголовья ложа, украшен тисненым орнаментом причудливо изгибающихся спиральных ветвей, с розеттами и листьями аканфа, среди которых выделяется фигурка лежащей Менады. Из других предметов клада следует упомянуть небольшую четырехугольную пластинку с рельефной посвятительной надписью М. Виндия Вернана (префекта морского флота Флавиев в Мезии) Лучшей судьбе. Пластинка прикреплялась к какому-то вотивному предмету при помощи двух отверстий.

О серебряных изделиях более позднего времени (конца II—III в. н. э.) дает представление большая патера из Парабиаго (рис. 14). Это неглубокое блюдо диаметром 39 *см*. В центре изображены Кибела и Аттис, восседающие на колеснице, запряженной львами; вокруг них — танцующие и ударяющие мечами о щиты Корибанты. Вверху видны колесницы Гелиоса и Селены, внизу — фигуры Океана и Теллуса с их атрибутами и четыре детские фигурки, олицетворяющие времена года. Справа, перед колесницей Кибелы,— полуфигура Атланта, поддерживающего небесный свод в виде колеса, на котором выгравированы знаки Зодиака. Сложность сюжета, передающего представление римлян о космосе, известная перегруженность композиции характерны для искусства III в. н. э. Живописный стиль рельефов и самый их сюжет заставляют считать эту патеру произведением, изготовленным в восточных провинциях Римской империи.

14. Патера из Парабиаго

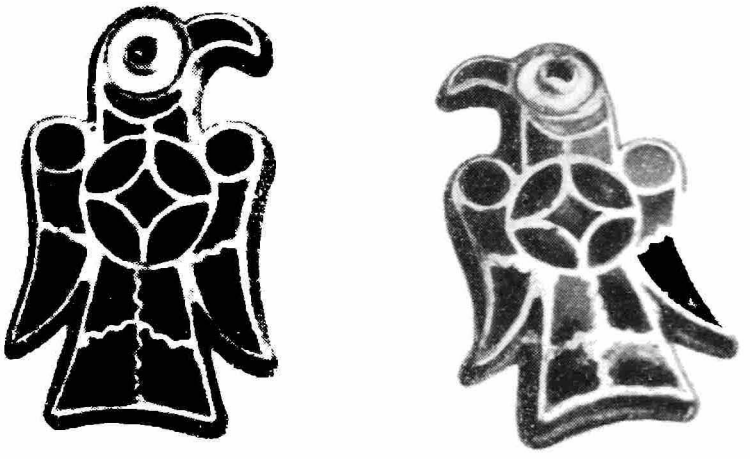
Чисто римскими произведениями, свидетельствующими о высоком развитии торевтики в Риме во II—III вв. н. э., являются балтеи — парадные конские нагрудники, богато украшенные рельефными изображениями. На выставке представлены три балтея — из Аосты, Велии и Брешии, а также отдельные фигурки (часть балтея), найденные в Индустрии (Северная Италия). Балтеи сделаны из бронзы, сохранившей местами следы позолоты. Дошедшие в более полном виде балтеи из Аосты и Брешии отличаются большой тяжестью. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что они служили украшением сбруи не живого коня, а конной статуи.

Сюжет рельефов всех четырех балтей один и тот же, очевидно, традиционный для этого типа изделия: борьба римлян с варварами. В центре вытянутой пирамидальной композиции помещена фигура скачущего на коне императора с обнаженной головой и вытянутой правой рукой. Внизу и по сторонам развертываются сцены единоборства конных и пеших варваров и римлян. Композиционно и стилистически эти изображения находят аналогии в таких монументальных произведениях римского искусства, как рельефы колонн Траяна и Марка Аврелия, а также римские саркофаги с батальными сценами. Наиболее совершенный по исполнению и лучше сохранившийся балтей из Аосты (рис. 15) следует датировать серединой II в. н. э., Балтей из Брешии

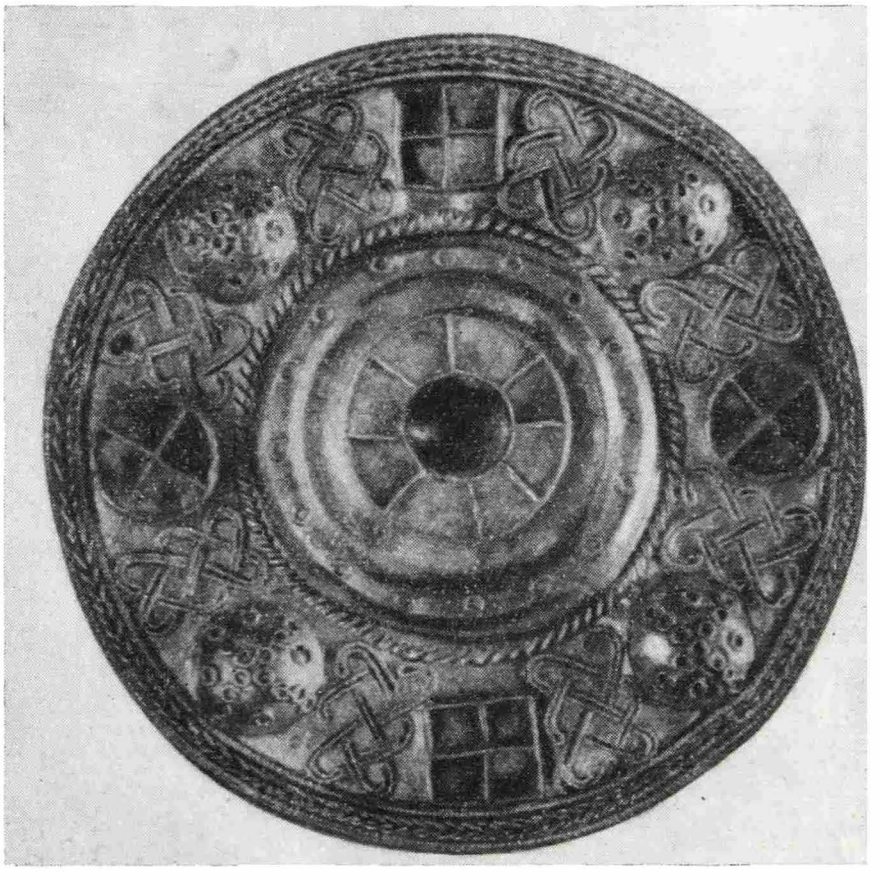


15. Балтей из Аосты

16. Балтей из Брешии



17. Щитки фибул в виде птиц из Рима



18. Щиток фибулы из некрополя Кастель Трозино

(рис. 16) отличается примитивным, обобщенным исполнением и, вероятно, должен быть датирован более поздним временем.

В последнем разделе выставки представлено ювелирное искусство и торевтика позднеантичного времени и эпохи переселения народов. Для ювелирных украшений времени поздней империи характерен отход от пластичности, рост полихромии, выражающийся в усиливающемся применении цветных камней и стеклянных паст. Образцами этого многокрасочного стиля III—IV вв. н. э. являются перстни из Реджио с вставками из граната, изумруда, оникса, аметиста и опала. Нередко на одном кольце соединены два-три камня разных цветов. Золотые изделия обычно сплошь покрываются измельченным, дробным орнаментом. Наряду с массивными золотыми украшениями, например: витыми браслетами из Пармы или арбалетовидной фибулой с надписью, прославляющей цезаря Константина, распространяются изделия из дутого золота, заполненные внутри смоловидной пастой.

Любопытными образцами ювелирного искусства этого времени являются обручальные кольца. На выставке представлено такое кольцо из Кампоре. Оно украшено сдвоенными ромбами, на которых довольно грубо изображены два бюста — мужской и женский. Варваризация вкусов, отмечающаяся в этот период в римском ювелирном деле, связана с началом проникновения в Италию варварских племен. Появляются такие массивные, рассчитанные на внешний эффект изделия, как, например, длинные серьги с подвесками в виде звенящих колокольчиков из Дольяновы. Распространяются большие перстни с грубоватым ажурным орнаментом, окружающим вставки из цветных камней или, реже, гемм. Возможно, что с упадком ювелирного мастерства связан обычай применять в виде медальонов золотые монеты. На выставке представлены два ожерелья с подвесками из монет Галиена и Феодосия.

Образцом серебряных изделий позднеримской империи является большое блюдо из Чесены. Характер украшающих его изображений резко отличается от рельефных декоров более раннего серебра: они плоскостны, исполнены гравировкой с применением позолоты и черни. По краю блюда представлены сцены охоты, а в центре, в круглом клейме — завтрак на лоне природы хозяина загородной виллы (изображенной в нижней части клейма) и его гостей после охоты. Подобные сюжеты были популярны в позднеримском искусстве, особенно в мозаиках. Стиль декора блюда из Чесены предвосхищает ранневизантийское искусство. Возможно, это блюдо является работой мастеров восточноримской империи.

В ювелирных изделиях V в. н. э. находят отражение новые обычаи и художественные вкусы, принесенные в Италию проникшими сюда с севера готскими племенами. С этого периода здесь распространяется техника перегородчатой эмали, заимствованная готами в Северном Причерноморье, куда она проникла из Ирана. Прекрасными образцами ее служат серьги из Реджио с подвесками в виде полумесяцев и других фигур, а также щитки фибул в виде фигурок орлов из Рима (рис. 17), близкие аналогии которым известны в Северном Причерноморье.

После падения государства готов ювелирное искусство достигает нового высокого расцвета у лангобардов, власть которых в VII в. н. э. распространилась на всю Северную и часть Южной Италии. Принятие ими христианства приводит к появлению в их искусстве элементов христианской символики. Крест заменяет медальон в ожерельях. Изображения святых украшают изделия торевтов (например, серебряную шкатулку из Базилики Градо). Высокого развития в VII в. достигает техника перегородчатой эмали. Образцами ее служат круглые фибулы в музеях Турина и Пармы. Нередко она сочетается с тонким филигранным декором, густым кружевом покрывающим поверхность изделия. Такова, например, круглая фибула из некрополя Кастель Трозино (рис. 18). Именно этот некрополь дал превосходные образцы ювелирных изделий того времени. В частности, оттуда происходят ажурные золотые ножны и рукоять кинжала, а также золотые украшения седла, сплошь покрытые исполненным в низком рельефе сложным плетеным узором, в центре которого вырисовывается стилизованная маска. Широко распространены были у лангобардов так называемые пальчатые фибулы, впервые появившиеся еще в предшествующий, готский период. Они также украшены линейным орнаментом. Произведения лангобардских ювелиров завершают многовековой период развития ювелирного искусства и торевтики античной Италии, так полно и разносторонне представленный на выставке.

ОТВЕТ А. Я. БРЮСОВУ

В связи с тем, что в «Советской археологии» (№ 1 за 1963 г.) была напечатана рецензия А. Я. Брюсова на мою книгу, затрагивающая, как он сам пишет, дискуссионные вопросы, считаю целесообразным ответить. Я остановлюсь лишь на главных из них: 1) время и пути первичного заселения Карелии, 2) проблема раннего неолита и взаимоотношение керамики сперрингс с ямочно-гребенчатой, 3) понятие эпохи раннего металла, 4) пути проникновения текстильной керамики в Карелию, 5) типы неолитических жилищ.

1. А. Я. Брюсов ставит под сомнение определение мною ряда памятников Карелии как мезолитических по типам орудий, характеру их обработки, высотному положению, особой стратиграфии, отсутствию керамики и сопоставлению с памятниками Финляндии и Норвегии. Возражения А. Я. Брюсова сводятся к следующему.

Он предлагает специфику кварцевых орудий медвежегорских и финляндских стоянок объяснять кратковременностью посещения людьми этих стоянок, в связи с чем они использовали для своих орудий первый попавшийся им под руки материал. Ввиду отсутствия кремня и благодаря особенностям кварца, не поддающегося, по мнению А. Я. Брюсова, ретушированию, орудия оказались обработанными резцовыми сколами. Однако мощность культурного слоя (15—20 *см*), распространение его на значительной площади и характерная окрашенность охрой требовали для своего возникновения несомненно гораздо большего времени, чем однодневные остановки охотников или рыбаков. Временным характером стоянок нельзя объяснить особый состав орудий и особенности расщепления кварца. Инвентарь медвежегорских и финляндских стоянок резко отличается от неолитических большим количеством резцов, особыми скребками, рабочая часть которых образована рядом сколов, параллельных лезвию, крупными кварцевыми топорами, нуклеусами особой формы. Огромное число стоянок Финляндии с неизменно повторяющимся набором инвентаря, устойчивое высотное положение памятников, яркая окрашенность слоя охрой, наличие скоплений пережженных мелких костей — все это дало основание финскому археологу В. Лухо, бесспорно большому знатоку финляндского материала, выделить мезолит Финляндии [1], что не вызвало сомнений и у других исследователей. А. Я. Брюсов, неоднократно и подолгу бывавший в Финляндии, мог бы легко познакомиться не только с их мезолитом, но и с имеющимся там материалом медвежегорских мезолитических стоянок, что дало бы возможность наглядного сопоставления.

На недоразумении основано утверждение А. Я. Брюсова о том, что специфический прием изготовления кварцевых орудий резцовым сколом, применяемый на мезолитических стоянках, вызван невозможностью обработать кварц ретушью. Известно, что в Карелии, Финляндии и на Кольском полуострове на протяжении всего неолита кварцевые орудия, вплоть до наконечников стрел, изготовлялись при помощи ретуширования. Невероятно, чтобы на одновременно существовавших кратковременных и долговременных поселениях техника расщепления материала была принципиально различной.

Рецензент подвергает сомнению один из важных аргументов датировки — высотные отметки. Допуская значение их для стоянок морского побережья, он пишет: «Внутри же страны могли действовать и другие факторы, в данном случае, например, перекос ванны Онежского озера». Вызывает законное удивление, почему А. Я. Брюсов говорит о влиянии эпейрогонического процесса на стоянки северного побережья Онежского озера лишь в предположительной форме, в то время как это является установленным фактом, доказанным еще Б. Ф. Земляковым в 20-х годах и подтвержденным новыми работами геологов. Именно это и послужило одним из важных аргументов для выделения в Медвежегорском районе мезолитических стоянок. Зависимость археологических памятников от геологических явлений изложена мною в специальной главе (стр. 20—25). Схема относительной датировки памятников Севера по высотным отметкам не поколеблена и продолжает оставаться опорой для хронологического членения материала [2]. Что же касается 32 стоянок без керамики, мезолитический возраст которых вызывает сомнение у А. Я. Брюсова, то даже при беглом просмотре книги видно, что речь идет о неолитических стоянках, на которых не найдено керамики (стр. 177).

Проблема мезолита на севере Европы разработана слабо и потому в значительной мере является дискуссионной. В этом вопросе я меньше всего расхожусь с рецензентом. Будет, однако, более правильным сказать, что мезолит слабо изучен не только в северной Европе, но и на значительной части континента Европы и Азии. Пожалуй, наиболее прочные основы для выделения и хронологии этой эпохи имеет Германия, где многочисленные исследования ряда многослойных памятников в Аренсбургском торфянике [3] позволили не только получить материал с хорошей стратиграфией, но и произвести его датировку по пыльце и радиокарбонным методом. Что же касается территории лесной зоны СССР, то наука о мезолите не вышла из периода накопления фактов. Однако работы А. А. Формозова и доклады по мезолиту на совещании, проведенном в январе 1962 г., показали, что мезолит лесной зоны СССР чрезвычайно разнообразен. Примером этому могут быть стоянки Крыма, Украины, Литвы и Белоруссии с их микролитическим инвентарем геометрических очертаний, с одной стороны, и Сибирь с ее резко выраженными макролитическими формами — с другой. Между ними располагается зона Приуралья, Среднего Поволжья и Верхней Волги с иными чертами материальной культуры. Более того, даже в пределах относительно

небольшой территории Литвы, Белоруссии, Украины, Польши и Германии мезолитические памятники неоднородны [4]. Очевидно, что при сопоставлении материалов мезолитических стоянок необходимо учитывать специфику каждой области. Подходить же с одной меркой, выработанной применительно к западу или востоку,— значит поступать схоластически, значит обеднить историю.

Финляндия и Карелия имеют сходные географические условия, что определило сходство и процесс развития их культуры в древности. Здесь нет месторождений кремня, зато много кварца. Это заставило людей в раннем каменном веке выработать специфические приемы расщепления камня, обусловившие в большой мере и формы орудий, резко отличных от орудий населения областей, богатых кремнем. Поэтому напрасно искать сходство в формах инвентаря стоянок Карелии с инвентарем стоянок Белоруссии или Польши.

Основным аргументом для отрицания карельского и финляндского мезолита для А. Я. Брюсова служит несходство его с мезолитом восточных областей. По его мнению, автор рецензируемой работы ошибается, предполагая возможность первичного заселения Карелии не с востока, а с запада. Восточный мезолит, по А. Я. Брюсову, воплощается в «Голом камне», Золоторучье I и в находках у Тарусы и на Оке.

Что же представляют собой мезолитические памятники, предлагаемые для Карелии в качестве эталона взамен известных уже там и в Финляндии стоянок? Является ли, например, «Голый камень» масштабом, приложение которого к памятникам Карелии определит их мезолитический возраст? Материал «Голого камня» очень аморфен, нетипичен, и не случайно, что сам исследователь его В. М. Раушенбах не нашла ему аналогий ближе, чем в Швеции. «Голый камень» является кремневой мастерской. В Карелии нет своего кремня, и для всего каменного века здесь известен лишь один кремневый топор и не найдено ни одного крупного кремневого нуклеуса. Какого же сходства в типах орудий можно ожидать между упомянутыми мезолитическими памятниками? Это в полной мере относится и к Золоторучью I, крупные орудия которого изготовлены из кремня. Хотя находки под Тарусой мне неизвестны, однако вряд ли мезолитическая эпоха Карелии и Финляндии может быть понята через посредство отдельных случайно найденных предметов. Что же касается подъемного материала с Оки, то отсюда получено большое его количество в результате экспедиции 1961 г. В. П. Любин (начальник экспедиции) и сектор палеолита Института археологии АН СССР, заслушавшие его доклад, пришли к единодушному мнению, что окские местонахождения являются кремневыми мастерскими и не содержат мезолитических форм.

Неубедительны и доводы А. Я. Брюсова о первичном заселении Карелии с территории современных Архангельской и Вологодской областей, поскольку указанные им четыре наиболее ранних памятника не имеют себе аналогий в карельских донеолитических стоянках. Известное сходство прослеживается лишь между Ягорбой и Оленеостровским могильником. Однако наличие в Ягорбе каменной сверленой булавы и костей овце-быка позволяет думать о неоднородности материала. Я не утверждаю, что наши представления о мезолитической эпохе Карелии достигли полной ясности. Я настаиваю лишь на правомерности выделения стоянок Медвежегорского района со специфическим характером инвентаря как мезолитических, имеющих аналогии в Финляндии и — в известной мере — в Северной Норвегии. Однако наличие в Оленеостровском могильнике наконечников стрел, близких к свидерскому типу, заставляет предполагать, что в Карелию, возможно в конце мезолита или в начале неолита, пришло другое население, вооруженное этими стрелами. Это население, вероятнее всего, пришло из Волго-Окского района, потому что на восток от Карелии свидерские наконечники стрел не типичны. Накопление нового материала по мезолиту вскроет более конкретно его содержание. Тогда, очень возможно, так же как и в неолите, выявится наличие не одной, а нескольких этнических общностей, что должно соответствовать содержанию мезолитической эпохи как времени значительных передвижений человеческих коллективов, осваивавших северные районы.

2. Как отмечает А. Я. Брюсов, наши расхождения в определении места керамики сперрингс в карельском неолите не очень значительны. Сущность их заключается в том, что, по мнению А. Я. Брюсова, стоянки с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой одновременны, только первые характерны для северной Карелии, а вторые — для южной. По моему мнению, владельцы керамики сперрингс проникли на территорию Карелии несколько ранее носителей керамики ямочно-гребенчатой. Эти последние пришли в керамику Волго-Окского междуречья, хотя разрыв между этими двумя волнами населения во времени не был значительным. При этом я допускаю возможность генетической связи керамики сперрингс с местной мезолитической культурой. Мои аргументы следующие: 1) стоянки с керамикой сперрингс отнюдь не занимают лишь северную Карелию, наоборот — большинство их сосредоточено в южной (см. карту на стр. 155) вплоть до северной части Ленинградской области (район Выборга, Каменногорска, Мельникова); 2) на восточном побережье Онежского озера встречаются стоянки, имеющие только керамику сперрингс или только ямочно-гребенчатую (Муромское I и Муромское II, разделенные 300 *м;* Муромское III и Муромское VIII на расстоянии менее 1 *км;* Пушсовхоз I и Пушсовхоз — не более 400 *м* и др.). Трудно представить себе, что этнически различные коллективы, придя одновременно, основали поселки на расстоянии нескольких сот метров один от другого; 3) стоянки с керамикой сперр-

рингс на восточном побережье Онежского озера имеют более высокие отметки; 4) в отдельных стоянках (Коргуба I) керамика сперрингс сочетается с орудиями мезолитического типа, что указывает на генетическую связь между ними.

Поскольку стоянки с чистыми комплексами керамики сперрингс и ямочно-гребенчатыми сосредотачиваются преимущественно на восточном побережье Онежского озера, а на западе преобладают стоянки со смешанной керамикой, следует полагать, что основная масса владельцев ямочно-гребенчатой керамики из Волго-Окского бассейна устремилась на Онежско-Ладожской и Карельский перешейки. К востоку от Онежского озера продвижение было несколько замедленным, в силу чего племена с керамикой сперрингс продержались дольше и часть их была, вероятно, ассимилирована. Существенно наличие здесь в известной мере смешанного орнамента. На стоянках Вой-наволок V и Челмужская I прослеживается соединение ямочного узора с отступающим штампом и оттисками шнура, характерного для керамики сперрингс.

3. По мнению А. Я. Брюсова, в различном наименовании одной и той же эпохи (я называю ее ранним металлом, он — поздним неолитом) не содержится разногласий. С моей точки зрения, расхождения здесь отнюдь не терминологические, а имеют глубокое принципиальное значение. В споре о том, называть ли целую историческую эпоху, длившуюся более тысячелетия, неолитом или эпохой металла, кроется различное понимание всего исторического процесса, протекавшего на Севере.

Все поселения Карелии, характеризующиеся коренными изменениями в инвентаре, форме и характере орудий, технике их обработки, наличием поздних типов наконечников стрел, скребков и т. д., а также текстильной и штрихованной керамики, предметов выплавки металла (льячек, остатков самого металла в виде шлаков), бронзовых и железных предметов, А. В. Брюсов предлагает называть поздним неолитом, поскольку в этих поселениях металлические орудия не образуют хронологически-типологических рядов. Не имея возможности развернуть всю аргументацию неприемлемости этого положения, отошлю читателя к стр. 81—112 моей книги. Здесь же подчеркну лишь, что непризнание эпохи металла означает отрицание права народа — в данном случае финского — на свою самобытную историю, развивавшуюся прогрессивно. Оно означает также утверждение, что предки его, в отличие от предков других народов, не участвовали в общем процессе развития, а продолжали оставаться на стадии каменного века. История древнего населения Карелии была неизмеримо сложнее.

На протяжении каменного века и эпохи раннего металла этнокультурные массивы меняли свои очертания. Этнические пласты накладывались один на другой, не совпадая точно в своих границах. Однако в указанное время отчетливо выступают две тенденции: 1) этнокультурное единство с племенами, обитавшими к западу, в восточной Финляндии, и 2) единство с племенами, обитавшими к юго-востоку от нее, в Верхнем Поволжье. Первая представлена памятниками мезолита, раннего неолита (керамика сперрингс) и раннего металла (поздняя асбестовая керамика); вторая — неолитической типично ямочно-гребенчатой керамикой и, в период раннего металла, текстильной керамикой. Эти в известной мере различные племена, смешиваясь на определенных этапах, создавали свою самобытную культуру. Однако единой карельской культуры, как она представлялась ранее, с момента заселения этой территории и вплоть до конца неолита, за которым следовал hiatus, не существовало. О своеобразной карельской культуре можно говорить лишь на относительно коротком этапе развития неолита и на определенном отрезке времени периода раннего металла. Такая самобытная культура могла быть выработана только через известный промежуток времени после ассимиляции аборигенов пришлым населением.

4. А. Я. Брюсов не может согласиться с моим предположением, что племена с текстильной керамикой продвинулись в Карелию из Верхнего Поволжья. По его мнению, они пришли с территории современных Архангельской и Вологодской областей. Как следует из карты на стр. 166, наиболее густо насыщенными поселениями с текстильной керамикой являются Верхнее и Среднее Поволжье, в то время как Вологодская и Архангельская области — периферия. На протяжении эпохи неолита между племенами этих областей и карельскими племенами прослеживались общие черты, родившиеся в результате общения, но было много и различий подчеркивающих наличие двух этнических общностей. Эти различия не исчезли и в эпоху раннего металла.

При заселении Карелии пришельцами с востока стоянки с текстильной керамикой неизбежно должны были бы иметься в большом количестве в восточной Карелии. В действительности же основная масса их размещается в юго-западной Карелии, в юго-восточной Финляндии и в северо-западной части Ленинградской области (по рекам Волхову, Паше и др.). Неолитические племена Карелии, судя по материалу, не утратили связи со своими прежними сородичами и использовали в эпоху раннего металла те же удобные для передвижения водные пути. Передвижение людей на территорию, занятую другими племенами, происходило в силу каких-либо глубоких причин — крупных стихийных бедствий, вторжения более сильных иноплеменников или перенаселения. Следует думать, что, несмотря на относительную густоту населения территорий современных Архангельской и Вологодской областей, они были столь велики по размеру, что предоставляли возможность расширяться в их пределах. Иное дело в Верхнем Поволжье, которое подвергалось многократному заселению со стороны различных этнических групп, приходивших туда нередко почти одновременно. Вследствие ограниченного количества благоприятных для жизни мест в пределах одного поселения, например, в Костромском Поволжье, встречаются слои неолита с

льяловской и балахнинской керамикой, керамика волосовского типа, фатьяновская, поздняковская и, наконец, особая местная, в которой отчетливо прослеживается влияние Среднего Поволжья и срубной культуры. Очевидно, древнее население здесь было пестрым в этническом отношении. Под воздействием пришельцев часть местных жителей ассимилировалась, а другая вынуждена была постепенно передвигаться в новые места, в частности в северо-западном направлении — на Ладожско-Онежский перешеек до средней Карелии, а частично по крупным рекам в северные ее районы. Отдельные группы продвинулись до юго-восточной Финляндии и восточной Эстонии.

5. Рецензент затронул общий вопрос о существовании в неолите жилищ, углубленных в землю, и частный — о признании мной жилищем ямы на стоянке Курмойла I. Основным аргументом по первому вопросу является утверждение, что люди, умевшие строить деревянные свайные дома, не стали бы сооружать землянок. Одно из своих доказательств А. Я. Брюсов приводит в форме вопроса: «...почему во всех случаях раскопок торфяниковых стоянок обнаруживаются следы наземных деревянных жилищ?» Ответ очень прост — потому, что в болоте нельзя выкопать землянку, она тотчас же будет залита водой. Став на позицию рецензента, как объяснить остатки землянок на многочисленных стоянках: Гавриловской, Федоровской, Яне, Лавамяки, Панфиловской, Хуторе Астраханцеве и многих других? Реальность выводов археологов подтверждается большим этнографическим материалом. У ряда северных народов до самого последнего времени существовали полуземлянки и землянки в ряде случаев вместе с другими типами надземных жилищ. Например, ханты имели сруб из досок, прямоугольный сруб, прямоугольные срубы на сваях и полуподземный сруб; селькупы — землянки и конический шалаш; кумандинцы — землянки; нанайцы — шалаш сферической формы, шалаш из гнутых дуг, прямоугольный шалаш, конический, шалаш, покрытый травой, фанзу, землянку; нивхи — шесть типов жилищ, а среди них жилище на сваях и землянку [5]. Что же касается наличия жилища на Курмойле I, то против предположения А. Я. Брюсова о хозяйственном назначении ям свидетельствуют очаги внутри их и отсутствие каких-либо следов от наземных построек. Следы от очагов и мелких хозяйственных ям обычно выражены очень отчетливо.

Из мелких замечаний отвечу лишь на некоторые, поскольку они неверно ориентируют читателя. Например: 1) вторая часть книги не представляет собой «описание материала», как указывает А. Я. Брюсов, а является исследованием. В нее вынесен для удобства читателя исчерпывающий анализ памятников, из которых многие полностью исследованы на большой площади, и даны вытекающие из этого выводы: датировка на основе типологического метода и геологических данных, аналогии с другими поселениями, особенности материала и др. В ряде случаев известные ранее памятники (стоянка Иностранцева, Лахта) переосмыслены, в них выделены различные по времени и в этнокультурном отношении комплексы. Здесь же дан очерк памятников западного Приладожья, написанный на основании финской литературы и изучения коллекций, хранящихся в г. Хельсинки; 2) поскольку материал большинства памятников публикуется впервые, в книге воспроизведен возможный максимум изображений инвентаря. Разрезы и планы даны там, где они имеют принципиальное значение (стр. 279, 321, 331, 333, 335, 336 и др.). Когда культурный слой залегает непосредственно под почвой, а мощность его не превышает 30—40 *см* и он однороден, то достаточно его описания, а читателя можно отослать к подробнейшей документации в архиве Института археологии, которая доступна; 3) рецензент укоряет автора, что он не дает изображений льячек из Усть-Рыбежна II, а читатель находит их на рис. 107, 184, *22*; 4) в Панфиловской стоянке не одно, как указывает А. Я. Брюсов, а действительно три жилища, и одно из них раскопано лишь частично [6].

Хочется, чтобы дискуссия велась по принципиальным вопросам, в споре рождались новые мысли, возникали правильные решения, которые двигали бы науку вперед, а не возвращали бы ее вспять из желания отстоять старые, опровергнутые фактами гипотезы. Нельзя уже больше представлять себе, что вся древняя история Карелии воплощалась в неолите, не имеющем корней на месте и существовавшем вплоть до X в. История ее была отнюдь не менее сложной, чем история других народов, и протекавшие здесь процессы развития человеческого общества ничем, в сущности, не отличались от процессов, происходивших на соседних с этой страной территориях.

Н. Гурина

Литература

1. V. Luho. Die Askola-kultura, SMIA, 57, Helsinki, 1956.
2. E. Hyyppä. Beiträge zur Kenntnis der Ladoga und Ancylustransgression. «Bull. Comm. geol. Finl», N 128, 1943.
3. A. Rust. Die Jungpaläolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg, Neumünster, 1958.
4. Тезисы докладов, прочитанных на мезолитическом совещании в январе 1962 г. Р. Римантене, Н. Н. Гуриной, Л. Я. Крижевской, Д. Я. Телегиным и др.
5. «Историко-этнографический атлас Сибири». М.— Л., 1961, стр. 164, 165, 166, 174, 187, 188, 193, 194.
6. В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. «Тр. Владимирского гос. обл. музея», II, 1925, стр. 8—9, план 2.

А. С. БАШКИРОВ

1 января 1963 г. в Москве скончался профессор, доктор исторических наук Алексей Степанович Башкиров. Родился А. С. Башкиров 19 июля 1885 г. в г. Кукморе Казанской губернии (совр. Татарская АССР). В 1913 г. он окончил Петербургский университет и одновременно Археологический институт. Еще будучи студентом, Алексей Степанович работал в Ольвии у Б. В. Фармаковского и в Херсонесе у Р. Х. Лепера. После окончания университета по рекомендации своих учителей Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева А. С. Башкиров был направлен в качестве научного сотрудника в Русский Археологический Институт в Константинополе, откуда получил трехлетнюю командировку в Грецию, Италию, Францию, Англию и Скандинавские страны для изучения античного и средневекового искусства.

В начале 1917 г. А. С. Башкиров возвратился в Россию и начал работать в Петроградском (ныне Ленинградском) университете. С тех пор и до конца жизни Алексей Степанович вел непрерывную научно-исследовательскую и педагогическую работу. Он читал курсы по античному и средневековому искусству и археологии в Московском университете, в Самарском (ныне Куйбышевском) университете и педагогическом институте, в Калининском и Московском им. Потемкина педагогических институтах. С 1945 г. до конца 1962 г. он работал в Ярославском педагогическом институте им. Ушинского, где заведовал кафедрой всеобщей истории.

В 1945 г. А. С. Башкиров защитил докторскую диссертацию на тему «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР)», изданную в четырех выпусках в 1945—1948 гг. Как эта работа, так и другие исследования Алексея Степановича, касающиеся истории архитектуры, показывают огромную эрудицию и широкий научный диапазон автора в области древнего зодчества. Говоря о специфике строительного искусства Переднего Востока — древних городов Месопотамии и Ирана, автор проводит исторические параллели с Кавказом и Средней Азией, особенно выделяя Дербент и Нису. Под тем же углом зрения разобраны особенности монументального строительства античных городов Юга СССР, следовавшего традициям греко-римской техники, но отличавшегося большим своеобразием.

Изучая памятники средневековой архитектуры Среднего и Нижнего Поволжья, Закавказья и Крыма, автор выделяет и анализирует их характерные черты, далеко не всегда заметные на общем фоне строительного искусства эпохи Византии и Сельджукидов.

Научно-исследовательская деятельность А. С. Башкирова была связана со многими научными учреждениями. В начале 20-х гг. он был директором Самарского краеведческого музея и председателем общества истории, археологии и этнографии при Самарском университете. С 1924 по 1933 г. А. С. Башкиров был сотрудником Государственного Исторического музея, где в середине 20-х гг. заведовал Отделом византийских древностей. С 1924 по 1934 г. Алексей Степанович являлся действительным членом Института археологии и искусствознания и Института народов Востока РАНИОН

и был сотрудником Института художественной промышленности и Академии архитектуры СССР.

А. С. Башкиров организовал более пятидесяти историко-археологических экспедиций в Крым, на Северный Кавказ, в Закавказье, Поволжье, Среднюю Азию. В 1949—1951 гг. для исследования античного городища Патрей на Таманском полуострове он создал объединенный коллектив из сотрудников и студентов московских педагогических институтов (им. Ленина, им. Крупской, им. Потемкина), Калининского и Ярославского педагогических институтов и Саратовского университета. Эти работы были продолжены и в 1960 г. Первая часть отчета А. С. Башкирова о раскопках Патрейского городища в виде монографии вышла в Ярославле в 1957 г., вторая — находится сейчас в печати.

Все, кто по научной или преподавательской работе соприкасался с Алексеем Степановичем, знают, как заражал он окружающих присущим ему творческим энтузиазмом и жизненным оптимизмом. Он готов был всем помочь своим громадным исследовательским опытом. Светлый образ Алексея Степановича навсегда сохранится в нашей памяти.

Н. Пятышева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВАН УРСР — Вісник АН УРСР
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВГФ — Всесоюзный Геологический фонд
ВРГО — Вестник Русского географического общества
ГВН и П — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
Зап. СКОА — Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАИ — Известия на Българския археологически институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАИЧПЕ — Международная конференция Ассоциации по изучению четвертичного периода
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
НПЛ — Новгородская первая летопись
НЗІСН — Наукові записки інституту суспільных наук АН УРСР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОАСА ИА АН УССР — Отдел античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИМК — Сб.: Проблемы истории материальной культуры
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии материальной культуры
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТашГПИ — Ташкентский Государственный педагогический институт
ТВ — Туркестанские ведомости
ТИИА — Труды Института истории и археологии
ТИЭ — Труды Института этнографии
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ДВ ФСО АН СССР — Труды Дальневосточного филиала Сибирского Отделения АН СССР
Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР — Труды Института истории, археологии, этнографии АН Казахской ССР
Тр. КАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УЗКОМСТАРИС — Узбекистанский комитет по охране и изучению старины и искусства
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH — Acta archäologica hungarica
AP — Archeologia Polski
BSPF — Bulletin de la Sociètè prèhistorique française
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
IG — Inscriptiones graecae
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
LTP — Prace Lwówskiego towarzystwa prehistorysznego
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
RL — Real — Lexikon der Vorgeschichte herausgegeben von Max Ebert
SIG — Sylloge Inscriptionum Graecarum. W. Dittenberger
SMYA — Suomen muinais-muistoyhdistyksen aikakauskirja (Helsinki)
WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К 60-летию Т. С. Пассек 5
К. Х. Кушнарева (Ленинград), **Т. Н. Чубинишвили** (Тбилиси). Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. 10
П. М. Кожин (Москва). Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников 25
А. А. Щепинский (Симферополь). Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму 38
Н. Л. Членова (Москва). Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине 48
Я. Розен-Пшеворская (Варшава). К вопросу о кельто-скифских отношениях . 67
В. П. Левенок (Ленинград). Юхновская культура (ее происхождение и развитие) 79
Д. Т. Березовец (Киев). О датировке черняховской культуры 97
В. В. Седов (Москва). Дреговичи 112
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). Балтийско-Волжский путь 126
М. Х. Шмидехельм (Таллин). Некоторые результаты археологических исследований в Советской Эстонии 136
Е. Н. Черных (Москва). Исследования состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа 145

Публикации

О. А. Абибуллаев (Баку). Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане 157
В. Ф. Каховский (Чебоксары). Чурачикский курган в Чувашии 169
М. С. Акимова (Москва). Черепа из Чурачикского кургана в Чувашии . . . 178
А. Х. Халиков (Казань). Стелы с изображением оружия раннего железного века 180
И. Б. Брашинский (Ленинград). Древнейшая ольвийская проксения . . . 191
Ю. Г. Чуланов (Ленинград). Городище Ахсыкет 197

Заметки

Н. Н. Карлов (Днепропетровск). Ручное рубило из Среднего Поднепровья 207
С. Н. Астахов (Ленинград). Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяево на Ангаре 209
Н. Ф. Петриченко (Киев). Позднепалеолитическая стоянка Била на Пруте 215
Н. Д. Праслов (Таганрог). Югинская палеолитическая стоянка в Приазовье 218
И. П. Приходько (Феодосия). Плита с изображением грифона из Фанагории 221
Г. И. Соколов (Москва). Гипсовый портрет из Керчи 222
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Селище Певкин Бугор 224
Э. В. Шавкунов (Владивосток), **Ю. В. Аргудяева** (Улан-Удэ). Когурёский сосуд III в. н. э. 228
Д. М. Атаев (Махачкала). Височные привески с четырнадцатигранником . . 231
С. К. Кабанов (Ташкент). Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья . . . 236
А. П. Рунич (Пятигорск). Катакомбные могильники в районе Кисловодска 241
Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер (Москва). О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая 245
М. Усманов (Казань). О языковых особенностях надписи из Нового Сарая . . 246
Ю. М. Золотов (Москва). Две надписи московских немцев 249

Критика и библиография

Р. М. Мунчаев (Москва). Т. А. Бунятов. Очерки азербайджанской археологии 253
Ю. Г. Колосов (Киев). Некоторые вопросы истории неолита Крыма 257
В. А. Пазухин (Москва). L. Aitchison. A History of Metals 265
А. А. Зимин (Москва). В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962 г. . . 272
С. А. Плетнева (Москва). М. И. Артамонов. История хазар 279
Г. Ф. Корзухина, Д. А. Мачинский, О. В. Овсянников, М. А. Тиханова (Ленинград). Археологический сборник, вып. 4, Славянские древности 284

Хроника

Т. С. Пассек (Москва). Румыно-советский семинар по проблемам первобытной археологии 291
Н. А. Сидорова (Москва). Выставка «Золото и серебро античной Италии» . 295
Н. Н. Гурина (Ленинград). Ответ А. Я. Брюсову 312
А. С. Башкиров 316

SOMMAIRE

Pour le soixantième anniversaire de T. S. Passek 5

Articles

K. Ch. Kouchnareva (L é n i n g r a d), **T. N. Tchoubinichvili** (T b i l i s s i): La signification historique du Caucase du Sud au III millénaire av. n. ère 10
P. M. Kojine (M o s c o u): La chronologie des amphores sphériques fatianoviennes. . . 25
A. A. Chtchepinski (S y m p h é r o p o l): Monuments de l'art de l'epoque du métal antérieur en Crimée 38
N. L. Tchlenova (M o s c o u): Monuments de la période karassouk-tagar dans la dépression de Minoussinsk. 48
I. Rosen-Pszeworska (V a r s o v i e): Sur la question des relations entre les Celtes et les Scythes 67
V. P. Levenok (L é n i n g r a d): La civilisation ioukhnovienne 79
D. T. Beresovetz (K i e v): Sur la datation de la civilisation tcherniakhovienne 97
V. V. Sedov (M o s c o u): Les Dregovitches 112
V. B. Vilinbakhov (L é n i n g r a d): Le route Mer Baltique — Volga 126
M. H. Schmiedehelm (T a l l i n): Quelques résultats des recherches archéologiques en Esthonie Soviétique 136
E. N. Tchernykh (M o s c o u): Sur l'origine du métal 145

Publications

O. A. Abiboullaev (B a k o u): Quelques résultats de l'exploration de la colline Kul-Tepé en Azerbaïdjan 157
V. F. Kakhovski (T c h e b o x a r y): Le tumulus Tchouratchikien en Tchouvachie. . 169
M. S. Akimova (M o s c o u). Crânes du tumulus Tchouratchikien 178
A. Kh. Khalikov (K a z a n): Stèles à image des armes 180
I. B. Brachinski (L é n i n g r a d): Proxénie la plus ancienne d'Olbie 191
I. G. Tchoulanov (L é n i n g r a d): Gorodichtché Akhsyket 197

Notes

N. N. Karlov (D n i e p r o p e t r o v s k): Coup de poing de la région du moyen Dniepr 207
S. N. Astakhov (L é n i n g r a d): Station paléolithique sur Angara. 209
N. F. Petritchenko (K i e v): Station paléolithique Bila. 215
N. D. Praslov (T a g a n r o g): Station paléolithique dans la région du Mer d'Azov. . 218
I. P. Prikhodko (T h é o d o s i e): Stèle à image de griffon de Phanagorie 221
G. I. Sokolov (M o s c o u): Portrait plâtreux de Kertch 222
R. L. Rosenfeldt (M o s c o u): Selichtché Pevkine Bougor 224
E. V. Chavkounov (V l a d i v o s t o k). **I. R. Argoudiaeva** (O u l a n - O u d é): Le vase de Kogoureu (Corée) du III siècle 228
D. M. Ataev (M a k h a t c h k a l a): Pendeloques à quatorze facettes 231
S. K. Kabanov (T a c h k e n t): Sépulture de guerrier dans la vallée de Kachka-Daria 236
A. L. Rounitch (P i a t i g o r s k): Nécropoles à catacombes près du Kislovodsk 241
G. A. Fedorov-Davydov, I. S. Vaïner (M o s c o u): Sur l'inscription et le dessin à l'os de Novy Saraï 245
M. Ousmanov (K a z a n): Sur les particularités de langue de l'inscription de Novy Saraï. 246
I. M. Zolotov (M o s c o u): Deux insrcrptions des Allemands Moscovites 249

Critique et Bibliographie

R. M. Mountchaev (M o s c o u): T. A. Bouniatov. Aperçu d'archéologie d'Azerbaïdjan. 253
I. G. Kolosov (K i e v): Quelques problèmes de l'histoire du Néolithique de la Crimée. 257
V. A. Pazoukhine (M o s c o u): Aithison Leslie. A History of Metals 265
A. A. Zimine (M o s c o u): V. L. Vanine. Les possadniks novgorodiens. 272
S. A. Pletneva (M o s c o u): M. I. Artamanov. Histoire des khozares 279
G. F. Korzoukhina, D. A. Matchinski, O. V. Ovsiannikov, M. A. Tikhanova (L é n i n g r a d). Recueil archéologique N 4 Antiquités slaves 284

Chronique

T. S. Passek (M o s c o u). Symposium roumain-soviétique consacré aux problèmes de l'archéologie préhistorique 291
N. A. Sidorova (M o s c o u): Exposition d'or et d'argent d'Italie antique à Moscou. 295
N. N. Gourina (L é n i n g r a d): Réponse à A. I. Brussov. 312
A. S. Bachkirov 316

В Издательстве Академии наук СССР

недавно вышли в свет книги, подготовленные Институтом археологии Академии наук СССР

Пассек Т. С., Черныш Е. К. **Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. Свод археологических источников.** 10 л. 23 табл. 91 коп.

Впервые публикуется обзор и дается научная характеристика памятников культуры линейно-ленточной керамики, обнаруженных на территории СССР. Эта культура принадлежит неолитическим племенам Дунайского бассейна и до последнего времени изучалась только на территории Средней Европы.

Источниками исследования являются как материалы старых раскопок, так и материалы из раскопок авторов, произведенных на поселениях у с. Флорешты, Цыра и др. в Молдавской ССР и с. Незвиско, Торское в УССР. В выпуске дается сопоставление этих памятников с дунайскими и среднеевропейскими. На основе стратиграфии некоторых памятников устанавливается их относительная датировка среди неолитических культур V—III тысячелетий до н. э. Выделяются две хронологические группы памятников культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР.

Славяне накануне образования Киевской Руси. Материалы и исследования по археологии СССР, № 108. 30 л. 2 р. 55 к.

Сборник является первой исчерпывающей сводкой, объединяющей статьи, посвященные древнеславянским памятникам, которые предшествуют расцвету культуры Киевской Руси. В томе описаны поселения и городища, публикуются новейшие материалы VI—VIII вв. н. э., полученные в результате раскопок. Монографическое исследование этих материалов представляет интерес для археологов, историков, этнографов, филологов и научных работников других специальностей, интересующихся проблемами происхождения и сложения культуры славянских племен.

Бадер О. Н. **Балановский могильник.** 30 л. 1 р. 68 к.

Монографическое исследование археологического материала, добытого в 1934—1960 гг. автором при раскопках Балановского могильника. На основе тщательного анализа показывается значение этого уникального памятника культуры эпохи бронзы, устанавливается его взаимосвязь с фатьяновской культурой, дается датировка, периодизация, а также показывается происхождение «балановских» памятников. Воссоздаются образ жизни, хозяйство и общественный строй людей «балановской» культуры. Издание богато иллюстрировано.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ и «АКАДЕМКНИГА»

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, магазин «Книга — почтой»
или в ближайший магазин «Академкнига»

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); Москва, 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Новосибирск, Красный проспект, 51

«АКАДЕМКНИГА»